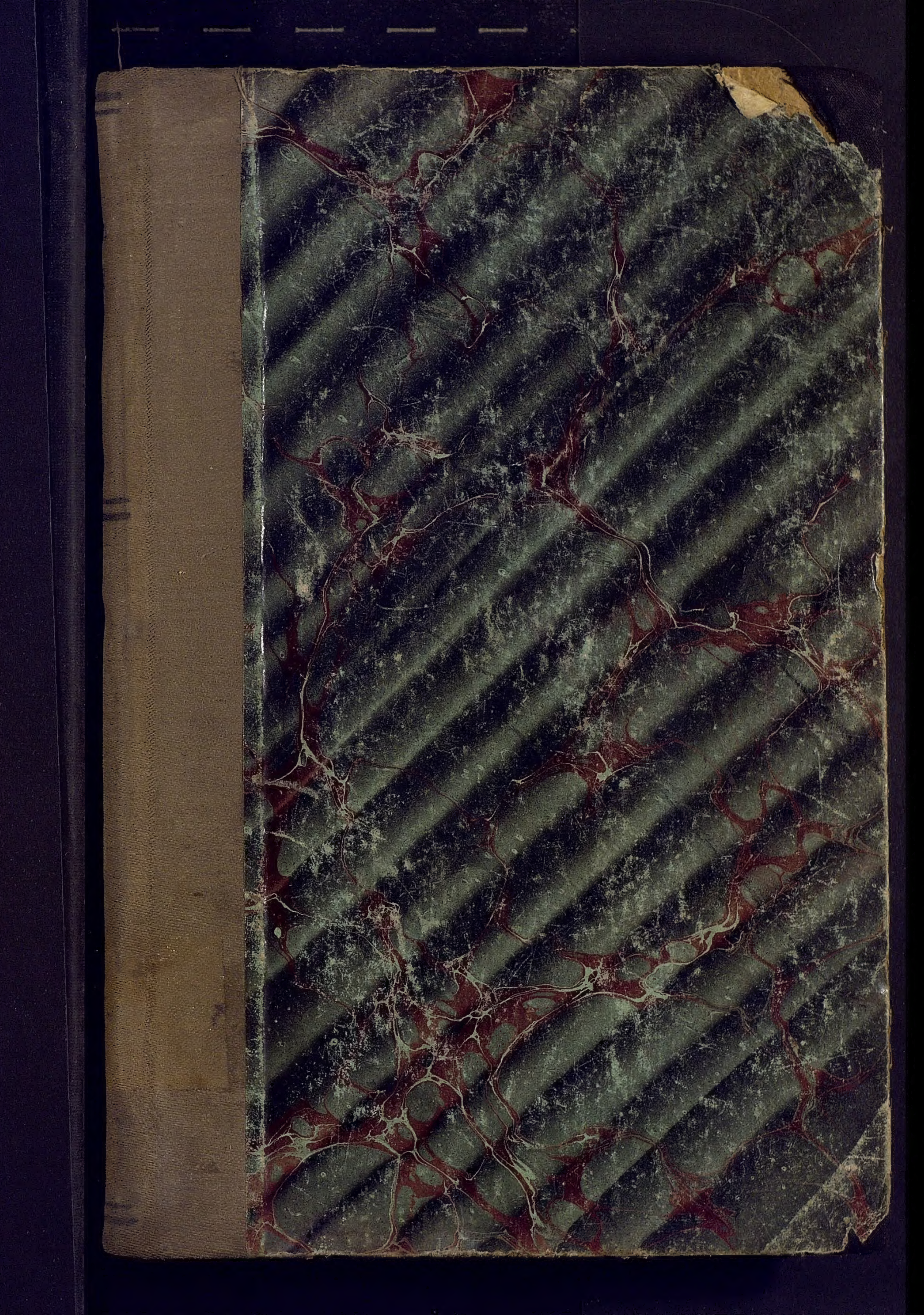

Карта дл

Фамилія Д

Имя и отчество

Адресъ М.

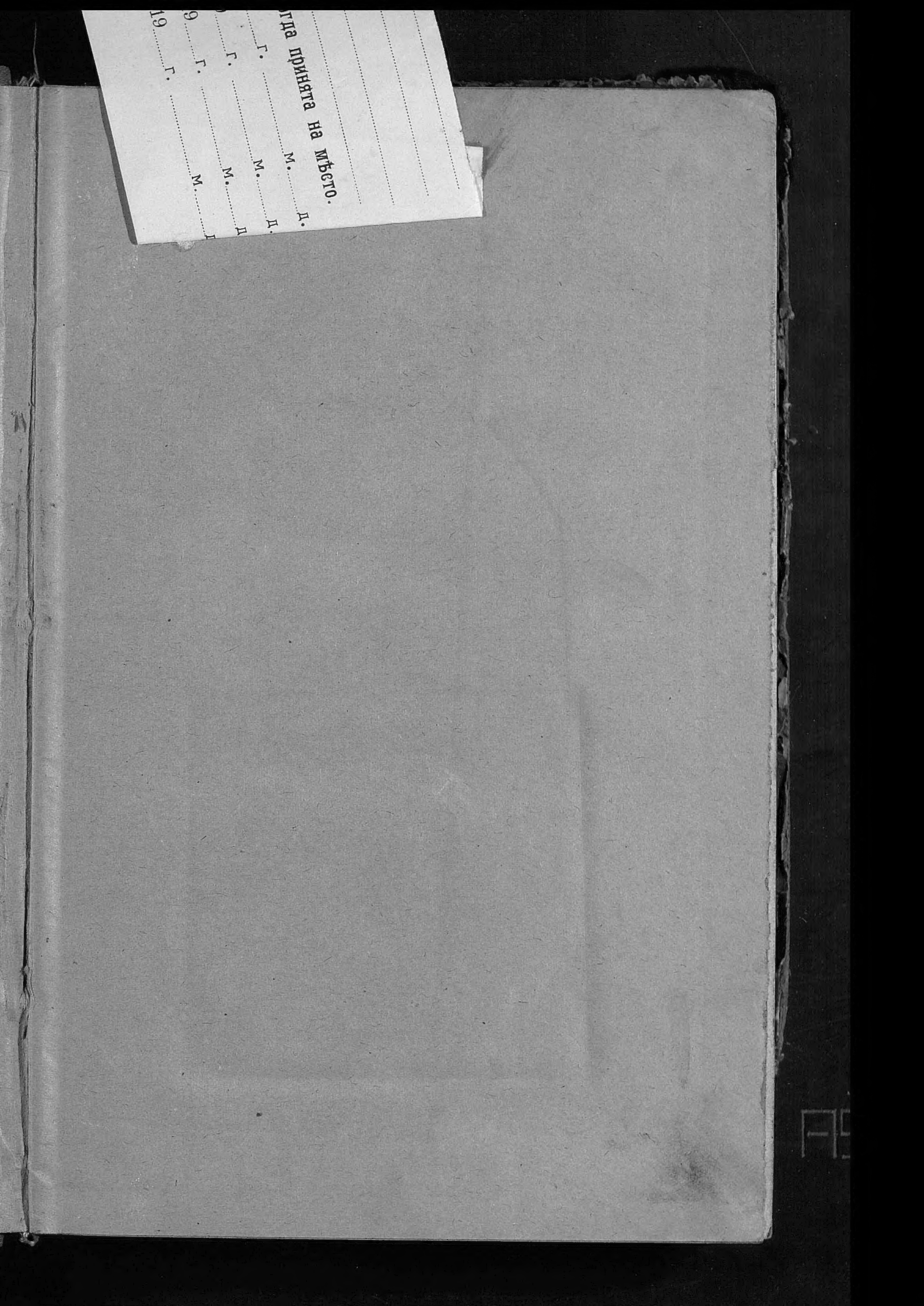
Къ кому обратиться

Послана.

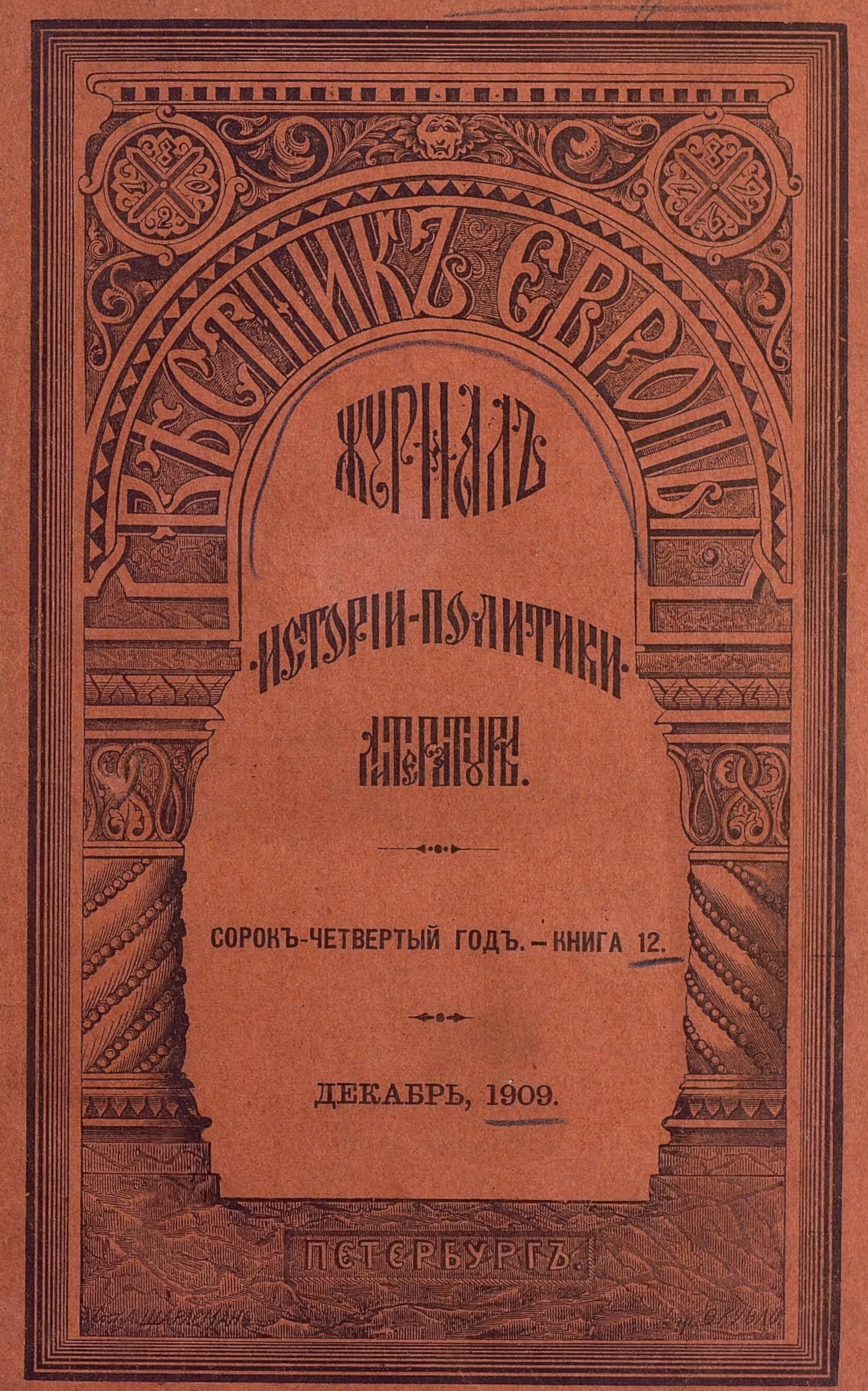
a) 191/ г. Сент м.

b) 191 г. м.

c) 191 г. м

принята на мѣсто.

На 5 дней

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1909.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Объявленіе о подпискѣ на „Ниву" на 1910 г. и „Иллюстрированную Библіотеку Нивы" на 1910 г., „Большой Всемірный Настольный Атласъ Маркса" и о другихъ изданіяхъ Т-ва А. Ф. Марксъ въ Спб.; 2) Объявленіе (съ почтовымъ переводомъ) о подпискѣ на „Московскій Еженедѣльникъ" на 1910 г.; 3) Объявленіе о новыхъ изданіяхъ книгоиздательства О. Н. Поповой, и 4) Проспектъ журнала „Вѣстникъ Европы" и переводный бланкъ.

МИЛЬТОНЪ

КАКЪ

ПОБОРНИКЪ НАРОДНАГО САМОДЕРЖАВІЯ

И

АВТОНОМІИ ЛИЧНОСТИ

Окончаніе *).

Съ момента провозглашенія республики и суда надъ королемъ для Мильтона возникъ новый предметъ для разсужденій. Отъ нравственныхъ и педагогическихъ трактатовъ онъ переходитъ къ политическимъ, ставя прежде всего вопросъ о самой природѣ тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ правителямъ вообще и королямъ въ частности. Этой темой Мильтонъ задался по собственному почину и въ то время, когда только ставился вопросъ о судѣ надъ Карломъ I. Но сочиненіе вышло уже послѣ его казни и потребовало поэтому отъ автора дополнительныхъ замѣчаній. Мильтонъ ставитъ себѣ задачей доказать, что во всѣ времена считалось законнымъ призвать тирана къ отвѣтственности и подвергнуть его заслуженной карѣ. Полемизируя съ тѣми членами парламента, которые принадлежали къ партіи пресвитеріанъ и высказывались противъ суда надъ королемъ, Мильтонъ говоритъ, что это тѣ самые люди, которые и подали всего ранѣе

---

*) См. ноябрь, стр. 121.

примѣръ такого привлеченія монарховъ къ отвѣтственности. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій онъ болѣе опредѣленно говоритъ, кого онъ имѣлъ въ виду, заявляя это: онъ указываетъ на Нокса и на его роль въ дѣлѣ Маріи Стюартъ и тѣмъ оправдываетъ направленное имъ ранѣе обвиненіе противъ пресвитеріанъ въ неискренности и противорѣчіи съ самими собою. Свое положеніе объ отвѣтственности правителей и монарховъ Мильтонъ выводитъ изъ болѣе общаго положенія о прирожденной свободѣ людей, о принадлежности, поэтому, верховной власти никому помимо народа и о невозможности видѣть въ сановникахъ и короляхъ что иное, какъ его уполномоченныхъ. Гдѣ искать источникъ такой доктрины? Я полагаю, что въ поискахъ за нимъ нѣтъ основанія восходить далѣе манифеста, обнародованнаго Долгимъ Парламентомъ вслѣдъ за установленіемъ республики. Еще ранѣе 4-го января 1649 г. остатки того, что ранѣе было Долгимъ Парламентомъ, въ числѣ пятидесяти-шестидесяти членовъ одной палаты общинъ, приняли слѣдующую резолюцію: „Народъ—первоначальный источникъ власти; по его полномочію общины, засѣдающія въ парламентѣ, осуществляютъ верховенство, а поэтому, что̀ будетъ ими постановлено, имѣетъ силу закона и помимо согласія короля и лордовъ“ [1]). Мысли эти были неновы: еще въ XVI в. онѣ нашли выраженіе себѣ у тѣхъ писателей, которые извѣстны подъ прозвищемъ „монархомаховъ“, т.-е., монархоотрицателей. Ихъ доктрина была популярна среди гугенотовъ Франціи и пресвитеріанъ Шотландіи. Выразителемъ ея былъ современникъ Нокса и Маріи Стюартъ, шотландскій юристъ Бухананъ. Большой оригинальности нельзя, поэтому, признать за Мильтономъ, когда онъ говоритъ: „Ни одинъ уважающій себя человѣкъ не можетъ быть настолько глупъ, чтобы отрицать слѣдующее: всѣ люди родились свободными, такъ какъ они являются обликомъ и подобіемъ Божіимъ и милостью Божіей поставлены надъ всѣми тварями, какъ рожденные повелѣвать, а не повиноваться. Въ этомъ состояніи прирожденной свободы они продолжали оставаться до тѣхъ поръ, пока грѣхопаденіе Адама не вызвало раздора въ ихъ средѣ. Пришедши къ убѣжденію, что причиненіе другъ другу вреда и насилій поведетъ къ ихъ истребленію, люди рѣшились связать другъ друга общимъ союзомъ для защиты противъ всякаго, кто своимъ поведеніемъ нарушитъ такое соглашеніе. Этимъ положено было начало городамъ, селамъ и государствамъ. И такъ какъ нельзя было имѣть увѣренности

[1]) См. біографію Кромвеля, написанную Джономъ Морлэемъ, гл. VII, стр. 262.

въ томъ, что договоръ будетъ исполненъ, и положиться въ этомъ отношеніи на одну лишь совѣсть каждаго, то рѣшили установить какую-либо власть, способную силой наказанія воздерживать отъ посягательства на миръ и общее право. Власть эта была предоставлена одному или нѣсколькимъ—королю или сановникамъ; поставлены же они были у власти не для того, чтобы быть господами и хозяевами, но чтобы быть нашими уполномоченными или коммиссарами". Въ дальнѣйшемъ изложеніи Мильтонъ показываетъ, какъ правители стали расширять свою власть въ ущербъ свободѣ подданныхъ и какъ наученные опытомъ люди, не желая болѣе оставлять въ ихъ рукахъ неограниченную власть, создали законы, связывающіе эту власть. Они были частью выработаны всѣми, частью получили отъ всѣхъ свое утвержденіе. Законы же постановили, что тѣ, кто будетъ править людьми, не должны выходить за извѣстные предѣлы въ своемъ начальствованіи. Насколько сановникъ былъ поставленъ надъ народомъ, настолько законъ—надъ сановникомъ. Когда и эти мѣры оказались недостаточными и законы оставляемы были безъ исполненія, людямъ пришлось изобрѣсть новое средство. Они стали требовать отъ королей и сановниковъ, при первомъ вступленіи ихъ въ должность, принесенія присяги въ безстрастномъ отправленіи правосудія и исполненіи закона. Только послѣ принятія такого обязательства правители вправѣ были ждать отъ народа торжественнаго заявленія въ вѣрности, т.-е., готовности связать себя обѣщаніемъ соблюдать договоръ насчетъ исполненія законовъ, созданныхъ самимъ народомъ, или имъ утвержденныхъ. И такія заявленія не разъ сопровождались предупрежденіемъ, что если король или сановники не станутъ придерживаться данныхъ имъ полномочій, народъ будетъ считать себя свободнымъ отъ принятаго по отношенію къ нимъ обязательства. Не довольствуясь одной присягой правителя, народы создали совѣтниковъ и парламенты не для того только, чтобы они стояли за спиною королей и сановниковъ, но и для того, чтобы, заодно съ ними, или и безъ ихъ содѣйствія, заботиться объ общественной безопасности и собираться для этого въ опредѣленные сроки, да и сверхъ того каждый разъ, когда будетъ угрожать какая-либо опасность. Мильтонъ подтверждаетъ послѣднюю мысль ссылкой на французскаго государственнаго дѣятеля Сесселя. „Парламенты, сказалъ онъ, были созданы, чтобы быть уздою для королей". Но разъ мы признаемъ,—пишетъ далѣе Мильтонъ,—что король или сановники держатъ свою власть отъ народа, къ пользѣ послѣдняго, а не къ собственной выгодѣ, то какъ не вывести отсюда, что народъ, каждый разъ, когда

признаетъ это полезнымъ, можетъ или остановить на томъ или другомъ лицѣ свой выборъ, или отречься отъ него, удержать его во власти, или смѣнить его, хотя бы онъ и не былъ тираномъ, „исключительно въ силу свободы и права, права свободнорожденныхъ людей управляться такъ, какъ они считаютъ это лучшимъ“.

Мы сказали уже, что основныя начала только что приведенной доктрины были ходячими въ средѣ передовыхъ протестантскихъ сектъ и защищались не разъ въ печати. Мы можемъ пойти болѣе вглубь вопроса объ источникѣ происхожденія самой доктрины и связать ее съ воззрѣніями кальвинистовъ, пресвитеріанъ и пошедшихъ еще далѣе ихъ въ томъ же направленіи броунистовъ, баровистовъ и цѣлаго ряда другихъ сектъ, обнимаемыхъ понятіемъ неконформистовъ, т.-е., несогласныхъ съ ученіемъ господствующей церкви. Другое названіе для нихъ, не менѣе распространенное въ эпоху Карла I и англійской республики—индепенденты или независимые. Общее всѣмъ имъ въ области церковнаго устройства—это непризнаніе другой власти, кромѣ избранной, власти членовъ церковныхъ совѣтовъ или такъ называемыхъ синодовъ, и поставленныхъ надъ паствою ею самою священнослужителей. Всѣ эти власти, очевидно, дѣйствовали по полномочію и зависѣли, въ отношеніи къ продолжительности своихъ функцій, отъ лицъ, ихъ избравшихъ. Перенесите на государственные порядки ту же систему—и избранная монархія, точно также какъ поставленные на срокъ республиканскіе сановники, окажется идеаломъ политическаго устройства. Мысли, выраженныя Мильтономъ, были ходячими въ его время и въ войскѣ, и въ низшихъ слояхъ буржуазіи, гдѣ большимъ авторитетомъ пользовалась радикальная доктрина такъ называемыхъ „левеллеровъ“ или уравнителей. Мильтонъ несомнѣнно не принадлежалъ къ ихъ числу, но сходился съ ними въ вопросѣ объ источникѣ верховной власти.

Его связывали дружескія отношенія съ полковникомъ Овертономъ, имя котораго стоитъ въ числѣ четырехъ лицъ, подписавшихъ извѣстный памфлетъ, озаглавленный: „Новыя цѣпи Англіи“. Когда Мильтона пригласятъ отъ имени правительства республики написать опроверженіе мыслей, въ немъ высказанныхъ, онъ не сочтетъ возможнымъ исполнить это порученіе, а когда Овертонъ подвергнутъ будетъ задержанію, по распоряженію Кромвеля, Мильтонъ выступитъ ходатаемъ за него. Все это вмѣстѣ взятое указываетъ на то, что ученіе Мильтона вытекло изъ того же приблизительно источника, что и ученіе левеллеровъ.

Они могли и даже должны были разойтись впослѣдствіи, при рѣшеніи практическихъ вопросовъ политики: левеллеры остались неисправимыми идеологами, безусловными сторонниками всенародныхъ выборовъ, даже въ то время, когда охватившая Англію реакція въ пользу Стюартовъ стала грозить существованію республики и сдѣлала возможнымъ упраздненіе ея парламентомъ, созданнымъ путемъ демократическихъ выборовъ. Мильтонъ, наоборотъ, всегда будетъ считаться съ обстоятельствами времени и ставить сохраненіе извѣстныхъ началъ, въ томъ числѣ— свободы совѣсти, выше и независимо отъ того, кто будетъ призванъ править Англіей на республиканскихъ началахъ: лучшая ли, какъ выражается онъ, часть народа, которая для него равнозначительна не аристократіи, а пуританскому меньшинству, создавшему республику и готовому отстаивать ее отъ всякихъ нападокъ и заговоровъ, или собраніе, вызванное къ жизни всеобщимъ голосованіемъ, а потому включившее въ себя и завѣдомыхъ монархистовъ. Этимъ, а не чѣмъ инымъ, надо объяснять позднѣйшее заявленіе Мильтона, въ самый годъ реставраціи Стюартовъ, что ближайшимъ и легчайшимъ средствомъ къ упроченію свободной республики является созданіе пожизненнаго сената, къ участію въ которомъ призваны были бы ставленники испытанныхъ въ своей преданности пуританизму „джентльмэновъ“ отъ всѣхъ и каждаго изъ графствъ Англіи, т.-е., въ концѣ концовъ, то меньшинство, которое сдѣлало республиканскій переворотъ 1648 г.

Но если такимъ образомъ Мильтонъ и „уравнители“ расходились между собою въ средствахъ, въ практическихъ пріемахъ политики, то преслѣдуемыя ими цѣли были одинаковы. Мильтонъ навсегда остался врагомъ наслѣдственной монархіи, какъ показываетъ, между прочимъ, и письмо, отправленное имъ къ Монку, за нѣсколько недѣль до того, когда начальникъ военныхъ силъ Англіи принялъ на свой страхъ возвращеніе Стюартовъ на престолъ. Въ этомъ письмѣ Мильтонъ защищаетъ предложенную имъ систему пожизненнаго сената и излагаетъ кратко содержаніе обнародованнаго имъ „Готоваго и кратчайшаго пути къ упроченію республики“. Онъ говоритъ предводителю войскъ, что ближайшіе выборы должны поставить исключительно людей, готовыхъ высказаться за свободный республиканскій образъ правленія (Free Commonwealth), а выборы могутъ быть такими только въ томъ случаѣ, когда будутъ призваны къ участію въ нихъ важнѣйшіе джентльмэны каждаго графства, сочувствующіе такому порядку и признающіе опасность возстановленія королевской

власти. Въ каждомъ городѣ долженъ быть устроенъ постоянный совѣтъ, также избранный вышеуказанными лицами или, по крайней мѣрѣ, тѣми изъ нихъ, кто по праву уполномоченъ на то, т.-е. имѣетъ избирательный цензъ. Эти мѣстные совѣты въ предѣлахъ всего округа завѣдуютъ интересами правосудія и обсуждаютъ вопросы политики. Тѣ же лучшіе люди графства—Мильтонъ снова называетъ ихъ джентльмэнами,—должны озаботиться выборомъ способнѣйшихъ рыцарей и горожанъ, „связанныхъ съ существованіемъ республики" („engaged for a Commonwealth"). Созванный такимъ образомъ парламентъ будетъ носить впредь названіе „Великаго или Всеобщаго Совѣта націи". Мильтонъ не прочь ограничить его всемогущество требованіемъ, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ принимаемыя имъ рѣшенія становились обязательными только послѣ ихъ утвержденія „Совѣтами по городамъ". „Я доказалъ въ своей книгѣ—пишетъ Мильтонъ,—что совѣтъ государства долженъ быть постояннымъ, и тому имѣются прекрасные образцы" (Мильтонъ разумѣетъ еврейскій синедріонъ, венеціанскій сенатъ и штаты голландской республики, въ которыхъ чиновный элементъ былъ сильно представленъ). „Тѣмъ не менѣе,—прибавляетъ онъ,—еслибы мое предложеніе о пожизненности членовъ Большого Совѣта встрѣтило противодѣйствіе, можно было бы остановиться на системѣ возобновленія состава совѣта по частямъ (partial rotation)" [1]).

Политическая доктрина Мильтона вся въ ея основныхъ чертахъ изложена такимъ образомъ еще въ трактатѣ, написанномъ до того момента, когда правительство республики нашло нужнымъ призвать его къ исполненію высокихъ и отвѣтственныхъ обязанностей одного изъ двухъ секретарей государственнаго совѣта (мы бы сказали: секретаря внѣшнихъ сношеній, хотя буквально его титулъ гласилъ: „секретарь иностранныхъ языковъ"). Мильтонъ продолжалъ еще оставаться въ то время частнымъ человѣкомъ, съ трудомъ зарабатывавшимъ свой хлѣбъ насущный преподаваніемъ и не имѣвшимъ никакихъ оффиціальныхъ связей съ людьми, стоявшими во главѣ республики. Онъ пишетъ свое сочиненіе: „О правахъ сановника и монарха" по собственному почину, высказываетъ въ немъ доктрину общую ему съ пуританскимъ меньшинствомъ и при этомъ обнаруживаетъ знакомство съ политическими теоріями древности, среднихъ вѣковъ и итальянскаго Возрожденія. Хотя въ книгѣ его нельзя найти ссылокъ ни на Аристотеля, ни на Ѳому Аквинскаго, ни на Макіавелли и Джанотти,

---

1) Masson, т. V, стр. 656.

но каждому знакомому съ ихъ мнѣніями едва ли представитъ большую трудность указать, что въ мысляхъ Мильтона надо видѣть отраженіе чужихъ взглядовъ. Очевидно къ Аристотелю и Ѳомѣ Аквинскому надо возвести проводимое имъ различіе между тираномъ и монархомъ. Тиранъ—говоритъ Мильтонъ — это человѣкъ, который, по праву или безъ всякаго права присвоивъ себѣ престолъ, правитъ народомъ не стѣсняясь ни законами, ни соображеніями объ общей пользѣ, преслѣдуя лишь собственную выгоду и выгоду своей партіи. Еще Аристотель предложилъ нравственный критерій для обособленія монархіи, признанной имъ одною изъ правильныхъ формъ правленія, отъ тираніи, являвшейся въ его глазахъ вырожденіемъ первой. Ѳома Аквинатъ принялъ, въ общемъ, ученіе Аристотеля, но онъ, въ то же время, остановился на мысли о двухъ видахъ тираніи: одномъ, когда законный монархъ правитъ противъ интересовъ государства и къ собственной выгодѣ, и другомъ, когда такое начальствованіе осуществляется узурпаторомъ; одного послѣдняго народъ можетъ силою удалить отъ власти. Со времени выхода въ свѣтъ „Князя“ Макіавелли различіе между этими двумя видами тираніи стало сглаживаться столько же въ теоріи, сколько и въ жизни. Итальянскій принципатъ имѣетъ въ основаніи своемъ захватъ власти. Это можно сказать не объ однихъ Медичи во Флоренціи, но столько же о Сфорцахъ въ Миланѣ или Ла-Скала въ Веронѣ. Этотъ порядокъ установленія единоначалія былъ настолько обычнымъ, что Макіавелли говоритъ о принципатѣ, имѣя въ виду именно такихъ узурпаторовъ. Онъ, какъ извѣстно, предлагаетъ цѣлую схему путей и средствъ къ упроченію ихъ власти. Сочиненіе Макіавелли, съ которымъ, какъ мы видѣли, изъ ранѣе приведенной ссылки на записную книгу Мильтона, авторъ „Разсужденія о правахъ королей и сановниковъ“ хорошо былъ знакомъ, не осталось безъ вліянія и на пониманіе Мильтономъ природы тираніи. Этимъ объясняется, почему онъ не различаетъ несправедливаго правителя отъ узурпатора. „Самые принципы человѣческой природы должны подсказать людямъ — пишетъ онъ,—что по отношенію къ обоимъ можно позволить себѣ все, такъ какъ они являются чумою и истребителями человѣческаго рода“—выводъ очевидно далеко не тотъ, какой предлагаетъ Макіавелли, думавшій, что узурпаторъ въ собственныхъ интересахъ долженъ стать закономѣрнымъ правителемъ и тѣмъ упрочить свое владычество. Въ этомъ отношеніи Гоббсъ приблизится къ Макіавелли, рѣзко расходясь въ то же время съ Мильтономъ, въ своемъ трактатѣ „Левіаѳанъ“; въ немъ госу-

дарство сравнено будетъ съ гигантомъ, т.-е. чудовищнымъ по размѣрамъ человѣкомъ. Красной нитью проведена будетъ въ этой книгѣ та мысль, что необходимое людямъ въ интересахъ мира единовластіе можетъ быть упрочено и силою меча. Это заявленіе откроетъ Гоббсу возможность вернуться въ Англію и жить спокойно подъ сѣнью лорда-протектора.

Возвращаясь къ сочиненію Мильтона, мы скажемъ, что оно не могло не привлечь на себя вниманіе пуританъ, устроившихся у власти. Въ протоколахъ государственнаго совѣта этого времени мы читаемъ, подъ 23 марта 1649 г.: „Послѣ того, какъ кресло занято было Брадшо, президентомъ верховнаго судилища надъ Карломъ,—со времени республики сдѣлавшимся предсѣдателемъ ея Высшаго Совѣта,—рѣшено было уполномочить комитетъ, ранѣе избранный, вступить въ переговоры съ Мильтономъ и узнать отъ него, пожелаетъ ли онъ быть секретаремъ иностранныхъ языковъ; другимъ секретаремъ, а именно для англійской корреспонденціи, приглашенъ былъ одновременно Уайтлокъ". Мильтонъ изъявилъ согласіе и ему обѣщано было жалованье въ 288 фунтовъ въ годъ, что̀, по разсчету Masson'a, равнялось бы въ наше время 1.000 ф. стерл., т.-е. 10.000 рублей. Съ этого момента Мильтонъ не только призванъ былъ къ составленію оффиціальныхъ писемъ къ правителямъ различныхъ государствъ Европы и ихъ министрамъ, но сталъ считать своимъ нравственнымъ долгомъ отстаивать правительство отъ всѣхъ нападокъ, направленныхъ противъ него тѣми, кто былъ возмущенъ казнью короля и происшедшимъ въ Англіи переворотомъ. Едва появилась извѣстная контрафакція Филиппса, выдаваемая за собственное произведеніе Карла I и потому получившая греческое названіе: „Эйконъ Базиликъ", т.-е. „икона монарха", какъ Мильтонъ поспѣшилъ отвѣтить на нее памфлетомъ: „Эйконокластъ" или „иконоборецъ". Когда вслѣдъ за тѣмъ извѣстный Сальмазій (Saumaise, по латыни Salmasius) принялъ предложеніе наслѣдника престола написать латинскій трактатъ въ защиту Карла I, противъ него защитникомъ англійскаго народа выступилъ не кто иной, какъ Мильтонъ. Когда новыя анонимныя нападки, исходившія отъ нѣкоего Мура или Моруса, оживили полемику, вызванную Сальмазіемъ, Мильтонъ выступилъ со „второй защитой" того же оскорбленнаго памфлетистами англійскаго народа. Когда, въ промежутокъ между обѣими защитами, Мильтону пришлось въ особой брошюрѣ полемизировать съ манифестомъ, изданнымъ въ Ирландіи предводителемъ королевской дружины, Ормондомъ, онъ опять-таки выступилъ въ роли адвоката республиканскаго правитель-

ства. Посланныя имъ депеши, какъ и частная корреспонденція съ нѣкоторыми выдающимися иноземными политиками, взаимно восполняютъ другъ друга, давая возможность объяснять каждый разъ все написанное имъ исключительно служеніемъ родинѣ, свободѣ и республикѣ. Самые его сонеты, посвященные одинъ—Кромвелю, другой—Вэну, и появившіеся одновременно въ 1652 г., вызваны тѣми же заботами объ обезпеченіи Англіи, вмѣстѣ съ внутреннимъ миромъ и спокойствіемъ, и драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ благъ—свободы.

Вся эта обширная и разнообразная литература внушенныхъ правительствомъ печатныхъ защитъ, оффиціальныхъ бумагъ и частной корреспонденціи даетъ сравнительно немного для характеристики Мильтона, какъ политическаго теоретика. Но она въ высшей степени богата указаніями на то, какъ относился онъ къ важнѣйшимъ событіямъ своего времени и какъ критически оцѣнивалъ поведеніе англійскихъ правителей своего времени даже тогда, когда писалъ сонеты въ ихъ честь или принималъ на себя ихъ защиту противъ нападокъ печати. Въ своемъ „Иконоборцѣ", слѣдуя шагъ за шагомъ за авторомъ „Эйконъ Базилика" и доказывая грубость допущенной поддѣлки, Мильтонъ поставленъ въ необходимость обозрѣть всю дѣятельность Карла I, чтобы оправдать этимъ разборомъ отношеніе къ нему пуританъ. Въ первой, по времени, „Защитѣ" англійскаго народа, онъ, отвѣчая на нападки противъ виновниковъ происшедшаго переворота и установленнаго ими новаго порядка, критикуетъ попутно то пониманіе англійской конституціи, какъ неограниченной монархіи, которое находило себѣ сторонниковъ на континентѣ Европы и отразилось и на содержаніи трактата Сальмазія. Доказывая, вопреки Сальмазію, что англійское правительство и раньше не было чисто монархическимъ, Мильтонъ ссылается на современника Эдуарда VI и Елизаветы, Томаса Смиса, автора сочиненія „Объ Англійскомъ Государствѣ". Этотъ писатель—вслѣдъ за Фортэскью, прибавимъ мы отъ себя,—объявлялъ Англію смѣшанной формой государственнаго устройства, т.-е. такой, гдѣ и дворянство, и народъ, являются соучастниками короля въ осуществленіи верховной власти. Ссылкой на Аристотеля, якобы сказавшаго, что монархіи могутъ держаться только подъ условіемъ такого соучастія, а на самомъ дѣлѣ только указавшаго на возможность и смѣшаннаго устройства, Мильтонъ доказываетъ, что англійскій порядокъ не заключалъ въ себѣ ничего чудовищнаго. Что же касается до той формы правительства, какую Англія имѣетъ со временъ респуб-

лики, то, не будучи совершенной и наиболѣе желательной, она единственно возможная, при раздирающихъ страну усобицахъ. Въ государствѣ, пишетъ Мильтонъ, зачумленномъ сектами и партіями и принужденномъ защищаться силой оружія, поступаютъ благоразумно, призывая къ власти только здоровую, незадѣтую заразой часть общества, пренебрегая и изолируя всѣ остальныя, будетъ ли ими дворянство, или простонародье. Мильтонъ одобряетъ поэтому не съ принципіальной точки зрѣнія, а примѣняясь къ современнымъ ему условіямъ, упраздненіе палаты лордовъ и самой королевской власти [1]). Приведенныя мѣста, кажется, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что, подобно большинству своихъ единомышленниковъ, Мильтонъ не относился отрицательно къ вѣковому строю англійской конституціи. Его взгляды въ этомъ отношеніи напоминаютъ точку зрѣнія Альджернона Сиднэя, готоваго признать, что смѣшанная форма имѣетъ свои преимущества; онъ только думаетъ, что въ переживаемыхъ Англіей обстоятельствахъ другой образъ правленія, помимо установившагося въ ней со времени переворота, немыслимъ.

Защищая дѣятельность англійскаго парламента со временъ республики отъ нападокъ роялистовъ, Мильтонъ въ другомъ анонимномъ сочиненіи [2]) рѣшительно протестуетъ противъ обвиненія парламента въ покровительствѣ безвѣрію или атеизму. „Мы только не согласны возлагать на свѣтскую власть обязанность приходить на помощь нерадѣнію, лѣности, сплину и умственному убожеству церковниковъ при осуществленіи ими духовной дисциплины, какъ надъ своей паствой, такъ и надъ тѣми, кто не принадлежитъ къ ней“. Обвиненіе подобнаго рода, справедливо замѣчаетъ Мильтонъ, могло бы быть въ равной мѣрѣ направлено и противъ лучшихъ въ мірѣ государствъ и правительствъ. Еслибы въ Англіи оказались дѣйствительно атеисты, то парламентъ не сталъ бы относиться къ нимъ терпимо, а наоборотъ пустилъ бы въ ходъ всѣ мѣры къ ихъ подавленію. Упомянутая брошюра интересна и тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ нѣчто въ родѣ панегирика Кромвелю. По словамъ Мильтона, этотъ человѣкъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлалъ больше чѣмъ другіе выдающіеся люди для облагороженія своего рода, еслибы этому роду и недоставало благородства. Онъ въ несомнѣнно бо̀льшей степени обезпечилъ

---

[1]) „Prose works“, т. II, стр. 11.

[2]) „Articles of peace made and combined with the Irish Rebels“. Masson доказываетъ, что этотъ памфлетъ принадлежитъ Мильтону (т. IV, стр. 99).

своему потомству добрую славу своими подвигами въ Ирландіи, чѣмъ Ормондъ со всѣми его предками вмѣстѣ взятыми.

Мѣсяцы и годы, слѣдовавшіе за выходомъ въ свѣтъ первой „Защиты англійскаго народа“, ученый міръ, въ лицѣ наиболѣе извѣстныхъ своихъ представителей, Фоссія, Гензіуса и другихъ публицистовъ и моралистовъ, жившихъ въ Голландіи или при дворѣ Христины Шведской, съ вниманіемъ и сочувствіемъ относился къ Мильтону, глубоко возмущенный мѣрами, принятыми въ Тулузѣ и Парижѣ, чтобы изъять его книгу изъ обращенія. Въ Тулузѣ сочиненіе Мильтона было сожжено рукою палача, по постановленію парламента, т.-е. высшей судебной палаты этого города. Въ Парижѣ то же рѣшеніе принято было по отношенію къ ней мѣстной властью. Узнавъ объ этомъ, Гензіусъ пишетъ изъ Лейдена: „О Мильтонѣ говорятъ, что это человѣкъ кроткаго нрава и весьма обходительный; онъ настаиваетъ на томъ, что никакая другая причина не заставила его напасть на Сальмазія, какъ то обстоятельство, что этотъ „великій писака (scribonius magnus) отнесся съ величайшимъ презрѣніемъ къ самымъ прославленнымъ людямъ въ Англіи и своими возмутительными оскорбленіями причинилъ серьезный вредъ всей англійской націи“. Какъ бы въ оправданіе того, что сказано о немъ Гензіусомъ, Мильтонъ во второй „Защитѣ англійскаго народа“ объясняетъ тѣми же мотивами свою горячую полемику со всѣми врагами англійской республики. „Я никогда не писалъ—говоритъ онъ—ничего, что бы въ данную минуту не было моимъ убѣжденіемъ, что не казалось мнѣ справедливымъ, истиннымъ и угоднымъ Богу. Писалъ я не изъ честолюбія и не въ поискахъ за славой, а въ сознаніи чести и изъ вѣрности моей родинѣ“ [1]).

Успѣхъ Мильтона росъ съ каждымъ днемъ. Королева Христина, призвавшая къ своему двору Сальмазія, въ его же присутствіи заявляла о своемъ сочувствіи Мильтону. 12 апрѣля 1651 г. Исаакъ Фоссій, въ письмѣ къ друзьямъ въ Голландіи, сознается, что не ждалъ отъ англичанина ничего подобнаго тому, что найдено имъ въ книгѣ Мильтона. „Если не ошибаюсь, прибавлялъ онъ, сочиненіе понравилось и нашей несравненной повелительницѣ. Сальмазій все же обѣщаетъ погубить автора его въ ближайшемъ своемъ отвѣтѣ, заодно со всѣмъ его парламентомъ“ [2]).

Продолжая служить интересамъ внутренняго и внѣшняго

---

[1]) „Defensio secunda“, собр. прозаическихъ соч. Мильтона, т. I.
[2]) Masson, т. IV, стр. 317.

мира, Мильтонъ, какъ государственный секретарь и какъ лицо, наблюдающее за направленіемъ оффиціальной газеты „Политическій Меркурій", наконецъ какъ авторъ политическихъ брошюръ и сонетовъ, продолжаетъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ проповѣдывать необходимость соглашенія между партіями, устраненія религіозной вражды, признанія широкой терпимости и обезпеченія свободы съ помощью періодическаго созыва парламента. Въ № 75 „Политическаго Меркурія" рукою Мильтона, какъ думаетъ Массонъ, включенъ былъ въ текстъ передовой статьи слѣдующій отрывокъ: „безопасность и свобода народа, какъ это признано въ настоящее время стоящимъ внѣ сомнѣній, требуютъ того, чтобы законодательныя собранія и парламенты чередовались безостановочно, сохраняя полноту своихъ функцій". Девятью номерами ранѣе, въ сентябрѣ 1651 г., въ томъ же „Меркуріи" можно было прочесть горячій призывъ ко всѣмъ партіямъ проникнуться сознаніемъ, что настало время отложить въ сторону всякіе поводы къ враждѣ и соединиться воедино въ служеніи общимъ интересамъ народа.

Мильтону дорога была свобода не однихъ его соотечественниковъ, но и близкихъ къ нимъ, по своей реформаторской ревности и религіозной стойкости, Вальденцевъ — членовъ протестантскихъ церквей въ Пьемонтѣ. Когда открылись извѣстныя преслѣдованія ихъ савойскими герцогами, предупредившими, такимъ образомъ, попытки самого Людовика XIV актами насилія добиться возстановленія католическаго единовѣрія, Мильтонъ, по порученію лорда-протектора, изготовилъ текстъ рѣчи для посланнаго въ Туринъ англійскаго уполномоченнаго Морланда. Онъ долженъ былъ прочесть въ упоръ правителю слѣдующее обвиненіе: „Ужасная жестокость, прежде неслыханная, совершилась въ вашихъ предѣлахъ. Нероны всѣхъ временъ, еслибы имъ суждено было появиться снова на свѣтъ, несомнѣнно устыдились бы того, что ихъ поведеніе не представляетъ ничего подобнаго вашему". Одновременно къ кардиналу Мазарини Мильтонъ писалъ, ходатайствуя въ пользу Вальденцевъ: „ничто не содѣйствуетъ болѣе упроченію нашего уваженія къ Франціи, какъ та свобода, которою пользуются въ ней послѣдователи протестантскихъ церквей, благодаря указамъ или эдиктамъ ея королей". Мильтонъ очевидно разумѣетъ здѣсь знаменитый Нантскій эдиктъ Генриха IV. Двадцать пять лѣтъ спустя Франція вступала на путь тѣхъ же преслѣдованій, что и Пьемонтъ, и драгонады Людовика XIV затмили всѣ ужасы, жертвами которыхъ сдѣлались Вальденцы въ 1655 г. [1]).

[1]) См. Masson, т. V, стр. 186, 187.

Забота объ обезпеченіи свободы, въ которой Мильтонъ признается въ послѣсловіи къ новому изданію первой „Защиты“ въ 1658 г. [1]), заставляла его съ участіемъ слѣдить за зарождавшимся уже въ то время движеніемъ въ пользу освобожденія Греціи изъ подъ власти турокъ. Являясь въ этомъ отношеніи прямымъ предшественникомъ Байрона, Мильтонъ въ письмѣ къ Леонарду Филарету, одному изъ первыхъ агитаторовъ въ пользу греческаго освобожденія, говоритъ слѣдующее: „Еслибы во мнѣ имѣлась способность трогать сердца моими рѣчами, я бы поднялъ мой голосъ за то, чтобы наши флоты и арміи направлены были на освобожденіе Греціи, этой страны краснорѣчія, отъ угнетенія оттоманскихъ турокъ. Несомнѣнно, нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы я хотѣлъ въ большей степени и при томъ какъ можно скорѣе“.

Для характеристики личныхъ политическихъ воззрѣній Мильтона и его отношенія къ современнымъ событіямъ, всего важнѣе первая и вторая его „Защиты англійскаго народа“. Онѣ бросаютъ яркій свѣтъ на нелишенный значенія вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ политика лорда-протектора встрѣчала поддержку ихъ автора. Еще въ 1652 г. Мильтонъ счелъ возможнымъ посвятить особый сонетъ Кромвелю, котораго онъ называетъ „нашимъ главою“. „Благодаря глубокой вѣрѣ и неуклонной твердости, — пишетъ онъ—Кромвель вывелъ насъ изъ мрачныхъ тучъ, нависшихъ надъ нами во время междоусобной войны и другихъ тяжкихъ испытаній; никто какъ онъ обезпечилъ намъ блага мира“. Вспоминая о его подвигахъ подъ Дембаромъ и Ворчестеромъ, Мильтонъ прибавляетъ: „Многаго надо еще добиться, и миръ знаетъ побѣды не менѣе войны. Новые враги грозятся связать нашу совѣсть свѣтскими цѣпями. Помоги же намъ, Кромвель, спасти свободу совѣсти отъ пасти волковъ на жалованьѣ“ (намекъ на оплачиваемое правительствомъ пресвитеріанское духовенство). Сонетъ указываетъ на то, какая сторона въ дѣятельности Кромвеля особенно привлекала къ себѣ расположеніе Мильтона. Это—та самая, за которую онъ восхвалялъ и Вэна Младшаго, говоря: „Ты научилъ насъ отличать область духовной власти отъ области свѣтской; ты указалъ намъ, гдѣ проходитъ граница между обѣими, а это сдѣлали лишь немногіе“. Свободная церковь въ свободномъ государствѣ—идеалъ уже извѣстный Мильтону. Немудрено, поэтому, если во „Второй защитѣ англійскаго народа“ онъ принимаетъ къ сердцу нападки на генералиссимуса республиканскихъ войскъ, обвиняемаго въ желаніи опро-

[1]) Ibid., т. V, стр. 573.

вергнуть всѣ монархіи и упразднить всѣхъ королей. „И пресвитеріане,—говоритъ онъ,—и роялисты всегда не прочь приписывать Кромвелю всякое строгое отношеніе къ себѣ. Несомнѣнно и эти навѣты пущены въ ходъ никѣмъ инымъ, какъ ими. Но Кромвель не изъ числа людей, любящихъ величаться своими прошлыми дѣяніями, а еще менѣе—пугать поступками, которымъ легко остаться недоведенными до конца. Вы сами говорите, что Кромвель вызвалъ ненависть къ себѣ пресвитеріанъ, и говорите правильно; но приняли ли вы во вниманіе, что въ то самое время, когда онъ боролся съ общимъ врагомъ, не щадя своей жизни, тѣ же пресвитеріане обвиняли его тяжко и лживо; они подстрекнули даже нѣкоего Гентингтона, офицера арміи, поднять противъ него уголовное преслѣдованіе. Кто не содрогнется при мысли о гнусности такого неблагодарнаго поведенія. Мы бы видѣли нашего „побѣдоноснаго Камилла", послѣ пораженія имъ шотландцевъ, или въ изгнаніи, или на плахѣ, еслибы генералу Ферфаксу не удалось защитить его и еслибы армія, также испытавшая неблагодарность пресвитеріанъ, не воспрепятствовала осуществленію этого ужаснаго намѣренія. Вошедши въ предѣлы Лондона, она легко успокоила гражданъ и подвергла справедливому удаленію изъ парламента сторонниковъ нашихъ враговъ-шотландцевъ. Мильтонъ имѣетъ въ виду такъ называемую „очистку" Pride'а, т.-е., насильственное удаленіе изъ парламента 120 членовъ, какъ пресвитеріанъ. Онъ сочувственно относится къ этому акту и къ послѣдовавшему затѣмъ разрыву уже почти состоявшагося соглашенія съ Карломъ, заточеннымъ въ то время на островѣ Уайтѣ. Для Мильтона Кромвель—человѣкъ благороднаго и знаменитаго происхожденія: авторъ „Защиты англійскаго народа" напоминаетъ, какую роль его однофамилецъ игралъ при Генрихѣ VIII. Говоря о началѣ его карьеры, о его дѣятельности, какъ депутата въ парламентахъ Карла I, Мильтонъ замѣчаетъ, что онъ обязанъ своихъ успѣхамъ правильности сужденій и твердости даваемыхъ имъ совѣтовъ. Разсказавъ затѣмъ о томъ, какъ Кромвель, въ эпоху междоусобной войны, образовалъ войско добровольцевъ (Ironclaids), Мильтонъ замѣчаетъ, что изъ военачальниковъ никого не слушались такъ, какъ его. А это легко объяснить величіемъ совершенныхъ Кромвелемъ подвиговъ. „Это былъ—продолжаетъ онъ—воинъ, въ которомъ дисциплина доведена была до совершенства, благодаря тому, что онъ зналъ и умѣлъ владѣть собою. Съ первыхъ же сраженій онъ оказался ветераномъ", т.-е., хорошо обученнымъ своему искусству солдатомъ. Успѣхъ Кромвеля на войнѣ, то обстоятельство,

что ни въ одномъ сраженіи онъ не былъ побѣжденъ, Мильтонъ объясняетъ его личными качествами и называетъ ихъ „божественными". „Въ немъ, Кромвелѣ, жила и расцвѣтала—говоритъ онъ на своемъ образномъ языкѣ—такая сила не то прирожденнаго ума или, точнѣе, генія, не то пріобрѣтенныхъ выправкою способностей, и не къ одному военному дѣлу, но ко всякому христіанскому и божескому, что онъ легко привлекъ въ свое войско всѣхъ смѣльчаковъ; они охотно шли къ нему въ обученіе и военному искусству, и всяческому благочестію. Тѣхъ, кто былъ менѣе хорошо настроенъ, онъ съумѣлъ собственнымъ примѣромъ поднять на большую высоту. Съ тѣхъ поръ и по настоящій день армія послушна ему". „Пока вы останетесь въ живыхъ, Кромвель,—говоритъ Мильтонъ въ прямомъ обращеніи къ лорду-протектору,—только человѣкъ, невполнѣ полагающійся на Бога, рѣшится высказать опасеніе за безопасность Англіи".

Мильтонъ прощаетъ Кромвелю и тотъ его поступокъ, который заставилъ многихъ изъ прежнихъ его сторонниковъ отвернуться отъ него (я разумѣю насильственный роспускъ Долгаго Парламента въ 1653 г.). Поведеніе Кромвеля въ этомъ случаѣ Мильтонъ называетъ „смѣлымъ, нѣсколько грубымъ и варварскимъ, но тѣмъ не менѣе выведшимъ родину на желанный путь". „Когда мы убѣдились въ томъ,—пишетъ Мильтонъ,—что члены парламента не намѣрены исполнить обѣщаннаго и разойтись добровольно по домамъ, что каждый изъ нихъ занятъ больше личными интересами, чѣмъ общественными, а народъ видитъ свои надежды обманутыми и думаетъ, что его обошли сильные міра сего, вы, Кромвель, сдѣлали сами то, что члены парламента клялись исполнить, и положили конецъ ихъ дальнѣйшему начальствованію". Продолжая исторію ближайшихъ попытокъ вернуться къ представительству, Мильтонъ хвалитъ Кромвеля за созывъ Малаго Парламента; избраніе членовъ его предоставлено было не всѣмъ, а людямъ „способнымъ принять на себя отвѣтственность". Не вина Кромвеля, что эти люди не захотѣли ничего дѣлать, и послѣ продолжительныхъ и скучныхъ препирательствъ между собою прониклись убѣжденіемъ (правда, не всѣ, а большинство ихъ), что не годятся для проведенія тѣхъ великихъ реформъ, какихъ требовало отъ нихъ время. Тогда имъ не осталось ничего другого, какъ распустить самихъ себя, въ силу ими же принятаго рѣшенія. Мильтонъ заканчиваетъ свой разсказъ новымъ обращеніемъ къ Кромвелю: „Вы одни остались намъ; всѣ дѣла государства пали на ваши плечи; счастливый исходъ ихъ зависитъ отъ васъ одного. Мы всѣ признаемъ ваше недосягаемое

превосходство, и не находится даже человѣка, который оспаривалъ бы его". Республиканецъ Мильтонъ хвалитъ Кромвеля за то, что онъ отвергъ предложенный ему титулъ короля. Мильтонъ полагаетъ, что послѣ того какъ власть монарха была такъ унижена, политическій разсчетъ не позволялъ Кромвелю, участвовавшему въ этомъ униженіи, возложить на свою голову корону. Историческій экскурсъ заканчивается краснорѣчивымъ обращеніемъ къ лорду-протектору, въ которомъ Мильтонъ, расточая похвалы, въ то же время ставитъ правителю Англіи извѣстныя требованія, которыя всѣ клонятся къ упроченію свободы. „Идите же и впредь избранной вами дорогой; освободитель родины, виновникъ ея благополучія, ея хранитель, вы не можете занять болѣе виднаго мѣста, болѣе выдающагося поста, чѣмъ то, какое принадлежитъ вамъ теперь. Вашими поступками вы превзошли не только дѣянія королей, но и подвиги легендарныхъ героевъ. Свобода Англіи ввѣрена въ вашемъ лицѣ надежному человѣку; но она зависитъ не отъ воли одного правителя, а также отъ поведенія всей націи. Знайте же всѣ, что быть свободнымъ—это то же, что быть благочестивымъ, мудрымъ, справедливымъ, умѣреннымъ, предпріимчивымъ, проникнутымъ должнымъ уваженіемъ къ чужой собственности и, въ концѣ концовъ, великодушнымъ и смѣлымъ. Не быть всѣмъ этимъ—равносильно тому, какъ еслибы кто сталъ рабомъ". Этотъ совѣтъ направленъ столько же ко всей націи, сколько къ самому лорду-протектору. Мильтонъ продолжаетъ въ томъ же духѣ: „Естественнымъ закономъ, самой природой установленнымъ, надо считать слѣдующее: кто не умѣетъ владѣть собою, по глупости ли или подчиняясь омрачившей разумъ ярости, кто не можетъ справиться съ собственными импульсами, тотъ не долженъ быть предоставленъ самому себѣ; но, какъ несовершеннолѣтній, долженъ быть подчиненъ начальствованію другихъ; всего же менѣе можно допустить его къ обнаруженію преимущественнаго вліянія на чужія дѣла". Этимъ психологическимъ мотивомъ Мильтонъ старается защитить политику Кромвеля, сводящуюся къ тому, чтобы изъ трехъ государствъ: Англіи, Шотландіи и Ирландіи, обезпечить рѣшительный перевѣсъ въ дѣлахъ за одной первой. Мы видѣли, что Мильтонъ въ особомъ памфлетѣ защищалъ Кромвеля отъ нападокъ Ормонда. Въ этомъ памфлетѣ, какъ и во „Второй защитѣ англійскаго народа", онъ не находитъ слова осужденія для жестокой кровопролитной расправы Кромвеля съ ирландцами. Онъ полагаетъ, что только ею можно было должнымъ образомъ воздать за тѣ убійства женщинъ, дѣтей и вообще мирныхъ поселенцевъ-

англичанъ, въ какомъ повинны были ирландскіе уроженцы, поставленные подъ начальство О'Нелля и получавшіе руководительство изъ Рима. Если послѣ этого, какъ и послѣ подавленія силою меча шотландскаго возстанія, Кромвель держитъ въ сторонѣ отъ дѣлъ жителей обѣихъ странъ, то въ этомъ онъ только слѣдуетъ указаніямъ здраваго политическаго разсчета. Выгородивъ Кромвеля такимъ образомъ отъ всякой отвѣтственности и за послѣдовательный роспускъ двухъ собраній, ограничивавшихъ его власть, и за кровавую расправу въ Ирландіи, и за сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ въ рукахъ однихъ англичанъ, Мильтонъ прославляетъ его за то, что въ свой государственный совѣтъ онъ призвалъ тѣхъ, кто всего болѣе помогалъ ему въ его прежнихъ предпріятіяхъ, тѣхъ, кто былъ участникомъ его дѣяній и кто своимъ прошлымъ убѣдилъ его въ своей скромности, честности и доблести. Какъ сторонникъ отдѣленія духовной власти отъ свѣтской и полной терпимости ко всѣмъ христіанскимъ сектамъ, Мильтонъ даетъ Кромвелю совѣтъ „оставить церковь—церкви и освободить себя и правительство отъ всякаго вмѣшательства въ ея дѣла; противное было бы—прибавляетъ Мильтонъ—совершенно несовмѣстимо съ исполненіемъ вашихъ обязанностей. Нельзя допускать соединенія воедино двухъ властей, вполнѣ отличныхъ по своей природѣ. Сомнительныя услуги, оказываемыя ими другъ другу, только съ виду усиливаютъ каждую; на самомъ же дѣлѣ онѣ ослабляютъ ихъ и въ концѣ концовъ ведутъ къ паденію обѣихъ. Если вы отнимете у церкви ея власть преслѣдованія (обезпечивъ, очевидно, свободу совѣсти), то тѣмъ самымъ вы изгоните изъ нея и тѣхъ ростовщиковъ и скупщиковъ, которые торгуютъ не простыми голубями, но тѣмъ единственнымъ въ своемъ родѣ голубемъ, какимъ является Духъ Святой".

Мильтонъ возвращается къ любимой своей темѣ: изгнанію изъ церкви наймитовъ-священнослужителей. Къ этой темѣ онъ еще разъ вернется впослѣдствіи, въ статьѣ „О наемникахъ". Она издана почти наканунѣ переворота, проведеннаго Монкомъ, и ставитъ себѣ задачей спасти самое драгоцѣнное завоеваніе республики—свободу совѣсти. Въ формѣ славословія Мильтонъ подноситъ на этотъ разъ новому лорду-протектору, Ричарду Кромвелю, и нѣкоторые совѣты, очень похожіе на критику. Онъ хотѣлъ бы видѣть его предоставляющимъ полную свободу лицамъ, желающимъ философствовать, печатать книги и брошюры на собственный страхъ, безъ всякаго предварительнаго разсмотрѣнія ихъ писаній „какимъ бы то ни было малоавторитетнымъ—говоритъ онъ—

лицомъ, лицомъ полу-ученымъ" (разумѣется цензоръ). Мильтонъ, такимъ образомъ, повторяетъ тѣ мысли, какія нашли выраженіе себѣ еще въ его „Ареопагитикѣ". Похвальное слово Оливеру Кромвелю заканчивается совѣтомъ новому правителю прислушиваться терпѣливо ко всякой истинѣ; только при соблюденіи этого условія достигнуто будетъ Англіей высшее благо—свобода. Мильтонъ остается въ полномъ согласіи съ самимъ собою и не измѣняетъ убѣжденіямъ своей молодости, становясь въ ряды горячихъ сторонниковъ новаго протектората. Онъ считаетъ себя въ правѣ сказать въ послѣсловіи къ второму изданію „Первой защиты англійскаго народа", изданію, вышедшему въ 1658-мъ году: „Едва ли найдется человѣкъ, который защищалъ бы свободу болѣе свободно, чѣмъ она защищена въ этой книгѣ. Но еслибы и нашелся такой человѣкъ, у него несомнѣнно не было бы болѣе величественнаго примѣра, чѣмъ тотъ, какой данъ въ этой книгѣ". Послѣсловіе заканчивается выраженіемъ увѣренности, что англійскій народъ нашелъ достаточную защиту для своей безсмертной славы въ глазахъ потомства.

Если „Защита англійскаго народа" увѣковѣчила имя Мильтона, какъ политическаго писателя, то ей же онъ обязанъ несчастьемъ всей своей жизни — потерей зрѣнія. Мильтонъ самъ повѣствуетъ о томъ, какъ, вопреки совѣтамъ врача, онъ, начинавшій уже слѣпнуть, проводилъ ночи за своей рукописью. Одинъ изъ его критиковъ, Морусъ, имѣлъ смѣлость попрекнуть его слѣпотой; Мильтонъ объясняетъ ея источникъ, заявляя въ то же время, что онъ готовъ скорѣе помириться со своей слѣпотой, чѣмъ съ той, которою одержимы Морусъ и его единомышленники [1]. Потеря зрѣнія, окончательно наступившая въ апрѣлѣ 1652 г., не повлекла за собою оставленія Мильтономъ его поста секретаря иностранныхъ языковъ. Ему только уменьшили жалованье, чтобы имѣть возможность нанять помощника. Мильтонъ оставался на своемъ посту не только во все время протектората Оливера Кромвеля, но и при его сынѣ Ричардѣ, принимая, однако, все меньшее и меньшее участіе въ дѣлахъ совѣта. „Я не членъ его— пишетъ онъ 3-го мая 1653 г.,—и, благодаря недавно постигшей меня бѣдѣ (infirmity), сталъ менѣе прежняго способенъ присутствовать на засѣданіяхъ."

Какъ отнесся Мильтонъ къ приписываемому Кромвелю незадолго до его кончины желанію возстановить королевскую власть въ свою пользу—легко догадаться по той настойчивости, съ ка-

---

[1]) „Defensio secunda".

кой онъ требовалъ, чтобы къ выборамъ новаго парламента „были допущены исключительно люди, сознающіе вредъ и опасность королевской власти“ [1]).

Послѣ отказа Ричарда Кромвеля отъ дальнѣйшаго исполненія обязанностей лорда-протектора, Мильтонъ не видѣлъ возможности сохранить республику иначе, какъ установленіемъ союза между двумя одинаково пожизненными аристократіями: гражданской и военной. Первую образовали бы члены государственнаго совѣта, восполненнаго новыми назначеніями, вторую — главные военные предводители. Эти двѣ аристократіи должны были бы связать себя клятвой въ готовности поддерживать другъ друга и въ вѣрности двумъ принципамъ: свободѣ совѣсти и республиканизму, соединенному съ готовностью противодѣйствовать возстановленію единовластія [2]). Такая точка зрѣнія вполнѣ отвѣчала давнишнему убѣжденію Мильтона, что „народомъ надо считать не большинство представителей, а наиболѣе здоровую и лучшую часть ихъ“, другими словами—людей, проникнутыхъ началами пуританства. Мильтона обвиняли въ этомъ открыто его противники, въ числѣ другихъ Фильмеръ, будущій авторъ „Патріарха“, издавшій еще въ 1651—52 гг. трактатъ подъ заглавіемъ: „Разсужденіе касательно источника правительства“. Онъ интересенъ тѣмъ, что, критикуя взгляды Мильтона, открыто принимаетъ сторону Гоббса. „Съ немалымъ удовольствіемъ прочли мы—пишетъ авторъ—книги Гоббса „О гражданинѣ“ и „Левіаѳанъ“. Я не знаю никого, кто бы вѣрнѣе его и болѣе обстоятельно изложилъ ученіе о верховной власти“. Но быть сторонникомъ Гоббса—значило отвергать утвержденіе Мильтона, „что по природѣ не можетъ быть наслѣдственной власти и никто не является королемъ, за исключеніемъ человѣка, превосходящаго всѣхъ другихъ мудростью и храбростью. Природа даетъ каждому разумному право направлять менѣе разумныхъ; она никогда не надѣляла глупаго человѣка правомъ управлять мудрымъ. Поэтому тотъ, кто отнимаетъ власть у глупыхъ людей, поступаетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ велѣніями природы“ [3]).

Не болѣе убѣдительными казались сторонникамъ Гоббса ссылки Мильтона на ветхозавѣтную исторію, на Второзаконіе (кн. 17, стихъ 14)—ссылки, дѣлаемыя съ цѣлью доказать, что Богъ не только сохранилъ за людьми право мѣнять образъ пра-

[1]) Ср. Masson, т. V, стр. 297 и 656.
[2]) См. Masson, т. V, стр. 621, годъ 1659-ый въ жизни Мильтона.
[3]) „Defensio prima“, гл. V.

вленія, но что республика признавалась имъ болѣе совершеннымъ порядкомъ и болѣе полезнымъ для народа [1]. Рѣшительный протестъ вызывало также еще болѣе категорическое заявленіе Мильтона, что у христіанъ или не будетъ короля, или онъ сдѣлается слугою народа; разъ король хочетъ быть владыкою, онъ тѣмъ самымъ лишается возможности быть христіаниномъ [2].

Развитіе государственныхъ учрежденій не пошло, однако, въ Англіи, ни въ направленіи, желательномъ Мильтону, ни въ направленіи Гоббса. Мильтономъ завершается, можно сказать, то теченіе политической мысли, первыми выразителями котораго были монархомахи или монархоотрицатели; Гоббсомъ сказано послѣднее сильное слово въ пользу неограниченнаго единовластія. Англія направилась въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ какъ разъ по тому пути, который казался Гоббсу наиболѣе пагубнымъ. Съ Джономъ Локкомъ теорія ограниченной или конституціонной монархіи дѣлаетъ гигантскій шагъ впередъ, во-первыхъ въ томъ смыслѣ, что, вопреки взглядамъ Мильтона и утвержденіямъ Гоббса, она доказываетъ возможность какъ примиренія свободы съ единовластіемъ, такъ и сохраненія верховенства или суверенитета государства при раздѣлѣ функцій верховной власти между монархомъ и парламентомъ. Народъ не рисуется болѣе передающимъ всѣ свои права счастливому избраннику, будетъ ли имъ одинъ человѣкъ, или совокупность большаго или меньшаго числа людей. Ни при какой формѣ правленія нѣтъ необходимости отказываться отъ самоопредѣленія, т.-е. отъ личной свободы, какъ физической, такъ и духовной, а потому и отъ того отраженія свободы, какимъ является создаваемая личнымъ трудомъ собственность. Сама верховная власть, въ виду сказаннаго, не можетъ долѣе считаться неограниченною. Ей не подчиняется не только внутренній міръ человѣка, какъ готовъ былъ допустить это Гоббсъ, но и внѣшнія проявленія этого міра дѣйствіемъ и словомъ. Другими словами—свобода перемѣщенія и свобода пріобрѣтенія охраняются государствомъ въ такой же степени, какъ свобода вѣры и культа, свобода слова и печати. Само государство признано имѣющимъ высшей своей миссіей охрану этихъ прирожденныхъ вольностей. Оно осуществляетъ ее только подъ условіемъ не сосредоточивать законодательныхъ функцій и самаго контроля надъ управленіемъ исключительно въ рукахъ короля. И та, и другая область, ввѣряются

[1] Ibid., гл. II.
[2] Ibid., гл. III.

монархомъ народному представительству; исполнительная же власть признается зависимой отъ законодательной. Локкъ даетъ теоретическое обоснованіе второй англійской революціи и отражаетъ въ своей доктринѣ „Билль о правахъ", въ такой же мѣрѣ, какъ Мильтонъ — постановленіе, принятое парламентомъ насчетъ привлеченія Карла I-го къ его суду. Но какая бездна отдѣляетъ оба ученія! Одно, ученіе Мильтона, проникнуто еще ветхозавѣтными воззрѣніями, ненавистью израильскихъ пророковъ къ монархіи; второе—Локка—расширяетъ исконную историческую точку зрѣнія на англійскую конституцію, признанную смѣшанною еще Фортэскью и Томасомъ Смисомъ. Сословная монархія, въ его трактатѣ „О гражданскомъ правительствѣ", переходитъ въ монархію не только конституціонную, но и парламентарную, построенную на началѣ раздѣленія властей, не изолированныхъ другъ отъ друга, а допускающихъ подчиненіе и зависимость исполнительныхъ органовъ отъ законодательныхъ. Монтескьё останется только перенесть эту доктрину на континентъ Европы, подвергнувъ ее, правда, нѣкоторому искаженію, чрезмѣрнымъ настаиваніемъ на принципѣ не только раздѣленія, но и обособленія властей. Въ этомъ видѣ англійская въ источникѣ доктрина повліяетъ на дальнѣйшій ходъ развитія европейскихъ и американскихъ конституцій и приведетъ къ созданію современнаго политическаго порядка культурныхъ націй. Мысль Мильтона настолько выступаетъ въ немъ, насколько этотъ порядокъ обезпечиваетъ неотъемлемыя права гражданина и человѣка вообще. Въ этомъ лежитъ историческое значеніе автора „Потеряннаго Рая" и ближайшая причина тому, что двухсотлѣтіе его рожденія продолжаетъ чествоваться не въ одной только Англіи и не одними только цѣнителями его поэтическаго дарованія.

Максимъ Ковалевскій.

МАМА

(Страницы изъ пережитого.)

— Леночка! Что съ тобой? Скажи намъ!—говорилъ Петръ Петровичъ, склонившись надъ кушеткой, гдѣ лежала его младшая дочь.

И въ его голосѣ со старческой дрожью слышались слезы и горе.

Лена продолжала лежать, отвернувшись къ стѣнѣ, уткнувшись въ подушку, и ничего не отвѣчала.

Маша, старшая дочь Петра Петровича, стояла въ дверяхъ и съ болѣзненнымъ вниманіемъ слѣдила за всѣмъ, что происходило въ комнатѣ Лены.

— Леночка!—началъ опять Петръ Петровичъ,—ну, повернись хоть ко мнѣ! ну, скажи хоть слово какое... Тебѣ вѣдь легче станетъ... Вѣдь одно же горе у насъ... Ну, поплачемъ вмѣстѣ, и легче станетъ и тебѣ, и намъ.

Петръ Петровичъ остановился, хотѣлъ сдержать душившія его слезы, но онѣ какъ-то сами собой вдругъ полились, крупныя и тяжелыя.

Лена молчала.

Петръ Петровичъ грузно присѣлъ на кушетку, облокотился на свои старческія, по временамъ вздрагивавшія колѣна и, казалось, забылся.

Въ большомъ пустынномъ домѣ царила тишина. Лишь старые, прадѣдовскихъ временъ часы гулко и хрипло отбивали секунды.

Петръ Петровичъ сидѣлъ въ какомъ-то забытьѣ. Тяжелыя мысли вяло, съ трудомъ, шевелились въ его мозгу. И всѣ онѣ

были какими-то отрывочными, безсвязными. Но каждая изъ нихъ несла въ себѣ частичку той подавленности, которая приводила Петра Петровича къ невидимому тупику.

Все проникала, все окутывала какимъ-то бѣлымъ, тягучимъ туманомъ мысль о потерѣ жены.

Въ данный моментъ Петръ Петровичъ думалъ о дѣтяхъ и объ угрюмомъ молчаньѣ, царящемъ въ домѣ.

Всего ужаснѣе для него было то, что дѣти не хотятъ нарушить этого молчанья и на всѣ его попытки заговорить съ ними, вызвать на откровенность, раздѣлить общее горе—не отвѣчаютъ ему.

Каждый ушелъ въ свой собственный міръ и молчитъ.

А вѣдь ему, Петру Петровичу, такъ необходимо теперь, именно теперь, послѣ смерти жены, сблизиться съ ними.

Неужели они не поймутъ этого? Или неужели они такъ жестоки, что хотятъ мучить его своимъ молчаньемъ, когда и такъ невыносимо тяжело ему? Или злобу имѣютъ какую? Но развѣ онъ обидѣлъ ихъ чѣмъ-нибудь? Развѣ не посвятилъ всю жизнь только ей и имъ?.. За что же?..

И вѣдь онъ отлично знаетъ, что они сами страдаютъ не меньше, чѣмъ онъ; онъ отлично знаетъ, что сердце у нихъ отзывчивое и чуткое. Такъ почему же они не подойдутъ къ нему, не утѣшатъ его?.. Вѣдь такъ легко подойти и утѣшить... А они молчатъ...

Невольно мысль Петра Петровича перескочила на Лену.

Прежде она часто ласкалась къ нему и такъ его любила. А теперь какъ будто не слышитъ ни просьбъ, ни слезъ его.

Петръ Петровичъ посмотрѣлъ на неподвижно лежащую Лену, и она вдругъ показалась ему такой маленькой и безпомощной, что у него защемило сердце.

— Лена моя, Леночка, родная моя, дочурочка моя!—зарыдалъ Петръ Петровичъ, притянувъ голову дочери къ своей груди и покрывая ее поцѣлуями.—Ну, скажи хоть слово одно! Я вѣдь знаю, что тебѣ невыносимо тяжело... Отецъ вѣдь все знаетъ!..

Лена всѣмъ тѣломъ вздрогнула, нервнымъ движеніемъ приподнялась на кушеткѣ, откинула назадъ волосы и воспаленнымъ взглядомъ впилась въ Петра Петровича.

— Ты... знаешь?..—чуть слышно прошептала она.

И вдругъ лицо ея исказилось гримасой страданія.

— Уйдите! Мнѣ никого не надо!.. Оставьте одну... Уходите!..—прорѣзалъ тишину ея нервный, надорванный крикъ.

Лена снова опустилась на кушетку, отвернулась къ стѣнѣ и забилась въ подушку.

У Петра Петровича стало подергиваться лицо.

Безпомощно посмотрѣлъ онъ на Машу, всталъ и, съ трудомъ двигая ногами, пошелъ къ двери.

— Уйду... не надо... силъ нѣтъ!—безсвязно бормоталъ онъ, идя по коридору.—Жалости у васъ нѣтъ... объ отцѣ-то совсѣмъ забыли... Каждый только о своемъ... До отца-то никому и дѣла нѣтъ... Надо каждому въ свой уголъ забиваться... Вѣдь нельзя же такъ... На могилу пойти—и то вмѣстѣ нельзя... Одинъ отъ другого крадучись бѣгаютъ. И не поймутъ вѣдь того, что мнѣ одному-то силъ нѣтъ страдать...

Бормоча и высказывая все, что наболѣло въ сердцѣ, Петръ Петровичъ замедлилъ шаги. Въ душѣ у него теплилась еще надежда, что Маша пойдетъ за нимъ и станетъ утѣшать.

Подходя къ своему кабинету, онъ заслышалъ чьи-то шаги. Шаги приближались. У Петра Петровича забилось сердце. Онъ остановился и ждалъ.

Но въ тотъ моментъ, когда ему казалось, что Маша должна уже броситься къ нему и заплакать, онъ услышалъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ скрипнула дверь.

Въ домѣ наступило молчаніе. Петръ Петровичъ вошелъ въ кабинетъ, опустился въ кресло и, казалось, забылся.

Въ первый разъ въ жизни онъ постигалъ одиночество во всей его полнотѣ, со всей его томительностью и безысходностью. Оно проникало всю его душу до дна.

Наступалъ вечеръ. Сѣрыя тѣни подкрадывались къ Петру Петровичу, окутывали его и куда-то неслышно удалялись.

Старые часы хрипѣли по прежнему.

Петръ Петровичъ не замѣчалъ, какъ наступила ночь. Мысли уносили его въ далекое прошлое. Свѣтлыми пятнами вставали картины пережитого счастья.

Ему вспоминались пять лѣтъ, прожитыхъ послѣ свадьбы въ имѣніи жены.

Молодая, красивая, энергичная, всегда веселая, съ ласкающими глазами, добрая, заботливая, всѣми любимая, нужная всѣмъ—Ольга, какъ живая, вставала передъ нимъ.

Онъ до безумія любитъ ее, онъ преклоняется передъ ней; онъ ясно чувствуетъ, что безъ нея онъ—ничто; онъ только тогда и живетъ, когда она съ нимъ, когда онъ чувствуетъ ея присутствіе. Для него свято все, гдѣ есть слѣды ея рукъ.

Поставитъ ли она букетъ цвѣтовъ на ломберный столикъ,

(почему-то особенно ясно представляется ему этотъ маленькій столикъ, гдѣ стояла большая, старинная лампа), и онъ боится коснуться этого букета... и еслибъ кто-нибудь задѣлъ его, онъ, кажется, возненавидѣлъ бы этого человѣка.

Ему тяжело видѣть, что она ко всѣмъ ласкова и добра, что душой она принадлежитъ всѣмъ, а не только ему одному...

Пять лѣтъ проходятъ какъ мгновенье. И еслибы не мучительная, безконечно тянувшаяся разлука съ Ольгой, когда онъ уѣзжалъ по дѣламъ въ Сибирь — эти пять лѣтъ были бы для него безпредѣльнымъ счастьемъ.

Одно огорчало Петра Петровича въ эти давно прошедшіе годы: у нихъ не было дѣтей. И ему вспоминается, какъ часто тайкомъ, чтобы никто не замѣтилъ, уходилъ онъ въ часовню, построенную дѣдомъ жены, и, ставъ на колѣна передъ стариннымъ, почернѣвшимъ отъ времени образомъ Спасителя, молилъ дать имъ ребенка.

Это было единственнымъ его желаньемъ, единственной мечтой.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ ихъ свадьбы, когда они переѣхали въ городъ, и когда Петръ Петровичъ потерялъ всякую надежду имѣть дѣтей—у нихъ родилась Маша.

И ему рисуется зимній солнечный день. Въ комнатахъ, тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ теперь такъ тихо и пусто, царили веселье, шумъ, торжество. Петръ Петровичъ устраивалъ праздникъ въ честь рожденія ихъ первенца.

Ольга уже поправилась, но выходить изъ своей комнаты еще не могла.

Петръ Петровичъ помнитъ, какъ послѣ обѣда онъ вошелъ въ комнату жены, взялъ маленькое дѣтское одѣяльце, завернулъ въ него только-что проснувшуюся Машу и вынесъ ее въ столовую.

Онъ помнитъ, какъ Маша заплакала, и этотъ дѣтскій плачъ, похожій скорѣе на пискъ маленькаго котенка, вызвалъ въ немъ наплывъ странныхъ, невѣдомыхъ ему еще чувствъ.

Это былъ экстазъ торжества.

— Нашъ первенецъ!—съ гордостью произнесъ тогда Петръ Петровичъ.

О, какое счастье пережилъ отъ тогда!..

— Баринъ, а баринъ!—раздался тихій голосъ изъ темноты.

Петръ Петровичъ вздрогнулъ, оглянулся и увидѣлъ въ дверяхъ толстую фигуру кухарки.

Съ неумолимой жестокостью представилось ему „теперь“.

— Ужинать надо,—какъ-то по обыкновенному просто сказала кухарка. — Ужинать будете, али нѣтъ? Вѣдь готовлю, готовлю, а все задарма.

— Не хочется, Степановна... Скучно... Дѣтей позови, накорми ихъ, а мнѣ что-то совсѣмъ ѣсть не хочется.

Петръ Петровичъ опять задумался.

— Баринъ, а баринъ! — снова заговорила Степановна. — Ты бы не тужилъ шибко-то. Что подѣлаешь; на все Божья воля... Ты бы лучше на Лену Петровну посмотрѣлъ: не захворала ли она, родимая? Вѣдь какъ пластъ лежитъ, не пошевелится.

Степановна, шлепая туфлями и, какъ утка, мѣрно покачиваясь своимъ грузнымъ тѣломъ, подплыла къ Петру Петровичу.

— Слушай, баринъ! — начала она, дотронувшись рукой до его плеча.—Послушай меня, старуху.

Степановна осмотрѣлась по сторонамъ, наклонилась къ уху Петра Петровича и тихо заговорила:

— Вѣдь акромя Лены Петровны съ покойной барыней на дачѣ-то, въ день смерти-то ея, вѣдь никого не было. Не случилось ли тамъ чего?.. Вѣдь Лена Петровна у насъ характерная (не въ обиду будь ей сказано). Не поссорилась ли она тогда съ покойницей-то? И не умерла ли наша барыня въ эту самую ссору?.. Дохтуръ говоритъ, что разрывъ сердца съ барыней-то случился. А отчего онъ случился — Богъ вѣдаетъ... Я въ ту пору въ кухнѣ была, посуду перемывала. Перемыла и пошла къ барынѣ спросить, что къ ужину пожелается имъ заказать. Захожу я въ ея комнату и вижу: она, наша голубушка, на полу лежитъ, глаза закатились, лицо какъ стѣна. А Лена Петровна рядомъ лежитъ. Такъ и прилипла къ барынѣ-то. Безъ чувствъ, должно-быть, была, родимая. Стала я кричать, на помощь звать. Прибѣжали дѣвки, парни деревенскіе. Стали мы Лену Петровну отъ барыни оттаскивать, а она не пускается. Стали водой обливать. Пришла она, значитъ, въ чувство-то, приподнялась на колѣнки, да вдругъ какъ закричитъ... словно звѣрь какой (не въ обиду будь ей сказано), и опять замерла. Перенесли мы ее въ другую комнату, а сами стали барыню, нашу голубушку, откачивать. Да такъ и не откачали!..

Степановна всхлипнула и вытерла передникомъ навернувшіяся слезинки.

— Не хотѣла я тебѣ сказывать объ этомъ, баринъ, голубчикъ ты нашъ, да вѣдь силушки моей не хватаетъ на Лену-то Петровну глядѣть; ужъ больно она мучается, горемычная. Авось

ты ей поможешь грѣхъ-то ея облегчить, кровь-то материнскую смыть... Потому и говорю тебѣ, баринъ. Не сказала бы, еслибъ Богъ не велѣлъ...

Петръ Петровичъ остановившимися, будто окаменѣвшими глазами глядѣлъ на Степановну. Что-то темное и громадное спускалось ему на плечи, давило, тянуло внизъ, въ темноту...

Степановна не замѣчала окаменѣвшаго лица Петра Петровича, не видѣла остановившихся, широко-раскрытыхъ его глазъ. Предполагая, что оставаться ей дольше не слѣдуетъ, она съ чувствомъ выполненнаго долга вышла изъ кабинета.

Тишина, угрюмая тишина снова водворилась въ домѣ...

Маша сидѣла въ углу своей комнаты, болѣзненно прислушиваясь къ тишинѣ.

Послѣ смерти матери она считала своимъ долгомъ помочь семьѣ пережить ихъ общее горе. Но какъ помочь—она не знала. Пойти утѣшать она не могла, на это не хватало силъ—и тихая, молчаливая Маша просиживала цѣлые дни и ночи въ углу своей комнаты, ожидая, не позоветъ ли ее Петръ Петровичъ или Лена и не попросятъ ли ее о чемъ...

Иногда, заслышавъ стонъ, Маша подходила къ комнатѣ сестры съ намѣреніемъ пріоткрыть дверь и спросить, не нужна ли она Ленѣ. Но потревожить ее она не рѣшалась и, постоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшительности, снова уходила и снова начинала слушать и ждать.

Лена лежала по прежнему не шевелясь и лишь изрѣдка глухо стонала.

Послѣ смерти матери что-то темное и громадное легло ей въ душу.

И не было это тоской по умершей, не было это и сознаніемъ безысходнаго одиночества, угнетавшимъ Петра Петровича; не было и страданіемъ за чужое горе, какъ у Маши. Это было чѣмъ-то непреложно реальнымъ, ясно ощутимымъ, но не выливающимся въ опредѣленную форму мысли или чувства.

Это было бременемъ, застывшимъ въ душѣ, безформеннымъ, мертвящимъ гнетомъ. Шла вторая недѣля, какъ умерла Ольга Васильевна. Лена лежала въ тяжеломъ полу-забытьѣ. Все, что происходило кругомъ, было ей чуждо и непонятно; ея отупѣвшіе нервы не воспринимали внѣшнихъ впечатлѣній, мозгъ почти

отказывался работать. Лишь изрѣдка мелькала яркая мучительная мысль о томъ, что̀ произошло на дачѣ, въ день смерти матери. И когда, пробужденная этой мыслью, Лена глядѣла на бѣлую стѣну своей комнаты, или на потолокъ со старинной массивной рѣзьбой, или на край своего ученическаго столика, гдѣ лежали ея учебники и тетради — вездѣ она видѣла красныя горящія буквы и читала одни и тѣ же слова: „я ее убила"...

Ночью, въ глухой тишинѣ, мама являлась ей, окутанная бѣлой, прозрачной дымкой. Ея глаза пристально глядѣли на маленькое, съёжившееся тѣло дочери, внушая какую-то странную, непонятную мысль. Затаивъ дыханье, боясь пошевелиться, Лена, какъ запуганный нянькиной сказкой ребенокъ, лежала въ жару.

И было невыносимо лежать, когда такъ хотѣлось броситься къ ней, обожаемой мамѣ, цѣлуя, лаская и руки ея, и глаза ея, и всю ее, такую нѣжную и родную, родную.

Но какъ только Лена хотѣла подняться, глаза матери загорались таинственнымъ свѣтомъ, настойчиво внушая какую-то мысль.

И Лена каменѣла отъ этого взгляда.

„Что̀, что̀, мама, родная, что̀?"—кричали въ ней скорбь и отчаянье.

Но откликомъ были лишь взглядъ да страшная мысль объ убійствѣ.

Шли дни, шли монотонной вереницей... Лена не замѣчала времени. И казалось ей, что нѣтъ жизни, а есть только сны, нѣмые и жгучіе...

Ей снился лѣтній солнечный день, снился катафалкъ, увѣнчанный живыми пестрѣющими цвѣтами. Мама лежитъ на этомъ катафалкѣ вся въ цвѣтахъ, и яркій лучъ солнца играетъ ея серебристыми волосами. Кругомъ царитъ тишина. И во снѣ Лена чувствуетъ, какъ хорошо мамѣ въ этомъ свѣтѣ и въ этой тишинѣ...

Она стоитъ недалеко отъ катафалка, глядитъ на блѣдную, словно восковую маму и не плачетъ; да и нельзя плакать, когда такъ хорошо кругомъ... Да мама и не умерла. Она только спитъ, и цвѣтами ее обложили чтобы скрасить сонъ ея, чтобъ любоваться, какъ она спитъ. Думали, что она умерла, потому и положили ее на это траурное ложе. А она только спитъ. И не такъ долго будетъ спать, какъ думали, когда украшали ее цвѣтами. Она скоро встанетъ и будетъ ласкать своимъ взглядомъ весь міръ, и ее, свою бѣдную, жалкую дочь, ее тоже приласкаетъ.

Вотъ она уже проснулась, пріоткрыла глаза, сейчасъ встанетъ. Да ей совсѣмъ и не трудно встать, только цвѣты мѣшаютъ: она боится помять ихъ. Но вотъ она приподнялась...

— О, мама, мама, мамочка золотая! — кричитъ въ всеобъемлющемъ счастьѣ Лена. И цѣлуетъ ее, и обнимаетъ, и ничего не можетъ сказать ей, а только шепчетъ, шепчетъ это святое слово „мама", и снова цѣлуетъ ее, и смѣется какимъ-то страннымъ смѣхомъ, и плачетъ восторженными слезами. Подушка вся смочена ими. Сна больше нѣтъ. Она проснулась и смотритъ въ окружающую тьму.

Глаза широко раскрыты, хотятъ видѣть, различать предметы, а видятъ лишь тьму, глухую и страшную. И глаза какъ будто окаменѣли. Глядятъ и ничего не видятъ, и не мигаютъ. Остановились и не закрываются, и никогда, кажется, не закроются. Одинъ только ужасъ кричитъ изъ этихъ глазъ. О, хотя бы они заплакали! Вѣдь ужасно, если они не заплачутъ!..

А мракъ начинаетъ сгущаться, и Лена чувствуетъ, какъ онъ шевелится. Ожилъ и шевелится, мягкій, легкій, мутно-сѣрый, какъ дымъ.

Но свѣтъ?.. Откуда этотъ ослѣпительный свѣтъ? Даже больно глазамъ.

Да это мама стоитъ. Платье темно-сѣрое... Да, она узнаетъ это платье. Это—любимое мамино платье. Она была въ немъ въ послѣдній день жизни.

А рядомъ? Кто это рядомъ? Больно глазамъ, о, какъ больно!.. Да вѣдь это она, она сама, убійца ея.

Мама шевелитъ губами, значитъ она о чемъ-то говоритъ; она о чемъ-то проситъ, потому что такіе грустные и молящіе у нея глаза.

Но та, двойникъ Лены, не сдается на просьбы. И Лена слышитъ, какъ изъ мрака и застывшей тишины звучитъ ея собственный голосъ.

— „Не могу... понимаешь, я не могу остаться въ нашемъ домѣ. Довольно вы мучили меня. Я хочу быть свободной, понимаешь, свободной. Не надо мнѣ вашихъ заботъ: я не нуждаюсь въ нихъ. Вы мѣшаете мнѣ жить. Вы слѣдите за каждымъ моимъ шагомъ. Я не хочу такой пытки... Вы держали меня въ институтѣ, когда мнѣ хотѣлось быть дома, когда мнѣ такъ нужна была ты. Я рвалась къ вамъ. Вы меня оттолкнули, жестокіе".

Сквозь тишину не слышно больше крика; какой-то неистовый шепотъ прорѣзаетъ воздухъ.

— „Я ненавижу васъ всѣхъ, ненавижу за то, что вы отняли

у меня самые лучшіе годы; за то, что бросили меня въ проклятую тюрьму, и успокоились; за то̀, что заставляли меня жить тамъ, за то̀, что мучили меня, еще совсѣмъ дѣвочку, цѣлыхъ семь лѣтъ!"

Шепотъ замолкъ, и вдругъ злой, ненавистническій смѣхъ задрожалъ сквозь мутный шевелящійся мракъ.—„Какъ смѣшно!.. Мы помѣнялись мѣстами... Раньше я ползала передъ тобой и папой на колѣнахъ, умоляя взять меня изъ проклятой тюрьмы. Теперь *ты* плачешь и молишь меня остаться съ вами... Какъ смѣшно мнѣ глядѣть на тебя"...

И уже не слышно смѣха. Голосъ звучитъ сурово и дерзко:

— „Но я не сдамся на твои просьбы, слышишь, не сдамся!.. Силой вы не удержите меня. Я не прежній безсильный ребенокъ"...

— „Леночка!—раздается знакомый ласкающій голосъ.—Ты не права, ты знаешь, что взять тебя домой мы не могли: это не отъ насъ зависѣло. Ты сама знаешь".

Но та, двойникъ, уже не помнитъ себя, не слышитъ, что̀ говоритъ ей мама.

— „Теперь довольно пытки!"—рѣжетъ тишину злой, временами срывающійся голосъ.—„Я ухожу, и никакія просьбы, никакія слезы меня не тронутъ. Да вы и не смѣете плакать. Плачутъ только тѣ, у кого доброе сердце. У васъ его нѣтъ: иначе вы не смогли бы видѣть мои страданья и все-таки держать меня въ тюрьмѣ. А теперь?.. Я знаю, что вы подслушивали у моей двери, когда приходили ко мнѣ знакомые. Я знаю, что вы шарили у меня подъ подушкой, когда я спала... Я ненавижу васъ за это. Какъ смѣли вы такъ оскорблять меня?!"

И Лена видитъ, какъ глаза ея двойника заблестѣли страннымъ свѣтомъ, лицо исказилось отъ злобы, руки сжались крѣпко... Сейчасъ она кинется на свою мать. Жутко и страшно ждать...

Надо предупредить этотъ моментъ. Но какъ предупредить? Безсиліе—ужасное, невыносимое безсиліе. Какъ проклинаетъ его она теперь! Какъ проклинаетъ!..

И сквозь мракъ Лена слышитъ тихій, родной, надорванный голосъ: — „Неправда!.. Клянусь тебѣ, никогда этого не было, никогда я не подслушивала, никогда"...

Сквозь тишину раздается какой-то странный хрипъ, и мама, какъ скошенный колосъ, падаетъ въ живой, шевелящійся мракъ...

Силъ нѣтъ, ничего нѣтъ!.. Тьма, тьма!..

О, еслибъ можно было схватить ея руки, прижаться къ колѣнамъ и вымолвить это простое, горячее слово: „прости"! Можетъ-быть легче бы стало. И такъ необходимо нужно сдѣ-

лать что-нибудь такое, отъ чего стало бы легче; надо найти какую-то простую, маленькую мысль и что-то сдѣлать. И вѣдь она чувствуетъ эту мысль, и стòитъ только немного подумать, какъ она пойметъ ее. Кажется, вотъ, вотъ она догадается, и какъ легко станетъ, какъ легко! Но что же надо понять? И еще тяжелѣй оттого, что не въ силахъ понять...

— Плакать, плакать надо; но слезъ нѣтъ, нельзя плакать.

— „Молиться надо"—пронеслось у нея въ головѣ.

Она зажгла свѣчу. Встала на колѣна передъ маленькимъ образомъ, которымъ благословила ее мать; упала лицомъ на холодный полъ и, казалось, забылась.

Лежала долго, не шевелясь, не произнося ни одной мольбы.

Потомъ приподнялась, пустымъ взглядомъ обвела комнату; хотѣла встать. Но вдругъ лицо ея исказилось безумною радостью.

Быстро шевеля колѣнами, поползла она къ тому мѣсту, гдѣ видѣла призракъ своей умершей мамы, и, протянувъ руки впередъ, съ нѣжностью и мольбой зашептала:

— Мамочка, моя ненаглядная мама, моя святая мама!.. Тебѣ молюсь. *Ему* я не могу молиться... Ты меня слышишь, я знаю. Ты все видишь, ты все понимаешь... Я—твоя убійца, я...

Лена остановилась, не зная, чтò сказать, о чемъ просить.

— Родная! — вырвался стонъ изъ ея груди — прости мнѣ! Помоги мнѣ!.. Ты видишь, я не могу больше страдать...

Она упала на полъ, закрыла лицо руками и зарыдала тихо, почти беззвучно.

Прошла еще недѣля.

Лена уже не вставала съ кровати. Лежала тихо, не шевелясь. Лицо не выражало больше мýки, но синія, тонкія губы и бѣлый, какъ полотно, лобъ говорили о чемъ-то страшномъ и непонятномъ, отъ чего она умирала.

Лицо, какъ маска, было мертво. Лишь по временамъ оно начинало жить. Вѣки хотѣли подняться, губы старались шептать. Казалось, что Ленѣ хотѣлось говорить. Но силъ не хватало на это. И послѣ долгихъ усилій что-то сказать лицо становилось спокойнымъ, какъ прежде, и каменѣло. Теперь она не замѣчала, когда заходили къ ней. Когда кто-нибудь изъ родныхъ рыдалъ у ея изголовья, она силилась улыбнуться въ отвѣтъ на эти рыданья... Жизнь покидала ее съ каждой минутой.

Время летѣло и уносило съ собой страданье...

Марія Гриффъ.

КЪ ЗВѢЗДАМЪ

(Астрономическія стихотворенія.)

I.

Южный Крестъ [1]).

За полярнымъ льдистымъ кругомъ,
Гдѣ лучиста высота,
Вѣчно плаваютъ надъ югомъ
Звѣзды Южнаго Креста.

Имъ стезей меридіана
Такъ хотѣлось бы уйти
И въ тропическія страны
Яркій свѣтъ свой принести!

Но за ними словно туча
Въ небѣ темная лежитъ.
Въ той странѣ она могуча
И влечетъ ихъ какъ магнитъ.

Въ ихъ предвѣчной долѣ звѣздной
Имъ пути иного нѣтъ,—
И надъ мрачной мглистой бездной
Льютъ онѣ свой дивный свѣтъ!

---

[1]) Самое красивое созвѣздіе южнаго неба, за которымъ чернѣетъ на небѣ огромное таинственное пятно, называемое астрономами Угольнымъ мѣшкомъ.

II.

Въ небесномъ пространствѣ.

Мнѣ казалось, одинокій,
Средь ночныхъ свѣтилъ,
Во вселенной, въ тьмѣ глубокой,
Позабытъ я былъ.

Тамъ горѣли и играли
Искрами огня
И въ безбрежность улетали
Звѣзды близъ меня.

А вдали, со звѣзднымъ роемъ,
Какъ дитя мечты,
Все обливъ горячимъ зноемъ,
Пролетѣла ты.

И я звалъ тебя. Но глухо
Было все вокругъ.
Не ласкалъ собою слуха
Ни единый звукъ.

Ты умчалася далеко
Свѣтлою звѣздой,
И грустилъ я одиноко
Въ безднѣ міровой.

III.

Южный Континентъ.

Въ свѣтѣ южнаго сіянья,
Какъ въ вѣнкѣ изъ яркихъ лентъ,
Словно базисъ мірозданья,
Дремлетъ льдистый континентъ.

Въ немъ, вдали отъ океана,
Погруженный въ тихій сонъ,
Облаками Магеллана [1])
Южный полюсъ осѣненъ.

А надъ нимъ, во мглѣ холодной,
Вѣчный сторожъ этихъ мѣстъ,
Надъ равниною свободной
Тихо ходитъ Южный Крестъ.

И въ лучахъ его сіянья
Въ чистомъ блескѣ льдистыхъ слёзъ,
Дремлетъ полюсъ въ обаяньи
Вѣчно юныхъ, дивныхъ грёзъ.

Въ немъ подъ грудью ледниковой
Возникаетъ странный сонъ,
Что зарею жизни новой
Свѣтитъ южный небосклонъ;

Что промчались дни былые
Въ вѣчной жизни вещества,
И на немъ уже иныя
Возникаютъ существа,

И что съ той же жаждой знанья
Въ дольномъ мірѣ свѣтитъ вновь
Новымъ дѣтямъ мірозданья
Та же вѣчная любовь.

И объятъ онъ мыслью смѣлой,
Что, въ дали иныхъ временъ,
На землѣ оледенѣлой
Первый вѣстникъ жизни онъ...

И во мглѣ ночной лазури
Вспыхнулъ Южный Континентъ,
Весь въ огняхъ магнитной бури
Подъ вѣнкомъ лучистыхъ лентъ.

---

[1]) Магеллановы облака—два огромныя звѣздныя скопленія надъ южнымъ полюсомъ, гдѣ всѣ звѣзды, по причинѣ отдаленности, слились въ свѣтлый туманъ.

А надъ нимъ въ красѣ нетлѣнной,
Высоки и далеки,
Всколыхнулись во вселенной
Вѣчной жизни огоньки!..

Николай Морозовъ.

ДОМЪ
ОБЩЕСТВЕННЫХЪ КВАРТИРЪ

Изъ адреса на открыткѣ, написанной мнѣ знакомою курсисткой, я узналъ, что живу въ „домѣ общественныхъ квартиръ“. Курсистка думала, что „комнаты на правахъ квартиры“, гдѣ я поселился, похожи на фаланстеръ. Она забыла, что система общежитія благороднѣйшаго изъ мыслителей основана на „attraction“, на симпатіи, на притяженіи — а въ наши комнаты попадали люди, которымъ какъ разъ не хватало „attraction“.

Въ этомъ—первая разница между комнатами на правахъ квартиры, находящимися по Измайловскому проспекту, домъ № 264, и фаланстеромъ.

Вторая—въ томъ, что домъ гораздо больше напоминалъ одиночную тюрьму, чѣмъ общежитіе.

Въ немъ—тѣ же темные коридоры, тѣ же запертыя на замки двери отдѣльныхъ комнатъ, стѣны которыхъ на одну половину выкрашены въ сѣровато-зеленую краску, на другую выбѣлены известью. Полъ въ нихъ желтый, облѣзлый, съ вытоптанной по срединѣ дорожкой — по немъ такъ же долго и много ходятъ жильцы, какъ долго и много заключенные ходятъ по камерамъ.

Еще больше напоминалъ онъ тюрьму тишиной, наполнявшей его въ зимніе вечера. Тогда становилось тихо, какъ въ тюрьмѣ послѣ вечерней повѣрки; шипѣніе газа въ рожкѣ коридора, едва освѣщеннаго зеленовато-желтымъ свѣтомъ, слышалось совершенно ясно—и своя кровь шумѣла въ ушахъ.

Особенность такой тишины—въ томъ, что самый сильный шумъ не нарушаетъ ее, а подчеркиваетъ и усиливаетъ; гулъ

шаговъ гулокъ лишь въ пустыхъ и молчащихъ помѣщеніяхъ—въ храмахъ, склепахъ и тюрьмахъ. Звуки подъ ихъ сводами—только волны сотрясеннаго воздуха; ударившись о стѣны, двери и стекла оконъ, онѣ отскакиваютъ и падаютъ словно птица, грудью ударившаяся объ стекло.

Тишину слышно.

Въ домѣ жили тысячи человѣкъ, но только жильцы одного и того же коридора знали другъ друга, да и то очень мало. Наши комнаты походили на каюты громаднаго заатлантическаго парохода, но у насъ не было ни каютъ-компаніи, ни даже общей столовой. Каждый жилъ только въ своей каютѣ и, входя въ нее, на ключъ запиралъ за собой дверь.

Правда, мѣсяца черезъ два-три ближайшіе сосѣди знали одинъ про другого всю подноготную, но странное это было знакомство: узнавали не видя, а слыша...

Впрочемъ, такъ лучше знакомиться съ людьми. Глаза—опасный свидѣтель; они говорятъ слишкомъ много и часто не во-время то, что скрываетъ языкъ. Хоть сколько нибудь пристально смотрѣть въ глаза другого — страшно. И въ свои собственные не слѣдуетъ смотрѣть долго въ зеркалѣ; лишь ограниченные, неодаренные люди — больше всего женщины — любятъ смотрѣться въ зеркало, не боясь самихъ себя. Но женщина по Бодлэру—существо sans rire s'adorant et s'aimant sans dégoût.

Многіе ли смѣютъ обожать себя безъ смѣха и любить безъ отвращенія?..

Нашъ домъ, въ смыслѣ знакомства съ людьми, очень удобенъ: мы раньше слышали другъ друга, чѣмъ видѣли.

Конечно, слушать другого, полагающаго, что онъ одинъ, тоже опасно, но видѣть—хуже. Когда въ тюрьмѣ слышишь, что въ одной изъ камеръ громыхаютъ замки, раздается топотъ, а потомъ не слышишь шаговъ ея обитателя, тогда знаешь, что его или освободили, или увезли. Иногда узнаешь, что онъ умеръ, но какъ-то объ этомъ стараешься не думать. Также и въ нашемъ домѣ слышишь, какъ пустѣетъ комната, какъ около нея стучатъ сапогами ломовые извозчики, кричитъ швейцаръ. Перестаешь встрѣчать въ коридорѣ фигуру пожилой, неуклюже сложенной женщины-врача, всегда выходящей въ бѣлой ночной кофтѣ, всегда курящей насыпную папиросу, и потомъ узнаешь, что ее отвезли въ больницу.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять встрѣчаешься съ ней; сначала она ходитъ медленно, съ трудомъ, какъ выздоравливающая, но куритъ по прежнему; потомъ, какъ всѣ—и при

встрѣчѣ взглядываетъ такъ, какъ будто что-то хочетъ сказать. Съ ней я не говорилъ ни разу, но развѣ трудно разсказать всю ея жизнь по этимъ встрѣчамъ? Думается, нѣтъ. Лермонтовъ великодушно ошибся, сказавъ, глядя на кладбищенскіе памятники: „подъ каждымъ изъ нихъ погребена всемірная исторія".

У обыкновенныхъ людей души не похожи на всемірную исторію, или они сами не знаютъ объ этомъ и, не зная, выдумываютъ свою, пошлую и маленькую.

Вотъ хотя бы жилецъ изъ 32-го. Онъ совсѣмъ молодой, лѣтъ двадцати-шести, не больше. Пріѣхалъ недавно, искалъ комнату подешевле, но пришлось занять самую большую—другихъ не было. Каждый день горничная, щеголеватая и красивая, приносила ему обѣдъ. Съ ней прибѣгала собачка, громко стучавшая когтями по полу коридора; она садилась у дверей хозяина, жалобно повизгивала, царапала лапами дверь, а хозяинъ, чуть-чуть пріотворяя ее, говорилъ:

— Скажите барынѣ, что не надо присылать обѣдъ—я его брать не буду.

Горничная улыбалась насмѣшливо и презрительно, кругло повертывалась на каблукахъ, звала собачку и уходила.

Такъ длилось два мѣсяца; на третій баринъ сталъ принимать обѣдъ, на четвертый уѣхалъ.

Аннушка, наша коридорная, здоровая, пахнущая потомъ, краснощекая и глупая дѣвушка, сообщила мнѣ новость объ отъѣздѣ барина изъ 32-го утромъ, убирая комнату.

— Сама пріѣхала! — задыхающимся шепотомъ говорила она. — Нарядная такая, въ шляпкѣ, красивая. А онъ-то плакалъ!—И какая-то странная, будто похотливая и жесткая улыбка полуиграла на губахъ этой придурковатой и глухой на одно ухо олонецкой дѣвки.

Въ душѣ она и не понимая идеи торжества женщины, красивой и молодой, надъ мужчиной, который плачетъ, радовалась факту ея побѣды. Женщины вообще торжествуютъ чаще, чѣмъ онѣ сами увѣряютъ и чѣмъ, съ ихъ словъ, думаютъ мужчины.

Другой мужчина, съ которымъ я познакомился, не былъ жильцомъ коридора, но часто приходилъ къ намъ. Знакомство началось странно. Утромъ я вышелъ на кухню — бралъ кипятокъ—и пока стоялъ съ чайникомъ у крана, ко мнѣ обратилась маленькая женщина; личико у нея было будто въ плиссе и покрытое красными пятнами, какъ отъ обжоговъ. Ротъ тихій, довольно пріятный, безхарактерный и сластолюбивый; глазки вылинявшіе и какіе-то мокренькіе; волоса жидкіе, безцвѣтные.

— Извините пожалуйста—вы, кажется, въ газетѣ служите,— начала женщина.

Когда мою профессію называютъ „службой въ газетѣ", то я, смотря по настроенію, или отвѣчаю иронически, или, если золъ, прекращаю разговоръ. Наружность у меня должно-быть такая, что какъ-то никто не вѣритъ, что я пишу, а не служу въ конторѣ. Впрочемъ девяносто девять сотыхъ искренно принимаютъ писанье статей за составленіе конторскихъ отчетовъ. Быть можетъ, они и не такъ далеки отъ истины.

Ей я отвѣтилъ, что „служу" сразу въ трехъ газетахъ. Въ ея глазахъ явно отразились и зависть, и недовѣріе; она даже переспросила: „сразу въ трехъ?" и потомъ вкрадчиво:

— Видите ли, у меня родственникъ есть—онъ (съ нѣкоторой гордостью) студентъ, но работы никакой найти не можетъ, такъ вотъ нельзя ли его въ газету вашу пристроить.

— Онъ пишетъ?

— Да ужъ не знаю, какъ сказать, онъ вамъ самъ скажетъ, а только все равно гдѣ, въ конторѣ или въ редакціи. Онъ какъ разъ у меня сидитъ, можно его прислать.

— Что-жъ, пришлите.

Черезъ полчаса у моихъ дверей тихо постучали.—„Войдите". Стукъ повторился, но никто не входилъ. Пошелъ самъ отворить дверь и на порогѣ увидалъ не родственника, а родственницу; она застѣнчиво, немного кокетливо улыбалась и на мой нѣсколько удивленный видъ поспѣшила сказать:

— Родственникъ мой боится къ вамъ придти; не пройдете ли вы къ намъ? У насъ, кстати, и кофе готовъ, а вы, навѣрно, еще не пили.

Идти пить кофе я наотрѣзъ отказался, и она огорченно прибавила:—Такъ ужъ, значитъ, самому придти?

— Самому.

Опять долго спустя — не стынуть же кофе родственницы— постучались у дверей,. и опять мнѣ самому пришлось открыть ихъ, такъ какъ на приглашеніе войти никто не входилъ. На этотъ разъ это былъ родственникъ.

Въ комнату онъ вошелъ быстро, рѣшительно и опережая меня. Отрекомендовались. У него было загорѣлое лицо съ рѣзко очерченными темными бровями, большой прямой носъ, небольшіе подстриженные усы. Волосы подъ гребенку; туловище сильное и большое; китель цвѣта хаки. Руку онъ мнѣ пожалъ очень сильно и тотчасъ же сѣлъ. Сходства съ родственницей ни малѣйшаго, родство было, очевидно, не кровное.

Начался разговоръ.

— Я бывшій офицеръ—сказалъ онъ.

— Какой?

— Казачій.—Мнѣ стало досадно, что я не догадался, но за то когда Паромовъ сказалъ, что онъ бывшій казакъ, мнѣ даже показалось, что у него въ одномъ ухѣ серьга: такъ онъ былъ похожъ на казацкаго урядника или подъ-есаула изъ природныхъ донцовъ.

— Изъ полка я ушелъ—продолжалъ Паромовъ;—сдалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и теперь въ университетѣ, да только трудно приходится. А тутъ еще знакомые натравили меня пѣть; опять учиться надо, деньги тоже, хотя и говорятъ, что голосъ у меня хорошій.

Я вспомнилъ дѣйствительно хорошій, мощный и пріятнаго тембра басъ, пѣвшій оперные мотивы въ боковомъ коридорѣ.

— Такъ это вы поете?

— Я—улыбнулся онъ.—Трудно это, особенно когда зарабатывать приходится—я въ газеты хронику таскалъ.—И онъ показалъ газетную вырѣзку, петитомъ: отчетъ о засѣданіи какого-то общества поощренія апи-культуры въ Уфимской губерніи.—Мнѣ моя родственница—онъ слегка, но очень слегка запнулся—говорила о васъ, такъ я и позволяю себѣ обратиться къ вамъ.

Мы поговорили еще немного, и родственныя связи ихъ стали мнѣ совсѣмъ ясны.

Потомъ, встрѣчаясь на коридорѣ, родственница неоднократно спрашивала меня:

— Ну, что мой протеже?

Третій мужчина нашего коридора былъ моимъ сосѣдомъ по комнатѣ. Служилъ въ какомъ-то медицинскомъ управленіи, былъ родомъ изъ западныхъ губерній. Роста большого и сложенъ какъ слѣдуетъ быть. Говорилъ немного съ польскимъ акцентомъ, но поляковъ не любилъ и разъ, во время разговора, узнавъ, что я читаю историческое произведеніе, сказалъ искренно и убѣжденно, что въ исторіи все вздоръ пишутъ и что всѣ знаютъ это. Утромъ уходилъ къ 10-ти на службу, возвращался къ 6-ти вечера; иногда цѣлыя недѣли не выходилъ вечерами, очень поздно ложился, но что дѣлалъ—не знаю, только не читалъ, такъ какъ въ его комнатѣ ни одной книги не было. Кое-когда къ нему заходили товарищи-чиновники въ формахъ полувоенныхъ, должно-быть интендантскіе; приносили пиво и около часу выходили шумной гурьбой. Возвращался послѣ этого онъ не одинъ. За его стѣной слышались шелестъ женскаго платья,

полузадушенный смѣхъ и вздохи. Разъ утромъ я слыхалъ: „за цѣлую ночь два рубля далъ". Къ веснѣ смѣхъ и шелестъ женской одежды стали раздаваться гораздо чаще. Гостья оставалась часовъ до десяти другого дня; они вмѣстѣ пили чай и, судя по голосамъ, были довольны другъ другомъ, идилліей семейнаго утренняго чая.

Въ мартѣ у насъ поселился въ маленькой боковой клѣтушкѣ странный жилецъ. Клѣтушка ходила всего за восемь рублей въ мѣсяцъ, примыкала къ умывальникамъ, а тѣ—къ ватерклозетамъ. Окно выходило въ темный колодезь, образуемый четырьмя сходящимися стѣнами; лампу нужно было зажигать и днемъ. Жилецъ былъ совсѣмъ молодой, года двадцать-два—двадцать-три; у него былъ тяжелый шагъ человѣка, ходившаго немного волоча ноги и съ перевальцемъ. Когда я его встрѣтилъ въ коридорѣ, онъ какъ-то ненужно въ упоръ посмотрѣлъ на меня. Глаза у него были голубые, ясные, небольшіе, почти дѣтски-невинные и, въ то же время, совершенно безстыжіе. Они придавали ему такой видъ, какъ будто онъ весь былъ голый или дѣлалъ какое-то неприличіе. На кухню онъ выходилъ въ турецкомъ халатѣ, одѣтомъ на нижнее бѣлье; выходя на улицу, одѣвался съ элегантностью приказчика или ретушера; иногда надѣвалъ студенческій китель, но его свѣтлыя пуговицы, проходя по коридору, неловко прикрывалъ рукой. Къ нему ходила барышня, миловидная, съ мелкими, острыми чертами лица. Смотрѣла она—словно схватывала что-то глазами и сейчасъ же опускала ихъ.

Вскорѣ распространился слухъ, что новый жилецъ—сыщикъ. Слухъ шелъ отъ портнихи изъ 44-го и подтверждался прислугой. Про барышню говорили, что она „помогаетъ". Потомъ прислуга, вѣроятно припугнутая, стала отрицать и говорить, что „вовсе онъ не сыщикъ", а служитъ не то въ конторѣ, не то въ фотографіи, и даже обѣщалъ принести аппаратъ и всѣхъ снять. Врала она чисто по-женски, т.-е. или не умѣя, или даже не считая нужнымъ придавать лжи видъ правдоподобія, дѣлая ее совершенно безсмысленной.

Мѣсяцъ-другой послѣ переселенія сыщикъ захворалъ. Онъ долго лежалъ въ своей клѣтушкѣ; къ нему носили ледъ; ко мнѣ приходили спрашивать, нѣтъ ли у меня пузыря для ледяныхъ компрессовъ. Барышня заходила рѣдко и все на-спѣхъ, хотя, когда онъ былъ здоровъ, они почти каждый вечеръ выходили вмѣстѣ и она часто оставалась ночевать у него. Потомъ я увидѣлъ дверь комнаты, открытую настежь, и самую комнату, похожую на чуланъ, въ которомъ стояли ящики съ бумагой, соломой

и еще какою-то старою утварью. Сыщикъ уѣхалъ, и когда я спросилъ Лену — умную, хитрую, хотя и неграмотную женщину, нашу старшую прислугу — „гдѣ же сыщикъ?“ — она отвѣтила: „Уѣхалъ“—и прибавила: „онъ на васъ обижался“.

— За что?

— А какъ же, вы утромъ въ кухню приходите и каждый разъ спрашиваете: „ну, а какъ сыщикъ?“—а ему все слышно.

Если не считать меня и „повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ“, поселившагося у насъ лѣтомъ, больше мужчинъ не было. Повѣренный носилъ военную фуражку дворянскаго образца, одѣвался въ свѣтлые лѣтніе костюмы и не знаю, только ли хотѣлъ нравиться женщинамъ, или нравился дѣйствительно. Видъ у него былъ самоувѣренный и отпечатокъ „благородства“ смѣшивался съ отпечаткомъ человѣка, играющаго въ карты съ намѣреніемъ выиграть и пойти съ шикарными пѣвичками въ загородный садъ, прокутить часть выигрыша.

Дамъ у насъ жило несравненно больше. Собственно весь домъ, всѣ его пять корпусовъ, по пяти этажей каждый, были заселены женщинами. Всѣ женскія профессіи, ремесла и искусства имѣли своихъ представительницъ и, увы, исполнительницъ, ибо швеи шили, консерваторки брали верхнее *Si* или разыгрывали гаммы, будущія Дузэ умирали въ истерикахъ и настоящія Магдалины танцовали матчишъ. Иногда это было занятно, но часто хотѣлось испытать силу мелинита, его способность поднять на воздухъ піанино или въ дребезги разбить контрабасъ.

Мое утвержденіе сочтутъ несправедливымъ, но я настаиваю, что первое отличіе женщинъ отъ мужчинъ—въ томъ, что каждая женщина больше похожа на каждую, чѣмъ каждый мужчина на другого. Другими словами, среди женщинъ меньше оригинальности, а значитъ меньше и индивидуальности. Онѣ больше овцы, чѣмъ мы—волки, хотя каждый изъ насъ можетъ быть тигромъ. Женщины любятъ одинаково и даже ненавидятъ одинаково; мысль у нихъ у всѣхъ направлена прежде всего на себя и затѣмъ на мужчину. У милліоновъ она никогда отъ этого не отходитъ, а если у нѣкоторыхъ и отойдетъ, то такія непремѣнно изуродуютъ себя, свою жизнь и жизнь тѣхъ, съ которыми столкнутся...

Впрочемъ, въ осужденіи женщины всегда есть или лицемѣріе, или месть. Конечно, я говорю о хорошенькой женщинѣ, такъ какъ о некрасивыхъ просто не говорятъ, какъ о женщинахъ. Изъ мужской головы никогда не выбьешь вопроса о красотѣ женщины, и недаромъ Чеховъ говорилъ о любви, ко-

торой любятъ „хорошенькихъ, но гадкихъ женщинъ“, а Мопассанъ, лучшій знатокъ ихъ сердца, презиралъ ихъ и, обожая, прощалъ имъ женскую слабость.

Съ нашими женщинами я сперва знакомился по слуху, также какъ съ мужчинами. Когда около 9-ти утра я слыхалъ пронзительный и непріятный, по утреннему раздраженный крикъ: „Аннюшка!“ — я зналъ, что это кричала „французенька“ изъ 36-го. Она больше двадцати лѣтъ жила въ Россіи, очень плохо говорила по-русски и никакъ не могла понять, для чего берутъ у нея уроки довольно многочисленныя русскія барышни. Ей онѣ были непріятны потому, что ничего не дѣлали, учились, чтобы убить время, и, кое-какъ болтая на quasi-французскомъ языкѣ, считали себя очень образованными, принадлежащими къ beau monde'у; не любила еще потому, что онѣ неакуратно платили за уроки. Ея сынъ служилъ управляющимъ гостинницы гдѣ-то въ кавказскомъ курортѣ; онъ часто присылалъ ей терпкаго кахетинскаго вина, но почти никогда не писалъ, что ее огорчало. Сама она была мало образованна; все, что у нея было культурнаго, было не ея собственное личное, а культура ея народа, ея родины. Работала много и копила деньги, нося ихъ въ сберегательную кассу.

Другая француженка была корсетница. Въ ней было много того, что французы и въ работѣ называютъ „courage“. Энергичная, съ насмѣшливымъ и смышленымъ галльскимъ умомъ, жительница парижскаго faubourg'а, живущая исключительно своимъ трудомъ, теперь хорошо оплачиваемымъ деньгами русскихъ богатыхъ барынь—она была растеніемъ совсѣмъ другой, не нашей флоры.

Утромъ „Аннюшка“ тащила ей ведро воды, и получаса не проходило, какъ у нея въ комнатѣ начинала стучать машинка. Ровно въ двѣнадцать стукъ прекращался—она завтракала, сама приготовляя ѣду. Всегда кокетливая, всегда очень просто и чисто одѣтая, съ маленькимъ чернымъ люстриновымъ передничкомъ, который она называла feuille de vigne; приколотый бантъ въ ея пышныхъ каштановыхъ волосахъ—весной цвѣтокъ—говорилъ о принаряживаньѣ. Познакомившись съ ней, я былъ восхищенъ ея здоровымъ умомъ, широтой и прямотой взглядовъ независимой, своимъ трудомъ живущей женщины, глубоко презирающей ничего недѣланье. Въ выборѣ словъ и выраженій она не стѣснялась; двумя-тремя фразами опредѣляла положеніе и человѣка; къ своей цѣли шла опредѣленно, иногда, вѣроятно, бурно, всегда рѣшительно. Она позволяла себѣ роскошь имѣть

мужчину, но на условіи, чтобы и онъ работалъ; содержанство и для женщины, и для мужчины считала постыднымъ, хотя, смѣясь, говорила, что еще никогда не любила, а если полюбитъ, то навѣрно „un khouligane quelconque qui me battra“. Машинка стучала до 8-ми, когда отпускались двѣ дѣвочки мастерицы, а сама она нерѣдко зарабатывалась до полуночи. Если была свободна, то иногда, чисто по-французски, шаловливо бросала черезъ откидное окно, врѣзанное въ верхъ дверной рамы, леденцы ко мнѣ въ комнату. Это былъ сигналъ того, что elle s'embête и ея кавалеръ не свободенъ. Я выходилъ и мы или болтали, или шли прогуляться.

Иногда заходили въ кафе.

Отъ Маргеритъ пахло Франціей, Парижемъ; она для меня была какъ бы той землей, которую спутники Энея взяли съ собой послѣ разрушенія Трои вмѣстѣ съ ея законами. Это была другая культура, по сравненію съ нашей—прежде всего радостная, гдѣ была joie de vivre, желанье и умѣнье жить. А у насъ такъ же мрачно повсюду, какъ въ коридорѣ нашего дома въ ноябрьскій день. Вся Россія похожа на необъятный острожный дворъ, обнесенный высокимъ тыномъ изъ заостренныхъ бревенъ. Въ этой оградѣ двѣ калитки: одна — на западѣ, другая — на крайнемъ востокѣ. У обѣихъ стоитъ стража, впускающая и выпускающая, какъ впускаютъ и выпускаютъ арестантовъ: обыскавъ ихъ. То, что обѣ калитки отдѣлены одна отъ другой десятью тысячами верстъ—нисколько не увеличиваетъ свободу арестантовъ во дворѣ; они знаютъ, что куда ни уйди—вездѣ на виду, на учетѣ, и что каждый день, утромъ и вечеромъ, бываетъ повѣрка...

Болтая съ Маргеритъ, я на секунду забывалъ тюрьму, дышалъ другимъ воздухомъ, чувствовалъ себя французомъ.

Француженки представляли инородцевъ въ населеніи нашего дома; всѣ остальные были русскими. Въ 49-мъ жила, на свои капиталы, купчиха. Громаднаго, для женщины, роста, ширококостная, крѣпко сбитая, съ грубымъ голосомъ и рѣдко некрасивымъ солдатскимъ лицомъ. Каждое утро она звала прислугу тономъ, въ который вкладывала всю скорбь покинутой, заброшенной женщины:

— Аннушка, дайте мнѣ чаю!—какъ бы умоляла она.

Если Аннушка несла не сразу, то черезъ минуту слышалось:

— Что же, вы не хотите дать мнѣ чаю? Прошу, прошу и никто не идетъ!—и шла сама тяжелымъ шагомъ, шлепая туфлями, на кухню. Тамъ пилила прислугу, такъ же медленно возвращалась, ворча и жалуясь.

Жившая напротивъ нея зубная врачиха и приходившая къ ней въ гости барышня, служившая въ министерствѣ исповѣднаго департамента, подобрали на піанино тонъ ея тоскливаго зова: „Аннушка!“—и когда она днемъ звала ее, онѣ тотчасъ же, если были дома, брали на клавіатурѣ соотвѣтствующій аккордъ.

Къ купчихѣ по большимъ праздникамъ приходили внукъ и внучка, заводили граммофонъ, отворяли дверь въ коридоръ и всѣ трое слушали. Внучка, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, сильно вытянутая, съ жидкими волосами, заплетенными въ одну косичку, и съ глазами дѣвочекъ, любящихъ оставаться въ комнатѣ однѣми или съ мальчиками; внукъ—гимназистъ, съ такими же глазами, блѣдный и золотушный. Какъ только бабушка уходила изъ комнаты въ кухню, онъ тотчасъ же приставалъ къ дѣвочкѣ—она говорила: „отстань—скажу бабушкѣ“, а онъ шепталъ: „молчи, дура“.

Въ страстной четвергъ зубная врачиха была въ меланхолическомъ настроеніи; ей стало грустно и оттого, что три года назадъ она разошлась съ мужемъ, и оттого, что практика не шла, что дѣлать ей было абсолютно нечего и кругомъ—ни одного настоящаго, т.-е. шикарнаго мужчины. Она училась въ институтѣ, выскочила замужъ за перваго подвернувшагося молодца и, конечно, они другъ другу опротивѣли такъ же быстро, какъ понравились. Пустота въ ней была совершенно бездонная; она искренно презирала кухаркиныхъ дѣтей, хотя и могла часами бесѣдовать съ горничными; считала страшно неприличнымъ быть плохо одѣтой, говорила, что не можетъ жить меньше чѣмъ на двѣсти рублей въ мѣсяцъ, хвасталась тѣмъ, что ей многіе предлагали идти на содержаніе, и свято вѣрила въ свою неотразимость. Была похожа на цыганку или еврейку и, пожалуй, могла нравиться очень молодымъ и очень старымъ. Настоящій мужчина не прожилъ бы съ ней больше трехъ дней. Себя считала за натуру глубокую и чистую. Увѣряла, что она очень „холодная“ и, оставаясь tête-à-tête, придавала своему лицу выраженіе вакханки, закусывала нижнюю губу, смотря въ даль безсмысленнымъ, блуждающимъ взоромъ. Пѣла, даже ходя по коридору, цыганскіе романсы; ея контральто былъ нѣсколько придушенный, немного дикій и охрипшій, какъ у уличной пѣвицы.

Въ страстной четвергъ она выкрикивала, подражая Вяльцевой: „Айда, тройка, снѣгъ пушистый“... Купчиха, ея визави, вышла на коридоръ и начала такъ, чтобы всѣ слышали, но не во весь голосъ:

— Постъ, а ей и горя нѣтъ, что въ церкви двѣнадцать

евангелій читаютъ и люди Богу молятся. Стыда-то нѣтъ видно. Подлянка!

Двери другихъ комнатъ мало-по-малу раскрывались, и скоро у ея дверей собралась кучка женщинъ, негодовавшихъ и ругавшихъ ее—а та разливалась, разухабистымъ речитативомъ:

„И пойдешь на содержанье—
Въ этомъ весь твой капиталъ".

Этотъ „романсъ" назывался „Колыбельная Пѣснь" и посвящался описанію карьеры постояннаго посѣтителя садовъ „Акваріума", „Буффа" и „Эдена".

— Да скажите этой, чтобъ она кончила!—возмущались собравшіяся.—Она репетицію на праздники дѣлаетъ, съ милыми гулять поѣдетъ!—шипѣла купчиха.—Всѣ онѣ такія, молодыя-то нынѣшнія. Скалятъ зубы въ дни страстей Господнихъ.

Наконецъ одна рѣшилась постучать; звуки піанино и голосъ заглушали стукъ, и стучать пришлось долго и сильно; когда, наконецъ, дверь открылась, всѣ женщины сразу, въ одинъ голосъ, принялись корить „подлянку".

Та презрительно спрашивала: что имъ собственно угодно?—съ шумомъ захлопнула дверь, повернула ключъ, но больше не играла и не пѣла. Женщины разошлись, и лишь купчиха еще долго ворчала на коридорѣ уже совсѣмъ нехорошія слова по адресу „подлянки". Когда я спросилъ однажды нашу кухарку, боится ли она холеры, то она мнѣ отвѣтила: „Чего бояться-то— вонъ у насъ своя холера въ 49-мъ".

На улицѣ холера-купчиха ходила одѣтой въ длинное и широкое манто цвѣта бежъ; шляпу носила капоромъ съ черными лентами, завязанными сбоку большимъ бантомъ; на шляпѣ много сирени; зонтикъ бѣлый, нижняя юбка шелковая зеленая; на носу—старомодные, серебряные, большіе очки; выступала тяжело, прямо, и была похожа на старую, костистую, ломовую лошадь, сильно задиравшую голову вверхъ.

Разъ въ ея комнатѣ раздавался необычайно пріятный, молодой женскій голосъ; потомъ у моей двери кто-то завозился— я открылъ ее и ко мнѣ вошелъ славно одѣтый мальчуганъ, лѣтъ трехъ-четырехъ. Вошелъ и заплакалъ, увидя, что попалъ въ незнакомую комнату.

— Мама, мама!—кричалъ мальчуганъ.

Дверь купчихи отворилась и оттуда быстро и легко выбѣжала молодая женщина, подбѣжала къ моимъ дверямъ, на секунду пріостановилась, затѣмъ бросилась къ ребенку, схва-

тила его на руки, вся зардѣлась и, смущенно смотря на меня, сказала:

— Извините — это мой сынъ — онъ маленькій и ошибся дверью.

И вся улыбалась, встревоженная и уже успокоенная тѣмъ, что прижимала къ груди своей своего сына. Она была хороша, свѣжа, молода. Съ ней лучъ солнца заглянулъ въ мою комнату — но дверь быстро закрылась. Потомъ я узналъ и не хотѣлъ повѣрить, что молодая женщина была женой сына купчихи.

Другія женщины какъ-то мало выдѣлялись. Одна, Нюрочка, училась на акушерскихъ курсахъ; ее называли „червячокъ" за ея вертлявость и худощавость; некрасива была на рѣдкость; манеры и походка крайне рѣшительныя, почти вызывающія. Говорила такъ скоро, что не успѣвала проглатывать слюну, и все ужаснѣйшій вздоръ, съ которымъ гораздо легче соглашаться, чѣмъ отвѣчать на него.

Телефонистка рядомъ со мной увядала съ каждымъ днемъ безнадежно. Къ ней ходилъ мужчина, котораго я никогда не видѣлъ—онъ приходилъ не раньше одиннадцати вечера и уходилъ въ два, три. Разъ была драма, слезы, заглушенныя рыданія; рѣшительный мужской голосъ отвѣчалъ твердо—потомъ раздалось шарканье галошъ по полу—отчаянный шепотъ: „останься, подожди"—суровое „нѣтъ"—и опять долгія ночныя слезы въ подушку. Впрочемъ, драма длилась не дольше трехъ недѣль; потомъ опять, иногда и справа и слѣва, т.-е. и у сосѣда, и у сосѣдки, раздавался смѣхъ женщины. Особенно къ веснѣ я сталъ часто попадать между двухъ огней; самъ не спалъ, ворочался и тоскливо смотрѣлъ на клочокъ поблѣднѣвшаго неба, черезъ часъ-два уже начинавшаго розовѣть...

Одна барышня, жившая напротивъ, была важная; мнѣ разъ по ошибкѣ передали ея письмо, и на конвертѣ было написано: „ея превосходительству". Чинъ и званіе не мѣшали ей учиться на драматическихъ курсахъ. За ея дверью давались цѣлыя трагедіи. Задушенный женскій голосъ съ ненавистью и дрожью произносилъ:

„Я... рабой... никогда! Лучше смерть!"—и затѣмъ полный сарказма истерическій смѣхъ заставлялъ вздрагивать.

Если ей шумомъ мѣшали читать роли, то она невозмутимо, часами училась скандировать слова. Тогда слышались какъ-то въ носъ произносимые звуки, смыслъ которыхъ было трудно уловить; самыя знакомыя слова пріобрѣтали таинственное значеніе прорицаній оракула:

„Ро-ща, ве-черъ, ди-тя, ножъ“—по слогамъ выкрикивала будущая Дузэ.

Одѣвалась она съ шикомъ, какъ артистка, но съ оттѣнкомъ женщины, воспитанной въ хорошей средѣ. Настоящую барыню сейчасъ узнаешь по одному голосу, по тону, какимъ она зоветъ прислугу. Когда она звала: „Аннушка“—въ ея голосѣ была ласковость къ низшей, безъ всякаго оттѣнка фамильярности, и та нотка приказа, которой обыкновенно повинуются.

Аннушка съ чувствомъ непонятной для меня въ ней гордости говорила:

— Къ ней артистъ ходитъ и сама артистка.—Видно было, что этимъ словамъ ее она выучила.

Артистъ былъ ничего себѣ; изъ того типа, которымъ разрѣшаютъ носить бородку; она придаетъ имъ интеллигентный видъ; ее стригутъ тонко и остро, и безъ нея ихъ лица пошлы и обыкновенны, какъ рѣпа. Женщины отъ нихъ умираютъ, если они играютъ первыхъ любовниковъ и неврастениковъ. Пишутъ имъ письма, въ которыхъ не стѣсняются говорить, что цѣлуютъ ихъ руки... Такіе мужчины почти всегда, сохраняя видъ жертвъ, живутъ на содержаньѣ.

По воскресеньямъ звуки, раздававшіеся въ коридорѣ, не бились объ окна и двери, какъ заключенные духи, а пускались въ дикій плясъ вѣдьмъ.

У купчихи—ее мой знакомый называлъ княгиней изъ „Пиковой Дамы“—шипѣлъ граммофонъ. Иногда вдругъ, среди еврейскихъ анекдотовъ и какого-то хрипѣнія агонизирующаго—онъ бралъ высокія, чистыя ноты сопрано, поющаго арію Маргариты изъ „Гугенотъ“.

Казацкій урядникъ пѣлъ прекраснымъ басомъ; зубная врачиха или подражала речитативу французскихъ diseuses, или пѣла цыганскіе романсы. Кое-когда и она замѣняла ихъ полнымъ мелодіи романсомъ Глинки:

„Онъ уѣхалъ, женихъ,
Онъ въ чужой сторонѣ.
И вернется тогда, когда будетъ весна“.

Или другимъ, тоже очень красивымъ, кончавшимся послѣ описанія лунной ночи въ Венеціи и пѣсни гондольера, словами:

„О, что за ночь то была“!

Артистка умирала въ біеніи предсмертной тоски, а рядомъ, въ пустой комнатѣ, тринадцатилѣтняя дѣвочка Ниночка, умненькая,

остренькая и способная гимназисточка, играла въ громадный мячикъ. Мячъ звонко шлепался о крашеную стѣну и объ полъ, а Ниночка торопливо считала: „Разъ, два, три, четыре, пять“.

Нерѣдко на дворѣ жалобно стонала шарманка.

Я профанъ въ музыкѣ, но люблю ее страстной, нѣжной и безнадежной любовью. Даже жалкая шарманка полна для меня грусти и тоски; ея хрипъ, ея пропускъ тоновъ, такъ какъ зубья на валу выпали—не мучаютъ меня; ей можно простить то, что она простужена, кашляетъ и чихаетъ — это нищая уличная пѣвица.

За то, когда моя визави, учительница музыки, выбравъ часъ тишины, садилась за піанино—для меня начинался часъ высокаго блаженства, рѣдкаго наслажденія человѣка одиночной камеры, начинающаго жить въ необъятномъ мірѣ мечты и грезы.

Учительница была старая дѣва лѣтъ за пятьдесятъ. Толстая, съ большимъ животомъ, вылѣзающимъ впередъ такъ же круто, какъ грудь. Она иногда спрашивала у меня „Новое Время“, чтобы „посмотрѣть покойниковъ“. Вся ея жизнь была въ музыкѣ: не то, чтобы она была виртуозка, но все, что было дано этой божьей коровкѣ, она вкладывала въ звуки струнъ, и такъ какъ играла она классиковъ, то примѣсь своихъ погребенныхъ надеждъ къ великимъ аккордамъ была трогательна. Она была нѣмка, т.-е. съ умѣньемъ жарить кофе и варить супъ соединяла способность плакать при видѣ луны и брошеннаго котенка.

Музыка и мечта неразрывны, потому что обѣ неопредѣленны, обѣ стремятся уйти изъ рамокъ обыденнаго, замкнутаго, обычнаго.

Онѣ—не „какъ у всѣхъ“—у нихъ есть свое лицо.

Чего не перемечтаешь въ одиночествѣ подъ музыку!

Вся жизнь прошлая, настоящая и будущая сливается въ одно страшно отвлеченное и высокое цѣлое. Потерянная любовь, мольба о ней; уходящая молодость, начинающаяся старость и подстерегающая смерть! Призраки дорогихъ, замученныхъ и умершихъ людей прилетаютъ и склоняются надъ изголовьемъ, когда играютъ marche funèbre Шопена.

Зовутъ тебя, зовешь самъ. Миръ, великій и спокойный, воцаряется въ душѣ. Словно съ высоты недосягаемой смотришь на землю и понимаешь, ощущаешь смыслъ изреченія: „все суета сует҄ъ“.

Въ отрочествѣ, когда летаешь во снѣ, испытываешь нѣчто подобное, смотря сверху на землю.

Въ музыкѣ есть всѣ элементы полета, а когда подымешься

высоко, то что не покажется маленькимъ? Чего не простишь, слыша Бетховена? О чемъ не замечтаешь, ловя мелодію Шуберта?!

Закинешь руки за голову—и кажется, что твое тѣло стало чужимъ и лежитъ, безсильное, ненужное, въ маленькой комнатѣ, а духъ паритъ надъ нимъ, глядя на него съ сожалѣніемъ и укоромъ...

Одиночество и музыка—вотъ условія для созданія философскихъ системъ послѣ того что жизнь трепала такъ, какъ громадный и злой догъ треплетъ попавшагося въ его зубы котенка.

Въ нашемъ домѣ было и одиночество, и музыка, но его обитатели хранили про себя свои философскія системы. Они жили въ своихъ комнатахъ-каютахъ и плотно, на ключъ, запирали двери. Свои драмы, свои надежды, свои мечты они таили какъ нищіе, прячущіе въ лохмотьяхъ блестящее золото, скомканныя, загрязненныя бумажки...

Но своя боль—самая больная. Когда болятъ свои испорченные и гнилые зубы, человѣкъ мучается куда больше, чѣмъ тогда, когда узнаетъ, что другому отрубили голову, какъ бы молода и прекрасна она ни была.

У насъ у всѣхъ болѣли свои зубы, и вотъ почему мы жили равнодушные къ другимъ, не думающіе о нихъ.

Моя знакомая курсистка, написавшая на конвертѣ съ моимъ адресомъ: „домъ общественныхъ квартиръ“—ошиблась: у насъ былъ домъ „дешевыхъ комнатъ отъ хозяина со своей мебелью“.

Антонъ Любимовъ.

ПРІЕМЛЮ МІРЪ!

Стансы.

И я, какъ вы, носилъ вериги
И Царство Божіе искалъ.
И мнѣ, какъ вамъ, солгали книги,
И зовъ пророческій солгалъ.

Но почему же я незлобенъ,
И между васъ, уставшихъ жить,
Я лону тихому подобенъ,
Что можетъ небо отразить?

Пусть я изранилъ грудь и ноги
И сожжено мое чело,—
Мнѣ жаль васъ, павшихъ у дороги,
Проклявшихъ міръ, пріявшихъ зло.

Сердца людей темны и лживы.
Но Богъ силенъ, Земля сильна,
Блаженны зрѣющія нивы,
И вѣчно праведна весна.

Такъ много звѣздъ. Путей такъ много.
Такъ много словъ, чтобъ сердце жечь.
Освящены во имя Бога
И тихій крестъ, и гнѣвный мечъ.

Иду по солнечнымъ просторамъ,
По городамъ, гдѣ стонъ и кровь,—
Ищу повсюду дѣтскимъ взоромъ
Людскую скорбную любовь.

Пріемлю міръ! Съ его расцвѣтомъ,
Съ его слезами и тоской...
Я всѣ цвѣты весной и лѣтомъ
Срываю набожной рукой.

Я освятилъ борьбу и пытки,
И смѣхъ надеждъ, и сонъ могилъ.
Я жизнь червя и жизнь улитки
Благословилъ и полюбилъ...

Дмитрій Цензоръ.

ВСЕМІРНЫЕ КОНГРЕССЫ МИРА *)

I.

Всемірные конгрессы мира—одно изъ крупнѣйшихъ проявленій общественной дѣятельности въ Европѣ и Америкѣ, направленной на улучшеніе и коренную перестройку существующихъ международныхъ отношеній. Все болѣе сознается экономическая тяжесть безпрерывно растущихъ военныхъ бюджетовъ, все болѣе чувствуются ужасы международныхъ вооруженныхъ столкновеній, насилій надъ государствами болѣе слабыми и надъ племенами нецивилизованными. Возникло движеніе въ пользу всеобщаго мира (le pacifisme, le mouvement pacifique, die Friedensbewegung). Оно выражается въ крупныхъ общественныхъ заявленіяхъ и манифестаціяхъ разныхъ слоевъ населенія, въ дѣятельности спеціальныхъ обществъ мира и цѣлаго ряда другихъ самостоятельныхъ учрежденій такого же спеціальнаго характера, наконецъ—въ ежегодно собирающихся всемірныхъ конгрессахъ мира [1]).

*) Первоисточниками для ознакомленія съ дѣятельностью всемірныхъ конгрессовъ мира служатъ протоколы ихъ засѣданій (Bulletins complets des délibérations des Congrès universels de la Paix), доклады и рефераты, читанные на конгрессахъ, отчеты международнаго бюро мира и періодическое изданіе этого бюро: „Correspondance bi-mensuelle“.

[1]) Для желающихъ ознакомиться съ исторіей этого движенія могутъ служить: *Potonié*, Histoire du mouvement pacifique, и *Löwenthal*, Geschichte der Friedensbewegung.

Первое общество мира было основано въ 1810 г., въ Бостонѣ. Подъ впечатлѣніемъ бѣдствій Наполеоновскихъ войнъ образовалось, въ 1816 г., общество мира въ Лондонѣ. Теперь общества мира существуютъ во всѣхъ государствахъ Европы и Америки. Число ихъ въ 1908 г. превышало 150. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ до 60 самостоятельныхъ отдѣленій; общее число всѣхъ обществъ и обособленныхъ ихъ отдѣленій достигаетъ 600. Въ остальныхъ частяхъ свѣта ихъ немного: два общества въ Азіи, два—въ Австраліи и одно—въ Африкѣ (Каиръ). Изъ европейскихъ странъ движеніе мира менѣе всего отразилось въ Россіи. Въ спискахъ русскихъ обществъ значится три общества мира: Крестовоздвиженское братство, основанное Н. Неплюевымъ, русское отдѣленіе въ Рязани парижскаго общества Société de l'éducation pacifique и польское общество мира. Изъ нихъ Крестовоздвиженское братство не можетъ считаться спеціальнымъ обществомъ мира; рязанское общество, по видимому, не проявляетъ сколько-нибудь замѣтной дѣятельности; судя по бюллютенямъ Международнаго бюро развивается, кажется, только польское общество. Въ текущемъ (1909) году въ Москвѣ кн. П. Д. Долгоруковымъ, Д. Н. Шиповымъ и кн. Голицынымъ организовано „общество мира", на началахъ европейскихъ обществъ этого типа.

Въ теченіе почти восьмидесяти лѣтъ со времени возникновенія обществъ мира дѣятельность ихъ была разрозненна и почти не имѣла объединяющихъ центровъ. За весь этотъ долгій періодъ насчитывается не болѣе десяти общихъ съѣздовъ дѣятелей мирнаго движенія—съѣздовъ совершенно случайныхъ, неорганизованныхъ и собиравшихся въ неопредѣленные сроки. Настоящую организацію, правильность и періодичность съѣзды получили въ 1889-мъ году, когда на парижской всемірной выставкѣ делегаты обществъ мира организовали первый всемірный конгрессъ мира. Послѣ этого всемірные конгрессы мира стали собираться ежегодно (съ двумя лишь перерывами). Они состоятъ изъ делегатовъ обществъ мира и другихъ подобныхъ учрежденій, сочувствующихъ движенію. Всѣхъ всемірныхъ конгрессовъ мира было до сихъ поръ семнадцать. Въ 1898 и 1899 г.г. вмѣсто конгрессовъ происходили близко подходящія къ нимъ по составу общія собранія делегатовъ обществъ мира. Конгрессы происходили въ главнѣйшихъ городахъ Франціи, Англіи, Италіи, Швейцаріи, Голландіи, Австро-Венгріи, Германіи, Сѣверо-американскихъ Штатовъ. 18-й конгрессъ, назначенный въ Стокгольмѣ на 1 сентября 1909-го года, не состоялся вслѣдствіе извѣстной швед-

ской забастовки. Кромѣ спеціальныхъ обществъ мира, во всемірныхъ конгрессахъ мира участвуютъ делегаты различныхъ организацій, сочувствующихъ этому движенію. Такихъ организацій заявлено (въ Международномъ бюро мира) около 250. Центральнымъ органомъ для объединенія дѣятельности обществъ мира служитъ Постоянное международное бюро мира (Bureau international permanent de la Paix), находящееся въ Бернѣ и имѣющее американскій отдѣлъ въ Вашингтонѣ. Это бюро является самымъ дѣятельнымъ органомъ по подготовкѣ конгрессовъ и по исполненію ихъ постановленій.

На конгрессахъ мира путемъ докладовъ и преній выясняются основы, средства и цѣли мирнаго движенія, обсуждаются международныя событія за истекшій годъ, вырабатываются опредѣленныя мѣры. Каждый конгрессъ обнародываетъ воззваніе къ народамъ (Appel aux nations), въ которомъ излагаются главныя требованія мирнаго движенія въ данный моментъ.

Въ городахъ, гдѣ происходятъ конгрессы мира, эти международныя собранія являются крупными событіями. Населеніе, муниципалитеты и правительства привѣтствуютъ ихъ устройствомъ оффиціальныхъ пріемовъ, банкетовъ, торжественныхъ богослуженій, народныхъ манифестацій. Почти всегда въ эти дни усиливается притокъ пожертвованій на дѣло мира. Депутація отъ конгресса 1908-го года въ Лондонѣ была принята англійской королевской четой. „Мнѣ доставляетъ большое удовольствіе—отвѣтилъ Эдуардъ VII на рѣчь депутатовъ—привѣтствовать представителей всемірнаго конгресса мира... Правители и государственные люди не могутъ поставить себѣ цѣли болѣе высокой, чѣмъ содѣйствіе взаимному соглашенію и дружбѣ между націями всего міра. Это—наиболѣе вѣрное и наиболѣе прямое средство къ достиженію человѣчествомъ его благороднѣйшихъ идеаловъ; къ той же цѣли всегда будутъ направлены мои неустанныя усилія. Мнѣ пріятно думать, что ваша международная организація, въ которой участвуютъ представители всѣхъ главнѣйшихъ цивилизованныхъ странъ міра, работаетъ на томъ же поприщѣ. Молю Бога о ниспосланіи благословенія на ваши труды“. Тотъ же конгрессъ видѣлъ признаніе его дѣятельности и со стороны демократической массы населенія. 1-го августа 1908-го года лондонская рабочая партія устроила въ честь конгресса грандіозную манифестацію на Трафальгарской площади. Въ заключеніе манифестаціи собравшаяся многотысячная толпа рабочихъ приняла резолюцію, начинавшуюся словами: „собраніе рабочихъ выражаетъ свое полное сочувствіе идеямъ международнаго конгресса мира“. Этотъ откликъ народ-

ныхъ массъ достаточно показываетъ живую силу мирнаго движенія.

II.

Подробное изложеніе сдѣланнаго конгрессами мира потребовало бы обширной книги. Конгрессы мира, съ одной стороны разрабатывая теоретическіе и практическіе вопросы, связанные съ движеніемъ въ пользу мира, съ другой стороны, какъ чуткое эхо, отзываются на всѣ политическія и соціальныя явленія, возникающія въ этой области. Братство между народами, права націй, способы достиженія международнаго мира, соціальныя и экономическія движенія, охрана жизни и труда, пропаганда идей мира, наконецъ конечныя цѣли и будущее международнаго союза — вотъ главные пункты, на которыхъ сосредоточивается коллективная работа парламентовъ мира. Во всей этой сферѣ конгрессы мира, борясь противъ сохраняющихся аномалій въ отношеніяхъ между націями, трудятся надъ созданіемъ новаго положительнаго международнаго права.

Всѣ отношенія между націями подлежатъ, съ точки зрѣнія конгрессовъ, дѣйствію тѣхъ же началъ права и нравственности, которыми опредѣляются отношенія между личностями. Никто не имѣетъ права самовольнаго и насильственнаго осуществленія своихъ притязаній. Ни одна нація не имѣетъ права объявлять войну другой. Всякій международный споръ долженъ быть разрѣшенъ въ правовомъ порядкѣ. Права завоеванія не существуетъ. Автономія каждой націи неприкосновенна. Націямъ принадлежитъ право необходимой обороны и неотъемлемое естественное право свободно располагать собою. Всякое присоединеніе одной націи къ другой должно быть доведено до свѣдѣнія другихъ націй каждою изъ обѣихъ сторонъ. Аннексія не можетъ почитаться законной, если произведена безъ свободнаго согласія аннексируемой націи [1]). Націи солидарны между собою. Нація поддерживаетъ свое достоинство, прибѣгая не къ войнѣ, а къ третейскому посредничеству или къ суду чести.

---

[1]) Это постановленіе еще 1-го конгресса (1889-го года) является какъ бы заранѣе даннымъ отвѣтомъ на жгучій современный вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ. Конгрессъ еще не имѣлъ случая высказаться о присоединеніи ихъ къ австрійской имперіи, но международное бюро мира уже заявило протестъ противъ насильственной аннексіи. Напомнимъ, что въ 1894-мъ году въ Парижѣ была организована Лига Балканской федераціи. Быть можетъ, такая свободная федерація (соединенные штаты) автономныхъ балканскихъ націй была бы наиболѣе правильнымъ рѣшеніемъ наболѣвшаго ближне-восточнаго вопроса.

Тѣ же требованія предъявляются конгрессами мира и къ отношеніямъ между разными національностями въ предѣлахъ одного государства. Внутренній миръ зависитъ отъ погашенія всѣхъ предразсудковъ и всякой національной вражды между отдѣльными національностями. Правительства должны уважать этнографическій характеръ всѣхъ національностей, не препятствовать имъ пользоваться своимъ національнымъ языкомъ, допускать полное ихъ развитіе на началахъ свободы и справедливости.

16-й конгрессъ выдвинулъ вопросъ о „несовершеннолѣтнихъ народахъ“ (peuples mineurs), разумѣя подъ этимъ именемъ націи вооруженныя настолько примитивно, что онѣ не могутъ оказывать сопротивленія современно вооруженнымъ державамъ. Къ нимъ должны быть примѣнены всѣ правила, обезпечивающія права другихъ націй. Нецивилизованныя племена нашли въ конгрессахъ такую же энергичную защиту своихъ человѣческихъ правъ. Требуя охраны территоріи, свободы и собственности слабыхъ туземныхъ расъ, конгрессы рѣзко осуждали постоянныя войны, насилія и преступленія европейскихъ колонизаторовъ. Въ 1904 г. былъ выработанъ проектъ кодекса колоніальнаго права туземнаго населенія. Съ той же точки зрѣнія конгрессы выдвинули вопросъ о правахъ иностранныхъ подданныхъ и вопросъ о миссіонерской дѣятельности. Требуя охраны миссіонеровъ и новообращенныхъ, конгрессы сочли долгомъ напомнить миссіонерамъ, что сила ихъ миссіи заключается въ безкорыстномъ трудѣ, а не въ вооруженной поддержкѣ со стороны правительствъ.

При возникновеніи трансваальской войны конгрессы настаивали на передачѣ распри третейскому суду. Когда война окончилась побѣдой Англіи, конгрессъ 1903 г., въ резолюціи, препровожденной ко всѣмъ министерствамъ иностранныхъ дѣлъ, заявилъ рѣшительный протестъ противъ насильственнаго присоединенія буровъ. По поводу исхода русско-японской войны конгрессъ 1905 г. указалъ, что рѣшеніе русско-японскаго спора произошло не путемъ войны, которая, не смотря на громадныя человѣческія жертвы, была и остается безплодной, а благодаря дипломатической конференціи въ Портсмутѣ, созванной вслѣдствіе мирнаго вмѣшательства президента Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Конгрессъ указалъ, что такая конференція, созванная до войны, могла бы съ такимъ же успѣхомъ разрѣшить данный споръ безъ пролитія крови. Общественное мнѣніе должно извлечь всѣ логическіе выводы изъ этого новаго доказательства безполезности войны и ея безсилія въ разрѣшеніи споровъ. Такъ же откликались конгрессы и на рядъ другихъ современныхъ событій. Въ дѣлѣ сближенія

націй конгрессы обнаружили много энергіи. Благодаря ихъ настойчивымъ указаніямъ возникли комитетъ франко-германскаго сближенія въ Берлинѣ, торговый франко-германскій комитетъ въ Парижѣ, комитетъ англо-германскаго сближенія (Anglo-German Friendship Committee), комитетъ австро-италійскаго согласія (Comité d'amitié Austro-Italien). Въ возникновеніи этихъ международныхъ комитетовъ конгрессы справедливо видѣли доказательство практическаго успѣха своей дѣятельности.

III.

Провозгласивъ опредѣленныя положительныя начала новыхъ правъ націй и ихъ международныхъ отношеній, конгрессы естественно должны были подробно заняться вопросомъ о средствахъ осуществленія этихъ началъ. На первомъ мѣстѣ среди этихъ средствъ конгрессы ставятъ третейскій судъ. Этотъ отдѣлъ международнаго права разработанъ конгрессами съ значительной, почти исчерпывающей полнотою. Они тщательно отмѣчали всѣ различные проекты третейскаго суда, напр. проектъ международной американской конференціи, проекты испанскаго сената, норвежскаго стортинга, итальянской палаты депутатовъ. Они указывали на возможность третейскихъ договоровъ между государствами, уже имѣющими почву для такого сближенія (напр. Франція и Россія). Третейскіе договоры, уже состоявшіеся (напр. между Аргентиной и Италіей, между Даніей и Нидерландами) всегда подчеркивались конгрессами, какъ примѣры, достойные подражанія. Доказательствомъ возможности крупной третейской организаціи служитъ открытіе, въ силу договора (съ 25-го мая 1908 г.), третейскаго трибунала государствъ центральной Америки. Всѣ эти частные случаи должны, по мнѣнію конгрессовъ, служить подготовкой къ учрежденію постояннаго международнаго трибунала. Мысль о такомъ трибуналѣ высказалъ уже 1-й конгрессъ мира, въ 1889 г., за десять лѣтъ до первой гаагской конференціи. Помимо изученія разныхъ трудовъ по устройству такого трибунала, конгрессы мира учредили особый комитетъ для разработки мѣръ практическаго осуществленія постояннаго международнаго третейскаго трибунала. 6-му конгрессу (1894 г.) были представлены три такихъ проекта (Edmond Hornby, Fard, Leverson). Гаагскія конференціи и учрежденный въ 1901-мъ году Постоянный третейскій трибуналъ (Cour permanente d'arbitrage) встрѣтили со стороны конгрессовъ горячую поддержку, но

своими робкими шагами не оправдали оптимистическихъ надеждъ. 16-й конгрессъ (1907 г.), признавая всю важность третейскаго суда, учрежденнаго въ Гаагѣ, высказалъ пожеланіе, чтобы этотъ трибуналъ былъ преобразованъ въ непрерывно дѣйствующій и чтобы всѣ международныя несогласія, независимо отъ степени ихъ важности, находили въ немъ возможно скорѣйшее рѣшеніе.

Кодификація международнаго права также остановила вниманіе конгрессовъ мира начиная съ 1-го же конгресса. Въ программу Международнаго бюро мира включено, между прочимъ, составленіе сборника всѣхъ состоявшихся третейскихъ рѣшеній, въ цѣляхъ выработки кодекса практической юриспруденціи по этому вопросу. Въ 1894 г. былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ кодексъ международнаго третейскаго права. На 11-мъ конгрессѣ былъ утвержденъ проектъ мирнаго союза (Union pour la pacigérance). Конгрессы входили въ гаагскія конференціи съ представленіями о выработкѣ международнаго кодекса обязательнаго международнаго права. 12-й конгрессъ обращался съ тѣми же представленіями къ дѣятелямъ науки, указывая, что существующія уже конвенціи позволяютъ открыть въ университетахъ особые курсы права мира. Послѣдній, 17-й конгрессъ вновь провозгласилъ необходимость учрежденія національныхъ правительственныхъ и парламентскихъ коммиссій и затѣмъ одной общей международной коммиссіи для выработки полнаго проекта кодекса публичнаго международнаго права.

Вопросъ объ обязательности третейскихъ рѣшеній изучался конгрессами съ особеннымъ вниманіемъ. Слабымъ пунктомъ въ дѣятельности первой гаагской конференціи было, по мнѣнію конгрессовъ, то, что она не пришла къ установленію режима обязательнаго третейскаго суда. Конгрессы, въ рядѣ постановленій, разрабатывали возможныя мѣры понудительнаго исполненія третейскихъ рѣшеній. Понужденіе не должно носить военнаго характера и не должно быть сопряжено съ уничтоженіемъ жизни и собственности. Мѣрами мирной санкціи могутъ быть экономическая изоляція не подчиняющейся націи, недопущеніе для нея иностранныхъ займовъ, гарантія со стороны третьяго государства, добровольный денежный залогъ, секвестръ денежныхъ капиталовъ или территорій, принадлежащихъ спорящимъ сторонамъ, временное или окончательное исключеніе изъ союза делегатовъ націи, отказавшейся подчиниться третейскому рѣшенію. 2-я гаагская конференція, какъ извѣстно, осталась въ этомъ отношеніи безуспѣшной. 17-й конгрессъ, вернувшись къ вопросу о санкціи, выразилъ пожеланіе, чтобы державы, согласившіяся на примѣненіе

въ опредѣленныхъ случаяхъ принципа обязательности, заключили между собою въ возможно скоромъ времени общую конвенцію о постоянномъ обязательномъ третейскомъ судѣ.

Къ этой разработкѣ основныхъ вопросовъ третейскаго международнаго суда примыкаетъ разсмотрѣніе конгрессами способовъ предотвратить самое возникновеніе споровъ, чтобы даже не возникала потребность въ судѣ. Конгрессы справедливо указывали, что бо́льшую часть войнъ можно было бы предупредить, еслибы былъ установленъ какой-либо срокъ, въ теченіе котораго могъ бы быть заглушенъ голосъ страстей и гнѣва и сталъ бы внятенъ голосъ разсудка. Для правильнаго освѣщенія и изученія событій, могущихъ привести къ ненужнымъ международнымъ спорамъ, конгрессы проектировали создать примирительные совѣты международнаго согласія (Conseils de conciliation et de concorde internationale), международныя слѣдственныя коммиссіи, примирительные слѣдственные совѣты (Conseils de conciliation et d'enquête) и т. д. Эти мѣры несомнѣнно въ высокой степени практичны. Падаетъ всякій вопросъ о войнѣ, разъ что во́-время и разумно предотвращенъ споръ.

IV.

Изъ современныхъ международныхъ событій и явленій, благопріятныхъ для идей мира и солидарности націй, конгрессы отмѣтили особенно нейтрализацію и международныя конвенціи и конфедераціи. Относительно нейтрализаціи конгрессы выработали рядъ теоретическихъ положеній и настаивали на распространеніи ихъ вездѣ, гдѣ это возможно. Территорія, объявленная нейтральной, является обѣтованной страной для дѣятелей мира, прообразомъ будущаго. На ней не льется крови; на ней излишни вооруженія; у ея границъ останавливается губительное шествіе войны. Конгрессы, поэтому, одобрили принципъ нейтрализаціи трехъ скандинавскихъ государствъ (Даніи, Швеціи и Норвергіи) и выразили желаніе, чтобы эти государства объявили себя нейтральными въ принципѣ безсрочно. 17-ый конгрессъ радостно привѣтствовалъ трактаты 1907 и 1908 гг., гарантирующіе неприкосновенность Норвегіи. Конгрессы настаивали на неприкосновенности нейтралитета Швеціи. Ими были подняты и разработаны вопросы о свободѣ морей, о нейтрализаціи перешейковъ, проливовъ, каналовъ, водныхъ торговыхъ путей. Конгрессъ 1903 г. возбудилъ вопросъ о свободѣ воздушныхъ пространствъ. Въ 1904 г. исте-

калъ срокъ установленнаго гаагской конвенціей запрещенія бросать метательные и разрывные снаряды съ воздушныхъ шаровъ и другихъ подобныхъ сооруженій. Конгрессъ обращался къ государствамъ съ предложеніемъ продлить это воспрещеніе. Однако на второй гаагской конференціи 1907-го года двадцать-два государства отказались отъ возобновленія его. Въ виду этого 17-ый конгрессъ энергично протестовалъ противъ стремленія разсматривать великое изобрѣтеніе воздухоплаванія какъ средство усовершенствовать способы веденія войны. Завоеваніе воздушныхъ пространствъ должно ускорить развитіе цивилизаціи, а не оцѣниваться съ милитаристической точки зрѣнія.

Существующія международныя уніи и конвенціи служатъ, по мысли конгрессовъ, переходными подготовительными стадіями къ общей международной уніи. Такая унія можетъ образоваться постепенно. Соединеніе многочисленныхъ германскихъ государствъ въ одну имперію можетъ до извѣстной степени служить въ этомъ отношеніи примѣромъ. Гораздо ранѣе, чѣмъ можно было даже предположить ихъ совершившееся теперь объединеніе, эти государства образовали между собою таможенный союзъ. Конгрессы мира приглашали остальныя европейскія государства послѣдовать по тому же пути и образовать конфедерацію, на основаніи, пока, частичныхъ международныхъ соглашеній въ области рабочаго законодательства, брачнаго права, уголовнаго законодательства и т. д. Уже существующія конвенціи (почтовая и телеграфная, промышленная о патентахъ и торговыхъ знакахъ, берлинская конвенція о Конго, брюссельская конвенція о воспрещеніи невольничества и др.) разсматривались конгрессами какъ доказательства того, что торговые и гуманные интересы разныхъ странъ могутъ, въ концѣ концовъ, быть подчинены однимъ общимъ законамъ. Въ частности конгрессы указывали на возможность немедленнаго объединенія почтово-телеграфныхъ сношеній, почтовыхъ знаковъ, мѣръ, вѣсовъ, денежной системы, тарифовъ, путей сообщенія, меридіана и т. д. Съ этой же точки зрѣнія конгрессы въ рядѣ постановленій ратовали противъ протекціонизма и отстаивали свободу торговли. Приводя на память уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, послужившее къ укрѣпленію національной солидарности и внутренняго мира въ предѣлахъ государства, конгрессы указывали, что такое же уничтоженіе внѣшнихъ таможенъ неизбѣжно будетъ содѣйствовать международному умиротворенію. Подробно разработанъ конгрессами вопросъ о желательности и возможности введенія общихъ программъ начальнаго, средняго и высшаго образованія въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ госу-

дарствъ. Далѣе конгрессы обратили вниманіе на развитіе и значеніе для дѣла мира народныхъ университетовъ. Въ виду успѣховъ, достигнутыхъ федераціями французскихъ и итальянскихъ народныхъ университетовъ, 16-ый конгрессъ мира высказался за образованіе такихъ же федерацій народныхъ университетовъ во всѣхъ государствахъ, для объединенія ихъ въ одну общую международную конфедерацію.

V.

Третейское законодательство, кодификація и обязательность международнаго права, нейтрализація, конвенціи, общія международныя законодательныя мѣры служатъ, съ точки зрѣнія конгрессовъ, переходными ступенями къ такому международному положенію, при которомъ фактически исчезнетъ для государствъ надобность въ вооруженныхъ силахъ. По справедливому замѣчанію 10-го конгресса, разоруженіе нужно разсматривать какъ результатъ, который будетъ достигнутъ организаціей мирнаго положенія вещей, а не какъ средство придти къ такому положенію. Тѣмъ не менѣе, этотъ естественный результатъ медленно распространяющейся организаціи мира слишкомъ далекъ, а тяжесть военныхъ расходовъ слишкомъ велика, чтобы конгрессы мира ограничились однимъ ожиданіемъ, а не пытались непосредственно изыскать мѣры къ разоруженію или хотя къ уменьшенію существующихъ вооруженій.

Конгрессы обращаются къ нравственному чувству долга, къ гражданскому мужеству, политической мудрости и экономическимъ интересамъ какъ правительствъ и націй, такъ и отдѣльныхъ лицъ, побуждая ихъ принять на себя иниціативу въ борьбѣ съ вооруженіями. Уже 2-ой конгрессъ высказалъ, что, кромѣ возбужденія взаимнаго международнаго недовѣрія, расходы на вооруженіе являются причиной того общаго экономическаго бѣдствія, которое мѣшаетъ удовлетворительному рѣшенію основныхъ соціальныхъ вопросовъ—вопросовъ труда и бѣдности. 16-ый конгрессъ указалъ, что примѣръ государства, которое первое рѣшится на сокращеніе вооруженій, будетъ притягателенъ именно потому, что это сокращеніе должно имѣть своимъ послѣдствіемъ широкое экономическое благосостояніе населенія этого государства. Конгрессы настаиваютъ на статистическомъ изслѣдованіи экономическихъ ущербовъ, наносимыхъ войною, а также ставятъ вопросы о военныхъ займахъ и военныхъ бюджетахъ. Они обра-

тились къ правительствамъ съ увѣщаніемъ не требовать увеличенія военнаго и морского бюджетовъ и приглашали парламенты отвергать всякій кредитъ, усиливающій тягости милитаризма. На томъ же основаніи высказались они противъ допущенія международныхъ внѣшнихъ займовъ на военныя нужды. Съ цѣлью повліять на общественное мнѣніе конгрессы рекомендовали изученіе условій войнъ будущаго. Они указывали, что современная техника совершенно измѣнила установившіеся ранѣе способы веденія войны и должна привести къ затяжнымъ, ничего не разрѣшающимъ военнымъ дѣйствіямъ, которыя повлекутъ за собою лишь взаимное истощеніе воюющихъ, а въ случаѣ колоніальныхъ войнъ будутъ грозить Европѣ экономическимъ разореніемъ и голодомъ, въ виду задержки въ доставленіи продуктовъ изъ колоній. Конгрессами ставились также вопросы о реорганизаціи армій, о всеобщей воинской повинности, о прерогативѣ суверена въ объявленіи войны. Они предлагали перенести эту прерогативу въ компетенцію парламентовъ.

Робкіе шаги обѣихъ гаагскихъ конференцій не могли удовлетворить дѣятелей мира. 17-ый конгрессъ указалъ, что ежегодные расходы на вооруженіе въ Европѣ, Соединенныхъ Штатахъ и Японіи въ періодъ между первой и второй гаагскими конференціями возрасли съ 6.275 милліоновъ франковъ до 8.000 милліоновъ и что ко времени 3-ей гаагской конференціи (т.-е. къ 1914-му году) эти расходы возрастутъ еще болѣе. Поэтому конгрессъ предлагалъ безотлагательно созвать, согласно предложенію великобританскаго правительства, спеціальную конференцію для осуществленія практическихъ мѣропріятій, клонящихся къ пріостановкѣ вооруженій, не ожидая третьей гаагской конференціи. Онъ предлагалъ установить срокъ, въ теченіе котораго военные расходы не должны быть увеличиваемы свыше средней дѣйствительной нормы предыдущихъ лѣтъ.

Эта борьба съ растущимъ гнетомъ милитаризма не замедлила вызвать въ извѣстныхъ кругахъ обвиненіе конгрессовъ мира въ отсутствіи среди нихъ чувства патріотизма. 10-ый конгрессъ протестовалъ противъ такого обвиненія. „Стремясь предотвратить войну въ своей странѣ — читаемъ мы въ постановленіи этого конгресса, — дѣятели мира болѣе чѣмъ кто-либо способствуютъ ея безопасности".

Въ связи съ вопросомъ объ уничтоженіи войны стоятъ защита конгрессами мира неприкосновенности человѣческой жизни вообще и борьба противъ дуэлей и смертной казни. 6-ой конгрессъ сжато и сильно высказалъ, что право общества наказы-

вать ограничено правомъ обороны, а общественная самооборона не можетъ нуждаться въ казняхъ. 15-ый конгрессъ выработалъ слѣдующую декларацію о неприкосновенности человѣческой жизни: „Пусть ни одно человѣческое существо, каковы бы ни были его національность, религія или политическая дѣятельность, не умретъ болѣе жертвою другихъ человѣческихъ существъ.—Человѣческая жизнь должна быть неприкосновенна; пусть каждый и всѣ уважаютъ ее. Такимъ образомъ осуществится первое и наиболѣе великое требованіе прогресса. Безъ этого всѣ другіе шаги прогресса будутъ только кажущимися и кратковременными. Только миръ и терпимость между людьми могутъ установить окончательно въ каждомъ государствѣ справедливость и свободу".

Поминая борцовъ противъ войны, конгрессы выразили „свое пламенное восхищеніе" примѣромъ русскихъ духоборовъ. Равнымъ образомъ отъ имени конгресса выражена признательность „одному изъ величайшихъ писателей, графу Льву Толстому, посвятившему свой геній на служеніе идеямъ мира".

VI.

Дѣятельность конгрессовъ мира не исчерпывается указанной теоретической и практической постановкой вопросовъ новаго международнаго права. Кромѣ этой работы, конгрессы обращаютъ особенное вниманіе на пропаганду защищаемыхъ ими идей. Идеи мира распространяются, согласно постановленіямъ конгрессовъ, черезъ общества мира и Международное бюро мира, путемъ печати, общественныхъ собраній, школы, рабочихъ ассоціацій, женскихъ обществъ, религіозныхъ общинъ и т. д. Конгрессами указана необходимость основанія спеціальнаго международнаго печатнаго органа мира и отдѣльныхъ журналовъ, служащихъ тому же дѣлу, распространенія ихъ въ публичныхъ библіотекахъ и привлеченія къ дѣлу мира не-спеціальныхъ журналовъ, періодическихъ обозрѣній и т. д. Недостатокъ денежныхъ средствъ сильно затрудняетъ правильную постановку этого дѣла. Тѣмъ не менѣе, Международное бюро мира издаетъ „Correspondance bimensuelle"—очень тщательное обозрѣніе главнѣйшихъ фазисовъ движенія въ пользу мира. Многія общества мира издаютъ свои спеціальные органы. Такихъ журналовъ насчитывается около тридцати, не считая отдѣльныхъ альманаховъ мира, ежегодниковъ (въ родѣ „Friedensbote" въ Германіи) и т. п. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія дѣятели мира могли привѣт-

ствовать возникновеніе спеціальныхъ обществъ дѣятелей печати въ пользу мира въ Парижѣ, Буда-Пештѣ и другихъ городахъ. Пропаганда путемъ общественныхъ собраній ведется довольно широко. Однимъ изъ ея видовъ должны быть, по мысли конгрессовъ, публичныя собранія предвыборнаго періода. Далѣе слѣдуютъ митинги, конференціи, публичныя чтенія, особыя публичныя манифестаціи и праздники мира. Послѣдніе установлены конгрессами два раза въ году: одинъ—22-го февраля, другой (въ память созванія первой гаагской конференціи)—18-го мая. Резолюція, выработанная бюро мира, разсылается въ общества мира, и почти во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ въ эти дни устраиваются торжественныя публичныя собранія, разсматривается и вотируется эта резолюція или вырабатываются другія; затѣмъ отъ собраній посылаются привѣтствія и извѣщенія въ Международное бюро мира. Кромѣ этихъ манифестацій, въ Западной Европѣ и въ Америкѣ получаетъ распространеніе „Воскресенье Мира“ (le Dimanche de la Paix), установленное, по предложенію второго конгресса, въ третье воскресенье декабря. Въ этотъ день въ церквахъ происходятъ торжественныя богослуженія (часто—въ присутствіи членовъ парламента, муниципалитетовъ и т. д.), проповѣди и бесѣды о мирѣ. Въ 1908 г. „Воскресенье Мира“ праздновалось повсемѣстно въ Америкѣ и Великобританіи и во многихъ городахъ Германіи, Швеціи, Нидерландовъ и другихъ странъ.

Чрезвычайно важны работы конгрессовъ по вопросу о школѣ и народномъ образованіи всѣхъ степеней, какъ о средствѣ мирной пропаганды. Конгрессы находили, что въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должны быть учреждены курсы мира и третейскаго разбирательства; въ низшихъ и среднихъ школахъ рекомендовалось ввести, вмѣсто военно-гимнастическихъ упражненій, физическія упражненія спасательныхъ бригадъ. Конгрессы обращались въ министерства народнаго просвѣщенія съ цѣлымъ рядомъ указаній о воспитаніи въ молодомъ поколѣніи идей международнаго братства и третейскаго суда; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ поднятъ вопросъ объ особыхъ руководствахъ для новой педагогики. Такимъ руководствомъ отчасти явилась книжка „Paix et Guerre“, Sève'a, разосланная шестымъ конгрессомъ мира, какъ образчикъ преподаванія въ начальныхъ школахъ [1]). Конгрессы настаивали на томъ,

[1]) Съ тѣхъ поръ литература по этому вопросу значительно разрослась. Вотъ нѣкоторыя сочиненія: *Zollinger*, „Schule und Friedensbewegung“; *O. Ernst*, „Buch der Hoffnung“; *American Peace Society*, „The Teaching of History“; *Franz Kemeny*, „L'enseignement international“; изданіе Межд. Бюро Мира — „L'école et le mouvement de la Paix“.

чтобы въ дѣтяхъ воспитывалось уваженіе къ человѣческой жизни. Путемъ соотвѣтственныхъ книгъ, картинъ и таблицъ дѣтямъ должны быть разъяснены безнравственность и экономическая нелѣпость войны; на всѣхъ степеняхъ народнаго образованія должно быть введено методическое обученіе идеямъ мира; въ начальныхъ и среднихъ школахъ рекомендовалось установить гражданское и моральное обученіе на началахъ долга, справедливости и солидарности человѣчества. Преподаватели и наставники юношества приглашались конгрессами бороться противъ того ореола, которымъ окружили войну застарѣлые предразсудки, останавливать вниманіе своихъ питомцевъ на подвигахъ мира, оттѣнять ту мысль, что наиболѣе просвѣщенный патріотизмъ заключается въ созданіи братскихъ отношеній между націями.

Глубокаго общественнаго интереса полны сношенія конгрессовъ мира съ рабочими ассоціаціями. Рабочіе классы, тѣсно связанные съ жизнью народа, наиболѣе обремененные экономически и наиболѣе чувствующіе тягость войнъ, являются на самомъ дѣлѣ благодарной почвой для посѣва идей мира. Руководящія теоріи этихъ классовъ, программы ихъ организацій, общественныя доктрины, распространенныя между ними, всегда дѣлали ихъ самостоятельными поборниками мира. Конгрессы, отмѣчая желаніе не вмѣшиваться во внутреннюю борьбу политическихъ партій, настоятельно стремятся къ соединенію съ рабочимъ движеніемъ. Они ввели въ свою программу разсмотрѣніе экономическихъ и соціальныхъ народныхъ нуждъ и выразили желаніе, чтобы правительства и парламенты приложили всѣ усилія къ установленію справедливаго распредѣленія продуктовъ труда и къ введенію третейскаго посредничества для разрѣшенія соціальныхъ конфликтовъ какъ въ средѣ самихъ рабочихъ, такъ и между хозяевами и рабочими. Признавая важность коопераціи для распространенія идей мира, конгрессы учредили особую техническую коммиссію изъ экономистовъ-дѣятелей мира для выясненія экономическихъ и соціальныхъ сторонъ международныхъ вопросовъ и постоянно поддерживали сношенія съ рабочими конгрессами и ассоціаціями. 14-ый конгрессъ опредѣленно призналъ, что на ряду съ движеніемъ въ пользу мира, представленнымъ всеобщими конгрессами мира, существуетъ такое же въ пользу мира движеніе рабочее, могущество котораго возрастаетъ со дня на день. Была организована особая коммиссія по изученію рабочихъ программъ, для заимствованія изъ нихъ того, что̀ можетъ содѣйствовать развитію мирнаго движенія. 15-ый конгрессъ, отмѣчая успѣхъ трудовъ этой коммиссіи и привѣтствуя рядъ рабочихъ обществъ, присоеди-

нившихся къ мирному движенію, обратилъ вниманіе рабочихъ организацій на то, что соціальная и экономическая эмансипація рабочаго класса должна имѣть своимъ необходимымъ основаніемъ юридическую организацію международнаго общества. Конгрессы 16-й и 17-й, отмѣчая выдающіяся услуги, оказанныя дѣлу мира профессіональными союзами и подчеркивая важность поддержки мирной программы рабочими массами, продолжали дѣло своихъ предшественниковъ по сближенію съ этимъ крупнымъ народнымъ движеніемъ въ пользу мира.

Дѣятельность конгрессовъ мира по отношенію къ рабочему движенію не осталась безъ результатовъ. Первые шаги совершались медленно; но уже въ 1892 г., на 4-мъ конгрессѣ, 22 бельгійскія рабочія группы заявили о своемъ участіи въ конгрессѣ, а совѣтъ бельгійской рабочей партіи привѣтствовалъ конгрессъ горячими пожеланіями успѣха его работамъ. Восьмому конгрессу были переданы поздравленія французскихъ рабочихъ коопераціи, насчитывавшихъ до 150.000 членовъ, а парижскій муниципалитетъ ассигновалъ 500 франковъ въ пособіе рабочимъ делегаціямъ для участія ихъ въ конгрессѣ мира. Въ 1902-мъ году состоялось оффиціальное присоединеніе Международнаго союза коопераціи къ числу организацій, заявленныхъ Международному бюро мира. Мало-по-малу это движеніе захватило рабочіе союзы и общества Франціи, Австріи, Бельгіи, Великобританіи, Италіи, Швеціи, Швейцаріи, Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. 17-ый конгрессъ могъ съ чувствомъ особаго удовлетворенія установить въ своемъ составѣ наличность крупнаго числа делегатовъ отъ рабочихъ классовъ.

Конгрессы мира всегда отмѣчали громадное нравственное и общественное вліяніе женщины въ дѣлѣ мира. Женскія общества мира возникли еще съ половины XIX-го столѣтія, задолго до организаціи всемірныхъ конгрессовъ мира. Услуги, оказанныя ими, привели въ 1902 г. къ избранію въ число членовъ постояннаго Международнаго бюро мира нѣсколькихъ женщинъ. Въ работахъ конгрессовъ делегатки принимаютъ дѣятельное участіе; многія важныя постановленія конгрессовъ приняты по ихъ иниціативѣ. Указывая на крупное значеніе женщины для мирнаго движенія, конгрессы замѣчаютъ, что женщина должна создавать вокругъ себя тѣ „очаги мира", гдѣ поддерживается святой огонь, который долженъ озарить свѣтомъ все человѣчество [1]).

---

[1]) См. брошюру Жанны Пиктэ (Jeanne Pictet): „Le rôle de la femme dans la Paix universelle".

Менѣе интенсивно было участіе въ дѣятельности конгрессовъ мира представителей государственныхъ религій и религіозныхъ общинъ. Тѣмъ не менѣе, конгрессы мира неуклонно стремились завязать сношенія съ этими организаціями. Мы уже упоминали объ установленномъ конгрессами „Воскресеньѣ Мира". Укажемъ еще на двѣ американскія религіозныя конференціи въ пользу мира: въ 1890 г. — въ Нью-Іоркѣ, и въ 1893 г. — въ Чикаго. Уполномоченный этихъ конференцій, Э. Дерби, препроводилъ выработанную ими петицію о третейскомъ судѣ къ европейскимъ правительствамъ, и въ цѣляхъ воздѣйствія на европейскія церкви основалъ общество англійскихъ церквей, подъ названіемъ „Arbitration Alliance". Отчетъ о своихъ трудахъ Дерби представилъ восьмому всемірному конгрессу мира. Седьмой конгрессъ обратился къ главамъ оффиціальныхъ церквей и религіозныхъ общинъ и къ представителямъ франкъ-масонства, прося ихъ употребить свое вліяніе на распространеніе идей мира между народами. Отъ имени папы кардиналъ Рамполла прислалъ благодарственный отвѣтъ, въ которомъ сказано, что „законъ силы долженъ будетъ уступить мѣсто закону разума, и новая эра истинной цивилизаціи облегчитъ человѣчеству выполненіе его высшихъ задачъ".

Полно глубокаго нравственнаго смысла постановленіе конгресса, въ которомъ онъ убѣждаетъ служителей всякой религіи не соединять религіознаго культа съ человѣкоубійственными предпріятіями, ни въ видѣ молитвъ, ни въ видѣ проповѣдей, ни особенно въ видѣ восторженныхъ пѣснопѣній послѣ кровавыхъ побѣдъ.

VII.

Все движеніе, представителями котораго являются всемірные конгрессы мира, не смотря на свою распространенность и интенсивность, пока еще мало коснулось правительствъ, отъ которыхъ непосредственно зависятъ судьбы международной политики. По прежнему громадные военные бюджеты поглощаютъ жизненныя силы народовъ; по прежнему тамъ и здѣсь вспыхиваютъ страшныя войны, безплодно уносящія десятки и сотни тысячъ жизней; по прежнему торжествуетъ произволъ сильнаго, попирается автономія слабыхъ государствъ, совершаются грубыя насилія надъ цѣлыми націями. Но поборники движенія въ пользу мира, не уставая протестовать противъ нарушенія основныхъ требованій человѣчности и цивилизаціи, стойко ждутъ

свѣтлаго будущаго. Соединенные Штаты Европы—вотъ то грандіозное международное построеніе, которое виднѣется передъ провозвѣстниками мира. Эта великая мысль зрѣетъ и укрѣпляется въ умахъ современныхъ дѣятелей со всею силою исторической неизбѣжности. Мысль о Соединенныхъ Штатахъ Европы высказалъ еще женевскій конгрессъ 1867-го года [1]); она проскользнула, въ 1897 г., въ рѣчи англійскаго премьера, лорда Сольсбери; она служила предметомъ работъ съѣзда политическихъ наукъ въ Парижѣ, въ 1900 г. [2]); она была всегда путеводной звѣздой для дѣятелей всемірныхъ конгрессовъ мира. Мы закончимъ наше краткое обозрѣніе дѣятельности этихъ конгрессовъ словами постановленій трехъ конгрессовъ, относящихся къ этому вопросу.

„Бѣдствія, причиняемыя вооруженнымъ миромъ — говоритъ 4-й конгрессъ,—опасность большой войны, всегда висящая надъ Европой, зависятъ отъ состоянія анархіи, въ которой находятся по отношенію одна къ другой различныя европейскія націи. Европейская федеральная унія—которой требуютъ также и торговые интересы всѣхъ странъ — могла бы положить предѣлъ этому состоянію установленіемъ единаго правового (юридическаго) европейскаго государства. Такая федерація во имя общихъ интересовъ ни въ чемъ не нарушила бы независимости каждой націи въ ея внутреннихъ дѣлахъ и въ формѣ государственнаго ея устройства". Ту же мысль черезъ тринадцать лѣтъ подтвердилъ 14-й конгрессъ: „война и завоеваніе являются преступленіями; никто не имѣетъ ни права войны, ни права завоеванія. Свобода и суверенныя права одной націи ограничены свободою и суверенными правами другихъ націй. Война и завоеваніе не составляютъ аттрибутовъ суверениаго права, но наоборотъ, нарушаютъ его; поэтому націи, во имя взаимнаго уваженія къ своимъ суверениымъ правамъ, должны снабдить то международное цѣлое, которое онѣ образуютъ, необходимыми учрежденіями, могущими служить гарантіею противъ войны и завоеванія. Эти учрежденія, источники мира, должны быть основаны на неприкосновенности, распространенной отъ человѣческой личности на цѣлые народы; они должны обезпечить націямъ автономію и солидарность. Совокупность этихъ учрежденій является осуществленіемъ идеи фе-

---

[1]) Этотъ конгрессъ происходилъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Гарибальди. На немъ была основана Лига Мира и Свободы, печатнымъ органомъ которой служилъ журналъ „Les Etats-Unis d'Europe". Этотъ журналъ существуетъ до сихъ поръ. Его девизъ: „si vis pacem, para libertatem et justitiam".

[2]) См. проф. гр. Л. А. Камаровскій, „Вопросы международной организаціи. Соединенные штаты Европы", Москва, 1905.

дераціи. Федерація не уничтожаетъ понятія отечества, сопряженнаго для каждаго съ его страною; она объединяетъ эти понятія и, ничуть не ослабляя сознанія отечества, придаетъ ему еще болѣе силы и яркости благодаря тому, что обезпечиваетъ путемъ мира свободу и безопасность каждой страны". 17-й конгрессъ мира перешелъ къ обсужденію болѣе или менѣе реальныхъ формъ осуществленія той же мысли: „Единственное средство согласовать необходимую и желательную международную организацію съ потребностями народовъ и съ современнымъ состояніемъ ихъ эволюціи заключается въ образованіи общества, которое, оставляя за различными государствами ихъ абсолютныя индивидуальность и автономію, позволило бы имъ вмѣстѣ стремиться къ общимъ для нихъ благамъ: безопасности, правосудію и опредѣленнымъ интеллектуальнымъ и экономическимъ интересамъ. Учрежденіе международной власти (l'institution d'une autorité internationale) необходимо для того, чтобы обезпечить функціонированіе такого общества. Эта власть должна быть образована изъ делегатовъ, избранныхъ союзными государствами, и должна заключать въ себѣ законодательный совѣтъ для изданія международныхъ законовъ, судебную власть для ихъ примѣненія и исполнительную власть, снабженную необходимыми полномочіями и имѣющую задачей завѣдывать общими интересами различныхъ народовъ и слѣдить за соблюденіемъ законовъ и исполненіемъ судебныхъ рѣшеній. Когда начнетъ дѣйствовать такая организація, тогда государства, получившія въ ней гарантію для своей безопасности и для отправленія правосудія, должны будутъ распустить свои морскія и сухопутныя арміи и уничтожить свои боевые матеріалы".

Таковы свѣтлыя перспективы будущаго, проносящіяся передъ взорами поборниковъ мира. Въ умственный и нравственный обиходъ современныхъ народовъ конгрессы мира внесли и вносятъ много новаго, жизненнаго и поучительнаго. Ихъ идеямъ принадлежитъ будущее.

Кн. А. Кропоткинъ.

ОТНОШЕНІЕ НАСЕЛЕНІЯ КЪ ВЫБОРАМЪ
ВЪ
ЕКАТЕРИНИНСКУЮ КОММИССІЮ

Окончаніе *).

IV.

Отношеніе населенія ко второй стадіи выборовъ.

Характеристика активнаго отношенія общественныхъ группъ ко второй стадіи выборовъ, т.-е. къ составленію наказовъ, не займетъ много мѣста, поскольку дѣло идетъ о Великороссіи и остзейскихъ губерніяхъ; слишкомъ мало сохранилось данныхъ по этому предмету. Трудно судить, съ какимъ вниманіемъ, насколько горячо обсуждалось тутъ или тамъ содержаніе наказовъ; часто ли возникали споры и въ какихъ размѣрахъ, до какой степени они разгорались; какое значеніе нужно приписывать авторитету отдѣльныхъ лицъ (напр. князя М. М. Щербатова въ Ярославскомъ уѣздѣ, А. И. Бибикова—въ Костромскомъ) или группъ. Только о Малороссіи мы знаемъ кое-что; знаемъ, что въ этомъ краѣ—главнымъ образомъ на городскихъ и шляхетскихъ выборахъ—наказы слагались совсѣмъ не въ спокойной обстановкѣ. Здѣсь кипѣли страсти, обнаруживались своекорыстныя поползновенія, рѣзко выступалъ партійный духъ, оспари-

*) См. ноябрь, стр. 99.

валось преобладаніе. Объясняется это тѣмъ, что здѣсь все бродило, формировалось заново.

На городскихъ выборахъ дѣйствовалъ преимущественно соціальный (точнѣе — соціально-экономическій) антагонизмъ. Къ Стародубу, Лубнамъ, Полтавѣ, Нѣжину, о которыхъ шла рѣчь выше, весьма близко подходитъ Харьковъ. Въ этомъ городѣ тонъ давало не шляхетство, а мѣщанство. Уже послѣ того, какъ харьковскій наказъ былъ написанъ и подписанъ, нѣсколько гражданъ изъ привилегированнаго казачества подали губернатору жалобу, утверждая, что наказъ они подписали подъ давленіемъ большинства „подлыхъ и безразсудныхъ людей“ и просили наказъ возвратить для исправленія. Губернаторъ приказалъ городскому головѣ исключить нѣкоторыя статьи, „неприличныя и вредныя для губерніи“.

На шляхетскихъ избирательныхъ собраніяхъ столкновенія изъ-за наказа носили другую окраску. Здѣсь чаще всего волновала политика; другъ противъ друга стояли два лагеря—умѣренные элементы, державшіе сторону правительства, и оппозиція, мечтавшая объ „умоначертаніяхъ прежнихъ временъ“, объ исключительномъ господствѣ шляхетскаго сословія, какое было до Богдана Хмельницкаго.

„Благонамѣренное“ теченіе восторжествовало, напр., въ черниговскомъ наказѣ, благодаря дипломатичности предводителя, Безбородка [1]). Стародубскій наказъ явился результатомъ упорной борьбы и обоюдныхъ затѣмъ компромиссовъ. Прилуцкій наказъ нѣкоторыми „пунктами“, по убѣжденію иныхъ избирателей, настолько расходился „съ великими и безпримѣрными трудами и попеченіемъ Е. И. В. о учиненіи вѣрноподданныхъ своихъ прямо счастливыми“, что повлекъ за собой подачу нѣсколькихъ особыхъ мнѣній-протестовъ. Въ Нѣжинѣ блестящую, хотя и кратковременную, побѣду одержали крайніе.

Въ Нѣжинскомъ „полку“ при предварительномъ обсужденіи проекта депутатской инструкціи общее мнѣніе было таково, чтобы непремѣнно просить въ наказѣ о возстановленіи гетманства и шляхетскихъ вольностей (сохраненіе которыхъ неоднократно подтверждено было высочайшими указами). Избранный сначала въ

[1]) „Безбородка и сына его — сообщаетъ государынѣ генералъ-губернаторъ — за этотъ наказъ возненавидѣли и въ бытность перваго въ Глуховѣ явно его презирали и нарекали быть недоброжелателями отчизны, а депутатъ Скоропадскій — при всѣхъ наукахъ и въ чужихъ краяхъ обращеніяхъ оставшійся казакомъ — ему при первомъ свиданіи объявилъ, что онъ его наказъ ему же и сдастъ въ Москвѣ, онъ де для него такъ теменъ, что его едва и разумѣть можно“.

предводители, потомъ въ депутаты, земскій судья Селецкій вѣроятно раздѣлялъ образъ мыслей своихъ товарищей. Справивъ выборы, нѣжинское шляхетство, прежде чѣмъ приступить къ окончательной разработкѣ наказа, разрѣшило себѣ маленькія каникулы: оправдываясь тѣмъ, что они въ Нѣжинѣ „прожились", а многимъ-де, кромѣ того, пришло время говѣть, избиратели разъѣхались на мѣсяцъ по домамъ. Генералъ-губернаторъ, извѣстный впослѣдствіи графъ Румянцевъ, не протестовалъ противъ такого своеволія и даже радъ былъ, кажется, неожиданной отсрочкѣ: будучи крайне недоволенъ замыслами нѣжинцевъ, онъ постарался во время „каникулъ" принять свои мѣры къ пресѣченію зла. Какими путями удалось ему воздѣйствовать на Селецкаго—неизвѣстно; но когда собравшіеся вновь избиратели взялись за составленіе наказа, депутатъ поразилъ всѣхъ своимъ полнымъ несочувствіемъ взглядамъ, положеннымъ въ его основу. Селецкій ни за что не соглашался ѣхать съ такой инструкціей въ коммиссію и предлагалъ собранію замѣнить ее другою, имъ самимъ заблаговременно написанною. Странное поведеніе Селецкаго возбудило противъ него и негодованіе, и подозрѣнія. Онъ сталъ отказываться отъ депутатства; большинство поспѣшило воспользоваться этимъ, равно какъ и „простотой" своего предводителя, и избрало новаго депутата, Долинскаго, по аттестаціи Румянцева—„неразсудныхъ ихъ просьбъ и желаній перваго между ними виновника". Приказъ генералъ-губернатора возстановить полномочія Селецкаго остался неисполненнымъ. Задѣтый за живое, Румянцевъ послалъ въ Петербургъ донесенія, дѣйствіе которыхъ не замедлило сказаться. Сенатъ постановилъ: первому выбору остаться въ силѣ и „похвалить притомъ его, Селецкаго, и согласныхъ съ нимъ владѣльцевъ (всего человѣкъ 6—7, не болѣе) *за усердіе*"; предводителя Тарнавіота отставить отъ должности, „а зачинщиковъ прописаннаго непорядка, кои побудили приступить къ другому, противозаконному, выбору, и тѣхъ, кто съ ними были въ согласіи, отослать воинскихъ — на военный, а гражданскихъ и неслужащихъ на гражданскій судъ". Суду преданы были 54 человѣка: военному—36, гражданскому—18. Судебный приговоръ явился, въ сущности, лишь неуклюжей формой для прикрытія грубаго административнаго произвола. Подсудимые были признаны виновными въ томъ, что отважились нарушить довѣренность депутату Селецкому, „со дня его выбора единственно уже подъ Е. И. В. протекціею состоящему", и потомъ не исполнили приказанія генералъ-губернатора о возстановленіи полномочій ими же избраннаго депутата. Глуховскій военный судъ

приговорилъ: 33 обвиняемыхъ заковать въ желѣзо и „лишить живота“, остальныхъ же трехъ лишить чиновъ и подвергнуть аресту. По гражданскому суду всѣ 18 обвиняемыхъ были приговорены къ „вѣчной ссылкѣ“. Сенатъ замѣнилъ ссылку шестинедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ, съ отнятіемъ всѣхъ чиновъ; что же касается приговора военнаго суда, изъ дѣлъ не видно, чѣмъ было замѣнено „лишеніе живота“. Извѣстно только, что осужденныхъ восемь мѣсяцевъ продержали въ тюрьмѣ, и тщетно взывали они къ помилованію. Лишь въ началѣ 1770 г. на прошенія заключенныхъ послѣдовала высочайшая резолюція: „Богъ проститъ“, а затѣмъ было приказано „во всемъ ихъ въ прежнее состояніе возстановить“.

Въ г. Погарѣ (какъ и Нѣжинскій полкъ, въ нынѣшней Черниговской губерніи) произошло нѣчто въ родѣ бойкота. Нѣкоторые члены погарскаго привилегированнаго общества, съ магистратскимъ войтомъ Панасомъ во главѣ, убѣждали „новины не слушать и къ оной не склоняться и не смотрѣть ни на какіе посторонніе страхи; новинѣ передъ стариною во многомъ стыдно и показаться, новина того, что въ старину сдѣлано, не точію поправить, но и сдержать не можетъ“. Городской голова пригласилъ жителей собраться для избранія депутата. Однако „изъ воинскаго званія — читаемъ въ его рапортѣ отъ 7-го іюня — и многіе разночинцы въ означенное мѣсто и въ церковь къ молебствію и присягѣ о выборѣ депутата и выбирать того тогда не пошли и полномочія не подписали и... сдѣлались во всемъ противны“. Когда голова сталъ вести дѣло съ одними мѣщанами и явился съ пятью выборными для составленія наказа въ магистратъ, то „войте погарскій съ шляхетствомъ, держа едино согласіе между собою... выслали меня съ магистрата, не дая мнѣ по должности моей въ магистратѣ ни малѣйшаго производства повесть“. Когда избирателей созвали для выслушанія выработаннаго уже наказа, Панасъ попробовалъ сорвать и это собраніе, простона-просто заперевъ магистратъ, „не точію самъ не хотя слушать наказу, но чтобъ и всѣ мѣщане поразошлись“. Голова, въ концѣ концовъ, все-таки настоялъ на исполненіи сенатскаго указа, и ему удалось безъ особыхъ помѣхъ устроить два собранія. На третьемъ бойкотисты шумно вмѣшались въ обсужденіе депутатской инструкціи. Панасъ „по звиклости своей (т.-е. по навыку) во многихъ указныхъ дѣлахъ дѣлалъ свои толки“, возражалъ на наказъ и вообще, должно быть, проводилъ свои взгляды, съ ругательствами нападая самъ и натравляя другихъ на злосчастнаго городского голову. Видя, что почва, не смотря ни на какія ухи-

щренія, ускользаетъ все же у него изъ-подъ ногъ, Панасъ съ единомышленниками старался посредствомъ переизбранія составителей наказа захватить всѣ нити въ свои руки и дать дѣлу иной оборотъ. Но и эта попытка не имѣла успѣха. Тогда противники выборовъ отправили куда слѣдуетъ прошеніе о томъ, чтобъ отставить „недостаточнаго и безпорядочнаго" городского голову. Сенатъ назначилъ судебное разслѣдованіе по дѣлу погарскихъ выборовъ, результаты котораго, сколько извѣстно, до сихъ поръ не опубликованы.

Нѣкоторые изслѣдователи, касаясь этого факта, не придаютъ ему особеннаго значенія. Авсѣенко, а за нимъ и Латкинъ полагаютъ, что люди, подобные войту Панасу, „осуждали мѣру императрицы не во имя какихъ-либо практическихъ или политическихъ соображеній, а во имя отцовской старины" [1]). Можетъ быть, дѣйствительно войтъ Панасъ со своими сторонниками принадлежалъ къ категоріи самыхъ обыкновенныхъ крѣпколобыхъ поборниковъ старины, застоя; но вѣроятнѣе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ болѣе сложнымъ и серьезнымъ явленіемъ. Вѣдь городъ Погаръ былъ въ той самой Малой Россіи, о которой въ 1764-мъ году Екатерина, въ секретной инструкціи генералъ-прокурору, писала, между прочимъ, слѣдующее: „Малую Россію, Лифляндію и Финляндію надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки въ лѣсу".

Привилегированная часть малорусскаго общества таила въ себѣ сѣмена оппозиціи и даже не прочь была на выборахъ совать палки въ колеса. „Какъ скоро доходило до выбора депутата и сочиненія особливо наказа — докладываетъ генералъ-губернаторъ Малороссіи, — тутъ открывалось повсюду прямое и имъ свойственное вездѣ исканіе и желаніе: вездѣ согласно закричали... чтобы права, вольности и обыкновенія имъ утверждены были, поборы бы всѣ оставлены, войска (русскія) выведены, шляхетство отъ взятія пошлины уволено... и чтобы настоять и неотступно просить гетмана по прежнему... Часть же людей такихъ, кои слѣпо симъ невѣжамъ слѣдуютъ, не мала... Примѣчено и то здѣсь стало, что многіе ободрили себя прямо, какъ можно *держаться старины.* Одни города и простой народъ признаютъ публично милосердіе В. И. В. чрезъ введенные нѣкоторые отъ меня порядки за полезные для нихъ, но тутъ же

---

[1]) Авсѣенко, „Малор. шлях. въ 1767 г. („Кіевлянинъ", 1864 г. № 36). Латкинъ, „Законод. ком.", т. I, стр. 222.

жалуются, что самые ихъ начальники, кольми паче больше расплодившееся здѣсь шляхетство въ томъ всѣми силами препятствуетъ... Многіе большіе (т.-е. шляхетство, казацкая старшина, чиновники) истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей, отзывы же у всѣхъ одни: *зачѣмъ бы намъ тамъ* (въ коммиссіи) *и быть?*.. Наши законы весьма хороши, а буде депутатамъ быть уже надобно, только развѣ-бъ искать правъ и привилегій подтвержденія". Такой образъ мыслей логически ведетъ къ образу дѣйствій погарскихъ бойкотистовъ.

Приблизительно въ это же время въ Маллороссіи появился „Разговоръ Малороссіи съ Великороссіей", очень опредѣленно отражающій политическое самосознаніе малорусскаго общества, руководителемъ котораго была шляхта. „Во всемъ, исключая пространства, мы съ тобой равны", говорится здѣсь. „Малороссія поддалась не Великороссіи, какъ обществу, а лишь государю, какъ общему повелителю одной и другой страны". Это самосознаніе, хотя бы и смутно и въ связи съ другими побужденіями, могло повлiять на дѣйствія какъ нѣжинскаго шляхетства, такъ и погарскихъ и другихъ „лутчихъ господъ".

Въ этомъ же духѣ, повидимому, объяснялъ себѣ поведеніе погарскаго войта и Румянцевъ, отозвавшійся о его дѣятельности, какъ о „велерѣчіи и мнимомъ патріотическомъ усердіи". Есть основаніе думать, что въ Петербургѣ еще до выборовъ ожидали отъ малороссовъ демонстрацій въ родѣ погарской. Въ руководствѣ для составителей плана выборовъ императрица пишетъ: „Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финлядіи остается на волю прислать депутатовъ. *А не пришлютъ*, останутся на томъ основаніи, какъ нынѣ, пока не будутъ бить челомъ объ уравненіи". Отчасти на погарское шляхетство могло влiять и знакомое намъ по другимъ малороссійскимъ городамъ высокомѣрное нежеланіе „сидѣть съ мужиками".

По мнѣнію Дитятина, враждебно отнеслись къ призыву императрицы и остзейцы, которые рѣшительно не хотѣли подчиняться „Обряду" о выборахъ депутатовъ, видя въ немъ, подобно малороссійской шляхтѣ, нарушеніе ихъ стародавнихъ привилегій. Нѣкоторые остзейскіе города прямо отказывались отъ посылки въ коммиссію депутата, ссылаясь на свою якобы экономическую несостоятельность. Дѣйствительно, изъ рапорта лифляндскаго генералъ-губернатора Броуна видно, что города Дерптъ, Перновъ, Венденъ и др., сначала заявили-было, будто „имъ въ иныхъ мѣ-

стахъ за малоимѣніемъ мѣщанъ и за бѣдностью, а въ прочихъ, за неимѣніемъ къ тому способныхъ людей, какъ въ предводители, такъ и въ депутаты выбрать некого, и для того свое полномочіе и голосъ препоручаютъ выбранному отъ ригскаго мѣщанства депутату". Позднѣе нѣкоторые изъ этихъ городовъ измѣнили свое рѣшеніе и все-таки справили выборы. Фактъ, значитъ, на лицо, но объясненіе, данное ему Дитятинымъ, ничѣмъ не подкрѣплено. Не доказано и мнѣніе Дитятина о нежеланіи остзейцевъ подчиняться избирательному „Обряду".

Дѣло, аналогичное нѣжинскому „бунту", возгорѣлось изъ-за наказа и на другомъ концѣ Малороссіи, въ Харьковской губерніи, на этотъ разъ—въ крестьянской средѣ. Харьковскіе такъ называемые войсковые обыватели до 1763 г. несли вольную казацкую службу (это—бывшіе слободскіе казаки), пользовались полнымъ самоуправленіемъ и не обременены были никакими податями и сборами. Затѣмъ строй ихъ претерпѣлъ крутую перемѣну: ихъ свели на положеніе обыкновенныхъ податныхъ поселянъ, обложивъ даже грудныхъ младенцевъ подушнымъ окладомъ и замѣнивъ казаковъ регулярными гусарскими полками. Естественно было ожидать, что манифестъ о коммиссіи разбередитъ свѣжую рану, вызоветъ толки, надежды. Вѣдь манифестъ приглашалъ населеніе откровенно изложить въ наказахъ свои нужды, неурядицы.

Въ слободѣ Межиричъ „повѣреннаго" избрали безъ всякихъ проволочекъ; затѣмъ собрались писать выборщику полномочіе и заявленіе о мѣстныхъ общественныхъ „чувствительныхъ недостаткахъ". Почти всѣ присутствующіе (а набралось около 400 избирателей) сошлись на пожеланіи, чтобы возвращены были прежніе порядки, и прежде всего — отмѣненъ ненавистный окладъ. Насколько возбуждено было собраніе, можно угадать по восклицанію одного изъ межирицкихъ жителей, Гринченка: „Кто сей новый окладъ положилъ, тотъ чтобы пропалъ на вѣки!" Руководившій выборами коммиссаръ счелъ нужнымъ сходъ распустить, Гринченка арестовать и донести о случившемся правящему должность воеводы. Началось дѣло „о возмущеніи обывателей слободы Межиричъ при выборѣ депутата". Губернаторъ Щербининъ отдалъ приказъ объяснить межиричанамъ всю безразсудность и безплодность ихъ ходатайства, а вмѣстѣ съ тѣмъ взять „подъ караулъ" 15 поименованныхъ въ рапортѣ избирателей, Гринченка же заковать въ кандалы и тщательно допросить всѣхъ, въ особенности Гринченка, по чьему наущенію они „дозволили себѣ противодѣйствіе (!) властямъ". Воевода съ воин-

ской командой немедленно двинулся на усмиреніе „мятежниковъ“. На пути онъ получилъ извѣщеніе отъ коммиссара, что около 30-ти человѣкъ мѣстныхъ жителей явилось въ коммиссарское правленіе и съ криками требовало освобожденія Гринченка. Узнавъ объ этомъ, воевода подкрѣпилъ свой карательный отрядъ. Слѣдствіе производилось сперва на мѣстѣ, а потомъ въ сумской провинціальной канцеляріи. Сбивчивыя показанія слобожанъ бросали сильную тѣнь на самого коммиссара: и у воеводы, и въ канцеляріи составилось мнѣніе, что онъ-то, коммиссаръ, и натолкнулъ избирателей на неумѣренныя требованія, совѣтомъ просить объ освобожденіи дѣтей до семилѣтняго возраста отъ подушнаго оклада. Главный обвиняемый, Гринченко, показалъ, что приписываемыя ему слова вырвались у него спьяна и никто его не наущалъ, а говорилъ онъ по простотѣ своей, озлобившись, что на него при раскладкѣ положили податей гораздо больше, чѣмъ слѣдовало бы по его имуществу; при томъ слова его относились къ раскладчикамъ, а не къ комунибудь другому. Приходившіе требовать освобожденія Гринченка объяснили, что они приходили *просить* о томъ, и когда имъ было отказано, мирно разошлись по домамъ. И все-таки сумская провинціальная канцелярія нашла почему-то нужнымъ предъявить всѣмъ 23-мъ подсудимымъ обвиненіе по 1-ой и 18-ой статьямъ Соборнаго Уложенія („умыселъ на государево здоровье, скопъ и заговоръ на государя“) и мнѣніемъ положила: въ виду *простоты* обвиняемыхъ и того обстоятельства, что „возмущеніе“ ихъ дальнѣйшихъ вредныхъ дѣйствій не имѣло, ограничиться наказаніемъ ихъ плетьми въ присутствіи всѣхъ жителей Межирича, а коммиссару Селеховскому, уже отстраненному отъ должности, учинить еще „реприманть“ въ канцеляріи. Когда приговоръ представленъ былъ въ губернскую канцелярію, она нашла, что несомнѣнныя улики имѣются лишь противъ двухъ—Гринченка и Вечѣрка, и потому рѣшила: зачесть обоимъ имъ въ наказаніе время пребыванія подъ стражей, Гринченка наказать плетьми, Вечѣрка высѣчь батожьемъ, а Селеховскаго вовсе не подвергать карѣ и возвратить ему прежнюю должность коммиссара.

Интересно было бы знать, какое представленіе о созываемой въ далекой Москвѣ коммиссіи составилось—послѣ столь суроваго урока за черезчуръ живое, по мнѣнію начальства, отношеніе къ выборамъ—у обывателей слободы Межиричъ, а также у нѣжинской шляхты...

V.

Вынужденное или кажущееся пассивное отношеніе къ выборамъ.

Всѣмъ приведеннымъ до сихъ поръ фактамъ присуща одна особенность: населеніе несомнѣнно проявляло интересъ къ выборамъ. Теперь намъ предстоитъ обозрѣть тѣ случаи, гдѣ на первый планъ выступаетъ косность, абсентеизмъ населенія или, точнѣе, его представителей на выборахъ. Такіе случаи составляютъ исключеніе. Въ 1767 г. встрѣчается очень мало похожаго на стремленіе избирателей отбояриться какъ-нибудь отъ навязанной имъ правительствомъ обузы. Не было, какъ прежде, необходимости отправлять депутата или избирателя подъ карауломъ къ мѣсту назначенія, или арестовать избирательскихъ и депутатскихъ женъ, или грозить конфискаціей имущества, чтобы побудить къ исполненію гражданскаго долга. Даже и тѣ, сравнительно рѣдкія темныя пятна, которыя находятся въ полѣ нашего зрѣнія, далеко не всѣ бросаютъ тѣнь на населеніе. Во-первыхъ, причины неучастія въ выборахъ или черезчуръ формальнаго и холоднаго къ нимъ отношенія частенько надо искать не столько въ чувствахъ, привычкахъ, образѣ мыслей данныхъ общественныхъ слоевъ, сколько въ несовершенствахъ „Обряда“ и вообще постановки дѣла, или же въ усердіи не по разуму мѣстнаго начальства. Во-вторыхъ, иныя подробности выборовъ, при первомъ взглядѣ свидѣтельствующія о малосознательности или инертности избирателей, пріобрѣтаютъ совершенно другой, гораздо болѣе благопріятный для нихъ смыслъ, если проанализировать ихъ тщательнѣе.

Немало наберется уѣздовъ и городовъ, не приславшихъ депутатовъ. Возникаетъ вопросъ: въ какой мѣрѣ причастна тутъ воля ихъ жителей, получившихъ избирательныя права? О нѣкоторыхъ изъ этихъ районовъ мы знаемъ навѣрное, что выбирать тамъ было некому и некого на безлюдьѣ. Такъ, напр., Петербургскій, Великоустюгскій и Кунгурскій уѣзды были слишкомъ для того бѣдны избирателями: дворянскаго землевладѣнія здѣсь почти не существовало [1]). Съ другой стороны, жители, напр.,

---

[1]) Производство выборовъ было признано необязательнымъ для тѣхъ уѣздовъ и городовъ, которые насчитывали первые—менѣе 15-ти дворянъ-помѣщиковъ, вторые—менѣе 50-ти домовладѣльцевъ.

Клина, Ефремова, Ливенъ, Кологрива не только, быть можетъ, не прочь были имѣть своего депутата, но даже въ состояніи оказывались—и съ количественной, и съ качественной стороны—осуществить это желаніе; но, на ихъ несчастье, среди нихъ не нашлось купечества—и они были лишены представительства. Такъ распорядилась съ выборами администрація въ г. Клинѣ, и именно по этой причинѣ.

Документы отмѣчаютъ поразительно малолюдныя избирательныя собранія въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ, хорошо, повидимому, обезпеченныхъ составомъ избирателей, — собранія, малолюдныя иногда до того, что выборы такъ и не могли состояться. Въ Каширскомъ уѣздѣ изъ 711 избирателей присутствовало на выборахъ всего-навсего 38; изъ остальныхъ только 323 чел. прислали вмѣсто себя довѣренности — такъ называемые отзывы на согласіе съ результатами предстоящей баллотировки. Въ Московскомъ уѣздѣ съѣхалась лишь пятая часть числившихся тамъ землевладѣльцевъ-избирателей (163 изъ 818). Въ Переяславль-рязанскомъ на 132 чел., явившихся на выборы, пришлось 325 „отзывовъ“ отъ отсутствовавшихъ. Пусторжевскій уѣздъ, съ его 104 помѣщиками, имѣвшими право голоса, не выслалъ на выборы даже третьей доли ихъ (32), а изъ числа прибывшихъ только 16 досидѣло до конца и закрѣпило наказъ своими подписями. Дмитровскій наказъ, насчитывающій около 300 землевладѣльцевъ въ уѣздѣ, подписанъ лишь 13-ью избирателями. Въ Серпуховскомъ уѣздѣ избирательный съѣздъ представленъ былъ... въ одномъ лицѣ. Разумѣется, даже съ „отзывами“ отъ сорока шести непріѣхавшихъ этотъ единственный выборщикъ не въ состояніи былъ наладить какъ выборы, такъ и выработку депутатской инструкціи. Звенигородскій уѣздъ перещеголялъ даже Серпуховскій: здѣсь изъ 80-ти избирателей никто не тронулся съ мѣста. Въ Мосальскомъ уѣздѣ условія для выборовъ складывались какъ будто болѣе благополучно: при 34-хъ „отзывахъ“ въ наличности оказалось 5 человѣкъ—слѣдовательно, получалась возможность и депутата избрать, и наказъ ему сочинить. Однако на первыхъ же порахъ встрѣтилась серьезная помѣха: предварительно надо было выбрать предводителя дворянства, и обязательно изъ числа присутствовавшихъ, а между тѣмъ трое изъ этихъ пяти кандидатовъ не имѣли возрастнаго ценза (полныхъ 30 лѣтъ), четвертый не подходилъ по неграмотности, о пятомъ же въ оффиціальномъ рапортѣ просто сказано, что „оной должности исправить не можетъ“. Оставалось одно: назначить новый срокъ для выборовъ; но во второй разъ прибыло

только трое. Тогда губернаторъ объявилъ по уѣзду, что если господа дворяне и къ третьему сроку не соберутся, *то, значитъ, не хотятъ участвовать въ выборахъ*. Мосальское дворянство такъ-таки и не обзавелось депутатомъ.

Выборы въ Малороссіи, по причинамъ намъ нѣсколько уже знакомымъ, получили особенный отпечатокъ. Примѣръ города Погара показываетъ, какъ въ иныхъ случаяхъ можно понимать нежеланіе малороссійскихъ избирателей быть на выборахъ. Въ Прилукахъ привилегированные горожане упорно отказывались содѣйствовать, по выраженію генералъ-губернатора, „общенародному добру“ и объясняли потомъ свое отсутствіе кто болѣзнью, кто поѣздкой на ярмарку, кто богомольемъ или поминовеніемъ сына, и такъ далѣе, въ томъ же духѣ. Эти случаи заставляютъ насъ не спѣшить съ заключеніемъ объ индифферентизмѣ извѣстной части населенія Украйны.

Выборы въ коренной Россіи не знали рѣзкихъ осложненій; поэтому и проще, доступнѣе ихъ изнанка, легче разобраться въ побужденіяхъ избирателей. Не одни только беззаботные муромскіе дворяне и дмитровскіе граждане, должно быть, предпочитали дѣйствовать по девизу: „моя хата съ краю“ [1]).

Но вотъ что надо принять во вниманіе: время выборовъ пало на мѣсяцы февраль, мартъ, апрѣль, т.-е. на конецъ зимы и начало весны—значитъ, пришлось какъ разъ въ полное бездорожье, въ самую распутицу. Это обстоятельство при разработкѣ „Обряда“ было совсѣмъ упущено изъ виду. Другимъ тормазомъ должно было служить то, что къ началу выборовъ большая часть дворянъ не успѣла еще раздѣлаться съ государственной службой и осѣсть по своимъ помѣстьямъ. Вотъ какія любопытныя статистическія данныя имѣются на этотъ счетъ для тогдашней Московской губерніи:

	Число владѣльцевъ.	Проживало въ уѣздѣ.	Присутств. на выборахъ.	Прислало „отзывы“.
Гороховецкій уѣздъ . .	63	7	6	4
Волоколамскій „ . .	60	15	6	10
Звенигородскій „ . .	80	2	—	51

[1]) „Мы, будучи въ собраніи, по довольномъ общемъ нашемъ разсужденіи всего муромскаго дворянства, никакихъ отягощеній и нуждъ не признаваемъ“. Это мы читаемъ въ муромскомъ наказѣ, дмитровскій же городской наказъ заявляетъ слѣдующее: „Градскіе жители... избраннымъ въ силу объявленнаго обряда для сочиненія предписанному депутату наказа пяти человѣкамъ... никакихъ къ сочиненію прошеній о желаемомъ поправленіи не приносили, а объявили, что они по обстоятельству здѣшняго города никакихъ общихъ нуждъ не имѣютъ представить“.

Ясно, что напримѣръ въ Звенигородскомъ уѣздѣ было рѣшительно все равно—собираться ли, или не собираться избирателямъ, такъ какъ фактически ими безъ затрудненій могли быть только два человѣка; а потому нечего удивляться, что оба избирателя сочли за лучшее сказаться больными и совсѣмъ не ѣхать на выборы.

Назначеніе выборовъ раннею весной въ странѣ съ значительно преобладающимъ негородскимъ населеніемъ и съ плохими дорогами является однимъ изъ тѣхъ фактовъ, которые наглядно показываютъ, какъ сильно могутъ повліять въ отрицательномъ смыслѣ недосмотры въ организаціи дѣла. Въ абсентеизмѣ прилукскихъ обывателей нетрудно усмотрѣть дѣйствіе другого дефекта въ организаціи выборовъ: игнорированіе обособленности и розни сословныхъ группъ въ городахъ съ разношерстнымъ составомъ жителей. Этому же самому промаху, допущенному въ „Обрядѣ“, вмѣстѣ съ злополучнымъ уравненіемъ въ правахъ разнокалибернѣйшихъ городовъ, обязаны и обѣ столицы ничтожными результатами своихъ выборовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ вообразить себя на мѣстѣ ихъ избирателей. Предлагается на рѣшеніе чрезвычайно хитроумная задача: сойтись на одномъ единственномъ депутатѣ, единственномъ представителѣ такого центра, какъ Петербургъ или, что еще удивительнѣе, какъ тогдашняя Москва, съ ея двумя стами тысячъ обывателей—и выработать ему наказъ, который согласовалъ бы стремленія всѣхъ этихъ разнородныхъ, подчасъ враждебныхъ другъ другу слоевъ населенія, ихъ непримиримые во многихъ отношеніяхъ интересы. Избирателямъ, думается намъ, остается въ столь нелегкомъ положеніи одно изъ двухъ: либо послѣдовать примѣру экспансивныхъ, прямодушныхъ, энергичныхъ гражданъ малорусскихъ городовъ, а также нѣкоторыхъ великорусскихъ (Тула, Зарайскъ, Ярославль, Астрахань), либо, если общественная жизнь и самодѣятельность развиты слишкомъ слабо и коммиссіи придается меньше значенія — отнестись къ выборамъ кое-какъ, формально, не дорожа ими, а потому и не останавливаясь даже передъ актомъ самоустраненія. И Петербургъ, и Москва справляли свои выборы скорѣе именно въ этомъ послѣднемъ духѣ; но та замаскированная уклончивость, которая красною нитью выдѣляется въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ столичныхъ избирателей, вызвана была болѣе побужденіями внѣшними, чѣмъ внутренними.

Избирательные дни въ столицахъ представляютъ особый интересъ потому, что первое впечатлѣніе, получаемое здѣсь, не вы-

годно для героевъ этихъ дней. Говорить что-нибудь о прямомъ, явномъ уклоненіи петербуржцевъ и москвичей отъ возложенной на нихъ обязанности мы не будемъ. Намъ извѣстно документально, сколько человѣкъ лично перебывало на выборахъ: въ Петербургѣ—не болѣе 500, въ Москвѣ—878; но у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о численномъ составѣ избирателей. Браться за выясненіе этого числа по извѣстному для того времени, да и то лишь приблизительно, количеству домовъ [1]) Петербурга (2.000—2.500) и Москвы (10.000—12.000 дворовъ) довольно рискованно.

Въ скрытой формѣ пассивное отношеніе къ дѣлу выказалось болѣе опредѣленно при избраніи выборщиковъ. Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ по первой баллотировкѣ въ повѣренные, т.-е. выборщики, прошли исключительно представители родовой и чиновной аристократіи (въ Москвѣ въ числѣ 14 выборщиковъ однихъ князей оказалось 6). Даже генералъ-полицій-мейстеръ Чичеринъ, руководившій выборами въ обѣихъ столицахъ, счелъ нужнымъ предложить избирателямъ на будущее время „совѣтъ не въ указъ“ — не полезнѣе ли было бы избирать повѣренныхъ „изъ всякаго званія жителей, способныхъ и знающихъ городскія нужды“.

„Совѣтъ не въ указъ“ начальника возымѣлъ свое дѣйствіе: составъ выборщиковъ сталъ пестрѣе, хотя и въ слабой лишь степени. Въ Москвѣ, въ этомъ крупномъ торгово-промышленномъ центрѣ, коренному населенію въ концѣ концовъ досталось изъ 102 голосовъ не больше 40—42, а въ Петербургѣ и того менѣе (около 32%). Не удивительно, затѣмъ, что въ городскіе головы и въ депутаты прошли въ обоихъ городахъ лица того круга, члены котораго, по откровенному признанію самого генералъ-полицiймейстера, „большею частью обязаны дѣлами и притомъ по причинѣ частыхъ отлучекъ не имѣютъ столько способовъ знать всѣ городскія нужды“. А именно: по Петербургу оберъ-комендантъ генералъ-маіоръ Зиновьевъ (голова) и графъ Орловъ (депутаты); по Москвѣ—генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій и кн. Голицынъ.

Несомнѣнно—замѣчаетъ по этому поводу проф. Дитятинъ,— „что городскимъ населеніемъ руководили какія-либо совсѣмъ особыя соображенія, заставлявшія отказываться отъ высокой чести депутатства, которое, быть можетъ, являлось лишь новою повинностью, притомъ очень и очень сложною, на столько новою и

[1]) Напомнимъ, что избирателями въ городахъ могли быть только домовладѣльцы.

хитрою, что за отправленіе ея почти страшно взяться; а люди „знатнаго происхожденія“ и „сановники“ съ дѣломъ болѣе знакомые—имъ и книги въ руки“ [1]). Съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Ходъ выборовъ могъ быть обусловленъ такимъ случайнымъ подборомъ избирателей по отдѣльнымъ районамъ, что представители среднихъ и низшихъ слоевъ, хотя бы при самомъ пылкомъ и добросовѣстномъ рвеніи, безсильны были одержать побѣду. Подобную возможность допустить мы обязаны; но даже если и дѣйствительно избиратели эти сами отошли въ тѣнь, на второй планъ, уступая позиціи „людямъ знатнаго происхожденія“ и „сановникамъ“, то еще большой вопросъ—скромно ли, добровольно ли, какъ полагаетъ названный ученый. Возможно и то, что избиратели изъ торгово-промышленной среды просто махнули рукой на выборы и предоставили знати и чиновнымъ лицамъ вершить все, разочаровавшись въ коммиссіи, вслѣдствіе не совсѣмъ удачной постановки выборовъ. Только съ этой послѣдней точки зрѣнія и можно какъ слѣдуетъ понять странный заключительный актъ петербургскихъ выборовъ. Большинство сочинителей наказа—трое изъ пяти—составилось изъ купцовъ, при чемъ двое избраны были единогласно, слѣдовательно пользовались всеобщимъ авторитетомъ и почетной извѣстностью. Словомъ, подборъ составителей депутатской инструкціи былъ, повидимому, удаченъ: изложеніе городскихъ „чувствительныхъ недостатковъ“ попало въ руки истинныхъ представителей города. Можно было, значитъ, надѣяться, что, потерявъ на депутатѣ, населеніе выгадаетъ на дѣльно составленномъ наказѣ. А между тѣмъ петербургскій наказъ вышелъ поразительно безцвѣтнымъ по содержанію и оказался проводникомъ стремленій и ходатайствъ, прямо противоположныхъ интересамъ основныхъ городскихъ элементовъ. Разработкой наказа распорядились, очевидно, бывшія въ меньшинствѣ лица, чуждыя массѣ населенія столицы. Купцы и мѣщане уклонились отъ подписанія наказа, не выражавшаго ихъ взглядовъ. Подъ наказомъ Петербурга гораздо меньше подписей, чѣмъ подъ наказами иныхъ провинціальныхъ городовъ, далеко, притомъ, не перворазрядныхъ (напр. Углича).

Судьба московскаго наказа очень напоминаетъ участь петербургскаго. Тѣ же безсодержательность и несоотвѣтствіе дѣйствительнымъ нуждамъ и пожеланіямъ коренныхъ жителей; та же скудость подписей. Это и понятно: авторомъ московскаго наказа считается *полковникъ* Волковъ.

---

[1]) „Статьи по исторіи русскаго права“, стр. 341—42.

Есть еще рядъ однородныхъ фактовъ, дурно рекомендующихъ, съ перваго взгляда, мѣстное общество. Немало городскихъ наказовъ Московской губерніи обнаруживаетъ болѣе или менѣе близкое взаимное сходство — и не только по содержанію, но также по формѣ. „Приходится убѣдиться — заключаетъ отсюда В. А. Мякотинъ, — что въ основѣ ихъ всѣхъ лежитъ весьма небольшое число редакцій, лишь очень немного видоизмѣнявшихся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“ [1]). Такихъ несамостоятельно сложившихся депутатскихъ инструкцій насчитываютъ до 17-ти (изъ 40), при чемъ даже указываютъ точное число наказовъ, послужившихъ, будто бы, оригиналами: девять (изъ нихъ въ особенности костромской).

Обстоятельство это, само собою разумѣется, не можетъ не наводить на мысль, что города, чтобы не особенно утруждать себя, не ломать головъ, списывали другъ у друга наказы. Еслибы такая мысль имѣла реальное основаніе, то, конечно, оставалось бы только констатировать малосознательность и косность избирателей всѣхъ этихъ городовъ, ихъ легкомысленное и халатное отношеніе къ столь важному вопросу, какъ *мѣстное* представительство, какъ вопросъ о цѣлесообразной дѣятельности депутата въ интересахъ населенія, его пославшаго. Однако въ данномъ случаѣ — и вообще, поскольку дѣло идетъ о городахъ, — этотъ выводъ былъ бы несправедливъ, по крайней мѣрѣ сильно преувеличенъ. Изысканія А. А. Кизеветтера доказываютъ совершенно иное происхожденіе заподозриваемыхъ наказовъ. Вотъ что говоритъ московскій профессоръ: „При составленіи наказовъ городскимъ обществамъ просто не было надобности прибѣгать къ механическому заимствованію иногородныхъ текстовъ. Текстуальное сходство многихъ городскихъ наказовъ 1767 г. объясняется въ значительной мѣрѣ текстуальнымъ сходствомъ ихъ источника — мірскихъ посадскихъ челобитій, которое въ свою очередь образовалось не на почвѣ плагіата, а на почвѣ совмѣстной разработки насущныхъ вопросовъ посадской жизни представителями различныхъ посадскихъ общинъ“ [2]). Такъ какъ при Екатеринѣ большая часть городскихъ нуждъ все еще оставалась неудовлетворенной, а копіи съ челобитій аккуратно сохранялись въ архивахъ, то для упрощенія и облегченія работы избиратели естественно могли воспользоваться прежде сдѣланнымъ въ аналогич-

---

[1]) „Изъ исторіи русскаго общества“, стр. 106—107.

[2]) „Русск. Бог.“, 1898 г., ноябрь, стр. 50.

ныхъ случаяхъ—а это прежде сдѣланное было обыкновенно общимъ трудомъ нѣсколькихъ городовъ или посадовъ.

Кромѣ наказовъ городскихъ, сходствомъ, и внутреннимъ и внѣшнимъ, отличаются также очень многія инструкціи депутатамъ и отъ уѣздовъ, напр. въ той же Московской губерніи. Было бы любопытно выяснить не только распространенность этого родства, но и его характеръ, его степень, прослѣдить самое зарожденіе такихъ дворянскихъ наказовъ, опредѣлить, наконецъ, сущность и роль тѣхъ „редакцій", какія могли и здѣсь лежать въ основѣ сходныхъ наказовъ. Тогда бы лучше раскрылось передъ нами отношеніе населенія къ послѣдней стадіи выборовъ, а значитъ и къ выборамъ вообще. Покуда, однако, съ имѣющимся на лицо матеріаломъ нечего и браться за подобную задачу.

VI.

Дѣйствительно пассивное отношеніе къ выборамъ.

Намъ осталось взглянуть на избирателей, дѣйствительно равнодушныхъ къ своему дѣлу—избирателей, чья пассивность, безучастность дотого прозрачны и недвусмысленны, что имъ врядъ ли можно было бы разсчитывать на оправданіе.

Изъ прибывшихъ на харьковскій шляхетскій съѣздъ трое очень скоро исчезли. Одного, подпрапорнаго Черняка, удалось разыскать, но онъ оказался невмѣняемымъ, и его, послѣ учиненнаго имъ шума, поспѣшили удалить изъ собранія. Должно быть, сомнѣнію не подлежала безнадежность и остальныхъ дезертировъ, ибо ихъ также вычеркнули изъ избирательнаго списка. Въ Тверскомъ уѣздѣ нѣкій помѣщикъ отказался участвовать въ выборахъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что дворянское сословіе указомъ Петра III освобождено отъ какой бы то ни было обязательной службы. По донесенію губернатора Сиверса, это „благородное или, лучше сказать, неблагородное животное" (ein edles oder vielmehr unedles Thier) заставило многихъ посмѣяться. Это единичные случаи, но имѣются и болѣе важныя данныя того же характера: примѣры массоваго стремленія обывателей какъ-нибудь лишь отдѣлаться отъ возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Въ Енисейскѣ слѣдующимъ образомъ избрали выразителя

мѣстныхъ потребностей и интересовъ. Получивъ приказъ выслать въ Москву депутата, всполошившіеся енисейскіе граждане почему-то вообразили, что и депутату, и всѣмъ, кто подпишетъ депутатскій наказъ, обязательно грозитъ немилость. И вотъ, представителемъ своимъ Енисейскъ выставилъ дворянина (по другой, оффиціальной, версіи — купца) Самойлова, котораго въ городѣ *терпѣть не могли*. Самойлову, вѣроятно, не трудно было разгадать пружины, его такъ неожиданно выдвинувшія. Онъ заявилъ открыто, что ему навязываютъ бремя „единственно по злобѣ на него". Но коварные сограждане были неумолимы, и депутатъ долженъ былъ покориться. Кое-какъ, по настоянію его, изготовили ему инструкцію, однако никто не рѣшался утвердить ее своею подписью; явиться же въ коммиссію съ неподписаннымъ наказомъ депутатъ не смѣлъ. Горько жалуется Самойловъ на то, что жители—главнымъ образомъ члены магистрата—поступаютъ нечестно, *желая погубить его одного*, а самимъ остаться въ сторонѣ. Послѣ долгихъ пререканій наказъ былъ, въ концѣ концовъ, подписанъ, но тутъ подневольнаго депутата ждало новое затрудненіе: магистратъ выдалъ ему на дорогу въ оба конца и на прожитіе въ Москвѣ всего 100 руб. и наотрѣзъ отказался увеличить эту сумму [1]).

Борисоглѣбская слобода, Московской (нынѣ Ярославской) губерніи, избрала своимъ депутатомъ купца Еболдина, давно уже переселившагося въ Выборгъ. Еболдинъ, узнавъ о постигшей его участи, сталъ просить слободу объ освобожденіи его отъ обязанностей борисоглѣбскаго представителя. Однако ратуша требовала, чтобы Еболдинъ, согласно избранію, отправлялся въ Москву защищать (противъ воли!) интересы борисоглѣбскаго купечества. Остается предположить, что никто изъ бывшихъ на лицо мѣстныхъ избирателей не желалъ попасть въ депутаты, и всѣ предпочли свалить этотъ, съ ихъ точки зрѣнія, тяжелый крестъ на человѣка отсутствующаго, а потому безотвѣтнаго. Нужды нѣтъ, что этотъ отсутствующій почти порвалъ связи съ прежнимъ мѣстожительствомъ и, слѣдовательно, едва ли могъ явиться усерднымъ представителемъ-ходатаемъ борисоглѣбскаго населенія.

Воздержаніе отъ участія въ выборахъ практиковалось иногда и людьми мыслящими, сознательно и вполнѣ обдуманно. „Весною сего (1767) года—читаемъ мы у Болотова—находился я въ великомъ опасеніи о себѣ, чтобы не выбранъ я былъ въ депутаты

---

[1]) Шашковъ, „Опыты законодательныхъ собраній въ Россіи" („Дѣло", 1870 г., май, стр. 7—8).

въ коммиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія... Опасался я, чтобъ каширскимъ гг. дворянамъ не вздумалось въ депутаты выбрать меня, какъ способнѣйшаго къ тому и могущаго лучше всѣхъ другихъ исправить сію должность. Мѣсто сіе было хотя сопряженное съ честью и такое, въ которое многіе ужасно добивались, ласкаясь отчасти опредѣленнымъ жалованьемъ, а отчасти другими выгодами. Но мнѣ какъ-то не хотѣлось войтить въ сіе дѣло. Я власно какъ предвидѣлъ, что изъ всего сего великаго предпріятія ничего не выйдетъ, что грома надѣлается много, людей оторвется отъ домовъ множество, денегъ на содержаніе ихъ истратится бездна, вранья, крика и вздора будетъ много, а дѣла изъ всего того не выйдетъ никакого и все кончится ничѣмъ; а потому и не хотѣлось мнѣ для сего разстаться съ милою своею и столь для меня блаженною деревенскою жизнію... Умышленно на съѣздъ не поѣхалъ, а отозвался письменно, что мнѣ пріѣхать было не можно". Исторія прежнихъ коммиссій, въ частности судьба бывшихъ дотолѣ выборовъ, давала наблюдательному и вдумчивому человѣку обильный матеріалъ для скептическихъ размышленій.

Мы постарались извлечь все хоть сколько-нибудь яркое и выпуклое изъ груды матеріаловъ, относящихся къ выборамъ въ Екатерининскую коммиссію. Общее впечатлѣніе наше таково, что тѣ изъ избирателей, которые остались глухи къ манифесту о выборахъ, или же изъ-подъ палки, спустя рукава выполняли требуемое, теряются въ массѣ, отнесшейся къ волѣ императрицы съ должнымъ вниманіемъ.

Безъ опасенія погрѣшить противъ истины, можно утверждать, что екатерининское общество, призванное къ участію въ выборахъ, оказалось, за малыми исключеніями, достойнымъ довѣрія, положеннаго въ основу этого призыва. Населеніе сдѣлало почти все, отъ него зависѣвшее; неудачи и ошибки коммиссіи — неудачи, роковымъ образомъ тяготѣвшія въ продолженіе всего XVIII-го столѣтія надъ дѣломъ кодификаціи — на совѣсти избирателей не лежатъ.

П. Кудряшовъ.

БЛАГОСЛОВЛЯЮЩАЯ ТѢНЬ

Разсказъ Ганса Мюллера.

Вотъ я опять въ Вѣнѣ. Это время я люблю больше всего. Городъ, лѣниво замечтавшись, еще нѣжится на тепломъ сентябрьскомъ солнцѣ; большая часть оконъ скрыта подъ зеленой тѣнью жалюзи; извозчикъ, который везетъ съ вокзала домой, сострадательно смотритъ на возвращающагося слишкомъ рано и меньше обыкновеннаго грѣшитъ противъ таксы. Рингштрассе сверкаетъ чистотой и прохладной свѣжестью, какъ и всѣ квартиры, которыя лѣтомъ подвергались „генеральной уборкѣ". Народный садъ, опера, фонтаны на площади Шварценберга — всѣ какъ будто киваютъ моимъ сундукамъ на козлахъ, точно хотятъ сказать: „Ну, слава Богу, нашелся еще одинъ, у котораго хватило мужества вернуться къ намъ". Я очень люблю это ощущенiе, точно тебя молча ждутъ. Съ особымъ чувствомъ сладкой грусти, сожалѣнiя, любопытства и легкаго страха вхожу я послѣ лѣта въ свои комнаты. Запахъ и краски—привычные, свои. Но все-таки при первомъ же осмотрѣ мнѣ всегда кажется чужой какая-нибудь мелочь. Коверъ въ спальнѣ былъ раньше какъ будто другого оттѣнка. Стоячая лампа на письменномъ столѣ кажется мнѣ какъ-то необыкновенно изогнутой. А вотъ и письма, всѣ тѣ, адресатъ которыхъ „выбылъ неизвѣстно куда"; они ужъ сильно потеряли свѣжесть. „Новыя гравюры Клингера. По окончанiи подписки цѣна будетъ значительно повышена". Отлично! Открытки отъ Карла изъ Венецiи, Неаполя, Адена... Аденъ? Богъ ты мой, гдѣ этотъ человѣкъ только не таскается? Еще что? Вырѣзка газетнаго бюро „Спектаторъ", изъ „Аграмскаго Вѣстника". Чи-

таю: „подающій большія надежды молодой австріецъ ставитъ въ этомъ произведеніи проблему власти жизни...“ Меня хвалятъ—браво!.. А вотъ письмо отъ...—Мари! Мари, пожалуйте-ка сюда! Сколько разъ я васъ просилъ, чтобы вы пересылали мнѣ письма моей матери?—Что?—Вы думали? Вы слишкомъ много думаете, Мари. Отъ этой скверной привычки надо отъучиться...—Гм... впрочемъ, если разсудить, то Мари вовсе не такъ худо поступила, приготовивъ мнѣ къ пріѣзду пріятное письмо. Прочту его позже, когда приду въ себя, почувствую, что я дома, и когда изогнутая лампа на столѣ будетъ горѣть... Кончила ли Гретль раскладывать свои вещи? Зайти развѣ за ней? Лучше всего пойти съ ней прогуляться немножко, а затѣмъ поужинать гдѣ-нибудь въ центрѣ. Вѣна сейчасъ для меня—городъ безъ обитателей, и потому намъ нечего бояться этихъ высокомѣрныхъ взглядовъ поверхъ нашихъ головъ. Еще выпадутъ на нашу долю прелестныя двѣ-три недѣли, хотя, правда, главная аллея въ Пратерѣ расцвѣтилась уже по осеннему и, боюсь, мнѣ не миновать театральныхъ контрмарокъ.

Странно. Съ тѣхъ поръ какъ я снова сталъ бродить по узкимъ улицамъ предмѣстья и заглядывать въ молчаливые четырехугольные дворы, съ плаксивой шарманкой и красной сѣткой дикаго винограда по стѣнамъ, во мнѣ мучительно ожило воспоминаніе. Иногда, когда Гретль идетъ рядомъ со мной, такая свѣжая, полная жизни, я чувствую, какъ ея присутствіе точно ускользаетъ отъ меня, и я дѣлаю какое-нибудь сильное физическое движеніе, чтобы порвать власть видѣній, призрачно выростающихъ на улицѣ.

Добродушный парикмахеръ, который брѣетъ меня еще съ гимназическихъ лѣтъ, сказалъ мнѣ вчера утромъ, когда въ первый разъ снова намылилъ мнѣ щеки: „Браво, браво! такимъ молодцомъ и съ такимъ хорошимъ загаромъ вы ни разу еще не возвращались съ каникулъ...“ Я почувствовалъ себя какъ школьникъ, уличенный въ чемъ-то. Конечно, я загорѣлъ, я чувствовалъ себя хорошо, какъ и всегда, когда мы бѣгаемъ вдвоемъ по дюнамъ, лежимъ въ лодкѣ или болтаемъ всякій вздоръ вечернимъ облакамъ—но люди, чужіе люди не должны были бы такъ безпощадно читать это у меня на лицѣ. Стереотипный вопросъ: „какъ вы провели лѣто?“ дѣйствуетъ на меня теперь какъ уколъ. И мысль моя не можетъ оторваться отъ сознанія, что я, безпечно смѣясь, бродилъ по лугамъ послѣ всего ужаса, который произошелъ со мной.

Я только что вернулся съ ея могилы. Я чувствовалъ, что путь туда непреодолимымъ искушеніемъ лежитъ передо мной. И когда я рѣшился пойти, я понялъ, что это — единственный возвратъ къ самому себѣ, къ покою... Я поѣхалъ на кладбище, когда день уже клонился къ закату. Въ тополевыхъ аллеяхъ, сквозь черныя стѣны которыхъ солнечные лучи вздрагивали то здѣсь, то тамъ, точно затерявшись, народу было мало, большей частью женщины. Я не зналъ, куда идти, и спросилъ у сторожа. Странно смущенный шелъ я за нимъ между безконечныхъ мраморныхъ крестовъ, и мнѣ пришло въ голову, что въ этомъ городѣ мертвыхъ у меня нѣтъ ни одного родственника, ни одного незамѣнимаго друга. Какъ я еще молодъ! Сколько юныхъ существъ кружится около меня въ веселомъ хороводѣ!..

Съ могилъ вѣяло на насъ одуряющимъ запахомъ розъ, лилій, зеленыхъ вѣнковъ. Право, невѣрно говорятъ, будто это городъ мертвыхъ. Это — вѣчно-зеленая роща; въ ея кустахъ сладко рыдаютъ соловьи; о мраморную рѣшетку ея, затихая, бьется долгая волна воспоминаній. Несказанная, глубокая тишина. И осень здѣсь имѣетъ какое-то тяжелое очарованіе, какъ въ садахъ юга, гдѣ гранаты, зрѣя, склоняются къ самой землѣ... У могилы Магды стоятъ двѣ ивы. Такія красивыя, такія искреннія въ печальной покорности своихъ шелковистыхъ вѣтвей. Я коснулся ихъ: онѣ—мягкія-мягкія, точно распущенные женскіе волосы. На крестѣ золотыми буквами выгравировано имя: Магда Зеебургеръ. Передъ нимъ лежатъ вѣнки и гирлянды, еще не совсѣмъ засохшія. Я прислонился къ рѣшеткѣ. Сквозь листву плакучей ивы брызнули лучи заката, точно сокъ рано поспѣвшаго винограда. Развѣ можно въ такомъ саду чувствовать себя несчастнымъ?..

Гдѣ-то далеко, въ городѣ, зазвонилъ колоколъ. Я закрылъ глаза и сталъ мечтать. Я думалъ о той порѣ, когда наша любовь была еще молода. Магда была тогда такъ хороша. Торопливая сладость первыхъ украденныхъ ласкъ дѣлала ее совсѣмъ дѣвочкой и съ ея губъ всегда готовы были сорваться сотни любопытныхъ вопросовъ. А ея щеки,—всегда немного блѣдныя, какъ у всѣхъ женщинъ, которыя страдаютъ чѣмъ-нибудь,— ея щеки горѣли, когда я склонялся къ ней и цѣловалъ ея глаза. Она любила меня тогда, какъ не дано людямъ любить. Она любила во мнѣ поэта на тронѣ, съ пѣвучей лютней въ рукахъ. Я съ юной страстностью искалъ ея губъ и не думалъ ни о чемъ кромѣ аромата ея волосъ, а она тайно молилась о моемъ успѣхѣ, о моемъ будущемъ. Она обманывала своего мужа собственно

не со мною, а съ тѣмъ стихотвореніемъ, которое явится плодомъ этой любви...

Дѣтскій смѣхъ звонко прокатился надъ могилами. Я взглянулъ вверхъ. Уже стало темнѣть; солнце теперь скользило внизъ по кресту и зажгло надпись: Магда Зеебургеръ... Имя показалось мнѣ вдругъ чужимъ и незначительнымъ. Я не чувствовалъ въ себѣ глубокой печали. Какъ тогда отъ ея смертнаго ложа, такъ теперь отъ ея могилы я ушелъ спокойный, съ поднятой головой. И когда мимо пробѣжалъ смѣющійся мальчикъ, мать котораго молилась у ступеней могилы, я почувствовалъ всю мудрость изреченія: „Жизнь принадлежитъ живущимъ"...

Перечитываю послѣднія строки и не могу не улыбнуться. Неужели я дѣйствительно побѣдитель, который „спокойно и съ поднятой головой" уходитъ отъ могилы своей возлюбленной? Въ дѣтствѣ мать звала меня „слезливымъ барашкомъ". Многіе критики находятъ мои стихи сентиментальными. Это все не вяжется съ той безчувственностью, которую я теперь замѣчаю въ себѣ. Что̀ сдѣлало меня вдругъ такимъ деревяннымъ? Отъ этого вопроса я не могу избавиться. Ну, хорошо же, я ставлю его! Вотъ что̀ я думаю: бо̀льшая часть лжи исчезла бы со свѣта, если бы люди въ своей самокритикѣ не были такъ похожи на страуса, прячущаго голову подъ крыло. При первомъ же естественномъ душевномъ движеніи они пугаются, начинаютъ считать себя безнадежными злодѣями или чудаками и бѣгутъ отъ себя. Только поэтому они притворяются, сгущаютъ краски и наконецъ обращаются въ настоящихъ комедіантовъ, которые шагу не могутъ ступить по сценѣ безъ указки режиссера нравственности. Я не хочу быть похожимъ на этихъ статистовъ. Я чувствую себя теперь свободнымъ и спокойнымъ, хотя общепринятая этика требуетъ отъ меня подавленности и горя. Ну и пусть! Пусть смыслъ всѣхъ этихъ переживаній... Тише, тише! Въ другой разъ! Я слышу шаги Гретль. Ея походка очаровательна, она точно ласкаетъ коверъ. Когда она вбѣгаетъ въ комнату, воздухъ пахнетъ весной, сырой землей и подснѣжниками. Привѣтъ тебѣ, голубоглазая весна! Мы будетъ молоды, счастливы, мы будемъ глупы!..

И все-таки Магда была прекрасна. Теперь въ сіяніи моей лампы передо мной снова встаетъ ея образъ, весь трепещущій горячимъ пульсомъ жизни. Лобъ у нея былъ совсѣмъ бѣлый, почти прозрачный, какъ лепестки цвѣтовъ, если держать ихъ

противъ солнца. А подъ нимъ лежали глубоко, въ тѣни, эти большіе, удивительные темно-золотистые глаза, съ дымкой усталости. Помню какъ сейчасъ тотъ день, когда она вдругъ нежданно вошла въ мою комнату. Она тогда только что вернулась изъ Давоса, гдѣ провела зиму: у нея были слабыя легкія. Была ли она, дѣйствительно, серьезно больна—я не знаю. Возможно, что мужъ ея, по обыкновенію выдающихся врачей, скрывалъ больше, чѣмъ бы слѣдовало. Во всякомъ случаѣ возможность ранней смерти окружала ее таинственнымъ очарованіемъ: она во всемъ была не такая какъ всѣ. Я нѣсколько разъ писалъ ей въ Давосъ, такъ же спокойно-корректно, какъ и раньше за тѣ нѣсколько лѣтъ, что я былъ знакомъ съ нею и съ профессоромъ. Она мнѣ аккуратно отвѣчала открытками съ неизбѣжными зимними пейзажами и глетчерами. Потомъ однажды вечеромъ я услышалъ отъ ея матери, что она снова въ Вѣнѣ... На другой день послѣ этого она появилась вдругъ въ дверяхъ моей квартиры. Она такъ сильно дрожала, что не могла сначала произнести ни одного слова. Я подумалъ, что съ ней произошло на улицѣ что-то непріятное, и попытался успокоить ее, не спрашивая ни о чемъ. Но на мои спокойныя слова она отвѣтила дикимъ несдержаннымъ рыданіемъ, а при легкомъ прикосновеніи моей руки затрепетала. И я вдругъ почувствовалъ горячее вѣяніе страсти, которая привела ее сюда ко мнѣ... Подъ моими поцѣлуями она стала спокойнѣе. Но она не сказала больше ни слова. Когда я задавалъ ей какой-нибудь вопросъ, она глазами молила меня молчать. У меня мелькнула мысль, что, можетъ быть, она при смерти, что профессоръ сказалъ ей правду и она хочетъ опорожнить залпомъ послѣднюю чашу жизненныхъ радостей. Я съ испугомъ склонился надъ ней... Тогда она взглянула на меня, тихо улыбнулась, нѣжно провела рукой по моимъ волосамъ и прошептала: „Нѣтъ, нѣтъ! не бойся. Я не должна умереть"...

Съ этого дня она приходила ко мнѣ каждый вторникъ и субботу, въ то время какъ ея мужъ читалъ въ поликлиникѣ курсъ для англійскихъ врачей. Какъ тяжело ей это было, я понялъ только потомъ, когда узналъ ее ближе.

Она была изъ старой строгой буржуазной семьи, и семейные взгляды на нравственность вошли въ ея плоть и кровь. По существу она была тѣмъ, что называютъ „порядочная женщина", краснѣла при самой легкой двусмысленности и чувствовала инстинктивное презрѣніе ко всѣмъ женщинамъ, обманывающимъ своихъ мужей. Пять разъ въ недѣлю она презирала и самое

себя. Но какъ только она вступала въ эту комнату, затѣненный полумракъ которой окутывалъ ее точно волшебнымъ покрываломъ, всѣ мысли беззвучно тонули въ потокѣ ея любви. Ей казалось само собою понятнымъ, что и я люблю ее съ той же силой страсти. Когда она шептала, цѣлуя мои глаза: „Ты любишь меня?“ — она не ждала отвѣта, но самый звукъ словъ любви придавалъ особую трепетную нѣжность ея ласкамъ.

Однако я не всегда могъ искренно отвѣтить „да“ на этотъ вопросъ. Когда я чувствовалъ теплоту ея тѣла, я всегда былъ увѣренъ въ томъ, что люблю ее. Случалось даже часто, что я ночью въ безумной тоскѣ по ней метался по постели, и когда потомъ она тихонько отворяла дверь, входила въ мою комнату, я съ бѣшеной силой страсти привлекалъ ее къ себѣ. Но бывали и такія минуты, когда я чувствовалъ себя совершенно свободнымъ, когда я бродилъ по улицамъ улыбаясь и снова переживалъ веселыя приключенія студенческихъ лѣтъ. Затѣмъ я приходилъ въ ужасъ. Я не разъ испыталъ уже любовь и зналъ, что это чувство, пока оно глубоко, не терпитъ никакого соперничества. Оно окрашиваетъ всѣхъ людей и всѣ вещи особымъ оттѣнкомъ сладко-мечтательной грусти; изо всѣхъ оконъ, изъ лицъ проходящихъ дѣвушекъ глядятъ все тѣ же темные, таинственные, вездѣсущіе глаза... Я съ испугомъ увидалъ, что на этотъ разъ дѣло обстоитъ иначе. Почему это было такъ? Почему между нами всегда темнѣла пропасть, черезъ которую только жаръ буйной страсти перекидывалъ колеблющійся мостикъ?

Она любила во мнѣ нѣчто, чего во мнѣ не было: это ясно. Самая простенькая пѣсенка, пара риѳмованныхъ строчекъ, навѣянныхъ весеннимъ вѣтромъ, все тотчасъ казалось ей большимъ и значительнымъ даромъ благословеннаго художника. Я чувствовалъ, что ея горящія губы тянутся къ обманчивому призраку, а не ко мнѣ. Это было тягостно. Иногда я казался себѣ обманщикомъ, который прячетъ въ свой мѣшокъ милостыню, предназначенную другому. И когда я въ упрямомъ возмущеніи унижалъ самого себя въ ея глазахъ, издѣвался надъ своей жизнью и своими работами, она съ трогательной мольбой закрывала мой ротъ рукой и говорила: „Тише, весна насторожила ушки и слушаетъ“... И я молча склонялъ колѣни передъ ея вѣрой. Потомъ, когда она уходила, я устало перелистывалъ свои книги, находилъ ихъ неглубокими, надуманными и обѣщалъ самому себѣ никогда больше не писать ни одной строчки, не вылившейся прямо изъ глубины тоски. И выходило такъ, что я цѣлыми недѣлями не писалъ. Отчаяніе въ глазахъ Магды и покорность, съ кото-

рой она носила свою вину въ этомъ, доводили меня до бѣшенства. „Ты, ты одна довела меня до этого! — кричалъ я, и въ раздраженіи произносилъ слова, которыхъ потомъ стыдился: — „ты со своей смѣшной вѣрой, подчиненностью, своимъ рабствомъ!“ Беззвучное рыданіе потрясало въ эти безобразные моменты ея тѣло. Ея тихое страданіе, слезы, которыя текли по блѣдному лицу, всегда покоряли меня. Бормоча себѣ упреки, я становился передъ ней на колѣни и молилъ о прощеніи, которое черезъ часъ уже проклиналъ...

Между тѣмъ пришла весна. Въ Вѣну весна приходитъ не такъ, какъ въ другіе города. Это—свадебное шествіе, которое не сравнишь ни съ чѣмъ. На кустахъ въ городскомъ паркѣ зажигаются бѣлыя свѣчи, стройныя башенки Votivkirche свѣтятся въ блѣдно-голубой серебрящейся дымкѣ. Всюду звучитъ пѣніе: это поетъ весна. И весь городъ охваченъ молодой жизнерадостностью; и дѣвушки ходятъ по улицамъ со смѣющимися глазами, точно хотятъ сказать: „Ну что жъ, еще пройдетъ немножко времени, и ты меня полюбишь!“

Въ такую пору я познакомился съ Гретль. Она во всемъ была противоположностью Магдѣ. Самая походка ея, легкая и нѣсколько торопливая, говорила о безпечности ея юной души. Она не говорила—она щебетала; иногда ея прозрачные голубые глаза темнѣли—такъ выражалось у нея волненіе или смущеніе, и неожиданно у нея вырывалось удивительно серьезное слово, вдвойнѣ прелестно звучавшее на ея губахъ. Вообще, ея губы казались мнѣ очаровательнѣе всего. Нельзя представить себѣ ничего милѣе и свѣжее ея круглаго, немножко раскрытаго ротика. Когда она безпомощно опускаетъ руки и озабоченно, со страхомъ, точно боясь наказанія, смотритъ на меня, тогда глаза ея похожи на спѣлыя ягоды голубицы, а губы — на вишни и мнѣ, признаться, трудно сохранить безпристрастіе судьи.

Въ первые же дни знакомства я замѣтилъ ея баснословное невѣжество. Изъ литературы она знала только „Мельникъ и его дитя“, и это она считала, какъ выяснилось впослѣдствіи, юношескимъ произведеніемъ Гёте. Мнѣ было стыдно признаться этой маленькой, пахнущей весною дѣвушкѣ, что я сижу дома и ищу риѳмъ къ слову „весна“. Я рѣшилъ не обнаруживать этого тайнаго порока. Каждый вечеръ въ половинѣ седьмого она выходила изъ своей конторы, гдѣ вела корреспонденцію—о кровельномъ толѣ съ необычайно отдаленными городами. Я ждалъ ее и провожалъ до дому. Иногда я приходилъ туда разгоряченный и взволнованный, прямо изъ объятій Магды, глу-

бокая страсть которой утомляла меня, и когда я слышалъ звонкій серебряный голосокъ Гретль, ея смѣхъ, я глубоко облегченно вздыхалъ—точно вошелъ въ тихій, озаренный солнцемъ садъ. Мы шли рука объ руку до самой квартиры Гретль, въ концѣ Mariahilf'а, среди дѣвушекъ и молодыхъ людей, наполнявшихъ весенній воздухъ своими нѣжными разговорами. Гретль безостановочно разсказывала. Я зналъ, какой видъ имѣетъ ея маленькая полутемная комнатка; зналъ по имени всѣхъ ея подругъ: Фанни Пиглеръ, Мицци Гельригель и невыносимую „задиру" Пеппи, которая хвастаетъ тѣмъ, что имѣетъ свиданія съ настоящимъ барономъ изъ баварскаго посольства. Всѣ фирмы кровельнаго толя, находящіяся въ финансовомъ затрудненіи, тоже стали мнѣ извѣстны. Я зналъ даже, что ея мать, въ моменты особаго важничанья, варитъ къ мясу невыносимо твердые бобы... Провожать ее до воротъ мнѣ было запрещено, потому что мать держала ее строго. Но иногда въ конторѣ давали послѣобѣденные свободные часы, и тогда мы ѣздили вмѣстѣ куда-нибудь за городъ, и при этомъ случаѣ я могъ цѣловать ее въ губы. Не разъ, совершенно невзначай, мнѣ удавались маленькія вещицы, въ которыхъ рѣчь шла о рыданіи соловья или о веснѣ голубыхъ глазъ. И Магда, въ объятіяхъ которой меня охватывала странная скованность, прощала голубые глаза, какъ поэтическую вольность, и привѣтствовала мои пѣсни съ ликованіемъ.

Однажды, къ концу лѣта, мать Гретль уѣхала на конфирмацію своего крестника въ Грацъ. Для насъ это означало: свободный вечеръ и весь слѣдующій день. Гретль была точно въ лихорадкѣ. Она составила цѣлый планъ увеселеній, при чемъ высшимъ пунктомъ было восхожденіе на Каленбергъ и ужинъ: раки, цыплята и молодые огурцы. Въ пять часовъ она освободилась изъ конторы, и мы начали выполненіе плана—сѣли на городскую желѣзную дорогу. Я не видалъ съ тѣхъ поръ болѣе счастливаго существа, чѣмъ была тогда Гретль. Это была сплошная радость. Вдыхаетъ ароматъ луговъ, смотритъ на бѣгущія бѣлыя тучки и просто шалѣетъ отъ восторга.. Въ нашемъ купэ сидѣла очень старая дама въ черномъ, съ бѣлыми волосами. Она прислонилась въ уголъ и закрыла глаза, точно дремала. Но иногда вокругъ ея морщинистыхъ губъ пробѣгала улыбка, точно мимолетный лучъ, и тогда я видѣлъ, что она вслушивается въ щебетанье Гретль. Сходя на какой-то станціи раньше насъ, она кивнула намъ слегка, почти незамѣтно. Меня это растрогало. Юность, любовь, полнота жизни—что̀ за дивныя, сказочныя переживанія для тѣхъ, которые умрутъ завтра!..

Въ Нусдорфѣ мы сошли. Конечно, пренебрегли зубчатой желѣзной дорогой: во-первыхъ потому, что она слишкомъ скоро ведетъ къ цѣли; во-вторыхъ потому, что стоитъ денегъ. Мы пошли лѣсомъ, среди полей. Иногда приходилось перелѣзать черезъ изгородь, и трудные переходы Гретль продѣлывала дважды, какъ дѣлаютъ маленькія дѣти. Оглядываясь назадъ, мы видѣли Дунай. Въ вечернемъ освѣщеніи онъ былъ золотисто-зеленый и лиловый. Каждый разъ послѣ оглядыванія мы цѣловались и шли, смѣясь, дальше. И такъ какъ эта связь между Дунаемъ и поцѣлуями намъ понравилась, то мы стали такъ часто оглядываться, что уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы дошли наверхъ.

Въ павильонѣ передъ отелемъ игралъ оркестръ. Газовые фонари бросали дрожащія желтыя полосы на скатерти. Не раздумывая долго, мы заняли ближайшій свободный столикъ, у самаго турецкаго барабана, чтобы поскорѣе осуществить мечты Гретль относительно ужина. Но началось дѣло трагически: раковъ не было. Къ счастью оркестръ заигралъ какъ разъ попурри изъ народныхъ пѣсенъ, такъ что дѣло было замято и я съ лакеемъ внесъ измѣненія въ меню. Гретль сидѣла очень близко около меня. Ея длинныя шелковистыя рѣсницы были низко опущены, какъ она всегда дѣлала въ моменты ожиданія, а ротикъ ея алѣлъ на маленькомъ мягкомъ лицѣ точно круглый розовый лепестокъ. Кругомъ звучала музыка, раздавались говоръ, смѣхъ и звонъ тарелокъ, вѣтеръ монотонно шумѣлъ въ верхушкахъ деревьевъ, и это море звуковъ иногда сердито прорѣзывалъ хриплый голосъ барабана, а мы съ Гретль вспоминали свою игру при подъемѣ на гору и, таинственно улыбаясь, глядѣли другъ другу въ глаза. Хаосъ огней тамъ глубоко, глубоко подъ нами, точно дрожавшихъ на проволокахъ и свѣтящимся слѣдомъ стекавшихъ въ воду Дуная — это былъ городъ. Кругомъ виднѣлись вершины холмовъ, черныя и огромныя въ вечерней тьмѣ, точно головы великановъ, поникшія въ тяжеломъ снѣ. А надъ всѣмъ этимъ іюньское небо съ холодными мерцающими звѣздами и луной, похожей на кусокъ золотистаго стекла...

Кельнеръ принесъ кушанья и вино, и мы принялись за дѣло съ веселымъ дѣтскимъ апетитомъ. Было уже поздно; многіе изъ публики оставляли столы, торопясь на поѣздъ. Музыка замолкла. Наступила вдругъ та случайная пауза, когда неожиданно прерывается болтовня праздныхъ людей. Невдалекѣ отъ насъ кто-то сказалъ: „Теперь, дѣйствительно, уже прохладно, и я боюсь за тебя. Подожди минутку, я схожу и поищу пледъ...“

При звукѣ этого голоса сердце у меня перестало биться. Говорилъ профессоръ Зеебургеръ, и слова его могли относиться только къ Магдѣ. Какъ же это? Какъ могла она попасть сюда, въ это демократическое мѣсто? Я судорожно сжималъ рукой свой бокалъ, не сводилъ глазъ съ хлѣбнаго шарика, что лежалъ у моей тарелки, и мучился страхомъ, чтобы неосторожнымъ взглядомъ въ сторону Магды не привлечь ея вниманія къ намъ. Что дѣлать? Отодвинуть стулъ и отнестись къ Гретль, какъ къ случайной сосѣдкѣ за столомъ? Это трудно устроить, да кромѣ того это не будетъ правдоподобно. Встать, подойти къ столу Магды и, улыбаясь, придать всей исторіи совершенно невинный характеръ? Но Магда—не изъ тѣхъ натуръ, чтобы принять это спокойно. А можетъ-быть она вовсе и не видѣла насъ? Мы сидѣли у самаго музыкальнаго павильона, въ сторонѣ отъ прохода и... Въ этотъ моментъ я почувствовалъ сильный толчокъ въ сердце. Магда направлялась къ нашему столику, спокойно, точно давно уже замѣтила его. У нея была спущена вуаль, и мнѣ показалось, что губы ея были совершенно бѣлы. Но, можетъ быть, мнѣ это только показалось. Въ эту минуту я ничего не видѣлъ отчетливо. Въ ушахъ стоялъ шумъ, точно отъ падающей воды. Магда стояла окруженная зеленоватымъ туманомъ у нашего столика и протягивала мнѣ дрожащую руку. „Эти іюньскіе вечера"...—начала она. Я тяжело поднялся и сказалъ что-то. Не помню что именно, но смыслъ былъ таковъ, что я здѣсь случайно. Магда подошла къ Гретль, приподнявшейся со стула, и спросила: „Это ваша маленькая подруга, не правда ли?" Зеленоватый туманъ разсѣялся, монотонный шумъ въ ушахъ прекратился. Я сразу сталъ ясно видѣть и слышать. Я видѣлъ, какъ Магда немного склонилась къ дѣвушкѣ. „А вы крѣпко любите другъ друга?"—спросила она. Дѣтски удивленное личико Гретль закраснѣлось. Она опустила глаза и отвѣтила тихо: „О, да, я-то очень его люблю"... Невыразимый горячій стыдъ охватилъ меня при видѣ мертвенно-блѣдныхъ щекъ Магды. Я пробормоталъ что-то, откладывая объясненіе на завтра. „Да,—повторила она, кивнувъ головой,—завтра, завтра"... Потомъ она повернулась, такъ какъ въ дверяхъ ресторана стоялъ профессоръ съ толстымъ желтымъ платкомъ на рукѣ, и прошептала беззвучно, въ темноту: „Спокойной ночи". Потомъ мы видѣли еще, какъ она подъ-руку съ профессоромъ спускалась по ступенькамъ внизъ, укутанная въ желтый платокъ...

Меня знобило. Столы вокругъ насъ опустѣли. Изъ недопитыхъ пивныхъ бокаловъ поднимался непріятный кисловатый за-

пахъ. Я сталъ нетерпѣливо собираться уходить. Гретль повисла у меня на рукѣ. „Это твоя бывшая, правда?“—шепнула она. Меня возмутило, что эти дѣтскія руки небрежно касаются чести Магды, и я съ раздраженіемъ прервалъ ее. Мы молча пошли черезъ лѣсъ. Деревья бросали странныя фантастическія тѣни на дорогу.

— Слушай,—сказала Гретль, касаясь моей руки,—я радовалась этому вечеру, какъ ребенокъ, а теперь ты такой...

Я чувствовалъ теплоту ея пальцевъ, а голосъ ея звучалъ слезами.

— Развѣ ты не любишь меня больше? Завтра опять надо въ контору и все будетъ кончено.

Мы вышли на полянку, въ полосу свѣта. По стволамъ березъ струилось серебро. Гретль нагнулась, какъ будто хотѣла зачерпнуть его рукой. Она тряхнула головой, вѣроятно для того, чтобы смахнуть слезу, которую ей стыдно было отереть. И вдругъ неудержимыя рыданія всколыхнули ея маленькое стройное тѣло. Тогда меня охватила безпредѣльная нѣжность. Я взялъ ея лицо въ обѣ руки и цѣловалъ мокрыя вѣки и горячія капли слезъ.

— Вотъ такъ, вотъ такъ я люблю тебя,—повторялъ я.

— Да?—шептала она, улыбаясь сквозь слезы,—но вѣдь и я люблю тебя больше, чѣмъ эта красивая дама. Никто на свѣтѣ не любитъ тебя такъ, какъ я.

Мнѣ стало легко и радостно на душѣ. Двѣ звѣзды спокойно сіяли надъ нами... Въ эту ночь она стала моею.

. . . .

...Когда я проснулся утромъ, солнце ярко свѣтило на стѣнку передъ моей кроватью. Отъ этого глазамъ было больно. Мнѣ было не по себѣ. Что̀ случилось вчера вечеромъ?.. Я снова улегся, зарылся головой въ подушки и пытался думать о Гретль. Но это не удалось. Ея образъ исчезалъ, какъ только я закрывалъ глаза, и я видѣлъ Магду въ зеленоватомъ туманѣ; она поднимаетъ руку, оправляетъ вуаль и говоритъ: „Это ваша маленькая подруга, не правда ли?..“

Я вскочилъ съ постели и подбѣжалъ къ двери посмотрѣть: обыкновенно Мари засовывала туда полученныя утромъ письма. Но отъ Магды письма не было. Это успокоило меня. Я сталъ умываться, и въ это время мнѣ пришло въ голову, что сегодня вѣдь суббота и надо, значитъ, ждать ее послѣ обѣда. Оттого она, конечно, и не написала. Все равно надо устно объясниться... Сидя передъ зеркаломъ, я обдумывалъ, что̀ скажу ей. Я скажу, что любовь къ прекрасной, знающей жизнь, зрѣлой женщинѣ и

весенній романъ съ конторской дѣвушкой—это двѣ совершенно разныя и оттого и совмѣстимыя вещи, что подъ невинную болтовню этой дѣвочки я отдыхалъ отъ душевныхъ потрясеній, создаваемыхъ нашей страстью. Нѣтъ, этого я не скажу, это оскорбитъ ее. Впрочемъ, дѣло не въ деталяхъ. Въ рѣшительный моментъ я найду нужныя слова. Магда немного поплачетъ, я у ея ногъ буду просить о прощеніи, затѣмъ мы будемъ цѣловаться и постепенно все это перейдетъ въ меланхолію далекаго воспоминанія...

Окно было открыто, въ комнату вѣяло запахомъ пышно цвѣтущихъ серебристыхъ липовыхъ вѣтвей. Я взялъ сѣрыя перчатки, мягкую сѣрую шляпу и пошелъ погулять, какъ обыкновенно въ это время. На Рингѣ оживленія было мало. Глупые свѣтскіе люди считаютъ неприличнымъ появляться на улицѣ города послѣ весеннихъ скачекъ. Я невольно улыбнулся, и вдругъ мнѣ пришло въ голову: а что̀ если Магда сегодня не придетъ? Я остановился, такъ забилось у меня сердце. Что̀ если она послѣ вчерашняго вечера не захочетъ больше меня видѣть, будетъ избѣгать меня? Если она сразу вычеркнетъ изъ своей жизни все, что̀ было между нами?

Тогда мнѣ нельзя будетъ больше говорить съ ней, объяснить ей, какъ случилось то, что̀ смутило душу ея... Я, должно быть, шелъ очень быстро, почти бѣжалъ. Дышалъ я громко, шляпа прилипла къ мокрому лбу. Музыкантъ изъ оперы, котораго я встрѣчалъ иногда въ обществѣ, проходя мимо, окликнулъ меня: „Festina lente, laureatus! Что̀ это вы, въ погонѣ за риѳмой?“ Я пришелъ въ себя. Быстро вошелъ подъ ворота, отеръ лобъ и лицо. Этотъ страхъ смѣшонъ, положительно смѣшонъ! Онъ не вяжется съ характеромъ Магды. Она, которая настоящее блаженство находитъ только въ страданіи любви—она никогда не пройдетъ мимо измѣны съ героическимъ молчаніемъ. Она хочетъ видѣть меня на колѣняхъ у своихъ ногъ, она жаждетъ трепета этого самоистязанія. Она придетъ; конечно придетъ, болѣе поспѣшно, чѣмъ всегда...

Я пообѣдалъ очень рано. Въ половинѣ третьяго начиналась лекція профессора въ поликлиникѣ: съ этого момента я могъ ожидать Магду. Я задернулъ занавѣси такъ, какъ она любила, переставилъ вазы, поправилъ подушки и покропилъ немного духовъ бѣлой сирени. Потомъ я сталъ ходить, заложивъ руки за спину, черезъ всѣ комнаты. Если вникнуть хорошенько, въ чемъ собственно трагизмъ того, что̀ случилось между нами? Такія вещи происходятъ ежедневно. И вчера вечеромъ отношенія мои съ

Гретль были еще совсѣмъ невинныя. Въ этомъ я могъ поклясться ей со спокойной совѣстью.

Со двора доносилась плаксивая музыка шарманки... Я пошелъ въ спальню и выглянулъ въ окно. Къ музыкѣ присоединился тонкій женскій голосъ. Онъ пѣлъ о звѣздахъ, которыя должны были что-то сказать. Что̀ именно сказать, я не понялъ. Посмотрѣлъ на часы—сорокъ минутъ третьяго. Меня охватилъ страхъ. А вдругъ она все-таки не придетъ?.. Я побѣжалъ въ переднюю посмотрѣть, нѣтъ ли отъ нея письма. Ничего. Это успокоило мои сомнѣнія. Я рѣшилъ оставаться въ передней, чтобы тотчасъ услышать ея звонокъ. Расхаживая взадъ и впередъ, я представлялъ себѣ, какъ она войдетъ и протянетъ руку. Эта рука! Она была такая мягкая, такая нѣжная, что всегда казалось, точно на кожѣ лежитъ еще ласкающе-тонкая перчатка... Часы на ближайшей колокольнѣ пробили три. Каждый ударъ больно билъ меня по сердцу. Я провелъ по лбу: на немъ стоялъ холодный потъ. Что̀ это со мной? Потерялъ разсудокъ, что-ли? Вѣдь, она никогда не пріѣзжала раньше. Профессоръ уходилъ изъ дому около половины третьяго. Тогда только ей надо было одѣться, взять извозчика, доѣхать сюда. Какъ часто она являлась только послѣ четырехъ: ее задерживала какая-нибудь ненаблюдательная пріятельница...

Я сѣлъ у дверей, лицомъ ко входу. Каждый звукъ на лѣстницѣ былъ слышенъ. Какъ только раздавались шаги по ступенькамъ, я вскакивалъ. Каблуки постукивали, шаги приближались къ дверямъ, затѣмъ снова раздавались, все глуше, и наконецъ затихали наверху. Были равномѣрные, тяжелые, торопливые шаги. Я пробовалъ при звукѣ ихъ представлять себѣ соотвѣтствующаго имъ человѣка, но скоро поймалъ себя на томъ, что тревожное ожиданіе рисуетъ мнѣ все тотъ же образъ, и я бросилъ это занятіе. Я вздумалъ отворить маленькое окошечко во входной двери и сталъ глядѣть въ него. Меня успокаивало уже самое появленіе кого-нибудь на лѣстницѣ. Но теперь было необычайно пусто... Холодный сквозной вѣтеръ дулъ мнѣ въ ухо. Я закрылъ окошечко, вернулся въ спальню и попробовалъ читать романъ. Въ началѣ его описывалось, какъ молодой человѣкъ ожидаетъ у себя свою любовницу... Измученный, я бросилъ книгу, закурилъ папиросу и подошелъ къ окну. Позвонили. Сердце у меня бѣшено заколотилось, но я вышелъ наружно-спокойно и отворилъ дверь: это былъ газетчикъ съ вечернимъ номеромъ. Меня это совершено пришибло. Я почувствовалъ себя слабымъ и

обезсиленнымъ, какъ послѣ физическихъ страданій. Хотѣлось броситься на землю и плакать, плакать...

Въ комнатахъ съ задернутыми занавѣсами сумерки уже сгущались; сладко пахло духами и ликеромъ, что стоялъ на буфетѣ. Я выпилъ рюмку шартрёзъ... Усталъ, усталъ я. Не прилечь ли немного на кушетку и отдохнуть нѣсколько минутъ? Я закрылъ глаза и передо мной въ полудремотѣ встали всѣ впечатлѣнія вчерашняго вечера. Магда кружилась въ зеленоватомъ туманѣ взадъ и впередъ подъ странную музыку, похожую на шумъ падающей воды. Журчитъ, журчитъ, все такъ же, монотонно... Что? Нѣтъ раковъ? Жаль. Право, жаль. Магда смѣется. „Это вашъ маленькій ракъ?"—говоритъ она, сбрасываетъ желтый платокъ и танцуетъ среди моря огней...

Я очнулся, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ. Что̀ случилось? Отчего я лежу? Господи Боже! я, кажется, спалъ? А если она въ это время звонила? Я бросился въ кухню. Мари сказала, что никого не было. Я заставилъ ее повторить это два-три раза, такъ что она боязливо покосилась на меня. Я больше не могъ выносить этого волненія. Горло было сжато точно кулакомъ, и глотнуть было для меня мукой. Раскаяніе, всесильное и мучительное, овладѣло мною. Я упалъ на полъ и рыдалъ... Я готовъ былъ все бросить, отъ всего отказаться, еслибы только она сейчасъ вошла своими тихими, легкими шагами и провела рукой по моимъ волосамъ—какъ прежде. Я зналъ теперь, что̀ сказать ей. Я легкомысленный, безсердечный мальчишка, я недостоинъ ея любви, я никогда, никогда больше не увижу этой дѣвушки, которая на мгновенье вскружила мнѣ голову... Такъ я бы сказалъ ей; и она бы выслушала меня, повѣрила, простила бы... Еслибы только она пришла! Но вѣдь она не придетъ! Ужасъ охватилъ меня, когда эта мысль ясно представилась мнѣ. Я нѣсколько разъ повторилъ громко: она ужъ не придетъ, она не можетъ больше придти... Какъ я могъ не понять этого раньше? Какъ могла бы женщина послѣ того, что̀ произошло вчера, явиться въ эту квартиру? Женщина, которая отдавала мнѣ всю свою жизнь?.. Безконечныя усилія понадобятся для того, чтобы опять приблизиться къ ней! Но еслибъ это сто̀ило даже полъ-жизни, я все-таки найду путь къ ней. Жить безъ ея прощенія — невозможно, а судьба не посылаетъ намъ невозможнаго!

Эта мысль удивительнымъ образомъ успокоила меня. Я сталъ медленно расхаживать по комнатамъ, закурилъ папиросу, вышелъ въ переднюю и взялъ оттуда вечернюю газету. Вернувшись съ

ней въ кабинетъ, я зажегъ лампу и сталъ равнодушно просматривать номеръ. И тогда я прочелъ, что Магда умерла...

Въ первый моментъ, когда ея имя неожиданно выплыло изъ ряда черныхъ строчекъ, я почувствовалъ рѣзкій болѣзненный толчокъ въ сердце. Я нагнулся къ самой газетѣ, приложилъ палецъ къ тому мѣсту и громко прочиталъ всю замѣтку отъ начала до конца. Тамъ говорилось, что профессоръ Зеебургеръ понесъ тяжкую утрату: его супруга Магда Зеебургеръ сегодня утромъ лишила себя жизни. Госпожа Зеебургеръ, у которой были слабыя легкія, провела съ мужемъ вчерашній вечеръ на Календергѣ, гдѣ видимо простудилась. Около полуночи у нея было легкое кровохарканіе, не угрожавшее, однако, ея жизни. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого она приняла ядъ—должно быть, изъ преувеличеннаго страха передъ медленнымъ мучительнымъ умираніемъ... Эту замѣтку я прочелъ три или четыре раза. Прочелъ и то, что̀ стояло подъ ней: что пріѣхалъ сіамскій принцъ и остановился во дворцѣ. Затѣмъ я сложилъ газету, всталъ и остался на мѣстѣ, скованный усталостью. Она умерла. Такъ... Значитъ, она никакъ не можетъ выслушать меня? Значитъ, надо теперь и мнѣ умереть. Я надѣлъ шляпу и пошелъ внизъ по лѣстницѣ. Куда? Это будетъ видно. На улицѣ мнѣ показалось холодно. Теперь, въ іюнѣ? Смѣшно подумать, что въ завтрашнемъ вечернемъ номерѣ такая же замѣтка будетъ обо мнѣ. И рядомъ—заглавія моихъ книжекъ. Хорошая для нихъ реклама. Издатель будетъ потирать руки... Но тутъ мнѣ пришло въ голову вотъ что: не обратитъ ли это на себя вниманіе, если завтра же прочтутъ о моемъ самоубійствѣ? Сегодня Магда, а завтра я? Можетъ быть, было бы благоразумнѣе подождать недѣли двѣ... Мимо съ грохотомъ промчался пожарный обозъ. Отъ стука и рѣзкаго звука трубы я задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Какой шумъ производятъ люди... Вдругъ на перекресткѣ улицъ мною овладѣлъ безумный страхъ. Мнѣ казалось, что изъ толпы прохожихъ несется крикъ: „Убійца"!.. Я повернулъ назадъ и пустился бѣжать. Бѣжалъ я безъ оглядки, не останавливаясь до самой своей квартиры. Запыхавшись, вошелъ къ себѣ. Слава Богу! Мари не потушила лампу на столѣ. Полумертвый отъ усталости, весь въ поту, я прошелъ въ спальню, чтобы умыться холодной водой. Одна половина окна была раскрыта. Снизу доносилась музыка, та же, что и послѣ обѣда. Я снова слышалъ гнусавую игру шарманки и тотъ же женскій голосъ; только раздавался онъ тише, должно-быть съ сосѣдняго двора. Въ вечерней тишинѣ я разслышалъ слова:

„Спроси у розъ на могилахъ
Про вѣрности обѣтъ;
А какъ тебя я любила,
У звѣздъ узнай отвѣтъ“.

Я упалъ на колѣни. Рыданіе, ужаснѣе котораго я не испыталъ ничего въ своей жизни, вырвалось изъ моей груди. „Прости, прости меня!“ — стоналъ я. И подъ огнемъ слезъ, которыя горячо текли по моему лицу, мучительная напряженность нервовъ перешла въ тупую, неподвижную апатію.

На слѣдующее утро я одѣлся во все черное, купилъ вѣнокъ бѣлыхъ розъ и поѣхалъ въ домъ покойной. Ни одной мысли не было во мнѣ. Только безпредметная грусть наполняла меня всего, какъ жидкость наполняетъ стаканъ до краевъ. Почти сутки я ничего не пилъ и не ѣлъ, но не ощущалъ ни голода, ни жажды. Ничего, кромѣ этой безконечной усталой грусти...

Передъ домомъ Магды стояло нѣсколько колясокъ. Дамы въ черномъ поднимались наверхъ, медленно, осторожно ступая, точно репетировали уже здѣсь тотъ тонъ, который надо принять. Перила лѣстницы были обиты чернымъ бархатомъ. Пахло гвоздикой, лиліями и розмариномъ. Входная дверь была открыта. Я вошелъ. Въ комнатахъ со спущенными жалюзи люди вырисовывались странно неотчетливыми контурами. Со всѣхъ сторонъ раздавались тѣ отрывочныя, ненужныя слова соболѣзнованія, которыя говорятъ обыкновенно роднымъ умершаго, вмѣсто того, чтобы спросить, какъ въ нормальное время: „Какъ поживаете? Какъ ваше здоровье?“

Мать Магды сидѣла у окна, подперевъ руками сѣдую голову, и безостановочно бормотала все то же объясненіе: „Да, да, подумайте только. Такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего. И къ тому же профессоръ думаетъ, что это было вовсе не опасно“...

Я сказалъ нѣсколько словъ и вошелъ въ сосѣднюю комнату. Профессоръ стоялъ, окруженный своими коллегами, и разсказывалъ, какъ произошло несчастье. Онъ говорилъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, только лицо его было страшно блѣдно, а глаза лежали глубоко въ обведенныхъ черною тѣнью впадинахъ. Я почувствовалъ непріятную растерянность при видѣ этого человѣка, котораго я сдѣлалъ одинокимъ еще задолго до того, какъ смерть вошла въ его домъ. Но онъ равнодушно смотрѣлъ мнѣ въ лицо, дотронулся до моей руки и попросилъ положить цвѣты туда, къ смертному ложу Магды... Ноги мои задрожали. До двери пройти было всего нѣсколько шаговъ, но вся комната, казалось мнѣ, кружится, и я сталъ судорожно ловить и глотать воздухъ.

Мнѣ открыли дверь. Въ сладковато-пахнущемъ облакѣ я увидѣлъ безчисленное множество вѣнковъ; на лентахъ ихъ золотились буквы. Ставни были закрыты. Надъ кроватью, гдѣ лежала Магда, бѣлая какъ воскъ среди пылающихъ красокъ розъ, сирени, фіалокъ и анемоновъ, висѣла лампадка, закутанная въ черный флёръ, и бросала дрожащій молочный свѣтъ на покойницу. У подножья кровати молилась монахиня. Она подняла свое ничего не выражающее лицо и поклонилась мнѣ. Непреодолимая, почти магическая сила заставила меня подойти къ самому ложу. И вотъ я ясно увидѣлъ... да, оно и теперь стоитъ у меня передъ глазами. Я увидѣлъ этотъ ужасный, невыразимо ужасный жестъ. Правая рука Магды лежала широко вытянувшись на шелковомъ одѣялѣ, и пальцы этой синевато-бѣлой руки были растопырены, вытянуты, точно въ судорожномъ усиліи схватили и держатъ что-то... Въ первый моментъ мнѣ показалось, что я понялъ: мнѣ припомнились фотографіи самоубійцъ, у которыхъ вынимаютъ изъ рукъ револьверъ осторожно, чтобы не сломать закостенѣвшихъ въ предсмертной судорогѣ пальцевъ... Да, но Магда вѣдь приняла ядъ? Въ странномъ оцѣпенѣніи я не сводилъ глазъ съ покойницы. Мнѣ казалось теперь, что ея костлявые пальцы медленно-медленно впиваются во что-то мягкое; острые ногти вонзаются въ теплое мягкое тѣло, пока наконецъ струйка горячей крови не успокоиваетъ хищную жажду умирающей...

Мнѣ стало страшно. Я невольно отступилъ на нѣсколько шаговъ и, удерживая рукой безумно бившееся сердце, пролепеталъ: „Да, вотъ, вотъ, впивается!..“ Испугавшись звука собственнаго голоса, я взглянулъ на монахиню. Она спокойно перебирала четки, такая же равнодушная, какъ и прежде. Я беззвучно подошелъ къ самой кровати и нагнулся надъ изголовьемъ. Изъ лампадки падалъ кружокъ свѣта на лицо Магды и лежалъ, точно круглая монетка, у нея между глазъ. Лицо было желтое, старое, въ пятнахъ. Двѣ глубокія морщины тянулись отъ носа къ угламъ рта, а на безкровныхъ губахъ застыла насмѣшливая улыбка, хитрая, безобразная, предательская гримаса, какой у нея никогда не бывало. Полный ужаса, я глядѣлъ на эту чужую маску, и во мнѣ вдругъ съ поразительной ясностью встала мысль: *„Эта женщина умерла не отъ горя, а изъ желанія отомстить!“* Она умерла, чтобы отплатить за то, что я заставилъ ее пережить въ тотъ вечеръ. Жизнью она не дорожила, такъ какъ была больна, а мнѣ, она знала, никогда ужъ не избавиться отъ воспоминанія, никогда не спѣть пѣсни безъ крика отчаянія, не поцѣловать губъ дѣвушки безъ отравы рас-

каянія. Кровь прилила къ моимъ щекамъ. Я вспомнилъ, какъ Магда когда-то сказала, что она съумѣетъ жестоко отомстить мнѣ, если уличитъ меня въ невѣрности. Теперь она исполнила свою угрозу: она хотѣла, чтобы я, вырвавшійся изъ объятій ея живого тѣла, принадлежалъ ей одной мертвой. Но вчера ночью теплыя губы цѣловали меня и... Открылась дверь, и лампадка замигала.

— Ого!—сказалъ профессоръ, подходя ко мнѣ и покашливая.—Вы, кажется, набираетесь тутъ впечатлѣній для стихотворенія о смерти?

Я замѣтилъ, что стою очень близко у ложа покойницы, и что розы, которыя я принесъ, все еще дрожатъ у меня въ рукѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—смерть не выдаетъ своихъ тайнъ. Но въ ней есть величіе побѣдителя: она освобождаетъ живыхъ.

Я положилъ цвѣты къ ногамъ Магды, быстро прошелъ черезъ комнаты, гдѣ пахло пролитымъ лекарствомъ, и вышелъ, облегченно дыша, на улицу.

Внезапный голодъ напомнилъ мнѣ, что я почти сутки ничего не ѣлъ. Я сѣлъ на извозчика и велѣлъ везти себя въ кафѐ. Копыта равномѣрно постукивали. Я закрылъ глаза, и мнѣ припомнилось, что Іоганнъ Штраусъ сочинилъ нѣсколько наиболѣе веселыхъ своихъ вальсовъ подъ однозвучный стукъ колесъ...

Я вошелъ въ кафѐ. Въ этотъ послѣобѣденный часъ оно было пусто. Я заказалъ себѣ ветчины, масла, яицъ и чаю. Кельнеръ положилъ мнѣ по обыкновенію всѣ журналы сомнительной литературности, а также французскіе юмористическіе листки. Глядя на невѣроятно-красный носъ одного эксъ-министра, я думалъ, какъ сложилась эта драма. Такъ напримѣръ: эта женщина умерла не ради меня, а противъ меня. Или такъ: она лишила жизни не себя, а меня. Послѣднее звучало красиво и убѣдительно. Я ѣлъ бутерброды съ спокойнымъ удовольствіемъ и наслаждался золотистыми теплыми тонами чая. Еслибы теперь рядомъ со мной сидѣла Гретль... Тоска по ней охватила меня вдругъ. Гретль! милая, глупенькая, маленькая Гретль! Какъ давно я не слыхалъ ея звонкаго голоса! Какъ давно не думалъ о ней!..

Я быстро заплатилъ, вышелъ, еще жуя, на улицу и пошелъ по направленію къ ея квартирѣ. Если бы пойти скоро, то я могъ бы застать ее еще за обѣдомъ. Я торжественно и серьезно войду къ матери Гретль и скажу ей, что отъ всего сердца люблю ея дочь и что я готовъ все сдѣлать для ея будущаго, если она благословитъ нашу дружбу своимъ материнскимъ покровительствомъ. Я скажу это такъ, что оно подѣйствуетъ на

старуху... Потомъ я буду цѣловать красныя губки Гретль, сыграю пѣсню Шуберта на старыхъ запыленныхъ клавикордахъ и прогоню прочь всѣ ужасы послѣднихъ дней...

Я прибѣжалъ къ дому, гдѣ жила Гретль, весь запыхавшись, но въ приподнятомъ настроенiи духа. У воротъ стоялъ привратникъ, Дессерекъ, протягивая мнѣ огромную ручищу.

— Мое вамъ нижайшее!—сказалъ онъ.—Ваша любезная только что наверхъ поднялась.

Дружескiй тонъ господина Дессерека объясняется двойственностью его личности. Онъ за воротами торгуетъ подтяжками и шнурками для сапогъ, но по призванiю — драматическiй народный поэтъ для Марiагильфа и болѣе отдаленныхъ частей города. Онъ видитъ во мнѣ коллегу, и изъ этой духовной связи Дессерекъ съ неумолимостью выводитъ пугающiя меня заключенiя...

— Вчера опять новую отдалъ,—сказалъ онъ, крѣпко надавливая на мое лѣвое плечо,—въ клубъ „Эдемъ“. Знаете?

Тягостное предчувствiе охватило меня. Но дружескiй толчокъ помогъ мнѣ очутиться подъ воротами, а затѣмъ въ лавочкѣ Дессерека, гдѣ сильно пахло кожей и ваксой. Передо мной появилась зловѣщая тетрадь, на обложкѣ которой было написано зелеными буквами: „Красный шутъ, комедiя съ куплетами и танцами Каэтана Дессерека“.

— Тонкая штучка!—сказалъ авторъ, дѣлая рукой неподражаемый жестъ.—Вотъ послушайте. Это все дѣйствующiя лица. Зайтельшенкеръ, трактирщикъ—это главное лицо. Амадельгунда, его жена—женская роль. Фефи, дочь трактирщика отъ перваго брака—тоже женская роль. И другiе, и другiе — все дѣйствующiя лица... Нѣтъ, вотъ, послушайте дальше, тутъ есть хоръ. Они всѣ вмѣстѣ поютъ, понимаете ли... да только не такъ, какъ я сейчасъ вамъ скажу, а съ музыкой. Вы себѣ представьте съ музыкой: „Пойдемте въ рощу всѣ, друзья. Зеленый лѣсъ шумитъ и тамъ, при звукѣ вѣтерка“...

Когда Дессерекъ декламировалъ эти нелѣпыя строки, я, Богъ вѣсть отчего, увидѣлъ ясно передъ собою зеленый лѣсъ, сочный и тѣнистый, и себя, идущаго бокъ о бокъ съ Гретль. Вмѣсто ваксы я почувствовалъ вдругъ запахъ земли и сырой листвы, и мнѣ безумно захотѣлось уйти туда, далеко, далеко, лежать на сѣнѣ, смотрѣть на вечернiя облака, плывущiя по засыпающему небу... Дессерекъ продолжалъ разъяснять свое произведенiе. Но я больше не слушалъ его. Быстрымъ прыжкомъ я пустился въ бѣгство, взбѣжалъ однимъ духомъ на всѣ три этажа, по двѣ ступеньки сразу, и запыхавшись остановился передъ почтенной вдо-

вой какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она большой ложкой вынимала изъ кастрюли бобы. Она уставилась на меня, открыла премилый беззубый ротъ и такъ и забыла закрыть его. А я началъ говорить и говорилъ прочувствованно, красиво, дѣльно. Никогда еще я не достигалъ словами такого удивительнаго успѣха. При второй же атакѣ выяснилось, что характеръ вдовы далеко не такъ твердъ, какъ ея бобы—и еще въ тотъ же вечеръ два счастливыхъ молодыхъ существа уѣхали изъ города навстрѣчу окутаннымъ голубымъ туманомъ берегамъ Даніи.

Все это я написалъ вчера, въ одинъ присѣстъ. Когда я дошелъ до „окутанныхъ голубымъ туманомъ береговъ Даніи“ (что̀ за несносный Бедекеръ дремлетъ, чортъ возьми, подъ порогомъ моего сознанія!), было, вѣроятно, около четырехъ часовъ утра. Я заперъ въ ящикъ свой дневникъ, погасилъ лампу и, дрожа отъ холода, пробрался подъ одѣяло...

А теперь день... Въ окно свѣтитъ заботливо-кроткое октябрьское солнце; шоколадъ, приготовленный мнѣ къ завтраку, немного, но вполнѣ достаточно пахнетъ цикоріемъ, а изъ лежащихъ передо мной листковъ дневника встаетъ картина этого лѣта, тихаго и прекраснаго...

То, что̀ я написалъ, даетъ мнѣ ощущеніе успокоенія. Я не совсѣмъ увѣренъ былъ въ себѣ послѣднее время. Моя жизнерадостность казалась мнѣ лживой, отказъ отъ прошлаго—легкомысліемъ. И когда я забывался съ Гретль, мнѣ приходили на умъ слова несчастнаго Гюнтера: „Среди могилъ празднуемъ мы тріумфъ нашей юности“... Но теперь, когда цѣпь событій еще разъ развернулась передъ моими глазами, я вижу, что произошло то, что̀ должно было произойти. Я нахожу теперь извѣстный символъ въ томъ, что̀ пережилъ: побѣду жизни надъ тьмой и смертью. Гретль, маленькая бѣлокурая Гретль въ моихъ глазахъ — геній весны. Я бѣгу отъ проклинающей тѣни прошлаго и въ мѣняющемся свѣтѣ вижу, какъ Юность въ смѣющейся безпечности сыплетъ розы на плѣшивый черепъ Смерти...

Вторникъ, 9-го октября. Я встрѣтилъ профессора Зеебургера. Когда я проходилъ мимо церкви на Альзерштрассе, онъ вышелъ изъ городской больницы. Меня всего передернуло. Стоя въ тѣни церкви, я глядѣлъ туда, на эти таинственныя ворота, которыя съ дѣтства казались мнѣ населенными фантастическими

существами. Сквозь ворота я видѣлъ большіе бѣлые дворы больницы, гдѣ между камней цвѣтутъ блѣдныя розы и дрожатъ, точно облака, пугливые вздохи. По узкимъ, усыпаннымъ гравіемъ дорожкамъ ходятъ больные въ синихъ халатахъ, съ повязанными головами или руками. Такъ и вздрогнешь, когда вдругъ кто-нибудь изъ нихъ застонетъ отъ боли или рѣзко засмѣется шуткѣ надзирателя... Профессоръ уже давно ушелъ, а я все еще смотрѣлъ туда. Его борода, кажется мнѣ, стала болѣе сѣдой, но вообще онъ не измѣнился, и черное платье ему даже къ лицу. Я думаю, что врачи дѣлаются съ годами равнодушными. Или, можетъ быть, они видятъ столько ужасныхъ страданій, что смерть въ сравненіи съ ними кажется имъ отдыхомъ.

Странно. Мысли мои уже нѣсколько дней заняты этимъ профессоромъ Зеебургеромъ. Его глаза, глядящіе поверхъ очковъ такъ холодно и безлично, преслѣдуютъ меня; звукъ его голоса я слышу даже во снѣ... Это невѣроятно, но отъ этого человѣка исходитъ точно гипнозъ. Вчера, когда я шелъ за Гретль, чтобы погулять вмѣстѣ, меня неудержимо потянуло на Альзерштрассе; ровно въ двѣнадцать я снова стоялъ у церкви, чтобы видѣть, какъ онъ будетъ выходить изъ больницы. Что̀ это? Какое ощущеніе влечетъ меня къ профессору? Состраданіе ли это къ его судьбѣ? Или это тотъ темный инстинктъ братства, который рождается изъ общаго прошлаго? Или щекочущее нервы сознаніе, что я былъ молотомъ въ жизни этого человѣка, а онъ считаетъ меня просто хорошимъ малымъ?.. Я думаю, всѣ эти сомнѣнія разсѣются какъ дымъ, когда я заговорю съ нимъ на улицѣ. Человѣкъ, котораго спрашиваешь, какъ онъ спалъ прошлую ночь, перестаетъ быть загадкой. Онъ отвѣчаетъ: „Благодарю васъ, сносно“, и дѣлается снова тѣмъ, чѣмъ онъ былъ: невозмутимымъ профессоромъ.

Итакъ, это случилось: я, дѣйствительно, заговорилъ съ нимъ. Сегодня, когда онъ выходилъ изъ больницы, я, быстро рѣшившись, перешелъ черезъ улицу, поклонился ему и спросилъ объ его здоровьѣ. Сначала онъ взглянулъ на меня такъ, какъ будто долженъ былъ припоминать мою фамилію. Но потомъ онъ сразу сталъ любезенъ, пожалъ мнѣ руку и предложилъ проводить его часть пути. Мы пошли вмѣстѣ по направленію къ его квартирѣ. Онъ говорилъ о своей жизни. „Нашъ братъ врачъ имѣетъ столько

дѣла съ человѣческимъ горемъ. А гдѣ его такъ много кругомъ, тамъ свое кажется незначительнымъ".

„Профессорская мудрость"—подумалъ я.

Онъ остановился на мгновенье, посмотрѣлъ куда-то въ сторону и сказалъ:

— Только вотъ по вечерамъ, послѣ всей работы, такое страшное одиночество...

Это тронуло меня. Чтобы утѣшить его, я заговорилъ о заброшенности, отъ которой и я будто бы страдаю.

— Вы?—спросилъ онъ, повернувъ ко мнѣ спокойное лицо.— Но развѣ у васъ нѣтъ уже той хорошенькой маленькой подруги, которая тогда, помните, на Каленбергѣ олицетворяла весну за вашимъ столикомъ?

Я удивился. Откуда онъ зналъ объ этомъ? До этого момента я готовъ былъ поклясться, что профессоръ не видѣлъ насъ тогда, а только Магда... Чтобы избѣгнуть непріятной темы, я солгалъ, что вскорѣ послѣ того у насъ начались размолвки, и мы разошлись. Онъ быстро взглянулъ на меня. Мнѣ почудилось, что усмѣшка скользнула по его лицу, точно радость или удовлетворенность.

Когда мы дошли до его квартиры, онъ вдругъ сказалъ:

— А что, еслибы мы соединили вмѣстѣ наши одиночества? Не зайдете ли ко мнѣ посидѣть... хоть сегодня вечеромъ, напримѣръ?

Я колебался, растерявшись.

— Не заставляйте себя долго просить—сказалъ онъ;—вы получите холодную закуску, чай и тотъ уголокъ у камина, гдѣ моя бѣдная жена любила сидѣть вотъ въ такую осеннюю пору. Вы увидите, все еще по старому!

Онъ съ выраженіемъ напряженной просьбы глядѣлъ на меня. Я не рѣшался... Наконецъ я пробормоталъ нѣсколько словъ, которыя должны были звучать отрицательно, но по неловкости получилось согласіе; онъ быстро пожалъ мнѣ руку, кивнулъ головой и исчезъ въ подъѣздѣ дома.

Уже семь часовъ. Черезъ часъ надо идти къ профессору. Въ зеркало я вижу свое лицо — оно блѣдно, измученно. Что я дѣлаю? Развѣ это не поступокъ безразсуднаго мальчишки, который играетъ понятіями долга и нравственности какъ мячомъ и обращаетъ въ фарсъ тяжелую трагедію?

У меня странно и страшно на душѣ. Тамъ, въ тѣхъ ком-

натахъ, куда я иду, подкарауливаетъ меня прошлое. На стѣнахъ висятъ картины Магды. На креслахъ разбросаны подушки ея работы. Въ вазѣ на роялѣ, можетъ быть, еще есть нѣсколько полевыхъ цвѣтовъ, блѣдныхъ, увядшихъ, которые мы вмѣстѣ сорвали... Ну и что-жъ? пускай! Мнѣ хочется вести борьбу съ этими сантиментами. Мнѣ нечего бояться: мертвые не просыпаются. И кто надъ могилами пѣлъ бодрую пѣсню жизни, того не испугаютъ никакіе призраки...

...Тише! Тише!.. Ужасъ, который стрясся надо мной, не долженъ проникнуть сюда, въ мою комнату. Надо перевести духъ и опомниться... Вѣдь я дома. Никто не гонится за мной. Вотъ горитъ моя лампа. Передо мной лежитъ мой дневникъ. Стоитъ портретъ Гретль. Вокругъ меня нѣтъ привидѣній, а все свое, знакомое, обычное, уютное... Если немного взять себя въ руки, то будетъ лучше... Рука почти не дрожитъ. Мысли снова укладываются въ привычную колею. Я закрываю глаза, я вижу все снова.

Когда я вошелъ къ профессору, онъ поднялся съ мѣста. Позади его неподвижнаго лица чернѣло окно; можетъ-быть оттого онъ показался мнѣ такимъ блѣднымъ. Но онъ улыбался и сталъ распрашивать меня о всякихъ мелочахъ. Разговаривая, мы пошли по комнатамъ. Въ комнатѣ Магды на письменномъ столѣ стояли свѣжіе цвѣты въ вазочкѣ.

— Это у меня вошло въ привычку за тѣ пятнадцать лѣтъ, что она моя жена,—сказалъ онъ.

Я былъ совершенно спокоенъ. Эти вещи, которыя раньше пугаютъ, въ рѣшительный моментъ оказываются безразличными; онѣ не доходятъ до чувства, а остаются на поверхности, въ мысляхъ. Я ходилъ, говорилъ, отвѣчалъ и при этомъ неустанно наблюдалъ за собой.

Старая прислуга позвала насъ въ столовую чай пить. Столъ былъ тщательно накрытъ, по странности, на три персоны.

— Сядемте,—сказалъ профессоръ,—ждать Магду не имѣло бы вѣдь никакого смысла.

Онъ налилъ чаю, угощалъ меня и сталъ ѣсть.

Мнѣ было не по себѣ. Лишній приборъ мучилъ меня. Я чувствовалъ досаду на эту нелѣпую выходку профессора, и все-таки иногда мнѣ представлялось, что Магда, дѣйствительно, сидитъ между нами вся блѣдная отъ голода и хватаетъ съ нашихъ тарелокъ по кусочку. Я не могъ ѣсть.

— Да, да, таково-то у одинокихъ людей!—сказалъ профессоръ страннымъ пѣвучимъ тономъ. — Такъ я живу изо дня въ день. Надѣюсь, вамъ это нравится и вы будете часто приходить?

Я поблагодарилъ. Какая-то судорога сжимала мнѣ горло.

Профессоръ отодвинулъ свою чашку и сказалъ:

— Теперь вы должны разсказать о своей жизни. Что вы дѣлаете вотъ въ такіе осенніе вечера? Надъ чѣмъ въ данное время работаете? И кстати: какъ вы это тогда перенесли?

Я не понялъ его вопроса. Затѣмъ мнѣ вспомнилось, что я солгалъ ему днемъ при встрѣчѣ относительно разрыва съ Гретль, и я, не задумываясь, отвѣтилъ что-то относящееся къ этому.

— Нѣтъ! — сказалъ онъ. — Нѣтъ. Вы меня не поняли. Я думаю вотъ что: какъ вы перенесли, какъ вы пережили... тогда, что Магда умерла?

Его слова прозвучали спокойно въ неподвижномъ воздухѣ. Слышно было тиканье часовъ на каминѣ.

— Мнѣ кажется, что должно быть мучительно сознавать себя причиной смерти своей возлюбленной, — продолжалъ онъ.

Я отшатнулся и смотрѣлъ на него. Хотѣлъ что-то сказать, но изъ горла вырвались только восклицанія: „Что? какъ?"

Его лицо, все еще неподвижное, въ эту одну секунду посѣрѣло. Въ глазахъ его свѣтилась такая спокойная, накопившаяся ненависть ко мнѣ, что я невольно попятился назадъ.

— Останьтесь!—сказалъ онъ, становясь въ дверяхъ.

Это подѣйствовало на меня какъ ударъ. Я не думалъ больше о томъ, какъ все это случилось—я забылъ, что долгъ мой передъ покойницей велитъ отрицать — я слышалъ только, какъ меня оскорбляютъ, считая трусомъ. Я стиснулъ зубы и сказалъ съ легкимъ поклономъ:

— Вы съ излишней вѣжливостью, господинъ профессоръ, напоминаете своимъ гостямъ, чтобы они не уходили.

Профессоръ, усмѣхнувшись, пробормоталъ:

— Превосходно! превосходно! Наши молодые люди знаютъ, какъ надо себя держать. Я всегда это говорю. Вы, конечно, готовы дать мнѣ удовлетвореніе, какъ это говорится?

Я поклонился.

— Это, конечно, очень корректно,—сказалъ онъ,—но, видите ли, голубчикъ мой, мнѣ отъ этого мало толку: жена моя отъ этого не воскреснетъ. И вообще, на что мнѣ ваша смерть? Это — не мщеніе для меня; такъ я думалъ съ самаго начала. Нѣтъ, вы должны остаться жить, жить, понимаете ли, съ этимъ грызущимъ воспоминаніемъ, съ проклятіемъ мертвой на душѣ!

Глаза его свѣтились стальнымъ блескомъ, жилы на вискахъ вздулись какъ круглые, крѣпкіе шнурки.

— Вотъ видите ли,—сказалъ онъ:—когда васъ въ послѣдніе дни неудержимо тянуло ко мнѣ, когда вы сказали мнѣ, что эта дѣвушка не принадлежитъ больше вамъ, что ваша молодость проходитъ безъ друзей, безъ веселья, тогда я ликовалъ! Я чувствовалъ удовольствіе, въ первый разъ съ смертнаго часа Магды, съ того часа, когда я узналъ правду... Я почувствовалъ, что проклятіе осуществляется, что оно не выпускаетъ васъ изъ своихъ когтей ни на минуту, что оно будетъ держать васъ до послѣдняго вздоха. И тогда я, старый атеистъ, опустился на колѣни и благодарилъ своего бога...

Онъ стоялъ вытянувшись во весь ростъ. Свѣтъ лампы озарялъ его руки, которыя хватали темноту. Одинъ моментъ я подумалъ: „Оставь ему это. Уйди отсюда съ этой сострадательной ложью на устахъ, которая его спасаетъ. Что тебѣ, если одинокій человѣкъ въ своихъ лихорадочныхъ фантазіяхъ считаетъ тебя мученикомъ?“

О, еслибъ я промолчалъ! Но злобное ликованіе, кривившее его губы, заставило меня сказать:

— Вашъ богъ обманулъ васъ, профессоръ. То, что я говорилъ вамъ сегодня утромъ—ложь. Я солгалъ изъ состраданія къ вашему одиночеству. Чтобы вы не завидовали моему богатству, я солгалъ, что я бѣденъ. Это неправда. Клянусь вамъ, что это неправда. Я счастливъ. Моя юность молода и не знаетъ раскаянія. Когда я отсюда вернусь домой, то буду въ объятіяхъ той дѣвушки, которую вы видѣли со мной...

Онъ не отводилъ отъ меня взгляда. Изъ тьмы, окружавшей его, горѣли два круглыхъ пятна. Я чувствовалъ, что долженъ говорить, долженъ все излить.

— Я не спрашиваю о томъ,—сказалъ я,—какъ вы открыли мою вину. Я долго считалъ, что вы не знаете. Но ваша ненависть заставляетъ меня забыть ее и чувствовать къ вамъ одно презрѣніе. Та же ненависть отравила и послѣднія минуты Магды. Я, можетъ быть, сломился бы подъ тяжестью своей вины, еслибы возмездіе было болѣе человѣчно. Но она подняла руку, чтобы уничтожить всю мою жизнь, разрушить мое будущее; на ея губахъ въ судорогѣ застыло проклятіе, о которомъ и вы говорили—и это освободило меня, это спасло меня навѣки!..

Изъ его груди вырвался не то стонъ, не то смѣхъ.

Краска бросилась мнѣ въ лицо.

— Вы думаете, что это мальчишеская манера ограждать

себя словами, — сказалъ я. — Вы хотите сказать, что она была убійцей, которая прежде всего убила себя? Но въ такія минуты, когда дѣло идетъ о жизни и смерти, кто думаетъ о томъ, что и палачъ будетъ казненъ? Я прочелъ проклятіе—въ ея глазахъ, на ея губахъ, въ этой рукѣ, сжатой какъ у фуріи...

Я умолкъ. Нѣкоторое время мы оба молчали, и слышно было, какъ оконныя стекла дрожатъ отъ ѣзды на улицѣ. Вдругъ профессоръ поднялъ голову. Его лицо было такъ же, какъ и всегда, блѣдно, неподвижно, спокойно.

— Вы правы — сказалъ онъ: — въ моемъ разсчетѣ была ошибка. Теперь пора ее исправить.

Онъ прошелъ черезъ всю комнату къ противоположной стѣнѣ, открылъ желѣзный шкафъ. Я взглянулъ туда. Чего онъ искалъ?.. Оружія?.. Онъ вынулъ изъ ящика измятый листокъ бумаги, разгладилъ его осторожно и повернулся ко мнѣ.

— Это послѣднія слова, которыя она написала вамъ,—сказалъ онъ.—Возьмите ихъ. До сегодняшняго дня я считалъ, что не слѣдуетъ отдавать ихъ.

Я протянулъ руку къ измятому листу: сверху кусокъ въ немъ былъ оторванъ. Склонившись надъ нимъ во тьмѣ, я увидѣлъ рядъ строкъ, набросанныхъ въ лихорадочной поспѣшности. Нѣкоторыя мѣста были стерты, попадались красноватыя пятна. Меня охватила дрожь... Я снова видѣлъ почеркъ Магды, эти большія отвѣсныя буквы; какъ часто она говорила мнѣ въ нихъ о своей нѣжности!..

— Читайте!—сказалъ профессоръ.—Я засталъ ее врасплохъ, въ тотъ моментъ, когда она писала это, уже почти агонизируя. Я долженъ былъ употребить нечеловѣческія усилія, чтобы вырвать этотъ листикъ у нея изъ руки, изъ этой руки, „сжатой какъ у фуріи". Да, умирающіе обладаютъ силой, но кого охватило предчувствіе правды, тотъ сильнѣе...

Я отвернулся. Невыразимое волненіе охватывало меня. Я видѣлъ тѣло Магды среди розъ, сирени и анемоновъ, съ поднятой правой рукой, съ бѣлыми пальцами, судорожно сжимающими послѣдній земной привѣтъ ко мнѣ. Я видѣлъ снова ужасъ на ея лицѣ, отъ котораго я, дрогнувъ, отшатнулся, и этотъ ужасъ былъ ничѣмъ инымъ какъ безумнымъ страхомъ умирающей за меня, ея возлюбленнаго. Мнѣ казалось, что она лежитъ возлѣ меня и ея большіе, грустные глаза спрашиваютъ меня: „Неужели я должна умереть?.." Я застоналъ. Мучительно и болѣзненно заныло у меня въ груди, какъ тогда, когда глупая пѣсня бросила меня на колѣни.

Профессоръ взглянулъ на меня. — Читайте! — сказалъ онъ повелительно. Его взглядъ потянулъ меня къ столу, надъ которымъ висѣла лампа. Вотъ желтый свѣтъ скользнулъ по моему лбу, вотъ онъ уже озарилъ исписанный листокъ бумаги.

...„Въ послѣдній разъ, милый, цѣлую твои глаза. Моя вина была въ томъ, что я тебя такъ безконечно любила. Я отняла у твоей юности безпечную радость. Твои пѣсни печально никли къ землѣ съ тѣхъ поръ, какъ я окружила тебя своей тяжелою страстью. Прости меня. Я была такъ удовлетворена, такъ безконечно близка къ любви, что я не подумала о томъ, можешь ли и ты тоже быть счастливымъ моей любовью... Теперь я расплачиваюсь за это и ухожу во тьму. Не подумай, что я жалуюсь, милый. Я не плачу; я могу только благодарить тебя и — благословить. Благословенъ будешь ты, бывшій для меня цѣлымъ міромъ; благословляю ту пару дѣвичьихъ глазъ, которые улыбаются твоей юности; благословляю васъ и тѣ дни, которые придутъ для васъ... Когда весна снова повѣетъ въ твое окно и розы на моей могилѣ зацвѣтутъ, приди туда радостно и бодро, нарви своей возлюбленной пышный букетъ съ моей могилы и не печалься. Ты далъ мнѣ столько счастья, что губы мои улыбались въ тотъ моментъ, когда мнѣ дано было умереть за тебя“...

Слова закружились у меня передъ глазами. Всесильная боль горячей рукой сдавила сердце. Я упалъ головой на столъ и плакалъ — плакалъ не стыдясь, какъ человѣкъ, который остался наединѣ со своимъ горемъ... Профессоръ отошелъ отъ меня.

— Идите!—сказалъ онъ.—То, чѣмъ вы отуманили свое сознаніе, лежитъ передъ вами въ развалинахъ. Идите теперь и носите всю жизнь благословеніе этой женщины, проклятіемъ которой вы такъ легко пренебрегли!..

Я безъ словъ поднялся и ушелъ...

И вотъ я дома. Передо мной, въ желтомъ свѣтѣ лампы, стоитъ портретъ Гретль... Увижу ли я ее когда-нибудь? Не появится ли между нами въ моментъ поцѣлуя благословляющая тѣнь этой женщины, которая улыбалась, когда я разбилъ ея сердце? Буду ли я еще въ жизни смѣяться?..

Далеко, далеко, въ блѣдной дали, я вижу, идетъ весна. Она падаетъ жемчужной росой на кусты сирени и на темно-кровавыя розы у могилы Магды. Войдетъ ли весна въ мое окно? Услы-

шитъ ли она, какъ бьется сердце одинокаго, полное тяжелаго раскаянія и воспоминаній?..

Вся моя судьба, Магда, въ твоей рукѣ.

Я потушу лампу, опущусь на колѣни въ темнотѣ и буду молиться.

Перев. съ нѣм. М. Славинская.

У МОРЯ

Съ моря дуетъ влажный теплый вѣтеръ.
Шумно-веселъ шорохъ бѣлой пѣны.
Шумно-веселъ на прибрежныхъ скалахъ
Свѣжій гулъ зеленыхъ старыхъ сосенъ.

Одиноко берегомъ пустыннымъ
Я иду, и камни подъ ногами
Вторятъ нѣжно-мелодичнымъ звономъ
Беззаботнымъ, безпечальнымъ думамъ.

Поднимаюсь вверхъ по косогору
И ложусь въ тѣни зеленыхъ сосенъ—
Надъ обрывомъ, высоко надъ моремъ.
И вдыхаю жадно полной грудью
Пьяный ароматъ смолистой хвои
И соленый влажный запахъ моря.

Подо мной органомъ полнозвучнымъ
Свой хоралъ поетъ немолчно море.
Разсыпаютъ волны голубыя
На камняхъ прибрежныхъ клочья пѣны.

Вотъ вдали—блестящій бѣлый парусъ
Рѣжетъ воду чайкой острокрылой,
Утопаетъ въ голубомъ туманѣ...

Такъ въ тѣни лежу я долго-долго,
Убаюканъ чарами покоя,

И слѣжу съ любовнымъ восхищеньемъ,
Какъ вблизи надъ синими цвѣтами
Звонко вьются пчелы золотыя.
Надо мною въ синемъ знойномъ небѣ
Медленно и плавно рѣютъ чайки
И смѣются рѣзкимъ хриплымъ смѣхомъ...

Такъ лежу я долго, очень долго...
Все кругомъ какъ свѣтлый праздникъ счастья,
Беззаботность — сказка голубая,
Солнечная музыка природы.

Л. Андрусонъ.

ВЪ АЛЬПАХЪ

I.

Пароходъ осторожно шелъ въ молочномъ туманѣ. На носу непрерывно звякалъ колоколъ. Близко подъ бортомъ струилась зеленая, прозрачная вода. На скамейкахъ и въ узкихъ проходахъ тѣснилась праздничная публика. Высились длинныя горныя палки, лихо колебались цвѣтныя перья на шляпахъ туристовъ; альпійскіе походные мѣшки заполняли скамейки, виднѣлись на молодцеватыхъ спинахъ. Праздничная толпа весело глядѣла въ бѣлые клубы тумана. Должно быть, гдѣ-то вверху сіяло солнце: плотные своды тумана были пропитаны тихимъ бѣлымъ свѣтомъ.

„Какъ въ сказкѣ! Какъ въ сказкѣ!“ въ упоеніи думалъ Всеволодъ Андреевичъ.

Ясно было, что пароходъ шелъ по узкой, подземной, волшебной, зеленой рѣкѣ, проскальзывая сквозь тѣсные проходы изъ одного грота въ другой. Мерещились призрачныя колоннады, бѣлые, тающіе сталактиты, близкіе нависшіе своды. Пароходъ тревожно звякалъ въ колоколъ и крался изъ грота въ гротъ...

Впрочемъ, Всеволодъ Андреевичъ взглядывалъ па туманъ кратко и рѣдко. Въ немъ самомъ ходилъ горячій туманъ. „Она согласилась! Она согласилась!“—пѣло безъ перерыва въ груди. Спиной къ озеру стоялъ онъ у борта и глядѣлъ въ лицо Анны. Она сидѣла возлѣ горныхъ сумокъ и, не отрываясь, задумчиво глядѣла въ туманъ. Должно быть, видѣла что-то свое. Овальные темно-сѣрые глаза, отѣненные длинными рѣсницами, смотрѣли смягченно, вопрошающе, тѣмъ особымъ женскимъ внутреннимъ взглядомъ, когда плывутъ смутныя предчувствія будущаго, и

женщина, остановивъ легкій шагъ, пытаетъ ихъ довѣрчиво и колеблясь. Всеволодъ Андреевичъ смотрѣлъ на тонкія темныя брови, надломленныя въ наивномъ вопросѣ, на войлочную бѣлую горную шляпу, небрежно проткнутую длинной булавкой вмѣстѣ съ тугимъ, гладкимъ узломъ темно-русыхъ волосъ, ловилъ строгій, серьезный, пытливый, довѣрчивый взглядъ темно-сѣрыхъ глазъ и чувствовалъ, что здѣсь тоже сказка, загадочная, волнующая, но уже близкая, родная. Временами до боли сжимало сердце отъ внезапныхъ подкатовъ радости. Онъ съ опаской оглядывался, не видятъ ли сосѣди чрезмѣрнаго сіянія на его лицѣ, не смѣются ли. И опять глядѣлъ на чистый, нѣжный овалъ лба, наивный надломъ бровей, легкій, какъ розовая дымка, румянецъ щекъ и словно пилъ нѣчто свѣтлое, неожиданное, плѣнительное, — да, именно пилъ, лучше онъ не могъ бы придумать сравненія, пилъ, какъ воспаленный путникъ въ пустынѣ пьетъ, прильнувъ къ спасительному источнику грудью, радостный, изумленный, благодарный...

Пароходъ шумѣлъ, замедляя ходъ, и въ туманѣ тихо, какъ на волшебномъ полотнѣ, блѣдно проступали крыша, стѣны, мачта, канаты. Спѣшно бросали сходни. Въ просвѣтѣ пристани сумеречно колебались тающія тѣни скученныхъ пассажировъ. Торопливо шагали они по сходнямъ; колебались, словно пики, высокія горныя палки, раздвоенныя вверху; выступали горбами на спинахъ горныя сумки, и въ наплывающихъ волнахъ тумана казалось, будто призраки древняго воинства легко, невѣсомо, молча впрыгиваютъ на пароходъ. Сиплый, отрывистый свистокъ, и пристань блѣднѣетъ, сливается въ мутное пятно, таетъ. Снова бѣлыя, ватныя стѣны, низкіе своды, снѣжныя колонны. Снова пароходъ, какъ бы боясь задѣть за стѣны или удариться о своды, осторожно крадется по зеленой узкой рѣкѣ. Однозвучно, непрерывно звякаетъ на носу колоколъ.

Пили café au lait complet. Ѣли хлѣбъ съ масломъ и медомъ. Вѣжливо вытягиваясь, худой, черный оффиціантъ говорилъ что-то странное, смѣшное и непонятное. Публика весело гудѣла на разныхъ языкахъ, не понимая сосѣдъ сосѣда, но дружелюбно оглядывая другъ друга. Всеволодъ Андреевичъ радостно отдавался всплескамъ чужой жизни. Немного было безпокойно, что Анна молчала. Тихій стыдъ гдѣ-то глубоко внизу робко поджимался за то, что онъ все говоритъ и говоритъ, быстро, разгонисто, восторженно. Но Анна такъ хорошо, тепло, чуточку матерински-снисходительно слушала. „Ну, ничего. Какъ нибудь“... утѣшался онъ.

А тѣмъ временемъ туманъ тихо двинулся кверху. Вышли

на палубу. Бѣлый, громадный, ватный пологъ висѣлъ надъ озеромъ. Зеленымъ зеркаломъ, узкимъ и длиннымъ, спокойно сіяла освобожденная гладь. Близко у края воды съ обоихъ береговъ высились крутыя горы, сверху до низу заросшія темными кудрями деревьевъ. Въ отвѣсныхъ, узкихъ долинкахъ торопливо бѣжали вверхъ запоздалые куски облаковъ. Точнымъ, близкимъ рисункомъ очертилась сжатая окрестность, и на одну секунду Всеволоду Андреевичу ярко и странно показалось, что это не жизнь, а маленькая картинка-миніатюра съ кусочкомъ нарисованной зеленой воды, съ крошечнымъ пароходикомъ,—картинка въ глубокой, темной, роскошной рамѣ.

Бѣлый, ровный свѣтъ заливалъ озеро. Пароходъ быстро, озабоченно стучалъ по водѣ. Горы медленно передвигались одна изъ-за другой, выплывали впередъ, затирались вглубь. Неожиданно длинной серебряной лентой сверкалъ каскадъ, и долго бѣлая полоска весело играла на темной зелени отвѣса, пока новый поворотъ не выдвигалъ другіе виды. Лавиной вылеталъ изъ ущелья сѣдой, яростный водопадъ, и гулъ его, медленно слабѣя, несся къ пароходу, музыкально смѣшиваясь съ ритмическимъ стукомъ колесъ.

Публика грудилась на палубѣ, въ проходахъ. Блестѣли восторженные глаза. Перекликались разными языками, но одинаковыми, краткими восклицаньями, блѣднымъ выраженьемъ восторга предъ вѣчной красотой природы.

Маленькая забота, какъ мушка, временами влетала въ праздничную душу Всеволода Андреевича и тихонько зудѣла: „Не смѣшонъ ли ты въ своемъ плащѣ и шляпѣ съ цвѣтнымъ перомъ на затылкѣ?“ Раза два мимоходомъ заглянулъ онъ въ пароходныя зеркала, но въ стеклѣ мелькало такое сіяющее лицо, опушенное русой бородкой, что ничего нельзя было понять. „Ну, ничего. Какъ-нибудь“...

II.

Поѣздъ, чмокая на сцѣпахъ, медленно ползъ вверхъ. Позади пыхтѣлъ, подталкивая вагоны, локомотивъ. Всеволодъ Андреевичъ высовывалъ голову, взглядывалъ и обмиралъ. Почти отвѣсной стѣной шло вверхъ узкое полотно дороги, двумя прямыми темными линіями четко выдѣлялись рельсы, и между ними, словно гигантскій червякъ, лежала черная зубчатая рельса. Внизъ узкая лента дороги съ тремя рельсами падала стремительно, и также

падало, сжималось сердце. Поѣздъ почти висѣлъ, карабкаясь вверхъ. Нужно было быстро придавливать острую, яркую мысль: вотъ сорвались зубцы рельсы, и поѣздъ бѣшено несется, падаетъ внизъ...

Публика въ побѣдномъ настроеніи. Звонкій смѣхъ, восклицанья летятъ изъ открытыхъ вагоновъ. Волнуетъ покоренная, но близкая опасность. Всеволодъ Андреевичъ чувствуетъ, что его горячая радость, вмѣстѣ съ медленнымъ подъемомъ поѣзда, навертывается на новую, тугую пружину, сжимается до сладкой боли. Впереди, противъ него, лицомъ къ лицу сидитъ Анна и со свѣтлымъ удовлетвореніемъ, спокойно смотритъ въ далекую глубь. „Милая! Нюра моя, Нюрочекъ!..“ съ благодарнымъ умиленіе думаетъ онъ. Оглядывается внизъ и цѣпко, судорожно хватается за желѣзный барьеръ вагона. Зоркими, степными глазами видитъ онъ далеко внизу ясную синеву озера, различаетъ темныя, тонкія, какъ дорогое кружево, складки ряби. Отчетливо рисуется волнистая линія берега. Сверкаютъ бѣлизной виллы на темныхъ склонахъ горъ. Разверстая глубь тихо струится голубоватымъ воздухомъ. Прямо подъ ногами уходитъ отвѣсная стѣна деревьевъ, и кажется, будто верхнія деревья растутъ изъ вершинъ нижнихъ. Всеволодъ Андреевичъ, сжавъ зубы, крѣпится. Новая, странная, почти дикая радость крѣпкой спазмой сжимаетъ сердце. Онъ отводитъ глаза отъ зыбкой пустоты, отбивается отъ искушенія. Сладкая истома сосетъ сердце. Обезсиленно закрываетъ онъ глаза, и опять огненно вспыхиваетъ искусительная картина: „онъ вскакиваетъ со скамейки, бросается и съ радостнымъ, ликующимъ воплемъ, распластавъ, словно для объятій, руки, летитъ на дно голубой бездны...“ Судорожно сжимаетъ руки на желѣзной перекладинѣ, зацѣпляется колѣнами и со страхомъ открываетъ глаза. „Фу, чушь какая!..“ шепчетъ онъ изумленно. Сердце бьется замедленно, обмираетъ, тѣло таетъ въ странной легкости. Лукавая радость зоветъ отдаться чужой, темной, неожиданной власти, которая вѣтромъ поддуваетъ слабѣющее тѣло. Сознаніе мечется въ напуганныхъ, удивленныхъ, обезсиленныхъ мысляхъ...

„Надо отвлечься, надо думать о другомъ“, торопливо внушаетъ онъ себѣ. Анна съ мягкой задумчивостью смотритъ внизъ, четко вычерчиваются темныя тонкія брови, по срединѣ угломъ надломленныя кверху, и все тотъ же довѣрчивый вопросъ свѣтится въ нихъ. „Маленькая тайна—усиленно заставляетъ себя размышлять Всеволодъ Андреевичъ, — да, конечно тайна. Кто знаетъ, сколько столѣтій или тысячелѣтій назадъ дрогнулъ въ

женщинѣ изумленный вопросъ. И вотъ онъ донесенъ до Анны, неразрѣшенный... Она, можетъ быть, и сама не знаетъ. Но душа ея безсознательно ищетъ и ждетъ. Таинственный надломъ бровей... Да, да... О чемъ бы еще серьезномъ, постороннемъ подумать? Скорѣе, скорѣе...“

Онъ крѣпко держится за желѣзный барьеръ, въ душѣ идетъ торопливая борьба. Мирное, задумчивое лицо Анны вѣетъ тишиной на его волненіе. Снова грѣется сердце благодарной радостью.

— О чемъ вы молчите, Анна Михайловна? — съ нѣжной дурачливостью наклоняется онъ къ ней.

Она тихо поворачиваетъ задумчивое лицо, секунду съ разсѣянной вопросительностью смотрятъ на него овальные темносѣрые глаза, и теплая улыбка освѣщаетъ лицо. Какъ будто солнце ворвалось въ душу. Горячій, красноватый туманъ ударяетъ въ голову. Онъ уже почти не слышитъ ея отвѣта:

— А такъ, ни о чемъ.

Онъ уже много и бурно говоритъ о красотѣ пейзажа, о бутербродахъ съ масломъ и медомъ, о молчаливыхъ англичанахъ и болтливыхъ французахъ—о всемъ сразу. Не все ли равно о чемъ говорить, когда она такъ славно, свѣтло, спокойно, почти матерински слушаетъ? „Она, моя милая Нюра! Солнышко мое!..“

Поѣздъ карабкается. Странное, смѣшное положеніе: Всеволодъ Андреевичъ чувствуетъ, что тяжесть тѣла перешла въ спину, а ноги легко и безпомощно касаются пола. Тянетъ кувыркнуться. Анна поднялась со скамейкой. Въ тѣлѣ ея воздушная стремительность. Она невольно клонится впередъ, и Всеволодъ Андреевичъ, обмирая, ждетъ, что при рѣзкомъ толчкѣ она упадетъ къ нему грудью на грудь. Позади натужно охаетъ паровозъ. Изрѣдка долетаетъ удушливая струйка угольнаго дыма. Въ далекой, обрывистой глубинѣ озеро мерцаетъ, какъ синеватое зеркало, упавшее среди горъ. Не видно всплесковъ, ряби. Не живое, словно лѣсная заводь. Фіолетовая дымка мутнитъ, закрываетъ синеву озера. Гаснетъ острое ощущеніе высоты.

Временами поѣздъ идетъ среди вырубленныхъ скалъ. Близко видны струйки воды, бѣгущія по морщинамъ гранита. И вдругъ скала слѣва исчезаетъ. Вѣроятно, поѣздъ ползетъ черезъ мостъ. Вагоны висятъ въ воздухѣ. Безмѣрно далеко внизу въ переливчатыхъ струяхъ, словно за сверкающимъ стекломъ, отчетливо видны купы деревьевъ, обнаженные зубы скалъ, пѣнящаяся лента водопада. Восклицанья восторга несутся изъ вагоновъ. Вскочили, толпятся. Всеволодъ Андреевичъ сжался, крѣпко уцѣпившись,

незамѣтно для Анны, руками и колѣнами за желѣзо барьера. Полыхнуло огненнымъ, внезапнымъ порывомъ. Прикрывъ глаза, онъ не можетъ отдышаться отъ страха и страннаго восторга.

Невдалекѣ въ ложбинкахъ торопливо ползли вверхъ жидкіе кусочки облаковъ. Незамѣтно вошли въ туманъ. Стало холодно, хмуро. Тянуло изъ переднихъ мѣстъ раздражающимъ запахомъ сигары. Публика примолкла, зябко куталась въ плащи и пледы.

— Не хотите ли надѣть? — заботливо спросилъ Всеволодъ Андреевичъ, опуская съ плеча плащъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Совсѣмъ не нужно!—быстро сказала Анна. Она бодро выпрямилась. Бѣлая, полупрозрачная блузка тѣсно прильнула къ невысокой дѣвической груди. Сердце Всеволода Андреевича нѣжно захолонуло, когда онъ обнялъ взглядомъ стройную, юную, горячую, довѣрчиво-спокойную фигуру Анны.

Поѣздъ вошелъ въ туннель. На минуту упала темнота. Оглушительно застучалъ, зашипѣлъ подъ сводами паровозъ. Промозглая сырость ударила въ лицо. Но впереди уже мелькалъ бѣлый свѣтъ. И вскорѣ сверкнуло солнце, голубое небо. Вверху сіялъ ясный день. За вагонами по ущельямъ бѣжали, отставая, передовые языки тумана. А дальше внизу долины были залиты молочнымъ моремъ. Кое-гдѣ вздымались надъ нимъ пирамидами и конусами вершины горъ.

Остановились на маленькой станціи. Снова бѣжали вдоль вагоновъ дѣвочки, предлагая пучечки бѣлаго, пушистаго эдельвейса.

Отчетливо видна жесткая, короткая трава на каменныхъ склонахъ. Изрѣдка краснѣютъ, желтѣютъ скудные цвѣтки. Угрюмо выдѣляются голыя ребра скалъ. Бѣдны горы красками, бѣдны растительной одеждой, нечѣмъ прикрыть себя отъ сырого холода и людскихъ любопытныхъ взглядовъ. И вѣетъ молчаливой, мрачной враждой отъ каменныхъ глыбъ.

Вьется вблизи широкими зигзагами узкая тропинка. Дѣлается замѣтнымъ, какъ много людей тянется вверхъ. Женщины, мужчины, юноши, дѣвушки съ мѣшками на спинѣ, съ высокими палками. Идутъ медленно, размѣренно, склоняясь впередъ. Очевидно, тронулись отъ подножія раннимъ, темнымъ утромъ. На высокомъ гребнѣ одной скалы выдѣлялись на голубизнѣ неба три темныхъ фигуры. Двѣ сидѣли, одна стояла, опершись на длинную палку. Внезапно стали махать шляпами ползущему вверхъ поѣзду и что-то весело, возбужденно кричали. Вагонная публика радостно всполошилась. Махали платками, фуражками, шляпами, восклицали на разныхъ языкахъ. Всеволодъ Андреевичъ долго махалъ своей мягкой шляпой съ цвѣтнымъ перомъ.

III.

Всеволодъ Андреевичъ и Анна поднимались по широкой каменной лѣстницѣ. Онъ неловко несъ въ лѣвой рукѣ свой черный кожаный чемоданъ и желтый чемоданчикъ Анны. У нея перекинуто черезъ руку синее пальто на бѣлой подкладкѣ. Горячее солнце било въ голову, зажигало золотые огни въ волосахъ Анны, ослѣпительно отливалось на бѣломъ шелкѣ подкладки. Впереди высился отель. На широкой терассѣ гудѣла, шелестѣла, переливалась на солнцѣ радужными цвѣтами наѣхавшая публика.

Всеволодъ Андреевичъ тихо взялъ подъ-руку Анну. Сквозь тонкое холодное полотно ощутилъ онъ съ огневымъ замираніемъ сердца слабое, теплое, нѣжное тѣло. Наклонившись, заглядывая въ лицо, спросилъ падающимъ голосомъ:

— А комнату... одну спросимъ?

Анна подняла къ нему лицо. Темно-сѣрые овальные глаза, углубившіеся и потемнѣвшіе, глянули на него просто, серьезно.

— Да—сказала она.

Онъ выпрямился, держа ее подъ-руку и медленно шагая по каменнымъ ступенямъ. Странное чувство залило его. Горячая, впервые увѣренная въ себѣ радость ослабляющей дрожью прошла по тѣлу, подогнула дрогнувшія колѣни. И нѣчто въ родѣ отдаленнаго страха гдѣ-то глубоко внутри защемило, какъ смутное предчувствіе, какъ неясная отвѣтственность за что-то далекое, будущее. И рядомъ выпрямлялась гордость, мужская, рыцарская. И самое восхожденіе рука объ руку по широкой лѣстницѣ подъ огненными лучами солнца показалось ему значительнымъ, торжественнымъ, какъ религіозный обрядъ, скрѣпляющій важный поворотъ жизни.

Въ обширныхъ, пустынныхъ коридорахъ отеля стоялъ сырой, застывшій холодъ, странный и неожиданный послѣ горячаго солнца. Смутно и мелькомъ Всеволоду Андреевичу померещилось, будто въ этомъ холодѣ притаилось что-то угрюмое, предупреждающее. Было холодно и въ большой комнатѣ съ двумя бѣлыми кроватями.

— Вы не топите? Не будетъ холодно?—нерѣшительно спросила Анна.

— Не топимъ. Холодно не будетъ!—бодро и увѣренно отвѣтила рослая, румяная прислуга съ бѣлымъ чепцомъ на головѣ.

Всеволодъ Андреевичъ отворилъ дверь на балконъ. Съ вы-

соты четвертаго этажа темнѣла внизу площадка съ унылой короткой травой, утоптанная и засоренная. А за ней шелъ обрывъ. Тамъ клубились облака до горизонта, и казалось, что отель стоитъ на краю земли предъ лицомъ хаоса. Всеволодъ Андреевичъ быстро вошелъ въ комнату и цѣпко, торопливо, словно спасаясь отъ погони, заперъ дверь.

По деревяннымъ лѣстницамъ и тропинкамъ вышли на вершину холма.

— Ну, вотъ и лучшій видъ въ мірѣ!—съ патетической насмѣшкой воскликнулъ Всеволодъ Андреевичъ.

На голубомъ небѣ сіяло солнце. Близко, горячо обливали голову, жгли плечи солнечные лучи. Грандіозныя гирлянды горныхъ цѣпей, уже извѣстныя и ожидаемыя по иллюстраціямъ, глубокія долины, рѣки, озера — все прикрывалось текучей громадой тумановъ. Было странно и чуточку горделиво чувствовать себя въ заоблачномъ царствѣ. Полчища облаковъ внизу подъ ногами озабоченно бѣжали въ одну сторону. Въ огромныхъ котловинахъ, какъ въ сборныхъ пунктахъ, они пріостанавливались, клубились сгущенными массами и вновь вытягивались бѣлымъ строемъ, устремляясь къ неизвѣстному, важному для нихъ мѣсту. На минутку обнажалась далекая вершина. Съ другой стороны бѣлыми языками вытягивались облака и снова закрывали вершину. Совсѣмъ близко, между отелемъ и холмомъ, туманъ лился жидкой, сѣровато-мглистой рѣкой. И было въ громадномъ, молчаливомъ движеніи облаковъ и тумановъ что-то спѣшное, важное, недоступное пониманію людей. Солнце заливало облачное море ослѣпительнымъ бѣлымъ свѣтомъ.

Пестрѣла, гудѣла публика. По склонамъ холма сидѣли, лежали на плащахъ, стояли группами. Развертывали пакеты, весело жевали, звякали бутылками. Жесткая, пыльная, утоптанная трава была обильно засорена обрывками бумаги, папиросными коробками, шкуркой колбасы, кусками веревокъ, бумажками отъ конфектъ. Медленно бродили стального цвѣта коровы и съ тупымъ, выжидательнымъ видомъ совали мокрыя морды черезъ плечи вскрикивающихъ дамъ. На вершинѣ холма стоялъ рядъ столиковъ съ открытками и бездѣлушками-сувенирами. Румяныя, круглолицыя продавщицы бойко тараторили съ покупателями. Здѣсь же у столиковъ или на колѣняхъ туристы спѣшно писали карандашомъ на открыткахъ привѣтствія и восторженныя описанія туда, внизъ, въ подоблачное царство.

Небольшая деревянная вышка увѣнчивала вершину холма. Всеволодъ Андреевичъ взобрался по хлябкой лѣсенкѣ. На тѣсной

площадкѣ пять человѣкъ упорно смотрѣли на всѣ стороны. Туча мухъ возбужденно жужжала въ столбахъ солнечныхъ лучей.

Сплошными бѣлыми стадами ползли туманы черезъ вершины горъ, молочными рѣками лились сквозь ущелья. И было какъ будто два неба: одно вверху, спокойное, голубое, ясное, неподвижное, съ огненнымъ костромъ солнца. Другое внизу, заваленное бѣлыми клубами тучъ, текучее, охваченное молчаливой, спѣшной тревогой. На далекомъ кругѣ оба неба раздѣлялись линіей горизонта, зыбкой и дымной.

Всеволодъ Андреевичъ глянулъ внизъ и неожиданно-близко увидѣлъ Анну. Огненной стрѣлой сверкала подъ солнцемъ длинная булавка, войлочная бѣлая шляпа съ милой лихостью была отброшена назадъ, и кверху прямо на него смотрѣло облитое солнцемъ, сіяющее улыбкой лицо, съ четкимъ надломомъ темныхъ бровей, съ любовно-насмѣшливыми искрами въ глазахъ. Радость колыхнулась въ его груди, какъ нѣчто большое, живое, круглое, спирающее духъ. Блеснула мысль: до странности ненужны ему, безразличны громада и величіе міра,—тайна, красота и радость жизни тамъ, за наивнымъ изломомъ бровей... Онъ торопливо сбѣгалъ по лѣсенкѣ.

Ходили по склонамъ холма, сидѣли на разостланномъ плащѣ. Жарко грѣло солнце. Временами туманъ, колыхаясь, поднимался, закрывалъ отель, бѣжалъ надъ холмомъ. Солнце краснымъ, меркнущимъ кругомъ глядѣло сквозь сѣрую вуаль. И сырой холодъ заползалъ къ тѣлу, какъ мрачный, невидимый гадъ. Темное, грозящее предчувствіе придавливало сердце. Но туманъ падалъ за края холма, опять сіяло голубое небо, сверкало солнце. Отвѣсно лились знойные лучи. Дѣлалось радостно, легко.

Неожиданно раздалось хоровое пѣніе. Группа молодыхъ людей, сидя, полулежа, съ выкриками, ухарски пѣла бойкую пѣсенку. Одинъ вскочилъ и, сорвавъ съ головы черную шляпу, широко махалъ ею въ тактъ веселаго мотива. Среди грубыхъ голосовъ фальцетъ, какъ флейта, дѣлалъ странныя, мудреныя фіоритуры. Молодые люди, очевидно, немного опьянѣли отъ опрокинутыхъ бутылокъ, отъ жаркаго солнца, горнаго воздуха.

Становилось чуточку скучно. Какъ будто длился затянувшійся антрактъ, и все колебался предъ глазами докучный облачный занавѣсъ, скрывавшій обѣщанный видъ. Стояли въ разныхъ мѣстахъ группы и подолгу, терпѣливо глядѣли внизъ на текучую громаду тумановъ. Иногда бросались къ одному мѣсту. Бѣлая пелена разрывалась, и дѣлалось до жуткости очевиднымъ, что подъ ногами не скромный, покатый холмъ, а обрывистая вер-

шина заоблачной горы. Въ стеклянно-мглистой глубинѣ умельченнымъ, сжатымъ въ комочекъ рисункомъ виднѣлась долина съ темными, отчетливыми квадратами полей, овальное ясное зеркало озера, горсточка бѣлыхъ домовъ городка, и еще двѣ-три горсточки игрушечныхъ домиковъ въ зеленыхъ миніатюрныхъ рамкахъ, и бѣлыя нити дорогъ между ними. Наплывалъ туманъ. Бѣлый занавѣсъ смыкался. Всеволодъ Андреевичъ позади толпы переводилъ судорожное, задержанное дыханіе.

Анна кормила шоколадомъ черную овцу. Равнодушно сжевала овца коричневые, тающіе ломтики, тупо посмотрѣла, ожидая, въ пустыя руки Анны и легко понесла по крутому склону на тонкихъ ногахъ неуклюжее, овально-круглое тѣло, густо прикрытое черными завитками шерсти.

— Посмотрите, посмотрите, что онѣ дѣлаютъ!—съ изумленіемъ воскликнула Анна.

Черная овца съ пятью другими пролѣзла въ изгородь на краю обрыва. Анна побѣжала. Всеволодъ Андреевичъ медленно, неровными шагами пошелъ къ обрыву. Смутное чувство, будто онъ нарушаетъ запретъ или пренебрегаетъ мрачной угрозой, связывало движенья. Овцы быстро хватали губами высокую траву. Одна висѣла на стѣнѣ обрыва головой внизъ, другія зигзагами перебѣгали по отвѣсу. Подъ ними клубилась туманомъ пустота. Иная овца въ торопливой жадности наскакивала головой на другую, и зрители, обмирая, ждали: сорвутся. Съ разсѣянной дѣловитостью овца прыгала на сосѣдній отвѣсъ и снова головой внизъ висѣла, быстро забирая губами траву.

Жгучая истома всосалась въ сердце Всеволода Андреевича. На секунду ярко и пронзительно представилось, что не овца, а онъ виситъ надъ пропастью. Онъ закрылъ глаза, конвульсивно, съ перехваченнымъ дыханьемъ стиснулъ зубы и съ ослабѣвшими, истомными ногами отошелъ отъ обрыва.

День гасъ. Туманъ поднялся, прикрылъ заходящее солнце. Далеко вверху недвижно протянулась розовая гряда перистыхъ облаковъ. Настойчиво, сильно потянуло сырымъ холодомъ. И какъ будто было тайное, недоброе предупрежденіе: торопливо укладывались торговки, разомъ пошла публика со склоновъ холма. Сѣрыя коровы нюхали обрывки бумаги, шли за туристами и просительно, недоумѣло тянули мокрыя губы. Пѣвцы смолкли. Одинъ изъ нихъ долго и крѣпко обнималъ за шею сѣрую корову, дружески хлопая ее черной шляпой по головѣ.

Всеволодъ Андреевичъ прикрылъ плечи Анны плащомъ и, тихо обнявъ за талію, тѣсно и близко сидѣлъ съ ней на ска-

мейкѣ. Туманы сѣрѣли. Сгущался холодъ. Меркло. И кругомъ безпокойно хмурилось, какъ будто готовясь къ мрачному дѣлу въ ночи. Бережнымъ, хрупкимъ казалось маленькое человѣческое счастье, сжавшееся подъ широкимъ швейцарскимъ плащомъ. И хотѣлось задержать мглистый бѣгъ времени, закрѣпить мигъ близости надолго, навѣчно...

IV.

Обѣдали въ большомъ, высокомъ, сводчатомъ залѣ. Ярко горѣло электричество. Чинно стояли ряды столиковъ подъ бѣлыми скатертями. Поблескивало розовое, синее стекло бокаловъ. Было пустынно. Въ дальнемъ углу, у темной арки окна обѣдалъ худощавый, бритый англичанинъ. Онъ надвинулъ на длинный, горбатый носъ сѣрую каскетку и плавными, широкими движеніями работалъ ножемъ и вилкой, изрѣдка бросая своей дамѣ, въ розовой пышной шляпѣ, краткія, отрывистыя фразы. Вдали, около буфета, съ унылой бодростью, молча, неподвижно стояли двѣ горничныхъ съ бѣлыми наколками на головахъ. Тишина и важный, печальный холодъ наполняли сводчатый залъ, до странности ярко, ненужно освѣщенный. И темныя арки оконъ шевелили смутную тревогу, какъ будто за влажными стеклами привалилось нѣчто мрачное и недвижно подстерегаетъ.

Столикъ Всеволода Андреевича и Анны, тѣсно заставленный тарелками, стаканчиками, блюдами, соусниками, былъ вдвинутъ въ глубокую нишу. И Всеволодъ Андреевичъ, обостренно чувствовавшій, что за стѣнами отеля творится темное, чужое и недоброе, глядѣлъ изъ свѣтлой ниши съ торжествомъ, какъ изъ надежнаго, уютнаго пріюта. Тихо кружилась голова отъ яснаго лица Анны, отъ бокала краснаго вина.

— А знаете, Нюра,—сказалъ онъ, счастливо, довѣрчиво улыбаясь,—я, вѣдь, чуть не бросился съ поѣзда!

Тѣнь тревоги мелькнула на лицѣ Анны. Она сморщила брови и вопросительно смотрѣла на Всеволода Андреевича.

— Да, да!—быстро и радостно говорилъ онъ, любуясь игрой свѣта и тѣней на подвижномъ лицѣ Анны:—тянуло броситься. Да нѣтъ, не тянуло, а мучительно, страстно захотѣлось! Какъ высшая побѣда надъ чѣмъ-то, какъ неслыханная радость! Такъ бы вотъ съ размаха, внизъ головой и на лету кричать дикимъ, радостнымъ крикомъ!

— Не понимаю—медленно сказала Анна, съ недоумѣніемъ,

почти со страхомъ всматриваясь въ возбужденное лицо Всеволода Андреевича:—тутъ что-то серьезное, опасное...

— Ну, опасное... Пустяки. Это же воображеніе. Сила воли найдется. А все-таки интересно. Что-то новое. Раньше я просто боялся высоты. Равнинная психологія. Знаете, у меня съ дѣтства: если кошмаръ, то непремѣнно падаю съ высоты. Гдѣ-нибудь въ пролетѣ на пятомъ этажѣ подламываются ступеньки, и я висну на рукахъ, вцѣпившись въ карнизъ. Въ такомъ родѣ страшные сны. Да, кстати: вы не были въ Выборгѣ? Тамъ есть старинная башня...

Онъ говорилъ торопливо и радостно. Мысль горѣла, какъ въ рѣдкіе, счастливѣйшіе моменты жизни. Ярко, послушно вспыхивали образы. И быстро являлись слова, которыя казались ему гибкими, точными.

— Старинная башня... Внутри она пустая. Отъ пола до самаго верха. По стѣнамъ лѣпится на вѣсу желѣзная лѣсенка. Ползешь по зигзагамъ лѣсенки. Внизу зіяетъ громаднѣйшій пролетъ. Висятъ ступеньки въ воздухѣ на какихъ-то тамъ желѣзныхъ болтахъ. Но вѣдь болты-то лѣтъ двѣсти-триста назадъ вставлены! Перержавѣли, поди!.. И вдругъ щемящее чувство, какой-то сложный ужасъ, въ которомъ исчезаетъ время. Вотъ не знаю, какъ точнѣе, понятнѣе сказать... Понимаете, какъ будто эту башню до ужаса близко, отчетливо знаешь. Не то мгновенное воспоминаніе о бывшей жизни, не то яркое предчувствіе будущей жизни. Уже былъ этотъ щемящій страхъ, былъ этотъ волосокъ надъ смертной гибелью, или будетъ черезъ тысячи лѣтъ, но его переживаешь. И тутъ же быстрое воспоминанье, что и въ кошмарныхъ снахъ настойчиво снилась все та же лѣстница старинной башни. И сонъ мѣшается съ явью. И реальная жизнь внезапно рисуется слѣпымъ, блѣднымъ сномъ, при которомъ забыто все главное, важное, вся мудрость какихъ-то древнихъ, темныхъ переживаній и въ которомъ нѣтъ пророческихъ касаній къ будущимъ жизнямъ. А сны представляются безпорядочной, таинственной попыткой „вспомнить“ древній или отдаленно-грядущій опытъ!.. Не смогу вамъ точно описать... Но тутъ какое-то жгучее, ошеломляющее мгновеніе, въ которомъ клубкомъ свиваются настоящее, прошедшее и будущее. И на одинъ мигъ какъ будто стоишь у края дымной, зыбкой бездны бытія... И въ то же время въ страхѣ бьется животное, цѣпкое чувство самосохраненія. Я зорко намѣчалъ ниши: чуть раздастся трескъ, и я метнусь съ лѣсенки въ нишу, прижмусь, вцѣплюсь когтями!.. А впереди и позади, не забудьте, идутъ по лѣстницѣ люди, без-

заботно смѣются, шутятъ, разговариваютъ. И я отвѣчаю, улыбаюсь, храню спокойный видъ. У васъ, Нюра, не было такихъ странныхъ моментовъ?

Всеволоду Андреевичу хотѣлось распахнуть душу до дна, говорить о тайнахъ жизни. Горячая радость несла его на крыльяхъ. Ему казалось, что его обостренная мысль близка сейчасъ къ прозрѣніямъ. Но тутъ же рядомъ торопливо бѣжало тревожное опасеніе: „Не чушь ли я болтаю? Не раскатился ли ужъ черезчуръ?“ И, оборвавъ скачущую рѣчь, онъ сіяющими глазами, съ улыбкой и тревожнымъ вопросомъ глядѣлъ на Анну.

— Не знаю, не помню,—задумчиво сказала она,—такихъ моментовъ, кажется, не было. Но какія-то странныя, смутныя догадки, правда, иногда скользятъ по душѣ...

Анна слушала тихо, серьезно, внимательно. И какъ будто слушала не только слова. Она глядѣла куда-то глубже. И что-то безсознательно провѣряла, рѣшала. Наивный, вопросительный надломъ темныхъ бровей четко вырисовывался при яркомъ электрическомъ свѣтѣ.

— Ага! И у васъ бываетъ!—вскричалъ, обрадовавшись, Всеволодъ Андреевичъ. И его снова подхватило горячимъ, радостнымъ вѣтромъ.—Тутъ есть какая-то тайна! Есть, есть! Или вотъ еще: былъ я на вершинѣ Ай-Петри. Обрывъ глубиной въ версту. Еле видишь внизу берегъ съ муравьиными домишками. А дальше дымится голубизной море. На горизонтѣ неразличимо сливается съ такимъ же дымно-голубымъ небомъ. Какъ будто на краю земли стоишь. И вотъ особый ужасъ тамъ я чувствовалъ. Не упасть же боялся. Да я и къ краю не подходилъ. Какой-то страхъ глубже, важнѣе, значительнѣе. Словно голосъ тайный: „Нельзя тутъ быть. Остерегайся. Уходи“. Будто когда-то уже грозила здѣсь смертельная опасность, былъ пережитъ и остался въ темномъ опытѣ древній страхъ. Или чувствуется, что душа природы здѣсь иная, чѣмъ въ равнинѣ. Тамъ—родная, теплая, съ которой мы сживались и пригрѣвались въ рядѣ поколѣній, а здѣсь—чужая, враждебная. Можетъ быть, равниннымъ людямъ нельзя безнаказанно быть на высокихъ горахъ...

Отъ горячей торопливости онъ немного сбился, потерялъ нить мыслей и, сконфуженно потирая лобъ, съ опаской посмотрѣлъ на Анну. Она слушала хорошо, внимательно и серьезно. Вдали звякали ножами по тарелкамъ хмурый англичанинъ съ дамой въ розовой шляпѣ. Въ темныя арки оконъ глядѣла, привалившись, ночь.

— Ну, это, положимъ, страхъ высоты, равнинная психо-

логія,—быстро продолжалъ онъ,—хотя эти слова ровно ничего не объясняютъ. Ну, пусть такъ... Встрѣчается страхъ высоты часто, у многихъ. Вреда отъ него нѣтъ, одна польза. Больше человѣкъ остерегается, крѣпче за землю держится. А вотъ недавно явилось у меня другое. И знаете, Нюра, когда эта штука случилась въ первый разъ? Помните, были мы съ Иваномъ Григорьевичемъ, двѣ недѣли назадъ, на верхушкѣ собора Notre Dame de Paris? Помните, я опустился на колѣни около парапета?

— Помню! — медленно сказала Анна, припоминая, и тѣнь скользнула по ея лицу.

— Меня вдругъ потянуло броситься внизъ. Я ужъ не зналъ, какъ быть, и поскорѣе опустился на колѣни.

— Ахъ, вотъ что! — сказала Анна, просвѣтлѣвъ. — А я думала...

— Понимаете, неожиданное чувство, живое и сладкое, словно любовь. Какъ будто ровная площадка земли, тамъ внизу, съ черными точечками людей, что-то родное, любимое, и тянетъ поскорѣе вернуться туда кратчайшимъ путемъ! Тѣло ослабло въ нѣжной истомѣ. Веселая, сладкая буйность налетала... Высшимъ счастьемъ, торжествомъ какого-то достиженія казалось бултыхнуться внизъ головой!.. Однимъ словомъ, неслыханная ерунда! Стало не на шутку жутко. Хоть и неловко было передъ вами, а лучше не нашелъ: опустился на колѣни, вцѣпился въ парапетъ и сталъ смотрѣть на облака, на дальній горизонтъ, на собственный рукавъ. Ахъ, да! А вы, Нюра, что подумали?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего... Мнѣ показалось... что вы немножко рисуетесь, позируете... Мнѣ не понравилось... Раскаиваюсь и рада, что ошиблась!..

— Ай-яй!.. Ну, ничего!..

Вышли на терассу. Цѣпко охватилъ сырой холодъ. Черной стѣной близко придвинулась тьма. На широкой, пустынной терассѣ сиротливо, тускло горѣли двѣ электрическихъ лампочки. Безлюднымъ, покинутымъ казался отель. Темными волнами летѣлъ туманъ. Волна за волной, какъ черная вьюга, мчался онъ мимо отеля. Напряженный слухъ ловилъ смутные шорохи, угрюмое стенанье, какія-то далекія повизгиванья. Что-то кружилось, что-то неслось надъ вершинами горъ, что-то ползло, шелестѣло. Мерещились приглушенные вскрики, торопливое шептанье, тяжелая возня. Ослѣпивъ людей, ночь пускала особую жизнь, которая металась, разгульно голосила, близкая, слышная, неуловимая, чуждая, непонятная.

Анна невольнымъ движеніемъ прижалась къ плечу Всеволода Андреевича. Дрогнувъ, тихо обнялъ онъ ее за плечи и сказалъ пониженнымъ голосомъ:

— Не пойти ли въ комнату? Невесело здѣсь, непривѣтливо...

Широкія лѣстницы, высокіе коридоры были пусты. Ярко горѣло электричество. Холодная тишина стыла въ воздухѣ. Словно въ зыбкомъ снѣ, шелъ Всеволодъ Андреевичъ рука объ руку съ Анной. Жизнь переламывалась. Накипало не вѣрящее себѣ счастье, а гдѣ-то глубоко еле слышно щемила грусть, какъ неясное сомнѣнье, какъ смутное предчувствіе.

Вспыхнула лампочка у потолка. Двѣ бѣлыхъ кровати съ отогнутыми угломъ одѣялами стояли у дальней стѣны. Всеволодъ Андреевичъ бросилъ шляпу и плащъ на стулъ, нерѣшительно взглянулъ бокомъ на Анну и отошелъ къ двери балкона. Въ мокрыя стекла глядѣла темь. Внезапно представилась Всеволоду Андреевичу картина: онъ увидѣлъ самого себя, какъ среди ночи онъ откидываетъ одѣяло, встаетъ съ кровати, идетъ босыми ногами, въ бѣломъ бѣльѣ, съ закрытыми глазами, къ балконной двери, отворяетъ и, выполняя велѣніе темной власти, бросается внизъ. „Вотъ еще новая глупость!“ — озадаченно прошепталъ онъ. Съ полминуты глядѣлъ въ темныя, потныя стекла. Вспомнилась рабская безпомощность скованнаго сномъ тѣла. Крѣпко, заботливо заперъ балконную дверь и, подумавъ, приставилъ тяжелое кресло. „Если случится эта нелѣпость,—внушалъ онъ себѣ, сосредоточенно и усиленно сдвинувъ брови,—то вотъ даю приказъ: пусть вернется сознанье, когда буду отодвигать кресло и ломиться въ балконную дверь“.

Спустивъ бѣлыя шторы на окно и дверь, повернулся. Анна поправляла волосы передъ зеркаломъ и, нагнувшись, близко глядѣла себѣ въ лицо. Были у нея опять отсутствующіе, внутренно сосредоточенные глаза. Какъ будто не видѣла ни себя, ни зеркала, машинально трогала локоны темнорусыхъ волосъ и что-то рѣшала, мысленно разсматривала, колебалась.

Всеволодъ Андреевичъ охватилъ взглядомъ склонившуюся фигуру, мягкую, покатую линію спины и плечъ, тяжелый, оттягивающій маленькую голову клубокъ темныхъ волосъ, овалъ подавшейся впередъ невысокой, нѣжной и робкой груди съ прильнувшимъ тонкимъ бѣлымъ полотномъ блузки, и горячая, благодарная радость облила его нѣжащей волной вмѣстѣ со смутнымъ, гордымъ чувствомъ чѣмъ-то оправдать, чѣмъ-то заслужить эту радость.

V.

Бѣлесоватый свѣтъ мерцалъ сквозь шторы. Всеволодъ Андреевичъ тихо спустился съ кровати, на цыпочкахъ прошелся по комнатѣ, въ полутемнотѣ нашарилъ платье и быстро одѣлся. Щемило, падало сердце. Глухо грызла тоска, какъ мутный укоръ. Вялая слабость вязала движенья. Надъ чѣмъ-то хотѣлось заплакать. Побѣжать бы теперь по гладкой степи, подъ упругимъ утреннимъ вѣтромъ, стряхнуть бы, развѣять тошнотную вялость.

Анна поднялась на кровати, кутаясь въ бѣлое одѣяло.

— Почему такъ рано?— сказала она соннымъ, хмурымъ голосомъ.

Всеволодъ Андреевичъ видѣлъ издали неясную фигуру, сгорбившуюся надъ постелью, и сердце падало въ тревожной тоскѣ.

— Вставай, Нюра. Свѣтаетъ!—нерѣшительно говорилъ онъ, съ нервной зябкостью потирая холодныя ладони и ледяные пальцы.

— Не хочу я. Не нужно мнѣ!—мрачно отвѣчала Анна.— Ступайте одинъ.

— Ну, какъ же, милая Нюра? Со всего свѣта пріѣзжаютъ смотрѣть восходъ солнца! — Съ просительной тоской глядѣлъ Всеволодъ Андреевичъ на смутную, неподвижную фигуру.

— А мнѣ не нужно! — упрямо говорила Анна. — Холодно. Я непричесана. Нужно одѣваться.

Видимо, она бросала случайныя, мелкія слова, а за ними крылось темное, глухое недовольство. И Всеволодъ Андреевичъ вкладывалъ мольбу въ мягкія интонаціи, отвѣчая Аннѣ мелкими, случайными словами:

— Ну, зачѣмъ же причесываться?.. Темно, рано. Всѣ придутъ кое-какъ. Да мало и будетъ. Вчера разъѣхались. Одѣвайся, Нюра. Я не буду электричество зажигать. Надо же восходъ... Я вотъ тутъ...

Анна молча сидѣла. Всеволодъ Андреевичъ отодвинулъ кресло, поднялъ штору, отперъ дверь и вышелъ на балконъ. Острый, сырой холодъ обдалъ лицо. Въ мглистомъ бѣгѣ тумановъ мелькнула внизу площадка земли. Больше онъ не видѣлъ. Ослабѣвшими руками, съ обмершимъ сердцемъ ухватился за створку двери, закрылъ глаза и, волоча отяжелѣвшее тѣло, вобрался въ комнату. Властнымъ, короткимъ приказомъ колыхнуло броситься внизъ. Онъ чувствовалъ себя обреченнымъ. Кто-то былъ сильнѣе

его. Анна безшумно, медленно одѣвалась въ полумракѣ около кровати.

Заспанный лакей въ синемъ фартукѣ съ недоумѣніемъ открылъ дверь отеля.

— Цѣлый часъ еще до восхода, — бормоталъ онъ вслѣдъ.

Было темно. Небо освѣтлилось предутренней синевой. На востокѣ горизонтъ розовѣлъ узкой, длинной полоской зари. Охватилъ студеный, пронзительный вѣтеръ. Всеволодъ Андреевичъ съ тревогой смотрѣлъ на Анну. Она повязала голову бѣлымъ шелковымъ платкомъ и, скорчившись, съ унылой, мрачной покорностью шла по холму.

— Надѣнь плащъ!—упрашивалъ Всеволодъ Андреевичъ.

— Не нужно!—съ умышленнымъ, казалось ему, упрямствомъ говорила она и упорно глядѣла въ землю. Вѣтеръ обвивалъ юбку вокругъ ногъ и вылѣпливалъ тонкую, хрупкую, сжавшуюся фигуру. Смутныя, стыдныя опасенія грызли Всеволода Андреевича.

Голые, мокрые столы одиноко темнѣлись. Подъ крышей вышки сидѣлъ въ темнотѣ человѣкъ. Онъ молча притронулся къ шляпѣ и зябко спряталъ подбородокъ въ поднятомъ воротникѣ. Анна сѣла на скамейку подъ крышей, сжалась, погрузилась въ сумрачную думу. Всеволодъ Андреевичъ съ отчаяніемъ глядѣлъ передъ собой.

Глубь долинъ заливалъ темный, свинцовый туманъ. Верхніе пласты тумана стремительно неслись къ востоку. Рядами вздымались сѣрые гребни, молчаливо мчались мимо холма, вылетали изъ далекой, мутной тьмы новые ряды дымныхъ космъ, перебрасывались черезъ вершины горъ, и еще, и еще, все на востокъ, гдѣ алѣла узкая гряда облаковъ.

Вышелъ изъ тьмы пѣшеходъ съ мѣшкомъ за плечами и высокой, раздвоенной вверху палкой.

— Гутъ моръ!..—отрывисто сказалъ онъ, притрагиваясь къ шляпѣ.

— Гутъ моргенъ!—поспѣшно отвѣтилъ Всеволодъ Андреевичъ.

Грустной загадкой было настроеніе Анны. Что случилось? Что случилось?

Неслышно подошелъ пѣшеходъ, закутанный въ плащъ съ капюшономъ на головѣ. Буркнулъ: „Гутъ моръ!..“ и молча пролѣзъ на дальнюю скамейку. Выплыли изъ темноты два туриста съ мѣшками за плечами, съ высокими палками. „Гутъ моръ!..“ сказали разомъ, притрагиваясь къ шляпамъ и тяжело дыша. Ви-

димо, быстро и долго шли снизу. „Гутъ моръ!..“ — прогудѣли сидѣвшіе подъ крышей.

Мчались къ востоку сѣрые гребни тумановъ. Казалось, что въ яростномъ бѣгѣ стройно, молчаливо несется воздушная конница. Лошади, всадники кроются въ свинцовой тьмѣ низинъ, сверху развѣваются сизыя гривы скачущихъ коней, разметались волосы дикихъ всадниковъ, смутно колышутся пики, алебарды...

Небо бѣлѣло. Темное облачко надъ головами тускло подернулось мѣдной краснотой. Узкая гряда недвижныхъ облаковъ на востокѣ играла алыми, розовыми тонами.

Подходили. Дамы въ шляпкахъ, мужчины въ пледахъ, плащахъ. Всеволодъ Андреевичъ замѣтилъ англичанина. Съ темнымъ клѣтчатымъ пледомъ на плечахъ, надвинувъ на носъ сѣрую каскетку, онъ съ важнымъ, скучающимъ видомъ, молча, глядѣлъ на несущіеся туманы. Дама въ пышной желтой шляпѣ зябко прятала руки подъ накидку. Высокій, тощій юноша съ большимъ биноклемъ на лентѣ черезъ плечо влѣзъ на вышку и быстро спустился, крякая, потирая уши. Подошла группа. Въ рукахъ и подъ-мышкой поблескивали мѣдныя трубы. Инструменты вскорѣ лежали на сыромъ деревянномъ столѣ, а молодые люди, попрыгивая съ ноги на ногу, шумно возились, согрѣваясь. Вѣтеръ кололъ лицо, холодной петлей охлестывалъ ноги. Жались за вышку.

Всеволодъ Андреевичъ продрогъ и съ несчастнымъ видомъ глядѣлъ на Анну. Она сидѣла въ глубинѣ среди тѣсной толпы. При блѣдномъ свѣтѣ утра Всеволодъ Андреевичъ видѣлъ спутанные волосы Анны, небрежно повязанные бѣлымъ смятымъ платкомъ, потупившееся лицо, и жалость, нѣжность, смутное чувство какой-то вины сжимали сердце.

Толпа смотрѣла на западъ. Сѣрыя громады неслись оттуда. Вдали, у горизонта пелена тумановъ разорвалась, и въ блекломъ, призрачномъ свѣтѣ выступили хребты съ бѣлыми снѣжными вершинами, испещренными сверху книзу темными полосками земли. Казались вершины маленькими, игрушечными.

— Пойдемъ, Нюра, посмотри! Горы видно!—торопливо говорилъ Всеволодъ Андреевичъ, протиснувшись къ Аннѣ. Она неохотно встала и, не поднимая глазъ на него, вышла. Вѣтеръ облѣпилъ юбку, синее тонкое пальто и яростно трепалъ концы бѣлаго платка. Анна мелькомъ взглянула на горы и, сжавшись, пошла подъ вышку.

Небо свѣтлѣло. Сѣрые клубы тумана вздымались. Жидкія, дымныя волны перекатывались черезъ холмъ, обдавая студеной

сыростью. Востокъ закрылся свинцовой горой тумана. Безъ конца неслись сизыя тучи. Темная, живая, жидкая масса кружилась и металась на востокѣ, какъ будто шла тамъ яростная битва.

Музыканты взяли трубы. Густая толпа стояла, молча устремивъ глаза на востокъ. Грянулъ гимнъ. Высились раздвоенныя, горныя палки, какъ посохи пилигримовъ. Висѣли сумки за плечами. И встрѣча солнца уже казалась поклоненіемъ божеству, и гимнъ звучалъ торжественно, и толпа застыла какъ бы въ молитвенномъ настроеніи. Клубятся, бѣснуются сѣрые туманы, закрывая солнце. Но это ничего. Вѣра въ божество горячѣе, чище, когда божество невидимо. Его нѣтъ—оно будетъ. Солнце побѣдитъ.

Музыка смолкла. Толпа расходилась. Всеволодъ Андреевичъ провожалъ къ отелю хмурую, сжавшуюся, зазябшую, молчаливую Анну. Публика бѣжала назадъ. Донеслись восклицанья: „Солнце!.. Солнце!..“

— Вернемся, Нюра! — нерѣшительно сказалъ Всеволодъ Андреевичъ.

— Ступайте. Я не пойду.

— Ну, зачѣмъ же я одинъ...

— Нѣтъ, идите, идите!—настойчиво говорила Анна.—А я не могу. Надо же увидѣть... Идите.

Она пошла къ отелю. Всеволодъ Андреевичъ съ убитымъ видомъ поплелся кверху.

Сѣрые гребни тумана опали. На свѣтломъ, сіяющемъ небѣ отчетливо темнѣлась линія далекаго хребта. И только что вошелъ Всеволодъ Андреевичъ на вершину холма, брызнуло солнце. Выкатывался бѣло-огненный шаръ, какъ веселый побѣдитель, какъ жданная радость міра. И сѣрые, темные туманы исчезли. Колыхался, игралъ прозрачный паръ. Багряные, розовые тоны лились по бѣлымъ грядамъ облаковъ. Солнце, смѣясь и играя, катилось вверхъ.

Туманы низинъ сдѣлали попытку. Нацѣлившись, бросили на солнце легкую, дымную вуаль. Солнце покраснѣло. Еще вуаль, и тусклый красный шаръ глядѣлъ сквозь сѣрую преграду. Туманы взметнулись, густо прикрыли свѣтило. Стало сумрачно. Не надолго. Солнце, смѣясь, сбросило дымную повязку и побѣдно шло ввысь. Оркестръ игралъ гимнъ.

VI.

Поѣздъ осторожно спускался. Впереди пыхтѣлъ паровозъ. Обдавали ѣдкія струи дыма. Сырой туманъ обволакивалъ поѣздъ. Публика смирно сидѣла, прикрывшись пледами. Всеволодъ Андреевичъ печально глядѣлъ на Анну. Такъ же, какъ вчера, стройно и прямо сидѣла она противъ него; такъ же откидывалась назадъ мягкая бѣлая войлочная шляпа, проткнутая наискось длинной булавкой; тѣ же мягкіе, нѣжные овалы лица, наивный надломъ бровей; тѣ же темно-сѣрые задумчивые глаза. А что-то исчезло. Что-то померкло, словно съѣденное горнымъ туманомъ. Она упорно не глядѣла на него. Иногда сдвигала брови, напрягаясь въ мысляхъ. Снова въ глазахъ свѣтилось сомнѣнье, снова какъ будто рѣшала она сложный внутренній вопросъ. „Что же случилось?— уныло думалъ онъ:—или моя вчерашняя болтовня? Можетъ быть, опять заподозрила искренность? Опять увидѣла позёрство?"

Сердце билось слабо, замедленно. Въ тѣлѣ покорная усталость, и все то же, явившееся съ утра, чувство безсильной обреченности. Онъ зналъ и вяло, подчиненно ждалъ, что съ нимъ случится неотвратимое.

— Не надѣнешь ли мой плащъ? Очень сыро...—безнадежно спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Не нужно!—отрывисто и быстро сказала Анна, сдвинувъ брови, какъ будто онъ прервалъ нить важныхъ думъ.

Всеволоду Андреевичу померещилось, что лѣвый уголокъ ея рта брезгливо поморщился. Тихое отчаяніе сжало сердце.

Вышли изъ тумана. Опахнуло тепломъ. Бѣлыя, пухлыя облака висѣли надъ вагонами. Развернулась далекая глубь. Овальнымъ голубымъ стекломъ мерцало озеро, подернутое прозрачно-мглистыми струями воздуха. Круто шли отъ зеркальнаго дна темныя стѣны лѣсистыхъ горъ. И вверху окаймляли ихъ бѣлыя кружева облаковъ.

Поѣздъ вошелъ въ туннель, выползъ изъ него, и внезапно вагоны повисли въ воздухѣ. Зыбкой, струистой голубой глубью разверзлось ущелье. Блеснула далеко внизу бѣлая лента водопада. Горячій туманъ обварилъ Всеволода Андреевича. Разслабляющая дрожь прошла по тѣлу. Сердце захолонуло въ смертельной истомѣ. Съ округлившимися, неподвижными глазами, безсознательно всталъ онъ, словно повинуясь чужому приказу, пере-

кинулъ ногу за барьеръ и, поднявъ вверхъ руки, качнулся надъ пропастью.

Какъ въ душномъ снѣ, глухо разслышалъ чей-то вопль, какія-то руки вцѣпились въ платье и тащили назадъ. Бокомъ упалъ онъ въ вагонъ и сквозь горячій туманъ, застилавшій зрѣніе, близко надъ собой увидѣлъ знакомые и невѣдомые глаза, съ черными, расширенными отъ ужаса зрачками.

— Сядь на свое мѣсто. Сиди смирно. И не смѣй!—разслышалъ онъ твердый, быстрый, повелительный голосъ Анны.

Онъ послушно, торопясь, сѣлъ. Розовый туманъ медленно отходилъ отъ глазъ. Сердце стучало неровными перебоями. И неожиданно передъ собой онъ увидѣлъ сіяющіе, улыбающіеся глаза Анны. Все лицо ея искрилось смѣхомъ, ямки выступили на розовыхъ щекахъ.

— Охъ, какъ ты напугалъ меня! — говорила она, прикладывая руку ко вздымавшейся груди и лаская его сіяющими глазами.

Съ изумленіемъ глядѣлъ на нее Всеволодъ Андреевичъ. Онъ ничего не понималъ. А горячая радость уже заливала его, зажигала отвѣтный радостный смѣхъ на лицѣ. Схватили другъ друга за руки, крѣпко сжимали ихъ и дружно, весело смѣялись. Сосѣди смотрѣли съ недоумѣніемъ и веселымъ сочувствіемъ.

Поѣздъ доползъ до нижней станціи. Вышли на бульварчикъ. Тихій, теплый воздухъ обвѣвалъ лица. Умиротворенная тишина стояла вокругъ. Нѣжилась, слабо струилась зелено-голубая гладь воды подъ высокимъ, жаркимъ солнцемъ. Всеволодъ Андреевичъ крѣпко держалъ подъ руку Анну и безъ умолку говорилъ, хохоталъ, радостно оглядывался. Мимоходомъ замѣтилъ, что въ Аннѣ вмѣстѣ съ неожиданной нѣжностью явилась твердость, увѣренность въ тонѣ. Она держалась какъ старшій товарищъ. И онъ охотно подчинился новому тону. Сладостно было чувствовать, что маленькая твердая рука возьметъ его душу, куда-то поведетъ. „Милый Нюрочекъ! Солнышко мое! наконецъ-то!..“

— Нѣтъ, посмотри, Нюра!—радостно лепеталъ онъ:—какая тишина, какая теплая привѣтливость! Какое милое солнце! Какъ мирно и ясно! Вотъ она, родненькая равнинная жизнь! И почву подъ ногами твердо, увѣренно чувствуешь.— Онъ крѣпко постучалъ ногой по землѣ.—Вонъ они, чужія горы, враждебные туманы!—поднялъ онъ голову и показалъ на облака, вѣнцами окружавшія вершины горъ — пускай одни тамъ остаются!..

— Да, мы оба тамъ немножко съ ума сошли!—съ умиротворенной улыбкой сказала Анна. Свѣтлая тишина овѣвала ея лицо.

Увѣренно прижимала она руку Всеволода Андреевича. А онъ съ побѣдоносной улыбкой благосклонно оглядывался вокругъ, и ему казалось, что теперь вся жизнь его пойдетъ по мирной долинѣ, и много будетъ такихъ, какъ сейчасъ, солнечныхъ, ясныхъ, успокоенныхъ дней.

И. Жилкинъ.

СЕМЬ БАШЕНЪ

Крикливо-пестрое Скутари
Уже виднѣется едва,
Тревожно въ заревомъ пожарѣ
Пылаютъ Принца острова.
    Весь бѣлый, стройный какъ березка,
    Маякъ прошли мы межевой,
    Горитъ багровая полоска
    На вышкѣ башни неживой.
Семь Башенъ было въ цитадели,
Но смерти все обречено:
Поработители истлѣли,
Порабощенныхъ нѣтъ давно.
    Но живо Мраморное море
    И шепчетъ вѣщая волна
    О томъ, какъ мрачныя въ Босфорѣ
    Судьба чертила письмена.
И кровью шопотъ ихъ дымится...
Сверкаетъ сталь, курится ядъ,
Семь Башенъ—злобная темница—
Рыданья узниковъ таятъ.
    Темнѣетъ ласковое море
    И мирно шепчетъ за бортомъ
    О томъ, что̀ видѣли въ Босфорѣ,
    На берегу его крутомъ.
Уже истлѣли мечъ и плахи,
И семь обломковъ Башенъ ждутъ,
Когда въ безсиліи и въ страхѣ
На землю пылью упадутъ.

Л. М. Василевскій.

Мрам. море.

ТАСКЫЛЪ*)

(Тунгусское преданіе.)

Давнымъ давно, сотни лѣтъ тому назадъ, въ незапамятную старину, гдѣ-то далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ теперь живутъ якуты, среди дремучей тайги, у большого, большого озера, обиталъ якутскій шаманъ съ тремя сыновьями и ихъ семьями.

Шаманъ былъ старъ. Голова его вѣнчалась копной бѣлыхъ, какъ лунь, волосъ, словно одѣтая снѣгомъ вершина таежнаго гольца въ зимнюю пору. Глаза его давно уже не видѣли ни яркаго солнца, ни ласкающей зелени долинъ и горъ, ни сверкающей пелены снѣговъ, — давно, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ когда-то, еще въ молодыхъ лѣтахъ, позабылъ онъ принести жертву духамъ, живущимъ вверху, за что они и послали на него эту страшную бѣду. Слѣпъ былъ шаманъ, слѣпъ и дряхлъ. Но сыновья его были молоды, предпріимчивы, сильны и смѣлы. Родная тайга, съ ея юркими звѣрями и пернатой дичью, вскормила ихъ и выковала изъ нихъ стойкихъ и выносливыхъ охотниковъ. Она сдѣлала ихъ мышцы твердыми какъ каменъ и упругими какъ сталь; она закалила ихъ духъ, изощрила ихъ глазъ, развила быструю сообразительность, хитрость — всѣ качества, необходимыя для хорошаго таежнаго охотника. Ни одинъ звѣрь не ускользалъ отъ ихъ быстраго преслѣдованія. Словно вѣтеръ на вершинахъ гольцовъ, носились они по лѣсамъ и равнинамъ, то за огромнымъ лосемъ съ вѣтвистыми рогами, то за горнымъ

*) По-якутски — голецъ, голая гора. Остовъ этого преданія записанъ у тунгусовъ въ Туруханскомъ краѣ.

бараномъ или дикой козой, пока не пускали въ нихъ вѣрно бьющую стрѣлу.

Но хотя и хорошіе охотники были сыновья шамана, а все-же не богато жилось старику съ сыновьями... Ихъ мѣста давно уже оскудѣли звѣремъ и дичью, и нерѣдко молодые добычники возвращались домой послѣ долгихъ скитаній по тайгѣ съ пустыми руками. И съ каждымъ годомъ звѣрь исчезалъ, словно убѣгалъ куда-то; все чаще и чаще охотники съ понурыми головами приходили домой и на обычный вопросъ слѣпого отца: „ну, есть что?"—отвѣчали печально:

— Нѣтъ, ничего не упромыслили.

И задумывался тогда старый шаманъ, и поникала въ раздумьѣ его бѣлая голова...

Сколько ужъ разъ онъ уговаривалъ сыновей уйти съ этихъ несчастливыхъ мѣстъ, гдѣ все извелось и нечѣмъ питаться. Сколько ужъ разъ говорилъ онъ имъ о сказочныхъ богатствахъ звѣря, рыбы и дичи — стоитъ лишь перевалить вонъ тотъ, высящійся въ туманѣ, угрюмый, черный таскылъ, который онъ знаетъ еще съ молодыхъ лѣтъ, съ тѣхъ счастливыхъ временъ, когда духи не застлали еще тьмою его глаза. Благосклонные къ нему, своему любимцу, въ минуты таинственнаго общенія они раскрывали предъ нимъ заманчивыя картины приволья и счастья тамъ, за чернымъ гольцомъ, манили его туда и звали неотступно. И съ тѣхъ поръ онъ знаетъ, что тамъ, за этой мрачной громадой, холодной и неприступной, лежитъ загадочно-прекрасная страна счастья. И тайной этой былъ окутанъ голецъ какъ туманными облаками, что окружали его всегда, даже въ ясную пору. Злымъ выглядѣлъ высокій голецъ — злымъ и непривѣтнымъ; у подножья его еще кое-гдѣ росъ тощій, тощій, словно натыканный чьей-то рукой, рѣденькій лѣсокъ, а тамъ, на его вершинахъ, было мертво и голо — ни травки, ни былинки; только камень да глина устилали его обнаженную голову, да мѣстами, въ распадкахъ-балкахъ встрѣчались тощіе клочки ягоднику и моху. Не водилось на немъ ни звѣря, ни птицы; лишь сѣдые туманы да вѣтеръ гуляли на его вершинахъ. Не было ни озеръ, ни ручьевъ, ни ключей наверху: одна мертвая, безотрадная пустыня.

И страшно дѣлалось сыновьямъ шамана даже при мысли подойти къ гольцу, не только перебраться черезъ заколдованную преграду.

Не рѣшались они, и жалко было имъ разстаться съ родными мѣстами тайги, гдѣ они взросли и знали каждый уголокъ, каждое

деревцо, ручеекъ и тихое синее озеро, отражавшее синее небо. И каждый разъ они молча потуплялись, слушая разсказы о томъ сказочномъ царствѣ, которое раскинулось тамъ, на вольныхъ равнинахъ, сокрытыхъ отъ нихъ мрачной громадой таскыла.

Но вотъ однажды, когда, послѣ долгихъ скитаній въ лѣсахъ, охотники вернулись домой безъ всякой добычи — разгнѣвался старый шаманъ. Словно весенніе, таежные потоки, бурлящіе и гнѣвные, полились его рѣчи. Попрекалъ онъ сыновей тѣмъ, что не слушали они его совѣта.

Пріуныли охотники; они видѣли теперь, что правъ былъ ихъ отецъ и что, оставшись здѣсь, они обречены на голодную смерть. И крѣпко запали на этотъ разъ въ ихъ душу слова старика. Но все еще страшилъ ихъ мрачный голецъ.

— Хорошо! — проговорилъ наконецъ старшій сынъ, обращаясь къ отцу:—вотъ ты говоришь—перейдемъ черезъ гору и спустимся въ свободныя, вольныя мѣста. Ну, а какъ же мы попадемъ туда? Вѣдь идти гольцомъ нужно семь дней — развѣ можемъ пробыть столько времени безъ воды?

— Не бойтесь; воды тамъ, правда, нѣтъ, но безъ воды не будемъ, увидите!—сказалъ на это слѣпой шаманъ.

Долго, долго продолжался семейный совѣтъ. Наконецъ рѣшились. Стали готовиться въ путь. Недолги были сборы. Жили они, нищая изъ года въ годъ, и богатствъ никакихъ не имѣли. И вотъ—съ первыми же теплыми днями тронулись въ трудную дорогу... Весна была дивная. Тайга, голая и мертвая зимою, торопливо одѣвалась въ лѣтніе наряды и глухо, глухо шумѣла, какъ бы прощаясь со своими дѣтьми. Небо было синее, синее, съ горъ весело бѣжали бурливые потоки, струились ручейки, пестрѣли травы и цвѣты; по всей землѣ носились ароматы весны. Все было такъ ярко и зелено, какъ будто рождалось впервые на божій свѣтъ. Пташки чиликали въ лѣсахъ и ихъ голоса сливались въ общій гимнъ таежной веснѣ и солнцу. Одинъ голецъ мрачно высился въ туманѣ, непривѣтный и злой, непричастный къ этому общему ликованію весенней тайги. Жутко глядѣлъ онъ съ высоты на сыновей шамана—и казалось имъ, что стоитъ имъ только взойти на его вершину, какъ онъ обойметъ и пронижетъ ихъ своимъ холоднымъ туманомъ, захватитъ въ свою пустыню и поглотитъ дерзкихъ пришельцевъ.

Тихо двигались путники. Темная громада таскыла становилась все ближе и больше, и вотъ наконецъ, когда день сталъ клониться къ вечеру, онъ выросъ предъ ними весь, неприступный и холодный, закутаный вверху, какъ облакомъ, бѣлымъ по-

крываломъ тумана. Но упорно и бодро двигался къ нему караванъ, съ женщинами и дѣтьми, и впереди всѣхъ вели за палку стараго шамана его дѣти и внуки. Тихо, тихо, безмолвные, шагали всѣ. И вотъ дошли наконецъ до самой подошвы таскыла. Было уже поздно—расположились таборомъ, развели костеръ. Старикъ велѣлъ сыновьямъ достать изъ сумъ взятую ими съ собой огромную холстину, саженъ въ двадцать длиной, и разстелить ее по травѣ. Дивились сыновья этой затѣѣ отца—зачѣмъ это понадобилось старику,—но тѣмъ не менѣе не посмѣли его ослушаться. На всѣ ихъ распросы онъ упорно молчалъ. Утромъ, когда изъ-за таежныхъ горъ показался первый яркій лучъ солнца, игравшій и переливавшійся въ блесткахъ утренней росы, караванъ тронулся въ путь. Стали медленно взбираться на голецъ, выбравъ сбоку небольшой распадокъ, густо поросшій травой и мелкимъ тальникомъ. Старикъ приказалъ сыновьямъ не свертывать холста, а волочить его по землѣ за собою. Ноша была тяжкая, но сыновья безмолвно повиновались отцу, недовольные его причудами. Скоро холстъ такъ намокъ отъ обильной росы, что тащить его дальше уже не было силы, да и дорога къ тому же становилась все круче.

— Возьмите теперь холстину и выжмите воду въ посуду— сказалъ отецъ, улыбаясь, довольный своей выдумкой.—А, поди, вы думали, что за блажь пришла старому? Вотъ вамъ и вода!

Тутъ только поняли сыновья шамана и изумились находчивости отца. Сейчасъ же выжали они холстъ и скоро наполнили большую посуду чистой водой. Утоливъ уже начавшуюся жажду, караванъ, съ обильными запасами воды на цѣлый день, бодро двинулся дальше. Повеселѣли всѣ; на душѣ у путниковъ стало не такъ грустно и не такъ страшилъ уже ихъ теперь мрачный таскылъ.

Далеко, далеко, въ туманной дымкѣ виднѣлись оставленныя ими родныя мѣста, и лишь при взглядѣ внизъ, на равнину, въ души путниковъ закрадывалась грусть и тоска по родинѣ.

Перевалъ былъ долгій. Семь дней шелъ караванъ, собирая утрами воду холстиной въ низинахъ и балкахъ, поросшихъ мхомъ и травой. Наконецъ забрались они на самую голую плѣшину таскыла. Было тутъ очень холодно, неприютно и дико.

Кругомъ валялись какія-то каряги, остовы обломанныхъ деревьевъ, навороченныхъ одни на другіе, могучею силою вѣтровъ; между ними торчали изъ-подъ земли огромныя глыбы камней, облѣпленныхъ ржавыми лишаями.

— Здѣсь—сказалъ шаманъ своимъ—преданіе наше гово-

ритъ, что когда-то давно, въ старину былъ поединокъ двухъ могучихъ шамановъ. Это они сражались здѣсь цѣлыми лѣсинами, вырывая ихъ съ корнями изъ земли. Вотъ видите, какую кучу наворотили!

Шли еще день по голой плѣшинѣ гольца. На восьмой день, едва первые лучи солнца достигли вершины и разсѣялся понемногу туманъ—глазамъ путниковъ открылась дивная, невиданная картина... Внизу, по ту сторону таскыла, лежала предъ ними богатѣйшая, цвѣтущая равнина. Могучая, многоводная рѣка уходила въ синюю даль въ широкомъ разливѣ, изгибалась и блестѣла между безпредѣльнымъ моремъ вѣкового лѣса и роскошными, ярко зелеными лугами. Съ двухъ сторонъ подступали къ ея долинѣ высокія, живописныя горы. Синѣли огромныя, безбрежныя озера и было видно даже отсюда, какъ носились по нимъ густыя тучи утокъ, гусей и лебедей. Птица рѣяла огромными стаями и по рѣкѣ, суетливо сновала и носилась туда и сюда, празднуя дивный праздникъ таежной весны.

Долго стояли путники предъ этой картиной и возблагодарили они небо и слѣпого отца, приведшаго ихъ въ эти благодатныя мѣста. Самъ же старикъ, который не могъ видѣть всего этого, слушая чудные разсказы дѣтей, сталъ жаловаться на свою судьбу.

— Хоть бы духи на одно мгновенье раскрыли мои ослѣпшіе глаза, чтобъ взглянуть мнѣ одинъ только разокъ на наше счастье!—сказалъ старый шаманъ и горько, горько заплакалъ.

И быстро спустились путники внизъ съ гольца въ долину. И остались они жить у могучей, обильной рѣки. Звѣря и дичи въ лѣсахъ было видимо-невидимо, столько же, сколько и прекрасной, неизсякаемой рыбы въ рѣкѣ и озерахъ. И зажили тогда счастливо и богато на долгіе годы старикъ съ его многочисленной семьей на новыхъ привольныхъ мѣстахъ.

Прошло много, много лѣтъ. Сотни разъ смѣнялись лѣто и осень, зима и весна въ роскошной долинѣ; могучая рѣка покрывалась толстой ледяной корой и опять просыпалась, съ страшнымъ трескомъ ломая ледъ. Замирала и возрождалась земля, покорная велѣнію своихъ вѣчныхъ законовъ. Много утекло воды: давнымъ давно уже умеръ старый шаманъ, давно умерла и вся семья его. И никто не скажетъ теперь, гдѣ жили и умерли они и гдѣ ихъ могилы: только въ старинныхъ сказаніяхъ изъ рода въ родъ передавалась память о первыхъ переселенцахъ, отважившихся когда-то перевалить заколдованный таскылъ.

Отъ семьи шамана—говорятъ намъ эти сказанія—пошли

цѣлыя большія племена и, размножившись, двигались они дальше и дальше на сѣверъ, въ поискахъ все новыхъ и новыхъ привольныхъ мѣстъ. И до сихъ поръ живутъ еще эти племена, разбросавшись по всему безлюдному сѣверу Сибири, носясь по тайгѣ и голой тундрѣ вплоть до береговъ Ледовитаго океана...

В. Васильевъ.

ФИНАНСЫ
ПЕРЕХОДНАГО ВРЕМЕНИ

Политическія событія смѣняются у насъ съ страшной быстротой. Еще пять лѣтъ тому назадъ правительство было увѣрено въ прочности устоевъ нашего государственнаго быта, а вслѣдъ затѣмъ власть должна была признать, въ принципѣ, тѣ начала государственнаго строенія, борьба съ которыми составляла главный мотивъ ея внутренней политики въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ. Прошло еще два года—и обстоятельства опять рѣзко измѣнились. По странѣ пронесся вихрь насилій и беззаконій, водворившій бюрократическую анархію.

Никто, конечно, не считаетъ сложившіяся отношенія окончательными. Наше время — переходное отъ стараго къ новому. Когда утвердится это новое, и что оно будетъ собою представлять—сказать трудно. Грядущая неопредѣленность политическаго состоянія страны обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что наша жизнь не выростила такихъ соціальныхъ слоевъ, которые видѣли бы въ политической свободѣ необходимое условіе своего благополучія и обладали бы достаточной матеріальной и духовной силой для ея осуществленія.

Неопредѣленность политической тенденціи русскаго общества зависитъ въ значительной степени отъ бѣдности и экономическаго недоразвитія страны. При наличности этихъ условій естественны невѣжество народныхъ массъ, зависимость крупныхъ экономическихъ интересовъ отъ правительственной власти и преобладаніе въ политической жизни слоевъ общества, утрачивающихъ жизненность, но сильныхъ традиціонной связью съ властью.

Россійская революція разразилась черезъ нѣсколько лѣтъ

послѣ того, какъ энергичными мѣрами правительства наше промышленное развитіе поднялось на возможную для него высоту и представляющая его среда пожинала золотые лавры сугубо-покровительственной системы. Промышленные наши успѣхи отразились и на освободительномъ движеніи, видпымъ участіемъ пролетаріата; но мы имѣемъ очень мало фактовъ активнаго содѣйствія движенію со стороны другого полюса капиталистическаго строя, осуществлявшаго политическую свободу на Западѣ и доселѣ руководящаго политической жизнью цивилизованныхъ странъ. Вдохновителемъ послѣдующей правительственной политики явилась опять-таки не буржуазія, а крупно-земельное дворянство; руку крупныхъ промышленниковъ мы видимъ преимущественно въ ударахъ, которыми она отплачиваетъ рабочимъ за прошлыя ихъ побѣды, и въ воззваніяхъ къ правительству о новыхъ мѣрахъ поощренія индустріи.

При такомъ политическомъ настроеніи главнѣйшихъ соціальныхъ слоевъ и при невѣжествѣ народныхъ массъ, освободительное движеніе не могло имѣть могущественныхъ представителей. Жизненные его успѣхи въ ближайшемъ будущемъ окажутся зависящими преимущественно отъ того фактора, который больше всего содѣйствовалъ ему въ недавнемъ прошломъ—отъ естественнаго развала стараго строя подъ напоромъ настоятельныхъ потребностей жизни. Переходный періодъ грозитъ поэтому затянуться надолго.

Указанныя выше событія послѣднихъ лѣтъ не остались безъ вліянія на содержаніе государственнаго бюджета въ доходной и расходной его частяхъ. Русско-японская война повела къ сокращенію нѣкоторыхъ расходовъ, къ „временному" возвышенію нѣкоторыхъ налоговъ и къ обремененію бюджета новыми, крупными военными займами. Волненія полуголоднаго крестьянства вызвали съ одной стороны отмѣну выкупныхъ платежей, съ другой — рядъ мѣръ землеустроительнаго и полицейско-успокоивающаго характера, потребовавшихъ значительнаго возвышенія государственныхъ расходовъ. Разныя другія событія, вызванныя освободительнымъ движеніемъ и послѣдующей его ликвидаціей, отражались такъ или иначе на поступленіи государственныхъ доходовъ. Наконецъ, уже два бюджета установлены по соглашенію съ народными представителями, которые, однако,—даже руководствуясь при этомъ истинными нуждами государства и средствами его подданныхъ,—не могли внести въ дѣло существенно новаго, потому что на ихъ разсмотрѣніе поступали хорошо забронированныя смѣты.

Интересно и поучительно разсмотрѣть, какъ отражаются на нашемъ бюджетѣ различные моменты переходнаго періода.

Въ 1904-мъ году началась японская война, а въ 1905 г.— революціонное (въ широкомъ смыслѣ слова) движеніе въ Россіи, продолжавшееся два года. 1907-ой годъ можно считать переходнымъ моментомъ отъ революціи къ реакціи. Мы разсмотримъ поступленіе государственныхъ доходовъ въ періодъ времени съ 1903-го по 1907-ой годъ. Въ эти годы поступили слѣдующія суммы обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ:

1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
2032 мил. р.	2018 мил. р.	2025 мил. р.	2272 мил. р.	2342 мил. р.

Въ 1906 г. государственные доходы возрасли сравнительно съ тремя предшествующими годами на 200 слишкомъ милліоновъ рублей, а въ слѣдующемъ году они поднялись еще на 70 мил. руб. Приведенныя цифры не даютъ, однако, правильнаго понятія о государственныхъ ресурсахъ, какъ средствахъ удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Для опредѣленія этихъ средствъ вышеприведенныя числа надлежитъ уменьшить вычитаніемъ расходовъ по двумъ важнѣйшимъ хозяйственнымъ предпріятіямъ государства: винной монополіи и казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ. Государственные ресурсы опредѣлятся тогда въ слѣдующихъ суммахъ:

1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
1445 мил. р.	1433 мил. р.	1437 мил. р.	1645 мил. р.	1645 мил. р.

На второй годъ освободительнаго движенія государственные ресурсы возрасли на 200 мил. и сохранили этотъ размѣръ въ слѣдующемъ году.

Это возрастаніе суммы государственныхъ ресурсовъ не было результатомъ постепеннаго ихъ приращенія въ теченіе всего трехлѣтія 1904—06 гг.: въ 1904 и 1905 гг., напротивъ того, наблюдалось даже нѣкоторое сокращеніе государственныхъ доходовъ, а въ 1906 г. они сразу увеличились на 208 мил. рублей. 1906-ой годъ былъ вторымъ годомъ революціоннаго періода, когда не только развертывались характерныя его явленія, но и учитывались нѣкоторые его результаты. Говорятъ, что въ матеріальномъ отношеніи революція была только факторомъ разрушительнымъ; но двухсотмилліонное приращеніе государственныхъ доходовъ заставляетъ усомниться въ правильности этого утвержденія и признать, что по крайней мѣрѣ та доля національнаго дохода, которая служитъ главнымъ источникомъ государственныхъ средствъ, въ это время возрасла, а не умень-

шилась. Детальное разсмотрѣніе предмета раскроетъ, насколько основательно это предположеніе. Въ слѣдующей таблицѣ показано поступленіе государственныхъ доходовъ по крупнымъ ихъ категоріямъ, при чемъ чистый доходъ винной монополіи отнесенъ къ косвеннымъ налогамъ, а регаліи, казенныя имущества и отчужденіе государственныхъ имуществъ соединены въ одну группу хозяйственныхъ предпріятій государства, съ исключеніемъ изъ суммы поступленій расходовъ на казенныя желѣзныя дороги.

	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
Прямые налоги	135,2	134,9	126,9	163,2	183,3
Косвенные "	811,9	795,3	848,8	1013,5	995,6
Пошлины	107,3	104,2	100,0	113,3	122,6
Вык. платежи	88,8	81,6	55,4	35,0	0,6
1. Итого налоги	1143,2	1116,0	1131,1	1325,0	1302,1
2. Хозяйств. предпріятія	219,1	224,5	212,1	234,1	244,7
3. Прочіе "	82,5	92,0	94,0	85,5	98,5
Всего поступило	1444,8	1432,5	1437,2	1644,6	1645,3

Разсмотрѣніе этой таблички показываетъ, что поступленіе доходовъ отъ хозяйственныхъ предпріятій и разныхъ другихъ статей, не имѣющихъ налоговаго характера, колебалось въ теченіе разсматриваемыхъ пяти лѣтъ очень мало; что же касается налоговъ (включая выкупные платежи), то, представляя нѣкоторое уменьшеніе въ 1904 и 1905 гг., сумма ихъ поднялась почти на 200 мил. руб. въ 1906 г., чѣмъ и было главнымъ образомъ обусловлено констатированное выше приращеніе въ этомъ году суммы государственныхъ ресурсовъ. Крупное увеличеніе поступленія налоговъ въ 1906 г. и лишь незначительное (на 23 мил. руб.) сокращеніе его въ 1907 г. представляется тѣмъ болѣе интереснымъ, что въ 1906 г. уменьшены на половину, а въ 1907 г. совсѣмъ отмѣнены выкупные платежи, и государственное казначейство утратило вслѣдствіе того ежегодный доходъ около 90 мил. руб.

Здѣсь мы сталкиваемся съ первой особенностью бюджета перваго періода переходнаго времени—уничтоженіемъ выкупныхъ платежей крестьянъ. Литература давно твердила о необходимости отмѣны этого несправедливаго и непосильнаго для народа платежа, но правительство рѣшилось на нее лишь въ разгаръ волненій. Сокращеніе поступленія по этой статьѣ (на 30 мил. руб.) началось еще въ 1905 г. и было результатомъ крестьянскихъ движеній, проявлявшихся, между прочимъ, отказомъ отъ внесенія налоговъ.

Утрата фискомъ 50 мил. руб. выкупныхъ платежей въ 1906 г. и 90 мил. руб. въ 1907 г. не помѣшала, какъ мы видѣли, приращенію государственныхъ ресурсовъ на 200 мил. руб., входящему главнымъ образомъ въ ту самую категорію дохода (налоги), гдѣ только что было произведено сокращеніе обложенія. Вышеприведенная табличка показываетъ, что въ 1906 и 1907 гг. произошло повышеніе поступленій всѣхъ трехъ категорій налоговъ; но тогда какъ поступленіе пошлинъ увеличилось въ 1906 г. сравнительно съ 1903 г. на 6 мил. руб. (въ 1907 г.—на 15 мил. руб.), а прямыхъ налоговъ (не считая выкупные платежи)—на 28 мил. руб. (въ 1907 г. на 48 м. р.), косвенные налоги дали приращеніе въ 200 м. р. (въ 1907 г.—на 184 мил. руб.) сравнительно съ 1903 г.

Увеличеніе поступленія пошлинъ произошло, главнымъ образомъ, по статьѣ гербоваго сбора; въ 1905 г. ставки этого сбора были повышены, но это отразилось на государственномъ доходѣ лишь въ 1906 г. и, главнымъ образомъ, въ 1907 г., а въ 1905 г. поступленіе по этой статьѣ, вслѣдствіе народныхъ волненій, задержавшихъ многія сдѣлки, даже нѣсколько сократилось.

Увеличеніе поступленія прямыхъ налоговъ имѣло мѣсто по всѣмъ тремъ параграфамъ этого отдѣла; поступленіе налоговъ поземельныхъ, съ недвижимыхъ имуществъ и др. возрасло, сравнительно съ 1903 г., въ 1906 г. на 11 м. р., въ 1907 г.—на 14 мил. руб.; промысловый налогъ принесъ въ 1906 г. на 15 мил. руб., въ 1907 г.—на 32 мил. руб. больше, а сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ поднялся на 3 мил. руб. Послѣдній сборъ увеличивается почти изъ года въ годъ (на немъ не отразилось и революціонное время) вслѣдствіе размноженія процентныхъ бумагъ, служащихъ главнымъ предметомъ обложенія; въ 1906 г. установленъ еще налогъ на частные капиталы, ссужаемые торгово-промышленнымъ предпріятіямъ, принесшій въ 1907 г. болѣе 1 мил. руб. Сумма промысловаго налога увеличивается и вслѣдствіе естественнаго развитія торгово-промышленной жизни, и вслѣдствіе возвышенія ставокъ налога. Послѣднее имѣло мѣсто въ 1905 и 1906 гг.; но это отразилось на поступленіи налога лишь въ 1906-мъ и слѣдующихъ годахъ, а въ 1905 г., вслѣдствіе безпорядковъ на фабрикахъ, желѣзнодорожной забастовки и т. п., нѣкоторые промысловые сборы были отсрочены до слѣдующаго года. Промысловый налогъ въ 1903 и 1904 гг. превышалъ 67 мил. руб., въ 1905 г. онъ сократился на 5 мил. руб., въ 1906 г. поднялся выше 82 мил. руб., въ 1907 г.—выше 99 мил. руб.

Окладные сборы (поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, разныя подати) и выкупные платежи поступали въ описываемое время въ слѣдующемъ размѣрѣ (мил. рублей):

	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
Окладн. сборы	49,9	49,5	45,3	60,5	63,5
Выкупн. платежи	88,8	81,6	55,4	35,0	0,6
Итого	138,7	131,1	100,7	95,5	64,1

Выше мы указали на то, что общая сумма государственныхъ доходовъ въ 1904 и 1905 гг. нѣсколько уменьшилась. Только что приведенныя цифры показываютъ сокращеніе въ эти годы, особенно въ 1905 г., поступленія окладныхъ сборовъ, а ниже мы будемъ наблюдать то же самое относительно большей части косвенныхъ налоговъ. Уменьшеніе государственныхъ доходовъ, не смотря на хорошій урожай, въ 1904 г. должно быть приписано войнѣ, отвлекшей на Дальній Востокъ сотни милліоновъ государственныхъ средствъ и сотни тысячъ здоровыхъ мужчинъ— потребителей и кормильцевъ семей. Слабое поступленіе государственныхъ доходовъ въ 1905 г. зависѣло частью отъ плохого сбора хлѣбовъ и продолжающейся войны; но немалую роль сыграли и народныя волненія, нарушившія обычный ходъ хозяйственной жизни и выражавшіяся, между прочимъ, въ умышленной задержкѣ крестьянами слѣдовавшихъ съ нихъ сборовъ. Сказанное усматривается, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что при одномъ и томъ же недоборѣ хлѣбовъ въ 50 губерніяхъ европейской Россіи въ 1901 и 1905 гг., въ 1901 г. недобрано 4% оклада податей, а въ 1905 г.—35%, и значительный недоборъ платежей (на 23 — 26%) въ этомъ послѣднемъ году наблюдался не только въ неурожайныхъ губерніяхъ, но и въ четырехъ районахъ съ урожаемъ выше средняго [1]).

Въ 1906 г. окладные сборы (не считая выкупные платежи) поступили въ суммѣ на 10½ мил. руб. превысившей поступленіе 1903 г.; въ слѣдующемъ году поступленіе увеличилось еще на нѣсколько милліоновъ рублей. Возрастаніе съ 1906 г. поступленія этого налога произошло вслѣдствіе прекращенія льготы по уплатѣ поземельныхъ сборовъ, дарованной коронаціоннымъ манифестомъ, и возвышенія на 33% налога съ недвижимыхъ городскихъ имуществъ.

Разсмотрѣніе отдѣльныхъ категорій прямыхъ налоговъ пока-

[1]) „Вѣстн. Фин. Пром. и Торговли", 1909 г., № 2.

зало, что революціонное движеніе отразилось на нашемъ государственномъ бюджетѣ упраздненіемъ выкупныхъ платежей, въ суммѣ 90 мил. руб., и уменьшеніемъ, вслѣдствіе народныхъ волненій, поступленія въ 1905 г. многихъ налоговъ; при этомъ крестьянскіе платежи задерживались въ большинствѣ случаевъ умышленно, а полной оплатѣ промысловыхъ сборовъ препятствовали забастовки фабричныя и желѣзнодорожныя. Съ 1906 г. эти исключительныя обстоятельства значительно ослабѣли, а вслѣдствіе возвышенія размѣровъ гербовой пошлины, промысловаго налога, сбора съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, а также вслѣдствіе обложенія частныхъ капиталовъ, ссужаемыхъ торгово-промышленнымъ предпріятіямъ, поступленіе прямыхъ налоговъ возрасло на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, и этимъ было покрыто болѣе половины суммы отмѣненныхъ выкупныхъ платежей.

Главнѣйшее приращеніе государственныхъ ресурсовъ имѣло мѣсто, однако, въ отдѣлѣ косвенныхъ налоговъ. Слѣдующая таблица показываетъ измѣненіе поступленія отдѣльныхъ видовъ этихъ налоговъ.

	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
Таможенный дох.	241,5 м. р.	218,8 м. р.	212,8 м. р.	241,3 м. р.	260,5 м. р.
Нефтяной „	32,0 „ „	34,8 „ „	29,9 „ „	29,9 „ „	36,8 „ „
Табачный „	49,0 „ „	48,7 „ „	46,6 „ „	59,9 „ „	54,1 „ „
Спичечный „	8,1 „ „	7,7 „ „	10,8 „ „	15,0 „ „	15,9 „ „
Сахарный „	75,5 „ „	78,8 „ „	78,7 „ „	108,8 „ „	101,5 „ „
Питейный „	405,9 „ „	406,6 „ „	469,9 „ „	558,6 „ „	526,9 „ „
Итого	812,0 м. р.	795,4 м. р.	848,7 м. р.	1013,5 м. р.	995,7 м. р.

Какъ показываетъ эта табличка, поступленіе различныхъ видовъ косвенныхъ налоговъ колебалось въ теченіе разсматриваемаго времени въ различныхъ направленіяхъ. Таможенный доходъ уменьшился въ 1904 и 1905 гг., вслѣдствіе сокращенія, по случаю войны и народныхъ волненій, привоза иностранныхъ товаровъ. Въ 1906 г. привозъ послѣднихъ увеличился сравнительно съ 1903 г. на 120 мил. руб., а въ 1907 г. поднялся еще на 47 мил. р.; въ 1906 г., кромѣ того, повышены таможенныя ставки на многіе товары. Тѣмъ не менѣе, таможенный доходъ въ 1906 г. лишь сравнялся съ доходомъ 1903 г., а въ 1907 г. поднялся еще на 19 мил. р. Отсутствіе правильнаго соотношенія между поступленіемъ таможенныхъ пошлинъ и привозомъ иностранныхъ товаровъ объясняется неодинаковымъ въ разные годы составомъ облагаемыхъ предметовъ.

Нефтяной налогъ поступалъ въ нѣсколько уменьшенномъ

размѣрѣ не только въ 1905 г., но—не смотря на возвышеніе въ 1906 г. акциза съ тяжелыхъ освѣтительныхъ маслъ и обложеніе продуктовъ обработки нефти, ранѣе свободныхъ отъ акциза—и въ этомъ послѣднемъ году. Причина сказаннаго заключается въ сокращеніи, вслѣдствіе бакинскихъ безпорядковъ, добычи нефти и ея перегонки и отсрочки, по той же причинѣ, взноса части нефтяного акциза. Только въ 1907 г. поступленіе нефтяного налога превысило сумму до-революціоннаго періода. Небольшую часть его составляетъ акцизъ, внесенный за счетъ 1905 и 1906 гг. Поступленіе табачнаго дохода нѣсколько сократилось въ 1904 и 1905 гг. и сильно увеличилось (съ 47 до 60 м. р.) въ 1906 г., вслѣдствіе отсрочки до этого года 3,6 м. р. акциза за 1904 и 1905 гг. и оживленія работы табачныхъ фабрикъ, ослабленной забастовками 1905 г. Въ 1907 г. табачный доходъ поступилъ въ суммѣ 54 м. р.

Три разсмотрѣнные налога обнаруживаютъ уменьшеніе поступленія въ 1905 г. вслѣдствіе продолжавшейся войны и народныхъ волненій, вызвавшихъ сокращеніе производства или стѣсненіе обращенія. Это обстоятельство отразилось и на сахарномъ доходѣ, поступленіе коего въ 1905 г. не превосходило суммы предшествующаго года, не смотря на крупное увеличеніе потребленія: 16 милліоновъ слѣдовавшаго въ этомъ году акциза, въ виду затруднительнаго положенія сахарозаводчиковъ, разрѣшено было внести въ слѣдующемъ году. Остальные налоги дали въ 1905 г. приращеніе дохода: спичечный—вслѣдствіе удвоенія въ 1905 г. акциза съ зажигательныхъ спичекъ, питейный—по причинѣ увеличенія и обложенія, и потребленія спирта. Въ 1905 г. повышены акцизъ на дрожжи и на пиво и продажная цѣна казеннаго вина; питейный доходъ увеличился въ этомъ году на 63 м. р. (на 16%). Въ 1906 г. онъ поднялся еще на 90 м. р., не смотря на неизмѣнную высоту обложенія. Сахарный доходъ поднялся въ 1906 г. на 30 м. р., т. е. почти на 40%.

Крупное возвышеніе въ 1905 и 1906 гг. питейнаго, а въ послѣднемъ году—и сахарнаго дохода, отражаетъ одну очень интересную сторону революціоннаго времени: возрастаніе народнаго потребленія. Дѣйствительно, въ 1901—4 гг. внутреннее потребленіе сахара колебалось между 43 и 46 мил. пуд. Въ сахароваренный періодъ 1904—5 гг. разрѣшено къ выпуску на внутренній рынокъ 45 мил. пудовъ, но спросъ рынка значительно превысилъ это количество, и понадобился дополнительный выпускъ въ 8,5 мил. пуд. Въ періодъ 1905—6 гг. первоначально выпущено 50 мил. пудовъ и дополнительно 4 мил. пуд.,

въ слѣдующемъ году—первоначально 52 м. п. и дополнительно 6 мил. пуд., всего 58 м. пуд. Не весь этотъ сахаръ потребленъ въ годы выпуска, и къ концу послѣдняго періода образовался излишекъ свободнаго сахара въ 9 мил. пуд.; но и принявъ во вниманіе указанное обстоятельство, все-таки окажется, что въ теченіе 1905—7 гг. ежегодное потребленіе сахара составляло въ среднемъ 52 мил. пуд., т.-е. на 7 мил. пудовъ или на 16% болѣе средняго потребленія за три предшествующіе года.

Продажа на внутреннемъ рынкѣ вина въ 1900—1902 гг. не достигала 70 мил. ведеръ въ годъ; въ 1903 и 1904 гг. она поднялась выше 72 мил., въ 1905 г. превысила 76 мил. ведеръ, а въ 1906 г. составила 86,5 мил. ведеръ; въ 1907 г. было продано около 89 мил. ведеръ. Въ слѣдующіе годы потребленіе вина, не смотря на приростъ населенія, стало сокращаться.

Возрастаніе въ теченіе революціонныхъ лѣтъ потребленія народныхъ массъ представляется тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что эти годы не отличались удовлетворительными сборами хлѣбовъ. Дѣйствительно, въ 50-ти губерніяхъ европейской Россіи съ одной десятины собиралось зерновыхъ хлѣбовъ: въ среднемъ за десятилѣтіе 1895—1904 гг. 44,7 пудовъ, въ частности за 1903 г. 46,7 пуд., въ 1904 г. 54,0; въ послѣдующіе годы урожаи зерна сравнительно съ среднимъ за десятилѣтіе были:

въ 1905	г.	42,6	пуд., т.-е.	недоборъ	на	2,1	пуда или на	5%
„ 1906	„	35,3	„ „	„	„	9,6	„ „ „	21 „
„ 1907	„	42,2	„ „	„	„	2,5	„ „ „	5,5 „
„ 1908	„	43,2	„ „	„	„	1,5	„ „ „	3,5 „

Еще печальнѣе покажется состояніе послѣднихъ лѣтъ, если соотвѣтствующіе сборы хлѣбовъ сравнить со среднимъ за пятилѣтіе 1900—1904 гг., равняющимся 46,8 пудовъ. По сравненію съ этой средней недоборъ 1905 г. составляетъ 4,2 п. или 9%, недоборъ 1906 г.—11,5 пуд. или около 25%, недоборъ 1907 г.—4,6 п. или около 10%, недоборъ 1908 г.—3,6 пуд., т.-е. около 8%.

Соотвѣтственно видамъ на урожай составлялись и смѣтныя предположенія о косвенныхъ доходахъ государства. Такъ, по отношенію къ питейному доходу предполагалось, что „годовое потребленіе вина, въ зависимости отъ недорода хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а также подъ вліяніемъ военныхъ событій 1904 г., отвлекшихъ отъ внутреннихъ губерній наиболѣе трудоспособную часть населенія въ европейской Россіи, окажется ниже потребленія 1903 г.“ Предположенія эти, однако, не осуществи-

лись [1]), и въ 1905 г. продано было вина на 4 мил. ведеръ больше, нежели въ 1903 г. Не осуществилось и предположеніе о сокращеніи потребленія вина въ еще болѣе неурожайномъ 1906-мъ году, когда, не смотря на недоборы хлѣбовъ въ 20—25%, оказалось „рѣзкое, непредвидѣнное увеличеніе потребленія питей даже въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ“, и доходъ отъ винной монополіи превысилъ смѣтныя предположенія на 128 мил. р. Сокращеніе потребленія вина предусматривалось и при составленіи смѣты на 1907-ой годъ; но и въ этомъ, третьемъ подъ рядъ неурожайномъ году пессимистическія предположенія фиска не оправдались, и доходъ отъ винной монополіи на 35 мил. р. превысилъ смѣтныя предположенія. По разсчету на душу потребленіе вина въ Россіи составляло 0,52 ведра въ 1903 г., 0,51 ведра въ 1904 г., 0,53 ведра въ 1905 г. и 0,62 ведра въ 1906-мъ и 1907-мъ годахъ. Соображеніями о сокращеніи народнаго потребленія руководствовалось финансовое вѣдомство и при составленіи смѣты таможенныхъ доходовъ на 1907 г. „Уменьшеніе покупательной силы населенія вслѣдствіе неурожая и нѣкоторое возвышеніе противъ нормальнаго привоза товаровъ въ началѣ 1906 г., передъ вступленіемъ въ дѣйствіе новаго тарифа съ повышенными ставками, даютъ основаніе ожидать, что привозъ товаровъ въ 1907 г. не достигнетъ размѣровъ привоза 1906 г.“. Вслѣдствіе этого обстоятельства таможенный доходъ на этотъ годъ предположенъ на 19 мил. менѣе дохода 1906 г. На самомъ дѣлѣ въ 1907 г. таможенный доходъ на 19 м. р. превысилъ поступленіе 1906 г. и на 38 м. р.—смѣтныя предположенія. Аналогичныя явленія наблюдаются и въ смѣтныхъ предположеніяхъ относительно сахарнаго дохода. Въ 1905, 1906 и 1907 гг. понадобились, какъ мы видѣли, дополнительные выпуски сахара на внутренній рынокъ, сверхъ того количества, какое устанавливалось передъ началомъ сахароваренннаго періода, и потребленіе населеніемъ этого питательнаго вещества, увеличиваясь въ предшествовавшіе годы на 0,2—0,7 фунта на одного жителя въ годъ, поднялось въ 1904—05 хозяйственномъ году съ 13,3 до 14,5 ф., т.-е. на 1,2 ф. или на 9%.

Подобный ростъ народнаго потребленія (да еще при условіи трехъ неурожайныхъ лѣтъ) представляетъ въ нашей исторіи нѣчто исключительное, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ, относящихся къ довольно продолжительному періоду.

---

[1]) Отчетъ Гл. Упр. неокладн. сбор. и казенной продажи питей за 1905 г., стр. 24.

Потребленіе вина, превышавшее въ первые годы послѣ крестьянской реформы одно ведро на душу, опустилось до 0,8 ведра вслѣдъ за введеніемъ акцизной системы и продолжало уменьшаться до начала девятисотыхъ годовъ, послѣ чего оно держалось на уровнѣ около полуведра. Въ 1906 г. оно поднялось на 20% и составило 0,62 ведра на душу. Вино давно уже сдѣлалось предметомъ всеобщаго потребленія, и колебанія душевого его потребленія вверхъ и внизъ означаютъ, поэтому, дѣйствительное увеличеніе или уменьшеніе его потребленія пьющими людьми. Непрерывное возвышеніе послѣ введенія акцизной системы, цѣны продаваемаго вина заставило, какъ мы видѣли, русскаго питуха сократить на половину потребленіе этого продукта. Сахаръ занимаетъ иное мѣсто въ бюджетѣ россіянина. Предметомъ массоваго потребленія этотъ продуктъ сдѣлался сравнительно недавно, и теперь еще не закончился процессъ его распространенія въ новыхъ и новыхъ группахъ населенія. Потребленіе сахара по разсчету на одного жителя растетъ, поэтому, съ небольшими колебаніями изъ года въ годъ и съ 1890 г. по 1906 г. увеличилось почти вдвое. Обычное годовое приращеніе потребленія сахара — нѣсколько десятыхъ фунта на человѣка; но въ высокоурожайномъ 1894-мъ году, слѣдовавшемъ за другимъ такимъ же, продажа сахара на внутреннемъ рынкѣ достигла 10 ф. на жителя, поднявшись на 1,7 ф. сравнительно съ предшествующимъ годомъ. Это возвышеніе было случайнымъ явленіемъ, по словамъ оффиціальнаго разъясненія „ничего общаго съ дѣйствительнымъ потребленіемъ не имѣющимъ". Продажа въ этомъ году 29 мил. пуд. объясняется „предстоявшимъ повышеніемъ акциза на сахаръ". Въ слѣдующемъ году было продано только 27 мил. пуд. (8,8 ф. на душу); „но и эта высокая цифра находитъ себѣ объясненіе въ ненормально низкихъ цѣнахъ на сахаръ, приведшихъ сахароваренную промышленность въ ненормальное состояніе". Десяти фунтовъ на человѣка потребленіе сахара достигло лишь въ 1898 г. Въ виду этихъ данныхъ увеличеніе потребленія сахара въ малоурожайномъ 1905 г. на 1,2 ф. должно быть признано очень значительнымъ.

Что указанное явленіе не случайно — о томъ свидѣтельствуютъ та же высота потребленія сахара въ 1906 году и фактъ, относящійся къ расходу внутри страны продукта, обычно сопутствующаго потребленію сахара: чая и кофе. Привозъ чая въ Россію составлялъ въ началѣ девятисотыхъ годовъ съ небольшимъ 1 фунтъ на душу въ годъ; въ 1905-мъ году онъ опустился на 0,1 ф.,

а въ 1906 г. составилъ 1,60 ф., въ 1907 г.—даже 1,67 ф. Если сдѣлать поправку на вывозъ чая за границу, то окажется, что потребленіе чая возрасло въ 1906 г. на 40%, въ 1907 г.—слишкомъ на 60%, сравнительно съ обычнымъ потребленіемъ этого продукта. Привозъ кофе въ первую половину текущаго десятилѣтія уменьшился сравнительно съ предшествующимъ періодомъ на цѣлый милліонъ пудовъ. Въ 1906 и 1907-мъ годахъ онъ возстановился въ прежнихъ размѣрахъ, т.е. поднялся на 20%. Къ сказанному можно еще добавить, что и потребленіе пива, державшееся въ половинѣ девяностыхъ годовъ на высотѣ 0,34—0,35 ведра на душу и составлявшее въ 1904—1905-мъ годахъ 0,39 ведра, поднялось въ 1906-мъ году до 0,50 ведра, т.-е. почти на 1/3.

Фактъ значительнаго расширенія народнаго потребленія въ періодъ когда намъ пришлось пережить несчастную войну и народныя волненія, приведшія къ нѣкоторому разстройству хозяйственной дѣятельности, и выдержать три неурожайныхъ года, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. Объяснить его мы пытались, полтора года тому назадъ, слѣдующимъ образомъ: „Послѣ политической манифестаціи 9 января 1905 г., такъ трагически кончившейся для рабочаго населенія Петербурга, по всему пространству нашего обширнаго отечества разлилась эпидемія забастовокъ промышленныхъ рабочихъ, а весной разгорѣлось и возобновилось въ слѣдующемъ году аграрное движеніе, мѣстами сопровождавшееся разгромомъ помѣщичьихъ усадебъ. Результатомъ движенія рабочихъ и крестьянъ было возвышеніе заработной платы на фабрикахъ, заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ, въ торговыхъ заведеніяхъ и т. п., оставленіе крупными землевладѣльцами имѣній, расширеніе вслѣдствіе того сдачи помѣщичьихъ земель въ аренду крестьянамъ, значительное пониженіе арендной платы за снимаемыя крестьянами угодья, а то и совершенное прекращеніе крестьянами уплаты за арендуемую землю, и, наконецъ, возвышеніе заработной платы въ имѣніяхъ, продолжавшихъ вести хозяйство. Всѣ эти явленія привели къ возрастанію доходовъ трудящагося населенія на сотни милліоновъ рублей, что вполнѣ было реализовано въ 1906 г. (въ которомъ, къ тому же, уменьшилась на 40—50 мил. р. и сумма требуемыхъ съ крестьянъ выкупныхъ платежей) и въ 1907 г., когда населеніе пожинало плоды народныхъ движеній 1905-го и 1906-го гг.; 200 мил. р. этого приращенія дохода населеніе внесло въ казну, уплачивая возвышенныя цѣны за вино и пріобрѣтая бо́льшія количества

обложенныхъ предметовъ потребленія" [1]). Второстепенной причиной этого явленія было возвращеніе войскъ съ Дальняго Востока по окончаніи войны.

Описанный фактъ развитія народнаго потребленія, когда, въ виду трехлѣтняго неурожая, естественно было ожидать противнаго, интересенъ въ практическомъ и теоретическомъ отношеніяхъ. Несчастный исходъ японской войны и огромные расходы, связанные съ ея ликвидаціей, должны были тяжело отразиться на состояніи нашихъ финансовъ вообще и финансовъ ближайшихъ годовъ въ особенности. Эти ближайшіе годы отличались, притомъ, низкими урожаями, и при нормальныхъ прочихъ условіяхъ это должно было печально отразиться на поступленіи государственныхъ доходовъ. Случилось иначе, подъ вліяніемъ революціи (въ широкомъ значеніи этого слова). Широко развившаяся экономическая борьба рабочихъ и мелкихъ арендаторовъ съ нанимателями и крупными землевладѣльцами, оканчивавшаяся въ большинствѣ случаевъ въ пользу первыхъ, привела къ значительному возвышенію заработка трудящагося населенія и послѣдующему увеличенію потребленія вина, сахара, чая и другихъ продуктовъ. А каналами расширеннаго потребленія потекли въ казначейство суммы, въ которыхъ оно такъ нуждалось. Эксцессы революціи и контръ-революціи задержали, правда, поступленіе нѣкоторыхъ налоговъ, но это была лишь отсрочка дохода, который и былъ внесенъ позже. Освободительное движеніе, такимъ образомъ, пошло на пользу фиску.

Въ 1906 г. были уменьшены на половину, а въ 1907 г. вовсе отмѣнены выкупные платежи. Это обстоятельство, конечно, тоже повліяло на поступленіе косвенныхъ налоговъ и будетъ вліять на него въ послѣдующіе годы суммою превышающею ту, какой естественно было бы ожидать, судя по цифрѣ отмѣненнаго налога. Дѣло въ томъ, что внесеніе этого налога стоило населенію много больше тѣхъ 90 мил. р., которые поступали въ казну. Населеніе уплачивало эту сумму не изъ свободно реализуемаго чистаго дохода отъ хозяйства; оно вносило ее подъ давленіемъ сборщиковъ податей и прибѣгало къ ряду разорительныхъ сдѣлокъ для пріобрѣтенія денегъ—несвоевременной продажѣ хлѣба и другихъ продуктовъ хозяйства, продажѣ необходимаго для него зерна, которое приходилось затѣмъ пріобрѣтать въ три-дорога, запродажѣ по низкимъ цѣнамъ будущаго своего труда, займамъ у ростовщиковъ, иногда подъ закладъ надѣловъ и т. д.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1908 г., № 5: „Роспись государственныхъ доходовъ на 1908 г.", В. В.

Одинъ рубль, вносимый въ казну при помощи такихъ сдѣлокъ, сплошь и рядомъ обходился крестьянину въ $1^1/_2$—2 рубля, и отмѣна 90 мил. р. выкупныхъ платежей означаетъ сохраненіе въ рукахъ крестьянъ суммы въ $1^1/_2$—2 раза большей. Болѣе или менѣе значительная часть этой суммы тѣмъ или инымъ путемъ непремѣнно возвратится въ казначейство.

Здѣсь мы подошли къ другому, болѣе общему вопросу, возбуждаемому фактомъ развитія народнаго потребленія въ періодъ русской революціи—вопросу о вліяніи такого или иного распредѣленія національнаго дохода на состояніе государственнаго бюджета. Годы нашей революціи были временемъ сокращенія, а не расширенія производительности какъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ явленій безпокойнаго времени, такъ и по причинѣ постигшаго Россію неурожая. Общая сумма національнаго дохода въ описываемое время, поэтому, скорѣе сократилась, чѣмъ увеличилась. Но что рѣзко отличаетъ это время отъ предшествующаго и послѣдующаго, это—измѣненіе распредѣленія національнаго дохода между классами, возрастаніе доли трудящагося населенія на счетъ предпринимателей и собственниковъ. И одного этого момента перехода части дохода изъ однѣхъ рукъ въ другія оказалось достаточно, чтобы парализовать неблагопріятныя послѣдствія плохого сбора хлѣбовъ и подкрѣпить ресурсы государственнаго казначейства. Состояніе государственныхъ финансовъ—при господствѣ косвеннаго обложенія—зависитъ, какъ видно изъ этого, не только отъ общей суммы національнаго дохода, но и отъ распредѣленія послѣдняго между классами. Доходъ въ сотню рублей въ карманѣ предпринимателя даетъ казначейству меньшую сумму, чѣмъ тѣ же сто рублей, полученные работникомъ. Свои сто рублей предприниматель затратитъ главнымъ образомъ на дальнѣйшее увеличеніе своего дохода, а рабочій израсходуетъ ихъ на пріобрѣтеніе предметовъ потребленія. Предметы, способные приносить доходъ (средства производства), совсѣмъ не облагаются или несутъ низкое обложеніе—а главнѣйшіе предметы потребленія обложены очень высоко. Табачный акцизъ составляетъ у насъ приблизительно половину стоимости табаку; сахаръ несетъ акцизъ, нѣсколько превышающій стоимость продукта заводчику; обложеніе керосина въ 4—5 разъ превосходитъ стоимость его на мѣстѣ производства, а обложеніе спирта превышаетъ себѣстоимость послѣдняго еще болѣе. Косвенные налоги суть поборы съ потребителя и притомъ потребителя малосостоятельнаго. Но когда косвенные налоги лежатъ въ основаніи государственныхъ доходовъ, благоразуміе—если въ политикѣ неумѣстно

взывать къ справедливости — требуетъ покровительства именно малосостоятельному, т.-е. трудящемуся населенію.

Пока фискъ не нашелъ рѣшимости и средствъ заставить капиталистовъ вносить въ государственное казначейство долю, сколько-нибудь соотвѣтствующую ихъ богатству и доходамъ, и всякая попытка въ указанномъ направленіи объявляется со стороны заинтересованныхъ посягательствомъ на ихъ естественныя права, разрушающимъ будто бы основы національной производительности, — приходится разсчитывать на косвенныя средства обложенія капиталистическаго дохода, путемъ увеличенія участія въ національномъ доходѣ трудящагося населенія, нанимающагося на фабрики, заводы и въ помѣщичьи экономіи, арендующаго частновладѣльческія земли и т. п. Обложеніе его при посредствѣ косвенныхъ налоговъ не представляется затруднительнымъ. Необходимымъ же условіемъ переложенія части обложенія трудящагося народа на капиталистическіе доходы является организованная борьба трудящихся за возвышеніе заработной, пониженіе арендной платы и т. п., и простѣйшій государственный интересъ заключается въ устраненіи всякихъ къ тому препятствій. Наши государственные люди поступаютъ какъ разъ наоборотъ: предоставляя одной сторонѣ свободно организоваться для посягательства на карманы потребителей и рабочихъ, они ставятъ всевозможныя препятствія распространенію союзовъ трудящихся.

В. В.

ИЗЪ

НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО НАШЕЙ ДЕРЕВНИ

Аграрные безпорядки являются однимъ изъ крупнѣйшихъ событій только что пережитаго нами періода. Фотографически точное изображеніе отдѣльныхъ моментовъ этихъ безпорядковъ можетъ имѣть значеніе историческаго документа. Возстановляя въ памяти наблюденія мои надъ крестьянами и помѣщиками той мѣстности, гдѣ я жилъ во время безпорядковъ, я постараюсь говорить возможно болѣе безпристрастно и объективно.

Я провелъ время безпорядковъ въ Курмышскомъ уѣздѣ, Симбирской губ., въ разстояніи 55 верстъ отъ желѣзной дороги и въ 15 в. отъ большого села, съ населеніемъ свыше 5.000 душъ. Мѣстность эта—сильно населенная, съ огромнымъ процентомъ помѣщичьяго элемента. Здѣсь есть такіе участки, гдѣ вы на протяженіи десяти верстъ проѣзжаете пять деревень и столько же видите въ сторонѣ отъ дороги. Въ каждой деревнѣ есть два-три по большей части захудалыхъ помѣщичьихъ дома, съ цѣлой массой самыхъ дореформенныхъ домочадцевъ. Изрѣдка встрѣчаются болѣе богатые и болѣе культурные помѣщики. Всѣ дворянскія традиціи, все убожество дореформенной жизни здѣсь хранилось, какъ въ музеѣ, въ полной неприкосновенности до самыхъ безпорядковъ, когда смирный мѣстный мужичокъ, сни-

мавшій раньше за версту шапку передъ каждымъ подобіемъ барина, вдругъ разошелся и наложилъ тяжелую руку на буколическое благоденствіе, разбивая среди улицы столѣтніе клавикорды и клавесины, выпуская пухъ изъ барскихъ подушекъ и раздѣляя по кусочкамъ старинныя трехаршинныя трюмо.

Безпорядковъ у насъ никто не ожидалъ. Лѣтомъ 1905-го года кое-гдѣ по сторонамъ, верстъ за 30—40, жгли сѣно, хлѣбъ; разсказывали о томъ, какъ мужики толпой приходили и просили сбавки аренды—но подобныя недоразумѣнія кое-какъ улаживались и снова все входило въ колею. Въ нашемъ районѣ, пространствомъ до 300 кв. верстъ, съ населеніемъ не менѣе 40.000 и по крайней мѣрѣ съ 30 имѣньями, величиной отъ 100 до 600—1.000 десятинъ, было спокойно до ноября мѣсяца. Условія крестьянской жизни въ нашихъ мѣстахъ, въ смыслѣ обезпеченія землей, были самыя неблагопріятныя. Надѣлы почти вездѣ были по три десятины, но теперь на душу приходится въ среднемъ меньше десятины; встрѣчаются семьи въ 9—10 человѣкъ, владѣющія ¼ душевого надѣла, т.-е. ¾ десятины. Лѣса и луговъ у крестьянъ нѣтъ. Пахатную землю крестьяне арендовали у помѣщиковъ, а луга и лѣсъ—у удѣловъ, которымъ принадлежатъ въ этой мѣстности необозримыя пространства лѣсовъ и луговъ. Въ годы, предшествовавшіе возникновенію безпорядковъ, арендная плата достигала 25 руб. за десятину пахатной земли и 12—15 руб. за десятину луговъ. Не смотря на это, крестьяне жили зажиточно, хозяйственно. Главными источниками ихъ дохода были возка вырабатываемаго въ казенныхъ дачахъ лѣса и торговля скотомъ, который частью разводили сами крестьяне, частью покупали, выращивали и перепродавали. Скотъ экспортировался въ Нижній, и торговля скотомъ шла весьма оживленно. Многія крестьянскія общества съобща арендовали у казны, для выработки, дѣлянки лѣса, часть котораго шла на собственныя потребности, часть—на продажу. Сильно развито было свиневодство, при чемъ преобладала порода свиней полу- или на три-четверти, а иногда даже чистая іоркширская. Многіе крестьяне имѣли по двѣ-три собственныхъ племенныхъ свиньи, а бѣдные покупали весной поросятъ, платя отъ 3-хъ до 5-ти руб. за штуку; поросята эти выкармливались за лѣто частью на помояхъ, частью на подножномъ корму, и осенью продавались мѣстнымъ же скупщикамъ по 20—30 руб. за голову. Весной шла спеціальная скупка поросятъ нижегородскими скупщиками у крестьянъ и у помѣщиковъ; за трехъ-четырехъ-недѣльныхъ поросятъ, мало-мальски породистыхъ, платили отъ 25-ти до 35-ти руб. за десятокъ. Начиналось

также культурное коневодство: крестьяне всѣхъ своихъ матокъ крыли у помѣщиковъ рысистыми жеребцами, платя за случку отъ 2-хъ до 5-ти руб., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и до пятнадцати. Для работы крестьяне держали преимущественно матокъ. Средній сортъ лошади былъ полурысистый, при ростѣ 2 — 3 вершка; двухъ-аршинная лошадь была рѣдкостью. Общая картина жизни получалась зажиточная; средніе дворы имѣли 15 — 20 головъ скотины, считая свиней и овецъ.

Отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ были на первый взглядъ вполнѣ мирныя; на дѣлѣ же было не то. Крестьяне соглашались платить дорогую аренду, но всегда должали, и когда дѣло доходило до требованія долга, особенно въ неурожайные года, то неизбѣжно возникало недовольство. На десятинѣ родилось хлѣба на 15—18 рублей, туда же было затрачено на 5—8 рублей сѣмянъ, а чтобы получить этотъ чистый десятирублевый урожай, мужикъ долженъ былъ уплатить 25 рублей. Онъ охотно отдалъ бы 8 или 10 руб., которые были обыкновенно уплачены еще до посѣва, т.-е. отдалъ бы весь урожай за пользованіе землей; но помѣщики на это не соглашались и у неуплатившихъ задерживали хлѣбъ. Выходило такъ, что крестьянинъ согласенъ былъ примириться съ потерей труда, помѣщикъ же желалъ получить за аренду земли въ полтора раза больше, чѣмъ получилъ арендаторъ валового дохода. Отдавали, у насъ землю и изъ части урожая, но части получались слишкомъ неравныя. Въ 1905-мъ году, напр., я сдалъ землю (не свою, а хозяйскую) крестьянамъ на слѣдующихъ условіяхъ, которыя считались необидными. Изъ каждыхъ ста десятинъ крестьяне пашутъ сами семьдесятъ и засѣваютъ выданными имъ заимообразно сѣменами, тридцать же десятинъ должны быть вспаханы и засѣяны владѣльцемъ имѣнія (это дѣлалось для того только, чтобы часть земли пахалась плугами). Урожай съ семидесяти десятинъ дѣлится пополамъ снопами и изъ доставшейся на долю крестьянъ части возвращаются сѣмена. Тридцать десятинъ, засѣянныхъ владѣльцемъ, убираютъ тѣ же крестьяне, и весь свезенный на гумно хлѣбъ, испольный и неиспольный, они обязаны обмолотить, извѣять и отсортировать, ссыпавъ въ амбары, солому же—сложить на гумнѣ, оправить и покрыть. Кромѣ того, весной они должны вывезти въ поле навозъ изъ всей усадьбы на собственныхъ лошадяхъ, а по продажѣ хлѣба доставить его въ купеческій амбаръ, на разстояніи около трехъ верстъ отъ села. При самой необыкновенной удачѣ за всю эту работу на одной съ третью десятинѣ каждый крестьянинъ можетъ получить maximum 24 рубля, а рискуетъ иногда

не получить ровно ничего или близко къ тому. Самыя легкі условія аренды въ нашей мѣстности были у одного богатаго, но не крупнаго помѣщика, который дѣлилъ урожай съ крестьянами пополамъ.

Не только помѣщики, но и администраторы нашей мѣстности совершенно не подозрѣвали, что всѣ они живутъ на вулканѣ. Правосудіе у насъ было тоже своеобразное: недворянинъ съ дворянина взыскать почти ничего не могъ. Особенно отличался одинъ земскій начальникъ, имѣвшій внѣшній видъ европейца: онъ изъ всего наказа для земскихъ начальниковъ зналъ только первыя части статей 88-й и 200-й, гдѣ говорится о личномъ убѣжденіи. У него во время разбирательства дворяне объяснялись сидя, а „подлыя" сословія—стоя. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ дворянъ, совершенно прожившихся, занимались предъявленіемъ неосновательныхъ исковъ, взиманіемъ штрафовъ за загнанную на собственный дворъ скотину или птицу,—если, конечно, у нихъ былъ дворъ; иные служили въ приказчикахъ, неграмотные—въ работникахъ, но уживались плохо, потому что никакъ не могли забыть о своемъ происхожденіи. Были и такіе—преимущественно женщины,—которые спеціально разъѣзжали по гостямъ: живетъ недѣлю въ одномъ домѣ, потомъ недѣлю въ другомъ и т. д., часто совершая свои путешествія пѣшкомъ, но лѣтомъ непремѣнно подъ зонтикомъ. Всѣ эти дворянскіе отбросы требовали отъ мужика знаковъ почтенія и—къ удивленію—получали ихъ.

Настроеніе крестьянъ стало измѣняться еще съ весны 1905-го года. Среди рабочихъ чувствовалось уже глухое недовольство получаемой платой, но они не выражали его открыто. Женская поденщина здѣсь цѣнилась въ 15 коп., а трудъ дѣвочекъ лѣтъ 13—14, работавшихъ наравнѣ со взрослыми—даже въ 10 коп. Женщины оказались первыми ласточками въ дѣлѣ забастовокъ, но активно себя не проявляли: онѣ не требовали прибавки, а просто не шли на работу, отговариваясь самыми невѣроятными причинами. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, пришлось съ недѣлю сидѣть безъ работницъ; но какъ только я догадался дать имъ по четвертаку, онѣ немедленно явились, дѣлая видъ, что вовсе этого четвертака не добивались, а четвертакъ ихъ только соблазнилъ и заставилъ махнуть рукой на мѣшавшія имъ ранѣе причины. Помѣщики, однако, продолжали быть увѣренными въ добрыхъ намѣреніяхъ крестьянъ. Раздѣляя эту увѣренность, губернаторъ отпустилъ казаковъ изъ Симбирской губерніи, и она вся, къ моменту возникновенія безпорядковъ, была почти совершенно лишена во-

оруженной силы: мѣстныхъ войскъ слишкомъ было мало, да и не могли они передвигаться съ быстротою кавалеріи.

Крестьяне вели себя очень тактично. На тѣхъ жестокихъ „испольныхъ“ условіяхъ, о которыхъ я говорилъ выше, у насъ была посѣяна рожь, въ этомъ году родившаяся весьма плохо; у насъ она была еще лучше, чѣмъ у многихъ другихъ, но это только затрудняло отношеніе къ испольщикамъ. На большей части десятинъ урожай былъ настолько плохъ, что давалъ возможность вернуть одни сѣмена; на долю же испольщиковъ за работу могъ достаться развѣ какой-нибудь возъ соломы пополамъ съ лебедой. Я опасался, что съ уборкой ржи будутъ сопряжены крупныя непріятности, но, къ моему удивленію, на уборку явились всѣ до одного испольщика, почти безъ зова; изъ нихъ по меньшей мѣрѣ третья часть, кромѣ соломы, ничего не получила за работу, но всѣ казались довольными, а тѣ, которымъ досталось 5—6 пудовъ зерна, даже благодарили. Очевидно, это былъ результатъ своеобразной политики, которая велась артистически.

Безпорядки начались внезапно. 22-го ноября въ сумеркахъ къ намъ съ парадняго крыльца позвонилъ урядникъ, испуганный, одѣтый въ мужицкій тулупъ, безъ всякихъ признаковъ формы, и, путаясь отъ страха, сообщилъ, что онъ, по просьбѣ становаго, объѣзжаетъ тѣхъ помѣщиковъ, которые еще ничего не знаютъ, чтобы предупредить ихъ о возникшихъ уже безпорядкахъ въ нашемъ районѣ и посовѣтовать имъ скорѣе уѣзжать, такъ какъ разсчитывать на содѣйствіе властей невозможно, за отсутствіемъ войскъ. Онъ сообщилъ, что многіе помѣщики, въ томъ числѣ и два земскихъ начальника (одинъ нашего, другой сосѣдняго участка) уже успѣли бѣжать; готовился къ бѣгству и становой приставъ. Въ небольшомъ имѣньицѣ, гдѣ я жилъ, не было старыхъ, преданныхъ служащихъ, на которыхъ можно было бы оставить имущество, а главное—скотъ, въ которомъ въ этотъ моментъ было все богатство имѣнья. Служащіе были все молодежь и изъ той же деревни, къ которой прилегало имѣнье; въ случаѣ погрома они не могли бы не примкнуть къ своимъ однодеревенцамъ. Мы рѣшили съ хозяйкой имѣнья (насъ было всего двое) оставаться до послѣдней возможности и сколько можно бороться, но, разумѣется, не силой, которая заключалась у насъ всего въ двухъ револьверахъ.

Вскорѣ послѣ посѣщенія урядника женская прислуга наша отправилась въ деревню на развѣдки. Оказалось слѣдующее. Наканунѣ вечеромъ пріѣхалъ въ волостное правленіе (въ $1^1/_2$ вер. отъ насъ) какой-то человѣкъ и сталъ читать крестьянамъ бумаги

о новыхъ законахъ, при чемъ объяснялъ, что теперь какъ земля, такъ и все помѣщичье имущество принадлежатъ имъ, крестьянамъ, что они имѣютъ право его отобрать и подѣлить между обществами, что до 1-го января никакихъ точныхъ законовъ не будетъ, а тогда соберется учредительное собраніе,—по словамъ другихъ, Дума,—и будетъ заведенъ новый, справедливый порядокъ; до тѣхъ же поръ всѣ общества могутъ управляться сами по себѣ, и всякія ихъ постановленія будутъ обязательны для всѣхъ обывателей. Бесѣда длилась далеко за полночь, а 22-го въ сумеркахъ толпа отправилась въ усадьбу сосѣдней помѣщицы, на которую крестьяне сильно были обозлены изъ-за дорогой аренды и какихъ-то судебныхъ недоразумѣній. Помѣщицу крестьяне будто бы хотѣли убить, но она скрылась, ночь провела въ молотильномъ сараѣ, а на разсвѣтѣ ее прислуга увезла въ другое село, гдѣ пока было безопасно. Въ усадьбѣ крестьяне нашли хлѣбъ, скотъ—и немедленно начали дѣлежъ.

Вечеромъ я отправился пѣшкомъ въ село, посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается. Лично я почему-то вовсе не боялся крестьянъ, хотя и не рисовалъ ихъ себѣ на подобіе ангеловъ. Ночь была совершенно темная, замерзшая грязь была покрыта тонкимъ слоемъ снѣга; я шелъ безъ дороги, приготовившись въ случаѣ какой-нибудь непріятности бѣжать на всѣ четыре стороны, такъ какъ въ свои ноги я вѣрилъ больше, чѣмъ въ Смита и Вессона, лежавшаго у меня въ карманѣ. Къ селу нужно было спуститься подъ гору, почти у подошвы которой было расположено волостное правленіе. Возлѣ правленія я увидѣлъ большую, шумную толпу крестьянъ: почти всѣ они были сильно пьяны. Я пошелъ черезъ площадь, стараясь держаться дальше отъ толпы. Иногда наталкивался на одиночныхъ крестьянъ, которые узнавали меня и шептали почти всѣ что-нибудь неодобрительное по адресу правленія, у котораго все сгущалась толпа. На крыльцѣ освѣщеннаго правленія иногда появлялся какой-то женоподобный мальчикъ, въ черномъ полушубкѣ и въ папахѣ; съ нимъ вмѣстѣ выходилъ и писарь, быстро смѣнившій шкуру угнетателя на роль борца за свободу. Прямо передо мной тянулась широкая темная улица, по которой, какъ тараканы, ползли возы съ хлѣбомъ: это развозили помѣщичій хлѣбъ—возили тихо, неспѣша, какъ будто производя обыкновенную работу. Не всѣ были этой работой довольны. Многимъ казалось, что происходитъ что-то неладное, что̀ даромъ не пройдетъ; но рѣшеніе о дѣлежѣ было постановлено всѣмъ обществомъ въ видѣ законнаго приговора, который многими подписанъ былъ подъ дѣйствіемъ угрозъ. По-

этому ѣхали за хлѣбомъ всѣ, даже такіе, у которыхъ своего хлѣба было много и класть было некуда; везли и они и, какъ оказалось позже, валили зерно прямо во дворы, гдѣ его ѣла скотина, затаптывая большую часть въ грязь. Въ то же время въ усадьбѣ шла быстрая работа: мужики торопились окончить возку хлѣба, послѣ чего предполагалось произвести дѣлежъ скота. Домъ былъ полонъ бабъ и дѣвокъ, которыя дѣлили платья и домашнія вещи: почти все рвалось на части, даже шубы и ротонды; большія старинныя трюмо разбивались на мелкіе куски, чтобы надѣлить всѣхъ дѣвокъ зеркалами. На улицѣ куча парней играла по-своему на вытащенномъ изъ дома роялѣ; къ утру онъ уже былъ разбитъ на куски. Въ общемъ я увидѣлъ въ деревнѣ не больше и не меньше, чѣмъ могъ ожидать, но домой шелъ нѣсколько болѣе спокойно настроенный. Мнѣ стало казаться, что дѣйствія крестьянъ основаны на недоразумѣніи, которое поддержано было самими помѣщиками и начальствомъ, поспѣшившими бѣжать еще тогда, когда крестьяне не совершали явно враждебныхъ дѣйствій. Крестьянамъ несомнѣнно казалось, что господа отлично знаютъ о „новыхъ законахъ“ и бѣгутъ, отказываясь отъ правъ, теперь уже не существующихъ. У меня мелькала даже мысль пойти въ волость и попробовать возражать агитатору, но я отказался отъ этого: передъ пьяной уже толпой это было бы напраснымъ трудомъ. Благодаря такому моему впечатлѣнію мы сравнительно спокойно легли спать, чувствуя возможность какой-то разумной борьбы.

Часовъ около семи утра меня разбудилъ стукъ въ окно; я быстро одѣлся и вышелъ. У крыльца стоялъ одинъ изъ лучшихъ мѣстныхъ крестьянъ, лучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ: смирный, непьющій, разсудительный и хотя небогатый, но зажиточный, имѣвшій всегда полный дворъ скота. — Тебѣ что, Михайло? — спросилъ я его. — Да вотъ, намеднись торговалъ я у васъ свинью, такъ насчетъ ея значитъ. — Да ты что же пришелъ чуть не ночью? — Михайло немного помялся и началъ осторожно объяснять: — Видишь ты, кругомъ грабятъ. Неравно и у васъ... а ты бы продалъ, деньги-то не возьмутъ, онѣ въ карманѣ. Конечно, про нашихъ сказать ничего нельзя — народъ не такой, да и вы намъ зла не сдѣлали, а все же лучше продалъ бы.

Я сообразилъ, что дѣло плохо, но началъ торговаться, и свинью, за которую Михайло давалъ дня три тому назадъ слишкомъ двадцать рублей, онъ теперь купилъ за одиннадцать.

Пока мы говорили, подошло еще человѣка два-три и стали

тоже просить что-нибудь продать изъ свиней—мы тогда начали заводить свиневодство, и у насъ съ молодыми свиньями было головъ за сотню довольно сносныхъ іоркшировъ. Эти крестьяне тоже поприжали цѣной; за ними потянулись новые, и къ девяти часамъ утра у насъ на усадьбѣ былъ настоящій базаръ. Мужики азартно торговались, перебивали одинъ у другого, и цѣна на свиней и рогатый скотъ установилась нормальная, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и выше базарной. До обѣда я продалъ всѣхъ свиней и рогатый скотъ, выручивъ за все такую сумму, какой при другихъ условіяхъ никогда бы не получилъ единовременно.

Когда съ этимъ скотомъ кончили, мужики стали подговариваться къ лошадямъ. Лошади были рысистыя и въ этой мѣстности самыя рѣзвыя; головъ десять было приготовлено на продажу въ Нижній, а потому товаръ для мужиковъ былъ соблазнительный. Продавать лошадей я отказался и прямо сказалъ имъ, что если они рѣшатъ ихъ взять, такъ пусть хоть даромъ возьмутъ, но добровольно я ихъ не уступлю и за деньги. Къ моему удивленію они съ этимъ очень легко примирились, но видъ у всѣхъ сталъ недовольный, очевидно—потому, что нечѣмъ было далѣе заняться. Нѣкоторые пытались что-то говорить, но ничего сказать не могли или не рѣшались.

Въ это время подъѣхалъ верхомъ нарочный изъ села съ телеграммой изъ Казани, сообщеніе съ которой почти не прерывалось и во время всеобщей забастовки. Телеграмму эту я рѣшилъ использовать ради собственной безопасности. Взявъ ее отъ нарочнаго, я унесъ къ себѣ въ кабинетъ, моментально счистилъ въ ней текстъ и вписалъ новый отъ имени одного студента изъ мѣстныхъ же крестьянъ, который будто бы проситъ удержать своихъ односельчанъ отъ погромовъ, предупреждая, что къ намъ посланы казаки. Все это я сдѣлалъ быстро, и крестьянамъ не могло придти въ голову никакое подозрѣніе. Выйдя снова на крыльцо, я далъ имъ самимъ прочитать телеграмму, которой они повѣрили. Телеграмма произвела сильное впечатлѣніе. Мнѣ хотѣлось устроить съ крестьянами болѣе или менѣе прочный миръ, а потому я пошелъ навстрѣчу ихъ желаніямъ, начавъ разговоръ о землѣ. Земля—это былъ отправной пунктъ ихъ желаній, но они сами никакъ не рѣшались къ нему подойти. Когда я далъ первый толчокъ, они быстро разговорились.

— Да вотъ насчетъ земли-то какъ же? Сказывали, слышь, что теперь всякая барская земля намъ отошла по закону, а помѣщики вонъ не даютъ.—Вы говорите,—сказалъ я,—что законъ такой есть, чтобы земля отошла къ вамъ; извольте, мы

противъ закона не пойдемъ. Пишите приговоръ, что рѣшили взять у насъ землю, а мы вамъ отъ себя напишемъ, что если этотъ приговоръ законный, то, согласно ему, землю отдаемъ вамъ.

Приговоръ крестьяне составили приблизительно въ такой формѣ: „мы постановили помѣщицу свою такую-то не грабить, а землю взять отъ нея добровольно, оставивъ ей подъ усадьбой и садомъ шесть десятинъ и право пастьбы скота вмѣстѣ съ нашимъ на ея бывшемъ выгонѣ. За то, что землю она отдаетъ намъ добровольно, мы должны учредить на все время безпорядковъ охрану надъ ея усадьбой и имуществомъ". Помѣщики при первомъ требованіи крестьянами земли вставали обыкновенно на дыбы, послѣ чего крестьяне требовали выдачи имъ ключей отъ амбаровъ съ хлѣбомъ,—и струсившіе помѣщики выдавали ключи безпрекословно. Нигдѣ въ нашемъ районѣ взлома замковъ произведено не было. Недалеко отъ насъ крестьяне явились къ довѣренному одной хлѣбной фирмы, у котораго въ амбарахъ было до ста тысячъ пудовъ хлѣба; довѣренный заявилъ, что у него ключей нѣтъ, онъ ихъ отправилъ хозяевамъ въ Рыбинскъ — и крестьяне оставили его въ покоѣ и хлѣба не тронули, хотя и считали этотъ хлѣбъ крестьянскимъ.

Въ дополненіе къ приговору мнѣ пришлось отъ себя выдать крестьянамъ записку въ томъ смыслѣ, что мы имъ отдали землю въ безплатное пользованіе, при чемъ я на всякій случай срока этого пользованія не обозначилъ. Крестьянъ эта юридически не имѣющая никакого значенія бумажка вполнѣ удовлетворила; они только очень настаивали, чтобы на бумагѣ была собственноручная подпись владѣлицы, почему нѣсколько человѣкъ выборныхъ присутствовали, когда подписывалась бумага. Всѣ эти дѣла мы закончили 23-го числа, когда начались погромы еще въ нѣсколькихъ сосѣднихъ имѣніяхъ.

Хотя мы и уладили дѣло съ крестьянами миромъ, но къ вечеру этого необычнаго дня стали побаиваться, тѣмъ болѣе, что мы не знали, чѣмъ ограничиваются формы крестьянской „забастовки", какъ здѣсь назывались эти дѣйствія: связана ли съ забастовкой неприкосновенность личности, или нѣтъ. Въ сумеркахъ къ намъ явилось нѣсколько человѣкъ изъ деревни, съ требованіемъ отпустить ту прислугу, которая взята была нами изъ постороннихъ, не мѣстныхъ жителей. Пришлось согласиться. Прислугу новую намъ обѣщали поставить изъ своихъ, чтобы, какъ говорили они, сторонніе не отбивали у нихъ заработка. Передъ вечеромъ я убѣдилъ хозяйку уѣхать въ сосѣднее село,

гдѣ усадебъ не было и безпорядковъ ожидать было нельзя; у насъ же домъ былъ близъ самой дороги, огороженъ легонькой дачной рѣшеткой, съ огромными окнами, безъ ставней, съ городскими рамами безъ переплетовъ. Въ такомъ домѣ пришлось бы ночь сидѣть не спавши, опасаясь если не своихъ, то проѣзжихъ, которые въ эти дни, какъ въ праздникъ, начали разъѣзжать поѣздами изъ села въ село. Въ то же село я отправилъ штуки четыре самыхъ цѣнныхъ лошадей и поставилъ ихъ у одного знакомаго крестьянина.

Часовъ съ семи вечера у насъ въ людской засѣла охрана—взрослые крестьяне, вооруженные самыми разнообразными инструментами: вилами, топорами, кольями, а нѣкоторые и ружьями. Смотрѣть на нихъ было и жутко, и смѣшно. Чтобы занять ихъ, послалъ я для нихъ за водкой и велъ съ ними разговоры. Всѣ эти событія были для нихъ такъ неожиданны, что они ни о чемъ собственныхъ мнѣній не высказывали и больше распрашивали меня. Ночевать я также уѣхалъ въ село, но спалось плохо; раза три до утра съѣздилъ я верхомъ на усадьбу; тамъ выпившая стража стала было требовать у старосты ключи отъ амбаровъ, при чемъ немного его даже помяли. Ключи были у меня; я ихъ показалъ крестьянамъ и положилъ обратно въ карманъ, послѣ чего они больше о ключахъ не спрашивали. На другой день мы явились домой и послѣ этой критической ночи больше уже не уѣзжали.

Цѣлый мѣсяцъ тянулось у насъ крестьянское самовластіе; не было ни войскъ, ни полиціи. Волненіе охватило районъ въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ; почти каждый вечеръ горизонтъ освѣщался заревомъ горѣвшихъ усадебъ, и намъ не вѣрилось, что мы уцѣлѣемъ. Были и такіе помѣщики, которые пробовали активно сопротивляться, но это ни къ чему не вело. Въ шести верстахъ отъ насъ у помѣщика Z. увели во время его отлучки въ Москву сорокъ заводскихъ лошадей и свезли весь хлѣбъ и кормъ. Пріѣхавъ домой и увидѣвъ все хозяйство разрушеннымъ (уцѣлѣла только обстановка дома, да двѣ тройки лошадей, которыхъ укрылъ кучеръ), Z. немедленно отправился въ Курмышъ и вытащилъ оттуда чуть не насильно исправника съ пятью урядниками. Проѣзжавшія власти произвели нѣкоторое впечатлѣніе на крестьянъ, которые думали, что полиціи уже нигдѣ не существуетъ; но продолжалось это недолго, по винѣ властей. Пріѣхавъ къ Z., исправникъ послалъ за сельскими писаремъ и старостой, которые вездѣ оказывались первыми виновными, такъ какъ всѣ насильственныя дѣйствія сопровожда-

лись постановленіями цѣлыхъ обществъ. Постановленія эти излагались въ приговорахъ, которые писались писарями, а неграмотные, въ большинствѣ случаевъ, старосты прикладывали къ нимъ печать. Написаніемъ приговоровъ крестьяне очевидно желали возложить отвѣтственность на цѣлыя общества и тѣмъ затруднить судебныя преслѣдованія; а такъ какъ возмездіе имъ представлялось только въ видѣ тюрьмы и ссылки, то и казалось вполнѣ естественнымъ, что цѣлый уѣздъ не сошлешь никуда, и слѣдовательно погромъ останется безнаказаннымъ. Не предвидѣли крестьяне только одного: появленія казаковъ. Писарь со старостой, не разучившіеся еще подчиняться, немедленно явились на вызовъ исправника и, какъ зачинщики, были немедленно арестованы и отправлены въ становую квартиру.

Арестъ сельскихъ властей вызвалъ волненіе въ народѣ; черезъ какой-нибудь часъ все село стояло у крыльца и требовало освобожденія арестованныхъ. Дряхлый, полуживой исправникъ (ему было свыше 70-ти лѣтъ) вышелъ на терассу вразумлять толпу, но былъ схваченъ ближайшими крестьянами, у которыхъ, къ его счастью, какъ-то успѣли его отнять урядники. Толпа, видя безпомощность полиціи, начала угрожать и настаивать на выдачѣ арестантовъ. Тогда Z. самъ подошелъ къ крестьянамъ и потребовалъ, чтобы они разошлись, грозя въ противномъ случаѣ стрѣлять; въ угрозу эту народъ, вѣроятно, не повѣрилъ, потому что сами крестьяне вовсе не трогали помѣщиковъ, а интересовались только ихъ имуществомъ. Толпа продолжала стоять... Раздался выстрѣлъ, и всѣ, кромѣ одного убитаго наповалъ богатаго мужика, имѣвшаго тысячъ десять капитала, бросились бѣжать. Въ догонку за ними бѣжалъ Z. и еще одного легко ранилъ. Исправникъ послѣ этого инцидента еще сильнѣе струсилъ и сталъ проситься домой, но Z. предупредилъ собравшихся въ его кабинетѣ чиновъ полиціи, что въ перваго же направившагося зачѣмъ-либо къ двери онъ будетъ стрѣлять. Полиція оказалась подъ арестомъ, и только одинъ урядникъ, посланный немного погодя переодѣтымъ на развѣдки, успѣлъ бѣжать, оставивъ въ кабинетѣ свою форму. Раздраженные крестьяне начали подвозить къ дому солому, намѣреваясь сжечь его вмѣстѣ съ помѣщикомъ и властями. Осажденные не выдержали и въ сумеркахъ, заложивъ двѣ тройки, не взявъ съ собой почти ничего, уѣхали изъ усадьбы. Когда они проѣзжали мимо насъ, вспыхнуло огромное зарево: горѣли оставленная усадьба и смежная съ нею.

Въ этомъ же селѣ, рядомъ съ подожженными усадьбами,

была еще одна, которую жечь въ этотъ вечеръ не стали, хотя помѣщикъ N. давно бѣжалъ. Ничѣмъ особеннымъ онъ не отличался, кромѣ развѣ того, что его любимымъ развлеченіемъ была травля собаками мужицкихъ телятъ; травилъ онъ ихъ съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ, и травля оканчивалась обыкновенно смертью теленка, за котораго N. потомъ расплачивался, благодаря чему миръ у него съ крестьянами и не нарушался. Крестьяне звали его Володей и любили; за что — это секретъ крестьянской психики. Въ самый разгаръ у насъ анархіи крестьяне посылали къ N. депутатовъ съ просьбой, чтобы онъ вернулся обратно въ усадьбу, грозя, если онъ не вернется, сжечь и его домъ. Онъ не вернулся, и старинный домъ въ 22 комнаты вскорѣ сгорѣлъ.

Въ общемъ, въ нашемъ районѣ въ какихъ-нибудь десять дней разграбили имѣній двадцать; нетронутыми остались три небольшихъ имѣньица, принадлежавшихъ лицамъ зажиточнымъ, но умѣвшимъ ладить съ крестьянами. Въ томъ имѣніи, владѣлецъ котораго, какъ сказано выше, сдавалъ землю крестьянамъ на сравнительно льготныхъ условіяхъ, усадьба, съ обстановкой стоившая не менѣе ста тысячъ, осталась нетронутой, не смотря на отсутствіе владѣльца. Его испольщики назначали сами, по собственной иниціативѣ, дежурныхъ для охраны; въ домѣ было много оружія, и никто изъ постороннихъ не рискнулъ начать здѣсь погромъ.

Я все время старался быть въ курсѣ крестьянскаго настроенія. У насъ въ людской каждый вечеръ собиралось цѣлое засѣданіе; я громко читалъ газеты, объяснялъ прокламаціи, которыя приносили крестьяне. Для выясненія того, что̀ въ данный моментъ слѣдовало считать законнымъ, мнѣ много помогла брошюра Шершеневича, гдѣ излагалась программа конституціонно-демократической партіи. Въ это время она казалась самымъ умѣреннымъ, что̀ можно было сказать народу, не возстановляя его противъ себя. Только по сельско-хозяйственному рабочему вопросу крестьяне оказались правѣе программы.

Недѣли черезъ двѣ послѣ возникновенія безпорядковъ у насъ появился слухъ, что крестьяне одного изъ сосѣднихъ селъ хотятъ подѣлить нашъ сѣменной хлѣбъ, котораго было тысячи три пудовъ; остальной былъ проданъ раньше. Слухъ этотъ появился утромъ, и занесла его какая-то деревенская дѣвочка. Говорили, что дѣлежъ назначенъ въ семь часовъ вечера. Намъ въ это утро пришлось поломать голову надъ тѣмъ, какимъ образомъ предупредить погромъ, который, конечно, не ограничился бы дѣле-

жомъ хлѣба. И мы нашли выходъ. Часа въ четыре послѣ обѣда я отправился за приходскими священникомъ и дьякономъ, съ приглашеніемъ отслужить молебенъ. Дьяконъ, подвижной молодой человѣкъ, живо согласился; но чтобы заставить пріѣхать священника, боявшагося всякихъ активныхъ дѣйствій, потребовались довольно-таки энергичныя и даже невѣжливыя настоянія. Послѣ нѣкоторой борьбы усадилъ я ихъ обоихъ въ сани и привезъ въ нашу усадьбу. Затѣмъ мы послали приглашеніе крестьянамъ, говоря, что зовутъ только тѣхъ, кто хочетъ идти на благодарственный молебенъ къ намъ въ домъ къ семи часамъ. Мы предупредили бѣду: вмѣсто грабежа въ тѣ же часы деревня вся была на молебствіи. Священникъ сказалъ предварительно рѣчь, въ которой очень одобрилъ крестьянъ за ихъ мирное поведеніе. Послѣ молебна, на которомъ были всѣ, не исключая дѣтей и стариковъ, мы пригласили крестьянъ пить чай. Это имъ польстило, и сраженіе нами было выиграно окончательно. Приглашеніе на чай не показалось крестьянамъ чѣмъ-либо нетактичнымъ или похожимъ на задабриваніе, потому что мы еще задолго до безпорядковъ начали исподволь вводить эти американскія отношенія и, не впадая, подобно многимъ, въ сентиментальность, поставили себя на болѣе равную ногу съ крестьянской средой. Можетъ быть, прежняя подготовка помогла намъ даже больше чѣмъ мѣра, принятая въ рѣшительный моментъ.

Около десятаго декабря въ крестьянской средѣ проявилась реакція. Стали носиться слухи о жандармахъ, о казакахъ, пока казавшіеся неправдоподобными, ибо до тѣхъ поръ только въ одно село пріѣзжалъ прокуроръ со слѣдователемъ и урядниками, но уѣхалъ ни съ чѣмъ, такъ какъ никто на слѣдствіе не явился. У нѣкоторыхъ крестьянъ, впрочемъ, реакція сказывалась еще въ самые первые дни погромовъ.

Крестьянамъ казалось, что ограбленіе помѣщичьихъ хозяйствъ ихъ обогатитъ; на дѣлѣ же вышло, что они не получили ничего, кромѣ немногихъ, кому удалось потихоньку сбыть цѣнныя вещи или нажить на скотѣ, во-время проданномъ на сторону. Этимъ способомъ поживились богатые торговцы, но не бѣднота, мечтавшая объ обогащеніи. Большинство, наоборотъ, оказалось въ страшномъ денежномъ затрудненіи. Всякая торговля остановилась, цѣна на скотъ и хлѣбъ сильно упала, и продавать собственную скотину—чѣмъ обыкновенно здѣсь жили крестьяне—оказалось невозможнымъ; зарѣзанныя съ первыми морозами свиньи лежали у многихъ второй мѣсяцъ десятками, не находя покупателей. Хлѣбъ у русскихъ крестьянъ торговцы покупать пере-

стали совершенно, боясь отвѣтственности, и покупали только у татаръ, которые прожили все время мирно. У татаръ возникновенію безпорядковъ мѣшало ихъ религіозное міросозерцаніе, а также невозможность составлять такіе приговоры, какіе писались у русскихъ. Еще до появленія казаковъ нѣкоторыя общества возвратили помѣщичій скотъ и сколько нашлось хлѣба, и если бы по приходѣ казаковъ усмирители не употребили во зло свою силу, а слѣдователи не размножали безъ надобности уголовныя дѣла, то могли бы водвориться новыя, разумныя и мирныя отношенія съ крестьянами. Случилось иначе.

Въ одинъ веселый солнечный декабрьскій день я поѣхалъ въ село проѣзжать лошадь. На встрѣчу мнѣ попался казакъ. Онъ ѣхалъ одинъ, неторопливымъ шагомъ, съ самымъ безпечнымъ видомъ, точно на прогулку. Одинокая фигура казака быстро привлекла на улицу всю деревню. Послышались насмѣшки со стороны бабъ; изъ группы парней полетѣли комья снѣга. Казакъ невозмутимо ѣхалъ дальше, направляясь къ волостному правленію. Нѣсколько минутъ спустя появилось еще трое казаковъ; эти уже вызвали не насмѣшки, а какое-то нѣмое недоумѣніе и боязнь. Вскорѣ въ деревню вошли цѣлыхъ двѣ сотни. Народъ былъ охваченъ паникой; всѣ искали, гдѣ скрыться; улица въ одно мгновеніе стала мертвой; даже собаки и телята, и тѣ куда-то попрятались. Усмирять въ это время было некого; никто больше не бунтовалъ, но казаковъ съумѣли обратить въ орудіе мести. Распоряжаться дѣйствіями казаковъ долженъ былъ земскій начальникъ, но онъ, какъ человѣкъ больной и слабосильный, передалъ это дѣло совершенно непричастному ни къ какой администраціи Z., о которомъ шла рѣчь выше. Этотъ энергичный и озлобленный человѣкъ оставилъ о себѣ здѣсь память надолго. Сопровождаемый казаками, онъ собралъ весь свой хлѣбъ, всѣхъ лошадей, весь рогатый скотъ и много денегъ. Онъ разъѣзжалъ по богатымъ мужикамъ, забиралъ у нихъ хлѣбъ, а затѣмъ нагайками выбивалъ еще деньги, такъ что отъ безпорядковъ оказался въ барышахъ. Его постройки были застрахованы въ земствѣ, и страховыя деньги онъ получилъ полностью; а сколько онъ пріобрѣлъ кромѣ того — это знаетъ только онъ самъ.

Мѣстный помѣщикъ, онъ же земскій начальникъ, тоже излилъ свой гнѣвъ на крестьянахъ, которые ограбили его мать; онъ пороль мужиковъ и бабъ, но ничего изъ нихъ не выбилъ и расхищеннаго не вернулъ. На Рождествѣ онъ явился зачѣмъ-то къ намъ и сталъ распрашивать о томъ, что у насъ произошло.

Мы сказали, что безпорядковъ не было, но не могли умолчать о приговорѣ, о которомъ онъ уже зналъ, и о томъ, что у насъ за это время произошла кража дровъ, не сопровождавшаяся никакими безпорядками. Ни о какихъ мѣрахъ возмездія мы его не просили, но онъ послалъ за старостой и сталъ изступленно кричать на него, требуя, чтобы завтра же были представлены намъ дрова или уплачены за нихъ деньги; въ противномъ случаѣ онъ обѣщалъ завтра пріѣхать съ казаками и всѣхъ перепороть. Мужики призадумались, но намъ удалось ихъ выручить: мы дали имъ фиктивную росписку, что за дрова деньги съ нихъ полностью получили, и этимъ избавили ихъ отъ начальнической расправы. По поводу приговора было начато уголовное дѣло; пришлось и здѣсь смягчать факты, и освободить отъ преслѣдованія не удалось только двоихъ, которые были замѣшаны въ грабежѣ другихъ усадебъ.

Когда успокоилась погромная лихорадка, когда крестьяне пережили и послѣдовавшее за ней возмездіе, тогда они сообразили, что силой ничего не сдѣлаешь. Въ это время откуда-то появилась въ крестьянскихъ головахъ идея пассивнаго сопротивленія и крѣпко засѣла въ крестьянскомъ мозгу. Они научились бойкотировать и почти совершенно вытѣснили помѣщиковъ изъ значительной части уѣзда: нѣкоторыя земли понынѣ, съ 1905-го года, остаются непаханными и никѣмъ ни по какой цѣнѣ не берутся въ аренду. Продать крестьянское имущество нѣтъ никакой возможности: никто не является на торги. Напрасно думаютъ, что теперь снова „все обстоитъ благополучно" въ деревнѣ. Крестьянское движеніе пошло теперь новымъ путемъ, но у него старый лозунгъ: „земля".

Ал. Шумиловъ.

СЦЕНА ИЗЪ „ФАУСТА“

ГЁТЕ

Кабинетъ.

Фаустъ — Мефистофель.

Фаустъ.

Стучатъ? Кто вздумалъ мучить вновь? Войдите!

Мефистофель.

Здѣсь я!

Фаустъ.

Войди!

Мефистофель.

Зовъ трижды повторите!

Фаустъ.

Войди!!

Мефистофель.

Премного обязалъ...
Ну, что-жъ? Дадимъ другъ другу руки!
Чтобы развлечь тебя отъ скуки,

Смотри, какимъ я франтомъ сталъ:
Шитъ золотомъ камзолъ мой красный,
Поверхъ накинутъ плащъ атласный,
Съ перомъ пѣтушьимъ мой берэтъ,
А сбоку, тутъ, сталь вѣрной шпаги.
Костюмъ такой—въ немъ весь секретъ—
И ты надѣлъ бы для отваги,
Чтобы, развязенъ, гордъ и смѣлъ,
Ты въ шумный свѣтъ войти съумѣлъ.

Фаустъ.

Во всякомъ платьѣ и повсюду
Тоску въ душѣ носить я буду.
Я старъ, чтобъ жизнію играть,
И молодъ, чтобъ страстей не знать.
Что дастъ мнѣ міръ, во зло поверженъ?
„Терпи, страдай и будь воздерженъ!"—
Вотъ эта пѣснь звучитъ, звучитъ,
Невыносимая для слуха,
И каждый часъ она кричитъ
О вѣчной тьмѣ, терзая ухо.
Встаю, едва заря блеснетъ,
Въ душѣ и слезы и страданья,
И новый день не принесетъ
Осуществленія желанья,
И только сладкую мечту
Сухимъ анализомъ отравитъ,
Моихъ созданій красоту
Гримасой пошлости раздавитъ.
Когда на землю ночь сойдетъ,
Разбитый я иду на ложе,
Но сонъ покоя не несетъ,
Мой духъ видѣньями тревожа.
Тотъ Богъ, что грудь мою живитъ,
Въ душѣ напрасно будитъ страсти:
Хоть надо мною онъ царитъ,
Надъ міромъ не имѣетъ власти.
Подъ ношей мукъ готовъ я пасть
И смерть призвать, и жизнь проклясть!

Мефистофель.

И смерть-то, какъ-ни-какъ, ужасная напасть!

Фаустъ.

Блаженъ, кому на полѣ брани
Побѣдный лавръ она сплететъ,
Кого, средь розъ и ликованій,
Въ объятьяхъ милой застаетъ!
Зачѣмъ не умеръ, восхищенный,
Когда мнѣ Духъ свой ликъ явилъ?

Мефистофель.

А кто сокъ черный отстранилъ
Въ ту ночь отъ устъ своихъ, смущенный?

Фаустъ.

Шпіонить, видно, цѣль твоя.

Мефистофель.

Хоть не всевѣдущій, но много знаю я.

Фаустъ.

Когда изъ бездны изступленій
Знакомый звонъ меня исторгъ,
Лишь отзвукъ дѣтскихъ впечатлѣній
Вдругъ пробудилъ въ душѣ восторгъ.
Теперь—проклятья шлю соблазнамъ
И тонкой сѣти хитрыхъ путъ,
Что̀ душу въ склепѣ безобразномъ
Замуровали и гнетутъ!
И вотъ—кляну я самомнѣнье,
Какимъ опуталъ умъ себя,
Кляну я лживость впечатлѣнья,
Что̀ тѣшитъ чувства, ихъ губя!
Кляну я суетность мечтаній
О славѣ, прочности заслугъ,

Кляну я страсть любостяжаній,
Жену, дѣтей, раба и плугъ!
Кляну Маммона, звономъ злата
Къ борьбѣ зовущаго досель
Или для нѣги и разврата
Намъ разостлавшаго постель!
Кляну вина сокъ ароматный,
Любви рой сладостныхъ утѣхъ,
Надежду, вѣру и стократно
Кляну терпѣнья тяжкій грѣхъ!

Хоръ духовъ (незримый).

О, ты, несчастный!
Смотри, какой
Своей рукой
Разбилъ ты міръ прекрасный!
Ты, полубогъ,
Его разрушить могъ!?
Вотъ мы несемъ
Твои погибшія мечты
И слезы льемъ
Мы по обломкамъ красоты...
Сынъ праха,
Съ душой могучей и безъ страха,
Создай же снова
Ты міръ, прекраснѣе былого,
Въ груди своей
И безъ тревоги
По новой жизненной дорогѣ
Иди бодрѣй,—
И пѣсни новыя опять
Начнутъ звучать!

Мефистофель.

Они изъ малыхъ
Моихъ бывалыхъ—
Внемли совѣтамъ здравымъ—
Влекутъ къ труду, къ забавамъ—
Въ міръ наслажденья
Изъ заточенья,

Изъ этой тьмы могилы,
Гдѣ гаснутъ чувства, силы...
Оставь печаль, что только гложетъ,
Подобно коршуну, твой вѣкъ.
Дурной кружокъ—и тотъ понять поможетъ,
Что средь людей ты человѣкъ.
Идти же въ грязь и смрадъ притона
Тебѣ и незачѣмъ со мной.
Я не высокая персона,
Но если хочешь путь земной
Свершить со мною ты удобно,
Я постараюсь безподобно
Тебѣ служить своимъ горбомъ.
Тогда повсюду
Твоимъ я буду
Слугой и преданнымъ рабомъ!

Фаустъ.

А что потребуешь за это?

Мефистофель.

Ну, срокъ вѣдь долгъ до отвѣта.

Фаустъ.

Нѣтъ! чортъ, я знаю, эгоистъ,
Въ своихъ дѣлахъ не очень чистъ,
Печется мало онъ о пользѣ свѣта.
Условиться должны мы обо всемъ:
Такой слуга опасность вноситъ въ домъ.

Мефистофель.

Служить тебѣ здѣсь буду неустанно
И все исполню, что ни прикажи;
Когда скончаешься ты поздно или рано,
На свѣтѣ томъ мнѣ также послужи.

Фаустъ.

Тотъ свѣтъ меня печалитъ мало,
И если разобьешь ты этотъ свѣтъ сначала,
Пускай другой возникнетъ въ мигъ.
Здѣсь, здѣсь мои надежды расцвѣтали
И солнце нѣжило мои печали,
А еслибъ, наконецъ, онѣ и отзвучали,
Мнѣ дѣла нѣтъ до формъ другихъ!
Я не хочу и слушать даже,
Любовь и ненависть умрутъ
Иль съ нами перейдутъ туда же,
И есть тамъ верхъ и низъ, какъ тутъ.

Мефистофель.

Рѣшись, коль держишься такихъ воззрѣній —
И вступишь ты тогда въ міръ наслажденій,
Благодаря искусству моему;
Я дамъ, что̀ недоступно никому!

Фаустъ.

Что̀ получу я отъ услугъ злосчастныхъ?
Духъ человѣческій въ его исканьяхъ страстныхъ
Тобою понятъ ли, направленъ ли на путь?
Ты яствами насъ можешь обмануть,
Дашь золото, что словно ртуть
Межъ пальцами бѣжитъ и таетъ,
Игру, въ которой каждый проиграетъ,
Иль дѣвушку, что на груди моей
Начнетъ сосѣду строить глазки,
Иль славу наконецъ, кумиръ людей.
Какъ метеоръ ея минутны ласки!
Гдѣ плодъ, котораго никто бы не сорвалъ,
И дерево, что вѣчно бъ зеленѣло?..

Мефистофель.

Ну, этимъ ты меня не запугалъ:
Такимъ добромъ служить могу я смѣло.
Да, добрый другъ, не долго ждать намъ дня,
Когда начнемъ мы пить восторги упоеній.

Фаустъ.

Коль успокоюсь я на ложѣ нѣгъ и лѣни,
Пусть поразитъ тутъ смерть меня!
Коль ты соблазнами обманешь
И я упьюсь восторгомъ самъ,
Коль наслажденьемъ отуманишь,
Бери—тебѣ я жизнь отдамъ!
Вотъ мой зарокъ!

Мефистофель.

Такъ!

Фаустъ.

По рукамъ!
Когда скажу мгновенью страстно:
Остановись! ты такъ прекрасно!
Оковы на меня клади
И въ преисподнюю веди.
Пусть звонъ раздастся погребальный,—
Оконченъ путь многострадальный,
И время станетъ на часахъ,
И стрѣлка съ нихъ сорвется въ прахъ!

Мефистофель.

Смотри — я это не забуду!

Фаустъ.

Какъ знаешь! Спорить я не буду
И клятву дамъ тебѣ я въ томъ,
Что стану, какъ сказалъ, рабомъ,
А чьимъ?—мнѣ это безразлично.

Мефистофель.

На докторской пирушкѣ преотлично
Слуги обязанность начну я исполнять.
На случай смерти же двѣ строчки написать
Ты потрудись, какъ дѣлаютъ обычно.

Фаустъ.

Ты требуешь росписки, формалистъ?
Иль слово честное тебѣ не тотъ же листъ?
Иль недостаточно, что даннымъ словомъ
Навѣкъ свою судьбу тебѣ вручаю я?
Несется жизнь впередъ потокомъ вѣчно новымъ—
Что значитъ подпись тутъ моя?
Такъ съ предразсудкомъ тѣмъ сроднились мы некстати
И до сихъ поръ ему вѣрны;
Кто слово свято чтитъ, въ томъ много благодати,
Ему и жертвы не страшны;
Пергаментъ писанный съ клеймомъ печати
Есть пугало, предъ чѣмъ дрожать должны.
Рѣчь умираетъ подъ перомъ—и что же?
Значенье все тутъ въ воскѣ съ кожей!
Злой духъ, что хочешь ты имѣть?
Пергаментъ, мраморъ или мѣдь?
И чѣмъ писать ты мнѣ укажешь?
Рѣзцомъ, перомъ иль грифелемъ прикажешь?

Мефистофель.

Рѣчей потоки полились!
Къ чему напрасно горячиться?
На это каждый листъ годится,
Лишь каплей крови подпишись.

Фаустъ.

Коль это нужно по условью,
Давай—я распишусь и кровью.

Мефистофель.

Да! кровь совсѣмъ особый сокъ.

Фаустъ.

Не бойся—клятвы не нарушу!
Отдамъ, когда наступитъ срокъ,
Мою страдающую душу.

Я заносился, гордъ и строгъ,
Но одного съ тобой я рода;
Великій Духъ мной пренебрегъ
И дверь закрыла мнѣ природа.
Мышленья порвалася нить,
И знанье стало мнѣ претить.
Дай мнѣ въ пучинѣ страсти знойной
Залить души моей пожаръ!
Изъ-подъ покрова силой чаръ
Пусть міръ чудесъ возникнетъ стройно!
Такъ кинемся впередъ, впередъ—
Въ потокъ временъ, въ водоворотъ!
Печаль пусть смѣнитъ упоенье,
Удачу—пораженье,
Переплетаясь межъ собой.
И смѣло ринемся мы въ бой!

Мефистофель.

Всѣмъ насладишься ты безъ мѣры!
Повсюду сладкую мечту
Ловить мы будемъ на лету,
Осуществимъ свои химеры.
Итакъ, будь смѣлъ, хватай и хохочи!

Фаустъ.

Ты слышалъ ли?—о радостяхъ молчи!
Въ томъ вихрѣ пить хочу я мукъ, и слезъ отраду,
Въ враждѣ найти любовь, въ страданіяхъ—усладу.
Отъ жажды знанія духъ жадный исцѣля
И съ человѣчествомъ всѣ горести дѣля,
Всѣхъ бѣдъ его фіалъ, судьбой опредѣленный,
Хочу испить до дна, свободный, просвѣтленный.
Хочу, добра и зла державный властелинъ,
Подняться до высотъ, спуститься до глубинъ
И, такъ весь міръ земной въ самомъ себѣ вмѣщая,
Погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, страдая и прощая!

Пер. П. П. Воскресенскій.

НОВЫЙ ГОРОДЪ

Paul Adam, „Autour de la Porcherie“.

Окончаніе *).

VI.

Въ перевязочной залѣ Розасъ сталъ упрекать Магги въ неосторожности. Она доказывала, что сама не такъ пострадала, какъ шоферъ, когда автомобиль стукнулся о скалу въ горномъ ущельѣ. Она требовала, чтобы докторъ раньше сдѣлалъ перевязку шоферу, а потомъ только занялся ею. Но Розасъ не слушалъ ее. Удаливъ постороннихъ изъ залы, онъ захотѣлъ прежде всего выслушать ей сердце. Пока она раздѣвалась, онъ сталъ говорить съ ея матерью, убѣждая ее увезти Магги куда-нибудь въ деревню на сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ заявилъ, что ей крайне вреденъ всякій спортъ и въ особенности чрезмѣрно быстрая ѣзда въ автомобилѣ. Приложивъ наконецъ ухо къ сердцу Магги, онъ нѣсколько продлилъ прикосновеніе къ дѣвушкѣ, которая ему очень нравилась. Магги слегка отстранилась, и докторъ понялъ, что она замѣтила намѣренную продолжительность его осмотра. Онъ быстро отошелъ и, чтобы скрыть свое смущеніе, набросился съ упреками на м-ссъ Фуллеръ, обвиняя ее въ томъ, что она губитъ свою дочь, добиваясь брака ея съ Джимомъ. Даже еслибы этотъ бракъ былъ возможенъ, все же, говорилъ докторъ, Магги не дожила бы до свадьбы. М-ссъ Фуллеръ пришла въ отчаяніе и стала ссылаться на ньюіоркскихъ докторовъ, которые считали, что Магги необходимы

*) См. ноябрь, стр. 264.

физическія упражненія. Вѣдь нью-іоркскій врачъ, Липсонъ, самъ писалъ объ этомъ Розасу, направляя къ нему Магги. М-ссъ Фуллеръ и Розасъ горячо спорили, пока докторъ зашивалъ поврежденную бровь Магги. Молодая дѣвушка почувствовала упадокъ силъ и попросила мать пойти за флакономъ съ нюхательной солью, забытымъ въ автомобилѣ. Мать рада была избавиться отъ попрековъ доктора и, послѣ короткаго колебанія, вышла изъ комнаты.

Розаса мучила мысль, что Джимъ сдѣлается мужемъ Магги. Онъ сталъ упрекать дѣвушку, говоря, что деньги для нея дороже жизни. Поддаваясь охватившей его ревности, онъ сталъ безпощадно пугать Магги серьезностью ея болѣзни, сталъ угрожать ухудшеніемъ, предсказывалъ постоянные обмороки, если она не перестанетъ соблазнять Джима безстрашіемъ и силой—качествами, совершенно неподходящими къ ея хрупкой фигурѣ и тонкому лицу.

— Если я умру — тихо сказала Магги, — то лишь потому, что вы недостаточно меня любите?

Докторъ забылъ, отъ неожиданности, опустить покраснѣвшую губку въ чашку съ водой. Онъ поблѣднѣлъ и задрожалъ.

— Да, еслибы вы меня любили,—продолжала Магги, поднимая глаза къ потолку, — вы бы съумѣли сдѣлать меня сильной, хоть на время, только для того, чтобы покорить Джима. Вы бы думали о моемъ счастьѣ... о томъ, что̀ я считаю счастьемъ. Меня одинаково влечетъ и власть Джима Кламоргана, и его красота, его сила. Обыкновенная любовь меня не удовлетворяетъ. Я хочу бо̀льшаго. Мнѣ нужна мысль, а не одно только чувство и не одно только дѣйствіе. Вы сами говорили: чувствовать и дѣйствовать — дѣло толпы. Только мысль — достояніе избранниковъ. Но тотъ, кто умѣетъ дѣйствовать и вмѣстѣ съ тѣмъ мыслить, тотъ осуществляетъ полноту бытія. Дѣйствовать я хочу такъ сильно, что рискую умереть; сила чувствъ моихъ доходитъ до безумія; думаю я до безудержнаго желанія воплотить эту мысль въ дѣйствіе, при посредствѣ власти. Джимъ Кламорганъ для меня—средство осуществить мою волю, докторъ.

— Бѣдненькая!—сказалъ Розасъ, взглянувъ на нее и вздохнувъ.

— Еслибы вы меня любили, вы бы надѣлили меня силой— на короткое время. Я знаю, что это возможно. Вы мнѣ говорили о сывороткѣ, выдуманной нѣмецкимъ ученымъ.

— Я вовсе не желаю отравлять васъ...

— Когда вы меня полюбите, вы съумѣете слѣдить за мной

и будете впрыскивать сыворотку до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе ея будетъ только благотворно. Вы съумѣете во-время остановить впрыскиванія... Любя меня, вы лучше изучите дѣйствія ядовъ, съумѣете дрессировать ихъ, какъ дрессируютъ дикихъ звѣрей. Быть-можетъ вашъ ядъ возмутится, начнетъ ревѣть, царапать, даже слегка ранитъ — но вы явитесь съ раскаленнымъ желѣзомъ въ нужную минуту и вы его усмирите... когда будете меня любить.

— Злая! Вы увлечены другимъ.

— Поэтому-то мнѣ и нужна ваша любовь... Когда вы меня полюбите, вы такъ укрѣпите мои силы, что я смогу идти на все, не рискуя умереть.

— Полюбить васъ—значитъ только страдать...

— Нѣтъ. Не только.

Онъ окончилъ промываніе ранки; осторожно сдвигая кончики бровей на мѣстѣ пораненія, онъ сталъ вглядываться въ зеленые глаза подъ рыжими бровями. Магги стояла передъ нимъ съ оголенной шеей и обнаженными руками и улыбалась ему невинной улыбкой.

— Нѣтъ. Не только страдать!—повторила она и, поднимаясь съ кресла, на которомъ сидѣла, вдругъ наклонилась къ Розасу, совершенно растерявшемуся отъ неожиданности, и прильнула холодными губами къ его пылающимъ губамъ.

Онъ въ первую минуту испугался мертвенно блѣднаго лица съ рыжими волосами и зелеными глазами. Въ немъ проснулся суевѣрный страхъ католика передъ женщиной. Обожженный ея страстью, онъ готовъ былъ отогнать ее заклинаніями какъ дьявольское навожденіе. Но, преодолѣвъ ужасъ, онъ сталъ горячо отвѣчать на ея поцѣлуи.

— Если я захочу, ты меня полюбишь!—властно шептала Магги.—И тогда я не буду бояться, что умру прежде чѣмъ выйду замужъ за Джима. Ты знаешь...

— Ты знаешь,—повторила она ему на ухо, и кровь, снова показавшаяся изъ раненной брови, придавала еще бо̀льшую странность дѣтски невинному лицу подъ тяжелыми волосами.

Открылась дверь и вошла м-ссъ Фуллеръ вмѣстѣ съ коммиссіей, окружавшей генерала Родригеса. Онъ пришелъ поблагодарить отъ имени правительства основательницу госпиталя, м-мъ Альвина, за ея щедрость. Она выстроила образцовую хирургическую залу для обученія кубанскихъ фельдшерицъ и фельдшеровъ. Розасу пришлось оставить Магги и присоединиться къ санитарной коммиссіи.

Пройдя въ садъ, усыпанный розоватымъ пескомъ, вступивъ въ тѣнь кокосовыхъ пальмъ и банановъ, докторъ нѣсколько успокоился отъ пережитого волненія. Онъ подошелъ къ дверямъ дирекціи между колоннами изъ краснаго дерева и направился къ мѣсту, гдѣ стояли м-мъ Альвина и м-мъ Эрнандесъ, въ шляпахъ съ удивительными цвѣтами. Графиня Бассэвъ говорила комплименты Эрикуру, очень любезно отвѣчавшему ей, не смотря на боли въ желудкѣ. Онъ положилъ въ ротъ лепешку Виши и безпокойно оглядывался, чувствуя слишкомъ явное недоброжелательство къ нему окружающихъ. Множество признаковъ убѣждало его въ этомъ, помимо донесеній Жумильяка, который былъ склоненъ скорѣе уменьшать значеніе пріятныхъ обстоятельствъ, чѣмъ сглаживать непріятное.

Передъ толпой, стоявшей подъ зонтиками, генералъ произнесъ четыре заученныя фразы. Такешель въ своей отвѣтной рѣчи высказалъ надежду на осуществленіе благородныхъ намѣреній. Потомъ, съ лукаво искрящимися глазами, онъ сказалъ, что среди обѣщаній будущаго благополучія ему не хочется вызывать призраки... но онъ все-таки долженъ напомнить о томъ, что всюду, въ лужахъ и стоячихъ водахъ, кишатъ насѣкомыя, носители желтой лихорадки. Необходимо осушать почву: объ этомъ пусть позаботятся ветераны, почитаемые всѣмъ населеніемъ. Они должны убѣдить лѣнивыхъ. Въ санитарномъ докладѣ доктора Розаса и другихъ членовъ коммиссіи указаны всѣ необходимыя мѣры предосторожности. Пускай ветераны сдѣлаются хранителями общественнаго здравія, и тогда дѣло національнаго возрожденія, предпринятое Франко-кубанской компаніей и горными рабочими, дѣйствительно вызоветъ подъемъ національной жизни, объединитъ ее съ общимъ экономическимъ развитіемъ Новаго Свѣта. Возможность союза съ „Электрикъ-Стандартъ" позволяетъ питать такія надежды.

— Кламорганъ!—раздалось въ толпѣ. Ветераны выступили изъ рядовъ, громко выражая свою радость. Такъ какъ это сказалъ Такешель, то сомнѣваться уже нечего. Глава партіи плантаторовъ — разсудительный человѣкъ: ему можно вѣрить. Кальдасъ рѣшилъ тотчасъ же энергично начать борьбу. Онъ отъѣхалъ отъ толпы и помчался галопомъ по направленію къ Альта-Вега, рѣшивъ вернуть къ вечеру сбѣжавшихъ рабочихъ-негровъ. Онъ предупредилъ объ этомъ Анхеля Ортиса, который очень удивился его предпріимчивости. Ортисъ понималъ свое безсиліе передъ властью, которую представлялъ собой атлетъ, только что появившійся стоя въ коляскѣ. Для Ортиса была вѣчной помѣхой

его безумная жена. Изъ-за нея онъ не могъ отважиться ни на какое смѣлое, спасительное дѣйствіе. Прежде всего нужно было сторожить ее и охранять отъ волненій. Онъ почувствовалъ глубокую безнадежность. Не для него Святая Дѣва, какъ пѣлось въ кантатѣ, вернула людямъ дьявольское золото трехъ озеръ. Не для него солнце благословляло вершины Лосъ-Дадосъ. Онъ долженъ былъ примириться съ мыслью, что никогда не обрѣтетъ ни власти, ни богатствъ. Лишь бы имѣть достаточный для жизни заработокъ и спасти отъ самоубійства несчастную больную. Онъ пожалъ плечами вслѣдъ умчавшемуся Кальдасу и посмотрѣлъ на Жумильяка, который дѣланно шутливымъ тономъ предлагалъ Пахитѣ Ниньесъ пять, семь, десять тысячъ пезосъ за свиной загонъ—за самую землю и за строенія. Онъ дѣлалъ ей это предложеніе отъ имени компаніи инженеровъ. Крестьянка колебалась. Она все повторяла, что ея загонъ становится городомъ и что за городъ платятъ милліоны. Жумильякъ возражалъ, что городъ раскинется отъ водопада до Альта-Вега и что загонъ будетъ только однимъ кварталомъ города, и то не изъ лучшихъ. Навѣсъ китайца, пристройки Кинта-Эрнандесъ, улица негровъ составляли гораздо болѣе значительные городскіе участки. На десять тысячъ пезосъ можно будетъ пріобрѣсти большой участокъ Альта-Вега возлѣ вокзала. Какія великолѣпныя дѣла можно будетъ устроить, перепродавая потомъ по частямъ эту землю строителямъ отелей и магазиновъ! Жумильякъ сказалъ, что готовъ стать участникомъ такой комбинаціи. Онъ зналъ, каковы требованія компаніи. Навѣрное можно будетъ заработать сто тысячъ пезосъ менѣе чѣмъ въ годъ.

Кончилась кантата, и всѣ устремились впередъ, чтобы проникнуть въ церковь, впервые открытую публикѣ. Среди шума Жумильякъ сталъ снова нашептывать на ухо вдовѣ свои соблазнительныя предложенія. Чувствуя свою слабость, она уклонялась отъ рѣшенія.—Такія дѣла не про меня,—говорила она.—Развѣ я Кламорганъ? Вѣдь я бѣдная Пахита.—Черномазая, съ жирными волосами подъ шляпой съ лентами, съ голымъ младенцемъ на рукахъ, держа за руку другого, обутаго въ сапоги, она все колебалась. Жумильяку было смѣшно, что она отказывается отъ цѣлаго состоянія. Онъ оставилъ ее, увѣренный, что съумѣетъ убѣдить ее въ другой разъ. Теперь онъ долженъ былъ спѣшить къ Эрикуру, чтобы предотвратить бестактности, которыя Эрикуръ такъ часто совершалъ по разсѣянности. Нельзя было покидать его какъ разъ въ разгаръ борьбы противъ трёста, противъ кубанской группы и всѣхъ служащихъ.

Хоръ воспѣвалъ въ испанскихъ строфахъ, сочиненныхъ м-мъ Эрнандесъ, легендарное золото Колумба и дьявольскія игральныя кости, превращенныя Пресвятой Дѣвой въ скалы для спасенія трехъ душъ изъ дьявольскихъ рукъ. Толпа внимательно слушала стройный хоръ. Казалось, что гора, рождающая богатства, поетъ гимнъ творенія.

Святая Дѣва представлялась въ кантатѣ не менѣе щедрой, чѣмъ дьяволъ старой легенды. Въ послѣдней строфѣ она возвращала золото озеръ вѣрнымъ потомкамъ Колумба. Игральныя кости дьявола дѣйствительно засверкали, когда солнце на половину зашло за вершину.

Неграмъ, пѣвшимъ въ хорѣ, это показалось почти чудомъ. Священная Матерь окружала сіяніемъ нѣкогда проклятыя игральныя кости, возвѣщая этимъ о небесномъ прощеніи и выказывая одобреніе возобновленію работъ. Всѣ черныя головы повернулись, продолжая пѣть, къ солнцу и къ вершинамъ. Бѣлые глаза прищурились. Голоса зазвучали еще громче. Въ толпѣ нѣсколько мулатокъ перекрестились. Метисы духового оркестра одинъ за другимъ сняли шапки, украшенныя лирой. Эрнандесъ и всѣ члены комитета наклонили головы; ихъ примѣру послѣдовали всѣ стоявшіе вокругъ люди. Джимъ, стоя въ коляскѣ, тоже снялъ шляпу. Онъ былъ какъ бы воплощеніемъ всѣхъ стремленій, воплотившихся въ реальное счастье. Шесть тысячъ рабочихъ, каменщиковъ, машинистовъ, лавочниковъ, созерцали эту мощь, страстно завидуя ей.

VII.

Передавая санитарной коммиссіи новую хирургическую залу, устроенную въ госпиталѣ на средства м-мъ Альвина, маркизъ д'Оро, предсѣдатель „Общества добровольной помощи", произнесъ рѣчь, одинаково лестную какъ для доктора Розаса, такъ и для дамъ. Въ концѣ рѣчи онъ остановился съ такими же похвалами на дѣятельности Эрикура, превознесъ его какъ иниціатора великаго дѣла, прибавляя, что теперь должны выступить другія силы, еще болѣе могущественныя, чтобы закончить достойнымъ образомъ начатое великое дѣло.

Эрикуръ улыбнулся почтенному оратору, хотя внутренно дрожалъ отъ бѣшенства. М-мъ Альвина сдѣлала своему компаньону ироническій реверансъ, придерживая свое желтое платье съ венеціанскими кружевами. Ея ироническій поклонъ волновалъ Эри-

кура въ теченіе всего обхода госпиталя. Катастрофа въ туннелѣ, когда тамъ лопнула водяная труба, переполнила госпиталь больными. На всѣхъ кроватяхъ лежали искалѣченные рабочіе. Эрикуръ долженъ былъ давать объясненія, держась указаній Жумильяка, записанныхъ на бумажкѣ, которую онъ спряталъ въ рукѣ. У нѣсколькихъ рабочихъ гноились глаза отъ постоянныхъ воспаленій, вызванныхъ каменной пылью, летающей по воздуху при работѣ въ скалахъ. Трое кашляли и харкали кровью. Та же пыль разрушала ихъ легкія. Розасъ, радостный вслѣдствіе своей любовной удачи, отличался во время обхода. Онъ обнажилъ, отбросивъ одѣяло на одной кровати, ногу, раздавленную камнемъ во время катастрофы, и сталъ мастерски склеивать берцовую кость, предварительно извлекши осколки. Юноша-работникъ стоналъ. У него было красивое, правильное лицо, нѣжная смуглая кожа и подъ одѣяломъ обрисовывались красивыя очертанія тѣла. Докторъ, гордясь своимъ мастерствомъ, показывалъ только сжатую полотенцами съ двухъ сторонъ часть ноги, которая посинѣла отъ кровоподтека. Розасъ давалъ объясненія, говорилъ о предотвращенной гангренѣ и указывалъ на слѣды трещинъ отъ раздробленныхъ костей. Онъ говорилъ спокойно, точно передъ нимъ былъ анатомическій препаратъ, а не живой человѣкъ — до того онъ въ собственномъ сознаніи возносился надъ всякимъ паціентомъ теперь, когда такая дѣвушка, какъ Магги Фуллеръ, дарила ему свою любовь.

Эрнандесъ, безмолвно протестуя противъ докторскаго равнодушія, пожалъ руку несчастнаго юноши и сталъ превозносить его за геройство, сравнивая его съ солдатомъ, раненымъ на полѣ битвы. Юноша улыбался сквозь боль. М-мъ Эрнандесъ погладила его по головѣ. Она заставила графиню Басснэвъ, которой было противно выставленіе на показъ раны, сказать, что она находитъ юношу красивымъ, вопреки искреннему мнѣнію графини: она не понимала красоты безъ изящества костюма и тонкаго обращенія. Она коснулась локтемъ Жумильяка, чтобы обратить его вниманіе на комичность всей сцены. Розасъ безконечно длилъ свою клиническую лекцію. Онъ рисовалъ ногтемъ на сукнѣ форму сломанныхъ костей. Эрнандесъ внимательно слушалъ. Маркизъ явно скучалъ. Такешель едва сдерживалъ смѣхъ; м-мъ Альвина показывала ему мимикой, что вполнѣ понимаетъ его. Но весь выборный комитетъ и санитарная коммиссія слушали доктора внимательно и съ большой почтительностью. Лондонскій конгрессъ наградилъ второй золотой медалью этого маленькаго, полнаго человѣка; нужно было, слѣдовательно, выказать

почтеніе кубанской знаменитости и внимательно выслушивать его объясненія. Эрикуръ, насколько онъ могъ отвлечься отъ своего гнѣва, былъ дѣйствительно заинтересованъ лекціей Розаса. Ему бы даже хотѣлось потопить свои заботы въ частной бесѣдѣ съ докторомъ. Но какъ только всѣ направились изъ хирургической залы въ библіотеку, м-мъ Альвина завладѣла Эрикуромъ. Въ библіотекѣ стоялъ рядъ стакановъ съ очень холодной водой—водой трехъ озеръ. Поэтесса заявила объ этомъ въ краткой красивой рѣчи. Тогда м-мъ Альвина, со стаканомъ въ рукѣ, отозвала Эрикура отъ другихъ и съ милымъ видомъ, обмахиваясь вѣеромъ, сказала:

— Надѣюсь, вы покончите съ Джимомъ Кламорганомъ.

— Покончу?—переспросилъ Эрикуръ искусственно любезнымъ тономъ, но сильно поблѣднѣвъ.

— Вы отлично знаете, о чемъ я говорю. Всѣ желаютъ, чтобы трёстъ укрѣпилъ ихъ положеніе, а я хочу, чтобы упрочилось дѣло, которое доставитъ Пабло, его брату и Инесѣ счастливую жизнь.

— Вы слишкомъ многаго ожидаете отъ трёста. Онъ столько не дастъ. Но отнять онъ можетъ почти все.

— Ничуть. Вы теперь можете говорить съ нимъ на равныхъ правахъ. Вода озеръ приводитъ въ движеніе десять турбинъ въ Парахасъ.

— Зачѣмъ же намъ отдаваться въ ихъ руки, если мы можемъ преуспѣть безъ нихъ?

— Послушайте: акціи „Электрикъ-Стандартъ“ котируются въ Нью-Іоркѣ по тысячѣ шестьсотъ-шестнадцати; акціи же Франко-кубанской компаніи желтѣютъ въ портфеляхъ Жака Лирисса, м-мъ Эрикуръ, Такешелей, Діацовъ, Ціенфуэнтесъ, Леви, въ копилкахъ моихъ дѣтей... Перемѣнить наши акціи на тѣ—чего можно желать лучшаго?

М-мъ Альвина была такъ возбуждена, что дала волю своему колоніальному акценту. Ея собесѣднику это было скорѣе пріятно; онъ ея меньше боялся. Она сама отдѣлила себя отъ господствующихъ расъ.

— Я бы не такъ настаивала—сказала она,—еслибы дѣло не шло о будущности моихъ дѣтей. Я хочу дать имъ все... все! Теперь это стало возможно. По вашему капризу эти три жизни могутъ или засверкать, или стать сѣрыми. Лосъ-Дадосъ можетъ превратить ихъ жизнь въ волшебную сказку. Чтобы достигнуть этого, я могу сдѣлаться свирѣпой... если нужно.

— Какъ прекрасно материнское чувство!

— Смѣйтесь сколько угодно. Я не разсержусь. Но берегитесь! Вы не знаете, до чего я люблю моихъ дѣтей. Я ихъ люблю не для себя, а для нихъ самихъ. Я заперла моихъ сыновей съ воспитателями точно въ темницу, когда имъ было по четыре года. Потомъ они проводили все время съ учителями въ отдѣльномъ павильонѣ въ паркѣ. Я лишила себя ихъ нѣжности. Я добивалась, чтобы они меня боялись — даже ненавидѣли. Они дѣйствительно возненавидѣли меня, и я плакала ночи напролетъ, думая о томъ, какъ много страданій имъ доставляетъ моя непостижимая любовь. Они учились изъ страха предо мной. Мнѣ пришлось съ отчаяніемъ въ душѣ бороться съ болѣзнями, когда чрезмѣрная работа чуть не убила Фернанда. Я разъ подняла Пабло съ раскроеннымъ черепомъ послѣ того какъ заставила его перескочить черезъ препятствіе на слишкомъ горячей лошади. Я до крови била мою дочь каждый вечеръ, пока она не научилась хорошо англійскому, нѣмецкому и русскому языкамъ. Зато теперь, вы сами сказали, эти мальчики въ четырнадцать и пятнадцать лѣтъ обладаютъ ученостью, которая впору людямъ съ университетскими дипломами. А моя дочь—болѣе утонченная дипломатка, чѣмъ Макіавелли, сочиненіе котораго она знаетъ наизусть. Ни одна радость, которую можетъ доставить умственное развитіе, не чужда имъ. И я такъ укрѣпила ихъ тѣло, что они могутъ переносить всякую усталость, исполнять всякую работу... Да, вотъ я какая мать!.. Каждую ночь, когда Инеса уже спитъ, я сама полирую ей ногти на рукахъ и на ногахъ, растираю маслами ея кожу. Я хочу, чтобы она принесла въ даръ своему будущему мужу красоту, которая сдѣлаетъ его ея страстнымъ рабомъ... Вотъ какъ я люблю своихъ дѣтей... Вы говорите постоянно о вашемъ дѣлѣ, о томъ, что вы создали. Мое дѣло — счастье и торжество моихъ дѣтей. Клянусь вамъ, что оно мнѣ не менѣе дорого, чѣмъ ваше—вамъ...—Откровенная злоба шипѣла, вырываясь изъ увядшихъ устъ.

Чтобы перейти въ операціонный залъ, нужно было пройти черезъ садъ. М-мъ Альвина старалась ускользнуть отъ новыхъ преувеличенныхъ выраженій благодарности за великолѣпные наборы инструментовъ—тоже ея подарокъ. Она отошла въ тѣнь слегка наклонившейся кокосовой пальмы, чтобы удобнѣе продолжать разговоръ со своимъ компаньономъ. Она была очень взволнована и не замѣтила, что на вспотѣвшемъ лицѣ размазалась пудра. Она разсказывала Эрикуру безъ конца о подробностяхъ страннаго, жестокаго воспитанія, которое она дала дѣтямъ. Какъ все это ни казалось смѣшнымъ Эрикуру, все же онъ не могъ

не признать въ этой венецуэлкѣ южно-американскую энергію, дѣлающую Буэносъ-Айресъ опаснымъ соперникомъ большихъ сѣверо-американскихъ городовъ. Благодаря этой энергіи, въ гаваннскомъ университетѣ пятнадцатилѣтніе ученики изучаютъ самыя сложныя науки и философскія ученія. Переселившись на кубанскую почву, м-мъ Альвина заразилась патріотизмомъ, возбуждавшимъ всѣ умы вокругъ нея и требовавшимъ, чтобы освобожденный народъ всѣмъ внушилъ уваженіе къ своему уму, а потомъ и къ своему богатству. Это общее настроеніе и побудило Эрикура разводить, для экспорта, плоды въ долинѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ сезоновъ онъ развилъ свои замыслы во всей ихъ широтѣ, построилъ портъ, проложилъ желѣзную дорогу, получилъ концессію на первое горное плато, захватилъ въ трубы энергію водопада для турбинъ въ Парахасъ. И вотъ теперь коллективная энергія цѣлаго населенія раздробилась на жадность отдѣльныхъ людей, жадность этой женщины въ желтомъ платьѣ, откровенно сознававшейся въ своихъ цѣляхъ, познавшей краткость жизни. Всѣ они готовы были отдаться американскому трёсту, чтобы его могущество сразу удовлетворило ихъ тщеславіе, помогло имъ слиться съ молодой американской силой и со старыми аристократіями и царить вмѣстѣ съ ними или дѣйствительно, или хотя бы для вида. Одинъ только Эрикуръ достаточно цѣнилъ свободу этой страны, чтобы желать ей стать самобытной, а не слиться съ американскимъ трёстомъ.

Онъ сказалъ это м-мъ Альвина, которая стала еще настойчивѣе требовать, чтобы онъ превратилъ временный договоръ въ постоянный. Въ виду вѣжливаго, но твердаго отказа своего компаньона, м-мъ Альвина не сдерживала больше своего гнѣва. У нея покраснѣли глаза и лицо отъ бѣшенства, и она казалась еще болѣе увядшей подъ короной искусно причесанныхъ черныхъ, перемѣшанныхъ съ сѣдыми волосъ, съ безцѣнными жемчужинами въ ушахъ. Она стала наступать на Эрикура, которому пришлось прислониться вплотную къ кокосовой пальмѣ. Она опять заговорила венецуэльскимъ акцентомъ, и это придавало комизмъ серьезной борьбѣ.

— Вы, значитъ, не понимаете меня, другъ мой. Вы сами не въ состояніи продолжать дѣло, не смотря на свои таланты и силу. Управляющимъ дѣла вы сдѣлались только благодаря состоянію вашей жены. Но все главное здѣсь дѣлается инженерами, выбранными барономъ Фохтомъ, и въ его интересахъ... Если хотите, чтобы вамъ это громко крикнули надъ самымъ ухомъ, то маркизъ д'Оро сдѣлаетъ это отъ имени кубанскихъ акціоне-

ровъ. Вы не въ силахъ продолжать дѣло. Нужно отстраниться, дать мѣсто другому. Повѣрьте мнѣ, что это необходимо.

Она задыхалась и наконецъ замолкла. Эрикуръ смотрѣлъ на эту женщину, очень постарѣвшую подъ вліяніемъ волненія, но принявшую вновь величественный видъ, когда она стерла съ лица слезы, потъ и пудру. Онъ сталъ припоминать похвалы своихъ друзей, Фохта, такъ всецѣло довѣрявшаго ему, вспомнилъ свою жену, въ общемъ очень строгую къ мужу, затѣмъ Клариссу Габи, всегда очень искреннюю, вспомнилъ похвалы по своему адресу во всей французской, нѣмецкой, англійской прессѣ, вспомнилъ Эрнандесовъ, такъ горячо благодарившихъ его за то, что онъ воскресилъ Кубу, и, наконецъ, суроваго Жумильяка, который сначала былъ сторонникомъ трёста, а теперь стоитъ всецѣло за то, чтобы сохранить самостоятельность... Какъ же допустить, что права эта страстная мать въ своей наивной критикѣ его дѣла?

— А что, если онъ все-таки ошибается? — Эрикуръ сталъ сомнѣваться въ себѣ, въ своихъ силахъ, въ своихъ свѣдѣніяхъ, доставшихся ему слишкомъ поздно и самоучкой. Знаніе механики, промышленной химіи онъ пріобрѣлъ по книгамъ и на практикѣ, непосредственнымъ изученіемъ фабричнаго дѣла. Никакого спеціальнаго образованія онъ не получилъ. Онъ въ разныя времена произнесъ нѣсколько удачныхъ политическихъ рѣчей, блисталъ въ спорахъ среди финансистовъ въ кругу барона Фохта, превратилъ случайно купленную за безцѣнокъ маленькую красильню въ химическій заводъ, въ цѣлый рабочій городъ съ населеніемъ въ три тысячи человѣкъ. Вотъ на какихъ фактахъ основывалась его увѣренность въ себѣ. Тѣмъ не менѣе онъ часто ошибался. Не разъ онъ страдалъ отъ своего незнанія, маскируя его передъ инженерами. Но какъ часто зато онъ ихъ ослѣплялъ блескомъ своихъ дѣловыхъ комбинацій, какъ часто искренно презиралъ узость ихъ знаній, возносясь надъ ними своимъ умомъ. Одного только Жумильяка онъ дѣйствительно уважалъ. Все же въ эту минуту Эрикуръ спрашивалъ себя, не глупъ ли онъ дѣйствительно, какъ утверждала эта дама въ желтомъ платьѣ и въ шляпѣ съ цвѣтами. Онъ, однако, вѣжливо отвергъ ея предположеніе, что втайнѣ онъ самъ хочетъ подчиниться Кламоргану. Сомнѣваясь въ себѣ, онъ не допускалъ сомнѣній со стороны другихъ.

Они вмѣстѣ подошли къ м-мъ Эрнандесъ, которая ждала м-мъ Альвина. Щедрой жертвовательницѣ устроена была овація въ комнатѣ, украшенной витринами, въ которыхъ сверкали сот-

нями стальные инструменты всевозможныхъ формъ, предназначенные для того, чтобы проникать въ тайну органовъ, сгибать кости, схватывать издалека ткани и сшивать ихъ послѣ необходимыхъ разрѣзовъ. Докторъ Розасъ благодарилъ за то, что операціонный залъ сдѣланъ былъ круглымъ, безъ единаго угла, гдѣ было бы мѣсто для пыли, за кровать на шарнирахъ, за мѣдные котлы для стерилизаціи, за всѣ другіе, очень полезные аппараты. Эрнандесъ выражалъ безпредѣльную благодарность; жена его произнесла оду милосердію. М-мъ Альвина, подавляя въ себѣ послѣдніе проблески гнѣва, растрогалась и то торжественно выпрямлялась, то кланялась съ любезной улыбкой. Наконецъ она скрестила руки на своемъ драгоцѣнномъ кружевномъ передникѣ и въ концѣ оды поцѣловала поэтессу.

Докторъ Розасъ, депутатъ Такешель и члены санитарной коммиссіи передали свой докладъ правительственному эмиссару, генералу Родригесу. Затѣмъ всѣ вышли. Передъ аркой изъ зелени ждали, выстроившись въ рядъ, ветераны. Они старались принять воинственный видъ, хотя въ свое время вели только партизанскую войну. Вытянувши руки по швамъ, они выпятили груди, на которыхъ красовались военныя медали. Когда приблизился генералъ, эти пастухи, рыбаки, дровосѣки, разносчики фруктовъ выстроились какъ въ прежнее время на эспланадѣ въ Гаваннѣ. Какъ предсказывалъ Такешель, куря сигару, Эрнандесъ сталъ произносить рѣчь: плантаторъ въ полголоса приводилъ заранѣе всѣ эффектныя фразы, которыя ораторъ дѣйствительно затѣмъ произносилъ. Розасъ улыбался. Эрнандесъ невозмутимо ораторствовалъ, снявъ шляпу и размахивая ею по воздуху.—Никогда — говорилъ онъ — такое великое предпріятіе не возникло бы и не расцвѣло бы подъ гнетомъ испанскаго правительства. Никогда бы оно не смогло серьезно соперничать съ финансовой силой Соединенныхъ Штатовъ и даже, быть можетъ, привлечь ее на помощь родинѣ, еще недавно столь несчастной, а теперь оплодотворенной геніемъ человѣка.—Раньше, чѣмъ ораторъ кончилъ рѣчь, Такешель тихо сказалъ, что знаетъ, каковъ будетъ конецъ: Эрнандесъ скажетъ, что не напрасно проливалась кровь на камняхъ Лосъ-Дадосъ и въ ущельяхъ горъ.

— Все пойдетъ на пользу Кламоргану! — заключилъ про себя Такешель.

— Изъ этихъ смиренныхъ могилъ—воскликнулъ Эрнандесъ— покажется вскорѣ сіяніе, которое ослѣпитъ весь міръ!

Съ этими словами герой снова надѣлъ шляпу.

— Аминь!—со вздохомъ произнесъ Такешель.

Рѣчь Эрнандеса восхитила ветерановъ. Они вспоминали, какъ они нищенствовали дѣтьми, какъ еще юношами ходили въ лохмотьяхъ, а потомъ сдѣлались голодными солдатами, побѣдителями, принужденными питаться корнями, строить сами навѣсы для ночлега. Даже этотъ Родригесъ, такой величественный теперь со своими нафабренными усами, золотыми эполетами и чистокровнымъ конемъ, тоже отступалъ по горнымъ тропинкамъ босоногій, какъ они, подъ огнемъ испанцевъ, прежде чѣмъ сталъ гордо расхаживать въ Гаваннѣ во главѣ своихъ бригадъ, одѣтыхъ въ полотняныя куртки и бурскія шляпы. Эрикуръ снова сталъ объяснять себѣ самому, почему не слѣдуетъ отдавать въ руки Клаоргана дѣло, находящееся уже въ полномъ ходу. Маркизъ д'Оро остановилъ его, чтобы пропустить мимо нихъ м-мъ Эрнандесъ и м-мъ Альвина, генерала Родригеса, членовъ коммиссіи и ихъ свиту. Увидавъ ихъ вдвоемъ, Такешель рѣшилъ, что ихъ разговоръ представитъ интересъ для него. Онъ подошелъ къ нимъ. Эрикуръ сначала почувствовалъ досаду, потомъ рѣшилъ, что глава плантаторской партіи не будетъ лишнимъ при ихъ разговорѣ, и объяснилъ ему предметъ разногласія. Если они оба, люди вполнѣ добросовѣстные, раздѣляютъ взгляды м-мъ Альвина, то онъ не станетъ дольше сопротивляться. Только будущее покажетъ, правъ ли былъ въ своихъ опасеніяхъ онъ самъ, или же были правы въ своей жадности кубанскіе акціонеры.

Заигравшія трубы оглушали ихъ. Въ то время какъ весь кортежъ вышелъ на дорогу, маркизъ д'Оро предложилъ Эрикуру и Такешелю вернуться въ хирургическій павильонъ. Не смотря на лепешки Виши, Эрикуръ страшно страдалъ отъ болей въ желудкѣ, какъ въ молодости передъ экзаменами, а потомъ передъ публичными выступленіями. Онъ заранѣе зналъ, что эти два человѣка будутъ терзать его, одинъ—своей торжественной логичностью, другой—своей ироніей. Маркизъ д'Оро разстегнулъ свой длинный сѣрый сюртукъ, сѣлъ, заложилъ ногу на ногу, снялъ перчатки, чтобы погладить бороду, потомъ скрестилъ руки. Такешель не удержался отъ совершенно лишнихъ шутокъ, внушенныхъ видомъ множества хирургическихъ инструментовъ. Онъ разстегнулъ верхъ жилета, чтобы насладиться свѣжестью воздуха. Рѣшеніе было произнесено очень быстро. Маркизъ д'Оро призналъ всѣ заслуги Эрикура. Такешель пошелъ еще дальше. Онъ обратилъ вниманіе на то, что Эрикуръ съумѣлъ воспользоваться какъ разъ тѣмъ моментомъ, когда сверхпроизводство нѣмецкихъ металлургистовъ вызвало въ Европѣ пониженіе цѣнъ на желѣзо и сталь, и это отозвалось на уменьшеніи трансатлантической на-

вигаціи; именно тогда онъ привлекъ три парохода „Электрикъ-Стандартъ" въ Антильское море, съ грузомъ машинныхъ частей, матеріаловъ, нужныхъ для устройства Порто-Бланко, для построекъ въ Тальдеро, и предложилъ имъ для груза въ обратный путь свѣжіе плоды долинъ, которые можно было доставить въ Нью-Іоркъ прежде чѣмъ они попортятся.—Геніальная мысль!—утверждалъ Такешель, жестикулируя своей панамой. Старикъ-маркизъ въ свою очередь присоединился къ похваламъ: именно благодаря высокой цѣнности плодовъ и правильности ихъ доставки, компаньоны Кламоргана поняли всю важность кубанскихъ морскихъ сношеній съ Нью-Іоркомъ. Трёстъ послалъ лучшіе свои пароходы въ Антильское море. Такешель подчеркивалъ каждый изъ приведенныхъ фактовъ соотвѣтствующими эпитетами. На минуту Эрикуръ ободрился. Они оба судятъ совсѣмъ не такъ, какъ м-мъ Альвина. Они не считаютъ его дуракомъ. Но преувеличенность похвалъ стала его безпокоить. Онѣ навѣрное предшествуютъ какой-нибудь серьезной атакѣ. Это—ораторскій пріемъ. Скептикъ Такешель не имѣлъ обыкновенія предаваться чрезмѣрнымъ восторгамъ. У Эрикура пересохло въ горлѣ. Онъ страдалъ отъ страха физически даже болѣе чѣмъ нравственно.

Маркизъ д'Оро поблагодарилъ Эрикура и въ качествѣ патріота. Благодаря его предпріимчивости процвѣли три провинціи на восточномъ берегу Кубы. Населеніе продаетъ теперь въ огромныхъ количествахъ плоды и овощи; процвѣтаетъ также лѣсной промыселъ, и страна не сможетъ никогда въ достаточной степени выразить свою благодарность Эрикуру и его помощникамъ за столь быстро наступившее благополучіе.

Маркизъ д'Оро вынулъ пенснэ изъ жилетнаго кармана и надѣлъ его, чтобы яснѣе разглядѣть лицо Эрикура. Такешель опять сѣлъ на стулъ и съ легкой улыбкой протянулъ темный волосатый палецъ по направленію къ лицу маркиза, какъ бы предлагая ему говорить.—Такіе блестящіе результаты—началъ благородный предсѣдатель патріотическихъ союзовъ, обществъ взаимопомощи, гигіеническихъ совѣтовъ,—такіе блестящіе результаты не должны быть ни въ какомъ случаѣ принесены въ жертву чему бы то ни было. Можетъ ли нація, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, порвать съ этимъ транспортнымъ обществомъ, источникомъ прочнаго благосостоянія для столькихъ семействъ!

Эрикуръ перевелъ духъ, чтобы удвоить силы. Началась борьба. Такешель поднялся и сталъ внимательно разсматривать инструментъ для лапаратоміи. Онъ съ трудомъ сдерживалъ смѣхъ, отъ котораго у него тряслись плечи. Маркизъ сказалъ, что благо-

состоянiе многочисленныхъ деревень зависитъ именно отъ экспорта. Онъ перевелъ вопросъ на соцiальную почву и сказалъ, что, какъ патрiотъ, употребитъ всѣ усилiя, чтобы сохранить столь выгодное дѣло для своей страны. Теперь въ Европѣ, въ виду земледѣльческаго кризиса въ Россiи, въ виду многочисленныхъ банкротствъ бельгiйскихъ и нѣмецкихъ, въ виду прiостановки многихъ фабрикъ, закрытiя многихъ заводовъ, черезъ годъ или два возникнетъ снова спросъ на американскiя машины. Эрикуръ вѣдь самъ отлично знаетъ, что „Электрикъ-Стандартъ“ снова занялся изготовленiемъ стали на всѣхъ заводахъ трëста. Онъ займется экспортомъ металла и хлѣба. Ему нуженъ будетъ весь его флотъ. Года черезъ полтора онъ отзоветъ свои пароходы, если не будетъ окончательнаго договора, связывающаго его. Должна будетъ начаться война между Франко-кубанской компанiей и „Электрикъ-Стандартъ“—война безпощадная.

Такешель обернулся и сказалъ, что, конечно, для Эрикура долженъ быть лестенъ самый страхъ Кламоргановъ передъ конкуренцiей Лосъ-Дадосъ. Мексика и Венецуэла тоже отдаютъ предпочтенiе Парахасъ передъ Нью-Iоркомъ, и даже въ самомъ Нью-Iоркѣ предпочитаютъ марку Парахасъ. Эрикуръ сталъ съ торжествомъ доказывать, что это дѣйствительно правда, что у него есть на то доказательства. Такешель сказалъ, что онъ въ этомъ не сомнѣвается.—Но—прибавилъ онъ со смѣхомъ—Кламорганы тоже въ этомъ увѣрены. А это хуже всего. Они не допустятъ, чтобы возникла борьба. Кламорганы поддерживали миръ между компанiями, предоставляя имъ пользоваться удешевленнымъ транспортомъ по желѣзной дорогѣ и на пароходахъ трëста. Если же взрывчатыя вещества, сталь и мѣдь будутъ прибывать изъ Парахасъ въ Панаму съ уступкой въ долларъ на единицу груза, то „Электрикъ-Стандартъ“ можетъ изъ-за этого распасться. Эрикуръ имѣетъ право гордиться. Парахасъ угрожаетъ крахомъ Нью-Iорку: банкротство „Электрикъ-Стандартъ“ повело бы за собой на Уоль-стритѣ крахъ нѣсколькихъ другихъ промышленныхъ предпрiятiй, пользующихся уменьшеннымъ тарифомъ на Гудсоновской желѣзной дорогѣ. Наступила бы паника на Уоль-стритѣ—предсказывалъ Такешель, самъ улыбаясь своимъ пророчествамъ.

Маркизъ д'Оро отмѣтилъ еще другiя послѣдствiя. Если не столковаться съ Кламорганами, то они будутъ бороться съ Франко-кубанской компанiей всевозможными средствами, при чемъ прежде всего отзовутъ пароходы и нарушатъ навигацiонный договоръ. Результатомъ этого будетъ разоренiе деревень, жившихъ нѣсколько лѣтъ экспортомъ фруктовъ. Эрикуръ сталъ спорить про-

тивъ этого ни на чемъ не основаннаго пессимизма. Маркизъ д'Оро былъ непоколебимъ. Онъ ни за что не соглашался на то, что принесетъ ущербъ его родинѣ. Чтобы положить конецъ разговору, онъ застегнулся на всѣ пуговицы и сталъ натягивать перчатки.

Эрикуръ замѣтилъ, что можно войти въ сношенія съ другими навигаціонными обществами. Маркизъ д'Оро сталъ доказывать, что никакое другое общество, нѣмецкое ли или англійское, или еще какое-либо другое, не сможетъ нанять за подходящую цѣну пароходы, удовлетворяющіе своей быстротой требованіямъ избалованной публики, которая любитъ только фрукты безъ малѣйшаго пятнышка и совсѣмъ свѣжіе овощи. Нужно будетъ, значитъ, пріобрѣсти по крайней мѣрѣ три парохода. Это—десять милліоновъ. Сможетъ ли банкъ Фохта обезпечить такое увеличеніе капитала? Такешель прибавилъ, что, отвлекаясь отъ всякаго патріотическаго чувства, дѣло обстоитъ такъ: или благоденствовать, присоединившись къ трёсту, или погибнуть подъ его ударами.

— Если только трёстъ не погибнетъ подъ нашими! — воскликнулъ Эрикуръ, сжимая кулаки.

Маркизъ д'Оро поднялъ руки къ небу.

— Но вѣдь у насъ есть договоръ—сказалъ Эрикуръ.

— Условный. Съ двумя ограниченіями. Это ни къ чему.

Такешель покачалъ головой. Онъ прибавилъ, что Кламорганъ можетъ повліять на сенаторовъ-протекціонистовъ въ Вашингтонѣ, и они обложатъ пошлиной продукты электрической энергіи, изготовленные за предѣлами Соединенныхъ Штатовъ. Чѣмъ тогда будетъ жить Парахасъ? Что будетъ тогда перерабатывать энергія трехъ озеръ? Главные доходы доставляютъ вѣдь взрывчатыя вещества и стальныя издѣлія. Сахарные заводы Тальдеро даютъ не болѣе шести процентовъ. Хлопокъ—еще только будущее.

Эрикуръ сознавалъ справедливость этихъ соображеній. Онъ самъ предвидѣлъ ихъ. Все же онъ считалъ, что страхи преувеличенны. Два горныхъ плато, много земли, которую правительство можетъ уступить желѣзнодорожнымъ компаніямъ—это капиталъ. Такешель возразилъ ему, что „Электрикъ-Стандартъ", если умѣло вести переговоры, согласится пріобрѣсти эти земли со всѣмъ, что онѣ могутъ дать. Онъ считалъ чистой выгодой обмѣнъ на акціи „Электрикъ-Стандартъ" этихъ двухъ плато и ихъ жатвъ, сахарныхъ заводовъ въ Тальдеро и бумагопрядильни, которую собирались выстроить въ нижнемъ Парахасъ. Если обмѣнъ состоится, то администрація Франко-кубанской компаніи будетъ

имѣть въ своихъ рукахъ достаточно акцій, чтобы играть первенствующую роль въ трёстѣ и спасти Лосъ-Дадосъ отъ уничтоженія. Кламорганы конечно захотятъ остановить производство стали и бумаги, конкурирующее съ трёстомъ, и такимъ образомъ уничтожить все, что создано было съ такимъ трудомъ. Въ этомъ онъ соглашался съ Эрикуромъ. Довольный частичной поддержкой, Эрикуръ сталъ доказывать маркизу, какъ невыгодна будетъ эта комбинація для горныхъ рабочихъ и даже для садоводовъ. Захочетъ трёстъ—и несчастные будутъ стоять въ слезахъ безъ хлѣба передъ машинами на сахарныхъ заводахъ, остановленными навсегда или, по крайней мѣрѣ, на время. Поля опять зарастутъ кустарникомъ, портъ опустѣетъ, работа почти всюду прекратится. Трёстъ, которому важно уничтожить конкуренцію и уменьшить общіе расходы, будетъ покровительствовать только тѣмъ промышленнымъ предпріятіямъ, которыя даютъ огромные доходы. Можетъ-быть даже трёстъ сочтетъ и переправу черезъ море слишкомъ большимъ расходомъ сравнительно съ прибылью. Разсчеты Кламоргана будутъ рѣшать участь десяти тысячъ крестьянъ и рабочихъ. Во имя ихъ интересовъ Эрикуръ отказывался слиться съ трёстомъ. Онъ говорилъ, что даже не понимаетъ какъ можно рисковать столькими жизнями. Это противорѣчило—говорилъ онъ—страстному отношенію маркиза къ независимости его народа.

Старикъ хотѣлъ прекратить споръ и отворилъ дверь, но Эрикуръ продолжалъ убѣждать его, считая свои доводы неотразимыми. Онъ указывалъ на окна госпиталя, гдѣ стонало такъ много жертвъ; онъ упомянулъ также о сумасшедшихъ, заключенныхъ въ Парахасъ, о могилахъ на трехъ кладбищахъ. Эти жертвы, принесенныя Франко-кубанской компаніи, налагали большую отвѣтственность. Можно страдать и заставлять страдать для общественнаго блага, но никакъ не во имя интересовъ нѣсколькихъ жадныхъ людей... молодой дѣвушки, которая хочетъ выйти замужъ за принца, женщины, одолѣваемой тщеславіемъ. Для Эрикура все это не подлежало сомнѣнію и онъ не понималъ, какъ маркизъ д'Оро рѣшается погубить Лосъ-Дадосъ, разорить заводы, довести до отчаянія все населеніе, отдавая страну во власть безжалостныхъ спекуляторовъ. Маркизъ стоялъ на своемъ, доказывая, что за отсутствіемъ собственнаго флота нужно имѣть прочный договоръ съ трёстомъ, чтобы не остаться безъ возможности вести торговыя сношенія.—Нужно пріобрѣсти торговый флотъ—говорилъ онъ Эрикуру,—иначе всѣ три морскія провинціи погибнутъ, если не войдутъ въ трёстъ. За неимѣ-

ніемъ флота нуженъ договоръ съ Кламорганомъ: тогда трёстъ по крайней мѣрѣ оставитъ намъ свой флотъ. Ради этого стоитъ пожертвовать Парахасъ.

Торговый флотъ, конечно, былъ нуженъ. Эрикуръ уже хлопоталъ объ этомъ и вступилъ въ переговоры съ Германіей и Испаніей. Но пока ничего еще не выходило. Сколько разъ онъ съ Жумильякомъ жалѣли, что у нихъ нѣтъ собственныхъ пароходовъ и что они въ зависимости отъ „Электрикъ-Стандартъ", который могъ или возобновить, или не возобновить контракты, заключавшіеся всегда только на годъ. Эрикуръ теперь утѣшался тѣмъ, что ошибка была имъ предвидѣна и что нужно поэтому терпѣть ея послѣдствія. Маркизъ и Такешель до нѣкоторой степени подняли въ немъ духъ; разрушая его планы, они самой своей критикой укрѣпляли въ немъ вѣру въ его талантъ и творческій геній, превратившій за семь лѣтъ Лосъ-Дадосъ въ серьезнаго, опаснаго соперника для „Электрикъ-Стандартъ". Значитъ, кромѣ м-мъ Альвина никто не сомнѣвается въ его большихъ заслугахъ. Эрикуръ снова увѣровалъ въ свои организаторскія способности.

Маркизъ д'Оро тѣмъ временемъ велъ его къ дверямъ.

— Приготовьте договоръ!—мягко убѣждалъ онъ Эрикура.—Сговоритесь со старикомъ Кламорганомъ объ окончательной формѣ договора. Не бойтесь Кламоргановъ. Вы навѣрное съумѣете заставить ихъ продолжать наше дѣло въ Лосъ-Дадосъ. Если вы не полагаетесь на себя, поручите выработку условія барону Фохту или кому хотите другому. Если барону Фохту нѣтъ времени пріѣхать, поручите дѣло Такешелю.

Такешель замахалъ обѣими руками.

— Изъ того, что мы въ операціонномъ залѣ—сказалъ онъ,—не слѣдуетъ, чтобы я ампутировалъ Эрикура и замѣнилъ его поддѣльнымъ администраторомъ.

— Я самъ боюсь операцій,—возразилъ маркизъ, улыбаясь.—Достаточно я видѣлъ ихъ во время нашей несчастной войны. Я хотѣлъ только выяснить Эрикуру наши кубанскія воззрѣнія. Онъ долженъ знать, каковы твердыя желанія нашихъ патріотовъ. Пусть вспомнитъ, сколько акцій Франко-кубанской компаніи въ ихъ рукахъ. Они могутъ созвать общее собраніе, если продлятся несогласія. Вы, Эрикуръ, заняты высокими замыслами и забываете о насущныхъ интересахъ нашей маленькой страны. Надѣюсь, что отнынѣ вы будете больше о нихъ думать.

Эрикуру хотѣлось подхватить угрозу и отвѣтить на нее. Конечно могутъ созвать общее собраніе и отставить его отъ дол-

жности администратора. У семьи Альвина и ихъ друзей достаточно акцій, чтобы дѣйствовать по своему произволу. Эрикуру хотѣлось снова наброситься на маркиза съ упреками въ томъ, что онъ жертвуетъ жизнью рабочихъ во имя интересовъ м-мъ Альвина и ея дѣтей. Ему хотѣлось излить свой гнѣвъ на старика; но онъ понялъ, что подобная вспышка съ его стороны была бы только смѣшна, и сдержалъ себя. Онъ только согласился на предложеніе маркиза разойтись и считать дѣловые переговоры исчерпанными.

Они вышли всѣ вмѣстѣ. Такешель заговорилъ о птицахъ, рѣющихъ въ воздухѣ. У Эрикура такъ сильно и неровно билось сердце, что онъ задыхался и весь похолодѣлъ. Боясь выдать свою физическую слабость, онъ всѣми силами сдерживалъ свое недомоганіе и старался принять участіе въ разговорѣ. По дорогѣ къ нимъ присоединилось нѣсколько знакомыхъ. Такешель отдѣлился отъ другихъ вмѣстѣ съ Эрикуромъ и сталъ ему доказывать, что онъ бы менѣе всего хотѣлъ самъ смѣнить его въ роли администратора. Напрасно маркизъ д'Оро предлагалъ это. Онъ, Такешель, не интриганъ.—Конечно—говорилъ онъ,— если бы вы съ вашимъ творческимъ геніемъ стояли одинъ во главѣ дѣла и имѣли бы помощниковъ, понимающихъ васъ, то слѣдовало бы начать борьбу съ трёстомъ. Но при данныхъ обстоятельствахъ приходится считаться съ акціонерами, съ инженерами, съ рабочими, съ общественнымъ мнѣніемъ.—Такешель сознался, что въ качествѣ предсѣдателя союза плантаторовъ онъ уже давно окончательно убѣдился въ одинаковой глупости людей черной, бѣлой и желтой расы. Одна только его дочь, Карменъ, казалась ему достойной интереса. Онъ съ большой радостью занимался развитіемъ ея ума.—Напрасно—сказалъ онъ — относятся съ пренебреженіемъ къ молодымъ дѣвушкамъ.—Онъ спросилъ Эрикура, имѣетъ ли онъ дѣтей.

— У меня никого нѣтъ! — съ горечью отвѣтилъ Эрикуръ.

— У васъ есть однако друзья?

— О да, у меня есть друзья! — сказалъ Эрикуръ и ироническимъ жестомъ обвелъ своего собесѣдника, маркиза д'Оро и всѣхъ другихъ. Группа инженеровъ читала газету, враждебную Эрикуру. Генералъ Родригесъ отошелъ отъ Аниты Лопецъ, чтобы вмѣстѣ съ Эрнандесомъ, Розасомъ, коммиссіей и комитетомъ привѣтствовать того, кому новый городъ обязанъ былъ своимъ возникновеніемъ и процвѣтаніемъ. Испуганные коршуны поднялись со своихъ мѣстъ на скалахъ и улетѣли.

VIII.

Навѣсъ китайца все разростался. Вокругъ него ютились мясныя и фруктовыя лавки, колбасная, прачешная. Пестрая толпа весь день шныряла подъ навѣсомъ; у прилавка, подъ свѣшивающимися гирляндами сушеной рыбы, сидѣли и стояли группы посѣтителей.—Читали депешу Кламоргана?—спрашивали игроки, сидѣвшіе вокругъ столика за картами; около каждаго изъ нихъ стояло по стакану виски.—Читали телеграмму Джима?—спрашивали покупатели, пришедшіе за коробкой консервовъ.—Читали отвѣтъ Кламоргана?—спрашивали коммиссіонеры изъ Луизіаны, сидѣвшіе на возвышеніи изъ неотесанныхъ камней, такъ-называемомъ „клубѣ“. Тамъ же жирный Тонгъ Лу, торжественный какъ статуя Будды, въ лиловой кофтѣ, разливалъ пиво и ликеры. Не произнося ни слова, только двигая своимъ тройнымъ желтымъ подбородкомъ и покачивая головой съ прилизанными жирными волосами, Тонгъ Лу отвѣчалъ, спорилъ и благодарилъ своихъ кліентовъ. Кромѣ англійскаго и нѣмецкаго пива онъ подавалъ также дорогіе ликеры въ маленькихъ чашечкахъ, вмѣстѣ съ стаканомъ холодной воды. Вокругъ него шелъ оживленный споръ между инженерами и коммиссіонерами о техническихъ и финансовыхъ вопросахъ. Въ этотъ день предполагалось пустить въ ходъ шесть турбинъ; Джимъ Кламорганъ обѣщалъ пріѣхать и присутствовать при торжественномъ событіи. Но вмѣсто того онъ прислалъ извинительную телеграмму: что-то помѣшало ему пріѣхать.—Значитъ, вся комбинація съ трёстомъ лопнула?—спросилъ инженеръ въ темныхъ очкахъ.—Тогда дѣло плохо,—разсуждалъ бородатый коммиссіонеръ.—Тѣхъ капиталовъ, которые есть, не хватитъ для дальнѣйшаго хода работъ. Подумайте, сколько должна стоить желѣзная дорога между Лосъ-Палаціосъ и Альта-Вега!—сказалъ одинъ изъ инженеровъ.—А архитектурныя работы?—А содержаніе всего?—высчитывали инженеры и собесѣдники ихъ.—Въ госпиталѣ всего двадцать кроватей. А докторъ и гигіеническій совѣтъ требуютъ шестидесяти.

Всѣ пріуныли отъ этихъ подсчетовъ. Если дѣло лопнетъ, каждому придется вернуться къ прежнему бѣдному существованію, быть-можетъ ѣхать обратно на родину и опять начать ожесточенную борьбу за существованіе тамъ, гдѣ всѣ мѣста уже заняты и конкуренція неумолима. Напрасны были всѣ лишенія въ тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ; напрасно они

всѣ отдали свои знанія и таланты на то, чтобы внести жизнь и культуру въ пустыню; напрасно убѣждали туземцевъ копать землю, пробивать скалы, добывать сахаръ изъ тростника, энергію—изъ воды. Теперь, когда они уже надѣялись пожать наконецъ плоды своихъ трудовъ, негодяй Эрикуръ отказывается принять протягиваемыя ему акціи „Электрикъ-Стандартъ" въ обмѣнъ на франко-кубанскія.—Очевидно ему предложили недостаточно высокій куртажъ, — рѣшаютъ инженеры.—Эрикуру — говоритъ одинъ изъ нихъ—нужно полтораста тысячъ франковъ на театръ Клариссы Габи.—Американецъ правъ—возразилъ другой.—Зачѣмъ ему содержать актрисъ Эрикура? Кламорганъ сдѣлалъ достаточно, предложивъ обмѣнъ акцій. Одинъ Эрикуръ виноватъ въ томъ, что соглашеніе не состоялось. Очевидно, теперь переговоры пріостановлены. Кламорганъ не пріѣзжаетъ, хотя въ газетахъ писали о его желаніи пріѣхать.

Опять началось обсужденіе истиннаго смысла телеграммы. Къ бесѣдѣ инженеровъ стали прислушиваться рабочіе, бросивъ игру въ карты. Имя Кламоргана раздавалось вдоль всѣхъ навѣсовъ, покрытыхъ пальмовыми вѣтвями, сквозь которыя пробивались солнечные лучи, освѣщая груды банановъ, накрахмаленное бѣлье, сооруженія изъ коробокъ сардинъ, косу наклонившагося китайца, курчавые волосы и пестрые платки креолокъ. Не соображая, въ чемъ собственно дѣло, креолки поняли, что отсутствіе Кламоргана—катастрофа, и не знали, прилично ли нарядиться въ новыя, великолѣпно накрахмаленныя юпки и присоединиться къ процессіи у церкви, или же лучше оставить заботу о нарядахъ и выразить свою печаль слезами. Видя грустныя лица мужчинъ, онѣ ушли печальныя, унося свои юпки. Кламорганъ не пріѣхалъ—значитъ, напрасно онѣ издержали такъ много на стирку парадныхъ юпокъ. Тѣмъ не менѣе онѣ пошли продолжать покупки и зашли за перчатками и лентами въ косу къ Мануэлѣ, въ свиной загонъ. Она сидѣла, задыхаясь отъ жира, тяжело дыша среди своихъ товаровъ, въ широкомъ капотѣ, и обмахивалась листами юмористическаго журнала, на первой страницѣ котораго изображенъ былъ тощій „дядя Самъ", побѣждающій всѣ народы. Мануэла не стала показывать покупательницамъ требуемый товаръ, а предоставила имъ рыться самимъ среди свертковъ лентъ, шнурковъ, носовыхъ платковъ и т. д. Пусть выбираютъ что хотятъ, если имъ еще до покупокъ, не смотря на то, что не пріѣхалъ Кламорганъ. Для Мануэлы Джимъ Кламорганъ, сынъ стараго полицейскаго, былъ истиннымъ мессіей. Иллюстраціи изображали его разсыпающимъ золотой дождь

или же дергающимъ за ниточки полишинелей съ лицами министровъ и сенаторовъ. Мануэла прониклась этими представленіями и убѣждала всѣхъ, сама тоже свято вѣря, что Кламорганъ превратилъ бы свиной загонъ въ банкъ и предложилъ бы ей большое жалованье за размѣнъ банковыхъ билетовъ на пезосы. Выпивая второй стаканъ рома, Мануэла утверждала, что Эрикуръ прямо обѣщалъ ей это. Всѣ стали жалѣть бѣдную женщину, которая теряла такое блестящее положеніе. Свиной загонъ наполнился посѣтителями, пришедшими отдохнуть по дорогѣ домой, купить что-нибудь въ лавкахъ или выпить стаканчикъ на ходу. Къ Мануэлѣ приходили покупать гаваннскія газеты, прибывшія съ экспрессомъ. Болтливая лавочница сообщала всѣмъ печальное извѣстіе. Имя Кламоргана и тутъ, какъ подъ навѣсомъ китайца, стало передаваться изъ устъ въ уста. Всѣ пришли въ ужасъ. Кламорганъ казался этимъ людямъ всемогущимъ существомъ, которое властно или безконечно увеличить доходы каждаго, или отнять все. Этотъ красавецъ, „всемогущій какъ Христосъ на небѣ", казался имъ воплощеніемъ Рока. Ѣсть въ изобиліи мясо и сласти, пить агвардіенте и виски большими стаканами, курить толстыя сигары, наряжаться въ бѣлыя платья и шелковые платки—или же питаться однимъ только поджаренным маисомъ, пить воду изъ пруда и работать одѣтыми въ лохмотья: эти двѣ крайности, казалось имъ, зависѣли всецѣло отъ Кламоргана. Никто его никогда не видѣлъ: онъ имѣлъ для населенія свиного загона обаяніе легендарнаго существа. Матери говорили пристающимъ къ нимъ малышамъ, что Кламорганъ проглотитъ ихъ, если они будутъ объѣдаться сластями до боли въ животѣ. Пестрые леденцы, выставленные въ окнахъ лавки, были очень соблазнительны—и дѣти хныкали, возмущенныя жестокостью Кламоргана, но все же боялись дѣйствительно прогнѣвить его. Даже на большой дорогѣ, гдѣ устроена была маленькая ярмарка, распространились вѣсти, которыя всѣхъ опечалили. Въ этотъ часъ дня работа всюду прекращалась. Партіи рабочихъ, спускавшихся съ водопада или поднимавшихся изъ Альта-Вега, встрѣчались, заходили выпить. Негры въ лохмотьяхъ прислушивались къ разговорамъ инженеровъ. Рабочіе пришли купить все что нужно было для иллюминаціи и для фейерверка къ предстоящему празднику—и въ это время узнали, что вскорѣ конецъ новому городу, что придется снова разсѣяться во всѣ стороны и искать работы. Читатели соціалистическихъ брошюръ, испанскихъ или англійскихъ, стали бранить общественный строй, подчиняющій столько жизней капризу эксплуататоровъ. Захотѣлъ Эрикуръ—и собра-

лась толпа рабочихъ, служащая его интересамъ. Не захотѣлъ Кламорганъ — и имъ всѣмъ приходится идти по міру. А они, прорывшіе портъ, укрѣпившіе рельсы, построившіе заводы, копавшіе землю, они, благодаря которымъ земля стала давать плоды, выстроились дома, лавки, кабаки и акціи поднялись въ цѣнѣ—что они собой представляютъ? Ничто. Пыль.

Такъ разсуждалъ Мартинесъ, который шествовалъ, погоняя воловъ, среди толпы рабочихъ. Негры соглашались съ нимъ. Они присоединялись къ его возмущенію. Мулаты вдавались въ объясненія и старались смягчить и страхъ, и надежду. Кубанцы нападали на венецуэлку, м-мъ Альвина, возмущаясь роскошью ея жизни, оскорбительною въ виду общей нищеты. Понимая свое безсиліе, наиболѣе благоразумные горько улыбались, утверждая, что въ концѣ концовъ придется все-таки смириться. Рабочіе увидѣли Кальдаса еще съ повязками на лицѣ, около Пахиты Ниньесъ. Пахита сдѣлалась его невѣстой послѣ того какъ узнала, что въ моментъ катастрофы, когда его подняли почти умирающимъ, онъ простоналъ ея имя.

На призывъ товарищей Кальдасъ подошелъ съ планами въ рукахъ. Онъ заявилъ, что слухи—вздорные. Его авторитетъ всѣхъ успокоилъ. Дѣйствительно, ничего положительнаго не было еще извѣстно. А къ тому же, еслибы и было извѣстно, все равно они ничего не могутъ измѣнить. Такимъ богачемъ, какъ Кламорганъ, никто изъ нихъ не будетъ. Мартинесъ возразилъ, что это невѣрно. Онъ самъ—погонщикъ воловъ, и можетъ отлично разбогатѣть. Его дѣло можетъ со временемъ превратиться въ желѣзнодорожную компанію. Улыбнулось же счастье старику Кламоргану, помогавшему дамамъ переходить черезъ улицу. Можетъ быть, и у него, Мартинеса, будутъ когда-нибудь милліоны. Когда Кальдасъ сталъ надъ нимъ смѣяться за сравненіе съ Кламорганомъ, Мартинесъ сказалъ, что его братъ, Альфонсо, отправился въ Матанзасъ покупать еще двѣ телѣги и три пары воловъ. Ресторанъ ихъ матери и прачешная Карлотты могутъ все это окупить. Другіе возчики стали ему завидовать, обсуждая промежъ себя всѣ пороки семьи, поведеніе Карлотты, снисходительность ея мужа. Такимъ людямъ всегда везетъ. А честные голодаютъ. Возмущенные несправедливостью судьбы, они изливали свой гнѣвъ на несчастныхъ лошадей и немилосердно стегали ихъ, точно не зная, какъ тяжело взбираться вверхъ, къ водопаду, съ тяжелымъ грузомъ ящиковъ съ динамитомъ.

Рабочіе, спускавшіеся внизъ съ горы, не огорчились, узнавъ печальныя новости. Они радовались отдыху и полученному де-

нежному авансу и говорили о предстоящихъ попойкахъ въ кабакѣ у китайца. Они гордились новыми панталонами, а иные даже—новыми куртками, и разсказывали съ упоеніемъ о грандіозныхъ приготовленіяхъ къ фейерверку. Ихъ не обезпокоила вѣсть о томъ, что Кламорганъ не пріѣхалъ и, значитъ, отказывается отъ союза. Можно будетъ отлично обойтись безъ него и его трёста. Такъ сказалъ Эрикуръ и такъ же—Эрнандесъ. Оптимистически настроенные рабочіе показывали серебро и пустыя бутылки, которыя они шли наполнять. Имъ посовѣтовали обращаться поэкономнѣе съ деньгами. Можетъ быть, это—послѣднія. Можетъ быть черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю, черезъ нѣсколько дней ихъ всѣхъ разсчитаютъ. Куда тогда дѣваться? Сахарные заводы пріостановятъ работу; хлопокъ еще не снятъ. Придется спуститься въ Порто-Бланко и наняться въ агентствѣ, которое поставляетъ рабочихъ въ рудники въ Сантъ-Яго. Кубанцамъ надоѣла эта болтовня. Они стали смѣяться надъ неграми, которые рады были предлогу прекратить работу и потомъ бездѣльничать на пароходѣ. Кальдасъ поспѣшилъ увѣрить ихъ, что агентство ни за что не повезетъ столько негровъ на югъ. Онъ боялся, что негры сбѣгутъ съ работы, и ему же придется отвѣчать передъ Эрикуромъ.

Его слова привели въ ужасъ одного стараго негра въ разорванной курткѣ, съ однимъ вырваннымъ, вѣроятно во время драки, рукавомъ. Онъ поднялъ къ небу одну бѣлую и одну черную руку, вызывая смѣхъ кубанцевъ, которые усѣлись на камняхъ и крутили себѣ папиросы. Одни только погонщики воловъ пытались продолжать путь, вмѣстѣ съ лошадьми, которыя везли грузъ динамита. Въ центрѣ ярмарки рабочіе, спускавшіеся съ водопада, и желѣзнодорожные рабочіе встрѣчались и останавливались, образуя мало-по-малу густую толпу на всемъ протяженіи между свинымъ загономъ и навѣсомъ китайца. Мартинесъ не могъ сдвинуть съ мѣста своихъ воловъ, и вслѣдъ за нимъ остановился весь рядъ возовъ. Негры, взбѣшенные общими насмѣшками, но боясь вступить въ драку съ бѣлыми или даже съ мулатами, чтобы не вмѣшалась полиція, стали ожесточенно драться промежъ себя, обвиняя другъ друга въ трусости, въ пьянствѣ. Старикъ съ вырваннымъ рукавомъ взобрался на возъ Мартинеса и сталъ звать своихъ сыновей, затерявшихся въ свалкѣ. Онъ кричалъ имъ, что агентство въ Порто-Бланко возьметъ не болѣе шестидесяти первыхъ. Лучше, поэтому, бѣжать на вокзалъ и захватить отходящій поѣздъ. Если не поторопиться, то погибнетъ послѣдняя надежда на спасеніе; всѣмъ придется умирать съ голоду. Старикъ обра-

щался только къ своимъ сыновьямъ, двумъ молодцамъ, которые колотили изо всѣхъ силъ по головѣ попавшихъ въ ихъ руки противниковъ. Но призывъ старика былъ услышанъ всѣми, и многіе сразу рѣшили тоже собрать вещи и взять приступомъ мѣста въ поѣздѣ. Встревоженный Кальдасъ направился къ нимъ на лошади, которая бросилась на двухъ дравшихся негровъ и свалила ихъ на землю. Этотъ инцидентъ увеличилъ сумятицу. Негры стали обвинять Кальдаса въ злодѣйскихъ умыслахъ и бросились на него. Раздался свистокъ локомотива. Въ ту же минуту группы дравшихся разсѣялись. Всѣ быстро подняли съ земли шапки, инструменты, корзины. Старикъ спрыгнулъ съ воза и бросился бѣжать. Молодые скоро его опередили. Кальдасъ пытался ихъ удержать, пришпоривъ лошадь, угрожая штрафами и немедленнымъ разсчетомъ. Онъ колотилъ сверткомъ плановъ кого попало по плечамъ, по спинѣ, по курчавымъ волосамъ. Но ничто не могло остановить бѣжавшихъ негровъ. Ихъ окрылялъ паническій страхъ. Они падали, натыкались на колючіе листья алоэ, потомъ, окровавленные, мчались дальше. Обезумѣвшая толпа промчалась подъ навѣсами. Перепуганныя покупательницы кричали отъ ужаса; китайцы быстро прятали свой товаръ и закрывали сундуки. Европейцы, сидѣвшіе на терассѣ „клуба“, сначала смѣялись, потомъ обезпокоились, увидавъ, что всѣ негры побросали работу.

Жумильякъ сталъ громко осуждать распространителей сомнительныхъ и опасныхъ новостей, при чемъ, однако, никто изъ присутствующихъ не принялъ его осужденія на свой счетъ. Нѣсколько человѣкъ все-таки ушли и направились въ негритянскій кварталъ, чтобы удержать отряды, обыкновенно повиновавшіеся ихъ приказамъ. Жумильякъ, который привелъ съ собой Розаса, показалъ ему вторую телеграмму, въ которой Джимъ Кламорганъ выражалъ желаніе присутствовать при томъ, какъ пустятъ въ ходъ три турбины, если это можно отложить на сутки. Жумильякъ съ удовольствіемъ убѣждался въ глупости или инертности своихъ товарищей, завидовавшихъ его вліянію, и сталъ убѣждать тѣхъ, которые не ушли. Онъ выхваливалъ умъ Эрикура, доказывалъ, что единственное средство разбогатѣть—это продать Кламорганамъ не начинающееся дѣло, которое трёстъ постарается свести на нѣтъ, боясь конкуренціи по обычаю всѣхъ трёстовъ, а дѣло, принявшее широкіе размѣры, которое трёстъ постарается еще болѣе расширить своими средствами. Отказавшись начать переговоры съ Кламорганомъ, Эрикуръ, по словамъ Жумильяка, охранялъ интересы своихъ сотрудниковъ, также какъ интересы созданнаго имъ

дѣла. Это могутъ не понимать негры или дамы; но какъ не понять этого шести лауреатамъ большихъ научныхъ и коммерческихъ учебныхъ заведеній! Жумильякъ обратился къ разсудительности Розаса. Докторъ уклонялся отъ отвѣта. Инженеръ въ очкахъ заговорилъ о недостаточности капитала. Жумильякъ съ этимъ согласился, но указалъ, что за Эрикуромъ и Лирисомъ есть еще банкъ Фохта. За отсутствіемъ американскихъ денегъ, будущіе расходы сможетъ покрывать средиземный банкъ. Въ эту минуту передъ клубомъ появился на взмыленномъ конѣ Кальдасъ. Сильно жестикулируя, онъ спросилъ, какъ ему быть. Отпустить тысячу двѣсти негровъ, которыхъ никакъ нельзя урезонить? Инженеръ пригрозилъ Кальдасу немедленнымъ разсчетомъ, если на слѣдующее утро хотя бы одного негра будетъ недоставать на перекличкѣ.

— Впрочемъ — прибавилъ онъ, — вторая телеграмма ихъ вѣроятно образумитъ.—Кальдасъ возразилъ, что они не повѣрятъ второму извѣстію.

— Дѣлайте, что хотите,—заявилъ инженеръ.—Но знайте, что рабочіе необходимо должны явиться завтра на работу. Обратитесь къ Анхелю Ортису. Можетъ-быть онъ съумѣетъ справиться съ бунтарями-дѣтьми.—Лицо Кальдаса осунулось и сразу постарѣло подъ угрозой потери мѣста. Пахита Ниньесъ никогда не выйдетъ замужъ за человѣка безъ опредѣленнаго положенія. На его помертвѣлыхъ чертахъ и въ потускнѣвшихъ глазахъ отразилось глубокое отчаяніе. Жумильякъ посмотрѣлъ на него безъ всякой жалости и отвернулся. Кальдасъ сѣлъ на лошадь и ускакалъ въ облакѣ пыли, поднятой толпой и проѣзжавшими возами.

Анхель Ортисъ жилъ за свинымъ загономъ, въ складномъ домѣ, который разбирался на части, перевозился и потомъ снова устанавливался на новомъ мѣстѣ, куда переѣзжалъ Ортисъ съ женой. По дорогѣ къ нему Кальдасъ встрѣтилъ кучки взволнованныхъ людей, громко обсуждавшихъ вопросъ о Кламорганѣ. Онъ всѣмъ крикнулъ содержаніе второй телеграммы, но никто ему не повѣрилъ.

Подъ самымъ окномъ Ортиса Кальдасъ крикнулъ о происшедшемъ несчастьѣ и о необходимости сейчасъ же принять мѣры. Но вмѣсто директора работъ къ Кальдасу явился его помощникъ и разсказалъ, что у жены Ортиса припадокъ и что мужъ вотъ уже часъ какъ не можетъ успокоить ее. Кубанцу стало безконечно жалко несчастнаго Ортиса, который привезъ изъ Парижа нервную жену; здѣсь, подъ вліяніемъ климата, ей

стало хуже, она стала страдать маніей самоубійства. Въ эту минуту какъ разъ она призывала смерть; ее душилъ подкатывавшійся къ горлу шаръ. Причиной припадка была пробѣжавшая передъ нею мышь. Ортисъ выкинулъ изъ окна всѣ ножи со стола, чтобы женѣ нечѣмъ было убить себя. А докторъ Розасъ все не пріѣзжалъ. Кальдасъ, слушая все это, думалъ лишь о томъ, что станется съ нимъ, если его выгонятъ со службы. Разстаться съ Пахитой онъ ни за что не хотѣлъ. Но какъ оставаться безъ мѣста въ Лосъ-Палаціосъ, гдѣ ему стали бы мстить всѣ прежде обиженные имъ?... Необходимо, чтобы директоръ спасъ его отъ бѣды. Кальдасъ сошелъ съ лошади, поднялся по желѣзной лѣстницѣ, открылъ дверь и вошелъ въ комнату. Ортисъ держалъ за руки и за ноги молодую женщину, которая отбивалась отъ него и хрипѣла. Она все старалась схватить салфетку, обмотанную вокругъ шеи, чтобы задушить себя. Кальдасъ, извинившись за то, что побезпокоилъ директора, поспѣшно разсказалъ о мятежѣ негровъ. Анхель Ортисъ велѣлъ ему выйти изъ комнаты и подождать его внизу; но Кальдасъ настаивалъ на необходимости неотлагательныхъ мѣръ. Приказъ Жумильяка долженъ былъ быть исполненъ тотчасъ же. Изъ окна Кальдасъ приказалъ осѣдлать лошадь директора, который сдержалъ гнѣвъ, стиснулъ зубы и покорился. Онъ попросилъ Кальдаса помочь ему. Они вмѣстѣ приподняли больную вмѣстѣ съ простыней, причемъ Ортисъ все время цѣловалъ жену и шепталъ ей на ухо нѣжныя слова; затѣмъ крѣпко спеленали ее, положили снова на постель и привязали къ кровати. Тогда негритянка осмѣлилась войти съ холодными компрессами и растворомъ хлороформа. Больная бѣшено извивалась въ своихъ путахъ, но Ортису пришлось оставить ее на попеченіе служанки.

Кальдасъ усадилъ Ортиса въ сѣдло, убѣждая его, что теперь больная никакъ не сможетъ наложить на себя руки. Къ тому же помощникъ обѣщалъ помогать служанкѣ, и докторъ тоже долженъ былъ пріѣхать съ минуты на минуту. Ортисъ ничего не отвѣтилъ. Кальдасъ объяснялъ ему причины массоваго бѣгства. Проѣхавъ свиной загонъ, всадники выѣхали на дорогу, по которой шла разряженная толпа, вышедшая подышать прохладой. На всѣхъ устахъ было имя Кламоргана. Онъ былъ предметомъ всѣхъ разговоровъ, такъ какъ символизировалъ будущность всей этой толпы. Отъ него зависѣло, будетъ ли продолжаться ея обезпеченная жизнь.

Постепенно Ортисъ проникся своими служебными обязанностями и пересталъ терзаться воспоминаніемъ о больной женѣ.

Подъ навѣсомъ китайцевъ, когда туда доѣхали Ортисъ и Кальдасъ, уже не было никого посторонняго. Тонгъ-Лу какъ разъ покупалъ у негритянскаго семейства овецъ, по пезо за пару. Несчастная семья спѣшила распродать свое маленькое стадо и собрать хоть немножко денегъ на дорогу. Такъ какъ извѣстно было, что у желтокожихъ есть деньги, то негры приносили имъ все, что у нихъ было. Тонгъ-Лу и другіе китайцы, хозяева прачешной, скупали все за безцѣнокъ. Ортисъ растолкалъ негровъ, притворился крайне разгнѣваннымъ и велѣлъ имъ идти домой со своими курами и овцами, а не отдавать ихъ даромъ китайцамъ. Съ трёстомъ или безъ трёста, но во всякомъ случаѣ Лосъ-Дадосъ еще долго будетъ кормить ихъ. Его увѣренія не убѣдили негровъ, и ему пришлось прямо запретить распродажу. Тонгъ-Лу заявилъ, что никто не имѣетъ на то права и продолжалъ скупать за гроши все, что ему приносили. Ортисъ предоставилъ Кальдасу убѣждать каждаго по одиночкѣ въ явномъ корыстолюбіи и плутовствѣ китайцевъ, а самъ поѣхалъ дальше. Всюду негры готовились къ отъѣзду. Большинство уже собралось въ путь, навьючивъ себѣ на плечи ящики, корзины, тюки. Инженеры удерживали ихъ. Властный голосъ и внушительные взгляды начальниковъ убѣждали негровъ, стоявшихъ по близости, но въ глубинѣ толпы, куда не доносились крики инженеровъ, негры, сгибая спины, торопились ускользнуть. Директоръ преградилъ имъ путь. Онъ придумалъ чѣмъ ихъ удержать.—Компанія—говорилъ онъ— не хочетъ отпустить ихъ, не заплативъ жалованье за недѣлю, а также безъ вознагражденія.—Какое такое вознагражденіе? Негры съ удивленіемъ останавливались и начинали распрашивать Ортиса, который все прислушивался, не зовутъ ли его къ умирающей женѣ. Объясняя чернымъ и коричневымъ силачамъ, что имъ нечего бояться, если они останутся на службѣ компаніи, убѣждая каждаго отдѣльно, Ортисъ въ то же время думалъ объ очаровательной дѣвушкѣ, которая стала его женою, о радостяхъ ихъ молодой любви... Но объ этомъ нельзя было думать. Нужно было убѣждать негровъ, которые продолжали собирать пожитки, готовясь къ отъѣзду. Появился снова Кальдасъ, растерянный, весь въ пыли. Цѣлая толпа негровъ направлялась въ Альта-Вега. Ортисъ старался не думать о Сильвіи, о томъ, какъ она убѣжала отъ него со своимъ соблазнителемъ, объ ея отчаяніи, когда измѣнникъ оставилъ ее, о томъ, какъ онъ, Ортисъ, простилъ жену, о страсти, которая продолжаетъ мучить несчастную, о всемъ кошмарѣ ихъ теперешней жизни. Онъ собралъ мятежниковъ, соблазнившихся обѣщаніемъ награды, и сказалъ имъ, чтобы

они пошли въ канцелярію, гдѣ Кальдасъ выдастъ имъ деньги. Самъ онъ остался наединѣ со своимъ горемъ. Усыпилъ ли хлороформъ несчастную? Ортисъ на минуту подумалъ, что лучше всего предоставить глупой толпѣ бѣжать на станцію. Можно будетъ найти сколько угодно другихъ рабочихъ. Лучше скорѣе поскакать домой. Не разъ уже ему удавалось успокоить Сильвію лаской. Тѣмъ не менѣе, даже представляя себѣ, что онъ застанетъ Сильвію мертвой, съ портретомъ ея возлюбленнаго въ рукахъ, онъ все же не вернулся домой. Онъ поскакалъ къ вокзалу, чтобы поспѣть туда прежде чѣмъ дикари захватятъ поѣзда. Лошадь его спотыкалась и шла медленно, задыхаясь отъ пыли, которую поднимала толпа, направлявшаяся къ станціи съ пожитками, въ сопровожденіи дѣтей, съ ревомъ и криками. Ортисъ, занятый мыслью о Сильвіи, которую не сможетъ спасти отъ самоубійства вся его любовь, обратился къ толпѣ, усовѣщевая ее и сообщая о скоромъ прибытіи Кламоргана. Упрямые негры и слушать не хотѣли. Они продолжали идти въ пыли, какъ стадо быковъ. Анхель Ортисъ опередилъ ихъ и подъѣхалъ къ станціи. На полотнѣ стояли готовые къ отбытію два экспресса и два товарныхъ поѣзда. Директоръ отправился на телеграфъ, и послѣ обмѣна депешами съ Кинта-Эрнандесъ четыре поѣзда двинулись въ путь. Затѣмъ онъ пошелъ въ буфетъ и распорядился, чтобы дали пить толпѣ, когда она явится. Свистки локомотивовъ взволновали толпу. Человѣкъ двадцать негровъ помчались какъ безумные и, рискуя жизнью, вскочили въ послѣдній вагонъ товарнаго поѣзда. Другіе не успѣли добѣжать. Задыхаясь отъ продолжительнаго бѣга, вся толпа, обезсиленная, взбѣшенная, обезумѣвшая отъ отчаянія, свалилась у станціи къ ногамъ директора работъ. Онъ посовѣтовалъ имъ выпить по стаканчику и затѣмъ вернуться въ лоно „Электрикъ-Стандартъ". Негры говорили, что будутъ ждать другого поѣзда или пойдутъ пѣшкомъ въ Парахасъ. Но въ это время китаецъ, хозяинъ будущаго желѣзнодорожнаго буфета, открылъ свою временную лавочку и сталъ раздавать изъ бочки агвардіенте. Директоръ и начальникъ станціи улыбнулись. Они знали, что черезъ часъ негры будутъ мертвецки пьяны и не смогутъ двинуться съ мѣста.

Анхель Ортисъ весь отдался, наконецъ, своей тревогѣ; онъ видѣлъ въ воображеніи, какъ Сильвія отбивается отъ служанки. Онъ погналъ лошадь и, наконецъ, очутился у постели жены. Къ счастью, ей стало лучше. Припадокъ миновалъ. Сильвія лежала спокойная. По мертвенно-блѣдному лицу мужа она поняла, сколько

онъ пережилъ мукъ изъ-за нея. Она схватила его руку и поцѣловала ее, долго прижимая къ губамъ его пальцы и глядя въ окно, гдѣ солнце торжественно умирало въ пурпурѣ заката... Глаза Ортиса затуманились. Къ горлу его подступили рыданія. Онъ отвернулся отъ страшнаго видѣнія, которое вызывала въ немъ Сильвія. Надъ ея блѣдными губами онъ видѣлъ тѣнь мужскихъ губъ, надъ ея глазами сверкали страстные глаза соблазнителя. Анхель Ортисъ вышелъ на балконъ. Ему стало еще тяжелѣе, теперь, когда никакія должностныя заботы не примѣшивались болѣе къ его душевнымъ мукамъ.

IX.

Въ присутствіи Джима Кламоргана и кубанскихъ акціонеровъ пущены были въ ходъ турбины, передававшія энергію озеръ на динамическія машины въ Парахасъ. Эрикуръ былъ въ отчаяніи. Эти люди поработили его, создавшаго все это—портъ, заводы, деревни, людную армарку. Все это продаютъ, вмѣстѣ съ множествомъ горестныхъ жизней, для того, чтобы десять нарядныхъ, элегантныхъ дѣвицъ властвовали среди избраннаго общества.

„Все зависитъ, какъ на сценѣ, отъ воли гордой, тонкой дѣвушки, отъ Инесы Альвина“—думалъ Эрикуръ, чувствуя глубокое презрѣніе къ жизни и ея законамъ. Онъ взглянулъ на Жумильяка, который, какъ онъ это часто дѣлалъ, увивался вокругъ Инесы, подсаживаясь къ ней и занимая ее разговорами. Но Инеса, очень любезная съ Жумильякомъ, когда онъ приходилъ къ ея матери вдвоемъ съ Эрикуромъ, была крайне холодна съ нимъ на людяхъ. На этотъ разъ она не улыбалась даже его злымъ замѣчаніямъ о всѣхъ гостяхъ. Когда общество перешло изъ залы въ садъ, волшебно озаренный разноцвѣтно сверкающими струями фонтановъ, Жумильякъ по прежнему не отходилъ отъ Инесы. Эрикуръ, яростно жестикулируя, убѣждалъ депутатовъ, Кламоргана и генерала въ основательности своихъ надеждъ на будущее процвѣтаніе Лосъ-Дадосъ. Опьяненный могуществомъ Кламоргана, Жумильякъ хотѣлъ тоже быть побѣдителемъ въ жизни—и прежде всего покорить властную дѣвушку. Онъ сталъ говорить ей о великихъ заслугахъ Эрикура и о своей личной долѣ въ его предпріятіяхъ. Онъ рисовалъ блестящее будущее, которое создастся благодаря Эрикуру и ему, и сталъ соблазнять дѣвушку властью, которой они достигли бы вдвоемъ, соединившись самыми сильными узами въ мірѣ.

На всѣ его убѣжденія дѣвушка отвѣчала полнымъ молчаніемъ, которое его бѣсило. Какъ! Онъ, лауреатъ всяческихъ конкурсовъ, блестящій инженеръ и опытный соблазнитель женщинъ, не можетъ покорить сердце этой дѣвушки?! Онъ продолжалъ говорить о могуществѣ, ожидавшемъ его подругу.

— Могуществен только тотъ,—отвѣчала ему Инеса, прерывая наконецъ молчаніе—у кого въ жилахъ течетъ голубая кровь, кто принадлежитъ къ какой-нибудь изъ старыхъ правящихъ расъ. Претензіи на власть со стороны плебея кажутся мнѣ смѣшными.

— А Кламорганъ?

— Онъ не властвуетъ... а покупаетъ покорность.

Инеса признавала только власть неограниченныхъ правителей и старой аристократіи, давая понять, что ея выборъ остановится только на принцѣ крови; она была теперь достаточно богата, чтобы осуществить эту свою мечту.

Чтобы положить конецъ разговору, Инеса взяла за руку Аниту Лопецъ и Мадлену Лабареръ; дѣвушки ушли, оставивъ Жумильяка совершенно уничтоженнымъ. Онѣ вышучивали и генерала Родригеса, покореннаго стройнымъ станомъ и черными волосами Аниты Лопецъ. Строгое лицо воина приняло такое страдальческое выраженіе, что Анитѣ стало жалко его. Все равно, не для нея принималъ живописныя позы красавецъ Джимъ. Зачѣмъ предаваться тщетной мечтѣ? Филомена Діацъ или Карменъ Такешель, „мексиканскіе порты" или „кубанскіе сахарные заводы", воплощенные въ этихъ двухъ дѣвушкахъ, гораздо болѣе соблазнительны для сына бывшаго полисмена. Онѣ пріумножатъ могущество Кламоргановъ. А что можетъ принести ему Анита, кромѣ жалкой плантаціи, гдѣ родители ея работаютъ сами, чтобы не платить лишняго жалованья служащимъ, гдѣ она тоже скоро будетъ сама ѣздить верхомъ, наблюдая за работами, вмѣсто управляющаго? Чѣмъ жить въ бѣдности съ раздражительнымъ отцомъ и больной матерью, лучше сразу отдать себя старому красивому воину, безумно влюбленному въ нее. Онъ страстно шепталъ ей о своей любви и говорилъ, что иногда онъ бываетъ свирѣпъ въ порывѣ чувствъ — когда эти чувства не любовь, а ненависть къ врагамъ. Она чувствовала, что онъ добьется своего и что лучше покориться его любви, чѣмъ вызвать его гнѣвъ. Она покорилась—и дала ему свое согласіе въ то время, какъ Джимъ Кламорганъ смѣялся, разговаривалъ съ Филоменой Діацъ, прекрасной въ своемъ платьѣ изъ старыхъ венеціанскихъ кружевъ.

Онъ сознавался Филоменѣ, что его отецъ и его компаньоны

мечтали о соединенiи двухъ Америкъ—испанской и сѣверо-американской, составивъ трёстъ всѣхъ заводовъ, портовъ и торговыхъ флотовъ. Ради этого его друзья въ Вашингтонѣ поддерживали панамскiй проектъ и стояли за возобновленiе работы французовъ. Филомена клялась, что таково и желанiе ея дядей. Мексика и Куба мечтаютъ о союзѣ съ сѣверомъ.

Кламорганъ похвалилъ молодую дѣвушку за ея интересъ къ дѣламъ. Онъ и не предполагалъ, что этотъ чистый лобъ таитъ финансовыя способности, вмѣстѣ съ художественнымъ вкусомъ, сказавшимся въ выборѣ картины Веласкеза въ даръ церкви. И какiя у нея красивыя руки! Филомена кокетливо протянула ихъ ему и подбросила на ладони одной руки брелоки, подвѣшенные къ браслету. Кламорганъ обратилъ вниманiе на брелоки: все это были старинныя испанскiя медали, выбитыя въ память основанiя разныхъ портовъ. Филомена объяснила, что медали интересны не только по своей рѣдкости: онѣ, кромѣ того, представляютъ собой ея приданое, такъ какъ отецъ ея — владѣлецъ всѣхъ портовъ, медали которыхъ привѣшены къ ея браслетамъ. На каждомъ браслетѣ по четырѣ брелока, въ общемъ—пять портовъ на Атлантическомъ океанѣ, три—на Тихомъ.—Все мое состоянiе въ этихъ двухъ рукахъ, которыя вы теперь держите! — кокетливо сказала она.

— А что, если я вамъ ихъ не отдамъ?

— Тогда Новый-Свѣтъ будетъ нашимъ садомъ... Но вѣдь вы отдадите...

— Только на одну минуту.

— Развѣ?

— Надѣюсь... Если вы тоже этого хотите...

Смѣлая, страшно блѣдная Магги Фуллеръ подошла къ нимъ, прерывая ихъ разговоръ. Джимъ освѣдомился о ранѣ. Докторъ сказалъ, что у нея голова не такъ больна, какъ сердце. Джимъ нахмурилъ брови, предполагая неделикатный намекъ въ словахъ доктора. Онъ направился къ Карменъ Такешель, которую занимали Жумильякъ и Эрнандесъ. При приближенiи Кламоргана, ихъ разговоръ затихъ, такъ какъ они какъ разъ потѣшались надъ „золотымъ дѣльцомъ“ и доказывали Карменъ, что у нея благородная натура и она не согласится, подобно мексиканкѣ, выйти замужъ только за миллiоны. Вблизи отъ ихъ группы стояла м-мъ Альвина съ Эрикуромъ, Такешелемъ и маркизомъ д'Оро. Она подозвала Кламоргана, и онъ поспѣшилъ на ея зовъ.

— Какъ вы думаете — спросила они, сама испугавшись

своей смѣлости, — не слѣдуетъ ли Эрикуру еще разъ изложить свои мысли вашему отцу?

— Можетъ-быть слѣдовало бы окончательнымъ договоромъ уничтожить конкуренцію, крайне непріятную для нашей Франко-кубанской компаніи и для вашей луизіанской группы,—прибавилъ маркизъ.

— Рѣчь идетъ также о флотѣ,—прибавилъ Такешель.—Къ тому же Парахасъ можетъ, кажется, теперь составить выгодное пріобрѣтеніе для „Электрикъ-Стандартъ".

Эрикуръ, отъ котораго тоже ждали вмѣшательства въ разговоръ, ничего не сказалъ и только поклонился. Его жестъ можно было принять за знакъ согласія. Джимъ понялъ сдержанность этого согласія.

— Конечно, хорошо, еслибы отецъ подписалъ окончательный договоръ. Но онъ уѣзжаетъ во вторникъ въ Англію. Его пригласилъ лордъ Черчиль. А оттуда онъ ѣдетъ въ Потсдамъ. Лучше отложить свиданіе до будущаго года. Къ тому времени соберутся всѣ компаньоны отца... Господинъ Эрикуръ сможетъ тѣмъ временемъ заключить договоры съ Мексикой, Панамой, Венецуэлой. Отецъ любитъ готовыя дѣла. Парахасъ созданъ. Но рынокъ еще не завоеванъ. Не все еще вполнѣ выяснено въ дѣлѣ.

— Можетъ быть, вы правы!—сказалъ подошедшій къ нимъ Жумильякъ.

Не смотря на протесты м-мъ Альвина, которой хотѣлось, чтобы дѣло кончилось скорѣе, Джимъ настоялъ на своемъ.

— Итакъ,—сказалъ онъ—окончательный разговоръ откладывается до будущаго года. Пятаго апрѣля, въ четверть двѣнадцатаго, въ Кламорганъ-Бильдингъ. Да? Я записываю. Къ тому времени Парахасъ будетъ имѣть большой списокъ заказовъ и можно будетъ безпрепятственно заключить окончательный договоръ.

Эрикуръ долженъ былъ согласиться. Все будетъ принадлежать покорившему его атлету, который могъ ставить какія ему угодно условія. Всѣ были на его сторонѣ. Всѣ его окружали. Всѣ дѣвушки смотрѣли ему въ глаза. Каждая готова была покориться всякому его желанію...

Эрикуру хотѣлось поскорѣе убѣжать. Но его остановилъ Жумильякъ, напоминая ему о необходимости подписать нѣсколько бумагъ. Они ушли вдвоемъ. У Эрикура пересохло въ горлѣ. Жумильякъ оставилъ его, чтобы пойти передать по телефону приказанія инженерамъ. Эрикуръ остался, наконецъ, одинъ со

своимъ отчаяніемъ. Но въ эту минуту передъ нимъ очутилась Концепшіонъ Ціенфуэнтесъ, раскраснѣвшаяся, съ сверкающими глазами. Она увлекла его съ собой отдохнуть въ прохладу маленькой хижины изъ сухихъ пальмовыхъ вѣтвей. Усѣвшись сама на столѣ, стоявшемъ въ хижинѣ, она указала Эрикуру на табуретъ, рядомъ съ собой.

— Вы печальны—сказала она.—Почему?

— Всякій конецъ печаленъ. А сегодня конецъ моему дѣлу.

— Вы сдѣлали такое великое дѣло! Корделія Эрнандесъ говорила, что она полюбила васъ за все, что вы сдѣлали для мертвой страны. И другіе соглашались съ нею. Только я ничего не сказала, боясь, что мои глаза и мои губы выдадутъ мои чувства...

— Вы мнѣ другъ?

— Да, мой фавнъ.

Она удостовѣрилась, что никто не сможетъ увидать ихъ, и протянула ему руки. Онъ крѣпко сжалъ ихъ въ своихъ.

Изъ хижины открывался видъ только на водопадъ. Дальше была уже только пропасть и мракъ, среди котораго мелькало сіяніе свѣтлячковъ. Свѣтъ блуждалъ, то поднимаясь, то опускаясь и кружась. Всѣ пальмы были усѣяны свѣтляками. Концепшіонъ вздрагивала отъ поцѣлуевъ Эрикура. Онъ почувствовалъ умиленіе; радостное спокойствіе смѣнило муки и гнѣвъ. Эта дѣвушка покинула ради него Кламоргана. Значитъ, она его любитъ, безъ надежды на богатое замужество, безъ всякаго мелкаго интереса. Концепшіонъ просто пожалѣла его... Ему хотѣлось не трогаться съ мѣста, чувствуя ея близость, вкушая блаженную примиренность со всѣмъ.

Концепшіонъ часто и раньше дарила украдкой поцѣлуи тому, кого она называла „своимъ фавномъ". Но никогда они не испытывали ничего равнаго ощущеніямъ этого вечера, освященнаго летающими свѣтлячками.

Эрикуръ на мгновеніе забылъ про свое несчастье.

— Не будьте печальны, мой фавнъ! — шептала Концепшіонъ.—Забудьте печаль, когда вы наконецъ настигли нимфу! Я такъ хочу нравиться вамъ сегодня... Я побѣдила свой страхъ... Я покорна вамъ, мой фавнъ. Ваши желанія будутъ моими.

Руки ея обвились вокругъ шеи Эрикура. Но ея наивная страсть какъ-то сразу его отрезвила. Онъ почувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ, чѣмъ прежде. Безумная дѣвушка казалась ему далекой, чужой. Она могла дать лишь мимолетную радость.

Послѣ того, какъ сигнальный выстрѣлъ призвалъ толпу, Эри-

куръ былъ не менѣе одинокъ отъ того, что къ нему прижималась безумная Концепшіонъ. Вода трехъ озеръ должна была, вотъ-вотъ, излиться на турбины и превратиться въ линіи огней отъ водопада до океана.

Торжественный моментъ наступилъ.

Сразу засверкали среди ночного мрака фонари Порто-Бланко, сигналы Альта-Вега, одиннадцати деревень, разсѣянныхъ по равнинѣ, размѣщенныхъ на высотахъ, соединенныхъ огненными нитями вдоль дорогъ.

Задыхаясь отъ бѣшенства, Эрикуръ разсматривалъ свое созданіе, менѣе прекрасное, чѣмъ его отчаяніе. На ухо ему Концепшіонъ шептала:—Это васъ, мой фавнъ, воспѣлъ поэтъ. Вы—Панъ. Вы—все!—Раздалось пѣніе пьяныхъ негровъ, мяуканье китайцевъ, крики дѣтей, музыка метисовъ и шипѣніе ракетъ. Громкій гулъ доносился съ моря, исходилъ изъ фабричныхъ трубъ, поднимался съ горныхъ высотъ вмѣстѣ съ ракетами, разсыпавшимися дождемъ синихъ, красныхъ, зеленыхъ звѣздъ. Гора, съ ея лѣсами, потоками, водопадами, скалами и городами, охвачена была сѣтью огней; ее соткалъ геній, подчинившій себѣ силы природы. Съ вершины до берега порабощенная молнія сковывала силы земли. И все это было отнято у того, кто создалъ новый городъ и положилъ начало его жизни.

Переводъ съ рукописи З. В.

КЭМБРИДЖЪ и ДАРВИНЪ

(Изъ воспоминаній о празднествахъ 22-24 іюня.)

Окончаніе *).

Банкетъ, какъ на всякомъ англійскомъ празднествѣ центральный моментъ для выраженія его внутренняго содержанія, происходилъ въ помѣщеніи extra modern, такъ какъ мои знакомые распорядители сообщили мнѣ подъ секретомъ, что еще утромъ окончательно отдѣлывался новый громадный залъ, вмѣстившій въ себѣ пятьсотъ сообѣдниковъ, не считая публики на хорахъ. И тѣмъ не менѣе ни обычныхъ лѣстницъ, ведеръ съ краской, забрызганныхъ половъ, ни запаха известки или масляной краски, этихъ обычныхъ у насъ спутниковъ новой или ремонтированной постройки, не было ни слѣда. Указываю на эту подробность, такъ какъ и помимо нея всѣ гости дивились изумительной организаціи этого обѣда, какъ и всего вообще пріема. Громадный залъ получилъ названіе „экзаменаціоннаго" (Examination hall), указывающее на то, что и здѣсь этотъ отвратительный институтъ, достигшій въ нашихъ высшихъ школахъ такихъ уродливыхъ размѣровъ, также еще процвѣтаетъ [1]). Главное

*) См. ноябрь, стр. 238.

[1]) Впрочемъ Кэмбриджъ, какъ увидимъ далѣе, уже выступилъ на путь реформъ. Слѣдуетъ, къ тому же, оговориться, что Западъ не имѣетъ и понятія о нашихъ экзаменахъ; только у насъ можно сказать что все теперь сведено къ экзаменамъ, а экзамены сведены къ нулю. На дняхъ прочитавъ интересную историческую записку, составленную женевскимъ университетомъ по поводу его юбилея, я въ первый разъ узналъ, что въ исторіи экзаменовъ разительно проявились Гегелевскіе тезисъ, анти-

назначеніе его—служить для экзаменовъ, но разсчетливые хозяева университета имѣютъ въ виду въ свободное время сдавать его подъ балы, концерты и публичныя лекціи, для чего одна изъ поперечныхъ стѣнъ, гладко выбѣленная, служитъ сплошнымъ экраномъ для волшебнаго фонаря. Хотя банкетъ былъ безъ дамъ, но тѣмъ не менѣе, такъ какъ истиннымъ джентльмэнамъ полагается при фракѣ быть не только въ башмакахъ, а въ какихъ-то даже туфелькахъ (а калошъ также не полагается), то весь длинный путь дворами и садомъ отъ воротъ до подъѣзда залы былъ устланъ мягкимъ краснымъ ковромъ и покрытъ навѣсомъ на переносныхъ желѣзныхъ столбикахъ. Зала была вплотную заставлена столами, однимъ почетнымъ вдоль стѣны и рядомъ примыкавшихъ къ нему поперечныхъ, оставлявшихъ только узкій проходъ у противоположной продольной стѣны. При такихъ условіяхъ, задача размѣщенія въ нѣсколько минутъ 500 гостей, прибывшихъ ровно къ назначенному сроку, представлялась не изъ легкихъ, особенно знакомому съ толкотней и сумятицей, царящими при такихъ случаяхъ у насъ. Кому не знакома обычная картина: распорядители бѣгаютъ запыхавшись, разыскивая кого-то, кого необходимо куда-то посадить—вы въ недоумѣніи озираетесь кругомъ, видя передъ собой ряды стакановъ, изъ которыхъ торчатъ визитныя карточки или сомнительной чистоты лоскутки бумаги, пока какая-нибудь добрая душа съ другого конца залы не окликнетъ васъ: „сюда, сюда!—я тутъ занялъ для насъ десять мѣстъ!“? Здѣсь заботливые распорядители блистательно разрѣшили эту задачу слѣдующимъ образомъ. Каждому при входѣ вручался компактно сложенный, но развертывавшійся въ громадный листъ планъ обѣденныхъ столовъ, обозначенныхъ буквами съ пронумерованными мѣстами, а подъ нимъ—алфавитный списокъ всѣхъ присутствовавшихъ съ присвоенными имъ номерами. Благодаря этому сочетанію графическаго метода съ бинарной Линнеевской номенклатурой, задача разысканія своего мѣста осуществлялась безъ малѣйшаго труда, и я могъ съ полнымъ убѣжденіемъ поздравить распорядителей съ ихъ организаторскими способностями,

---

тезисъ и синтезисъ. Оказывается, что въ эпоху Возрожденія экзамены были однимъ изъ лозунговъ движенія къ свѣту и праву, такъ какъ до тѣхъ поръ переходъ учениковъ изъ класса въ классъ зависѣлъ почти исключительно отъ степени вліятельности родителей и покладистости преподавателей. Въ наше время обратно: безконечные экзамены являются излюбленнымъ орудіемъ реакціонно настроенныхъ вершителей просвѣщенія. Не наступила ли пора для разумнаго синтеза, т.-е. экзаменовъ числомъ поменѣе, содержаніемъ поразумнѣе?

обличившими въ нихъ привычныхъ классификаторовъ [1]). Опредѣливъ свое положеніе въ пространствѣ, мы могли такъ же легко опредѣлять и свое положеніе во времени благодаря menu, украшенному изящными миніатюрами Дарвина ребенкомъ и старикомъ. Оно показывало хронологическую послѣдовательность пищи не только тѣлесной, но и духовной, т.-е. тостовъ и отвѣтовъ на нихъ, при чемъ роли исполнителей по прекрасному англійскому обычаю были распредѣлены заранѣе.

Тосты, кромѣ обычнаго лояльнаго „The King!“, произнесеннаго канцлеромъ [2]), сводились къ двумъ—за Дарвина и за кэмбриджскій университетъ. Произносились эти тосты-рѣчи также по обычаю англичанъ уже по окончаніи обѣда, а не такъ, какъ нерѣдко у насъ (вслѣдствіе ихъ неумѣреннаго количества, рѣдко соотвѣтствующаго качеству) начиная съ жаркого, подъ стукъ тарелокъ, звонъ стакановъ и лязганіе приборовъ. Провозглашалъ содержаніе тостовъ и имена ораторовъ какой-то господинъ изъ отставныхъ военныхъ, на котораго эта обязанность была возложена ради его протодіаконскаго голоса, каждый разъ вызывавшаго неудержимые взрывы хохота всей залы.

Первая рѣчь принадлежала бывшему премьеру—Бальфуру. Почему не настоящему? Причина этого обнаружилась изъ слѣдующаго эпизода. Къ сидѣвшему рядомъ со мною во главѣ нашего стола профессору-распорядителю отъ времени до времени подходили за указаніями молодые люди, очевидно добровольные ординарцы, благодаря которымъ все шло въ такомъ поразительномъ порядкѣ, какъ безшумная машина. Передъ самымъ концомъ обѣда объясненіе нашего предсѣдателя съ однимъ изъ подошедшихъ къ нему приняло какой-то таинственный характеръ шепоткомъ. Когда шептавшійся ушелъ, мой сосѣдъ обратился ко мнѣ: „Вотъ вы будете смѣяться, если узнаете, въ чемъ наша тайна.—Меня приходили спрашивать—пора ли посылать за полиціей, и я сказалъ, что пора. Дѣло въ томъ, что на такой большой банкетъ, какъ сегодня, дамъ обыкновенно не приглашаютъ, да и мѣста бы не-

[1]) При чемъ они покаялись, что были на волосъ отъ полнѣйшей fiasco. Наборъ этого плана, представлявшій немалый трудъ, утромъ нечаянно разсыпался и его только-только успѣли вновь набрать, прокорректировать и отпечатать. Останавливаюсь на этой закулисной мелочи, чтобы показать, цѣною какихъ хлопотъ нашихъ любезныхъ хозяевъ достигалась та изумительная, будто автоматическая, организація, которой удивлялись всѣ иностранцы.

[2]) При этомъ мнѣ невольно припомнился старикъ лордъ Кельвинъ, сидѣвшій рядомъ со мною на обѣдѣ Королевскаго Общества и шепнувшій мнѣ въ шутку: „А я такъ по старому пью „the Queen!“... Шестьдесятъ лѣтъ привыкъ, поздно переучиваться“.

достало, но многія желаютъ послушать рѣчи, и вы видите, какъ хоры начинаютъ наполняться дамами. Ну, а у насъ теперь такіе нравы: какъ появляются дамы, сейчасъ посылаютъ за полиціей!" Оказалось, что *дамы*-суфражистки [1]), травящія Аскита, и на этотъ разъ собирались сдѣлать скандалъ, такъ что, повидимому, во избѣжаніе скандала передъ европейскими гостями, либеральный университетъ, въ либеральной въ эту минуту странѣ, долженъ былъ быть представленъ консервативнымъ ex-премьеромъ. Бальфуръ началъ свою прекрасную рѣчь (къ слову сказать, мало напоминавшую его недавніе пессимистическіе выпады противъ современной науки) [2]) слѣдующимъ заявленіемъ: „Я не уступаю никому только въ двухъ качествахъ, дѣлающихъ меня пригоднымъ для выполненія той отвѣтственной роли, которую возложилъ на меня Комитетъ Чествованія Дарвина: эти качества—безграничная преданность родному университету и удивленіе передъ геніемъ того, кто былъ однимъ изъ его величайшихъ украшеній. Каждый вѣрный сынъ Кэмбриджа, продолжалъ ораторъ, испытываетъ чувство восторга при сознаніи, что его университетъ стоялъ во главѣ тѣхъ движеній человѣческой мысли, которыя не заслонялись новыми завоеваніями науки, новыми открытіями, а сохраняли за собою на вѣки значеніе исходныхъ точекъ отправленія въ поступательномъ движеніи человѣчества. Сегодня мы собрались чествовать память одного изъ величайшихъ ученыхъ всѣхъ временъ, но въ Кэмбриджѣ онъ имѣетъ достойныхъ соперниковъ. Не развивалась ли научная мысль въ теченіе вѣковъ подъ наитіемъ механическихъ идей Ньютона? А современное ученіе объ эѳирѣ, не обязано ли оно своими главными устоями Юнгу, Кельвину, Стоксу, Максуэлю—не говоря уже о присутствующихъ представителяхъ современнаго Кэмбриджа? (намекъ на сэра Джозефа Томсона, подхваченный общими апплодисментами всей залы). Я не желалъ бы впадать въ грѣхъ преувеличенія, который былъ всегда ненавистенъ Дарвину; но фактъ остается фактомъ, что умственныя пріобрѣтенія Дарвина стали общимъ достояніемъ каждаго образованнаго человѣка, гдѣ бы онъ ни жилъ и каковъ бы ни былъ предметъ его занятій. Къ Дарвину, быть-можетъ не исключительно, но главнымъ образомъ, восходятъ всѣ тѣ воззрѣнія, которыми руководятся не только изслѣдователи развитія живыхъ

[1]) Извѣстно, что движеніе это спеціально *дамское*, а не общее женское, такъ какъ участницы въ немъ не разъ заявляли, что онѣ—сторонницы ценза.

[2]) На послѣднемъ Кэмбриджскомъ Съѣздѣ Британской Ассоціаціи высказанныя имъ мнѣнія встрѣтили своевременный отпоръ съ авторитетной стороны—со стороны выдающихся физиковъ, которыми современная Англія такъ богата.

организмовъ, но и политикъ, и соціологъ, словомъ—всѣ тѣ, кто имѣетъ дѣло со всею человѣческою дѣятельностью на землѣ. Онъ—источникъ и начало этого умственнаго движенія и останется навсегда въ памяти людей человѣкомъ, вызвавшимъ благотворную революцію во взглядахъ просвѣщеннаго человѣчества на исторію не только человѣческихъ учрежденій, не только человѣческой расы, но всего, носящаго признакъ жизни на нашей планетѣ. Онъ явился Ньютономъ этого обширнаго поля изслѣдованія и къ нему обращаются всѣ взоры, какъ нѣкогда обращались къ Ньютону въ попыткахъ измѣрить глубину міроваго пространства и взвѣсить отдаленные міры. Но измѣрять мировое пространство и взвѣшивать солнце — задачи неизмѣримо болѣе легкія, чѣмъ тѣ, которыя выпали на долю біолога. Загадку жизни, передъ которой намъ невозможно отступать, какъ бы малы ни были наши надежды на ея полное разрѣшеніе — эту загадку въ ея самыхъ широкихъ чертахъ Дарвинъ охватилъ такъ и съ такимъ успѣхомъ, какъ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ ни до, ни послѣ него, и это широкое обобщеніе навѣки обезсмертило его имя".—Вся эта часть рѣчи прерывалась неоднократными дружными апплодисментами.

Какъ опытный парламентскій ораторъ, изучившій секретъ сколачиванія большинства, Бальфуръ, однако, зналъ, что въ числѣ присутствующихъ находится довольно обширная фракція, расположеніе которой можно привлечь аргументами совершенно иного рода. „Но представимъ себѣ"—продолжалъ онъ,—„что Дарвинъ не былъ бы авторомъ своей великой теоріи, что онъ проявилъ бы свой изумительный талантъ только въ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, въ собираніи того колоссальнаго матеріала, которымъ переполнены его труды—и въ такомъ случаѣ не было ли бы его имя почти такъ же славно, какъ и теперь?" И эта часть рѣчи дошла по адресу и была подчеркнута если не общими, то очень энергическими апплодисментами „Бэтсоніанцевъ", какъ и вчера сочувствовавшихъ всякому намеку на то, что „нашъ вѣкъ—не вѣкъ великихъ задачъ", а вѣкъ кропотливаго нагроможденія „цѣнныхъ вкладовъ" [1]).

Заключилъ Бальфуръ свою рѣчь очень теплыми словами о Дарвинѣ какъ этической личности, безъ чего конечно не можетъ быть полна никакая оцѣнка этого совершенно исключительнаго чело-

[1]) Бальфуръ, какъ я потомъ нашелъ въ стенографическомъ отчетѣ по этому поводу, рискнулъ даже высказать парадоксальную мысль, что „способность къ талантливому обобщенію встрѣчается у *многихъ* даже не обладающихъ другими способностями".

вѣка. „Я могу съ гордостью сказать, что принадлежу къ тѣмъ изъ здѣсь присутствующихъ, кому выпало рѣдкое счастье знать Дарвина лично. И я не отступилъ бы ни на шагъ отъ истины, сказавъ, что помимо его научныхъ заслугъ на свѣтѣ не было человѣка болѣе достойнаго любви и уваженія, чѣмъ этотъ великій натуралистъ. Ни одно изъ столь оскорбительныхъ извращеній и ложныхъ толкованій его ученія не могло нарушить величавую ясность и спокойствіе этого великаго ума. Самыя злостныя выходки неразборчивыхъ на средства противниковъ не могли вывести его изъ себя, и одни эти героическія и въ то же время теплыя, сердечныя качества его характера должны были бы обратить на него вниманіе его современниковъ".

Если устами Бальфура говорилъ англичанинъ и представитель Cantabridgia, то слѣдующій ораторъ, извѣстный физикъ Сванте Арреніусъ, выступилъ выразителемъ международнаго общественнаго мнѣнія. Какъ иностранецъ и не біологъ, но интересующійся самыми широкими задачами современнаго естествознанія [1]), онъ былъ очень умѣстенъ въ этой роли. Къ сожалѣнію, впечатлѣнію его превосходно составленной рѣчи мѣшало отвратительное англійское произношеніе; но по счастію его самого оно не смущало и говорилъ онъ такъ, что его голосъ гремѣлъ во всѣхъ концахъ громадной залы. Вотъ общее содержаніе этой рѣчи.

„Эволюціонная идея почти такъ же стара, какъ человѣческая цивилизація. Въ началѣ XIX вѣка, благодаря Ламарку, она сдѣлала большой шагъ впередъ, но тѣмъ не менѣе финалистическое міровоззрѣніе продолжало господствовать даже въ произведеніяхъ Канта, ранѣе немало способствовавшаго успѣхамъ эволюціонной идеи. Потребовался гигантскій умственный трудъ, обнимающій всю совокупность біологическаго знанія, связывающій ее самой строгой логикой и неумолимой критикой для того, чтобы обезпечить окончательное торжество современной эволюціонной идеи, высказанной въ этомъ образцовомъ твореніи — „Происхожденіе видовъ". Быстрый успѣхъ этого ученія вызвалъ не менѣе ожесточенный отпоръ сторонниковъ стараго финалистическаго міровоззрѣнія, насчитывавшаго цѣлыя столѣтія никѣмъ не оспариваемаго господства надъ умами. Самъ Чарлзъ Дарвинъ сознавалъ, какъ широка область фактовъ, охватываемая его ученіемъ, вплоть до явленій умственнаго и соціальнаго развитія животныхъ

---

[1]) Самъ извѣстный ученый, онъ пріѣхалъ учиться въ лабораторію одного изъ выдающихся современныхъ англійскихъ физиковъ—Рутерфорда.

и человѣка, объясняющихъ и генезисъ нравственнаго чувства. Въ настоящее время не найдется пожалуй науки, которая не приходила бы въ прикосновеніе съ эволюціонной идеей, а во многихъ случаяхъ не была бы насквозь пропитана ею. Соціологія и статистика, исторія и лингвистика, также какъ и право, измѣняютъ свои коренныя воззрѣнія, руководясь представленіемъ объ эволюціи и о вліяніи наслѣдственности и среды. Даже теологъ, такъ долго боровшійся съ наплывомъ новыхъ идей, усматриваетъ теперь въ нихъ положенія высокой этической цѣнности, которыя онъ старается привести въ согласіе съ религіей. Въ то же время изслѣдователи точныхъ наукъ—гдѣ эволюціонная идея возникла ранѣе чѣмъ въ біологіи—получивъ новый толчокъ, стали еще усерднѣе примѣнять ее къ своимъ новымъ задачамъ. Наука интернаціональна; это движеніе отозвалось во всѣхъ странахъ міра. И вотъ почему мы, ея представители, явились со всѣхъ концовъ свѣта сюда въ Кэмбриджъ, чтобы вмѣстѣ съ вами почтить память величайшаго изъ эволюціонистовъ. Мы всѣ глубоко убѣждены, что великая умственная революція, вызванная торжествомъ эволюціонной идеи—самое важное событіе въ развитіи человѣческаго разума со времени того могучаго политическаго движенія, которое началось сто-двадцать лѣтъ тому назадъ взятіемъ Бастиліи. Но разница между тѣмъ прошлымъ временемъ и нашимъ та, что тогда всякій могучій успѣхъ въ области политической, соціальной или умственной достигался цѣною борьбы и всѣхъ ужасовъ войны. Совершившійся на нашихъ глазахъ переворотъ, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, осуществленъ силою разума и убѣжденія. „Перо оказалось могущественнѣе меча“. Не вправѣ ли мы радоваться тому, что мы живемъ въ такое время? И не очевидно ли, что идея эволюціи несовмѣстима съ насиліемъ, и мы можемъ надѣяться, что она послужитъ къ утвержденію мира и добраго согласія между всѣми цивилизованными народами? Преклоняясь передъ памятью Дарвина, всѣ люди науки чтятъ въ немъ не только идеальнаго ученаго, но и человѣка науки, чье могучее вліяніе еще усиливалось его нравственной чистотой и духовною мощью“.

Вся зала встала какъ одинъ человѣкъ, и тостъ былъ выпитъ въ благоговѣйномъ молчаніи.

Когда поднялся съ своего мѣста слѣдующій ораторъ, которому было предоставлено отвѣчать на предшествующіе тосты, по залѣ пробѣжалъ шепотъ невольнаго изумленія. Казалось—это былъ самъ авторъ „Происхожденія видовъ“, и именно онъ, какимъ онъ изображенъ на современныхъ появленію книги портретахъ,

а не тотъ величавый старецъ съ сѣдой бородой, какимъ Дарвинъ останется навсегда въ памяти потомства, благодаря лучшимъ позднѣйшимъ портретамъ и ихъ безчисленнымъ фотографическимъ воспроизведеніямъ. Тотъ же громадный выпуклый лобъ, тѣ же глубоко впалые добрые глаза съ торчащими надъ ними щеткой и будто сурово насупленными бровями. Такое поразительное сходство мнѣ рѣдко случалось встрѣчать; я думалъ сначала, что мнѣ могло такъ показаться издали, но на слѣдующій день когда привелось видѣть его вблизи и говорить съ нимъ, первое впечатлѣніе еще болѣе подтвердилось. Это былъ старшій изъ сыновей Дарвина, Вильямъ, и если профессоръ Ареніусъ былъ правъ, упомянувъ въ своей рѣчи, что сэръ Джорджъ Дарвинъ своими блестящими научными трудами является нагляднымъ примѣромъ наслѣдственности въ сферѣ умственнаго труда, то Вильямъ обнаружилъ ея вліяніе не только въ своей внѣшности, но и въ очаровательной простотѣ и добродушномъ юморѣ своей рѣчи, которыя невольно напоминали отца тѣмъ, кто его зналъ, а на всѣхъ присутствовавшихъ произвели самое пріятное впечатлѣніе, такъ какъ рѣчь неоднократно прерывалась дружнымъ смѣхомъ и апплодисментами. Кто же такой этотъ мистеръ Вильямъ Дарвинъ?— Просто—a private gentleman [1]). Я такъ и не могъ узнать отъ своихъ сосѣдей какихъ-нибудь біографическихъ подробностей. Говорили, что онъ, кажется, былъ банкиромъ, а теперь ему уже много за семьдесятъ лѣтъ. Тѣмъ замѣчательнѣе была эта рѣчь; въ ней выразилась расовая способность англичанина говорить спичи. Какимъ тонкимъ тактомъ и дѣйствительнымъ изяществомъ нужно обладать, чтобы найтись въ такомъ трудномъ положеніи, не обмолвиться ни одной напыщенной, цвѣтистой фразой, говорить такъ просто, непринужденно, пересыпая рѣчь то трогательными, то комическими живыми черточками, дополнявшими такъ хорошо извѣстную изъ капитальныхъ трудовъ другого сына— Франсиса—характеристику ихъ великаго отца. По общему признанію, эта рѣчь въ своемъ родѣ смѣло выдерживала сравненіе съ рѣчами предшественниковъ, опытныхъ ораторовъ съ парламентской и университетской каѳедры.

В. Дарвинъ началъ со словъ своего отца Гукеру, которому предстояло говорить гдѣ-то спичъ, „что онъ сожалѣетъ его отъ всей души и что у него у самого отъ одной мысли о чемъ-нибудь

---

[1]) Такъ характеризуетъ себя, напр. (въ справочной книгѣ „Who's Who"), и Гальтонъ, также родственникъ Дарвина. Эти-то private gentlemen и составляютъ одну изъ могучихъ культурныхъ силъ англійскаго народа.

подобномъ подираетъ морозъ по кожѣ". Затѣмъ онъ пояснилъ, что передъ такимъ собраніемъ ученыхъ со всѣхъ концовъ міра не ему говорить объ ученыхъ заслугахъ отца; онъ будетъ говорить о немъ какъ о человѣкѣ, какимъ онъ зналъ его съ самаго ранняго своего дѣтства.

„Той чертой его характера, которая всего ярче запечатлѣлась въ моей памяти, было какое-то напряженное отвращеніе или ненависть ко всему сколько-нибудь напоминавшему насиліе, жестокость, въ особенности рабство. Это чувство шло рука объ руку съ восторженной любовью, съ энтузіазмомъ къ свободѣ, къ свободѣ ли личности или къ свободнымъ учрежденіямъ. Помню еще въ раннемъ дѣтствѣ, какъ, узнавъ, что одинъ знакомый ему gentleman farmer моритъ голодомъ своихъ овецъ, онъ—совершенно больной и всегда заботившійся о поддержаніи лучшихъ отношеній съ сосѣдями—обошелъ весь приходъ, убѣждая подать общую жалобу судьѣ, вслѣдствіе чего жестокій фермеръ былъ притянутъ къ суду и осужденъ. Другой эпизодъ относился къ болѣе позднему времени и лично ко мнѣ. Во время суда надъ губернаторомъ Айэромъ [1]) я пріѣхалъ въ Даунъ изъ Саутгэмптона и, разсказывая о митингѣ, собиравшемся въ этомъ городѣ въ защиту Айэра, позволилъ себѣ презрительное замѣчаніе о комитетѣ, требовавшемъ надъ нимъ суда. Это вызвало со стороны отца взрывъ страшнаго негодованія, закончившійся словами: „такъ и убирался бы ты въ свой Саутгэмптонъ". Но на другое утро, ни свѣтъ, ни заря, онъ уже сидѣлъ у моего изголовья и говорилъ, что очень сожалѣетъ о томъ, что такъ вспылилъ, что всю ночь глазъ не сомкнулъ, и не ушелъ до тѣхъ поръ, пока не успокоилъ меня своими ласковыми словами. Его политическія убѣжденія всего лучше характеризуются тѣмъ восторгомъ, съ которымъ онъ всегда отзывался о Джонѣ Стюартѣ Миллѣ и Гладстонѣ".

Далѣе ораторъ очень кстати остановился на „заѣзженномъ", какъ онъ мѣтко выразился, вопросѣ—объ утратѣ, будто бы, его отцомъ въ преклонныхъ годахъ всякаго интереса къ искусству и

---

[1]) Быть-можетъ многіе уже забыли этотъ эпизодъ недавней англійской исторіи. Губернаторъ Айэръ, прозванный „англійскимъ Муравьевымъ", прославился жестокимъ усмиреніемъ возстанія на Ямайкѣ. Англійское общественное мнѣніе раздѣлилось по этому поводу на два лагеря: либералы требовали суда надъ нимъ, консерваторы предлагали его наградить. На чьей сторонѣ былъ Дарвинъ—видно изъ разсказа, но не мѣшаетъ припомнить, что прекраснодушный Карлайль не только былъ самъ за „Муравьева", но и своимъ авторитетомъ оказалъ давленіе на Рёскина, всегда такого гуманнаго и справедливаго.

къ поэзіи. „Обстоятельство это важно въ томъ отношеніи—замѣтилъ ораторъ,—что изъ него часто дѣлаютъ выводъ о вредномъ, будто бы, вліяніи изученія природы. Тѣ, кто дѣлаютъ этотъ выводъ, не даютъ себѣ надлежащаго отчета о состояніи здоровья отца. Вернувшись изъ путешествія на „Биглѣ“, онъ первые годы трудился такъ усиленно надъ обработкой матеріаловъ, что не имѣлъ ни малѣйшаго досуга для чего-нибудь другого. Къ концу этого періода его здоровье было окончательно надломлено, и за сорокъ лѣтъ жизни въ Даунѣ отъ полутора до трехъ часовъ занятій въ день было достаточно, чтобы привести его въ совершенное изнеможеніе и лишить возможности продолжать дальнѣйшую умственную работу. Въ эти годы его воображеніе находило себѣ пищу въ красотѣ ландшафта, цвѣтовъ или вообще растеній, въ музыкѣ да еще въ романахъ, чтеніе которыхъ вслухъ, равно какъ и выборъ, взяла на себя всецѣло моя мать. Онъ говаривалъ въ шутку, что какъ-нибудь напишетъ поэму о *Росянкѣ*. Я думаю, что нѣкоторыхъ страницъ „Происхожденія видовъ“ или того извѣстнаго письма къ моей матери изъ Муръ-Парка, въ которомъ, описывая, какъ, задремавъ въ лѣсу и внезапно разбуженный пѣніемъ птицъ и прыгавшими надъ его головою бѣлками, онъ былъ такъ всецѣло поглощенъ красотою окружавшей картины, что ему въ первый разъ въ жизни, казалось, не было никакого дѣла до того, какъ создались всѣ эти птицы и звѣрушки. Всего этого не могъ бы написать человѣкъ, не обладавшій глубокимъ чувствомъ красоты и поэзіи въ природѣ и жизни. Любовь къ предметамъ искусства никогда его не покидала. Въ ногахъ небольшого диванчика, на которомъ онъ отдыхалъ въ своемъ кабинетѣ, висѣла картина, которую онъ себѣ какъ-то купилъ и которою не переставалъ любоваться. Онъ былъ знатокомъ и строгимъ судьей гравюръ и нерѣдко посмѣивался надъ современнымъ декоративнымъ искусствомъ. Однажды, когда онъ гостилъ у насъ въ Саутгэмптонѣ, воспользовавшись случаемъ, когда ни меня, ни жены не было дома, онъ обошелъ всѣ комнаты и снесъ въ одну изъ нихъ всѣ фарфоровыя, бронзовыя и другія художественныя произведенія, украшавшія камины и т. д., которыя ему казались особенно безобразными, а когда мы вернулись—съ хохотомъ пригласилъ насъ въ эту, какъ онъ выразился, „комнату ужасовъ“. Кэмбриджъ отецъ всегда любилъ, и еслибы узналъ, что его собираются чествовать, то—конечно съ обычной оговоркой, которую подсказывала его необычайная скромность—добавилъ бы, что ужъ если праздновать, то болѣе подходящаго мѣста нельзя было бы придумать. Всегда равнодушный ко всякимъ почестямъ

и отличіямъ, онъ высоко цѣнилъ свой почетный докторскій дипломъ и съ радостью и гордостью разсказывалъ мнѣ о прогулкѣ по кэмбриджскимъ улицамъ въ красной мантіи, подъ-руку съ master'омъ своего стараго колледжа". Заключилъ свою рѣчь мистеръ Дарвинъ выраженіемъ „самой теплой благодарности отъ своего имени и отъ имени всей семьи университету, комитету, о громадныхъ трудахъ котораго могли знать только тѣ, кто имѣлъ возможность заглянуть за кулисы, и всѣмъ собравшимся въ такомъ числѣ, изъ такого далека, чтобы почтить память отца". Этими тремя рѣчами закончилось собственно чествованіе Дарвина, такъ какъ слѣдующій тостъ былъ за собравшій всѣхъ поклонниковъ Дарвина въ свои гостепріимныя стѣны кэмбриджскій университетъ. Предлагалъ тостъ представитель университета-собрата, университета-соперника, оксфордскій профессоръ Поултонъ. Отвѣчалъ на тостъ вице-канцлеръ (т.-е. ректоръ) кэмбриджскаго университета, профессоръ Мэзонъ. Поултонъ—зоологъ и въ настоящее время одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей дарвинизма, авторъ книги о Дарвинѣ и его теоріи и недавно появившагося толстаго тома Essays на дарвинистическія темы. Особенно интересуется онъ вопросомъ о мимикріи, по которой собралъ въ оксфордскомъ университетѣ обширную коллекцію. Профессоръ Мэзонъ—теологъ, также авторъ многочисленныхъ книгъ по своей спеціальности. И привѣтствіе, и отвѣтъ отличались самою искреннею задушевностью, доказывая, что времена прежняго разногласія миновали, тѣмъ болѣе, что представителемъ Оксфорда, когда-то враждебнаго Дарвину, выступилъ самый убѣжденный его сторонникъ.

„Выступить представителемъ оксфордскаго университета и предлагать по такому знаменательному поводу тостъ за кэмбриджскій университетъ —это такое положеніе, которымъ человѣкъ справедливо можетъ гордиться, и я невольно опасаюсь, въ состояніи ли буду съ достоинствомъ выполнить возложенную на меня задачу". Такъ началъ профессоръ Поултонъ.

„Величіе университета измѣряется величіемъ его сыновъ и мощью того умственнаго движенія, которому онъ даетъ толчокъ. Мистеръ Бальфуръ уже говорилъ о великихъ именахъ, связанныхъ съ именемъ Кэмбриджа. И хотя Дарвинъ придавалъ мало значенія своему ученью въ Кэмбриджѣ, но онъ ему былъ несомнѣнно много обязанъ. Вспомнимъ его учителей Седжвика и Генсло, этого послѣдняго въ особенности, такъ какъ ему Дарвинъ обязанъ, по своему собственному признанію, „самымъ важнымъ событіемъ въ своей научной дѣятельности, сдѣлавшимъ возмож-

нымъ и все остальное—своимъ путешествіемъ на „Биглѣ“. Но и Оксфордъ оказалъ на него свое вліяніе черезъ Лайэля. Вспомнимъ опять его собственныя слова, сказанныя наканунѣ появленія перваго очерка его теоріи (въ 1844 г.) [1]: „Я всегда чувствую, будто моя книга (Путешествіе на „Биглѣ“) на половину вышла изъ мозга Лайэля... и мнѣ всегда представлялось, что главное достоинство его „Principles“ заключалось въ томъ, что они совершенно измѣняли весь складъ вашего ума; разсматривая даже такіе предметы, которыхъ онъ самъ никогда не видалъ, вы смотрѣли на нихъ отчасти его глазами“. Намекая на злобу дня — реформу экзаменовъ, — Поултонъ замѣтилъ, что врядъ ли Лайэль и Дарвинъ развили бы такъ свободно свои дарованія, еслибы въ ихъ время господствовала та экзаменаціонная система, въ борьбу съ которой Кэмбриджъ такъ успѣшно выступилъ на нашихъ глазахъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ исторіи возникновенія теоріи Дарвина и напомнилъ, что Юэль не пропустилъ „Происхожденіе видовъ“ въ библіотеку Тринити-колледжа, а профессоръ Вествудъ предлагалъ основать въ Оксфордѣ особую каѳедру для обличенія ошибокъ дарвинизма. Но вскорѣ согласіе двухъ университетовъ нарушилось: въ 1860-мъ году Оксфордъ далъ генеральное сраженіе дарвинизму — но черезъ два года, по случаю засѣданія той же Британской Ассоціаціи въ Кэмбриджѣ дарвинизмъ вышелъ побѣдителемъ“. Закончилъ свою рѣчь Поултонъ, напомнивъ, какъ много мы обязаны одному изъ сыновей Дарвина. „Что бы мы дали за обладаніе такими матеріалами о жизни Ньютона или Шекспира, какими онъ (Францисъ Дарвинъ) снабдилъ потомство по отношенію къ своему великому отцу. Трудно было бы выразить всю глубину нашей признательности, и мы всѣ, гости кэмбриджскаго университета, съ радостью узнали, что на завтрашней величавой церемоніи раздачи ученыхъ степеней будетъ сдѣлано видное отступленіе отъ правилъ старины и въ первый разъ будетъ награждено этой степенью лицо, принадлежащее къ дѣйствующему преподавательскому персоналу“ [2].

„Я предлагаю тостъ за кэмбриджскій университетъ, вѣчно юный, не смотря на свои почтенныя сѣдины, за его славныхъ сыновъ и особенно за того благороднаго, великаго, кто поучалъ и вдохновлялъ своими идеями весь міръ“.

---

[1]) Теперь въ первый разъ напечатаннаго.

[2]) Намекъ на то, что, вопреки правиламъ, ученая степень почетнаго доктора была присуждена Франсису Дарвину.

Въ своей отвѣтной рѣчи вице-канцлеръ сказалъ, что ни изъ чьихъ устъ кэмбриджскій университетъ не услыхалъ бы этого тоста съ большею радостью, какъ изъ устъ оксфордскаго профессора. „Оба университета все болѣе и болѣе сближаются. Мы не въ состояніи выразить того чувства гордости, которое испытываемъ, при видѣ этого блестящаго собранія людей, научныя заслуги которыхъ признаны всѣмъ свѣтомъ. Эта зала сегодня въ первый разъ обновлена, и хотя ей суждено служить для такого непохвальнаго, по мнѣнію профессора Поултона, дѣла, какъ экзамены, будемъ надѣяться, что память о сегодняшнемъ днѣ сохранится въ этихъ стѣнахъ пока онѣ будутъ стоять, а составленный въ этомъ смыслѣ актъ—и навсегда въ лѣтописяхъ Кэмбриджа. Въ этотъ поздній часъ забота о вашихъ интересахъ подсказываетъ мнѣ благоразумный лаконизмъ. Позвольте только напомнить о двухъ друзьяхъ Дарвина, объ отсутствіи которыхъ мы глубоко сожалѣемъ — о лордѣ Эвбюри (мистерѣ Лэббокѣ) и Альфредѣ Уоллесѣ. Мнѣ сдѣлано заявленіе [1]), что слѣдовало бы послать Альфреду Росселю Уоллесу телеграмму слѣдующаго содержанія: „Натуралисты, собравшіеся для чествованія Дарвина въ Кэмбриджѣ, не могутъ забыть вашу долю участія въ великомъ дѣлѣ, которое они поминаютъ, и глубоко сожалѣютъ, что вы не можете быть съ ними". Я позволю себѣ выразить сожалѣніе по поводу одного только слова въ телеграммѣ—хотя я ее отправлю въ томъ видѣ, какъ она мнѣ передана—добавилъ вице-канцлеръ. Это слово: „Натуралисты". Какъ теологъ я заявляю—а кругомъ себя я вижу представителей права, словесности, музыки и другихъ искусствъ—я заявляю, что всѣхъ насъ, здѣсь присутствующихъ, воодушевляютъ одни и тѣ же чувства, и мы просимъ, чтобы и мы были включены въ число „*натуралистовъ*". Слова эти были покрыты дружнымъ веселымъ смѣхомъ и апплодисментами—заключительнымъ аккордомъ такъ умѣло проведеннаго банкета.

Шумной толпой, обсуждая выслушанныя рѣчи, высыпали сообѣдники снова на показавшуюся среди темной ночи еще болѣе длинной ковровую дорожку подъ балдахиномъ, на этотъ разъ излишнимъ, такъ какъ небо, пока мы обѣдали, успѣло вызвѣздить. Дорожка привела къ воротамъ, за которыми, по ту сторону узенькой улички, сверкали уже огнями иллюминаціи другія

---

[1]) Оно исходило отъ извѣстнаго химика Мельдола, въ то же время признаваемаго за одного изъ лучшихъ знатоковъ дарвинизма, какъ это видно изъ того упомянутаго выше факта, что журналъ „Nature" поручилъ именно ему разборъ книги „Darwin and modern Science", выпущенный „комитетомъ чествованія Дарвина".

живописныя ворота Пэмброкъ-колледжа, гдѣ насъ ожидало снова reception—т.-е. раутъ ректора и въ то же время master'а этого колледжа. Пэмброкъ-колледжъ—колледжъ Вильяма Питта, о чемъ напоминаетъ возвышающаяся рядомъ, отстроенная по національной подпискѣ въ память великаго государственнаго человѣка университетская типографія (Pitt's press), скорѣе напоминающая ново-готическую церковь, чѣмъ такое прозаическое зданіе. Намъ представилась прямо сказочная картина садовъ и посреди нихъ, чудныхъ вѣковыхъ готическихъ построекъ съ ихъ безчисленными башнями, башенками и аркадами ихъ cloister'овъ. Все было освѣщено разбросанными искусною рукой по изумрудной травѣ, по деревьямъ и архитектурнымъ линіямъ зданій китайскими бумажными фонарями, мягкій, спокойный свѣтъ которыхъ такъ гармонировалъ съ освѣщаемой картиной и такъ выгодно отличался отъ обычной, кричащей, рѣжущей глаза электрической иллюминаціи въ современномъ американскомъ вкусѣ. Спрятанный оркестръ музыки дополнялъ впечатлѣніе; къ тому же и дышалось такъ привольно въ этой колоссальной залѣ подъ звѣзднымъ потолкомъ, почему-то напомнившей мнѣ ночи на піацдѣ св. Марка; хотѣлось отдохнуть послѣ почти четырехъ часовъ, проведенныхъ въ хотя и большой, но все же душной банкетной залѣ. Но необходимо было исполнить существенную часть этого раута и пожать руку гостепріимному хозяину университета, какъ вчера его канцлеру. Какъ утромъ, въ своемъ почти кардинальскомъ облаченіи, онъ принималъ гостей въ hall'ѣ—громадной залѣ, стропилы потолка которой, напоминающія знаменитый Westminster-hall, уходили куда-то высоко во мракъ, несмотря на блестящее освѣщеніе залы, а со стѣнъ изумленно смотрѣли изъ своихъ рамъ поколѣнія предковъ, конечно никогда не видавшихъ такого стеченія людей. Такъ какъ приливавшія изъ сада волны посѣтителей должны были отливать обратно въ ту же входную дверь, то зала была перегорожена вдоль барьеромъ изъ розъ, и этого хрупкаго препятствія было достаточно, чтобы предотвратить давку и безпорядокъ въ едва продвигавшейся толпѣ.

Но пора было наконецъ подумать и объ отдыхѣ, послѣ такого,—если и не занятого, въ строгомъ смыслѣ слова, то богатаго впечатлѣніями и рядомъ смѣнявшихся картинъ—дня.

Утро третьяго дня было посвящено одной изъ тѣхъ *импозантныхъ* (да простится мнѣ это слово: я не съумѣлъ бы поды-

скать другое, ему соотвѣтствующее) церемоній, которыми кэмбриджскій университетъ обычно сопровождаетъ всѣ свои научныя торжества. Это — церемонія Conferring of degrees, т. е. присужденія званія почетнаго доктора. Самый обрядъ совершается въ знакомой намъ залѣ сената, но такъ какъ часть церемоніи—торжественное шествіе процессіи, повидимому любимое зрѣлище гордящихся своимъ университетомъ горожанъ, обходитъ кругомъ обширнаго и отдѣленнаго отъ улицы только рѣшеткой двора,—то сосѣднія улицы и нарочно устроенныя крытыя трибуны стали заранѣе наполняться публикой. Утро было пасмурное, сталъ накрапывать дождь, и вся торжественность зрѣлища могла быть нарушена. Оставалось всего нѣсколько минутъ до объявленнаго начала, какъ откуда-то появились рабочіе, застучали молотки (заглушаемые, правда, оркестромъ)—и словно изъ земли выросъ вокругъ всего двора, по пути шествія, балдахинъ, покрывавшій красную дорожку ковра — вѣроятно ту самую, которая сослужила вчера службу при переходѣ изъ залы банкета на ночной праздникъ въ Пэмброкъ-колледжѣ. Предосторожность, однако, оказалась излишней, такъ какъ солнце вскорѣ разогнало тучи и залило лучами прекрасную декорацію, на фонѣ которой должно было развернуться шествіе. Съ одной стороны дворъ примыкалъ къ улицѣ и площади, заполненнымъ толпой, пестрѣвшей яркими весенними туалетами дамъ и болѣе строгими черными утренними костюмами мужчинъ, съ кое-гдѣ мелькавшими мантіями и квадратными шапочками немногочисленныхъ, правда, студентовъ [1]). Съ двухъ другихъ сторонъ его окаймляли красивыя зданія въ стилѣ ренессансъ, стараго сената и недавно перестроенной библіотеки, и наконецъ съ четвертой—уже знакомая намъ кружевная, готическая King's Chapel. Все вмѣстѣ составляло какъ бы сплошную панораму далекаго прошлаго, настоящаго и будущаго этого славнаго культурнаго центра.

Шествіе составилось подъ аркадами библіотеки. Въ ея сѣняхъ будущіе доктора облачались въ заготовленные заранѣе костюмы: красныя суконныя мантіи съ розовыми шелковыми отворотами и черные бархатные береты, перехваченные золотыми шнурками и напоминающіе портреты Рембрандта, а то и Леонардо да Винчи. Красныя мантіи—однѣ и тѣ же для всѣхъ факультетовъ; различаются онѣ только оттѣнками розоваго подбоя,

---

[1]) Отсутствіе студентовъ объясняется тѣмъ, что за день до празднествъ окончились экзамены, въ Кэмбриджѣ всегда очень серьезные, и всѣ, кто могъ, разъѣхались на отдыхъ.

и понадобился бы опытный дамскій глазъ и вся разработанность дамской терминологіи (какіе-нибудь saumon, pêche, fraise écrasée, и т. д.), чтобы распознать доктора естествознанія отъ доктора теологіи или музыки [1]). Шествіе было дѣйствительно очень красиво. Во главѣ его, какъ вчера, предшествуемый жезлоносцемъ и окруженный тремя пажами, шелъ канцлеръ въ своей златотканой мантіи; вслѣдъ за нимъ чинно по два въ рядъ шли мы, имѣющіе быть посвященными, числомъ двадцать одинъ, въ неизмѣнномъ алфавитномъ порядкѣ, начиная Бонапартомъ и кончая Цейлеромъ [2]). За будущими докторами шелъ ректоръ, членъ парламента отъ университета, master'ы колледжей, доктора, начиная съ теологіи и кончая музыкой. За докторами шелъ *публичный ораторъ*, особый университетскій чинъ, съ дѣятельностью котораго мы сейчасъ познакомимся, а замыкалась процессія сенатскимъ совѣтомъ, т.-е. чѣмъ-то среднимъ между нашимъ совѣтомъ и правленіемъ, такъ какъ самый сенатъ университета представляетъ собой очень многочисленное и слѣдовательно громоздкое учрежденіе, собирающееся только въ рѣдкихъ случаяхъ и управляющее университетомъ черезъ своихъ выборныхъ: канцлера, вице-канцлера и совѣтъ. Процессія, собственно говоря, могла бы изъ библіотеки кратчайшимъ путемъ попасть въ залу сената, но ради сугубой торжественности и для того, чтобы ее могла разсмотрѣть многочисленная публика на улицѣ, въ окнахъ, чуть не на крышахъ окружающихъ домовъ, она медленно, шагъ за шагомъ, подъ звуки музыки, игравшей, кажется, что-то изъ „Оберона“ [3]) обогнула весь обширный дворъ или скорѣе площадь передъ домомъ сената.

Въ залѣ бросалось въ глаза, что порядокъ въ ней былъ со-

---

[1]) Какъ извѣстно, П. И. Чайковскій былъ кэмбриджскимъ почетнымъ докторомъ музыки.

[2]) Вотъ полный списокъ: 1) Принцъ Роландъ Бонапартъ (географъ). 2) Ванъ Бенеденъ (зоологъ). 3) Шода (ботаникъ). 4) Бючли (зоологъ). 5) Гёбель (ботаникъ). 6) Дарвинъ (ботаникъ). 7) Гертвигъ (зоологъ). 8) Фонъ Граффъ (зоологъ). 9) Лёбъ (зоологъ). 10) Гёфдингъ (философъ). 11) Швальбе (антропологъ). 12) Перрье (зоологъ). 13) Графъ Сольмсъ Лаубахъ (палеонтологъ). 14) Тимирязевъ (ботаникъ). 15) Вейдовскій (зоологъ). 16) Ферворнъ (физіологъ). 17) Де-Фризъ (ботаникъ). 18) Фёхтингъ (ботаникъ). 19) Вильсонъ (зоологъ). 20) Уолькотъ (палеонтологъ). 21) Цейлеръ (палеонтологъ).

[3]) Извѣстно, что англичане очень любятъ это сладкозвучное произведеніе отца романтической оперы. Объясняется это отчасти тѣмъ, что она была написана спеціально для Лондонской оперы. Пріѣхавшій дирижировать первымъ представленіемъ, уже находившійся въ послѣдней стадіи чахотки Веберъ черезъ нѣсколько дней умеръ и былъ временно похороненъ въ Лондонѣ.

вершенно измѣненъ. Вмѣсто обычныхъ для аудиторій, театровъ или концертныхъ залъ поперечныхъ рядовъ креселъ были разставлены продольные, съ широкимъ проходомъ по срединѣ — словно въ запрестольныхъ мѣстахъ готическихъ соборовъ. Канцлеръ и вице-канцлеръ заняли свои мѣста, а посвящаемые—свои въ два ряда вдоль прохода; остальные участники кортежа размѣстились за ними, при чемъ я замѣтилъ, что мѣста амфитеатра, вчера занятаго сенатомъ, остались пустыми. Преобладающій цвѣтъ въ залѣ былъ красный.

По мановенію руки канцлера началась церемонія. Она состояла въ слѣдующемъ. Къ каждому изъ докторантовъ по очереди подходилъ, облеченный въ мантію и беретъ, Esquire Bedell, т.-е., въ переводѣ, педэль—и протягивалъ руку—но не затѣмъ, чтобы, какъ наши недоброй памяти педэля, получить серебряный цѣлковый, а затѣмъ, чтобы массивнымъ серебрянымъ жезломъ ударить слегка по полу, приглашая слѣдовать за нимъ. Онъ подводилъ къ подножію канцлерскаго мѣста и почтительно удалялся. Тогда „публичный ораторъ“, стоявшій налѣво отъ канцлера, изящнымъ жестомъ слегка прикоснувшись къ своему беррету — только канцлеръ и онъ въ теченіе всей церемоніи оставались съ покрытыми головами—приступалъ къ своему латинскому привѣтствію, какъ обыкновенно прерываемому взрывами смѣха и апплодисментовъ, на что онъ также отвѣчалъ плавнымъ величавымъ движеніемъ, слегка приподнимая свой беретъ. Дѣло въ томъ, что эти латинскія произведенія представляютъ совершенно своеобразный образчикъ ораторскаго краснорѣчія. Въ нѣсколькихъ строкахъ они должны заключать и краткую характеристику дѣятельности посвящаемаго, и шутку, и какую-нибудь удачную цитату изъ классическаго писателя, поэта и т. п. Теперешній „публичный ораторъ“, докторъ Сандисъ, повидимому мастеръ своего дѣла, такъ какъ на дняхъ выходитъ цѣлый томикъ этихъ его привѣтствій, интересныхъ уже потому, что передъ нимъ прошла цѣлая вереница славныхъ именъ Англіи и Европы. Тридцать три года тому назадъ онъ же привѣтствовалъ и Дарвина, въ то самое засѣданіе, въ которомъ студенты спустили съ хоръ на веревочкѣ къ ногамъ великаго ученаго ту куклу обезьяны, которая фигурируетъ теперь на выставкѣ. Все это не доказываетъ ли, что англичане, которыхъ многіе всегда представляютъ себѣ такими чопорными, уважая науку можетъ-быть болѣе, чѣмъ какая другая національность, не считаютъ неумѣстной „a good fun“, не боятся впасть въ преступленіе „lèse-science“. Какой-нибудь Максуэль, понять всю глубину геніальныхъ идей кото-

раго ученымъ всего міра понадобилось нѣсколько десятилѣтій, сочинялъ смѣхотворные стишки на научныя темы, а маститый Сильвестръ слагалъ математическіе мадригалы въ честь Софьи Васильевны Ковалевской. Я полагаю, что изо всѣхъ цивилизованныхъ націй англійская наиболѣе далека отъ научнаго чванства и педантизма.

Вотъ для примѣра своеобразное содержаніе одного изъ этихъ привѣтствій, того изъ нихъ, которое я, понятно, долженъ былъ выслушать съ наибольшимъ вниманіемъ, такъ какъ могъ узнать изъ него характеристику своей собственной научной дѣятельности. Для того, чтобы смыслъ его былъ понятенъ, поясню, что все оно является намекомъ на мою лекцію, прочитанную нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лондонскомъ Королевскомъ Обществѣ. „Meministis fabulosum illum Collegiorum nostrorum unius alumnum, qui ad insulam Laputa perigrinatus, incolas eius omnes solis de salute cotidie sollicitos invenit, inque Academia celeberrima Lagadensi professorem quendam venerabilem vidit, qui solis radiis e cucumerum cellulis eliciendis annorum octo labores incassum impenderat. Consilium tam mirum non prorsus absurdum fuisse botanicae professor quidam Mosquensis coram Regia Societate nostra non sine lepore indicavit. Scilicet per longos labores ipse comprobavit non modo solis radios in cucumi esse inclusos, sed etiam fructuum frondiumque omnium partem viridem solis e lumine radios illos tremulos eligere, quorum auxilio carbonum (ut aiunt) in aëre toto diffusum in materiam quandam vivam permutat. Idem spectri (quod dicitur) e parte rubra radios illos exortos esse docuit, qui frondium in vitam mutati omnium hominum, omnium animalium corpora per tot saecula aluerunt. Ergo de spectri illius exemplo pulcherrimo, de arcu caelesti, verba olim divinitus dicta saeculo nostro sensu novo denuo commendata sunt—„Erit arcus in nubibus, et recordabor foederis sempiterni quod pactum est inter Deum et omnem animam viventem universae carnis, quae est super terram“ (Genesis, IX, 16) [1]).

---

[1]) Приблизительный переводъ: „Помните вы того сказочнаго питомца нашего университета (Гулливера), который, попавъ на островъ Лапуту въ знаменитую академію въ Лагадѣ, увидѣлъ въ ней почтеннаго профессора, въ теченіе восьми лѣтъ размышлявшаго о поглощеніи солнечныхъ лучей огурцомъ. Нѣкій московскій профессоръ ботаники, въ присутствіи нашего Королевскаго Общества, не безъ изящества доказалъ, что диковинная мысль эта не такъ безсмысленна, какъ можетъ показаться. Своими многолѣтними трудами онъ самъ показалъ, что солнечные лучи отлагаются не только въ огурцахъ, но во всякомъ плодѣ, во всякомъ листѣ, во всякой зеленой части растенія, при чемъ поглощаемые лучи превращаютъ углеродъ (какъ утверждаютъ), разсѣянный въ воздухѣ—въ живое вещество. Онъ же научилъ насъ, что

Каждое привѣтствіе заканчивалось словами: „Duco ad vos“ (имя рекъ), съ которыми „публичный ораторъ“ бралъ докторанта за руку и возводилъ его на нѣсколько ступенекъ къ канцлеру, который, поднявшись съ кресла, въ свою очередь бралъ представляемаго за руку и, не выпуская ея, произносилъ довольно длинную латинскую формулу посвященія. При этомъ обнаружилось для меня весьма любопытное обстоятельство—рѣчи оратора я хорошо понималъ, словъ канцлера я не могъ уловить; слышались знакомые звуки англійской рѣчи: *и* вмѣсто *е*, *ай* вмѣсто *и*, но переводить ихъ на привычные латинскіе звуки мысль не поспѣвала. Дѣло выяснилось, когда послѣ торжества, на завтракѣ у Франсиса Дарвина, зашла объ этомъ рѣчь. Не успѣлъ я замѣтить, что къ удивленію своему прекрасно понялъ всѣ привѣтствія доктора Сандиса, какъ сидѣвшіе на концѣ стола мальчуганы, сыновья мистера Франсиса и ихъ товарищи, въ одинъ голосъ воскликнули:—Именно потому мы ничего не поняли. Ваша университетская латынь совсѣмъ не та, которой насъ учатъ въ школѣ.—Оказывается, что въ университетахъ начинается что-то въ родѣ компромисса съ континентальнымъ произношеніемъ.

Новые доктора проводились на мѣста, занятыя вчера членами сената; потому они и не были сегодня заняты. Этимъ какъ бы символизировалось, что коллегія принимаетъ ихъ въ свою среду.

Не смотря на краткость каждой отдѣльной церемоніи, при помноженіи ея на двадцать одинъ, въ общей сложности, получилась почтенная цифра, и присутствующіе были нѣсколько утомлены, когда маститый профессоръ Гики, президентъ Королевскаго Общества, приступилъ къ своей Rede-lecture [1]), на тему „*Дарвинъ какъ геологъ*“. Названіе лекціи вѣроятно беретъ начало отъ прекраснаго исконнаго обычая англичанъ учреждать на пожертвованія не только отдѣльныя каѳедры или курсы, но и отдѣльныя лекціи. Кто былъ этотъ Rede и когда онъ жилъ,

---

красные лучи спектра (какъ его называютъ), превращаясь въ живыхъ листьяхъ, служатъ источникомъ жизни всѣхъ людей, всякой твари во вѣки вѣковъ. Это изящное толкованіе дѣйствія спектра не служитъ ли новымъ, согласнымъ духу нашего времени, подтвержденіемъ священныхъ словъ о радугѣ: „И будетъ радуга въ облакахъ, и увижу ее и вспомню завѣтъ вѣчный между Богомъ и между всякой душою живою во всякой плоти на землѣ“. (Бытіе, IX, 16).

[1]) Не рѣшаюсь переводить это имя на русскій языкъ, такъ какъ не привелось слышать его изъ устъ англичанина. Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ, слышанный отъ А. Г. Столѣтова. Когда онъ спросилъ у лорда Кельвина, какъ правильнѣе произносить, Джоуль или Джуль, тотъ отвѣтилъ: „Какъ вамъ сказать, я тридцать лѣтъ звалъ его Джоулемъ—и онъ откликался“.

не знаю, но во всякомъ случаѣ благодаря ему мы могли прослушать прекрасную лекцію. Къ сожалѣнію лекторъ слишкомъ подробно разбиралъ спеціальныя геологическія изслѣдованія и только въ заключеніи остановился на двухъ геологическихъ главахъ „Происхожденія видовъ“, признавъ ихъ самымъ важнымъ вкладомъ въ философію геологіи.

По окончаніи лекціи и принесеніи канцлеромъ отъ имени всѣхъ присутствующихъ благодарности маститому лектору, не отказавшемуся принять на себя тяжелую обязанность, не смотря на то, что ему приходилось въ тотъ же вечеръ принимать пріѣзжихъ гостей на обычномъ *парадномъ* [1] годичномъ раутѣ (conversatione) Королевскаго Общества, канцлеръ поднялся, и шествіе въ томъ же порядкѣ покинуло залу. Этимъ завершился послѣдній актъ собственно чествованія Дарвина (Darwin celebration).

Но семья Дарвина желала еще разъ проститься съ многочисленными гостями, пригласивъ ихъ на свое Garden-party, и мѣстомъ для него избрала самый величественный, самый славный изъ колледжей—колледжъ Ньютона, Trinity, гдѣ сэръ Джорджъ состоитъ профессоромъ.

Я видѣлъ его уже не разъ, этотъ колледжъ, и можно ли его забыть, если видѣлъ его хоть разъ. Эти массивныя ворота—башня, съ обычной статуей „основателя“. Этотъ громадный дворъ, съ изящнымъ, словно кружевнымъ готическимъ колодцемъ по срединѣ, а въ правомъ углу заросшія плющомъ три окошечка, гдѣ, по преданію, жилъ Ньютонъ; а еще далѣе капелла, въ притворѣ которой стоитъ его знаменитая статуя, работы Рубильяка, и рядомъ съ нею статуя Бэкона, великаго глашатая „buccinator“, возвѣстившаго міру наступленіе эры „новой философіи“ — философіи науки. А тамъ, на другомъ дворѣ эта чудная библіотека—созданіе строителя собора св. Павла, Рена, вдохновившагося венеціанскимъ прототипомъ Сансовино, съ ея двумя рядами мраморныхъ бюстовъ славныхъ питомцевъ колледжа и Торвальдсеновскимъ Байрономъ въ глубинѣ, нашедшимъ себѣ наконецъ пріютъ въ своемъ Trinity, послѣ того какъ ему было дважды отказано въ послѣднемъ убѣжищѣ въ poet's-corner Вестминстера. И

---

[1]) На этихъ раутахъ дѣлаютъ ретроспективныя годичныя выставки всѣхъ новыхъ открытій или изобрѣтеній. Это—одно изъ самыхъ интересныхъ собраній не только въ Лондонѣ, но и на всемъ свѣтѣ. Ихъ бываетъ два: *черное и бѣлое*. Первое—гдѣ исключительно господствуютъ фраки; второе, болѣе блестящее—съ дамами. Это было бѣлое.

наконецъ эта аллея вѣковыхъ вязовъ и дубовъ, гдѣ искали вдохновенія поколѣнія поэтовъ отъ Уордсворта до Тениссона. Съ этой именно стороны подвезъ меня Франсисъ Дарвинъ на свой five o'clok, какъ бы желая миновать первое тяжелое историческое воспоминаніе, которое невольно испытываешь, когда входишь въ колледжъ черезъ главныя ворота. Вѣдь этотъ „основатель", тамъ на верху—никто иной, какъ звѣроподобный barbe bleue, чей топоръ сносилъ и головы прельщавшихъ его несчастныхъ женщинъ, и гордую, непреклонную голову Мора. Но человѣкъ—существо пестрое, многогранное, и та грань характера Генриха VIII, которая видна отсюда, невольно заставитъ хоть кого задуматься. Во-первыхъ, самое основаніе Trinity приписываютъ его соперничеству съ кардиналомъ Уольсеемъ. Тотъ построилъ самый роскошный колледжъ Оксфорда, Крайстъ-чёрчъ—и Генрихъ, задѣтый за живое, хотѣлъ превзойти своего зазнавшагося подданнаго, построивъ въ Кэмбриджѣ еще роскошнѣйшій. Еслибы и всегда монархи побивали своихъ подданныхъ только такимъ оружіемъ! Мало того: когда Генрихъ осуществилъ свою оригинальную реформацію, сводившуюся главнымъ образомъ къ ограбленію монастырей, онъ отдалъ часть награбленнаго университетамъ. Среди окружавшихъ его царедворцевъ нашлись, однако, совѣтчики, которые усмотрѣли въ этомъ только первый шагъ реформы: второй, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ заключаться въ томъ, чтобы ограбить въ свою очередь университеты и наградить вѣрныхъ слугъ престола. И вотъ тутъ-то Генрихъ, будто бы, сказалъ: „Господа, мы съ вами умремъ и наши косточки истлѣютъ, а университеты будутъ управлять Англіей, и будутъ хорошо управлять". Одно можно сказать: кэмбриджскій университетъ, должно быть, родился подъ счастливой звѣздой; ему все шло въ прокъ, или уже это было такое время, такъ какъ не забудемъ, что современникъ Генриха, Францискъ I-ый, былъ не только королемъ, умѣвшимъ „s'amuser", какимъ онъ невольно встаетъ въ нашемъ воображеніи, благодаря Гюго, но въ то же время основателемъ Collège de France, этого и по сей день единственнаго въ своемъ родѣ учрежденія, куда извѣстные ученые привлекаются не затѣмъ, чтобы упражнять и экзаменовать, а затѣмъ, чтобы двигать науку, проводить свои идеи—и только.

Для собранія былъ выбранъ не большой, а одинъ изъ малыхъ дворовъ колледжа—тотъ самый, на который выходятъ окна комнатъ, когда-то занятыхъ Байрономъ. На возвышающейся на нѣсколько ступеней терассѣ, съ парапетомъ и чѣмъ-то въ родѣ каменнаго балдахина, собрались хозяева, т.-е. сыновья Дарвина,

съ ихъ семьями. Поздоровавшись съ ними, перекинувшись нѣсколькими словами съ многочисленными знакомыми, я прошелъ въ знаменитый Hall, съ его рядомъ историческихъ портретовъ. На этотъ разъ онъ представлялъ необычное зрѣлище: сдвинутые вплотную столы не были накрыты для „трапезы", не гнулись подъ тяжестью вѣкового серебра [1]), а отъ края до края были завалены полученными вчера адресами. И чего-чего тутъ только не было: бархатные, кожаные, тисненые, обдѣланные въ серебро и эмаль съ тяжелыми застежками переплеты; длинные футляры, перехваченные золотыми шнурами съ болтающимися старинными печатями, рукописи на невиданной бумагѣ или на пергаментѣ съ великолѣпными миніатюрами и средневѣковыми заставками или не менѣе красиво выведенными восточными (персидскими, японскими) письменами—они лежали тутъ сомкнутыми рядами, сошедшіеся съ отдаленнѣйшихъ концовъ міра, свидѣтели безпримѣрно единодушнаго и уже конечно вполнѣ безкорыстнаго взрыва восторженнаго уваженія цивилизованнаго человѣчества къ памяти представителя его передовой мысли. Эта длинная вереница также наглядно объясняла и невозможность прочесть ихъ наканунѣ. Если они когда-нибудь будутъ отпечатаны, составится порядочный томикъ.

Пора было однако подумать объ отъѣздѣ, чтобы поспѣть въ Лондонъ на вечеръ Королевскаго Общества, а еще нужно было сдѣлать прощальные визиты или хоть забросить карточки канцлеру, вице-канцлеру, а главное—очаровавшему всѣхъ своей любезностью и удивительнымъ организаторскимъ талантомъ профессору Сюарду, живущему, какъ почти всѣ здѣшніе профессора, за городомъ.

Проѣзжая еще разъ изъ конца въ конецъ этотъ маленькій городокъ-университетъ, я снова увидалъ, какъ бы въ быстро движущейся панорамѣ, всѣ его историческіе колледжи. Послѣднимъ изъ нихъ былъ Emmanuel, почти съ самаго своего возникновенія игравшій передовую роль въ жизни университета. Съ самаго момента его возникновенія на него посыпались доносы, и на строгій выговоръ королевы Елизаветы его основатель скромно отвѣчалъ: „Далека отъ меня мысль, Madam, нарушать установленные вами законы. Я только посадилъ жолудь, а

[1]) Въ колледжѣ Магдалины (Модлинъ) мнѣ показывали массивный серебряный сервизъ, подаренный Александромъ I, посѣтившимъ Оксфордъ послѣ взятія Парижа.

какой изъ него выростетъ дубъ — одному Богу извѣстно". Этимъ дубомъ было пуританство, подъ сѣнью котораго тамъ, на другомъ концѣ Кэмбриджа, воспитался Оливеръ Кромвель [1]). Эммануэль-колледжъ и до сихъ поръ хранитъ свои либеральныя преданія, и въ наши дни, когда въ аристократическихъ университетахъ Англіи проявилось демократическое движеніе University-extension, Эммануэль-колледжу принадлежитъ въ немъ выдающаяся роль. Очень хорошо помню, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ я засталъ въ его стѣнахъ того же самаго профессора Сюарда еще болѣе озабоченнымъ, чѣмъ теперь, организаціей лѣтнихъ общедоступныхъ курсовъ для желающихъ, преимущественно изъ народныхъ учителей.

Въ томъ сборникѣ „Darwin and modern science", о которомъ уже приходилось говорить, въ блестящей статьѣ Джорджа Дарвина: „О генезисѣ двойныхъ звѣздъ", есть одна краснорѣчивая страница; она невольно пришла мнѣ на память въ Кэмбриджѣ. Въ статьѣ этой собственно идетъ рѣчь о фигурахъ равновѣсія вращающихся жидкихъ массъ, но съ обще-философской точки зрѣнія сынъ развиваетъ эволюціонную идею отца въ примѣненіи ко всему космосу, до отдаленнѣйшихъ предѣловъ звѣзднаго неба. Желая сдѣлать результаты своихъ математическихъ изысканій болѣе доступными пониманію общаго читателя, сэръ Джорджъ прибѣгаетъ къ сравненію, заимствованному изъ круга понятій болѣе доступныхъ этому читателю и относящихся къ другому порядку явленій, изучаемыхъ человѣкомъ—къ явленіямъ соціальной жизни. Вотъ этотъ отрывокъ. Установивъ нѣсколько типовъ фигуръ равновѣсія, переходящихъ одна въ другую по мѣрѣ возрастанія скорости движенія, сэръ Джорджъ говоритъ: „Идеи, положенныя въ основу этого очерка, могутъ показаться нѣсколько запутанными и темными; попытаюсь сдѣлать ихъ болѣе доступными читателю не-математику гомологическими разсужденіями изъ другихъ областей знанія, а затѣмъ перейду къ ихъ иллюстраціи изъ области эволюціи звѣздныхъ системъ. Государства или формы правленія представляютъ намъ организовавшіяся схемы взаимнаго воздѣйствія между группами людей; мы ихъ относимъ, хотя можетъ-быть и нѣсколько произвольно, къ различнымъ типамъ, обозначаемымъ родовыми терминами, каковы автократія, аристократія и демократія. Опредѣленный типъ формы правленія соотвѣтствуетъ одному изъ уста-

[1]) Въ колледжѣ Сидней-Суссексъ, гдѣ хранится его портретъ, считающійся наиболѣе достовѣрнымъ.

новленныхъ нами типовъ движенія и, продолжая сохранять этотъ типъ, претерпѣваетъ медленное измѣненіе, соотвѣтственно измѣненію степени цивилизаціи, характеру народа и его отношенію къ другимъ народамъ. На языкѣ механики, выше нами примѣненномъ, форма правленія представляетъ группу явленій (скажемъ: семейство)—и съ теченіемъ времени мы получаемъ различныхъ ея представителей. Эта форма обладаетъ извѣстной степенью устойчивости—едва ли, однако, пока еще подчиняющейся учету числомъ и мѣрой, достаточной для того, чтобы противостоять дезинтегрирующимъ вліяніямъ войнъ, голодовокъ и внутреннихъ раздоровъ. Эта устойчивость до извѣстныхъ предѣловъ возрастаетъ, а затѣмъ начинаетъ постепенно убывать. Степень этой устойчивости въ любую эпоху будетъ зависѣть отъ способности данной формы правленія приспособляться къ медленно измѣняющимся условіямъ существованія. Но рано или поздно наступаетъ моментъ, когда устойчивость нарушается и малѣйшій толчокъ вызываетъ переворотъ, уничтожающій это правительство. Наступаетъ критическій періодъ; но какое-нибудь условіе, иногда совершенно незамѣченное, препятствуетъ проявленію анархіи. Какъ бы ни казалось незначительно это условіе, оно направляетъ правительство по новому пути устойчивости, сообщая ему черты новаго типа. Это условіе оказывается все болѣе и болѣе существеннымъ, и форма правленія оказывается измѣнившеюся, новая форма устойчивости возрастаетъ. Въ свою очередь и эта новая форма устойчивости клонится къ упадку; близится новый кризисъ или революція. Такимъ образомъ проявляется въ исторіи то, что мы назвали выше „точками бифуркаціи", и политическая преемственность сохраняется путемъ смѣны типовъ правленія. Эти идеи—такъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется—даютъ истинное объясненіе исторіи государствъ; мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ какой-нибудь фантастической аналогіей, а съ дѣйствительной гомологіей въ двухъ областяхъ мысли—физической и политической—и тамъ и здѣсь мы видимъ „точки бифуркаціи" и смѣну однихъ состояній устойчивости другими".

Обступающія со всѣхъ сторонъ въ этомъ городѣ историческія воспоминанія не представляютъ ли намъ собранную какъ бы въ одномъ фокусѣ картину этой смѣны трехъ стадій устойчивости—автократіи, аристократіи и демократіи,—которую англійскій народъ осуществлялъ въ своей жизни ранѣе другихъ и съ наименьшей тратой силъ? А въ параллельной области мысли не видимъ ли мы ту же смѣну трехъ фазъ развитія—теологической, метафизической и научно-положительной? Монахи основали эти

школы-общежитія, а онѣ дали пріютъ Эразму. Автократія украсила ихъ этими зданіями, которыми мы не перестаемъ любоваться и теперь — а изъ нихъ вышли Кромвель и Мильтонъ. Духомъ самой гордой изъ аристократій, вплоть до самаго мятежнаго изъ ея представителей — Байрона — вѣетъ отъ этихъ стѣнъ, а въ наши дни раздается въ нихъ демократическій призывъ: „Университеты—въ народъ!“ Мильтонъ, облекая въ поэтическую форму библейскую легенду, зачаровалъ цѣлыя поколѣнія; Палей, а еще позже Юэль расточали свою тонкую діалектику на развитіе метафизическаго „argument from design“ [1]; Дарвинъ сначала увлекается всѣми тремя, а кончаетъ тѣмъ, что на развалинахъ ихъ идей создаетъ свое, обнимающее весь космосъ научное міровоззрѣніе. Нѣтъ, не случайность, что именно среди этого великаго народа явился мыслитель, поставившій эволюцію во главу угла всего зданія современной мысли [2]). Сзывая цивилизованный міръ почтить память Дарвина, англійскій народъ, конечно, не могъ выбрать мѣста лучше этого многовѣковаго культурнаго центра, въ которомъ самые камни свидѣтельствуютъ объ эволюціи жизни, объ эволюціи мысли.

К. Тимирязевъ.

---

[1]) Доводъ отъ умысла.

[2]) Особенно если еще припомнить, что тотъ же народъ далъ и Лайэля, и Спенсера, и Уоллеса, и вновь реабилитируемаго Чемберза.

„ФЛОТЪ“ и „МОРСКОЕ ВѢДОМСТВО“

ПОСЛѢ ВОЙНЫ

Строго говоря, для морского министерства война кончилась разгромомъ 14 мая 1905-го года; но не будемъ торговаться изъ-за нѣсколькихъ мѣсяцевъ и скажемъ, что со времени ратификаціи мирнаго договора прошло уже четыре года.

Что сдѣлано за это, немалое, время?

Какъ былъ использованъ горькій, кровавый опытъ минувшей войны?..

Личный составъ, обладающій боевымъ опытомъ, повсюду считается наиболѣе драгоцѣннымъ наслѣдіемъ всякой войны, даже несчастной.

Посмотримъ, на основаніи документальныхъ данныхъ, какъ отнесся къ этому наслѣдію адмиралъ Бирилевъ, первый морской министръ въ Россіи (до него были „управляющіе морскимъ министерствомъ“, только присутствовавшіе при всеподданнѣйшихъ докладахъ генералъ-адмирала).

Возьмемъ „Списокъ адмираламъ и штабъ-офицерамъ“, изданный въ апрѣлѣ 1906 г., и отмѣтимъ, при исполненіи какихъ обязанностей состояли флагмана и капитаны, принимавшіе участіе въ дѣлахъ противъ непріятеля.

Въ головѣ списка стоитъ вице-адмиралъ Рожественскій, все еще числившійся въ то время начальникомъ главнаго морского штаба, но уже подавшій и прошеніе объ отставкѣ, и рапортъ съ просьбой о преданіи его суду—единственный отвѣтъ покойнаго на ту кампанію, которая велась противъ него при посредствѣ „Новаго Времени“.

Не стану утверждать, чтобы адмиралъ Бирилевъ сочувствовалъ этой кампаніи. Вѣдь на гробъ З. П. Рожественскаго онъ возложилъ роскошный вѣнокъ, съ надписью: „Великому и Почитаемому"... Во всякомъ случаѣ, онъ не препятствовалъ травлѣ, которую, при желаніи, могъ бы прекратить въ любой моментъ, опубликовавъ документы, находившіеся у него въ рукахъ. Если даже опубликованіе этихъ документовъ въ то время (1905—1906 г.) признавалось... нежелательнымъ и даже было запрещено,—то надо ли доказывать, что „Новое Время" не принадлежитъ къ числу тѣхъ органовъ печати, на которые нельзя „воздѣйствовать"?—Очевидно, „воздѣйствія" не воспослѣдовало...

Да, какъ сказать... можетъ быть, скорбя о горькой участи стараго друга, адмиралъ Бирилевъ, самымъ краешкомъ сердца, былъ даже чуть-чуть доволенъ. Вѣдь отвѣтственность за разгромъ, цѣликомъ взваливавшаяся на голову Рожественскаго, снималась съ его головы. Вѣдь это онъ былъ „главнымъ командиромъ флота и портовъ Балтійскаго моря", который снаряжалъ вторую эскадру и который не долженъ былъ выпускать ее въ море въ томъ видѣ, въ какомъ она была, а тѣмъ болѣе рапортовать о ея полной боевой готовности. Вѣдь это онъ настаивалъ на возможности и необходимости отправки третьей эскадры „самотоповъ", отъ которыхъ категорически отрекался Рожественскій и въ Россіи, и въ телеграммахъ съ Мадагаскара. Вѣдь это съ его голоса писались вдохновенныя статьи, заключавшіяся патетическимъ возгласомъ: „Не спрашивайте адмирала Рожественскаго!.."

Слѣдующимъ по списку стоитъ контръ-адмиралъ Іессенъ, бывшій начальникомъ владивостокскаго отряда крейсеровъ. Судьба этого адмирала настолько своеобразна, что по отношенію къ нему я не считаю себя въ правѣ ограничиться краткой замѣткой, тѣмъ болѣе, что въ „апрѣльскомъ изданіи списка" онъ еще числится на службѣ.

Конечно, всѣ помнятъ, что единственный проблескъ успѣха на морѣ достался именно этому отряду. Одно время онъ такъ разгулялся на японскихъ путяхъ сообщенія, что негодующая толпа въ Токіо разгромила и сожгла домъ адмирала Камимуры, за то что онъ, со своей эскадрой первоклассныхъ броненосныхъ крейсеровъ, не умѣетъ поймать и уничтожить зловредный отрядъ, въ которомъ только одинъ корабль („Громобой") заслуживалъ хоть сколько-нибудь названія современнаго броненоснаго крейсера.

Еще во время войны отношенія между начальникомъ отряда, ходившимъ въ море и сражавшимся съ непріятелемъ, и командующимъ флотомъ Тихаго океана (адм. Скрыдловымъ), „не попавшимъ" въ Портъ-Артуръ и проживавшимъ во Владивостокѣ, въ зданіи женской гимназіи, — были весьма рогатыя. Адмиралъ Скрыдловъ, имѣвшій въ

своемъ штабѣ такого патентованнаго стратега и тактика, какъ г. Кладо, состоявшаго начальникомъ военно-морского отдѣла, рѣдко (чтобы не сказать никогда) находилъ дѣйствія начальника отряда удовлетворительными. Въ вину адмиралу Іессену ставилось даже его личное присутствіе на „Богатырѣ“ въ тотъ злополучный день, когда этотъ крейсеръ попалъ на камни при входѣ въ бухту Славянка. Объ этомъ случаѣ стоитъ сказать два слова. „Богатырю“ было приказано (конечно, высшимъ начальствомъ) идти въ Славянку. Былъ туманъ, какой бываетъ во Владивостокѣ, т.-е. „какъ молоко“. Начальникъ отряда перенесъ свой флагъ на „Богатырь“, чтобы лично принять участіе въ рискованной экспедиціи. Кончилось неудачей. Еслибы онъ остался на „Россіи“, стоявшей во Владивостокѣ, или, еще лучше, проводилъ бы время на берегу, хотя и не въ зданіи женской гимназіи, а въ любомъ другомъ, то, разумѣется, былъ бы чистъ отъ всякихъ нареканій. Оказался недальновиднымъ...

Кончилась война — и адмиралъ Іессенъ привелъ въ Россію свой отрядъ, хоть и непобѣдоносный, но все же имѣвшій нѣкоторый успѣхъ, врагу не сдававшійся и въ нейтральныхъ портахъ неразоружавшійся. Приняли его въ Либавѣ—и для производства инспекторскаго смотра послали... адмирала Скрыдлова. Результатомъ инспекціи (смѣшно сказать—инспектировали „боевое ученіе“ на боевомъ отрядѣ) явился... выговоръ въ приказѣ, на который адмиралъ Іессенъ отвѣтилъ прошеніемъ объ отставкѣ.

Въ дальнѣйшемъ буду кратокъ и приведу „синодикъ“, выписанный изъ оффиціальнаго „апрѣльскаго изданія 1906-го года“.

Контръ-адмиралъ Матусевичъ, командовавшій въ Портъ-Артурѣ первымъ отрядомъ миноносцевъ, а впослѣдствіи бывшій начальникомъ штаба адмирала Витгефта, раненный въ схваткахъ съ непріятелемъ по первой своей должности и тяжело раненный въ бою 28 іюля (на „Цесаревичѣ“)—безъ назначенія.

Контръ-адмиралъ Рейценштейнъ, командовавшій „Аскольдомъ“, произведенный въ адмиралы за боевыя отличія и начальствовавшій артурскимъ отрядомъ крейсеровъ—безъ назначенія.

Контръ-адмиралъ Щенсновичъ, командовавшій „Ретвизаномъ“, произведенный въ адмиралы за боевыя отличія—безъ назначенія.

Контръ-адмиралъ Виренъ, командовавшій „Баяномъ“, произведенный въ адмиралы за боевыя отличія—младшій флагманъ эскадры Чернаго моря, т.-е., переводя на сухопутный языкъ, на роли бригаднаго командира, не имѣющаго права „свое сужденіе имѣть“ и, къ тому же, вдали отъ „шпица“ [1]).

---

[1]) Существуетъ разсказъ, можетъ быть апокрифическій, но упорно циркули-

Капитанъ 1-го ранга Зацаренный, командовавшій „Побѣдой“ — градоначальникъ города Николаева.

Капитанъ 1-го ранга Озеровъ, командовавшій „Сисоемъ Великимъ“—безъ назначенія. (Вскорѣ умеръ).

Капитанъ 1-го ранга Сарнавскій, командовавшій „Палладой“ — счастливое исключеніе—командуетъ отрядомъ минныхъ крейсеровъ береговой обороны Балтійскаго моря (хоть и не Богъ вѣсть что, а все же при дѣлѣ).

Капитанъ 1-го ранга Успенскій, командовавшій „Полтавой“—и. д. начальника отдѣла заготовленій и снабженій главнаго управленія кораблестроенія и снабженій (т.-е. переведенъ въ чиновники).

Капитанъ 1-го ранга Дабичъ, командовавшій „Громобоемъ“—тоже счастливое исключеніе — начальникъ учебно-артиллерійскаго отряда на кампанію 1906-го года. И тутъ, однако, нельзя не подивиться: Дабичъ, убѣжденный минеръ, до войны почти всю службу проведшій въ учебно-минномъ отрядѣ, вдругъ назначается начальникомъ отряда артиллерійскаго.

Капитанъ 1-го ранга Яковлевъ, командовавшій „Петропавловскомъ“ и счастливо спасшійся при гибели броненосца — командуетъ строящимся (и до нашихъ дней недостроеннымъ) броненосцемъ: „Императоръ Павелъ I“.

Капитанъ 1-го ранга Родіоновъ, командовавшій „Адмираломъ Нахимовымъ“ — командуетъ 20-мъ флотскимъ экипажемъ въ Кронштадтѣ (береговая должность, чисто хозяйственнаго характера).

Капитанъ 1-го ранга Андреевъ, командовавшій „Россіей“—командуетъ 10-мъ флотскимъ экипажемъ въ Кронштадтѣ.

Капитанъ 1-го ранга Грамматчиковъ, командовавшій „Аскольдомъ“—въ распоряженіи начальника главнаго морского штаба (т.-е. не у дѣлъ).

Капитанъ 1-го ранга Поповъ, командовавшій „Мономахомъ“ — командуетъ 4-мъ флотскимъ экипажемъ въ Кронштадтѣ.

Капитанъ 1-го ранга фонъ-Эссенъ, командовавшій „Новикомъ“ и „Севастополемъ“—командуетъ „Рюрикомъ“, строящимся въ Англіи. (Подальше отъ „шпица“ и отъ Петербурга).

Капитанъ 1-го ранга князь Ливенъ, командовавшій „Діаной“—безъ назначенія.

Капитанъ 1-го ранга Бубновъ, бывшій начальникомъ второго отряда

рующій въ средѣ моряковъ, что въ концѣ 1908-го года адмиралу Вирену былъ предложенъ постъ морского министра. Онъ соглашался, но ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы были уволены въ отставку всѣ, кто хоть на одинъ день старше его въ чинѣ, чтобы онъ могъ быть полнымъ хозяиномъ. Это на него похоже. Условіе оказалось непріемлемымъ.

миноносцевъ въ Портъ-Артурѣ — въ распоряженіи начальника главнаго морского штаба (не у дѣлъ).

Боюсь утомить читателей, спускаясь по іерархической лѣстницѣ ниже и перебирая капитановъ 2-го ранга и лейтенантовъ. Завѣрю лишь, что мною перечислены *всѣ* адмиралы и капитаны 1-го ранга, участвовавшіе въ дѣлахъ противъ непріятеля (немного ихъ уцѣлѣло!) и указана, на основаніи „списка“, судьба, ихъ постигшая. Есть и другіе, украшенные орденами, полученными якобы за боевыя заслуги, на дѣлѣ же никогда не слышавшіе свиста непріятельскаго снаряда; но судьба этихъ послѣднихъ значительно разнствуетъ отъ судьбы первыхъ. Сравнимъ, хотя бы, участь адмирала Іессена со счастливой долей гг. Брусилова и Бострема, вступившихъ въ командованіе его крейсерами („Громобоемъ“ и „Богатыремъ“) уже въ то время, когда военныя дѣйствія были фактически закончены: первый былъ назначенъ на вновь учрежденную должность начальника морского генеральнаго штаба, второй — на должность (тоже вновь учрежденную) товарища морского министра.

По неволѣ скажешь, что „plus ça change, plus ça reste la même chose“.

Наиболѣе жестокому гоненію (со стороны адм. Бирилева) подверглись офицеры и даже команда судовъ, сданныхъ Небогатовымъ. Еще бы! Самые непріятные свидѣтели, готовые подъ присягой утверждать, что ихъ отправили въ бой на „самотопахъ“ и рекомендовали либо „погибнуть съ честью“, либо уничтожить врага, стрѣляя изъ пушекъ, „снаряды которыхъ не долетали“...

Сразу былъ найденъ выходъ изъ такого затруднительнаго положенія: всѣхъ свидѣтелей превратить въ подсудимыхъ. — Вѣдь со скамьи подсудимыхъ можно давать только объясненія, которыя судъ „принимаетъ во вниманіе“... съ неизбѣжнымъ коэффиціентомъ, какъ показанія лица, еще не осужденнаго, но тѣмъ не менѣе основательно заподозрѣннаго въ совершеніи преступленія. Вѣдь преданіе суду (да еще по 729-ой статьѣ, грозящей смертною казнью) должно явиться результатомъ предварительнаго слѣдствія; значитъ слѣдственная власть нашла достаточный матеріалъ для обвиненія. Было ли такъ въ данномъ случаѣ? Нѣтъ. Приказъ о преданіи суду состоялся, по докладу адмирала Бирилева, раньше чѣмъ были опрошены лица къ дѣлу причастныя, раньше даже чѣмъ была образована слѣдственная коммиссія... Получилась такая несообразность, что предсѣдатель слѣдственной коммиссіи, при всей своей покорности волѣ начальства, вынужденъ былъ ходатайствовать (и для 8-ми человѣкъ исходатайствовалъ) объ исключеніи изъ числа обвиняемыхъ хотя бы тяжело раненыхъ, не имѣвшихъ физической возможности воспрепятствовать сдачѣ.

Это вопіющее нарушеніе основныхъ принциповъ правосудія осталось безнаказаннымъ, такъ какъ адмиралъ Бирилевъ былъ „забронированъ“ состоявшимся приказомъ, не подлежащимъ критикѣ.

Однако прокуроръ, выступивъ противъ начальниковъ съ упрекомъ, почему они, вмѣсто стараго, со временъ Святослава принятаго клича: „Умремъ!“ сказали: „Сдаемся“—отказался отъ обвиненія тѣхъ, которые не догадались взбунтоваться тотчасъ же, а когда опомнились, то было уже поздно.

Конечно, ихъ оправдали.

Нѣкоторые (и, какъ можно думать, наиболѣе ревнивые къ своей чести) тутъ же подали въ отставку. Они ждали оправдательнаго приговора, какъ момента, когда они смогутъ сказать гг. Бирилевымъ и К°: „Намъ больше не по дорогѣ“.

Въ японскомъ госпиталѣ (въ Сасебо) черезъ три койки отъ меня лежалъ мичманъ баронъ У., съ „Николая“, схватившій еще въ тропикахъ злѣйшую перемежающуюся лихорадку. Часовъ около 4—5 пополудни у него начинался припадокъ такой силы, что всѣ окружающіе думали: „конецъ“. Японцы (надо имъ отдать полную справедливость) дѣлали для него все возможное. Послѣ пароксизма — это былъ полутрупъ...

Такъ вотъ: когда въ судовой лазаретъ „Николая“ прибѣжалъ кто-то съ отчаяннымъ крикомъ: „Сдаемся!“—мичманъ сорвался съ койки и поползъ наверхъ... Разумѣется, недалеко ушелъ...

Онъ тоже сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ...

Надо ли говорить, что послѣ оправдательнаго приговора первой бумагой, которую онъ написалъ, было прошеніе объ увольненіи въ запасъ (въ отставку онъ не могъ выйти, такъ какъ былъ на службѣ менѣе десяти лѣтъ).

Но все же десятки молодыхъ офицеровъ (молодость — синонимъ горячности), оправданныхъ по суду, остались въ средѣ личнаго состава флота и, конечно, всегда были готовы подтвердить, что „самотопы“ были „самотопами“, что „снаряды не долетали“, и т. д., и т. д. Необходимо было принять крутыя мѣры.

На это—хватило изобрѣтательности.

Уже состоялся приказъ о назначеніи морскимъ министромъ адмирала Дикова, но еще цѣлую недѣлю онъ не вступалъ въ должность, принимая дѣла отъ адмирала Бирилева — и въ это время послѣдній могъ распоряжаться подвѣдомственными ему чинами. Онъ распорядился—организовать на-спѣхъ какой-то „сверхъ-судъ“ (въ нарушеніи всякихъ уставовъ, правилъ и положеній), которому былъ поставленъ вопросъ: прилично ли офицерамъ, находившимся на судахъ, сдавшихся непріятелю, носить морской мундиръ?

Все сдѣлалось бы по желанію адмирала Бирилева, да помѣшалъ адмиралъ Диковъ, который вовсе не склоненъ былъ платить за горшки, разбитые при его предшественникѣ. По докладу новаго министра приговоръ „сверхъ-суда“ не былъ утвержденъ.

Однако ударъ, нанесенный адмираломъ Бирилевымъ передъ оставленіемъ имъ своего поста, достигъ цѣли. Тѣ, кто послѣ оправдательнаго приговора считали „инцидентъ исчерпаннымъ“ и собирались послужить родному флоту своимъ опытомъ, едва заслышавъ о новомъ „сверхъ-судѣ“—подали въ отставку.

Остались на службѣ люди необидчивые, разсчитывавшіе, что „авось, обойдется... какъ-нибудь доживу до пенсіи“... Ушли тѣ, кто самую возможность постановки вопроса о ихъ правѣ носить мундиръ, изорванный въ бояхъ осколками непріятельскихъ снарядовъ, обагренный ихъ кровью—считали обидой...

Оставивъ открытымъ вопросъ объ отвѣтственности младшихъ офицеровъ сдавшихся судовъ (хотя самъ прокуроръ отказался отъ ихъ обвиненія), спросимъ: возможно ли было, вовсе безъ суда, обвинить и покарать нижнихъ чиновъ?

Адмиралъ Бирилевъ рѣшилъ этотъ вопросъ со свойственной ему энергіей: согласно его докладу, болѣе двухъ тысячъ человѣкъ были исключены изъ службы съ лишеніемъ воинскаго званія. Прошло полгода. Правда начала бить въ глаза. Исключеннымъ вернули воинское званіе. Затѣмъ мѣсто адмирала Бирилева занялъ адмиралъ Диковъ—и десятки этихъ людей получили знакъ отличія военнаго ордена (солдатскій Георгій) за подвиги мужества и самоотверженія, проявленные въ бою...

Такая награда — не милость, а воздаяніе по заслугамъ, предусмотрѣннымъ въ статутѣ ордена.

Какъ же назвать тотъ докладъ, на основаніи котораго состоялся первоначальный приказъ?

Со вступленіемъ въ должность морского министра адмирала Дикова—личный составъ „флота“ встрепенулся. Ждали, что старый морякъ, помнящій Лазарева и Нахимова, укажетъ кому слѣдуетъ надлежащее мѣсто.

Но... вѣдь болѣе полувѣка прошло съ того времени, какъ на бастіонахъ Севастополя онъ заслужилъ знакъ отличія военнаго ордена. Срокъ изрядный...

Что могъ — сдѣлалъ. Попрекнуть его — никто не рѣшится. Во всякомъ случаѣ безспорной заслугой адмирала Дикова является прекращеніе гоненія на непосредственныхъ участниковъ войны, воздвигнутаго его предшественникомъ. Старый севастополецъ цѣнилъ боевой опытъ. Но... годы берутъ свое.

„Правила прохожденія службы“, замѣнившія собою „Положеніе о морскомъ цензѣ“, казались адмиралу наилучшимъ средствомъ къ устраненію того „недостатка правды во всемъ строѣ службы и несоотвѣтствія кажущагося съ дѣйствительнымъ“, о которомъ, за 25 лѣтъ до него, доносилъ вновь назначенный молодой генералъ-адмиралъ.

На дѣлѣ эти „Правила“ оказались тѣмъ же „Положеніемъ“, еще усовершенствованнымъ въ смыслѣ охраненія правъ и преимуществъ чиновъ „вѣдомства“ передъ чинами „флота“.

Гвоздемъ реформы (конечно, для первыхъ) было учрежденіе особаго сословія „берегового состава флота“. Нѣчто въ родѣ пѣшей кавалеріи или сухой воды. При дѣйствіи ценза (даже изуродованнаго) все же оказывалось необходимымъ хоть видъ дѣлать, что плаваешь, и „наколачивать“ положенное число мѣсяцевъ, „гастролируя“ то тутъ, то тамъ. Долговременное пребываніе подъ „шпицемъ“, или въ иномъ тепломъ мѣстѣ, неминуемо влекло за собою перемѣну костюма, т.-е. перечисленіе по адмиралтейству, съ превращеніемъ изъ лейтенанта, капитана 2-го ранга и капитана 1-го ранга — въ капитана, подполковника, полковника.

Являлось опасеніе, что „черезъ срокъ“ (какъ говорятъ гадалки) „подъ шпицемъ“ окажутся носящими морской мундиръ только морской министръ, его товарищъ да начальникъ штаба.

Представьте себѣ такую картину. Главнокомандующій войсками гвардіи и с.-петербургскаго округа посылаетъ генерала „подъ шпицъ“ для личныхъ объясненій по какому-нибудь вопросу—и этотъ генералъ, вернувшись, докладываетъ, что, къ величайшему своему изумленію, кромѣ высшаго начальства, ни одного „моряка“ подъ шпицемъ не видѣлъ.

Новыя правила прохожденія службы, создавшія институтъ „чиновъ берегового состава флота“, въ корнѣ устраняютъ возможность такого недоразумѣнія. Генералъ, пріѣхавшій въ морское министерство, увидитъ вокругъ себя исключительно „моряковъ“, у которыхъ на лбу не написано, что они „берегового состава“, и, конечно, не усумнится, что находится въ „морскомъ“ министерствѣ. Вѣдь эти сухопутные— удивительно наивные люди. Они глубоко вѣрятъ, что никто не имѣетъ права носить неприсвоеннаго ему обмундированія и что это обмундированіе свидѣтельствуетъ о спеціальномъ родѣ службы человѣка, его носящаго. — Чудаки! на свой аршинъ мѣрятъ...

Если сравнить число офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ нашемъ флотѣ и въ германскомъ (не говоря уже про англійскій или японскій), то выйдетъ, что относительно къ водоизмѣщенію судовъ, имѣющихъ боевое значеніе, мы содержимъ личный составъ втрое большій про-

тивъ нашихъ сосѣдей, при чемъ у послѣднихъ всѣ боевые корабли укомплектованы, а у насъ повсюду—„не-комплектъ“.

Почему такъ? Да потому, что „тамъ“ всѣ носящіе морской мундиръ служатъ во флотѣ, т.-е. на боевыхъ судахъ, а у насъ—во флотѣ служатъ лишь чернорабочіе, ремесленники, которымъ чипы „вѣдомства“, конечно, не препятствуютъ дѣлать ихъ дѣло, но при условіи, чтобы они всегда помнили свое мѣсто.

Назначеніе морскимъ министромъ адмирала Воеводскаго было многими привѣтствовано. Говорили, что хоть и нѣтъ за нимъ ни боевого, ни надлежащаго морского опыта, нѣтъ какихъ-нибудь особыхъ плюсовъ, за то нѣтъ и минусовъ. — Назначили же въ свое время Остермана, совсѣмъ штатскаго человѣка, генералъ-адмираломъ, чтобы „подтянуть“ тѣхъ, что облыжно выдавали себя за моряковъ!

Идетъ время—и кое-что сдѣлано въ смыслѣ разоренія того гнѣзда, которое свито было подъ сѣнью адмиралтейскаго шпица. Это, конечно, самое главное, такъ какъ залогъ успѣха — въ подборѣ и качествахъ дѣятелей, а не въ пересаживаніи ихъ съ одного кресла на другое и не въ замѣнѣ надписей надъ дверями различныхъ кабинетовъ. Недаромъ соловей объявилъ нѣкогда Крыловскому квартету свой авторитетный приговоръ: — „...какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь“.

Да. Въ смыслѣ разгона кое-что сдѣлано, но, къ сожалѣнію, лишь кое-что, а вѣдь всегда надо считаться съ угрозой: хватитъ ли времени закончить начатое, при системѣ „festina lente“?

Еще Петръ Великій сказалъ, что „упущеніе времени—смерти невозвратной подобно“.

Возьмемъ хотя бы питомникъ будущихъ офицеровъ флота — морской корпусъ. Къ его реорганизаціи до сихъ поръ еще не приступлено, а между тѣмъ съ этого слѣдовало бы начать.

Вотъ цифры, такія сухія, скучныя, но такія краснорѣчивыя.

Юноша, пожелавшій посвятить себя службѣ во флотѣ, помимо изученія морскихъ наукъ теоретически (на берегу), обучается имъ практически, т.-е. на кораблѣ: въ Германіи—36 мѣсяцевъ, во Франціи—36 мѣсяцевъ, въ Англіи—64 мѣсяца, въ Россіи—20 мѣсяцевъ...

Немного. Слѣдовало бы брать примѣръ съ Англіи, донынѣ сохраняющей титулъ „Владычицы морей“, или хотя бы съ Франціи и Германіи.

Защитники нашей системы любятъ ссылаться на Японію, гдѣ морскіе кадеты и гардемарины плаваютъ еще меньше нашего; но они забываютъ (или не хотятъ помнить), что въ Японіи морской корпусъ— всесословное учрежденіе (безъ всякихъ ограниченій), что тамъ на 180 вакансій является 1.900 кандидатовъ изъ прирожденныхъ моря-

ковъ, все свое дѣтство проведшихъ на судахъ рыболовныхъ или каботажнаго плаванія. Собственно морскому дѣлу ихъ учить уже не приходится, а надо учить только военному дѣлу. Они имѣютъ очень мало общаго съ тѣми, кто знакомился съ водой, до поступленія въ морской корпусъ, преимущественно... въ теплой ванночкѣ.

Если даже примириться съ 20-ью мѣсяцами практическаго обученія нашихъ будущихъ морскихъ офицеровъ, то все же нельзя не отмѣтить, что какъ до войны, такъ и теперь это оффиціальное „плаваніе" больше похоже на жительство въ плавучихъ казармахъ или даже на плавучей дачѣ, нежели на дѣйствительное „плаваніе".

Всѣмъ извѣстно, что семейства офицеровъ морского корпуса и его отряда нанимаютъ дачи въ Балтійскомъ Портѣ, являющемся „штабъ-квартирой".

Существуетъ такой спасительный терминъ: „ходовой день"—т.-е. день когда корабль снимался съ якоря, хотя бы... на полчаса.

Кадетскій отрядъ „наколачиваетъ" (какъ прежде „наколачивали" цензъ) до 15% такихъ ходовыхъ дней; но если перевести это на часы и сутки, проведенные въ морѣ, то выйдетъ едва ли не въ три раза меньше...

Гардемаринскій отрядъ „плаваетъ" 12 мѣсяцевъ (хотя корабельные гардемарины, de facto, находятся на немъ лишь 11 мѣсяцевъ); но какое это плаваніе? Все то же, что было до войны вообще во всемъ флотѣ: краткіе переходы изъ порта въ портъ и долгія стоянки въ этихъ портахъ. Въ морѣ не живутъ, въ морѣ не учатся; морской переходъ—это временное нарушеніе правильно организованной жизни на якорѣ.

Это ли школа, въ которой должны вырабатываться моряки, проникнутые убѣжденіемъ, что „въ морѣ — значитъ дома", какъ опредѣлялъ credo флотскаго офицера покойный С. О. Макаровъ?

Правда, чтобы не заслужить упрека въ замалчиваніи, не могу не отмѣтить, что за послѣднее время почуялись нѣкоторыя новыя вѣянія въ постановкѣ воспитанія молодого поколѣнія. Въ „Морскомъ Сборникѣ" печатаются статьи, довольно рѣзко осуждающія существующіе въ морскомъ корпусѣ пріемы обученія, статьи не только рекомендующія центръ тяжести обученія перенести на плавающіе корабли, но даже и самый морской корпусъ переселить съ набережной Васильевскаго Острова на берегъ незамерзающаго моря. Но все это остается, пока, въ области разговоровъ и предположеній, отъ которыхъ у насъ такъ далеко до дѣла...

Мною была уже указана причина не-комплекта офицеровъ на боевыхъ судахъ; но какъ объяснить не-комплектъ нижнихъ чиновъ? Единственно—недостатками организаціи.

Люди энергичные и преданные дѣлу давно отмѣтили эти недостатки. Адмиралъ Макаровъ, записку котораго (1902 г., т.-е. до войны) я цитировалъ въ предыдущей статьѣ, называлъ содержаніе флотскихъ офицеровъ и матросовъ въ береговыхъ казармахъ „средствомъ къ ихъ развращенію“ и настаивалъ на возможности сокращенія общаго числа нижнихъ чиновъ флота на 30%, доказывая, что это послужитъ лишь на пользу, такъ какъ не будетъ „мужиковъ, одѣтыхъ въ матросскія рубахи, но никакого понятія о морѣ неимѣющихъ“.

Въ 1906 г. (послѣ войны) адмиралъ Рожественскій, тоже въ докладной запискѣ, поданной по начальству, предлагалъ свою систему (полу-англійскую, полу-нѣмецкую) комплектованія судовъ нижними чинами, при которой вмѣсто 47 тыс. матросовъ было бы достаточно 28 тысячъ.

Въ свое время голосъ адмирала Макарова не былъ услышанъ. Адмиралъ Рожественскій за свое намѣреніе требовать коренныхъ реформъ или, какъ выражались нѣкоторые, „камня на камнѣ не оставить“, былъ... затравленъ.

Приходится удостовѣрить, что для укомплектованія боевыхъ (столь немногочисленныхъ) судовъ нашего флота опытной, хорошо обученной командой и для уменьшенія числа „мужиковъ, одѣтыхъ въ матросскія рубахи“—до сихъ поръ ничего не сдѣлано.

Но если за 4½ года „почти ничего“ не сдѣлано въ области подготовки, т.-е. образованія и воспитанія личнаго состава флота (допустимъ здѣсь это смягчающее слово „почти“), то въ отношеніи судового состава приходится, по всей справедливости, сказать, что „рѣшительно“ ничего не сдѣлано, и даже хуже—пошли назадъ.

До войны была хоть иллюзія того, что мы, по мѣрѣ отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства средствъ, прошедшихъ мимо Сциллы и Харибды (мимо шпица и таксы), что-то сооружаемъ и, хотя бы по справочной книжкѣ, удерживаемъ за собой мѣсто третьей морской державы.—Нынѣ и этого нѣтъ.

Деньги тратятся—и, относительно, огромныя деньги, — но, повидимому, не по назначенію.

Опять возьмемся за цифры. На содержаніе одной тонны своего боевого флота (по свѣдѣніямъ оффиціальнаго изданія морского министерства: „Военные флоты 1909 г.“) тратятъ въ текущемъ году:

Англія.	184 рубля.
Россія.	309 рублей.

Читатели въ правѣ не только возмутиться, но даже не повѣрить.

Смѣю подтвердить, что эти свѣдѣнія взяты изъ нашего русскаго оффиціальнаго справочника.

И никакое негодованіе не въ силахъ измѣнить ни іоты въ бюджетѣ морского вѣдомства. Тутъ все надежно „забронировано".

Вотъ если полюбопытствовать, какъ именно организована эта... трата народныхъ денегъ, то изъ той же книжки легко усмотрѣть, что Англія, обладая военнымъ флотомъ въ 1.915.105 тоннъ, содержитъ въ составѣ его лишь 19.765 тоннъ судовъ, не имѣющихъ боевого значенія, т.-е. *одинъ процентъ*, а Россія, обладая военнымъ флотомъ въ 581.320 тоннъ, содержитъ въ составѣ его 249.417 тоннъ судовъ, не имѣющихъ боевого значенія, т.-е. *сорокъ-три процента*.

Цифры настолько краснорѣчивыя, что комментировать ихъ какъ будто не стоитъ; если же ошеломленные читатели спросятъ, зачѣмъ такъ дѣлаютъ?—то можно дать категорическій отвѣтъ: въ интересахъ успѣшнаго прохожденія службы лицами, носящими морской мундиръ, но „персонально къ навигацкому дѣлу касательства не имѣющихъ".

Всѣ знаютъ, что въ Портъ-Артурѣ единственнымъ миноносцемъ, пригоднымъ для прорыва блокады, т.-е. не уступавшимъ японцамъ въ скорости, былъ миноносецъ „Лейтенантъ Бураковъ", построенный въ Германіи въ 1896 г. для Китая и доставшійся на нашу долю при взятіи Таку, въ іюнѣ 1900-го года. Онъ дважды успѣшно прорывался въ Инкоу съ донесеніями изъ Портъ-Артура и доставлялъ обратно предписанія главнокомандующаго, а затѣмъ былъ взорванъ японцами, находясь на сторожевомъ посту, въ бухтѣ Тахэ. Послѣ его гибели посылать съ подобными порученіями было уже некого, ибо наши миноносцы, постройки 1903-го года, „на пробѣ" съ трудомъ давали 26 узловъ, а въ боевой обстановкѣ не могли разсчитывать больше какъ на 23, тогда какъ „Лейтенантъ Бураковъ" (восьми лѣтъ отъ роду) безъ отказу давалъ 30.

Плохо строили до войны, и, казалось бы, горькій опытъ чему-нибудь долженъ былъ научить. Напрасныя надежды. На собранныя пожертвованія построили такъ называемый „народный флотъ"—цѣлую серію минныхъ крейсеровъ и миноносцевъ съ ходомъ 26 узловъ и съ пушками, снаряды которыхъ несли въ себѣ $13^1/_2$ золотниковъ разрывного заряда, въ то время какъ сосѣди строили подобныя же суда, но со скоростью 33 узла и съ пушками, снаряды которыхъ имѣли разрывной снарядъ въ $2^1/_2$ фунта.

Это не сказка изъ „Тысячи и одной ночи", а горькая дѣйствительность, которую всякій желающій можетъ провѣрить, заглянувъ въ указанную мною справочную книжку.

При началѣ войны ни въ Портъ-Артурѣ, ни во Владивостокѣ мы не имѣли ни одной подводной лодки.

— У японцевъ—скажутъ мнѣ—ихъ тоже не было.

Согласенъ, хотя не могу не ввести въ это возраженіе нѣкоторой поправки: японцы не состояли, какъ мы, уже много лѣтъ въ оффиціальномъ союзѣ съ Франціей—родиной подводнаго плаванія.

Можетъ-быть французы не выдавали своего секрета даже союзникамъ? Допустимъ. Посмотримъ, что сдѣлано послѣ войны, когда, въ противовѣсъ рожденному боевымъ опытомъ „Дредноуту“, техника подводнаго плаванія пошла впередъ гигантскими шагами.

Никому не поставимъ въ вину закупку (по сумасшедшимъ цѣнамъ) всякаго „подводнаго хлама“ во время войны. Тутъ, какъ на пожарѣ—хватай, что можно. Но кажется, что по заключеніи мира слѣдовало бы одуматься и перестать дѣйствовать со-слѣпу.

На дѣлѣ—видимъ нѣчто обратное.

Скупивъ наскоро (и, опять повторю, за это не только нельзя обвинять, а даже похвалить слѣдуетъ) все, что продавалось, у насъ рѣшили, что мы уже обладаемъ „отрядами“ подводныхъ лодокъ, и въ дальнѣйшемъ можно не торопиться.

1-го апрѣля 1905-го года съ американскимъ инженеромъ Лэкомъ былъ заключенъ контрактъ на постройку, въ Россіи и русскими рабочими, четырехъ подводныхъ лодокъ, являвшихся для того времени „послѣднимъ словомъ“. Къ сожалѣнію контрактъ, заслужившій прозвище „перво-апрѣльскаго“, былъ такъ написанъ, что, безъ ущерба для г. Лэка, лодки, которыя должны были быть готовы черезъ 18 мѣсяцевъ послѣ закладки, и по-сейчасъ еще „достраиваются“ (у насъ теперь декабрь 1909 г.) и, конечно, когда „достроятся“, уже не будутъ „послѣднимъ словомъ“, такъ какъ за время опозданія въ ихъ готовности было въ дѣлѣ подводнаго плаванія сказано много „новыхъ словъ“.

И самое ужасное—то, что эти еще недостроенныя, устарѣвшія за время постройки лодки все же являются для насъ единственными хоть сколько-нибудь отвѣчающими (вѣрнѣе — обѣщающими отвѣчать, когда будутъ достроены) своему назначенію. Все прочее офицеры-практики подводнаго плаванія окрестили прозвищемъ „каррикатуръ на современные типы подводныхъ лодокъ“.

Мнѣ могутъ возразить, что въ распрѣ „подводниковъ“ и „линейцевъ“ высшее морское начальство явно склонялось на сторону послѣднихъ, а потому подводный флотъ былъ, естественно, какъ бы „въ загонѣ“. Пусть такъ. Но что же сдѣлали эти люди въ томъ направленіи, которому они сочувствовали? Вѣдь отказы Государственной Думы въ кредитахъ на новое судостроеніе не имѣли никакихъ практическихъ результатовъ, и просимыя ассигнованія получались.

Что же сдѣлано?

Ничего.

Намъ обѣщаютъ, что къ 1914-му году у насъ будетъ четыре современныхъ (современныхъ 1909-му году?) броненосца, а между тѣмъ „дредноутъ", предсказанный (спроектированный) итальянскимъ инженеромъ Куноберти еще до войны, уже болѣе двухъ лѣтъ плаваетъ въ составѣ англійскаго флота.

Мало того: вмѣстѣ съ первымъ „дредноутомъ" плаваютъ еще 3 броненосца и 5 броненосныхъ крейсеровъ, являющихся развитіемъ того же типа (той же идеи), а на срокъ до 1911-го года къ нимъ присоединятся еще 8 броненосцевъ и 2 броненосныхъ крейсера.

— Англія не указъ!—скажутъ мнѣ.—Съ Англіей намъ не тягаться!

Ну вотъ другіе. Въ 1911-мъ году будутъ имѣть броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ названнаго типа: Германія—9, Соединенные Штаты—6, Франція—6, Японія—6, Бразилія (!)—3.

Насколько измѣнятся эти цифры къ 1914-му году, къ которому насъ обѣщаютъ порадовать первой дивизіей изъ четырехъ „дредноутовъ"? И не окажутся ли эти броненосцы, къ тому времени какъ ихъ „достроятъ", устарѣлыми, подобно подводнымъ лодкамъ, донынѣ строящимся по „перво-апрѣльскому" контракту?

Трудно отрѣшиться отъ этихъ сомнѣній... Содержаніе одной тонны боевого флота обходится намъ 309 рублей, а въ Англіи—только 184... Въ томъ же 1909-мъ году изъ общаго числа 1.915.105 тоннъ военнаго флота Англія содержитъ всего 19.765 тоннъ судовъ неимѣющихъ боевого значенія, а у насъ изъ 581.320 тоннъ—249.417 тоннъ приходится на не-боевыя суда... Такъ и хочется рукой махнуть...

Добро бы еще по бѣдности... Такъ вѣдь и этого утѣшенія нѣтъ!

Въ августѣ заложены американцами два броненосца, „Arkansas" и „Wyoming", водоизмѣщеніемъ каждый по 26.000 тоннъ (больше нашихъ); срокъ постройки ихъ назначенъ въ 32 мѣсяца, т.-е. они должны быть готовы въ апрѣлѣ 1912 г., а стоимость опредѣлена въ 19 милліоновъ рублей (каждаго). Наши, заложенные въ іюнѣ, опоздаютъ противъ нихъ на полтора года (если не больше) и стоить будутъ, по разсчету на тонну, въ полтора раза (если еще не придется прикинуть) дороже...

Бранятъ пессимистовъ, которые „все только каркаютъ"; но можно ли пѣть райской птицей, когда передъ глазами эти угнетающія цифры и горькая дѣйствительность въ видѣ крейсеровъ „народнаго флота", подводныхъ лодокъ „перво-апрѣльскаго контракта" и еще недостроенныхъ броненосцевъ „Императоръ Павелъ I" и „Андрей Первозванный", заложенныхъ въ 1903-мъ году (!), устарѣвшихъ за время постройки.

Я вовсе не пессимистъ. Я не только вѣрю, но увѣренъ въ возможности возрожденія любимаго дѣтища Петра Великаго. При одномъ

лишь условіи: чтобы морское вѣдомство и чины его были поставлены въ предѣлы „компетенціи", указанной имъ великимъ преобразователемъ, а „кто, супротивъ регламенту, не токмо противленіе, но хотя бы небреженіе запросу флагмана учинитъ или просимаго сикурсу не подастъ, то, снявъ (съ него) шпагу, въ ономъ преступленіи судить".

Вл. Семеновъ.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ССЫЛКА ПОСЛѢ КОНСТИТУЦІИ

(Наблюденія и замѣтки.)

Огромное большинство теперешнихъ административныхъ ссыльныхъ—около двухъ третей—принадлежитъ къ фабричнымъ и заводскимъ рабочимъ и къ крестьянамъ-земледѣльцамъ (рабочихъ втроевчетверо больше, чѣмъ земледѣльцевъ), тогда какъ, напр., во время народовольческаго движенія (1878—1881 г.г.) 90% всѣхъ административныхъ ссыльныхъ составляли студенты и вообще учащіеся. Теперь ихъ среди ссыльныхъ едва насчитывается 5—7%.

Меньшинство ссыльныхъ состоитъ теперь изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Кого-кого только тутъ нѣтъ! Учителя, учительницы, студенты, конторщики, приказчики, фармацевты, земскіе и желѣзнодорожные служащіе, фельдшера, фельдшерицы, агрономы, дантисты, врачи, акушерки, мелкіе торговцы, чиновники, инженеры, литераторы, художники, адвокаты, матросы, контрабандисты и наконецъ, въ видѣ исключенія—агенты охранной и сыскной полиціи, тюремщики, купцы, землевладѣльцы, фабриканты, псаломщики, дьяконы, священники. Въ процентномъ отношеніи къ общему числу среди населенія интеллигенція и въ настоящее время имѣетъ среди ссыльныхъ въ 10—15 разъ больше представителей, чѣмъ народъ.

Составъ теперешней ссылки—по крайней мѣрѣ той, которую пришлось наблюдать пишущему эти строки—не такъ ужъ плохъ, какъ рисуютъ его иногда въ печати. Разумѣется, въ семьѣ не безъ урода—въ особенности въ такой многолюдной семьѣ, какую представляютъ нынѣшніе ссыльные. Среди нихъ встрѣчаются всякіе люди, и хорошіе, и „такъ себѣ", самые обыкновенные, и плохіе, и хотя послѣднихъ сравнительно немного, но такъ какъ дурная слава бѣжитъ, а хорошая

лежитъ, то немудрено, что современная ссылка огульно выставляется въ черномъ свѣтѣ.

За послѣднее время, съ весны 1909-го года, стала замѣтна нѣкоторая идейная перемѣна въ настроеніи ссыльныхъ. Вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ, лучшая часть ссыльныхъ, принадлежащая къ старому типу, освободилась отъ излишней нервозности и партійной нетерпимости, столь рѣзко проявлявшихся въ 1906 и 1907 г.г., и несомнѣнно стала вдумчивѣе, серьезнѣе. Еще недавно алкоголизмъ захватывалъ довольно значительную часть ссыльныхъ (даже интеллигентныхъ); въ винѣ ссыльные какъ бы старались утопить разбитыя политическія надежды. Существовали среди ссыльныхъ особые кружки „питуховъ"; теперь эти кружки во многихъ пунктахъ распались и кружкового пьянства уже не наблюдается. Среди, напр., вологодскихъ ссыльныхъ пьянство продолжаетъ упорно держаться въ одномъ лишь Великомъ-Устюгѣ. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что устюжскіе ссыльные — почти исключительно рабочіе и земледѣльцы, притомъ малосознательные (заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ революціоннымъ организаціямъ въ Устюгъ, за единичными исключеніями, не высылаютъ). Имѣетъ значеніе и то, что въ Устюгѣ, какъ довольно населенномъ и бойкомъ торгово-промышленномъ пунктѣ, многіе ссыльные находятъ работу, и слѣдовательно у нихъ бываютъ на рукахъ лишнія деньги, которыя они и употребляютъ на водку.

Авторъ этихъ замѣтокъ, отбывавшій тюремную и ссыльную повинность и въ исходѣ прошлаго столѣтія, 15 лѣтъ тому назадъ, съ іюня 1908-го года находится въ ссылкѣ въ г. Сольвычегодскѣ, Вологодской губерніи, и въ настоящихъ своихъ наблюденіяхъ описываетъ сольвычегодскихъ ссыльныхъ, по его мнѣнію—наиболѣе типичныхъ. Онъ располагаетъ подробнымъ матеріаломъ, полученнымъ отъ заслуживающихъ довѣрія ссыльныхъ земляковъ, объ остальныхъ ссыльныхъ пунктахъ Вологодской губерніи (Устьсысольскѣ, Яренскѣ, Великомъ-Устюгѣ, Никольскѣ, Вохмѣ-Воскресеньѣ, Тотьмѣ, Вельскѣ, Кадниковѣ, Грязовцѣ и самой Вологдѣ), а также о ссыльныхъ въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, но, за недостаткомъ мѣста, онъ лишенъ возможности воспользоваться этимъ матеріаломъ въ настоящей статьѣ.

Вологодская губернія причислена къ разряду ссыльныхъ губерній лишь въ недавнее время, уже послѣ конституціи, именно во второй половинѣ 1906-го года, сряду послѣ роспуска первой Государственной Думы. До этого времени изъ губерній Европейской Россіи это званіе носила одна лишь Архангельская губернія. Причисленіе Вологодской губерніи къ разряду ссыльныхъ губерній послужило къ увеличенію

размѣра кормовыхъ денегъ административнымъ ссыльнымъ, въ ней пребывающимъ, съ 2 руб. 40 коп. до 8 руб. 30 коп., а привилегированнымъ—до 11 руб. въ мѣсяцъ.

Въ старые годы, напр. во времена народовольческаго движенія, въ Вологодскую губернію сравнительно мало кого высылали; едва-ли и въ самый разгаръ этого движенія было въ ней болѣе двухсотъ ссыльныхъ (напр. въ Сольвычегодскѣ ихъ было не болѣе 15 чел., въ томъ числѣ извѣстные народовольцы Франжоли, Завадская, Смирницкая). Даже во времена Плеве во всей Вологодской губерніи насчитывалось тоже не болѣе 200 ссыльныхъ, тогда какъ къ 1909-му году ихъ было уже около 3.000.

Первыя партіи „новыхъ“ ссыльныхъ, начавшія прибывать въ Вологодскую губернію еще съ весны 1906-го года, были немало удивлены продолжавшимися еще въ этой губерніи „днями свободы“, въ то время какъ почти на всемъ пространствѣ Европейской и Азіатской Россіи свирѣпствовала уже сильнѣйшая реакція.

Вологодская губернія на первыхъ порахъ оказалась для политическихъ ссыльныхъ тихою пристанью, гдѣ относительно свободно можно было дышать и устраивать свою жизнь и товарищескія отношенія не по указкѣ администраціи, а по собственному разумѣнію. Ссыльные, пользуясь почти безпрепятственно правомъ свободно собираться и обсуждать свои дѣла и нужды, устроили въ каждомъ пунктѣ свое самоуправленіе, съ исполнительнымъ органомъ — колоніальнымъ правленіемъ и колоніальнымъ выборнымъ старостою—во главѣ, который сносился съ администраціею по дѣламъ ссыльныхъ. Начали возникать колоніальныя библіотеки, столовыя, кассы взаимопомощи, фракціонные и просвѣтительные кружки. Все это происходило благодаря „попустительству“ тогдашняго вологодскаго губернатора Ладыженскаго, вѣрившаго въ манифестъ 17-го октября и потому не принимавшаго почти никакихъ мѣръ строгости противъ населенія своей губерніи, въ томъ числѣ и противъ ссыльныхъ, не смотря на неоднократныя замѣчанія и внушенія, дѣлаемыя ему по этому поводу изъ Петербурга. Но вотъ, послѣ вынужденнаго выхода Ладыженскаго въ отставку, Вологодскую губернію начали усиленно подтягивать. Разумѣется, въ первую голову репрессіи обрушились на ссыльныхъ, на ихъ организаціи и предпріятія, не исключая даже такихъ, которыя носили чисто экономическій характеръ (напр. столовыя, пекарни) или чисто просвѣтительный, какъ библіотеки-школки. Ихъ закрывала администрація наравнѣ съ колоніальными правленіями, общими и фракціонными собраніями. Но все-таки еще во второй половинѣ 1907-го года въ нѣкоторыхъ городахъ Вологодской губерніи, благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, продолжали открыто существовать нѣкоторыя

организаціи и предпріятія ссыльныхъ. Всего дольше продержались организаціи ссыльныхъ въ Кадниковѣ, который долго, вплоть до лѣта 1908-го года, былъ какимъ-то счастливымъ оазисомъ среди общаго разгрома. Въ Кадниковѣ даже во второй половинѣ 1908-го года кое-что еще держалось, хотя и на ниточкѣ. Нигдѣ, какъ въ этомъ пунктѣ, такъ пышно не распускались всевозможныя организаціи ссыльныхъ, благодаря тому, что онѣ могли существовать открыто и не подвергались преслѣдованію со стороны мѣстной общей полиціи. Въ концѣ концовъ, однако, вмѣшалось въ дѣло вологодское жандармское управленіе, которое все прекратило и сократило. Послѣдовали среди ссыльныхъ многочисленные обыски, аресты; многіе изъ арестованныхъ были перевезены изъ Кадникова въ сѣверные уѣзды губерніи, преимущественно въ Устьсысольскъ. Яркая страница изъ жизни современной кадниковской ссылки въ настоящее время, по весьма понятнымъ причинамъ, не можетъ быть изображена въ печати.

Когда я прибылъ въ Сольвычегодскъ, въ немъ насчитывалось круглымъ числомъ 400 ссыльныхъ и около 100 чел. вольнослѣдующихъ (женъ и дѣтей ссыльныхъ). Къ 1909-му году число ссыльныхъ дошло до 450, но затѣмъ оно постепенно стало уменьшаться. По прибытіи въ ссылку, мнѣ пришлось прежде всего столкнуться со своими земляками, которыхъ здѣсь было десять. Моя семья, прибывшая сюда нѣсколько ранѣе меня и поселившаяся въ подгородной деревенькѣ, уже до моего прибытія познакомилась съ нѣкоторыми нашими земляками, въ томъ числѣ съ двумя братьями, крестьянами-земледѣльцами, съ которыми я около 3½ мѣсяцевъ сидѣлъ въ „родной" тюрьмѣ и которые были отправлены въ ссылку, вмѣстѣ съ тремя другими нашими земляками, двумя мѣсяцами ранѣе нашей группы, состоявшей изъ 9 человѣкъ (8 мужчинъ и 1 женщины). Эти ссыльные братья были славные малые. Они какъ только узнали о пріѣздѣ моей семьи, сряду же явились къ ней съ третьимъ землякомъ, рабочимъ-кожевенникомъ—тоже хорошимъ человѣкомъ, прибывшимъ въ ссылку въ іюнѣ 1907-го года,—и оказали ей немало мелкихъ услугъ по устройству домашняго очага въ странѣ изгнанія. Всѣ наши земляки, находившіеся въ сольвычегодской ссылкѣ, за исключеніемъ одного, были стоющіе люди. Трое изъ нихъ попали въ ссылку совершенно случайно; ни къ какимъ революціоннымъ организаціямъ они не принадлежали, и вся вина ихъ состояла въ томъ, что они были близко знакомы съ лицами, подозрѣваемыми полиціей въ противоправительственной дѣятельности.

По нашему ссыльному землячеству, какъ по отраженію солнца въ

каплѣ воды, можно, пожалуй, судить и обо всей теперешней вологодской ссылкѣ. Изъ десяти его членовъ къ „политикамъ“ можно отнести восьмерыхъ (изъ нихъ трое подойдутъ къ ссыльнымъ стараго, а пятеро къ ссыльнымъ новаго, обывательскаго типа). Изъ этого десятка четверо было непьющихъ и некурящихъ, пятеро курящихъ и изрѣдка и мало пьющихъ, и только одинъ—весьма склонный къ выпивкѣ и, притомъ, разумѣется, курящій.

Сольвычегодскъ—маленькій древній городокъ съ 1.700 жителями, имѣвшій, по сказаніямъ, когда-то до 40 тысячъ населенія и служившій резиденціей „именитыхъ людей Строгоновыхъ“, владѣнія которыхъ, съ ихъ историческими солеными варницами, охранялъ Ермакъ Тимоѳеевичъ (отсюда онъ направился для усмиренія сибирскихъ инородцевъ, дѣлавшихъ частые набѣги на владѣнія Строгоновыхъ). Къ концу 1908-го года городъ былъ переполненъ ссыльными. Ссыльные встрѣчались въ городкѣ буквально на каждомъ шагу, куда чаще, чѣмъ мѣстные жители, хотя послѣднихъ все-таки было втрое больше, чѣмъ первыхъ; но они, какъ видно, отличаются большимъ домосѣдствомъ и рѣдко выходятъ на городскіе улицы и пустыри, тогда какъ ссыльные, послѣ тюремнаго сидѣнья и этапныхъ мытарствъ, усиленно питаются „вольнымъ воздухомъ“.

При встрѣчѣ ссыльнаго сряду можно отличить отъ мѣстнаго обывателя, не только по костюму, но и по выраженію лица, на которомъ почти всегда можно прочесть сосредоточенную задумчивость; видно, что человѣкъ не связанъ съ окружающей его обстановкой и мысль его витаетъ гдѣ-то далеко, далеко...

Почти всѣ сольвычегодскіе ссыльные принадлежатъ къ категоріи административно высланныхъ по постановленіямъ особаго совѣщанія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по подозрѣнію въ принадлежности къ революціоннымъ организаціямъ или за аграрные и фабричные безпорядки. Высланныхъ по подозрѣнію въ совершеніи уголовныхъ дѣяній здѣсь, повидимому, самый незначительный процентъ; высланныхъ по приговорамъ общества „за порочное поведеніе“, или по судебнымъ приговорамъ—совсѣмъ нѣтъ.

По національности ссыльные распредѣляются приблизительно такъ: великороссовъ 350, малороссовъ 50, поляковъ 30, евреевъ 15, грузинъ 4, армянъ 2, осетинъ 1, бѣлоруссъ 1, чувашъ 1.

Огромное большинство ссыльныхъ принадлежитъ къ молодежи, въ возрастѣ отъ 20 до 28 лѣтъ; пожилые составляютъ не болѣе одной десятой части, а стариковъ и старухъ въ возрастѣ 55—60 лѣтъ не болѣе десятка. Ссыльныхъ женщинъ—не болѣе 25, т.-е. 5%. Около

половины всѣхъ ссыльныхъ принадлежатъ къ крестьянскому сословію, немного меньше—къ мѣщанскому; дворянъ и другихъ привилегированныхъ не болѣе 30—40. Холостыхъ и дѣвицъ — приблизительно $^2/_3$, женатыхъ и замужнихъ—$^1/_3$. Неграмотныхъ—не болѣе 20, т.-е. 5%.

По роду занятій — больше всего фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ; за ними идутъ крестьяне-земледѣльцы, а затѣмъ уже—представители самыхъ разнообразныхъ профессій.

По времени ареста: въ 1905-мъ году (въ ноябрѣ и декабрѣ) арестовано около 15 чел., въ 1906 г.—75, въ 1907 г.—200, въ 1908 г.—100.

Огромное большинство выслано на два года; высланныхъ на три года не болѣе 20—25 чел.; высланныхъ до снятія военнаго положенія къ лѣту 1909-го года оставалось не болѣе десятка.

Самый старый ссыльный въ Сольвычегодскѣ—новгородскій вѣчевой колоколъ, присланный сюда, послѣ урѣзанія ему языка и ушей, Іоанномъ III. Вѣроятно, въ сравнительно недавнія времена опальному колоколу, находящемуся въ ссылкѣ болѣе 400 лѣтъ, придѣлали вновь уши, но не языкъ, и помѣстили на колокольнѣ Воскресенской церкви, находящейся на торговой площади. Простой народъ приписываетъ ссыльному колоколу цѣлительную силу: онъ часто посѣщается недужными и страждущими.

По партійности сольвычегодскіе ссыльные распредѣляются приблизительно такъ: Р. С. Д. Р. П. и другихъ с.-д. организацій — 35%; П. С. Р.—30%; P. P. S.—5%; разныхъ другихъ организацій, союзовъ и группъ—15%; безпартійныхъ—15%.

Поводами, послужившими къ высылкѣ, кромѣ подозрѣнія въ принадлежности къ революціоннымъ партіямъ, организаціямъ и союзамъ, были храненіе запрещенной литературы, неблагонадежность и контрабанда. Нѣкоторымъ причины высылки совсѣмъ не объявлены, даже и въ той краткой формѣ, въ какой онѣ обыкновенно объявляются высылаемымъ. Землѣдѣльцы, большею частью, знаютъ или, по крайней мѣрѣ, догадываются, за что высланы; нѣкоторые же рабочіе положительно не знаютъ поводовъ, послужившихъ къ ихъ высылкѣ, вѣроятно потому, что были случайно выхвачены изъ толпы во время забастовокъ и рабочихъ волненій.

Среди высланныхъ можно встрѣтить даже такихъ, которые стояли въ сторонѣ отъ освободительнаго движенія и не участвовали ни въ крестьянскихъ, ни въ рабочихъ безпорядкахъ, но были облечены общественнымъ довѣріемъ, напр. избирались уполномоченными отъ сельскихъ обществъ для возбужденія ходатайствъ о надѣленіи общества землею или о сдачѣ въ аренду казенной или удѣльной земли, попадали въ уполномоченные или выборщики при выборахъ въ Государственную Думу и т. п. Есть высланные за предоставленіе

своихъ квартиръ для собраній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ высылкѣ крестьянъ-земледѣльцевъ рѣшающую роль играли приходскіе священники, сообщавшіе полиціи свѣдѣнія о политически неблагонадежныхъ прихожанахъ.

По мѣсту высылки есть представители чуть ли не всѣхъ губерній Европейской Россіи, со включеніемъ Польши и Кавказа; есть высланные даже изъ нѣкоторыхъ губерній и областей Сибири, нѣтъ только высланныхъ изъ Архангельской губерніи и Финляндіи.

Средства существованія сольвычегодскаго ссыльнаго крайне скудны. Казеннаго пособія, такъ называемыхъ „кормовыхъ", ссыльные непривилегированнаго сословія — а такіе теперь составляютъ до 95% — получаютъ по 7 р. 40 коп. въ мѣсяцъ каждый, ихъ вольнослѣдующія жены, если онѣ безъ дѣтей—5 р. 40 коп., съ дѣтьми—7 р. 40 коп., и дѣти не старше 14 лѣтъ—1 р. 95 коп. [1]). Ссыльные привилегированныхъ сословій получаютъ по 11 руб., ихъ вольнослѣдующія жены: бездѣтныя—по 9 руб., съ дѣтьми—по 11 руб., дѣти—по 3 р. 65 коп. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, полагается на каждаго ссыльнаго (но не на вольнослѣдующихъ) по 43 р. 65 к. въ годъ на пріобрѣтеніе зимней и лѣтней одежды. Деньги эти выдаются полностью, и то не всѣмъ ссыльнымъ, только за первый годъ ссылки; за второй годъ ссылки, обыкновенно, выдаютъ лишь половину или даже четверть указанной суммы.

На казенный непривилегированный паекъ, при сильно повысившихся съ наплывомъ ссыльныхъ цѣнахъ на многіе продукты, а также и на квартиры, невозможно просуществовать даже при веденіи хозяйства съобща, такъ какъ одинъ столъ—разумѣется, самый скромный (мясная варка и каша)—съ чаепитіемъ обходится около 6 руб. въ мѣсяцъ, квартира—отъ 50 коп. до 1 руб. съ человѣка, а остальныхъ 40—90 коп., понятно, далеко не хватаетъ на табакъ, стирку бѣлья и другіе мелочные расходы. Если же жить одному или вдвоемъ-втроемъ, нанимая отдѣльную комнату, необходимо въ мѣсяцъ не менѣе 9—10 руб. на каждаго, а интеллигентному ссыльному, имѣющему болѣе значительные расходы на удовлетвореніе умственныхъ потребностей — отъ 12 до 13 руб., если онъ некурящій, а если курящій, то и больше. Если же жить одному, нанимая отдѣльную

[1]) Дѣти, имѣющія свыше 14 лѣтъ отъ роду, не получаютъ кормовыхъ ни копѣйки по тому, болѣе чѣмъ странному основанію, что они, будто бы, могутъ сами прокормить себя въ ссылкѣ. Но какой же, спрашивается, могутъ найти заработокъ въ ссыльныхъ городахъ подростки-дѣти ссыльныхъ, когда и взрослымъ ссыльнымъ часто никакой работы не найти?

комнату съ отопленіемъ и нѣкоторыми услугами за 4—5 руб., то необходимо на прожитье не менѣе 15 руб. въ мѣсяцъ.

Одинокіе ссыльные всячески пробуютъ жить: и въ общежитіи, и въ одиночку, и вдвоемъ, и втроемъ, но результатъ получается одинъ и тотъ же: на казенный паекъ, какъ ни хитри, безъ помощи со стороны прожить очень трудно. Между тѣмъ, постоянный заработокъ въ ссылкѣ имѣютъ только ссыльные, знающіе какое-нибудь ремесло; но такихъ ссыльныхъ немного, не болѣе 20. Заработокъ во время лѣтней страды находятъ ссыльные земледѣльцы (такой заработокъ имѣютъ человѣкъ 40—50), получая отъ 70 коп. до 1 рубля въ день на харчахъ нанимателя. Каждый изъ такихъ ссыльныхъ зарабатываетъ въ лѣто отъ 15 до 30 рублей. Лишь нѣкоторые счастливцы зарабатываютъ до 40—50 р. Четверо ссыльныхъ занимаются по временамъ, когда есть работа, распиловкой бревенъ, другіе четверо — пилкой и колкой дровъ. Кое-кто изъ ссыльныхъ въ лѣтнее время рыбачитъ, ходитъ въ лѣсъ за грибами, за ягодами, хотя въ сущности загородныя прогулки полицейскими правилами и воспрещаются. Многіе ссыльные изъ числа снимающихъ квартиры съ собственнымъ, а не хозяйскимъ отопленіемъ занимаются лѣтомъ заготовкой въ городскомъ лѣсу дровъ на зиму. Городское управленіе разрѣшаетъ ссыльнымъ заготовлять безплатно топливо лишь изъ мертваго лѣса: бурелома, сухостоя, валежника. Эти подсобные заработки и промыслы до нѣкоторой степени умаляютъ нужду ссыльныхъ.

Почти всѣмъ безъ исключенія ссыльнымъ приходится заниматься домашними хозяйственными работами: носить воду, стряпать, мыть полы, стирать бѣлье и проч. Каждый день можно видѣть, какъ „политики“ на своихъ плечахъ несутъ ушаты съ водой. Вообще въ ссылкѣ и тѣмъ „политикамъ“, которые раньше никогда не занимались физическимъ трудомъ, приходится, волей-неволей, прибѣгать къ нему. Постоянной прислуги никто изъ ссыльныхъ не держитъ. Ссыльные, живущіе группами, тоже, разумѣется, обходятся безъ прислуги и всѣ домашнія работы исполняютъ сами, устанавливая для этого очередное дежурство.

Продовольствуются сольвычегодскіе ссыльные, за малыми исключеніями, въ общемъ лучше мѣстнаго рядового обывателя, городского и деревенскаго, сидящаго обыкновенно чуть не круглый годъ на одной сайдѣ [1]). Мѣстная бѣднота не прочь иногда позавидовать „политикамъ“, питающимся каждый день, не исключая и постовъ, мясомъ. Когда мясо бываетъ дорого, нѣкоторые—впрочемъ, весьма немногіе—ссыльные пробуютъ питаться кониной и жеребятиной.

Умственнымъ трудомъ, не считая совмѣстнаго или въ одиночку

[1]) Морская рыба, въ соленомъ и сушеномъ видѣ доставляемая изъ Архангельска.

чтенія книгъ, газетъ и журналовъ, занимаются до десяти ссыльныхъ: одинъ, напр., думающій послѣ окончанія ссылки удалиться за рубежъ, изучаетъ иностранные языки; другой передѣлываетъ и обрабатываетъ написанную имъ еще на волѣ большую историческую трагедію, съ массою дѣйствующихъ лицъ, и въ то же время пишетъ разсказы, составляетъ и читаетъ кружку ссыльныхъ (разумѣется, конспиративно) лекціи по популярной астрономіи, готовитъ учебникъ популярной философіи; третій пишетъ статьи по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ, четвертый—разсказы, очерки, воспоминанія; пятый корреспондируетъ въ газеты; шестой пишетъ разсказы и статейки для дѣтскихъ журналовъ; седьмой пишетъ картины; восьмой — подготовляется на аттестатъ зрѣлости.

Внѣшній видъ ссыльныхъ довольно приличный: въ оборванной и истрепанной одеждѣ никто не ходитъ, за исключеніемъ развѣ одного-двухъ. Многаго оставляетъ желать только зимній костюмъ. Шубы, валенки, которыя защищали бы отъ здѣшней стужи, доходящей нерѣдко до 40 градусовъ по Реомюру, мало у кого есть; огромное большинство зимою ходитъ въ осеннихъ пальто или полупальто и даже въ пиджакахъ, въ сапогахъ или гамашахъ, большею частью даже безъ галошъ. Только уши и руки стараются защищать отъ жестокаго мороза: первыя—башлыками или шапками-папахами, вторыя—шерстяными перчатками.

Умственные запросы ссыльныхъ удовлетворяются если не вполнѣ, то отчасти, мѣстной, довольно солидной по количеству и, пожалуй, даже по качеству книгъ земской публичной библіотекой-читальней, изъ которой за 15 коп. въ мѣсяцъ, безъ внесенія залога [1]), можно 4—5 разъ въ недѣлю брать одновременно не болѣе двухъ книгъ для чтенія на дому; въ помѣщеніи же библіотеки, въ особой читальной комнатѣ, можно пользоваться книгами, газетами и журналами въ опредѣленные дни и часы безплатно. Печально то, что въ общемъ библіотека и читальня бываютъ открыты не болѣе двухсотъ дней въ году. Подписчиками земской публичной библіотеки состоятъ многіе ссыльные, и книгъ они читаютъ немало, особенно въ зимнее время; только весною и лѣтомъ, когда необходимо запасаться здоровьемъ на долгую, суровую зиму, книги берутся ссыльными гораздо слабѣе. Помимо публичной библіотеки, у ссыльныхъ существовала сначала открыто, а потомъ тайно своя колоніальная библіотека, изъ которой ссыльные, состоявшіе членами кассы взаимопомощи (отчислявшей ежемѣсячно

---

[1]) Вмѣсто залога, отбирается подписка объ отвѣтственности за цѣлость и сохранность взятыхъ изъ библіотеки книгъ.

на пополненіе библіотеки нѣкоторую сумму), получали книги безплатно, а несостоявшіе участниками кассы уплачивали за чтеніе книгъ по 5-ти коп. въ мѣсяцъ [1]). Небольшая часть ссыльныхъ, преимущественно интеллигентныхъ, выписываетъ газеты и даже журналы на собственный счетъ; нѣкоторыя землячества, по просьбамъ, получаютъ безплатно газеты, выходящія на ихъ родинѣ. Около пятидесяти ссыльныхъ получаютъ безплатно правыя газеты, почти исключительно „Россію", которая охотно высылается всѣмъ желающимъ, безъ уплаты подписныхъ денегъ. По выпискѣ ссыльными такихъ газетъ, какъ „Россія", на верхахъ, можетъ быть, дѣлаютъ заключенія объ отрезвленіи, поправѣніи ссыльныхъ, а въ обществѣ и между самими ссыльными—о проникшемъ въ эту среду разложеніи; но въ дѣйствительности съ просьбами о безплатной высылкѣ напр. „Россіи", какъ мнѣ хорошо извѣстно, обращаются совсѣмъ не поправѣвшіе ссыльные, а лишь слабо принципіальные, обывательскаго типа. Нисколько не раздѣляя взглядовъ, проводимыхъ въ „Россіи", они выписываютъ ее не ради текста, а ради полезныхъ свойствъ бумаги, которою въ ссылкѣ такъ же дорожатъ, какъ и въ тюрьмѣ. Иной ссыльный выписываетъ безплатно „Россію" потому, что не имѣетъ времени посѣщать безплатную читальню, а содержаніе телеграммъ вездѣ одинаково. „Изъ остального матеріала, помѣщаемаго въ „Россіи"—говоритъ такой ссыльный—если я что и читаю, то все читаемое понимаю въ обратномъ смыслѣ".

До декабря 1907-го года въ Сольвычегодскѣ существовала почти открыто, не подвергаясь особымъ преслѣдованіямъ, колонія ссыльныхъ, съ выборнымъ колоніальнымъ правленіемъ, колоніальнымъ старостою, колоніальными библіотекою и кассою взаимопомощи. Преслѣдованіе колоніальныхъ учрежденій со стороны администраціи вынудило ихъ прекратить свое существованіе. Нѣкоторыя, впрочемъ, какъ напр. библіотека и касса взаимопомощи, продолжали существовать тайно, что, разумѣется, препятствовало правильному функціонированью ихъ и тормазило ихъ развитіе и расширеніе.

Еще въ началѣ второй половины 1907-го года, когда реакція повсюду уже торжествовала, сольвычегодскіе ссыльные, которыхъ въ то время насчитывалось около 150 человѣкъ, безъ особыхъ помѣхъ устраивали общія собранія, на которыя мѣстная полиція смотрѣла сквозь

[1]) Въ первой половинѣ марта 1909-го года колоніальная библіотека была арестована полиціей; всего было забрано около 500 книгъ и брошюръ. Библіотекарь и библіотекарша (изъ ссыльныхъ), у которыхъ была найдена библіотека спрятанною въ „ямѣ", были приговорены въ административномъ порядкѣ къ двухнедѣльному аресту.

пальцы. Безъ помѣхъ также устраивались рефераты, лекціи, фракціонныя и кружковыя собранія; словомъ, общенію ссыльныхъ полиція не ставила особыхъ препятствій и, главное, не карала за нихъ административными арестами и отправками въ деревни, какъ то стало практиковаться въ широкихъ размѣрахъ впослѣдствіи. На собраніяхъ ссыльныхъ иногда присутствовали и мѣстные жители. Съ одной стороны свободное общеніе ссыльныхъ между собою на общихъ собраніяхъ служило къ сближенію ихъ, къ ознакомленію ихъ другъ съ другомъ; но съ другой стороны на этихъ собраніяхъ зачастую возникали между отдѣльными лицами и цѣлыми группами горячіе споры, большею частью на партійной почвѣ, приводившіе, какъ это бываетъ съ людьми нервными, впечатлительными, болѣзненно обидчивыми (а такими не мудрено было стать послѣ лихорадочной жизни, разбитыхъ надеждъ, тюремнаго сидѣнья и этапныхъ скитаній), къ порчѣ товарищескихъ отношеній. Спорили, обыкновенно, о принципахъ, о направленіяхъ, о программахъ, о тактикѣ; каждый, разумѣется, оставался при своемъ мнѣніи, а въ результатѣ споровъ получалась личная непріязнь, отчужденіе. Понятно, все это объясняется той ненормальной, уродливой обстановкой, при которой намъ приходится жить и дѣйствовать.

Къ концу 1908-го года стала замѣчаться нѣкоторая перемѣна въ настроеніи сольвычегодскихъ ссыльныхъ. Партійные споры становятся рѣже и рѣже и, наконецъ, чуть ли не совсѣмъ замолкаютъ. Такія теченія, какъ противоинтеллигентское, санинское, націоналистическое мелѣютъ и даже чуть ли не совсѣмъ исчезаютъ. Можетъ быть, эта перемѣна настроенія объясняется отчасти тѣмъ, что между ссыльными не происходитъ уже широкаго и тѣснаго общенія, какое раньше было при открытомъ существованіи общихъ собраній. Теперь каждый изъ нихъ больше думаетъ про себя, чѣмъ высказываетъ свои взгляды публично, для чего нѣтъ необходимыхъ условій. Такъ или иначе, ядро сольвычегодской ссылки освободилось отъ того напряженнаго, лихорадочнаго состоянія, въ которомъ оно находилось въ 1906 и 1907 гг. и даже въ теченіе первой половины 1908-го года.

Между собой сольвычегодскіе ссыльные, въ общемъ, живутъ мирно; обостренныхъ отношеній, столкновеній, брани и дракъ не наблюдалось, за исключеніемъ развѣ крайне рѣдкихъ, единичныхъ случаевъ. Но съ первыхъ же дней новой ссылки въ отдѣльныхъ кружкахъ и на общихъ собраніяхъ, когда они безъ помѣхъ происходили въ 1906 и 1907 гг., сталъ усиленно обсуждаться вопросъ о привилегированныхъ ссыльныхъ, получающихъ кормовыя отъ казны въ большемъ размѣрѣ противъ ссыльныхъ изъ непривилегированнаго сословія.

— Что же это такое?—говорили непривилегированные.—Всѣ мы,

кажется, боролись за одно и то же дѣло, а здѣсь насъ различаютъ: однимъ даютъ на прожитье 7 р. 40 к., а другимъ — 11 рублей? Непривилегированные, чтобы уничтожить эту навязанную со стороны несправедливость, предлагали привилегированнымъ получаемый ими излишекъ передавать для общей разверстки между всѣми ссыльными или же вносить его въ кассу взаимопомощи. Привилегированные,—общее число которыхъ не превышало сорока даже въ моменты наибольшаго наплыва ссыльныхъ,—за исключеніемъ только одного-двухъ, не соглашались ни на то, ни на другое предложеніе, объясняя свое несогласіе тѣмъ, что у нихъ, въ силу особенностей ихъ воспитанія, потребности и привычки нѣсколько иныя, чѣмъ у непривилегированныхъ; притомъ привилегированный ссыльный часто живетъ на одинъ только казенный паекъ, не получая помощи со стороны, тогда какъ непривилегированный нерѣдко пользуется значительною помощью изъ дома. „Если ужъ равнять,—говорили привилегированные,—такъ надо распредѣлять между всѣми ссыльными всѣ деньги, получаемыя ими, какъ отъ казны, такъ и со стороны". Все это повело къ нѣкоторому обостренію отношеній между двумя категоріями ссыльныхъ и послужило, по видимому, главной причиной къ зарожденію противоинтеллигентскаго теченія среди ссылки. Это теченіе, въ той или иной формѣ, существуетъ почти во всѣхъ мѣстахъ административной ссылки. Разумѣется, помимо указанной, есть и другія, болѣе общія причины, питающія нерасположеніе къ интеллигенціи. Между народомъ и интеллигенціей все еще стоитъ великая полицейская стѣна, препятствующая взаимному общенію. Народъ, взятый въ массѣ, не смотря на событія послѣднихъ лѣтъ, нѣсколько открывшія ему глаза, все еще продолжаетъ причислять всю интеллигенцію безъ различія къ барамъ, къ господамъ, недовѣріе къ которымъ у него воспитано вѣками.

Вождемъ противоинтеллигентскаго теченія въ Сольвычегодскѣ былъ ссыльный фабричный, одно время имѣвшій немало сторонниковъ изъ среды рабочихъ и земледѣльцевъ. Я познакомился съ нимъ передъ самымъ его отъѣздомъ изъ Сольвычегодска, за окончаніемъ срока ссылки. Онъ разсказывалъ мнѣ много интереснаго о своей жизни на фабрикѣ и объ отношеніи къ нему товарищей по ссылкѣ послѣ того, какъ онъ заявилъ о своемъ отпаденіи отъ с.-д. „Послѣ отбытія военной службы,— говорилъ онъ, — я сталъ рабочимъ и скоро былъ подхваченъ волной рабочаго движенія, въ которомъ мнѣ пришлось играть видную роль, исключительно агитаторскую. Хотя я присталъ къ с.-д., но изученіемъ марксизма, можно сказать, совсѣмъ не занимался, да, въ сущности, и некогда было заниматься теоріей, такъ какъ все свободное отъ работы время у меня отнимали массовки. И только очутившись въ

ссылкѣ, я углубился въ книги и во многомъ изъ того, что с.-д. выдавали за непреложную истину, разочаровался. Ознакомившись съ сочиненіями Вольскаго и Лозинскаго, я проникся ихъ взглядами на интеллигенцію, вступилъ даже въ личную переписку съ Лозинскимъ. Вообще я стремился къ истинѣ, добивался ея, не преслѣдуя никакихъ личныхъ выгодъ и интересовъ; а, между тѣмъ, сотоварищи по ссылкѣ, преимущественно изъ с.-д., когда увидѣли, что я отклонился отъ догмы марксизма, стали относиться ко мнѣ подозрительно и нетерпимо, считали меня чуть-ли не сумасшедшимъ, подозрѣвали даже въ провокаціи".

Теченія санинское и націоналистическое, съ проповѣдью грядковой культуры, къ лѣту 1909-го года въ Сольвычегодскѣ почти совсѣмъ исчезли; противоинтеллигентское теченіе, можетъ быть, еще существуетъ, но въ скрытомъ состояніи.

Среди прежнихъ, сравнительно немногочисленныхъ ссыльныхъ, которые почти всѣ были профессіональными „политиками", наушниковъ и фискаловъ не было. Теперь почти въ каждомъ ссыльномъ пунктѣ, особенно тамъ, гдѣ число ссыльныхъ достигаетъ значительной цифры, находятся между ними такія лица, которыя сообщаютъ полиціи, за плату или даже такъ, въ разсчетѣ, напр., на досрочное освобожденіе изъ ссылки—свѣдѣнія о закулисной жизни ссыльныхъ, объ устраиваемыхъ ими собраніяхъ, о существующихъ организаціяхъ, о подслушанныхъ политическихъ разговорахъ и т. п. Наушники эти—или люди, случайно попавшіе въ ссылку, или люди хулиганскаго типа, или бывшіе агенты полиціи, уличенные въ какихъ-нибудь скандальныхъ проступкахъ по службѣ и, вмѣсто преданія суду, отправленные въ административную ссылку. Такихъ ссыльныхъ немного, но они имѣются и, конечно, въ ссылкѣ продолжаютъ заниматься своей прежней профессіей.

Въ широко практикуемой теперешними ссыльными обывательскаго типа подачѣ прошеній въ департаментъ полиціи или министру внутреннихъ дѣлъ объ освобожденіи изъ ссылки или о сокращеніи ея срока меньшинство ссыльныхъ усматриваетъ полную безпринципность большинства. Лично я держусь того мнѣнія, что хотя подача подобныхъ прошеній и не свидѣтельствуетъ о стойкости убѣжденій, но нужно считаться съ чисто бытовымъ, выработаннымъ исторіею взглядомъ русскаго народа на обращеніе со слезными ходатайствами къ начальству, большому и маленькому. Нѣкоторые ссыльные добиваются сокращенія срока ссылки, чтобы имѣть возможность отправиться пу-

темъ болѣе удобнымъ и дешевымъ [1]). Приведу примѣръ. Одинъ хорошо мнѣ извѣстный преклонныхъ лѣтъ ссыльный изъ крестьянъ-земледѣльцевъ, тихій, скромный, непьющій, котораго въ ссылкѣ всѣ называли ласкательнымъ именемъ „Дѣдки", былъ думскимъ уполномоченнымъ при вторыхъ выборахъ и два раза избирался ходатаемъ для хлопотъ о надѣленіи общества землею, что, вѣроятно, и послужило поводомъ къ его высылкѣ. Онъ очень усиленно и ревностно хлопоталъ о сокращеніи ему двухлѣтняго срока ссылки всего на три мѣсяца, и хлопоталъ объ этомъ исключительно для того, чтобы имѣть возможность добраться до своего села водою (во время навигаціи по желѣзной дорогѣ ему пришлось бы проѣхать всего только отъ Вологды до Ярославля), что сокращало противъ зимняго пути чуть ли не въ три раза его дорожные расходы. Срокъ ссылки у „Дѣдки" оканчивался 23 декабря, а онъ стремился къ тому, чтобы его освободили 23 сентября, чтобы имѣть возможность хотя съ послѣднимъ пароходнымъ рейсомъ выбраться изъ Сольвычегодска. Сначала онъ подалъ прошеніе о сокращеніи срока министру внутреннихъ дѣлъ. Когда со времени подачи прошенія прошло два мѣсяца, а отвѣта никакого не было, „Дѣдка" сдѣлался сильно озабоченнымъ, удрученнымъ. Наступилъ іюнь — отвѣта все нѣтъ. Тутъ „Дѣдка" узнаетъ, что знакомый ему ссыльный, тоже крестьянинъ-земледѣлецъ, подалъ уже третье по счету прошеніе о сокращеніи срока, на этотъ разъ на Высочайшее имя. „Дѣдка" рѣшается подать такое же прошеніе. Идетъ въ полицію, справляется, возможно ли это. Получается отвѣтъ: можно. „Дѣдка", нисколько не медля, подаетъ прошеніе на Высочайшее имя и облегченно вздыхаетъ, надѣясь, что ему удастся добраться до дому водой за 7—8 рублей вмѣсто 20-ти. До сентября онъ не получилъ отвѣта ни на первое, ни на второе прошеніе. Онъ потерялъ надежду добраться до дому водой и ходилъ грустный, задумчивый.

Не смотря на то, что ссыльными подается довольно значительное число прошеній, большая часть ихъ или оставляется безъ всякаго отвѣта, или же отвѣты получаются отрицательные. Едва ли и одна десятая часть прошеній удовлетворяется, если не въ полномъ объемѣ, то хотя отчасти. Безрезультатность огромнаго большинства просьбъ, вѣроятно, слѣдуетъ приписать или неблагопріятнымъ отзывамъ мѣстной полиціи, или такимъ же неблагопріятнымъ отзывамъ администраціи

---

[1]) Еще два года тому назадъ всѣмъ административнымъ ссыльнымъ, отбывшимъ свой срокъ, выдавались отъ казны проѣздныя деньги на возвращеніе на родину по билету III-го класса (желѣзнодорожному и пароходному); теперь же проѣздныхъ денегъ не выдаютъ, и ссыльные, по отбытіи срока, должны возвращаться домой на собственный счетъ или же этапнымъ порядкомъ, если у нихъ нѣтъ денегъ.

той губерніи, изъ которой происходитъ высланный и въ которую онъ намѣренъ возвратиться по отбытіи ссылки, или же, наконецъ, тому, что просьбы объ освобожденіи изъ ссылки или о сокращеніи ея срока не надлежаще мотивируются съ точки зрѣнія государственной полиціи. Большинство ссыльныхъ мотивируетъ свои просьбы желаніемъ поскорѣе вернуться къ домашнему очагу, чтобы содержать своими трудами семью или престарѣлыхъ родителей, которые, вслѣдствіе высылки просителя, терпятъ матеріальную нужду; иной пишетъ, что рѣшилъ переселиться въ Сибирь, чтобы заняться тамъ земледѣльческимъ трудомъ, и, поэтому, проситъ освободить его изъ ссылки до срока, чтобъ онъ могъ немедленно приступить къ переселенію. Между тѣмъ, департаментъ полиціи со всѣми этими семейными и хозяйственными мотивами не считается; для него они нисколько не убѣдительны и не цѣнны. Онъ цѣнитъ и иногда признаетъ уважительными только такія прошенія административныхъ ссыльныхъ, въ которыхъ они просятъ о помилованіи, „выражая раскаяніе и твердое намѣреніе не продолжать дѣятельности, послужившей поводомъ къ высылкѣ". Въ подачѣ такихъ прошеній департаментъ „видитъ признакъ отсутствія упорства" и потому склоненъ ихъ удовлетворять.

По крайней мѣрѣ три четверти состава сольвычегодской ссылки прибѣгали, а нѣкоторые ссыльные и неоднократно, къ подачѣ прошеній о досрочномъ освобожденіи изъ ссылки. Наиболѣе устойчивы и тверды были интеллигентные ссыльные: изъ нихъ, за единичными развѣ исключеніями, никто съ подобными просьбами къ властямъ не обращался.

Мѣстное населеніе, какъ говорятъ, прежде относилось къ ссыльнымъ доброжелательно и даже помогало имъ матеріально. Тогда званіе политическаго ссыльнаго пользовалось обаяніемъ, было окружено ореоломъ мученичества. Къ теперешней ссылкѣ, по увѣренію многихъ, населеніе относится съ недовѣріемъ, мѣстами даже съ озлобленіемъ, въ лучшемъ случаѣ — съ равнодушіемъ. Да, разница есть, о чемъ я могу судить и по личному опыту. Въ томъ городѣ, гдѣ я находился въ изгнаніи 15-ть лѣтъ тому назадъ (первые мѣсяцы я былъ тамъ единственный политическій поднадзорный), небольшой кружокъ радикально настроенной части общества принималъ горячее участіе въ моей судьбѣ, предлагалъ мнѣ денежную помощь, подыскивалъ занятія и т. п. Теперь, разумѣется, этого не наблюдается, да вѣдь теперь и картина не та. Тамъ, гдѣ раньше было 3 — 5 ссыльныхъ, самое бо̀льшее—десятка два, теперь ихъ сотни, притомъ разношерстныхъ, мѣстами значительно смѣшанныхъ съ уголовно-хулиганскими

элементами. Развѣ возможно требовать отъ мѣстнаго населенія, въ массѣ своей еще малосознательнаго, мѣстами даже темнаго, участливаго отношенія къ ссыльнымъ и—тѣмъ болѣе—ожидать отъ него матеріальной помощи, когда оно само перебивается съ хлѣба на квасъ? А ореолъ мученичества уже по одному тому потускнѣлъ, что теперь и великомученикамъ счетъ потерянъ... Понятно, что теперь нужно приглядѣться къ человѣку, разузнать его хорошенько, а потомъ уже установить съ нимъ тѣ или иныя отношенія, глядя по тому, какимъ онъ окажется. Этой чисто практической точки зрѣнія и держится мѣстное населеніе по отношенію къ ссыльнымъ. Въ частности про отношеніе мѣстнаго населенія къ сольвычегодской ссылкѣ можно сказать, что оно нормальное: никакой недоброжелательности, а тѣмъ болѣе озлобленности мѣстныхъ жителей по отношенію къ ссыльнымъ не замѣчается. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что мѣстное населеніе охотно роднится съ ссыльными, отдавая за нихъ въ замужество своихъ дочерей; такихъ браковъ на протяженіи двухъ лѣтъ было десятка полтора — два. Порой мѣстный обыватель, разумѣется, не прочь потужить, что вотъ, молъ, изъ-за ссыльныхъ продукты вздорожали вдвое-втрое противъ прежняго. Жалобы эти въ устахъ чиновниковъ и служащихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, а также городской бѣдноты, Богъ вѣсть чѣмъ живущей, естественны и справедливы. Но торговцамъ, мясникамъ, булочникамъ и домовладѣльцамъ, сдающимъ квартиры ссыльнымъ, а также и крестьянамъ, доставляющимъ въ городъ для сбыта сельско-хозяйственные продукты (масло, молоко, яйца, творогъ и проч.), нѣтъ основаній жаловаться на наплывъ ссыльныхъ, да они, кажется, и не жалуются, ибо такъ или иначе ссыльные оставляютъ здѣсь ежегодно не менѣе 40 тыс. рублей.

Среди сольвычегодскихъ ссыльныхъ можно слышать сѣтованія на то, что между ними не только нѣтъ тѣснаго общенія, но даже существуетъ значительная разъединенность. Эти сѣтованія едва ли основательны. И въ настоящее время каждый ссыльный находится въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи съ 5 — 10 сотоварищами, большею частью земляками; имѣть же тѣсное общеніе съ болѣе широкими кругами, въ виду существующихъ полицейскихъ условій, нѣтъ возможности. Еслибы ссыльные могли имѣть здѣсь свою столовую или мѣсто для собраній, то, разумѣется, и общеніе между ними было бы болѣе тѣсное и широкое. Затѣмъ, еслибы на лицо было 20—25 ссыльныхъ, какъ во время народовольческаго движенія или во времена Плеве, то, несомнѣнно, не смотря на тяжесть полицейскихъ условій, ссыльные могли бы составить одну семью. Другое дѣло—теперь, когда число высланныхъ

доходитъ до 400 — 500 человѣкъ, пестрыхъ по составу и поставленныхъ въ крайне суровыя полицейскія условія. Если обыкновенному русскому лѣвому обывателю въ настоящее удушливое время „руки, ноги связаны и всѣ пути заказаны", то ссыльному, надъ головой котораго постоянно висятъ временныя правила о гласномъ полицейскомъ надзорѣ—изданныя, одновременно съ Положеніемъ объ охранѣ, въ 1881 г., т.-е. дѣйствующія безъ малаго тридцать лѣтъ,—приходится переносить двойной-тройной полицейскій гнетъ. Въ послѣднее время появились циркуляры и распоряженія мѣстной администраціи и полиціи, идущіе въ стѣсненіяхъ еще дальше правилъ. Такъ, въ прошломъ году циркуляръ вологодскаго губернатора воспретилъ ссыльнымъ, подъ страхомъ трехмѣсячнаго административнаго ареста, держать у себя хотя бы въ единичномъ экземплярѣ книги и брошюры „противоправительственнаго" направленія. А вотъ нѣкоторыя распоряженія мѣстной полиціи за послѣдніе два года: воспрещено ссыльнымъ выходить на встрѣчу прибывающимъ этапамъ, кататься на конькахъ на каткѣ, посѣщать пароходную пристань во время прихода пароходовъ, гулять на набережной въ вечернее время, гулять и сходиться группами, даже небольшими, въ 5—8 человѣкъ, останавливаться на улицѣ при встрѣчѣ другъ съ другомъ, участвовать въ похоронныхъ процессіяхъ въ числѣ болѣе 8 человѣкъ, гулять позднѣе 12 час. ночи. Съ августа текущаго года у ссыльныхъ, посѣщающихъ спектакли и концерты, стали удерживать, при выдачѣ кормовыхъ, входную плату, какъ бы въ видѣ штрафа за посѣщеніе ими театральныхъ представленій и зрѣлищъ.

Это послѣднее распоряженіе послѣдовало, повидимому, изъ центра или, во всякомъ случаѣ, изъ губерніи, такъ какъ оно одновременно стало примѣняться къ ссыльнымъ не только въ Сольвычегодскѣ, но и въ другихъ городахъ Вологодской губерніи, напр. въ Великомъ-Устюгѣ, въ Никольскѣ. За послѣдніе два года изъ общаго числа 500 ссыльныхъ, проживавшихъ въ Сольвычегодскѣ, пересидѣло въ мѣстной тюрьмѣ, отбывая административный арестъ, человѣкъ 150, т.-е. около $^1/_3$ всѣхъ ссыльныхъ. Кромѣ того, около 50 чел. были отправлены на жительство въ деревни. Всѣ эти репрессіи ссыльные переносятъ, не падая духомъ. Самоубійствъ среди сольвычегодскихъ ссыльныхъ не было.

Въ заключеніе замѣчу, что къ концу лѣта 1909-го года ряды административныхъ ссыльныхъ, по крайней мѣрѣ въ Сольвычегодскѣ, замѣтно порѣдѣли; двухгодники (а ихъ въ вологодской ссылкѣ не менѣе 90%), за окончаніемъ срока высылки, стали выбывать, а новые ссыльные прибывали уже не такими большими партіями, какъ въ 1907-мъ и особенно въ 1908-мъ году. Уменьшеніе числа администра-

тивно-высылаемыхъ отчасти объясняется, можетъ быть, наступившимъ разочарованіемъ въ ссылкѣ, какъ мѣрѣ, мало достигающей цѣли, а между тѣмъ вызывающей значительные расходы. Больше стало передаваться политическихъ дѣлъ въ судъ, о чемъ говоритъ и сильное возрастаніе тюремнаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за самое послѣднее время (примѣрно, съ мая мѣсяца текущаго года), стала шире примѣняться административная высылка въ губерніи Пермскую и Вятскую, гдѣ кормовыя деньги высланнымъ выдаются въ значительно меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ губерніяхъ Архангельской и Вологодской, а также за предѣлы губерніи, безъ назначенія мѣста жительства, при чемъ послѣдней категоріи высылаемыхъ совсѣмъ не выдается отъ казны ни кормовыхъ, ни одежныхъ денегъ.

М. Сафоновъ.

ФИНАНСОВАЯ ГОМЕОПАТІЯ

(По поводу проекта государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1910 г.)

Въ объяснительной запискѣ къ проекту росписи на 1910-ый годъ затронуты основные вопросы нашего государственнаго хозяйства. Было бы хорошо, еслибы какъ печать, такъ и законодательныя собранія воспользовались этимъ обстоятельствомъ для выясненія желательнаго направленія русской финансовой политики. Важно, конечно, чтобы данная роспись была тщательно разсмотрѣна и, по мѣрѣ возможности, исправлена. Но гораздо важнѣе намѣтить основные недостатки общаго плана, по которому ведется наше финансовое управленіе, и указать мѣры для исправленія промаховъ и ошибокъ.

I.

Финансовое положеніе Россіи характеризуется въ послѣдніе годы болѣе быстрымъ ростомъ обыкновенныхъ расходовъ, по сравненію съ обыкновенными доходами. Среднее ежегодное увеличеніе доходовъ за періодъ 1903—1908-го годовъ равнялось 3,8%, тогда какъ средній приростъ расходовъ составлялъ за это время 5,3% въ годъ. Дефицитовъ по обыкновенному бюджету, однако, не было, потому что общая сумма

поступленій за весь періодъ значительно превысила сумму расходовъ. Несоотвѣтствіе между приростомъ расходовъ и доходовъ привело лишь къ очень сильному сокращенію превышеній обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами (въ 1903 г. превышенія эти равны были 149 мил. р., въ 1908 г. — 30 мил. р.). По росписи на 1909-й годъ обыкновенные доходы исчислены на 1,7% выше доходовъ 1908-го года, а расходы—на 2,6% больше. Въ 1910-мъ году ожидается перемѣна въ этомъ отношеніи: расходы повышаются на 2,5%, а доходы—на 3,1%, при чемъ около 0,2% увеличенія доходовъ, по объясненію министра финансовъ, вызвано новымъ налогомъ (на папиросныя гильзы и бумагу), а остальные 2,9% объясняются естественнымъ ростомъ поступленій. Въ абсолютной цифрѣ увеличеніе доходовъ превыситъ въ будущемъ году ростъ расходовъ на 16,6 мил. р., а такъ какъ въ 1909-мъ году предположенъ былъ избытокъ обыкновенныхъ доходовъ въ 9,2 мил. р., то для 1910-го года этотъ избытокъ долженъ быть исчисленъ въ суммѣ 25,8 мил. р.

Министръ финансовъ признаетъ, что въ 1909-мъ году доходы были „крайне напряжены", а расходы доведены до размѣра, „исчерпывающаго ожидаемыя поступленія"; поэтому, отмѣчая улучшеніе положенія въ 1910-мъ году, онъ все-таки настаиваетъ на необходимости при дальнѣйшемъ увеличеніи расходовъ, „даже самыхъ необходимыхъ и полезныхъ", „находиться въ полной зависимости отъ естественнаго ежегоднаго прироста доходовъ". Г. Коковцовъ не отрицаетъ, что „эти рамки естественнаго пріумноженія доходности, быть можетъ, слишкомъ тѣсны для такой страны, какъ Россія, которая отстала въ культурномъ развитіи отъ другихъ народовъ и вынуждена производить усиленныя затраты на подъемъ начальнаго и общаго образованія, на устройство земледѣльческаго быта населенія, на развитіе добывающей и обрабатывающей промышленности и на многое другое"; но, тѣмъ не менѣе, эти рамки „необходимы для благосостоянія государства и неизбѣжны при всякой финансовой системѣ". Почему? А потому, что усилить затраты на культурныя и военныя нужды можно только путемъ увеличенія обложенія. Повышать же обложеніе въ странѣ, „экономическая крѣпость которой недостаточна", не особенно выгодно: повышеніе не обѣщаетъ большихъ доходовъ и имѣетъ смыслъ лишь „для удовлетворенія наиболѣе назрѣвшихъ государственныхъ нуждъ". Затѣмъ, въ послѣдующіе годы, „расходы все равно должны подчиниться закону естественнаго возрастанія доходовъ, хотя бы и увеличенныхъ новымъ обложеніемъ, а такъ какъ потребности имѣютъ свойство расти быстрѣе поступленій и въ ростѣ своемъ не знаютъ предѣла, то удовлетвореніе ихъ и впредь можетъ происходить лишь съ извѣстной постепенностью".

Теорія министра финансовъ неясна и кажется намъ покоящейся на странномъ недоразумѣніи. Нужно ли доказывать, что всѣ потребности государства сразу не удовлетворишь и что ихъ можно удовлетворять лишь въ извѣстной постепенности? Но всякое увеличеніе обложенія, если, конечно, оно сопровождается ростомъ государственныхъ доходовъ, даетъ возможность удовлетворять новыя потребности. Впослѣдствіи явятся добавочныя нужды, и ихъ, разумѣется, желательно будетъ покрывать естественнымъ ростомъ доходовъ, не прибѣгая къ повышенію обложенія. Однако можетъ случиться, что естественнаго роста окажется недостаточно, и въ такомъ случаѣ — пока обложеніе не дошло до предѣла, пока оно не исчерпало платежеспособности населенія — допустимо увеличеніе налоговъ. Только тогда, когда повышеніе обложенія встрѣчаетъ непреодолимыя преграды въ истощеніи платежныхъ силъ населенія, расходы должны оставаться въ предѣлахъ естественнаго роста государственныхъ доходовъ.

Въ сущности и самъ министръ финансовъ забываетъ о теоріи, изложенной имъ на стр. 18—19, когда въ концѣ „Записки" (стр. 127) старается доказать, что повышеніе обложенія и установленіе новыхъ налоговъ надо считать „единственнымъ рессурсомъ, который могъ бы быть использованъ для значительнаго усиленія расходовъ въ ближайшее время". Г. Коковцовъ напоминаетъ здѣсь о законопроектахъ, внесенныхъ въ Государственную Думу: о введеніи подоходнаго налога, о пересмотрѣ налога съ наслѣдствъ, о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и объ измѣненіи губернскихъ окладовъ поземельнаго налога, дающихъ, въ общей сложности, повышеніе на 50—65 мил. р.

Какъ сказано выше, на 1910 г. обыкновенные доходы предположены выше обыкновенныхъ расходовъ на 25,8 мил. р. Казалось бы, можно въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ увеличить удовлетвореніе потребностей государства. Но чрезвычайные расходы превышаютъ по росписи чрезвычайные доходы на 110 мил. р., и эту сумму предполагается покрыть отчасти займомъ,—на 84,2 мил. р., отчасти избыткомъ по обыкновенному бюджету, въ размѣрѣ 25,8 мил. р. Значитъ, еслибы сбалансировать обыкновенный бюджетъ, повысивъ расходы—заемъ пришлось бы поднять до 110 мил. р. Это представляется министру нежелательнымъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. Хотя „въ экономической наукѣ разрѣшается неодинаково вопросъ о томъ, правильно ли чрезвычайные расходы покрывать обыкновенными доходами, или удовлетвореніе ихъ слѣдуетъ относить на чрезвычайные же источники, преимущественно на займы, и даже опредѣленіе, какіе именно расходы считать чрезвычайными, до сихъ поръ не установлено",—однако практически увеличеніе задолженности ведетъ или къ повышенію налоговъ, или къ

сокращенію затратъ на другія потребности государства. И такъ какъ „обращеніе части обыкновенныхъ доходовъ на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ сдѣлано во всякомъ случаѣ не въ ущербъ производительнымъ расходамъ страны, которые увеличены и по проекту росписи на 1910 г.“, то министръ считаетъ избытокъ въ обыкновенномъ бюджетѣ при дефицитѣ въ чрезвычайномъ не только допустимымъ, но и желательнымъ.

Въ этомъ разсужденіи ссылка на финансовую науку сдѣлана всуе. Дѣло въ томъ, что финансовая наука осуждаетъ раздѣленіе бюджета на обыкновенный и чрезвычайный, а финансовая практика Англіи и Франціи уничтожила грань между этими частями. Именно потому, что опредѣлить, какіе расходы — обыкновенные, какіе — чрезвычайные, крайне трудно, если не невозможно; именно потому, что здѣсь господствуетъ полный произволъ, затемняющій истинное положеніе государственныхъ финансовъ, — раздѣленіе бюджетовъ осуждается новѣйшими писателями и практиками-финансистами. Такъ напр., извѣстный французскій финансистъ Альфредъ Неймаркъ говоритъ: „Мы относимся враждебно къ чрезвычайнымъ бюджетамъ. Рувье первый имѣлъ мужество отмѣнить ихъ и установить бюджетное единство; его преемники слѣдовали примѣру passibus non aequis. Кайо настойчиво держится этой практики, которая является спасеніемъ для нашихъ финансовъ“ [1]. Таковъ же взглядъ Стурма [2]. Геккель хотя и считаетъ раздѣленіе бюджета на обыкновенный и чрезвычайный полезнымъ, но, во-первыхъ, совершенно не допускаетъ въ качествѣ признака раздѣленія способъ покрытія—обыкновенными или чрезвычайными доходами, и, во-вторыхъ, къ чрезвычайному бюджету относитъ лишь такіе расходы, которые производятся не періодически, а однажды, притомъ внѣ общаго финансоваго плана. Сюда же Геккель присоединяетъ капитальныя затраты, главнымъ образомъ, производительнаго характера [3].

Вопросъ о томъ, правильно ли покрывать обыкновенными доходами чрезвычайные расходы, разрѣшается и практикой, и теоріей утвердительно. Разумѣется, наиболѣе желательно покрывать всѣ расходы обыкновенными доходами; но когда надо получить сразу очень большія суммы — добыть ихъ налогами невозможно. Однако даже военные расходы въ ихъ значительной части издавна покрываются налогами, и это не только не осуждается, а наоборотъ вызываетъ похвалу финансистовъ-теоретиковъ. Англія въ періодъ съ

---

[1]) Alfred Neymarck, „Finances contemporaines“, II, стр. 528.
[2]) См. Стурмъ, „Бюджетъ“, стр. 187—209.
[3]) Heckel, „Das Budget“, Lpz., 1898, 42—43.

1688 по 1890-ый годъ свыше половины громадныхъ чрезвычайныхъ расходовъ (1.310 мил. ф. ст.) покрыла обыкновенными доходами. Это былъ періодъ грандіознѣйшихъ войнъ, особенно 1793—1815 гг., когда потребовалось колоссальное напряженіе платежныхъ средствъ. Южно-африканская война стоила Англіи свыше 2 милліардовъ рублей, изъ коихъ около 30% было покрыто налогами и около 70% займами [1]). Въ Россіи избытки по обыкновенному бюджету шли на постройку желѣзныхъ дорогъ; новые налоги дали кое-что и для покрытія издержекъ по войнѣ съ Японіей. Если противъ обращенія избытковъ по обыкновенному бюджету на чрезвычайные расходы у насъ возражали, то только потому, что эти избытки были мнимыми: рядомъ съ ними шли займы, проистекавшіе изъ недостатковъ по чрезвычайному бюджету, къ которому относили не только расходы военные и на постройку желѣзныхъ дорогъ, а въ разное время и разные другіе, вовсе не чрезвычайные, напр. расходы на изготовленіе и пріобрѣтеніе подвижного состава, на перевооруженіе и на продовольственные запасы арміи.

Чрезвычайные расходы 1910-го года слагаются такъ: 1) связанные съ русско-японской войною и ея послѣдствіями (3,8 мил. р.); характеръ этой статьи виденъ изъ того, что съ будущаго (1910) года 8 мил. р. на постройку казарменныхъ помѣщеній, ранѣе значившихся подъ рубрикой чрезвычайныхъ расходовъ, перенесены въ отдѣлъ обыкновенныхъ. 2) Расходы на пополненіе военныхъ запасовъ и матеріальной части: въ 1908 г. отпущено на эту цѣль 52 мил. р., въ 1909 г. назначено 65 мил. р., на 1910 г. предположено 50 мил. р. Очевидно, расходы эти являются періодическими и вызванными осуществленіемъ опредѣленнаго финансоваго плана. Въ какой мѣрѣ они неотложны, показываетъ то, что ко времени составленія росписи на 1910-ый годъ значительныя суммы оставались еще неизрасходованными изъ ассигнованій 1908-го и 1909-го годовъ. 3) Расходы на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, увеличенные съ 60 мил. (1909 г.) до 65 мил. Почти половина этихъ расходовъ относится къ линіямъ оконченнымъ и сданнымъ въ эксплоатацію (30,6 мил. р.), при чемъ около $^2/_3$ этой половины (20 мил.) испрашивается на укладку вторыхъ путей на сибирской желѣзной дорогѣ. На новыя линіи испрашиваются 33 мил. р., изъ коихъ 23 мил. на Амурскую дорогу. Всѣ эти новыя линіи строятся и на всѣ отпущены были уже до 1910 г. болѣе или менѣе значительныя суммы (на Пермь-Екатеринбургскую—33 мил., на Амурскую — 30 мил.). Если сибирская дорога построена оффиціально не на занятыя деньги, а на суммы, взятыя изъ наличности государственнаго казначейства, то-есть на обыкновенные доходы, то почему же

---

[1]) Hilsenbeck, „Die Deckung der Kosten des Krieges in Südafrika", 1904 г.

надо считать чрезвычайными расходами тѣ суммы, которыя пойдутъ на укладку вторыхъ путей по той же дорогѣ, и почему непремѣнно надо эти расходы покрывать займами, а не обыкновенными доходами? Очевидно—только потому, что обыкновенныхъ ресурсовъ нѣтъ, а вовсе не по какимъ-либо принципіальнымъ соображеніямъ. То же самое относится и къ постройкѣ новыхъ линій, разсроченной на рядъ лѣтъ и попадающей въ бюджеты небольшими частями: 750 тыс. (мостъ черезъ Волгу), 1 мил. (соединительная линія между имперской и финляндской сѣтями), 3 мил. (Пермь-Екатеринбургская), 5 мил. (Тюмень-Омская), 23 мил. (Амурская). 4) На выдачу обществу Восточно-Китайской желѣзной дороги ассигнуется 1,4 мил. р.; въ 1909 г. предполагалось 2,6 мил. р., въ 1908 г. выдано 6 мил. р., въ 1907 г.—5,3 мил. р. Этотъ расходъ пойдетъ, какъ видно изъ смѣты департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, на усиленіе и улучшеніе Восточно-Китайской и Уссурійской дорогъ. Расходы данной категоріи, по смыслу закона 1894 г., должны быть отнесены къ обыкновеннымъ, то-есть прибавлены къ 13 мил., ассигнуемымъ въ 1910 г. на Китайскую дорогу по обыкновенной смѣтѣ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

Въ виду такой характеристики чрезвычайныхъ расходовъ мы можемъ смѣло сказать: 1) не покрываются они обыкновенными доходами только потому, что этихъ доходовъ не хватаетъ, и 2) отдѣленіе чрезвычайнаго бюджета отъ обыкновеннаго у насъ, по существу, не можетъ быть обосновано: оно столь же шатко и нецѣлесообразно, какъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ ему не придаютъ значенія. Постоянное подчеркиваніе „безусловной недопустимости въ нашемъ обыкновенномъ бюджетѣ дефицита“, встрѣчавшееся въ прежнихъ росписяхъ, встрѣчающееся и въ росписи на 1910-ый годъ, лишено, поэтому, серьезнаго смысла. Наше финансовое вѣдомство принимаетъ рядъ мѣръ, чтобы не допустить дефицита по обыкновенному бюджету, не останавливаясь даже предъ исключеніемъ весьма важныхъ расходовъ на культурныя потребности; сквозь пальцы, какъ-то легко оно смотритъ на дефициты по чрезвычайному бюджету, пропуская здѣсь нерѣдко спорные и ненужные расходы. Между тѣмъ, дефицитомъ надо считать недохватку средствъ на покрытіе *всѣхъ* расходовъ, несоотвѣтствіе между доходами и расходами по всему бюджету. При такомъ отношеніи значительно упрощается пониманіе росписи, достигается бóльшая ясность въ изображеніи финансоваго положенія страны и уничтожается почва для всякихъ манипуляцій, скрывающихъ или затушевывающихъ дѣйствительность.

Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣетъ „равновѣсіе между обыкновенными расходами и доходами, твердо сохраняемое въ нашемъ бюджетѣ въ теченіе многихъ лѣтъ“, если рядомъ съ нимъ идутъ по-

стоянные дефициты по чрезвычайному бюджету и по всей росписи, покрываемые займами?!.. И развѣ доставляетъ отраду сообщеніе о томъ, что такое „равновѣсіе“ достигнуто и на 1910-ый годъ, когда извѣстно, что роспись на этотъ годъ сводится съ дефицитомъ въ 84.2 мил. р., которые придется занять, какъ заняли на покрытіе дефицитовъ въ 1909-мъ году 131 мил. р., въ 1908 г. — 188 мил. р., въ 1907 г. — 135 мил. р. и т. д.

То, что въ будущемъ году дефицитъ предполагается въ меньшемъ размѣрѣ, объясняется въ значительной степени сокращеніемъ условныхъ кредитовъ. Законъ 8-го мая 1895-го года разрѣшаетъ включать въ смѣты расходы не освященные еще закономъ, но исключительно на потребности вполнѣ неотложныя, не допускающія ни въ какомъ случаѣ отсрочки до слѣдующаго смѣтнаго періода; притомъ расходы этого рода разрѣшается производить лишь въ томъ случаѣ, если соотвѣтствующій законъ будетъ своевременно утвержденъ. Вѣдомства несомнѣнно злоупотребляли условными кредитами и не соблюдали требованія закона относительно характера условныхъ кредитовъ, назначеніемъ которыхъ была борьба со сверхсмѣтными чрезвычайными расходами. Поэтому число кредитовъ и сумма ихъ достигли очень большихъ размѣровъ. По росписи 1908-го года имѣлось 438 условныхъ кредитовъ, на сумму 98 мил. р.; въ проектѣ росписи на 1909-ый годъ число ихъ увеличилось до 579, на 154 мил. р. Законодательныя учрежденія, какъ сообщаетъ „Записка“, естественно обратили вниманіе на „затруднительность разсмотрѣнія множества срочныхъ и нерѣдко очень сложныхъ проектовъ одновременно съ обсужденіемъ бюджета“, а также и на то, что „многіе условно испрашиваемые кредиты не соотвѣтствуютъ закону 8-го мая 1895 г.“. На 1910-ый годъ число кредитовъ сокращено, поэтому, до 223, на сумму въ 43,6 мил. р.

Хотя это сокращеніе нельзя не привѣтствовать, однако приходится пожалѣть, что дѣло останавливается на полупути, и что условныхъ кредитовъ остается все еще слишкомъ много [1]). Съ другой стороны, съ точки зрѣнія величины дефицита, звучитъ угрозой добавка министра финансовъ, что предполагаются представленія о мѣропріятіяхъ, требующихъ нормальнаго законодательства, что эти мѣропріятія мо-

---

[1]) Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ „подкоммиссіи по разсмотрѣнію законодательнаго предположенія объ измѣненіи правилъ о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи“, которая, въ своемъ докладѣ бюджетной коммиссіи, указываетъ на вредъ условныхъ кредитовъ. „Обиліе этихъ кредитовъ и многочисленность подкрѣпляющихъ ихъ законопроектовъ значительно осложняютъ разсмотрѣніе государственной росписи, а также существенно замедляютъ общую работу законодательныхъ установленій“, свидѣтельствуетъ коммиссія и предлагаетъ пересмотръ закона объ условныхъ кредитахъ.

гутъ быть признаны неотложными, и что расходы по нимъ въ такомъ случаѣ можно будетъ отнести въ 1910 г. на „возможные остатки отъ смѣтныхъ назначеній“.

II.

Впрочемъ, вопросъ объ общемъ дефицитѣ какъ-то мало волнуетъ министра финансовъ, который, повидимому, вполнѣ утѣшенъ избыткомъ по обыкновенному бюджету и, стараясь оправдать этотъ избытокъ, подчеркиваетъ, что онъ полученъ „безъ какого-либо ущерба для потребностей, выдвинутыхъ на первую очередь“.

Въ самомъ дѣлѣ, въ 1910-мъ году предположены прибавки на просвѣщеніе и землеустройство; увеличиваются ассигнованія на обслѣдованіе лѣсовъ, на лѣсоустройство и другія сельско-хозяйственныя потребности; даются суммы на улучшенія почтово-телеграфнаго дѣла; повышены расходы на армію и флотъ и на желѣзнодорожное строительство. Такимъ образомъ, по словамъ министра финансовъ, „наиболѣе жизненныя для настоящаго времени потребности по предположеніямъ правительства должны получить въ 1910 г. необходимое удовлетвореніе“. Хотя „многочисленныя нужды страны ждутъ дальнѣйшаго удовлетворенія“, и „въ числѣ отложенныхъ и сокращенныхъ расходовъ заключается немало такихъ, которые принадлежатъ къ производительнымъ затратамъ на культурныя потребности“, но, къ сожалѣнію, на удовлетвореніе этихъ нуждъ пока нѣтъ средствъ. Задолженность наша достигла почти 9 милліардовъ; платежи по займамъ равняются 407 мил., что составляетъ свыше 23% расходовъ, предположенныхъ на 1910-ый годъ, если не считать расходовъ на казенныя операціи. Военные расходы требуютъ въ 1910-мъ году 561 мил. или свыше 32%. Такимъ образомъ, изъ 1.743 милліоновъ обыкновенныхъ расходовъ (за вычетомъ казенныхъ операцій) почти милліардъ приходится истратить на удовлетвореніе элементарнѣйшихъ нуждъ государства. Къ той же группѣ надо отнести изъ отдѣла чрезвычайныхъ расходовъ 3,8 мил. на кредиты, связанные съ русско-японской войною и ея послѣдствіями, а также расходы на пополненіе запасовъ и матеріальной части, въ размѣрѣ 50 милліоновъ. Средствъ на развитіе производительныхъ и культурныхъ потребностей остается, такимъ образомъ, очень немного, и для сколько-нибудь широкаго ихъ удовлетворенія надо изыскать добавочные доходы.

Обращаясь къ разсмотрѣнію какъ оцѣнки существующаго положенія, такъ и программы будущаго, предлагаемыхъ министромъ финансовъ, мы должны, прежде всего, признать, что въ проектѣ росписи

на 1910-ый годъ повышены, дѣйствительно, нѣкоторыя ассигнованія на культурныя нужды; но согласиться съ тѣмъ, что эти повышенія знаменуютъ собою „необходимое удовлетвореніе наиболѣе жизненныхъ для настоящаго времени потребностей“—никакъ нельзя.

На народное просвѣщеніе прибавлено 13 мил. р. или, если считать соотвѣтствующую добавку по синодской смѣтѣ, 15 мил. р.; на землеустройство дано на 15 мил. р. больше и незначительно увеличены нѣкоторые другіе производительные расходы. Вотъ и все. Конечно, отрадно, что расходы по министерству народнаго просвѣщенія на низшія училища съ 14 мил. (въ 1907 г.) поднимаются до 35 мил. (смѣта на 1910-ый годъ), на среднія—съ 14 до 16 мил. (это уже менѣе отрадно!), на высшія — съ 6,9 до 7,2 мил. (вовсе не отрадно, что эти расходы такъ медленно растутъ; но быть-можетъ отрадно и то, что они не понижаются). Разумѣется, хорошо, что по сравненію съ 1909-мъ годомъ на 7,4 мил. больше пойдетъ на низшія школы; но на среднія прибавляется всего 867 тыс. р., а на высшія добавка равна всего 11 тыс. р., при чемъ кредиты на ученыя учрежденія, общества и предпріятія сокращаются на 29 тыс. р.

По главному управленію землеустройства и земледѣлія растутъ расходы почти исключительно на землеустройство: въ 1907-мъ году на землеустройство и сельскую промышленность истрачено 5,5 мил., въ 1908—10,4, въ 1909—15,7, а на 1910 г. предположено 23,9 мил. По сравненію съ прошлымъ годомъ, прибавлено 8 мил., изъ коихъ 6 мил. приходится на землеустройство: на содержаніе землемѣрныхъ чиновъ, на землеустроительные органы и на денежную помощь населенію, претерпѣвающему землеустройство. О томъ, что есть въ Россіи сельское *хозяйство*, земледѣліе, главное управленіе едва помнитъ, ибо изъ кредита на землеустройство и сельскую промышленность въ 23,9 мил. р., согласно смѣтѣ департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ, на землеустройство падаетъ 20,8 мил. р., а изъ этой суммы на ссуды для улучшенія полеводства ассигнуется всего 2 мил. р., да и то однимъ хуторянамъ [1]). На содержаніе техниковъ по сельско-хозяйственной части въ 1910-мъ году прибавляютъ 290 тыс. р., на опыт-

[1]) Эта сумма вѣроятно выше дѣйствительной. Въ смѣтѣ доходовъ и расходовъ по департаменту земельныхъ имуществъ общій кредитъ на помощь крестьянамъ при землеустройствѣ (§ 6 стр. 1) опредѣленъ въ 6 мил. р. безъ подраздѣленія на части; между тѣмъ разсчетъ объяснительной къ смѣтѣ записки, дробящій эти расходы и дающій возможность выдѣлить кредитъ на улучшеніе полеводства, составленъ на сумму въ 7 мил. р. Послѣ этого разсчета лаконически прибавлено: „однако, по соображеніямъ исключительно бюджетнымъ, означенный кредитъ вносится въ смѣту лишь въ размѣрѣ 6 мил. р.“ (стр. 258). Остается неизвѣстнымъ, за счетъ какой группы расходовъ сдѣлано сокращеніе и въ какой мѣрѣ распространяется оно на расходы по улучшенію полеводства, если вообще распространяется на нихъ.

ныя учрежденія—поля, станціи, лабораторіи и т. д.—317 тыс. р., на общія мѣры поощренія сельскаго хозяйства—605 т. р., на борьбу съ песками — 75 т. р.; на усиленіе меліоративнаго фонда испрашивается къ условному отпуску 500 тыс. р. На переселеніе добавляется въ 1910 г. 2 мил. р. (въ 1907 г. расходы эти составляли 13,4, въ 1910—24,5 мил. р.). Расходы по развитію и поощренію кустарной промышленности увеличиваются на 281 тыс. р. Кредитъ на осушку болотъ, орошеніе и обводненіе земель поднимается на 1 мил.; лѣсоустройство получаетъ почти 400 т. р. добавочныхъ.

Таковы „прогрессивныя" теченія въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ. Мы не будемъ развивать здѣсь аграрную программу; но нельзя же въ самомъ дѣлѣ не указать, что главное управленіе—изъ-за землеустройства, которое къ тому же устраиваетъ едва ли не однихъ хищниковъ да чиновниковъ вѣдомства,—на мѣры къ поднятію техники и культуры сельскаго хозяйства не обращаетъ почти никакого вниманія. Совершенно несомнѣнно, что это пагубное увлеченіе, эта хуторманія, не оставляетъ ни времени, ни денегъ для несравненно болѣе важнаго дѣла улучшенія способовъ обработки земли и веденія сельскаго хозяйства. Развѣ не странно, что въ Россіи, про которую министръ финансовъ говоритъ: „благосостояніе ея, какъ страны по преимуществу земледѣльческой, зиждется, главнымъ образомъ, на культурѣ земли",—что въ этой странѣ мелкаго сельскаго хозяйства и крестьянскихъ промысловъ на сельскохозяйственныя учебныя заведенія тратится всего 2,6 мил. р. въ годъ, на развитіе и поощреніе кустарной промышленности—788 тыс. (тогда какъ на „аренды", т.-е. на даянія чиновнымъ лицамъ, ассигнуется 922 тыс.), на осушку болотъ, орошеніе и обводненіе въ странѣ песковъ, болотъ, овраговъ и оползней—всего 2 мил., на лѣсоустройство и лѣсныя операціи—всего 4,8 мил. Столь малые расходы на важнѣйшія нужды были бы понятны, еслибы сельское хозяйство и мелкіе промыслы находились у насъ на сколько-нибудь высокомъ уровнѣ. Но вѣдь въ плачевномъ положеніи обѣихъ этихъ отраслей никто не сомнѣвается, и всѣ надежды возлагаются именно на оздоровленіе ихъ. Въ объяснительной запискѣ къ смѣтѣ расходовъ отдѣла земельныхъ улучшеній на 1910-ый годъ читаемъ: „состоящая подъ культурой площадь используется у насъ слабо и однообразно, урожайность полевыхъ растеній низка и непостоянна, скотоводство поставлено плохо, а переработка продуктовъ сельскаго хозяйства развита недостаточно... Между тѣмъ повышеніе производительности нашихъ полей является въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣломъ вполнѣ возможнымъ и достижимымъ". Да и самъ министръ финансовъ въ концѣ своей записки къ росписи на 1910 г. правильно говоритъ: „Земля и земледѣльческіе промыслы

остаются, однако, коренными устоями русской народной жизни и первоисточникомъ, на которомъ стоитъ весь хозяйственный бытъ страны. Оздоровленіе этихъ устоевъ, увеличеніе производительной ихъ силы и лучшее приложеніе труда, энергіи и предпріимчивости населенія къ разработкѣ скрытыхъ въ нѣдрахъ земли и водахъ Россіи богатствъ несомнѣнно приведутъ страну вѣрнымъ путемъ къ экономическому ея расцвѣту".

Однако врядъ ли надо доказывать, что оздоровленіе не наступитъ, если леченіе будетъ производиться столь гомеопатическими дозами. Пока солнце, о которомъ мечтаетъ г. Коковцовъ, взойдетъ, роса очи выѣстъ. Населеніе темное, неграмотное, правильнаго сельскаго хозяйства не знающее, техническаго образованія лишенное—можетъ ли стать богатымъ? А если такого чуда ждать нельзя, то, значитъ, надо образованіе развивать несравненно сильнѣе, надо на сельско-хозяйственныя мѣропріятія обращать несравненно большее вниманіе. Говоря финансовымъ языкомъ, надо на эти статьи ассигновывать не 5,6% обыкновеннаго чистаго бюджета (просвѣщеніе, науки и искусства) и не 2,9% (главное управленіе землеустройства и земледѣлія), а куда больше.

Конечно, нельзя забывать, что въ 1907-мъ году ассигновали на просвѣщеніе всего 4,3% (61 мил. р.), а нынѣ предполагается значительно высшая сумма; но и эта сумма въ 97 мил., а со спеціальными средствами въ 120 мил., до ничтожности мала. При населеніи въ 44 мил. Англія тратила въ 1908 г. на образованіе свыше 170 мил. р., не считая расходовъ общинъ, которые достигали въ 1904—1905 гг. для одной Англіи, безъ Шотландіи и Ирландіи, 196 мил. р. Франція въ 1908 г. (при населеніи въ 39 мил.) истратила на просвѣщеніе 271 мил. фр., Германія (63 мил. жит.)—318 мил. мар. Надо ли дѣлать разсчеты на голову населенія? Надо ли напоминать, что въ 1875-мъ году въ Англіи тратили на народное образованіе въ 1½ раза больше, нежели истратятъ въ 1910-мъ году въ Россіи (по разсчету на голову населенія въ Англіи въ 1875 г.—около 90 коп., въ Россіи, въ 1910 г.—около 60 коп.), а теперь затраты Англіи равны почти 4 р. на душу, т.-е. чуть не въ 7 разъ больше русскихъ, не считая даже затратъ общинъ, расходы которыхъ во много разъ превышаютъ соотвѣтствующія издержки русскихъ городовъ и земствъ. Можно, конечно, на эти справки и соображенія дать простую отповѣдь: Англія, Германія и Франція богаты и потому могутъ тратить большія суммы на образованіе, Россія же, къ сожалѣнію, бѣдна, и ей приходится по одежкѣ протягивать ножки. Но именно потому, что страна наша бѣдна и невѣжественна, государство должно тратить большія деньги на подъемъ ея до уровня цивилизованныхъ государствъ. Затяжная хроническая

болѣзнь терзаетъ русскій народъ и противъ нея надо принимать героическія мѣры. Когда хозяйство—имѣніе или фабрика—запущены, постройки ветхи и грозятъ рухнуть, машины и другія орудія устарѣли, износились, а управляющіе и рабочіе вялы, несвѣдущи и неумѣлы—что тогда дѣлать? Развѣ правильно въ такихъ случаяхъ ограничиваться починками, мелкими поправками и улучшеніями? Очевидно—нѣтъ. Надо влить новое вино въ новые мѣха. Надо перестроить домъ, выписать новыя машины, достать хорошаго управляющаго и знающихъ рабочихъ. Такъ и въ современной Россіи: вмѣсто мелкаго осенняго, тоскливо моросящаго дождичка въ сотни тысячъ и единицы милліоновъ рублей, надо оросить богатую почву живительнымъ весеннимъ ливнемъ. Твердой рукой слѣдуетъ взяться за усиленное развитіе въ странѣ сельско-хозяйственныхъ знаній и умѣній, за организацію общедоступнаго мелкаго кредита, за рядъ мѣръ къ распространенію кооперации среди сельскихъ хозяевъ, среди ремесленниковъ и кустарей. Пускай во всѣхъ концахъ Россіи появится сѣть хорошихъ общихъ начальныхъ школъ, а также сельскохозяйственныхъ и ремесленныхъ, техническихъ—высшихъ, среднихъ и низшихъ; пускай всѣ ищущіе доступа къ высшему техническому образованію молодые люди найдутъ передъ собой открытыя двери; пускай по всей Россіи, подъ руководствомъ земствъ, станутъ работать инструкторы по травосѣянію, молочному хозяйству, огородничеству, плодоводству, птицеводству, по кустарнымъ промысламъ, по устройству кооперативныхъ организацій разнаго рода (кредитныхъ, по покупкѣ сырья и машинъ, по сбыту продуктовъ и т. д.); пускай осушаютъ болота и орошаютъ безводныя мѣстности, которыя могутъ дать неисчислимыя богатства (хлопокъ, напр.); пускай наши лѣса узнаютъ, опишутъ, устроятъ и станутъ правильно эксплуатировать; пускай рабочіе будутъ грамотными, сытыми и толковыми людьми, а не „руками". Затративъ большія средства на подъемъ народнаго благосостоянія, государство оздоровитъ корни свои и создастъ прочные устои для процвѣтанія финансовъ. Производительныя затраты—на сельское хозяйство, на народное образованіе, на пути и средства сообщенія—вернутся сторицею; оплодотворенная почва принесетъ богатую жатву. Иного пути для Россіи нѣтъ, если она не осуждена на прозябаніе, на медленное умираніе. Народный организмъ выносливъ, въ немъ много еще живыхъ силъ и крѣпкихъ соковъ—но утомленіе замѣтно, слабость видна всѣмъ, кто не закрываетъ глазъ, кто не оптимистъ по профессіи, по служебному положенію или по слабости воли. Истомленному организму надо придти на помощь, поддержать его силы—и сдѣлать это должно государство.

III.

Намъ скажутъ: все это хорошо на бумагѣ, а гдѣ взять денегъ на эту перестройку, на это обновленіе? Вѣдь и безъ того наши бюджеты регулярно сводятся съ дефицитами! — Если бы мы не боялись удивить парадоксомъ, мы бы сказали: оттого у насъ и дефициты, что мы мало расходуемъ. И въ этомъ странномъ утвержденіи было бы много правды. При большихъ затратахъ на культурныя и производительныя нужды богатѣетъ населеніе, а съ нимъ богатѣетъ и казна, ибо растутъ поступленія и по косвеннымъ, и по прямымъ налогамъ, которые съ богатаго населенія взять несравненно легче и проще, чѣмъ съ бѣднаго.

Само правительство находитъ, что даже расходы на землеустройство — не безвозвратныя затраты. „Было бы ошибкой считать значительныя пожертвованія государства на землеустроительныя надобности безвозвратнымъ расходомъ казны. Расходы эти, конечно, не подлежатъ прямому возмѣщенію населеніемъ, но косвенно результаты землеустроительныхъ работъ несомнѣнно и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ отразятся на болѣе исправномъ поступленіи налоговъ съ сельскаго населенія и на улучшеніи его хозяйственнаго быта“ (стр. 145 смѣты доходовъ и расходовъ по департаменту земельныхъ имуществъ на 1910 г.).

Въ томъ, что землеустройство повыситъ налогоспособность населенія—позволительно сомнѣваться. Но совершенно безспорно, что превращеніе значительнаго количества „неудобныхъ“ земель въ годныя для сельскаго хозяйства обогатитъ народъ и дастъ почву для увеличенія доходовъ казны. Интересныя соображенія объ этихъ неудобныхъ земляхъ и о возможности ихъ использованія при соотвѣтствующихъ улучшеніяхъ, а стало быть затратахъ — находимъ въ смѣтѣ отдѣла земельныхъ улучшеній. Въ Европейской Россіи (не считая Архангельской губерніи) земель нынѣ неудобныхъ, но подходящихъ для превращенія въ годныя, имѣется 31,6 мил. дес., т.-е. площадь „немногимъ менѣе культурной площади Германіи и значительно болѣе всей Италіи“; въ Туркестанѣ — не менѣе 7 мил., въ Закавказьѣ — около 1,3 мил., въ Западной Сибири—около 10 мил. дес. Въ южныхъ частяхъ Туркестана и въ Закавказьѣ много земель, ждущихъ только орошенія, чтобы стать драгоцѣнными: это — земли подходящія для культуры хлопка. Разумѣется, обращеніе хотя бы части этого пространства въ производительную площадь представляетъ задачу огромной государственной важности. Выполненіе этой задачи требуетъ большихъ за-

тратъ, но оно несомнѣнно окупится даже съ узко фискальной, казначейской точки зрѣнія.

Стоитъ еще, въ подтвержденіе доказываемой мысли, остановиться на вопросѣ о лѣсномъ хозяйствѣ. Лѣсной департаментъ, побуждаемый Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ, разработалъ вопросъ объ увеличеніи доходности казенныхъ лѣсовъ. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ въ Пруссіи лѣса даютъ около 20 р. съ десятины, у насъ, считая лишь пригодную для эксплуатаціи лѣсную площадь, средній доходъ съ десятины въ 1907-мъ году составлялъ 37,5 коп., а въ 1910 г. предположенъ въ 43,7 коп. (160 мил. десятинъ и 70 мил. р. дохода). Естественно, конечно, что вѣдомство, „считая съ своей стороны доходъ, получаемый вообще отъ казенныхъ лѣсовъ, недостаточнымъ, признаетъ первѣйшею своею заботою увеличеніе этого дохода“. Поэтому въ смѣтѣ лѣсного департамента на 1910-й годъ, откуда заимствована выше приведенная цитата, мы находимъ указаніе ряда мѣръ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ приведеніе въ извѣстность объекта хозяйства и установленіе плана его, т.-е. изслѣдованіе и устройство лѣсныхъ дачъ, громадная часть коихъ не только не устроена, но и не изслѣдована. На одну эту задачу расходы, распредѣленные на 20 лѣтъ (10 лѣтъ въ Европейской Россіи, 20 лѣтъ въ Азіатской), исчисляются въ 68,8 мил. р. (приложеніе № 24 къ смѣтѣ лѣсного департамента, стр. 178). Но, сверхъ того, нужно улучшить условія эксплуатаціи лѣсовъ путемъ проведенія новыхъ и улучшенія существующихъ путей сообщенія; надо увеличить число лѣсничествъ, которыя теперь необъятны по размѣрамъ, организовать спеціальныя школы, организовать, какъ правильно указано было въ Государственномъ Совѣтѣ, изученіе мѣстныхъ и заграничныхъ рынковъ сбыта, т.-е. коммерческую службу вѣдомства. Въ мѣстностяхъ мало населенныхъ и лишенныхъ хорошихъ путей сообщенія необходимо устроить переработку лѣса въ удобно транспортируемые фабрикаты (напр. выдѣлка целлюлозы). „Для всего этого—вѣрно замѣчаетъ департаментъ — потребуются крупныя единовременныя затраты, которыя могутъ быть возвращены лишь по прошествіи сравнительно долгаго періода“. Составители смѣты проектируютъ, послѣ обслѣдованія громадныхъ лѣсныхъ богатствъ нашихъ отдаленныхъ окраинъ, привлечь къ нимъ значительные частные капиталы, т.-е. думаютъ о сдачѣ эксплуатаціи предпринимателямъ (быть можетъ, даже съ гарантіей правительствомъ дохода?). Между тѣмъ, всего правильнѣе было бы государству затратить самому необходимыя суммы, оставляя дѣло въ своихъ рукахъ. Это было бы сопряжено съ большими расходами, которые, однако, вернулись бы сторицею въ видѣ серьезнаго и прочнаго, хотя и постепеннаго подъема дохода казны отъ лѣсного

хозяйства, единственнаго въ мірѣ по своей величинѣ и своему богатству.

Однако — возразятъ намъ—Улита ѣдетъ... Пока-то населеніе разбогатѣетъ, пока сборы съ него попадутъ въ казну! А вѣдь изъ казны затраты надо произвести немедленно, въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. Совершенно вѣрно. И вотъ планъ, вполнѣ выполнимый и обѣщающій успѣшное осуществленіе великаго дѣла экономическаго и финансоваго подъема Россіи. Дефициты наши—при желаніи, твердомъ и неуклонно рѣшительномъ—уничтожить нетрудно: если по военному и морскому вѣдомствамъ энергично взяться за чистку, то — оставляя даже наше войско въ нынѣшнемъ размѣрѣ и отказавшись лишь отъ мечты создать флотъ хоть сколько-нибудь приближающійся по величинѣ къ англійскому или германскому,—можно сберечь многіе милліоны.

На военное дѣло надо тратить деньги, но на обогащеніе интендантовъ — необязательно. Мундиры и сапоги солдатамъ необходимы, но настоящіе, крѣпкіе—доходы же пріемщиковъ можно и уничтожить. Хлѣбъ и фуражъ, мясо и другіе продукты надо пріобрѣтать, но по настоящей цѣнѣ и настоящаго качества. Строить желѣзныя дороги большею частью (но не всегда) полезно; но пользу должны извлекать причастные къ дѣлу въ мѣру трудовъ и услугъ своихъ, а не въ мѣру широты своего кармана и растяжимости своей совѣсти. Упорядоченіе подрядовъ и поставокъ, безпощадная борьба съ интендантско-путейскими нравами, съ небрежнымъ и хищническимъ хозяйничаньемъ, правильная постановка желѣзнодорожнаго хозяйства — эта политика дастъ весьма значительныя ежегодныя сбереженія, и дефициты исчезнутъ изъ нашихъ бюджетовъ.

Этого, конечно, недостаточно. Гдѣ взять средства на капитальныя затраты, на большіе добавочные расходы, о которыхъ было выше сказано? Здѣсь мы стоимъ на той же почвѣ, какъ и министръ финансовъ въ послѣдней росписи. Надо увеличить налоги, и именно прямые налоги, падающіе на состоятельные классы. Надо ввести прогрессивный подоходный налогъ; надо пересмотрѣть обложеніе наслѣдствъ, нынѣ столь льготное для землевладѣльцевъ и большихъ состояній, въ смыслѣ отмѣны закона 1895 г. и введенія прогрессии въ зависимости отъ размѣра наслѣдства и т. д. Реформы, предположенныя правительствомъ, обѣщаютъ 50—65 мил. р. въ годъ. На 50—65 мил. р. въ годъ многаго не сдѣлаешь, особенно если эти деньги ежегодно во всѣ стороны распредѣлять по малымъ частямъ. А между тѣмъ именно такой планъ и предлагаетъ г. Коковцовъ. Но если поступить иначе, если капитализировать эти доходы, если опредѣлить, что поступленія съ новыхъ и реформированныхъ налоговъ будутъ предназначены на покрытіе процентовъ по займу—около $1^1/_2$ милліарда достать, при та-

кихъ условіяхъ, совсѣмъ не трудно. А на 1½ милліарда можно и всеобщее обученіе ввести, и мелкій кредитъ организовать, и сельское хозяйство поднять, и дорогъ немало устроить, и лѣсное хозяйство сдѣлать значительно болѣе выгоднымъ, и площадь удобныхъ земель значительно расширить.

Конечно, разсчитывать на многіе годы, идти вѣрными шагами по пути, предначертанному на рядъ лѣтъ, могутъ лишь реформаторы съ такимъ широкимъ размахомъ, какъ Пиль или Гладстонъ, которымъ Англія обязана упорядоченіемъ своихъ финансовъ, какъ итальянскіе министры финансовъ новѣйшаго времени. Иного метода держится бюрократія: изъ года въ годъ, отъ случая къ случаю, отъ „дѣла" къ „дѣлу", каждый разъ рѣшеніе въ зависимости отъ вѣяній и настроеній въ высшихъ сферахъ; къ тому же—„наше время не время широкихъ реформъ", и т. д. Философію этого рода усвоилъ себѣ, повидимому, и нынѣшній министръ финансовъ. При обсужденіи росписи на 1909 г. финансовая коммиссія Государственнаго Совѣта, а вслѣдъ за нею и Государственный Совѣтъ, признали, что „проектъ нашего расходнаго бюджета составляется, повидимому, безъ опредѣленной системы", и что желательно было бы выработать планъ хозяйства на извѣстный періодъ времени, съ тѣмъ, чтобы этотъ планъ постепенно осуществлять. Министръ финансовъ находитъ составленіе плана невозможнымъ и безцѣльнымъ. „Правительство—объясняетъ г. Коковцовъ въ запискѣ къ росписи на 1910 г.—вынуждено руководствоваться единственно возможнымъ и выполнимымъ планомъ: входить въ законодательныя учрежденія съ представленіями объ ассигнованіи, въ предѣлахъ имѣющихся средствъ, необходимыхъ суммъ на тѣ потребности, удовлетвореніе которыхъ по всестороннемъ обсужденіи признается имъ въ данное время наиболѣе важнымъ и неотложнымъ". Теперь на очереди народное образованіе и землеустройство. Но „жизнь постоянно выдвигаетъ новыя и новыя задачи, которыхъ нельзя предвидѣть заранѣе, но съ которыми нельзя не считаться, когда онѣ заявятъ о себѣ; мѣняется и относительное значеніе потребностей, и то, что теперь считается малозначительнымъ, черезъ годъ-два можетъ быть выдвинуто жизнью, какъ нужда неотложная".

При такихъ условіяхъ стоитъ ли разрабатывать планъ на сколько-нибудь продолжительное время? Разумѣется, не стоитъ, если нельзя ничего предусмотрѣть, если жизнь государства есть совокупность неожиданностей, непредвидѣнныхъ случайностей, непрестанное коловращеніе судебъ. Казалось бы, не надо вовсе быть пророкомъ, чтобы сказать: еще на много лѣтъ, на десятки лѣтъ главной задачей русскаго государства должна быть забота о народномъ просвѣщеніи, о подъемѣ сельскаго хозяйства и объ улучшеніи участи рабочаго класса

(страхованіе на случай старости, безработицы и такъ далѣе). Землеустройство, конечно, не долговѣчный фаворитъ, но и на него бросать деньги лучше бы по плану, цѣлесообразно, а не зря, не по наитію. Бѣда въ томъ, что увлеченія нашего правительства разнообразны и измѣнчивы: переселеніе то запрещаютъ, то поощряютъ; покупки земель крестьянскимъ банкомъ то развиваютъ, то останавливаютъ; ссуды изъ банка на покупки земель выдаются то преимущественно обществамъ и товариществамъ, то почти исключительно отдѣльнымъ лицамъ; крестьянскую надѣльную землю то насильственно охраняютъ, то столь же старательно пытаются „устроить", т.-е. пустить въ свободное обращеніе; народное просвѣщеніе то преслѣдуютъ, то вдругъ неожиданно и крѣпко возлюбятъ; мелкій кредитъ и коопераціи недавно гнали и не признавали, теперь обѣщаютъ холить и лелѣять; заботу о кредитѣ на нужды земствъ и городовъ министръ финансовъ проявляетъ совершенно внезапно; профессіональные союзы то субсидируютъ (Гапонъ, Зубатовъ, Треповъ), то стираютъ съ лица земли. А усиленное покровительство крупной обрабатывающей промышленности, которое столь поблѣднѣло за послѣдніе годы, тогда какъ раньше считалось мѣрой спасенія Россіи?! При такомъ колебаніи внутренней политики расходы на рядъ лѣтъ распланировать, дѣйствительно, нельзя: только что составишь схему, а мода вдругъ и перемѣнится— придется пожалуй вмѣсто землеустройства заводить хлѣбные банки и создавать штаты новыхъ чиновниковъ по регулированію торговли хлѣбомъ. При отсутствіи руководящей идеи у правительства нельзя, конечно, правильно организовать и финансы. Значитъ, какъ ни горько и какъ ни больно, а видно надо признать, что не во благовременіи теперь финансовая реформа. Сперва нужно оздоровить наше государственное управленіе, и лишь затѣмъ можно будетъ взяться за финансы.

Министръ финансовъ, однако, вовсе не склоненъ къ унынію. Онъ бодро и даже почти вдохновенно привѣтствуетъ будущее, но онъ радъ и настоящему. Причинъ этому оптимизму нѣсколько: во-первыхъ, урожай, который всегда приводитъ русскаго министра въ прекрасное расположеніе духа; во-вторыхъ, значительное поднятіе курса нашихъ бумагъ; въ-третьихъ, „пробудившееся среди сельскаго населенія сознаніе необходимости оставить устарѣлые способы и средства обработки земли и прежнія формы землевладѣнія и перейти къ другимъ, болѣе совершеннымъ, ведущимъ къ увеличенію производительности полевого хозяйства". Къ несчастью, состояніе озимыхъ свидѣтельствуетъ, что на 1910-ый годъ опять обезпеченъ типичнѣйшій недородъ. Что касается государственнаго кредита, то онъ, дѣйствительно, оправился отъ совершенно ненормальнаго положенія. 4% рента въ августѣ

1908 г. стоила 78 р., въ мартѣ 1909 г.—84 р., въ августѣ—88 р.; $4^1/_2$% заемъ 1905 т. въ тѣ же сроки—97,20, 98,80 и 99,60; 5% заемъ 1906 г.—99,15, 100,82 и 102,32; заемъ 1909 г. въ февралѣ котировался по 91,8, а въ августѣ — 97,85. Если сравнивать курсы, относящіеся къ августу 1906 г., съ курсами августа 1909 г., получается разница на 13 — 22 процента (такъ напр., 4% рента поднялась съ 71,15 до 88,4). Въ то же время расцѣнка главнѣйшихъ иностранныхъ фондовъ—все равно, сравнивать ли 1908 и 1909 г., или 1906 г. съ 1909 г.—почти не измѣнилась. И тѣмъ не менѣе особенно гордиться передъ Западомъ состояніемъ нашего кредита не приходится. Западно-европейскій — англійскій, французскій, германскій — кредитъ, не испытавъ столь глубокаго упадка, какъ русскій, естественно устойчивъ и мало подверженъ колебаніямъ. Его курсъ измѣняется въ зависимости отъ настроенія рынка и соотвѣтствуетъ доходности. Но русскій кредитъ былъ въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ, когда въ 1907-мъ году по русскимъ бумагамъ, вслѣдствіе высоты заемнаго процента и низкаго курса, приходилось давать доходность, превышающую даже оплату японскихъ, китайскихъ, турецкихъ и румынскихъ бумагъ. Россія вынуждена была въ 1907 г. платить 5,32% по своимъ займамъ, тогда какъ Англія платила 2,98, Франція—3,18, Германія—до 3,70, Италія—3,70, Австрія—до 4,29, Испанія—4,32, Турція—4,29, Румынія—4,49, Китай—4,97, Японія—5,02. Если расцѣнить бумаги разныхъ государствъ на 3% ренту, то стоимость англійскихъ консолей въ названномъ году опредѣлится въ 100,60, французской ренты въ 94,47, германскихъ бумагъ въ 84,15—81,14, итальянской ренты въ 81,19, австрійскихъ въ 69,88—73,23, испанскаго займа въ 69,46, турецкаго въ 70, румынскаго въ 66,81, китайскаго въ 60,38, японскаго въ 59,72, а русскаго золотого займа — въ 56,44. Къ 1908-му году положеніе дѣлъ нѣсколько улучшилось: реальная оплата русскаго золотого займа упала до 4,72% и была уже ниже платежей по китайскому и японскому займамъ (4,96 и 4,98), хотя выше оплаты австрійскаго, испанскаго, турецкаго и румынскаго займовъ, не говоря уже объ Англіи (2,99%), Франціи (3,11%), Германіи (3,52—3,91%), Италіи (3,66%) и другихъ странахъ (данныя за 11 мѣсяцевъ 1908-го года). Такое глубокое паденіе русскаго кредита вызвано было внушавшими тревогу событіями: неудачной войной и внутренней смутой. Нисколько неудивительно, что русскій кредитъ, по миновaніи остраго кризиса, нѣсколько оправился. Но ему еще очень далеко до былой высоты, и онъ еще обидно низокъ по сравненію съ Западомъ. Очевидно, еще значительная доля недовѣрія къ нашимъ бумагамъ сохранилась; очевидно, при ихъ расцѣнкѣ на биржѣ руко-

водятся не одной доходностью—иначе не было бы такой колоссальной разницы въ расцѣнкѣ бумагъ, западно-европейскихъ и нашихъ.

Очень ли отрадный фактъ землеустройство—это вопросъ, о которомъ пока спорятъ; но, вѣроятно, онъ ясенъ для всѣхъ, кто знаетъ деревню и кто освѣдомляется о томъ, что̀ въ ней дѣлается, не отъ самихъ землеустроителей или, во всякомъ случаѣ, не изъ ихъ оффиціальныхъ отчетовъ. Что̀ дѣйствительно весьма важно и весьма цѣнно—это несомнѣнное улучшеніе сельско-хозяйственной техники. Если въ 1904—8 годахъ средній привозъ сельско-хозяйственныхъ машинъ оцѣнивался въ 13,7 мил. р. (2,7 мил. п.), то въ 1909 г. онъ уже достигалъ цѣнности въ 29,5 мил. р. (4,3 мил. п.). Общее потребленіе машинъ и орудій въ 1903 г. оцѣнивалось суммою до 48 мил. р., а въ 1908 г. поднялось до 56 мил. р. Растутъ, стало-быть, и отечественное машиностроеніе, и привозъ орудій изъ-за границы, не смотря на пошлину. Въ 1908-мъ году очень увеличился привозъ плуговъ, сноповязалокъ и сѣнокосилокъ (на 100% сравнительно съ 1906 г.). Операціи земскихъ складовъ и переселенческихъ сельско-хозяйственныхъ значительно выросли: первые отпустили въ 1904 г. не болѣе чѣмъ на 7½ мил. р., въ 1907 г.—приблизительно на 13 мил. р.; переселенческіе склады въ 1904 г. продали на 1,2 мил. р., въ 1908 г.—на 5,2 мил. р. Вотъ эти факты подтверждаются съ разныхъ сторонъ. „Мы переживаемъ — пишетъ, напр., проф. Н. А. Каблуковъ — періодъ, когда въ населеніи созрѣла живая потребность въ улучшеніи сельскаго хозяйства. Въ такіе періоды происходитъ обыкновенно коренное преобразованіе сельскаго хозяйства: мѣняются системы земледѣлія, вводятся новые сѣвообороты, измѣняются орудія производства, способы обработки земли и т. д.“ („Русскія Вѣдомости“, 1909, № 247).

Казалось бы, именно теперь и самая пора для широкаго содѣйствія со стороны правительства назрѣвшей нуждѣ, важнѣйшему прогрессивному явленію; но оно увлечено землеустройствомъ и лишь гомеопатическими дозами помогаетъ обновленію сельскаго хозяйства. Слѣдовало бы широко и быстро развернуть сѣть складовъ и инструкторовъ, организовать кредитъ, отмѣнить ввозныя пошлины на сельскохозяйственныя орудія и машины (тѣмъ болѣе, что самъ министръ превозноситъ качества нашего внутренняго машиностроенія и жалѣетъ лишь, что оно дорого), и для удешевленія сырья, нужнаго для заводовъ, либо пропускать безпошлинно сырье для машинъ, либо организовать возвратъ пошлинъ. При такихъ условіяхъ русское машиностроеніе будетъ въ силахъ конкурировать съ иностраннымъ, да и машины станутъ гораздо дешевле [1]). Организація хлѣбной торговли также требуетъ большихъ средствъ и столь же нужна крестьянамъ.

[1]) Съ 1-го января 1911-го года нынѣ дѣйствующій законъ о ввозѣ машинъ те-

Но мы видимъ всюду лишь полумѣры да совѣщанія, лишь разговоры да доклады. И вотъ, приходится читать, какъ министръ финансовъ серьезно доказываетъ, что Россія не совсѣмъ погибла, что есть еще у насъ кое-что отрадное. Затруднительность финансоваго положенія и тяжелое состояніе народнаго хозяйства видитъ и министръ финансовъ. Но онъ утѣшается „отрадными явленіями". И хочется спросить: да развѣ Россія навсегда обречена на прозябанье, на жалкое существованіе, на заботу только о томъ, чтобы какъ-нибудь не сгинуть?! Развѣ истинный патріотизмъ не требуетъ иного отношенія къ силамъ и богатствамъ родины, развѣ онъ не обязываетъ примѣнить радикальные методы оздоровленія страны, впавшей въ глубокое разстройство?! На пожаръ носить воду рѣшетомъ смѣшно и нелѣпо, ковшомъ—безцѣльно. Нужны планомѣрныя дѣйствія, настоятельны широкія реформы.

При господствующей у насъ системѣ управленія всуе составлять проекты сколько-нибудь крупныхъ реформъ. И предложенныя нами мѣры — сами по себѣ простыя, вполнѣ осуществимыя и благодѣтельныя—конечно вовсе не ко двору. Вѣдь рѣчь идетъ о выработкѣ плана, разсчитаннаго на рядъ лѣтъ, на неуклонное и послѣдовательное его выполненіе. Къ тому же, основными пунктами намѣченной программы являются съ одной стороны—рѣшительная и твердая борьба съ наслѣдіемъ стараго режима, съ интендантскими и путейскими нравами, съ излишними и нецѣлесообразными расходами; съ другой стороны—энергичная экономическая политика, направленная къ поднятію слабыхъ группъ населенія: крестьянъ, рабочихъ, ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ. Не правда ли, это самая подходящая задача для нынѣшняго правительства, обладающаго столь несомнѣнной полнотой власти, такимъ единствомъ политическихъ взглядовъ, такой независимостью отъ постороннихъ вліяній и такой неуклонной послѣдовательностью избраннаго курса,—для правительства, которое сдѣлало „ставку на сильныхъ"?

М. Фридманъ.

ряетъ силу. Министерство торговли и промышленности обратилось уже въ совѣтъ съѣздовъ, который и представилъ соотвѣтствующій докладъ третьему очередному съѣзду русскихъ фабрикантовъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Названныя организаціи пришли къ заключенію, что безпошлинный привозъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и по европейской границѣ, и съ востока для Сибири надо прекратить, ввести пошлину въ размѣрѣ 1 р. 50 к. съ пуда, такъ чтобы уравновѣсить разницу въ стоимости производства машинъ въ Россіи и за границей, и дать нѣкоторое преимущество русскому фабриканту. Что возьметъ верхъ въ правительственныхъ сферахъ: стремленіе поддержать отечественное машиностроеніе или желаніе посодѣйствовать прогрессивнымъ теченіямъ въ сельскомъ хозяйствѣ—предугадать не рѣшаемся.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1909 г.

Существенный недостатокъ законопроекта о мѣстномъ судѣ. — Необходимость близости суда къ населенію.—Предложеніе барона Мейендорфа.—Вопросъ о предѣлахъ и формахъ законодательства, общаго для имперіи и для великаго княжества финляндскаго.—„Предположенія" русскихъ и финляндскихъ членовъ смѣшанной коммиссіи.—Критическій моментъ, переживаемый Финляндіей.

Въ Государственной Думѣ окончены общія пренія о мѣстномъ судѣ. Предложеніе возвратить законопроектъ въ коммиссію, для радикальнаго пересмотра, отклонено. Этимъ не исключена, однако, возможность существенныхъ поправокъ къ отдѣльнымъ постановленіямъ проекта. Еще не поздно, слѣдовательно, остановиться на вопросѣ, отъ разрѣшенія котораго въ ту или другую сторону зависитъ, по нашему убѣжденію, судьба реформы.

Въ рукахъ мирового судьи, дѣйствующаго единолично, предполагается соединить не только дѣла, входившія въ кругъ вѣдѣнія мировой юстиціи до учрежденія земскихъ начальниковъ, но и всѣ дѣла, разрѣшаемыя въ настоящее время волостнымъ судомъ, и, сверхъ того, часть дѣлъ, подсудныхъ окружному суду или уѣздному его члену. Сколько бы ни было въ каждомъ уѣздѣ мировыхъ судей, отправленіе правосудія, даже по самымъ незначительнымъ дѣламъ, отдаляется отъ массы населенія. Неизбѣженъ ли такой результатъ преобразованія, несомнѣнно необходимаго и неотложнаго? На этотъ вопросъ мы по прежнему отвѣчаемъ: нѣтъ [1]).

Въ чемъ заключаются всѣми—за исключеніемъ немногихъ своекорыстныхъ или наивныхъ защитниковъ старины — признанные недостатки волостного суда? Въ его сословномъ характерѣ, поддерживающемъ изолированность и замкнутость крестьянства и уменьшающемъ авторитетъ судебныхъ рѣшеній; въ зависимости его отъ по-

---

[1]) Нашъ взглядъ на организацію мѣстнаго суда изложенъ нами (въ октябрьскомъ внутреннемъ обозрѣніи 1904-го года) еще въ то время, когда этотъ вопросъ обсуждался въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте и въ губернскихъ комитетахъ, созванныхъ при В. К. Плеве—и развитъ еще разъ въ особыхъ статьяхъ („Вѣстн. Европы" 1908 г., №№ 4 и 6), когда законопроектъ о мѣстномъ судѣ разсматривался въ судебной коммиссіи третьей Государственной Думы.

ставленной надъ нимъ власти (мирового посредника, непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія, земскаго начальника)—зависимости не только юридической, но и фактической и потому ничѣмъ, въ сущности, не ограниченной; въ безграмотности или малограмотности волостныхъ судей, открывающей широкій просторъ вліянію волостного писаря; въ отдаленности апелляціонной инстанціи (уѣзднаго съѣзда), заваленной дѣлами, нелегко доступной для тяжущихся и подсудимыхъ и лишенной, по своему составу, всякаго общенія, всякой внутренней связи съ народной массой; въ чрезмѣрно обширномъ, особенно со времени изданія положенія о земскихъ начальникахъ, кругѣ дѣйствій, въ сферѣ какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго процесса. Надъ волостнымъ судомъ тяготѣетъ, притомъ, воспоминаніе объ отвратительной тѣлесной расправѣ, еще недавно составлявшей аттрибутъ его власти и примѣнявшейся имъ не только по собственному усмотрѣнію, но и по внушенію или приказанію начальства. Все это вмѣстѣ взятое заслоняло и заслоняетъ собою положительныя стороны волостного суда: его близость къ населенію, его сравнительную доступность, его свободу отъ формализма, его знакомство съ народнымъ бытомъ и народными воззрѣніями въ области права. И дѣйствительно, достоинства волостного суда были парализованы, обращены въ ничто. Что пользы въ близости суда, если въ его рѣшеніяхъ сплошь и рядомъ отсутствуетъ самая элементарная правда, если подъ видомъ обычая господствуетъ произволъ, если, въ той или другой формѣ, процвѣтаетъ подкупъ, если ничѣмъ не сдерживаются и не уравновѣшиваются вліянія извнѣ, если совершенно ничтожны шансы исправленія погрѣшностей, намѣренно или ненамѣренно допущенныхъ судомъ? И сколько бы частичныхъ улучшеній ни было введено въ устройство и функціонированіе крестьянскаго волостного суда, его преданія, его привычки, его положеніе въ ряду другихъ учрежденій—все тянуло бы его внизъ и дѣлало бы его неспособнымъ къ исполненію его призванія.

А между тѣмъ потребность въ судѣ, поставленномъ, если можно такъ выразиться, рядомъ съ населеніемъ, безспорно существуетъ. Дѣла, возникающія въ сельскомъ быту, очень часто такъ малоцѣнны, что ѣхать или идти изъ-за нихъ за нѣсколько десятковъ верстъ и терять день или два рабочаго времени—рѣшительно не стоитъ. Многія изъ нихъ, однако, затрогиваютъ за живое если не матеріальные интересы, то самолюбіе прикосновенныхъ къ нимъ лицъ. Представимъ себѣ, напримѣръ, рабочаго, которому не доплачено 15—20 копѣекъ, крестьянина, у котораго сосѣдомъ поврежденъ заборъ или запахано нѣсколько квадратныхъ саженъ земли, сонаслѣдниковъ, между которыми идетъ споръ о полушубкѣ или объ овцѣ: легко ли имъ будетъ отказаться отъ притязаній, въ правильность которыхъ они глубоко вѣ-

рятъ—или отправляться для ихъ поддержки къ мировому судьѣ, рискуя не застать его дома или выслушать постановленіе объ отсрочкѣ разбирательства, впредь до полученія отъ отвѣтчика обратной повѣстки или до явки свидѣтелей? Легко ли будетъ, съ другой стороны, мировому судьѣ найти досугъ для ознакомленія во всѣхъ деталяхъ съ безконечнымъ рядомъ мелкихъ, сѣрыхъ, однообразныхъ дѣлъ, съ его точки зрѣнія, можетъ быть, не заслуживающихъ никакого вниманія? Съ перваго же раза можетъ обнаружиться коренное недоразумѣніе между судьей и массой населенія: первый будетъ удивляться, зачѣмъ идутъ къ нему съ пустяками, съ грошовыми разсчетами — послѣднее будетъ обвинять судью въ недостаткѣ терпѣнія и спокойствія, въ нежеланіи вникнуть въ законныя требованія и оказать имъ законную защиту. Немного поможетъ, съ этой точки зрѣнія, и обязательность періодическихъ выѣздовъ мирового судьи въ другія волости. Если такіе выѣзды и будутъ совершаться довольно часто и вполнѣ аккуратно—въ пользу чего не говоритъ практика прежнихъ мировыхъ судей и нынѣшнихъ земскихъ начальниковъ,—то они все-таки не устранятъ указанныхъ нами неудобствъ: съ предъявленіемъ самаго ничтожнаго иска все-таки придется ждать два-три мѣсяца, безъ всякой увѣренности въ томъ, что вслѣдъ за окончаніемъ этого срока онъ получитъ окончательное разрѣшеніе. Чѣмъ затруднительнѣе обращеніе къ судебной защитѣ, чѣмъ медленнѣе ея осуществленіе, тѣмъ больше растетъ опасность самосуда и самоуправства—или, въ лучшемъ случаѣ, опасность утраты вѣры въ правосудіе. Эта вѣра, послѣ всѣхъ экспериментовъ послѣдняго времени, и безъ того уже стоитъ весьма низко. Къ поднятію ея направлена реформа мѣстнаго суда — но эта цѣль достигнута не будетъ, если передъ мировыми судьями сразу станетъ непосильная, неисполнимая задача.

Въ тѣхъ малоцѣнныхъ, но далеко не всегда маловажныхъ дѣлахъ, о которыхъ мы только что говорили, особенно необходимо близкое знаніе данной мѣстности и людей, ее населяющихъ, знаніе ея говора и свойственныхъ ей оборотовъ рѣчи, знаніе наиболѣе распространенныхъ въ ней промысловъ, способовъ обработки земли и веденія хозяйства. Мировой судья не всегда обладаетъ такимъ знаніемъ и, тѣмъ болѣе, умѣньемъ примѣнять его, дѣлать изъ него правильные выводы. Какъ бы категорически законъ ни требовалъ избранія мирового судьи изъ среды мѣстныхъ жителей, на практикѣ часто придется отступать отъ этого требованія, за недостаткомъ подходящихъ кандидатовъ; да и мѣстнымъ уроженцамъ, жившимъ вдали отъ деревни или чуждымъ ей по роду занятій, по направленію мысли, по всему умственному складу, можетъ быть мало извѣстенъ внутренній обиходъ крестьянской жизни. Пониманіе его необходимо, прежде всего, для установле-

нія и вѣрнаго освѣщенія фактической стороны дѣла. Еще важнѣе оно для юридической оцѣнки требованій и возраженій. Наши гражданскіе законы такъ несовершенны сами по себѣ и такъ далеки отъ сельскаго, крестьянскаго быта, что примѣненіе ихъ къ спорамъ, возникающимъ на этой почвѣ, было бы во многихъ случаяхъ прямо несовмѣстно съ справедливостью. Пока не сгладились различія между деревней и городомъ, между земледѣльцами и другими общественными классами, до тѣхъ поръ примѣненіемъ въ мѣстномъ судѣ исключительно общихъ гражданскихъ законовъ оправдывалась бы формула: summum jus — summa injuria. А къ такой исключительности несомнѣнно будутъ склонны мировые судьи: получившіе юридическое образованіе — въ силу пріобрѣтеннаго навыка, не получившіе его — изъ опасенія въ чемъ-либо нарушить законъ и оказаться, такимъ образомъ, не на высотѣ положенія. Если у тѣхъ или другихъ и явится желаніе руководствоваться обычаемъ, когда законъ очевидно неясенъ или трудно примѣнимъ къ обстоятельствамъ дѣла, то нелегко имъ будетъ добыть опредѣленныя и сколько-нибудь достовѣрныя данныя по заинтересовавшему ихъ вопросу. Найти дѣйствительно свѣдущихъ людей, получить отъ нихъ точные и правдивые отвѣты, охранивъ, при этомъ, интересы обѣихъ спорящихъ сторонъ и устранивъ всякое подозрѣніе въ пристрастіи къ одной изъ нихъ — задача крайне сложная, иногда неразрѣшимая. Другое дѣло, если къ участію въ раскрытіи и примѣненіи обычая будутъ призваны судьи, принадлежащіе или близкіе къ средѣ, выработавшей обычай—судьи, сознающіе свою отвѣтственность и дѣйствующіе подъ постояннымъ наблюденіемъ и контролемъ своихъ избирателей.

Все сказанное выше приводитъ насъ къ слѣдующей схемѣ мѣстнаго суда. Съ наибольшими затрудненіями и неудобствами сопряжено разбирательство у мирового судьи малоцѣнныхъ гражданскихъ дѣлъ, для которыхъ слѣдовательно, должна быть создана инстанція возможно болѣе, во всѣхъ отношеніяхъ, близкая къ населенію. Такой инстанціей могъ бы служить единоличный волостной судья, избранный всѣми мѣстными жителями, изъ ихъ среды, независимо отъ сословія и состоянія, при единственномъ условіи—образовательнаго ценза не ниже двухкласснаго сельскаго училища. *Единоличность суда* представляетъ много преимуществъ: легче сдѣлать удачный выборъ, дешевле стоитъ содержаніе суда, сильнѣе развивается чувство отвѣтственности въ судьѣ. Коллегіальность, при небольшомъ числѣ подходящихъ кандидатовъ, слишкомъ легко обращается въ ширму, за которой, въ случаѣ надобности, можетъ скрыться дѣйствительный вдохновитель судебныхъ рѣшеній. Въ выборѣ судьи *всѣми сословіями изъ среды всѣхъ сословій* мы видимъ единственный способъ покончить съ традиціей стараго, спе-

ціально крестьянскаго волостного суда, уравнять сельскихъ обывателей съ другими общественными классами, расширить кругъ избирателей и избираемыхъ, увеличить связь населенія съ судомъ, сдѣлать судъ предметомъ общей заботы, общаго интереса. *Невысокій образовательный цензъ*—единственный способъ открыть доступъ въ волостные судьи для крестьянъ, т.-е. именно для тѣхъ, кто съ наибольшимъ успѣхомъ и съ наибольшей пользой для дѣла можетъ занимать эту должность. Дальше понижать образовательный цензъ было бы неосторожно: волостной судья долженъ быть настолько грамотенъ, чтобы не затрудняться составленіемъ протоколовъ и рѣшеній и, слѣдовательно, не нуждаться въ помощи писаря—этой язвы нынѣшняго волостного суда. Ему *не должны быть подсудны уголовныя дѣла*: ихъ сравнительно мало, и рѣшеніе ихъ должно быть основано исключительно на законѣ, толкуемомъ по возможности однообразно. Для единоличнаго судьи было бы, притомъ, тяжело и даже не безопасно привлекать къ уголовной отвѣтственности людей живущихъ рядомъ съ нимъ и имѣющихъ съ нимъ, быть можетъ, чуть не ежедневныя сношенія. Наконецъ, подсудность волостного судьи должна быть ограничена *малоцѣнными гражданскими дѣлами*, съ одной стороны потому, что именно они всего настоятельнѣе требуютъ рѣшенія на мѣстѣ, по возможности быстраго и соотвѣтствующаго требованіямъ жизни, съ другой стороны—потому, что въ этой области рѣже возникаютъ сложные юридическіе вопросы.

Учрежденіемъ, на указанныхъ нами основаніяхъ, единоличныхъ волостныхъ судей достигалось бы не только приближеніе суда къ населенію, не только освобожденіе мирового суда отъ массы мелкихъ дѣлъ и, слѣдовательно, уменьшеніе числа мировыхъ судей, что, въ свою очередь значительно облегчило бы ихъ выборъ и понизило бы общій расходъ на ихъ содержаніе [1]). Оно могло бы дать и другіе, не менѣе важные результаты. На волостныхъ судей могло бы быть возлагаемо мировыми судьями и съѣздами производство мѣстныхъ осмотровъ, дорого стоющихъ и отнимающихъ много времени, разъ что для нихъ приходится пріѣзжать изъ центра мирового участка или, тѣмъ болѣе, изъ уѣзднаго города. Волостные судьи могли бы быть привлекаемы по очереди въ составъ апелляціонной инстанціи по малоцѣннымъ гражданскимъ дѣламъ, во главѣ которой стоялъ бы, конечно, мировой судья. Это было бы отличной школой какъ для волостныхъ судей, которымъ мировой судья могъ бы разъяснять

---

[1]) Волостной судья могъ бы не прерывать своей обычной профессіональной дѣятельности и потому довольствоваться небольшимъ содержаніемъ (напр. отъ 15-ти до 20-ти рублей въ мѣсяцъ).

многое непонятное для нихъ въ области права и процесса, такъ и для самого мирового судьи, котораго волостные судьи могли бы ввести въ мало знакомую ему сферу крестьянскаго быта и мѣстныхъ обычаевъ. Весьма можетъ быть, что практика доказала бы возможность пойти еще дальше и призвать волостныхъ судей къ участію въ другихъ дѣлахъ, гражданскихъ и уголовныхъ, подвѣдомственныхъ мировому судьѣ, и даже въ засѣданіяхъ мирового съѣзда. Это потребовало бы, конечно, увеличенія числа волостныхъ судей; но еслибы волости, по крайней мѣрѣ болѣе многолюдныя, были раздѣлены на болѣе мелкія части, изъ которыхъ каждая имѣла бы своего судью, то это еще болѣе приблизило бы волостныхъ судей къ населенію и, уменьшая число дѣлъ у каждаго изъ нихъ, позволило бы имъ относиться къ своимъ обязанностямъ съ еще бо̀льшимъ вниманіемъ и дѣйствовать съ еще бо̀льшею быстротою.

Намъ могутъ возразить, что учрежденіе волостныхъ судей, какъ мы его понимаемъ, предполагаетъ предварительное устройство всесословной волости. Конечно, такая послѣдовательность реформъ была бы совершенно нормальна, какъ нормально было бы обновленіе земства—прежде возстановленія избираемыхъ земскими собраніями мировыхъ судей; но если преобразованіе начать не съ того конца, то этимъ не оправдываются дальнѣйшія ошибки въ его осуществленіи. Въ одной изъ нашихъ прежнихъ статей [1]) мы старались показать, что избраніе мировыхъ судей должно быть предоставлено не земству, въ настоящемъ его видѣ, а особымъ коллегіямъ, хотя бы въ родѣ окружныхъ избирательныхъ собраній, существующихъ въ области войска донского именно для выбора мировыхъ судей. Мы настаивали на этомъ въ особенности потому, что введеніе аналогичнаго порядка сдѣлало бы возможнымъ немедленное распространеніе выборнаго мирового института на не-земскія губерніи. То же самое можно сказать и объ избраніи волостныхъ судей: пока нѣтъ правильно организованной всесословной волости, оно могло бы быть предоставлено созываемымъ ad hoc волостнымъ собраніямъ, обнимающимъ собою все мѣстное населеніе.

Въ Государственной Думѣ значительная часть крестьянъ возставала противъ законопроекта, устраняющаго народную массу—если не de jure, то de facto—отъ всякаго активнаго участія въ мѣстномъ судѣ. Подъ вліяніемъ правыхъ, еще не всѣми оцѣненныхъ по достоинству, крестьянскій протестъ принялъ характеръ защиты, въ принципѣ, сословнаго волостного суда. Привлеченіе широкихъ слоевъ населенія къ участію въ отправленіи правосудія признаетъ необходимымъ резолюція

---

[1]) См. въ № 4 „Вѣстника Европы“ за 1908-ой годъ: „Возвращеніе къ выборному мировому суду“ (стр. 764).

трудовой группы, не опредѣляющая, однако, форму этого участія. Поправку, нѣсколько приближающуюся къ защищаемой нами системѣ, обѣщаетъ внести, при постатейномъ обсужденіи проекта, баронъ Мейендорфъ (лѣвый октябристъ). Онъ считаетъ нужнымъ предоставить волостнымъ старшинамъ или, въ замѣнъ ихъ, особо избраннымъ лицамъ право предварительнаго разбора малоцѣнныхъ исковъ, подъ условіемъ добровольнаго на то согласія тяжущихся и личной ихъ явки, съ тѣмъ, что если послѣ такого разбора въ теченіе четырехъ недѣль ни одна изъ сторонъ не обратится въ мировой судъ, то состоявшееся постановленіе получаетъ силу судебнаго рѣшенія. Мы не знаемъ, распространяется ли предложеніе барона Мейендорфа на всѣ малоцѣнные иски, кѣмъ бы и къ кому бы они ни были предъявлены, или только на тѣ, которые теперь подсудны волостному суду; болѣе вѣроятно послѣднее, такъ какъ въ противномъ случаѣ едва ли могла бы идти рѣчь о волостныхъ старшинахъ, служащихъ представителями одного только крестьянскаго населенія. Неприкосновенной, слѣдовательно, баронъ Мейендорфъ оставляетъ сословность низшей судебной — или quasi-судебной — инстанціи. Для насъ этого было бы достаточно, чтобы высказаться противъ предложенія уважаемаго нами депутата; но и въ другихъ отношеніяхъ оно должно быть признано совершенно неудовлетворительнымъ. Вполнѣ излишнимъ усложненіемъ гражданскаго процесса кажется намъ предварительное разбирательство, обставленное трудно исполнимыми условіями и ни для кого не обязательное. Къ нему едва ли относились бы серьезно какъ стороны, такъ и самъ судья: въ большинствѣ случаевъ это было бы только формальностью, замедляющею ходъ дѣла. Вѣдь если обѣ стороны согласны испробовать, прежде обращенія къ суду, нѣчто въ родѣ третейскаго разбирательства, то что же мѣшаетъ имъ поручить его любому сосѣду, пользующемуся ихъ довѣріемъ? Нѣтъ никакой надобности возлагать примирительныя функціи на должностное лицо, являющееся чѣмъ-то среднимъ между совѣтчикомъ и судьею и не несущее ни нравственной отвѣтственности, упадающей на свободно избраннаго посредника, ни юридической отвѣтственности, соединенной съ постановленіемъ рѣшенія. Еслибы законопроектъ о мировомъ судѣ былъ дополненъ согласно мнѣнію барона Мейендорфа, это не установило бы внутренней связи между мировымъ судомъ и массою населенія, не помогло бы судьямъ оріентироваться въ бытовыхъ вопросахъ, не открыло бы для нихъ наиболѣе удобный и простой путь къ ознакомленію съ мѣстными обычаями. Защищаемая нами система обезпечиваетъ разборъ каждаго дѣла, если этого пожелаетъ одна изъ сторонъ, въ двухъ инстанціяхъ, и притомъ разборъ по существу, а не въ кассаціонномъ порядкѣ, мало понятномъ для народа; предложеніе барона Мейендорфа ничего

подобнаго не установляетъ. Въ дѣлѣ, затрогивающемъ существеннѣйшіе интересы народной массы, не должно быть мѣста для полумѣръ и для палліативовъ.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, къ несчастію, что думское большинство не пойдетъ даже на полумѣры и приметъ законопроектъ о мѣстномъ судѣ, не устранивъ и не смягчивъ ни разобранный нами его недостатокъ, ни другіе, не менѣе важные его дефекты. На это указываетъ участь формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, внесенной членомъ Государственной Думы Ефремовымъ отъ имени прогрессивной партіи. Направленная противъ имущественнаго ценза и противъ всего ограничивающаго самостоятельность мѣстнаго суда (т.-е., главнымъ образомъ, противъ *назначенія* предсѣдателя мирового съѣзда), она была отклонена большинствомъ 172 голосовъ противъ 138, и въ рядахъ большинства оказалась значительная часть октябристовъ, съ А. И. Гучковымъ во главѣ. Ничего хорошаго это голосованіе не предвѣщаетъ. Имущественный цензъ до крайности съузитъ кругъ кандидатовъ въ мировые судьи и, вмѣстѣ съ составомъ земскихъ собраній—не только нынѣшнихъ, но и преобразованныхъ въ духѣ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства,—отдастъ мировой институтъ въ руки небольшой группы, неспособной поднять его на высоту современныхъ требованій и ожиданій. Предсѣдательство назначеннаго судьи внесетъ въ дѣятельность мѣстнаго суда чуждое ему и именно потому разлагающее начало, идущее въ разрѣзъ съ традиціями судебныхъ уставовъ. Конечно, и въ такомъ видѣ мировой судъ будетъ имѣть немалое преимущество передъ судебно-административными учрежденіями, созданными въ 1889-мъ году; но теперь, въ виду пробудившагося народнаго сознанія, въ виду замѣтно усилившейся классовой и сословной розни, этого слишкомъ мало.—Характерна, во всякомъ случаѣ, судьба института земскихъ начальниковъ. Давно ли въ немъ видѣли послѣднее слово государственной мудрости, давно ли онъ считался—говоря словами Руэра о мексиканской экспедиціи—la grande pensée du règne? Давно ли критическое отношеніе къ нему, какъ бы оно ни было сдержанно въ силу цензурныхъ условій, разсматривалось чуть не какъ признакъ политической неблагонадежности? А теперь—кто только не наноситъ ему безпощадные удары? Въ одной изъ нашихъ недавнихъ статей мы назвали *отходною* ту характеристику, которая дана земскимъ начальникамъ въ объяснительной запискѣ министра юстиціи о мѣстномъ судѣ. Теперь такую же отходную прочиталъ имъ докладчикъ думской судебной коммиссіи, депутатъ Шубинскій. И, въ довершеніе бѣды, ихъ назвалъ превосходнымъ учрежденіемъ... депутатъ Пуришкевичъ!

Однимъ изъ самыхъ печальныхъ эпизодовъ въ преніяхъ о мѣст-

номъ судѣ было предложеніе депутата Гримма, направленное къ закрытію для евреевъ доступа въ мировые судьи. Ему превосходно отвѣчалъ деп. Карауловъ. Посмотримъ, какъ отнесется къ этому вопросу думскій центръ: это будетъ, нѣкоторымъ образомъ, испытаніемъ искренности его либерализма.

Финляндскій вопросъ усложняется все больше и больше. Какъ ни важенъ фактъ роспуска сейма, въ связи съ предшествовавшими ему обстоятельствами, еще важнѣе разногласіе между русскими и финляндскими членами коммиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера—разногласіе, предвѣщающее рѣшительный поворотъ къ худшему въ судьбѣ Финляндіи.

Задача русско-финляндской коммиссіи была двоякая: установить, съ одной стороны, предѣлы общегосударственнаго законодательства, одинаково касающагося имперіи и великаго княжества, съ другой — способъ изданія законовъ, входящихъ въ эти предѣлы. И тамъ, и тутъ взгляды русскихъ и финляндскихъ членовъ коммиссіи во многомъ, и весьма существенномъ, радикально противоположны. Въ предположеніяхъ финляндскихъ членовъ указывается, прежде всего, та сфера, въ которой для Финляндіи дѣйствуютъ теперь и должны дѣйствовать на будущее время исключительно общеимперскіе законы и распоряженія общеимперскаго правительства. Въ эту сферу входитъ все касающееся порядка престолонаслѣдія, совершеннолѣтія наслѣдника престола, управленія государствомъ во время несовершеннолѣтія императора, учрежденія императорской фамиліи, объявленія войны, заключенія мирныхъ, союзныхъ и другихъ договоровъ съ иноземными государствами, расположенія въ Финляндіи русскихъ войскъ и общаго съ имперіей телеграфа. Затѣмъ слѣдуетъ перечень тѣхъ законовъ, которые, затрогивая не только Финляндію, но и всю имперію, должны быть издаваемы въ особомъ законодательномъ порядкѣ. Сюда относятся законы объ отбываніи общей воинской повинности въ Финляндіи, о правахъ русскихъ уроженцевъ въ великомъ княжествѣ и финляндскихъ уроженцевъ въ имперіи, о регулированіи отношеній, возникающихъ въ области уголовнаго и гражданскаго права (подсудность, опека, наслѣдство, страхованіе, исполненіе судебныхъ рѣшеній, взаимная охрана авторскихъ и другихъ правъ), и о торговыхъ сношеніяхъ имперіи и великаго княжества.

Сравнимъ теперь съ этимъ перечнемъ „предположенія" русскихъ членовъ смѣшанной коммиссіи (гг. Дейтриха, Бородкина, Корево, Мясоѣдова и Якунчикова). Къ предметамъ общегосударственнаго законодательства, перечисленнымъ выше, они присоединяютъ: 1) участіе

Финляндіи въ государственныхъ расходахъ и установленіе для сего взносовъ, налоговъ и сборовъ; 2) употребленіе въ Финляндіи государственнаго языка; 3) охрану въ Финляндіи государственнаго порядка и организацію такой охраны; 4) уголовное законодательство и отвѣтственность должностныхъ лицъ въ Финляндіи; 5) основныя начала судоустройства и судопроизводства въ Финляндіи; 6) основныя начала школьнаго дѣла въ Финляндіи и устройство за нимъ надзора; 7) устройство, права и условія дѣятельности въ Финляндіи компаній, обществъ, союзовъ и публичныхъ собраній; 8) законодательство о печати въ Финляндіи и привозъ туда произведеній печати изъ-за границы; 9) монетную систему и денежное обращеніе въ Финляндіи; 10) почту, телефоны, воздухоплаваніе и тому подобные способы сношеній въ Финляндіи, а также желѣзнодорожное дѣло, насколько оно касается сообщеній между Финляндіей и прочими частями имперіи и сообщеній международныхъ; 10) мореплаваніе и лоцманскую часть въ Финляндіи и 11) права въ Финляндіи иностранцевъ. Значительно бо́льшая часть этихъ предметовъ касается только одной Финляндіи. Включая ихъ въ сферу общаго законодательства, русскіе члены коммиссіи впадаютъ, прежде всего, въ противорѣчіе съ самими собою: въ пун. 1-мъ ст. 1-ой составленныхъ ими предположеній они признаютъ подлежащими изданію въ общемъ порядкѣ законы, *относящіеся не къ однимъ только внутреннимъ дѣламъ Финляндіи*—а затѣмъ подчиняютъ этому порядку длинный рядъ законовъ, касающихся исключительно ея внутреннихъ дѣлъ. Этого мало: вновь проектируемыми правилами предполагается измѣнить или отмѣнить все несогласное съ ними въ „узаконеніяхъ, изданныхъ по великому княжеству финляндскому въ порядкѣ особаго законодательства". Другими словами, дѣйствіе задуманной системы предполагается распространить не только на будущее, но, отчасти, и на прошедшее: особый порядокъ законодательства составители „предположеній" оставляютъ неприкосновеннымъ для „исключительно-внутреннихъ дѣлъ" Финляндіи только въ той мѣрѣ, въ какой они не подходятъ подъ категоріи, предусматриваемыя перечнемъ. И эта неприкосновенность, впрочемъ, весьма ненадежна: подъ дѣйствіе „общаго порядка" русскіе члены коммиссіи подводятъ, кромѣ всего перечисленнаго выше, „основныя начала и предѣлы управленія Финляндіи особыми установленіями на основаніи особаго законодательства". Статья 2-ая основныхъ законовъ (изданія 1906-го года), на которую здѣсь сдѣлана ссылка, гласитъ такъ: „великое княжество финляндское, составляя нераздѣльную часть государства россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями, на основаніи особаго законодательства". Перенося въ область общаго законодательнаго порядка установленіе „основ-

ныхъ началъ и предѣловъ управленія Финляндіей на основаніи особаго законодательства", составители „предположеній" прокладываютъ путь къ совершенному упраздненію „особаго законодательства" Финляндіи или, по меньшей мѣрѣ, къ заключенію его въ крайне тѣсныя, постепенно съуживаемыя границы. Къ тому же направлена статья третья „предположеній", по которой измѣненіе и дополненіе перечня законовъ и постановленій, подлежащихъ изданію въ общемъ законодательномъ порядкѣ, совершается въ этомъ порядкѣ „какъ по особымъ о томъ законамъ, такъ и совмѣстно съ изданіемъ другихъ распространяющихся на Финляндію законовъ". Это значитъ, что „особое законодательство" Финляндіи можетъ подвергаться дальнѣйшей урѣзкѣ какъ путемъ законовъ, издаваемыхъ ad hoc, такъ и попутно, при любой реформѣ въ общеимперскомъ законодательствѣ...

Посмотримъ теперь, какъ рисуютъ себѣ обѣ стороны порядокъ изданія законовъ, одинаково обязательныхъ для имперіи и для великаго княжества. Финляндскіе члены смѣшанной коммиссіи проектируютъ учрежденіе, по каждому отдѣльному вопросу, делегацій, избираемыхъ законодательными собраніями имперіи и Финляндіи. Если делегаціи, послѣ двукратнаго письменнаго сношенія, не сойдутся на тождественномъ рѣшеніи, то для устраненія разногласія назначается коммиссія, состоящая изъ одинаковаго числа членовъ обѣихъ делегацій. Законопроектъ, принятый обѣими делегаціями, представляется на усмотрѣніе Государя Императора, который или утверждаетъ его, или отклоняетъ. Въ послѣднемъ случаѣ, а также при отклоненіи проекта обѣими делегаціями, вопросъ считается оставленнымъ безъ послѣдствій. Если делегаціями постановлены несогласныя между собою рѣшенія, то по вопросамъ, касающимся воинской повинности, Государь утверждаетъ для Финляндіи законъ по собственному усмотрѣнію, а въ остальныхъ случаяхъ законъ считается несостоявшимся. Возбуждаются вопросы, требующіе совмѣстнаго рѣшенія, съ русской стороны — въ порядкѣ, опредѣляемомъ законами имперіи, съ финляндской — представленіями сейма или сената; но получить дальнѣйшій ходъ дѣло можетъ только съ соизволенія Государя.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются „предположенія" русскихъ членовъ коммиссіи. На *заключеніе* финляндскаго сейма обязательно передаются только тѣ изъ относящихся къ Финляндіи законопроектовъ, которые касаются предметовъ вѣдѣнія сейма или затрогиваютъ прошедшіе черезъ сеймъ мѣстные законы; во всѣхъ другихъ случаяхъ передача или непередача законопроектовъ на заключеніе сейма предоставляется усмотрѣнію совѣта министровъ, а также Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Во всемъ остальномъ касающіеся Финляндіи законы, отнесенные къ области общего-

сударственнаго законодательства, подчиняются общему законодательному порядку, т.-е. восходятъ черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ на Высочайшее утвержденіе. Обнародованіе ихъ Правительствующимъ Сенатомъ почитается обнародованіемъ ихъ и въ Финляндіи; Сенату ввѣряется какъ разъясненіе ихъ, такъ и высшій надзоръ за ихъ исполненіемъ. Въ составъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы включаются члены отъ населенія великаго княжества: въ составъ Совѣта—одинъ, избираемый сеймомъ [1]), въ составъ Думы — пять, въ томъ числѣ четыре отъ финляндскихъ гражданъ, избираемыхъ сеймомъ, и одинъ отъ прочихъ русскихъ подданныхъ, избираемыхъ сорока выборщиками отъ окружныхъ избирательныхъ съѣздовъ.

Громадное различіе между выводами, къ которымъ пришли обѣ стороны, объясняется противоположностью ихъ исходныхъ точекъ. Русскіе члены смѣшанной коммиссіи, какъ видно изъ письма г. Дейтриха къ г. Харитонову, разсматривали Финляндію „не какъ особую страну, имѣющую свое государственно-правовое положеніе въ составѣ имперіи, а какъ интегральную часть послѣдней, какъ ея провинцію, отличающуюся отъ прочихъ областей государства лишь тѣмъ, что во внутреннихъ своихъ дѣлахъ она управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства". Финляндскіе члены коммиссіи выдвигаютъ на первый планъ слова императора Александра I-го о свободной финской націи и о гарантированныхъ конституціею правахъ ея на политическое существованіе. Споръ на этой почвѣ идетъ съ тѣхъ поръ какъ возникъ, четверть вѣка тому назадъ, такъ называемый финляндскій вопросъ. Не входя, конечно, въ подробное его разсмотрѣніе, мы остановимся только на тѣхъ безспорныхъ фактахъ, въ разрѣзъ съ которыми идетъ мнѣніе русскихъ членовъ смѣшанной коммиссіи.

Финляндія — сказано въ письмѣ г. Дейтриха — „отличается отъ прочихъ областей государства лишь тѣмъ, что во внутреннихъ своихъ дѣлахъ она управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства". Но развѣ это отличіе незначительное? Развѣ оно не проводитъ рѣзкую демаркаціонную черту между Финляндіей и остальными частями имперіи? О какой другой „провинціи", кромѣ Финляндіи, говорится въ основныхъ законахъ? Есть ли въ нихъ хоть одно слово о русскомъ мѣстномъ самоуправленіи, земскомъ или городскомъ? Есть ли въ Россіи—кромѣ Финляндіи—такая мѣстность, гдѣ бы

---

[1]) Сверхъ того дворянству, купцамъ, промышленникамъ и университету великаго княжества предоставляется посылать отъ себя выборщиковъ для участія въ избраніи членовъ Государственнаго Совѣта отъ соотвѣтствующихъ курій.

„внутреннее управленіе“ составляло предметъ *особаго законодательства?* „Особыхъ установленій“ въ имперіи немало, но всѣ они, кромѣ финляндскихъ, руководствуются правилами, входящими въ составъ общаго законодательства. Есть мѣстности (царство польское, остзейскій край, отчасти Кавказъ, Бессарабія, губерніи Черниговская и Полтавская), гдѣ дѣйствуютъ, въ тѣхъ или другихъ предѣлахъ, особые гражданскіе законы; но этимъ законамъ подчинена только частная жизнь отдѣльныхъ лицъ, и не ими регулируется мѣстное „внутреннее управленіе“. Въ самой формулѣ г. Дейтриха заключается, такимъ образомъ, ея опроверженіе. Еще болѣе очевидной несостоятельность ея становится въ виду источниковъ упоминаемаго въ ней „особаго законодательства“. Въ то время, когда законодательная власть въ имперіи находилась всецѣло и нераздѣльно въ рукахъ монарха, въ Финляндіи онъ раздѣлялъ ее съ сеймомъ, облеченнымъ правами народнаго представительства. Въ то время, когда въ Россіи недопустимымъ или даже преступнымъ считалось слово *конституція*, оно употреблялось, въ примѣненіи къ Финляндіи, въ императорскихъ рѣчахъ и манифестахъ. Въ то время, когда въ имперіи всякій законъ могъ быть измѣненъ или отмѣненъ актомъ ничѣмъ не ограниченной Высочайшей воли, для Финляндіи императоръ Александръ II-ой утвердилъ сеймовой уставъ 1869-го года, 71-ая статья котораго была изложена такъ: „изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію государя императора и великаго князя и *съ согласія всѣхъ сословій*“ (т.-е. всѣхъ коллегій, изъ которыхъ тогда состоялъ финляндскій сеймъ). Не подлежитъ сомнѣнію, въ виду всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ данныхъ, что Финляндія, съ самаго момента присоединенія ея къ Россіи, занимаетъ именно особое „государственно-правовое положеніе“, котораго не хочетъ признавать за нею г. Дейтрихъ. Какой терминъ государственнаго права всего больше подходитъ къ этому положенію, есть ли въ данномъ случаѣ на лицо характерныя черты *уніи*, и какой именно—это вопросъ сложный и спорный, съ нашей точки зрѣнія имѣющій, притомъ, весьма второстепенное значеніе. Важно не то, какъ слѣдуетъ именовать политическій строй, во многомъ совершенно своеобразный, не во всемъ сходный съ ближайшими къ нему типами государственнаго устройства; важно то, что онъ устраняетъ возможность *правомѣрнаго* низведенія Финляндіи на степень обыкновенной провинціи, обладающей коекакимъ запасомъ отмѣнимыхъ во всякое время привилегій. Мы подчеркиваемъ слово: *правомѣрнаго*, потому что говоримъ, конечно, не о такомъ актѣ, въ основаніи котораго лежала бы сила, одна только сила.

Что государственно-правовое положеніе, принадлежащее Финляндіи, было бы нарушено — или, лучше сказать, уничтожено — осуществленіемъ порядка, проектируемаго русскими членами коммиссіи—это доказать нетрудно. Своеобразность финляндскаго государственнаго строя заключалась и заключается именно въ томъ, что „особое законодательство“ Финляндіи создавалось и развивалось при участіи сейма или, по крайней мѣрѣ, другихъ мѣстныхъ учрежденій. Въ экономической области монархъ дѣйствовалъ или, во всякомъ случаѣ, могъ дѣйствовать безъ соглашенія съ народнымъ представительствомъ; но органами его воли, при нормальномъ теченіи дѣлъ, служили въ этой сферѣ финляндскій сенатъ, финляндскій генералъ-губернаторъ и министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Финляндіи, а не соотвѣтствующія общеимперскія установленія или должностныя лица. Слабой стороной этого порядка было отсутствіе правилъ, которыми регулировалось бы теченіе дѣлъ, общихъ для Финляндіи и имперіи. Существованіе такихъ дѣлъ не отрицали сами финляндцы, признавая, что въ внѣшней политикѣ и въ дѣлѣ государственной обороны рѣшающее слово принадлежитъ имперіи. Нужно было положить конецъ неопредѣленности, всегда грозящей недоразумѣніями и столкновеніями. Къ этой цѣли былъ направленъ манифестъ 3-го февраля 1899-го года—но избранный имъ путь, не считавшійся съ желаніями и взглядами финляндцевъ, привелъ къ противоположнымъ результатамъ. Манифестъ 22-го октября 1905-го года знаменовалъ собою возвращеніе къ прежнему положенію. Найти изъ него выходъ, безъ сомнѣнія, необходимо — но прочнымъ и скрѣпляющимъ связь между имперіей и великимъ княжествомъ можетъ быть лишь такое рѣшеніе, которое оставитъ въ силѣ всѣ пріобрѣтенныя права Финляндіи и обезпечитъ свободное развитіе финскаго народа. Ничего подобнаго о „предположеніяхъ“ русскихъ членовъ коммиссіи сказать нельзя.

Съ достаточнымъ основаніемъ и правомъ въ категорію общегосударственныхъ дѣлъ могутъ быть включены только тѣ, въ которыхъ непосредственно заинтересованы обѣ стороны. Этому условію соотвѣтствуетъ, въ главныхъ чертахъ, перечень, составленный финляндскими членами коммиссіи. Не претендуя на самостоятельность въ организаціи государственной обороны, финляндцы не могутъ не признавать, что участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ касается не ихъ однихъ и должно быть предметомъ общеимперскаго закона. Они идутъ еще дальше: мы видѣли, что во всемъ относящемся къ воинской повинности финляндскіе члены коммиссіи допускаютъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, возможность рѣшенія, прямо идущаго въ разрѣзъ съ заявленіями представителей великаго княжества. Никакихъ сомнѣній не возбуждаютъ и другія категоріи законопроектовъ, относимыя, съ фин-

ляндской стороны, къ области общаго законодательства. Но что включаютъ въ нее, сверхъ того, русскіе члены коммиссіи? Еслибы исполнилось все ими намѣченное, финляндское особое законодательство, потерявъ свои отличительныя черты, обратилось бы въ коллекцію мелочей, а финляндскія особыя установленія стали бы безсильнымъ и безцвѣтнымъ привѣскомъ къ общеимперскимъ. Роль сейма приблизилась бы къ той, которую играютъ у насъ земскія собранія. Изъ его вѣдѣнія были бы изъяты такія области государственной народной жизни, въ которыхъ онъ до сихъ поръ безспорно считался компетентнымъ: уголовное законодательство, еще недавно вылившееся въ особый кодексъ, судоустройство, судопроизводство. Отъ него не зависѣло бы больше развитіе школьнаго дѣла, поднятаго имъ на сравнительно высокій уровень. Не случайно подчеркнутъ въ программѣ русскихъ членовъ *надзоръ* за школьнымъ дѣломъ, т.-е. та сторона этого дѣла, надъ которою съ всепревозмогающимъ усердіемъ работало и продолжаетъ работать русское учебное начальство. Въ интересахъ надзора предлагается, конечно, и водвореніе общаго порядка въ сферѣ печати, обществъ, собраній, союзовъ—а вѣнцомъ этой эволюціи должно послужить распространеніе на Финляндію общихъ правилъ объ охранѣ, столь хорошо знакомыхъ гражданамъ имперіи. Занесена рука и надъ монетной системой, неудобной для пріѣзжихъ дачниковъ, но такъ много способствовавшей росту народнаго благосостоянія въ Финляндіи. Нетрудно себѣ представить, въ какомъ смыслѣ были бы использованы пункты программы, касающіеся употребленія въ Финляндіи русскаго языка и установленія для Финляндіи, въ общемъ порядкѣ, налоговъ и сборовъ. О послѣднемъ говорится, правда, въ связи съ участіемъ Финляндіи въ общихъ государственныхъ расходахъ—но никакого предѣла для такого участія „предположенія" русскихъ членовъ коммиссіи не намѣчаютъ. Почему, наконецъ, доля участія Финляндіи въ общихъ расходахъ не могла бы быть покрываема исключительно *взносами*, т.-е. платежами изъ общихъ средствъ финляндской казны—это въ „предположеніяхъ" не объяснено. Не потому ли, что право установлять налоги и сборы — одно изъ тѣхъ, которыми всего больше дорожитъ всякое народное представительство?

Громаденъ, такимъ образомъ, кусокъ народной жизни, охватываемый „предположеніями" и исключаемый ими изъ сферы особаго финляндскаго законодательства. Не только ничѣмъ не предотвращены, но, какъ мы уже видѣли, прямо предусмотрѣны дальнѣйшія вторженія въ эту сферу. Какимъ же путемъ предполагается достигнуть того, чтобы общимъ законодательствомъ не нарушались интересы финскаго народа? Какія проектируются съ этою цѣлью мѣры предосторожности и га-

рантіи? На послѣдній вопросъ можно дать только одинъ отвѣтъ: *никакихъ*. Въ самомъ дѣлѣ, предполагается ли провести черезъ финляндскій сеймъ хотя бы основныя черты новыхъ отношеній между имперіей и великимъ княжествомъ? Нѣтъ — а между тѣмъ это еще недавно находило необходимымъ большинство такъ называемой таганцевской коммиссіи. Предполагается ли дать финляндскому сейму или его уполномоченнымъ право рѣшающаго голоса по каждому проекту, входящему въ область „общаго законодательства"? Нѣтъ. Предполагается ли, по крайней мѣрѣ, передавать всѣ такіе проекты на *заключеніе* сейма? Нѣтъ: обязательной такая передача признается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а во всѣхъ остальныхъ она зависитъ отъ усмотрѣнія совѣта министровъ. Правда, въ составъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта вводятся, въ небольшомъ числѣ, финляндскіе члены; но что они могутъ сдѣлать въ собраніяхъ, незнакомыхъ съ законами, нравами, обычаями Финляндіи, съ ея прошлымъ и настоящимъ, съ ея стремленіями и чаяніями? Вѣроятно ли, чтобы ихъ голосъ могъ подѣйствовать на большинство—то большинство, которое, судя по оглашеннымъ въ печати отзывамъ его представителей, сочувствуетъ „предположеніямъ" русскихъ членовъ? Не ясно ли, что отъ присутствія нѣсколькихъ финляндцевъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ ничего не измѣнится къ лучшему въ подчиненномъ, зависимомъ положеніи, уготовляемомъ для Финляндіи благосклонными устроителями ея судьбы? Не ясно ли, что представителю русскаго населенія Финляндіи предназначается та самая роль, какую играютъ въ Думѣ гг. Алексѣевъ и Тимошкинъ, эти своеобразные защитники русскихъ интересовъ въ царствѣ польскомъ и на Кавказѣ? И на чемъ построена странная мысль о такомъ особомъ представительствѣ? Въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія финны составляли 86,1% всего населенія Финляндіи, шведы—13,5%, лица другихъ національностей — 0,4% (менѣе девяти тысячъ человѣкъ, при общемъ числѣ жителей, доходившемъ почти до 2.400 тысячъ). Если и допустить, что громадное большинство въ послѣдней категоріи принадлежало русскимъ, если предположить, что въ теченіе двухъ десятилѣтій ихъ число увеличилось вдвое, то все же оно совершенно ничтожно сравнительно съ кореннымъ населеніемъ Финляндіи. Многіе изъ нихъ, притомъ, состоятъ, по всей вѣроятности, избирателями по праву финляндскаго гражданства. При такихъ условіяхъ особое представительство русскихъ жителей Финляндіи не можетъ быть названо иначе, какъ добавочнымъ знакомъ пренебреженія къ финскому народу.

Мы не случайно употребляемъ выраженіе: *финскій народъ*: оно давно вошло въ составъ оффиціальнаго языка и не исчезало изъ него до настоящаго времени. Уже въ актахъ 1810-го года, подписанныхъ

императоромъ Александромъ I-мъ, идетъ рѣчь о финской *націи*, какъ о свободномъ народѣ, *политическое существованіе* котораго и обусловливаемыя имъ права обезпечиваются мѣрами русской верховной власти. Созывая и распуская сеймъ, императоры всероссійскіе до послѣдняго времени именовали его членовъ „представителями финскаго народа". Еслибы не было другихъ доказательствъ особаго положенія, съ самаго начала предоставленнаго Финляндіи и занимаемаго ею до сихъ поръ, оно явствовало бы съ полною очевидностью изъ только что приведенныхъ нами фактовъ. Пускай намъ назовутъ другую „провинцію" Россіи, къ населенію которой верховная власть обращалась бы какъ къ *націи*, какъ къ отдѣльному народу; пускай намъ укажутъ учрежденіе, члены котораго, въ до-конституціонное время, именовались бы народными представителями [1]). Когда же населеніе Финляндіи перестало быть народомъ, когда же финляндскій сеймъ сдѣлался какимъ-то провинціальнымъ учрежденіемъ, помимо котораго и вопреки которому могутъ быть совершаемы коренныя перемѣны въ судьбѣ представляемой имъ страны (припомнимъ, что именно *страною*—pays—Финляндія названа въ манифестѣ 15/27 марта 1810-го года)?.. Поставимъ еще другой вопросъ: есть ли, помимо Финляндіи, еще какая-либо часть россійской имперіи, обладающая своими собственными *основными* законами? Другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго, на этотъ отвѣтъ быть не можетъ. А вотъ оффиціальный (русскій) текстъ Высочайшаго Манифеста 25-го октября 1894-го года (составляющаго буквальное повтореніе манифеста 2-го марта 1881-го года): „Объявляемъ чрезъ сіе, что произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе великимъ княжествомъ финляндскимъ, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, *основные законы*, права и преимущества, которыми каждое сословіе сего великаго княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по установленіямъ этого края донынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи". Какимъ же образомъ торжественно признанные основные законы, измѣненіе и отмѣна которыхъ, за силою Высочайше утвержденнаго сеймоваго устава, не можетъ послѣдовать безъ согласія всѣхъ сословій (а права сословій перешли къ замѣнившему ихъ преобразованному сейму) — какимъ же образомъ, говоримъ мы, основные законы Финляндіи оказались какъ бы не существующими для русскихъ членовъ смѣшанной коммиссіи?

---

[1]) Само собою разумѣется, что еще большею политическою самостоятельностью, чѣмъ Финляндія, пользовалось, до 1830-го года, царство польское; но мы говоримъ здѣсь только о временахъ болѣе къ намъ близкихъ.

Въ какой мѣрѣ практичны и удобоосуществимы „предположенія" финляндскихъ членовъ коммиссіи—объ этомъ мы судить не беремся. Важны не детали, на почвѣ которыхъ всегда возможно соглашеніе: важенъ принципъ, который кладется во главу угла. Такимъ принципомъ мы считаемъ сохраненіе, во всемъ существенномъ, освященныхъ временемъ отношеній между Россіей и Финляндіей—отношеній, при дѣйствіи которыхъ Финляндія, безъ всякаго ущерба для Россіи, достигла высокой степени развитія и процвѣтанія. Сфера „особаго законодательства" Финляндіи должна быть ограничена какъ можно меньше, исключительно въ видахъ огражденія интересовъ, несомнѣнно общихъ для имперіи и великаго княжества—и самый порядокъ изданія „общихъ законовъ" долженъ быть установленъ такой, при которомъ неприкосновенными остались бы права финскаго народа и его законныхъ представителей.

Намъ могутъ возразить, что мы не принимаемъ во вниманіе перемѣну, происшедшую въ государственномъ строѣ Россіи, и, заботясь о правахъ финскаго народнаго представительства, упускаемъ изъ виду права русскихъ законодательныхъ собраній. Это возраженіе было бы совершенно неосновательно. Введеніе у насъ конституціоннаго образа правленія не могло упразднить такой же образъ правленія, издавна существовавшій въ Финляндіи. Положеніе финскаго народа не можетъ и не должно измѣниться къ худшему отъ того, что измѣнилось къ лучшему положеніе русскаго народа. Прежде изданіе законовъ, общихъ для имперіи и великаго княжества—на сколько оно не касалось предметовъ, изъятыхъ, по закону, изъ вѣдѣнія сейма,—требовало соглашенія между Монархомъ и финляндскимъ сеймомъ; теперь оно требуетъ соглашенія между финляндскимъ сеймомъ и органами законодательной власти въ имперіи, т.-е. Монархомъ, Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой. Было бы болѣе чѣмъ странно и до крайности печально, еслибы шагъ впередъ, сдѣланный Россіей, повлекъ за собою шагъ назадъ для Финляндіи. При болѣе нормальныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя мы теперь переживаемъ, не могло бы возникнуть и мысли о нарушеніи чужого права, проводимой русскими членами смѣшанной коммиссіи при рукоплесканіяхъ реакціонной печати и встрѣчающей, по видимому, сочувствіе въ болѣе широкихъ и болѣе вліятельныхъ сферахъ... Мало утѣшительнаго предвѣщаетъ Финляндіи увольненіе генерала Бекмана и назначеніе финляндскимъ генералъ-губернаторомъ генерала Зейна, одного изъ дѣятелей бобриковской эпохи.

Когда мы пишемъ эти строки, въ Государственной Думѣ идутъ пренія по законопроекту о неприкосновенности личности. Для ха-

рактеристики его достаточно назвать три имени: предсѣдателемъ разсматривавшей его коммиссіи былъ депутатъ Гололобовъ, докладчикомъ ея является деп. Замысловскій, а однимъ изъ защитниковъ проекта—деп. Пуришкевичъ... Единственный нормальный исходъ изъ созданнаго такимъ образомъ положенія—передача законопроекта, для новаго разсмотрѣнія, въ вновь выбранную коммиссію. На этомъ рѣшеніи Дума, въ засѣданіи 20-го ноября, и остановилась.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Недавно встрѣтилъ я на улицахъ Петербурга провинціальнаго общественнаго дѣятеля. Видъ торопленно-энергичный и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочно-лукавый.

— Бѣгаю по департаментамъ, по канцеляріямъ,—быстро и весело разсказывалъ онъ;—погрузились мы въ культурную работу, а въ деньгахъ нехватка. Прислало меня наше сельско-хозяйственное общество хлопотать о субсидіи. Сначала бюрократы во всѣхъ канцеляріяхъ сухо отвѣчали: „Денегъ нѣтъ". Ну, а теперь налаживается. На секретъ напалъ!

Собесѣдникъ мой лукаво улыбался, а я вопросительно и ожидательно глядѣлъ на него.

— Да, на секретецъ напалъ!—продолжалъ онъ, оживленно потирая руки.—Въ одномъ департаментѣ какъ-то нечаянно сказалъ: „Насчетъ хуторского хозяйства мы тоже..." Начальственное лицо сейчасъ же оживилось. „А!—говоритъ—ваше общество и хуторами интересуется?" — „Еще-бы, говорю, съ большимъ интересомъ слѣдимъ за насажденіемъ. И желали бы споспѣшествовать". „На хуторское дѣло—говоритъ начальство—можемъ выдать субсидію. Зайдите поговорить". И пошло вѣдь дѣло-то! Опредѣлили немедленно субсидію и обѣщали надбавить. „Только—говорятъ—съ мѣста справки соберемъ о вашемъ обществѣ. Дѣйствительно ли вы работаете на пользу хуторовъ..." Нужно будетъ губернатора убѣдить.

— А вы, правда, заинтересовались хуторами?

— Ну, не очень... Да у насъ и мало ихъ. Почти не слыхать. А не все ли равно? Главное дѣло, населеніе въ деревняхъ почувствовало вкусъ къ агрономіи. А у насъ совсѣмъ денегъ нѣтъ.

Провинціальный дѣятель открылъ секретъ, который въ сущности

теперь всей Россіи извѣстенъ. У закованной, недоступной бюрократіи есть сейчасъ Ахиллесова пята: хуторское и отрубное хозяйство. Это и не скрывается. Наоборотъ, съ откровенностью, доходящей до странной наивности, петербургская бюрократія, съ премьеръ-министромъ во главѣ, открыто исповѣдуетъ почти мистическую вѣру въ систему хуторского переворота въ Россіи. Знаменательна и характерна въ этомъ отношеніи циркулярная телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ г. Столыпина, разосланная всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства предъ началомъ осеннихъ сессій земскихъ собраній. Телеграмма внушительна и въ то же время освѣщена искательной, задабривающей улыбкой. „Имѣя въ виду государственную важность скорѣйшаго насажденія на образованныхъ хуторахъ и отрубахъ улучшенныхъ пріемовъ сельскаго хозяйства",—солидно начинаетъ телеграмму министръ внутреннихъ дѣлъ и сейчасъ же смягчаетъ серьезность начальственнаго тона искательнымъ комплиментомъ: „я призналъ крайне необходимымъ теперь же обратиться къ помощи въ этомъ дѣлѣ земства, всегда столь отзывчиваго къ государственнымъ народнымъ нуждамъ". Дальше въ телеграммѣ довольно подробно и точно указывается, какой государственно-важной работы ожидаетъ отъ земства главный руководитель внутренней государственной политики: „считаю особо полезнымъ отмѣтить такія мѣры, какъ организація показательныхъ полей на обслѣдованныхъ хуторскихъ и отрубныхъ хозяйствахъ, устройство особыхъ образцовыхъ хозяйствъ, приглашеніе агрономовъ, предоставленіе улучшенныхъ сѣмянъ и племенныхъ производителей хуторянамъ, организація сбыта продуктовъ скотоводства, установленіе премій образцовымъ хозяйствамъ". Телеграмма внушительно заканчивается такими словами: „обращаю вниманіе ваше, что отъ незамедлительнаго осуществленія намѣченныхъ мѣръ зависитъ успѣхъ и будущее крестьянскаго землеустройства, ибо безъ интенсивнаго хозяйства прочность и устойчивость единоличной собственности немыслимы".

Итакъ, немедленная, безотлагательная и щедрая помощь хуторянамъ, исключительно хуторянамъ—вотъ единственный способъ спасти и устроить крестьянскую Россію. Наивность, почти трогательная, не только въ этой настойчивой, упрямой вѣрѣ въ чудотворную спасительность хуторской системы. Еще больше наивности, неожиданной въ государственномъ дѣятелѣ, заключаетъ предложеніе общественнымъ учрежденіямъ, которыя собираютъ средства со всего населенія, расходовать эти средства на одну излюбленную начальствомъ и пока еще сравнительно немногочисленную группу населенія. Съ общественно-государственной точки зрѣнія такой призывъ звучитъ въ достаточной степени странно.

Сдержаннымъ урокомъ прозвучали постановленія многихъ уѣздныхъ

земствъ въ отвѣтъ на телеграмму премьеръ-министра. „Кологривское земство, — гласитъ, напримѣръ, отвѣтъ изъ Костромской губерніи,— отзывчивое къ нуждамъ населенія, идетъ навстрѣчу всѣмъ улучшеніямъ сельскаго хозяйства и оказываетъ одинаковую помощь въ этомъ отношеніи всѣмъ плательщикамъ, безъ различія сословій и формъ владѣній, открывая весьма льготный кредитъ въ сельско-хозяйственномъ складѣ на орудія, сѣмена, удобренія, давая безплатно, въ прокатъ, для ознакомленія, молотилки, вѣялки, бороны и проч.“

Еще опредѣленнѣе прозвучалъ отвѣтъ изъ Кишинева. „Недавно— сообщаютъ „Одесскія Новости“ — состоялось совѣщаніе представителей земствъ Бессарабіи, въ которомъ обсуждалось телеграфное предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ о скорѣйшемъ насажденіи на образованныхъ хуторахъ и отрубахъ улучшенныхъ пріемовъ сельскаго хозяйства. Совѣщаніе высказалось въ томъ смыслѣ, что такъ какъ въ образованіи земскихъ средствъ участвуютъ всѣ категоріи населенія, то было бы несправедливо употреблять эти средства на воспособленіе одной части мелкихъ владѣльцевъ предпочтительнѣе предъ другой ихъ частью. Телеграмму П. А. Столыпина—деликатно прибавлено въ корреспонденціи—совѣщаніе разсматривало какъ призывъ къ организаціи агрономической помощи всему населенію“. Въ такомъ же духѣ краткое извѣстіе изъ Пскова: „Агрономическая помощь на земскія средства, по мнѣнію собранія, должна оказываться въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ крестьянамъ“. „Признано — пишутъ харьковскому „Утру“ изъ Волчанска,—что агрономическая помощь должна носить самый широкій характеръ, обслуживая все населеніе, и что она должна быть сосредоточена въ рукахъ земства. Собраніе отвергло, такимъ образомъ, возможность оставленія безъ удовлетворенія нуждъ и запросовъ общиннаго крестьянскаго хозяйства, хотя признало желательнымъ оказывать содѣйствіе и отрубнымъ хозяйствамъ“.

Любопытно, однако, что тѣ же земства, давшія такой поучительный отвѣтъ министру относительно расходованія земскихъ денегъ, совсѣмъ иначе отнеслись къ государственнымъ средствамъ. „Псковское земское собраніе признало помощь хуторянамъ желательной, но за счетъ правительства“. Также и бессарабскіе земцы: „что же касается вопроса объ исключительной помощи отрубникамъ и хуторянамъ, то таковой совѣщаніе признало необходимымъ разсматривать отдѣльно отъ общаго вопроса, при чемъ соотвѣтствующія мѣропріятія должны быть осуществлены на общегосударственныя средства“. Волчанское земство, энергично отклонивъ употребленіе земскихъ денегъ для хуторскихъ опытовъ, немедленно постановило: „ходатайствовать объ особомъ фондѣ въ двадцать тысячъ рублей отъ землеустроительнаго вѣдомства для льготной продажи инвентаря отрубнымъ

хозяйствамъ". Кологривское земство, давъ такой же отпоръ министру, точно также немедленно постановило: „возбудить ходатайство объ ассигнованіи въ распоряженіе земства средствъ на приглашеніе особаго хуторского агронома съ высшимъ образованіемъ и необходимости устройства показательныхъ хуторскихъ хозяйствъ".

Казалось бы, такъ логично и естественно продолжить здравый земскій взглядъ и заявить министру: „А также не считаемъ мы возможнымъ брать отъ правительства государственныя средства для исключительной помощи хуторянамъ. Государственныя средства также собираются со всего населенія, и было бы государственной несправедливостью расходовать ихъ для какихъ-то смутныхъ, сомнительныхъ опытовъ на воспособленіе малой и случайной группѣ населенія. Такія странныя подачки излюбленнымъ группамъ населенія вызываютъ, къ тому же, зависть, непріязнь въ обойденныхъ, развиваютъ попрошайничество и заискиванье предъ начальствомъ, сѣютъ въ населеніи смуту и вообще съ правительственной, государственной точки зрѣнія должны быть признаны ложными и вредными".

Но въ земствахъ, а также въ городскихъ самоуправленіяхъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, давно уже и прочно установился совершенно особый взглядъ на государственныя средства. Здѣсь почти безсознательно, почти инстинктивно проявляется глубокая, скрытно-враждебная рознь между русской казенной государственностью и русской общественностью. И правыя, и лѣвыя земства, безъ различія и единодушно, крѣпко придерживаютъ земскій карманъ и охотно, при всякомъ случаѣ и по всякому поводу, настойчиво тянутъ просительныя руки къ правительственному денежному сундуку. На казенныя деньги давно установился въ земствахъ взглядъ, какъ на деньги постороннія, чужія, почти пропащія. Хотя всѣ знаютъ и помнятъ, что эти казенные милліоны рублей собраны съ того же населенія, но какъ-то безъ словъ и разсужденій всѣ земскіе и общественные люди пропитались молчаливымъ убѣжденіемъ, что государственныя средства идутъ черезъ бюрократическія руки на цѣли, ненужныя, постороннія населенію и часто даже враждебныя ему. Вотъ почему такъ пріятно было всегда для земскихъ и общественныхъ дѣятелей ухватить, подъ любымъ предлогомъ, частичку государственной казны и пустить ее въ оборотъ для ближайшихъ нуждъ населенія. Не могу забыть и, вѣроятно, долго не забуду, съ какой враждебностью, почти ненавистью въ голосѣ говорилъ мнѣ одинъ земскій дѣятель, весьма умѣренный въ политическомъ смыслѣ:—Вѣдь мы здѣсь, въ провинціи, всѣми больными нервами чувствуемъ, какъ правительственные насосы выкачиваютъ деньги изъ населенія. Качаютъ и качаютъ, милліоны, милліарды. Вагонами стекаются деньги въ Петербургъ. А назадъ мы получаемъ? Ха-ха! Какъ бы не

такъ! Крохи, копѣйки. Все тонетъ въ петербургскомъ болотѣ...—Казенная государственность создала себѣ въ Россіи, очевидно, прочную и опредѣленную репутацію. И еслибы она могла, ей слѣдовало бы, мечтая о положительной государственной работѣ, крѣпко задуматься надъ причинами этой роковой національной психологіи.

Итакъ, противорѣчивость въ дѣйствіяхъ прогрессивныхъ земствъ дѣлается понятной, когда они сурово, рѣшительно отказываются давать земскія деньги на опыты съ хуторскими хозяйствами и въ то же время признаютъ эти опыты желательными и полезными, если на нихъ будутъ даны казенныя деньги. Мерещится здѣсь такая же лукавая улыбка, съ какой встрѣтилъ меня на улицахъ Петербурга провинціальный земскій дѣятель, открывшій секретъ для быстраго и успѣшнаго полученія казенныхъ субсидій. И конечно: лишь бы деньги были получены, а тамъ можно пригласить и „хуторского" агронома, потому что будетъ онъ все равно работать для всего крестьянскаго населенія, не для однихъ хуторянъ. Можно завести и показательныя поля, открыть сельско-хозяйственные склады, организовать безплатную раздачу сѣмянъ,—такъ какъ и это будетъ, разумѣется, дѣлаться для всего деревенскаго населенія, а не для одной малой группы хуторянъ и отрубниковъ. И „чужія", казенныя деньги пойдутъ на благое дѣло.

Правыя и вообще почтительныя къ петербургскому начальству земства отвѣтили на телеграмму министра внутреннихъ дѣлъ нѣсколько иначе. Но разница заключалась больше въ тонѣ, чѣмъ въ существѣ дѣла. Охотно и съ одобреніемъ откликнулись отсюда на политику исключительнаго покровительства хуторянамъ и отрубникамъ, но преданные отвѣты все же заканчивались убѣдительными просьбами о субсидіяхъ изъ казеннаго сундука. Евпаторійское земство, напримѣръ, поспѣшило отвѣтить министру: „Заслушавъ телеграмму вашего высокопревосходительства и отнесясь съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ поднятому вами вопросу, земское собраніе признало необходимымъ расширить агрономическую помощь устройствомъ показательныхъ и опытныхъ полей, примѣненіемъ травосѣянія и иными мѣрами, указанными въ вашей телеграммѣ"... Это въ началѣ отвѣта, а въ концѣ почтительно испрашивается кредитъ въ 15 тысячъ рублей на развитіе имѣющагося земскаго склада земледѣльческихъ машинъ, который, конечно, нуждается въ развитіи не для однихъ только хуторянъ и отрубниковъ.

Маріупольское земство пришло къ заключенію, что „фактъ существованія и развитія отрубныхъ и хуторскихъ хозяйствъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ, во всякомъ случаѣ, безспоренъ, и эти хозяйства нуждаются въ агрономической помощи со стороны земства". И дальше слѣдуетъ ходатайство предъ казной объ ассигновкѣ въ 1.800 рублей „въ распоряженіе земства на оборудованіе образцоваго хуторского хозяйства".

Екатеринбургское земство признало даже „желательной и цѣлесообразной“ такую мѣру, какъ командировки наиболѣе толковыхъ и развитыхъ крестьянъ въ Финляндію и за границу для изученія образцовыхъ хуторскихъ хозяйствъ, но... „не находитъ возможнымъ ассигновать какую-либо сумму на эти командировки, въ виду тяжелаго финансоваго положенія земскаго хозяйства“. А на казенныя, „не земскія“ деньги командировки „желательны и цѣлесообразны“... Екатеринбургское земство, впрочемъ, принадлежитъ къ тѣмъ земствамъ, которыя вообще отнеслись очень холодно къ призывной телеграммѣ министра. Изъ длиннаго ряда постановленій этого земства по агрономическому вопросу достаточно привести слѣдующій характерный отрывокъ: „на поставленный предсѣдателемъ на баллотировку вопросъ, признаетъ ли собраніе необходимымъ дать порученіе агрономамъ разъяснять преимущества хуторского хозяйства—собраніе большинствомъ голосовъ постановило такого порученія не давать. По вопросу о томъ, должно ли оказывать агрономическую помощь хуторянамъ преимущественно предъ остальной частью населенія—постановлено, что помощь должна всѣмъ оказываться равномѣрно“.

Однако министерская телеграмма, какъ ни характерна она для нынѣшней казенно-экономической политики и какъ ни любопытно отношеніе къ ней тѣхъ и другихъ земствъ, представляетъ только небольшую подробность въ общемъ агрономическомъ вопросѣ. По земскимъ собраніямъ нынѣшней осени отчетливо видно, какъ этотъ вопросъ быстро и внушительно выростаетъ. Во всѣхъ земствахъ, почти безъ исключенія, агрономическая помощь крестьянскому населенію выдвигается чуть ли не на первый планъ земской работы. Расширяются земскіе сельскохозяйственные склады, приглашаются на земскую службу агрономы, намѣчаются разные опыты съ показательными полями, съ раздачей безплатныхъ сѣмянъ и т. д. Конечно, основную мечту сословно-помѣщичьихъ земствъ разглядѣть не трудно: какъ министерство Столыпина, своей хуторской системой, такъ и правые земцы, своими агрономическими мѣропріятіями, стремятся къ одной цѣли—затушевать вѣковую крестьянскую грезу о „нарѣзкахъ“, о новыхъ даровыхъ или дешевыхъ надѣлахъ, о сказочныхъ „милостивыхъ манифестахъ“ и заставить крестьянина глядѣть упорно, не отрываясь, въ собственной клокъ земли, совершенствуясь въ добываніи изъ него пищи для себя и для попечительнаго начальства.

Но въ этомъ всероссійскомъ увлеченіи агрономіей есть и здоровое зерно. Еслибы имѣлись только старанія чиновниковъ да правыхъ земцевъ, то мужикъ съ равнодушіемъ и враждой прошелъ бы мимо агрономіи, какъ проходилъ онъ мимо многихъ казенныхъ благодѣяній. Здоровое зерно заключается въ томъ, что само крестьянское населе-

ніе въ значительной степени заинтересовалось агрономіей и вообще прикладными знаніями, выработанными наукой для сельскаго хозяйства. Деревня вообще колыхнулась въ сторону просвѣщенія, а въ томъ числѣ и къ агрономіи. Понятно, поэтому, увлеченіе агрономіей и прогрессивныхъ земствъ. Слишкомъ долго ждали либеральные земцы, чтобы деревня съ довѣріемъ приблизилась къ земскимъ учрежденіямъ,—и вотъ теперь агрономія, видимо, подталкиваетъ крестьянъ къ земству. Жаль было бы упустить такой благопріятный случай для сближенія съ деревней.

Большое мѣсто также заняли въ земскихъ собраніяхъ нынѣшней осени вопросы народнаго образованія. Почти вездѣ звучала значительная, многообѣщающая фраза о „всеобщемъ обученіи". Въ нѣкоторыхъ — конечно, немногихъ—уѣздахъ всеобщее обученіе уже почти достигнуто (напримѣръ, въ Вятской и Пермской губерніяхъ). Въ другихъ мѣстахъ школьное дѣло быстро идетъ къ недалекой уже цѣли всеобщаго обученія. И въ очень многихъ уѣздахъ разработаны или разрабатываются подробные планы введенія всеобщаго обученія. „Главное вниманіе земскаго собранія — пишутъ, напримѣръ, изъ Верхнеднѣпровска—устремлено было на вопросы по народному образованію. Собраніе приняло проектъ введенія всеобщаго народнаго образованія въ уѣздѣ. Въ связи съ этимъ смѣта по народному образованію увеличилась почти на 45 тыс. руб. и доходитъ до 137.380 руб." Нужно, при этомъ, замѣтить, что верхнеднѣпровское земство далеко не принадлежитъ къ лѣвымъ земствамъ, что явственно видно изъ той же корреспонденціи „Приднѣпр. Края". „Оставлена — говорится дальше въ корреспонденціи—прошлогодняя ассигновка въ 4.200 руб. на выписку газеты „Русская Правда" для безплатной раздачи населенію, не смотря на заявленіе нѣкоторыхъ гласныхъ, что эта газета крестьянами читается неохотно и залеживается тюками въ волостныхъ правленіяхъ. Собраніе проситъ управу, чтобы населеніе... читало „Русскую Правду".

Объ аткарскомъ земствѣ, также не отличающемся лѣвизной, пишутъ въ „Саратовскій Листокъ" такія строки: „собраніе переходитъ къ вопросу о введеніи всеобщаго обученія. Стоимость всѣхъ школьныхъ сооруженій, проектированныхъ утвержденной земскимъ собраніемъ школьной сѣтью, какъ по расширенію существующихъ училищныхъ зданій, такъ и по постройкѣ новыхъ, исчислена докладомъ на 1910-ый годъ въ суммѣ 77.875 руб.; остальное въ видѣ пособія, согласно закону, поступаетъ отъ правительства. Вся школьная сѣть въ уѣздѣ должна быть осуществлена въ теченіе 10 лѣтъ и потребуетъ отъ земства затратъ въ суммѣ 1.023.774 рубля. Постановлено введе-

ніе всеобщаго обученія начать съ 1910-го года, испросивъ закономъ положенную правительственную субсидію".

Если захолустное уѣздное земство идетъ на чрезвычайную трату въ милліонъ слишкомъ рублей, то, несомнѣнно, есть внушительная сила, которая наталкиваетъ земство на дорогу такихъ тратъ. Сила эта заключается все въ томъ же: въ пробудившемся и разростающемся стремленіи крестьянскаго населенія къ образованію. Наблюдается это пробужденіе почти во всѣхъ частяхъ государства, и повсемѣстно земства— и правыя, и прогрессивныя—принуждены созидать школы, учреждать библіотеки, устраивать чтенія и внѣшкольныя занятія. Въ крестьянствѣ замѣчается теперь сильное тяготѣніе не только къ низшему, но и къ среднему образованію, при чемъ массами двигаются въ школу и крестьянскія дѣвушки—явленіе совсѣмъ недавняго времени. Петровскому, напримѣръ, земскому собранію, Саратовской губерніи, пришлось дать откликъ на такое затрудненіе: „докладывается ходатайство петровской женской гимназіи въ виду ея затруднительнаго экономическаго положенія. Гимназія, не имѣя средствъ, принуждена всетаки открывать параллельные классы, потому что наплывъ ученицъ изъ уѣзда все возрастаетъ и уже достигаетъ 22 — 24 процентовъ всего числа ученицъ". Оригинальный доводъ выставляетъ противъ удовлетворенія ходатайства Н. С. Ермолаевъ: „Неизвѣстно еще, будетъ ли благомъ для крестьянскихъ дѣвушекъ, если онѣ получатъ образованіе въ гимназіи. Вѣдь это выбьетъ ихъ изъ обычной колеи". Многіе гласные возстали противъ этого взгляда. Собраніе постановило придти на помощь женской гимназіи.

Еще краснорѣчивѣе говоритъ о стремленіи крестьянъ къ образованію слѣдующая корреспонденція „Сарат. Листка" изъ с. Большого Карая, Балашовскаго уѣзда: „перваго октября на сельскомъ сходѣ съ рѣдкимъ вниманіемъ крестьяне слушали докладъ волостного старшины. Въ докладѣ этомъ говорится, что время, когда крестьяне не нуждались въ грамотѣ, миновало безвозвратно. Трудность жизни принуждаетъ крестьянина, нѣкогда смотрѣвшаго на грамоту какъ на излишнюю затѣю, искать образованія, и не такого, какъ начальная школа, которая кромѣ азбуки ничего не даетъ, а болѣе обширнаго, такого, съ которымъ крестьянинъ могъ бы добывать средства къ жизни. Для этого онъ находитъ самымъ подходящимъ среднее учебное заведеніе. Съ этой цѣлью старшина предлагаетъ сходу преобразовать одну изъ двухъ начальныхъ школъ въ четырехклассную прогимназію. Сходъ въ составѣ болѣе 1.000 домохозяевъ единогласно согласился съ докладомъ старшины. На постройку прогимназіи ассигнуется 10.000 руб. изъ суммъ волостной вспомогательной кассы".

Любопытное сопоставленіе получается изъ двухъ приведенныхъ

извѣстій: въ Петровскомъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ высказывается противъ средняго образованія для крестьянъ; въ Балашовскомъ уѣздѣ за прогимназію голосуютъ единогласно тысяча крестьянъ. А было недавно время, когда одинъ какой-нибудь просвѣщенный помѣщикъ тщетно бился предъ тысячей крестьянъ, доказывая имъ необходимость для нихъ хотя бы начальнаго образованія. Такой переломъ въ народномъ сознаніи, конечно, обѣщаетъ весьма значительныя послѣдствія. Всякому дѣлу, котораго самъ народъ искренно и единодушно пожелаетъ, обезпеченъ широкій, полный успѣхъ.

Есть у насъ одно привычное національное восклицаніе, которое, вѣроятно, всякому иностранцу показалось бы страннымъ и совершенно непонятнымъ. Какъ понять иностранцу, въ силу какихъ невѣроятныхъ причинъ страна, насчитывающая свыше 150 милліоновъ населенія, голоситъ изъ всякаго общественнаго учрежденія и почти повсемѣстно: „Людей нѣтъ! людей нѣтъ!"?

Закончившіяся сессіи осеннихъ земскихъ собраній еще разъ и очень внушительно выявили нашу общественную скудость людьми. „Назначенное на первое октября очередное уѣздное земское собраніе — пишутъ изъ Вольска „Саратовскому Вѣстнику" — не могло состояться за неполученіемъ увѣдомленія о Высочайшемъ соизволеніи на утвержденіе новаго состава гласныхъ, которыхъ по расписанію должно быть 26 (отъ крестьянъ 8, частныхъ владѣльцевъ 3 и отъ дворянъ 15). По первымъ двумъ куріямъ избраны всѣ, а дворяне избрали изъ своей среды только 6 человѣкъ, т.-е., вѣрнѣе, не избрали, а записали самихъ себя, такъ какъ въ Вольскомъ уѣздѣ всѣхъ дворянъ, имѣющихъ цензъ, числится 7 человѣкъ, но одинъ изъ нихъ, графъ Нессельроде, еще до избранія на прошлое трехлѣтіе заявилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ избирать самого себя. Такимъ образомъ, до минимальнаго числа гласныхъ отъ дворянъ недостаетъ одного дворянина. Въ случаѣ неполученія соизволенія на утвержденіе гласныхъ въ данномъ составѣ останется ожидать или распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе стараго состава и назначенія предсѣдателя и членовъ управы, или представленія всѣхъ докладовъ управы на утвержденіе губернатора. Докладовъ къ собранію изготовлено до сотни, и между ними есть очень важные".

Изъ Николаевска, Самарской губерніи, сообщаютъ: „Очередное земское собраніе, назначенное на 8-ое октября, не состоялось. Явилось на него 16 гласныхъ и представителей, законный же составъ собранія—17 человѣкъ. Не хватало только одного гласнаго. Гласный

Никитинъ 8-го октября находился въ Николаевскѣ, что было извѣстно и управѣ, но на собраніе не нашелъ нужнымъ явиться. Управа хотѣла было разыскивать его, но не знала, гдѣ онъ остановился. До 3-хъ часовъ пополудни посидѣли собравшіеся гласные и представители въ ожиданіи — не явится ли еще кто изъ гласныхъ, а потомъ предсѣдатель объявилъ собраніе несостоявшимся".

„Какой-то злой рокъ преслѣдуетъ настоящее земское собраніе, — пишутъ изъ Горбатова „Нижегородскому Листку". — Открылось оно 27-го сентября, но, не разобравъ докладовъ и не утвердивъ раскладки и смѣты, закрылось. За отъѣздомъ съ собранія 6-ти гласныхъ не оказалось законнаго состава собранія. Прерванное собраніе разрѣшено было продолжать 15-го октября, но 15-го октября днемъ опять не оказалось законнаго состава гласныхъ, и было собраніе открыто только въ 11 часовъ ночи: гласныхъ привезли на посланныхъ за ними тройкахъ земскихъ лошадей. Собраніе оказалось „въ числѣ", но въ такомъ, что, уйди хоть одинъ гласный, и не будетъ законнаго состава собранія. Этимъ и воспользовался представитель духовнаго вѣдомства, протоіерей о. Алмазовъ, предсѣдатель горбатовскаго союза русскаго народа". Собраніе отказало въ ассигновкѣ на церковныя школы. Протоіерей Алмазовъ пересталъ ходить на засѣданія, объявивъ предсѣдателю: на собраніе я не пойду, такъ какъ гласные ведутъ себя по-свински. И земская машина снова затормазилась".

Подобныхъ фактовъ изъ печальной и скудной жизни земства провинціальныя газеты приводятъ немало. „Нѣтъ людей, нѣтъ людей!" Каждая губернія насчитываетъ до двухъ милліоновъ жителей, а въ земство некого выбрать, земскія собранія пустуютъ, съ огнемъ не найдешь подходящихъ людей для выборныхъ должностей въ земскихъ управахъ. Дѣло дошло до такого явнаго, полнаго и карикатурнаго оскудѣнія людьми, что заговорили объ этомъ даже такіе земскіе дѣятели, которые считались доселѣ оплотомъ сословнаго дворянскаго земства. Характерна, напримѣръ, рѣчь гр. Уварова въ саратовскомъ экстренномъ губернскомъ собраніи, когда обсуждался проектъ положенія о мѣрахъ помощи населенію въ случаѣ неурожая. „Передъ нами вопросъ — говорилъ гр. Уваровъ, — желательно или нежелательно принимать земству въ свои руки продовольственное дѣло? Я глубоко убѣжденъ, что это дѣло должно, быть въ рукахъ земства и только въ его рукахъ оно можетъ быть поставлено хорошо. Но изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны согласиться сразу взять его въ свои руки. Я утверждаю, что передача продовольственнаго дѣла въ руки существующаго земства, при его компетенціи, правахъ и узкомъ кругѣ лицъ, участвующихъ въ немъ, немыслима: продовольственное дѣло не можетъ быть поставлено на должную высоту. Взгля-

ните на составъ участниковъ земскаго собранія, и вы убѣдитесь, что здѣсь нѣтъ представителей того класса, который по праву долженъ бы принять участіе въ обсужденіи этого вопроса. У насъ нѣтъ людей для проведенія продовольственной кампаніи. Выходъ изъ этого положенія одинъ: расширеніе круга лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Необходимо создать сѣть агентовъ, въ видѣ мелкихъ земскихъ единицъ, и тогда только можно брать это колоссальное дѣло въ свои руки. Правительство ведетъ это дѣло нехорошо, а мы, взявъ его при настоящихъ условіяхъ, поведемъ его еще хуже. Намъ слѣдуетъ разсматривать этотъ вопросъ, исходя изъ той мысли, что хорошо вести это дѣло можно только при условіи расширенія правъ и компетенціи земствъ. Передачѣ земству продовольственнаго дѣла должна предшествовать земская реформа въ смыслѣ расширенія какъ круга лицъ, участвующихъ въ земствахъ, такъ и компетенціи самого земства, равно введеніе мелкой земской единицы, которая одна можетъ дать земству необходимыхъ для продовольственнаго дѣла агентовъ на мѣстахъ". Въ такомъ же духѣ говорили и другіе члены собранія. Этотъ откровенный страхъ предъ добавочнымъ большимъ земскимъ дѣломъ весьма знаменателенъ. Суть въ томъ, что нынѣшнія земства не только не могутъ навалить на себя продовольственное дѣло, но и обычныя-то, очередныя дѣла сильно, до безнадежности запускаютъ. Было спачала повсемѣстное торжество, когда правые дворяне изгнали изъ земствъ прогрессивный выборный элементъ и возсѣли на его мѣсто. Но потомъ пришлось продолжать полнымъ ходомъ налаженную многообразную земскую работу. И тутъ-то оказалось, что въ правомъ дворянскомъ лагерѣ не хватало ни навыковъ къ земской работѣ, ни необходимыхъ знаній, ни подходящихъ людей. Газеты изъ многихъ мѣстъ провинціи приносятъ мрачныя извѣстія о развалѣ земскаго дѣла. Разгромъ первокласснаго вятскаго земства уже подробно описанъ и въ газетахъ, и въ журналахъ. Для дополненія можно привести слѣдующее колоритное сообщеніе изъ Дмитріева, Курской губерніи, прославившейся своимъ выдающимся земскимъ черносотенствомъ. „Закончившееся недавно очередное земское собраніе — говоритъ „Утро" — обнаружило массу дефектовъ въ земскомъ дѣлѣ. Выяснился цѣлый рядъ растратъ: по земской кассѣ, по сельско-хозяйственному складу, по Томилинскому имѣнію, въ силу завѣщанія перешедшему въ собственность земства. Растрата по земской кассѣ произведена членомъ управы по назначенію Мазуровымъ и выразилась въ суммѣ 1.400 рублей. Растрата по сельско-хозяйственному складу достигла 2.400 рублей. Наконецъ, растрата по Томилинскому имѣнію исчислена въ 27.000 рублей. Рядомъ съ этимъ докладъ ревизіонной коммиссіи нарисовалъ общую безотрадную картину земской безхозяйственности. Довольно

значительныя ассигновки на школьное строительство по цѣлымъ годамъ остаются безъ движенія. Школы строятся по пяти и болѣе лѣтъ. Нѣтъ правильнаго надзора за выстроенными школами. Нѣкоторыя школьныя зданія грозятъ завалиться и задавить школьниковъ. Другія—сырыя, темныя, тѣсныя. Въ печальномъ состояніи дорожное дѣло. Совершенно отсутствуетъ ученый агрономъ. Хромаютъ ветеринарія и медицинская часть. Въ общемъ состояніе земскаго дѣла въ уѣздѣ производитъ удручающее впечатлѣніе".

Въ подобномъ же духѣ корреспонденція „Русскихъ Вѣдомостей" изъ Одоева, Тульской губерніи: „Закончилась очередная сессія земскаго собранія. Все, что удалось сдѣлать собранію и оставить въ назиданіе потомству, это — констатировать полную разруху земскаго дѣла въ уѣздѣ, вызванную стремленіемъ къ насажденію „сильной власти" на мѣстахъ". Хозяйничали въ управѣ „назначенныя" лица, и результаты получились такіе: „цѣлый рядъ прошлогоднихъ постановленій, въ томъ числѣ постановленіе о приглашеніи уѣзднаго агронома, остались неисполненными. Почти всѣ представленные собранію доклады пришлось предложить управѣ переработать и представить ближайшему экстренному собранію, такъ какъ понять ихъ, при лучшемъ желаніи, не представлялось возможнымъ. Отчетность также оказалась до-нельзя запутанной. Поступленій по кассовымъ книгамъ числится 56 съ чѣмъ-то тысячъ, тогда какъ по другимъ документамъ видно, что они превышаютъ 112 тыс. рублей, и сколько ревизіонная коммиссія ни билась надъ этимъ дѣломъ, распутать управскій отчетъ ей все-же не удалось". Много нашлось и разныхъ другихъ неправильностей и недоразумѣній. Шесть гласныхъ подали особое мнѣніе, въ которомъ требуютъ назначенія правительственной ревизіи.

Рядъ подобныхъ фактовъ земскаго хозяйничанья, очевидно, нагоняетъ теперь оторопь даже на многихъ консервативныхъ земцевъ. Слишкомъ ужъ постыдно разваливается земское дѣло подъ двойнымъ воздѣйствіемъ администраціи и праваго дворянства. О неотложности земской реформы начинаютъ уже нетерпѣливо покрикивать разнообразные и неожиданные голоса. Неужели наши законодательныя палаты и петербургская бюрократія не разслышатъ даже и эти близкіе, родственные имъ голоса?

И. Жилкинъ.

КОНСТИТУЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ЕГИПТѢ

I.

Какъ ни сильно повліяли внѣшнія событія послѣднихъ лѣтъ на пробужденіе въ Египтѣ конституціонныхъ стремленій, источникомъ ихъ является главнымъ образомъ внутреннее состояніе страны. Разореніе населенія и произволъ властей — вотъ причины египетскаго движенія. Начало его относится еще къ семидесятымъ годамъ, когда расточительностью хедива Измаила страна была доведена до банкротства. Когда въ 1879-мъ году былъ низложенъ Измаилъ, образовавшійся союзъ младоегиптянъ представилъ его преемнику, Тевфику I, адресъ, заключавшій въ себѣ проектъ реформъ, направленныхъ на возрожденіе страны. Адресъ этотъ рисуетъ положеніе Египта весьма мрачными красками. „Масса народа — говорится въ немъ, — обложенная выше своей платежеспособности въ пользу небольшой кучки эксплуататоровъ; возрастающая со дня на день нищета; все растущее число случаевъ отнятія земли; первобытная и небрежная система сельскаго хозяйства; недостатокъ орошенія, пользованіе которымъ доступно только болѣе сильнымъ; необузданная спекуляція, жертвою которой является феллахъ, попадающій въ руки кулаковъ; безотвѣтственность чиновниковъ; отсутствіе серьезнаго контроля; неполнота и разрозненность дѣйствующихъ законовъ; дурное отправленіе правосудія; неправильное собираніе налоговъ; взяточничество и интриги чиновниковъ; плачевное состояніе финансовъ; полное истощеніе источниковъ дохода; все болѣе усложняющееся политическое положеніе — такова картина, которую представляетъ наша страна". Единственный выходъ изъ этого положенія союзъ видѣлъ въ немедленномъ устраненіи четырехъ основныхъ причинъ бѣдствія египетскаго народа: 1) соединенія всѣхъ видовъ власти въ одномъ лицѣ; 2) отсутствія законовъ, опредѣляющихъ права и обязанности властей и населенія; 3) отсутствія правосудія и 4) невѣжества населенія. Логическимъ выводомъ отсюда являлось требованіе конституціи, которое союзъ и предъявилъ хедиву. Младоегиптяне требовали раздѣленія властей законодательной, исполнительной и судебной, отвѣтственности министерства передъ законодательною властью, ра-

венства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, справедливаго распредѣленія налоговъ, неприкосновенности личности, жилища и имущества, свободы совѣсти, слова, собраній и печати, несмѣняемости судей, всеобщей воинской повинности, всеобщаго избирательнаго права, мѣстнаго самоуправленія и широкаго, безплатнаго образованія народа.

Одновременно съ этимъ либеральнымъ движеніемъ, въ Египтѣ вспыхнуло и националистическое, направленное противъ европейцевъ и турецкаго правительства, которому націоналисты приписывали покровительство европейцамъ. Закончившееся въ 1882 г. военнымъ возстаніемъ, во главѣ котораго сталъ военный министръ Араби-паша, движеніе это привело къ вмѣшательству европейскихъ державъ, оккупаціи Египта англійскими войсками и фактическому установленію англійскаго господства, продолжающагося и понынѣ.

Англичане энергично принялись за упорядоченіе египетскихъ дѣлъ. Многія язвы египетской жизни были если не залечены окончательно, то очищены и обезврежены. Урегулированы были долги египетскаго правительства, улучшены условія культурной жизни, особенно въ городахъ, проведены желѣзныя дороги, трамваи, телефоны, реорганизована на англійскій образецъ почта, улучшена полиція, построено много великолѣпныхъ зданій и мостовъ, сооружены двѣ колоссальныя плотины для урегулированія разливовъ Нила и т. п. Однако весьма немногія изъ этихъ грандіозныхъ и цѣнныхъ предпріятій коснулись существеннымъ образомъ интересовъ коренного населенія Египта — феллаховъ, составляющихъ 90% населенія. Все сдѣланное англичанами имѣетъ значеніе для культурной части населенія, т.-е. для небольшой кучки европейцевъ, насчитывающей 112 тысячъ чел., да такой же кучки богатыхъ, европеизированныхъ турокъ и арабовъ. Феллахи же, какъ были безправны, угнетены, разорены, невѣжественны и малоземельны до оккупаціи, такъ и остаются понынѣ. Изъ громадной площади въ 5.266.000 федданъ [1]) культурной земли только 1.215.665 федданъ, т.-е. 23%, принадлежали въ 1905 г. 937.470 лицамъ, владѣющимъ менѣе чѣмъ пятью федданами и составляющимъ около 86% общаго числа землевладѣльцевъ; главная масса земли, т.-е. 77%, сосредоточена въ рукахъ остальныхъ 14% землевладѣльцевъ, маленькая группа которыхъ (1,12%) владѣетъ почти 45% всей земельной площади. И это преобладаніе крупныхъ собственниковъ имѣетъ далеко не случайный характеръ: оно является прямымъ результатомъ обѣднѣнія феллаховъ. Подъ вліяніемъ ничѣмъ несдерживаемаго развитія въ странѣ ростовщичества, задолженность фел-

[1]) Федданъ = 4,200 кв. метрамъ. Приводимыя цифры заимствованы нами изъ отчета лорда Кромера, 1905 г.

лаховъ-землевладѣльцевъ достигала въ 1905 г. колоссальной цифры почти въ 200.000.000 руб. Не умѣя выпутываться изъ сѣтей ростовщиковъ, феллахи платятся за это своею землею и идутъ къ неизбѣжному обнищанію. Но и тѣ, которые еще не успѣли лишиться земли, влачатъ жалкое существованіе: имѣя въ среднемъ не болѣе $1^1/_4$ феддана на душу, они, благодаря первобытнымъ способамъ обработки, примитивности земледѣльческихъ орудій и недоступности орошенія, получаютъ со своей земли жалкій доходъ, далеко не всегда обезпечивающій скудное существованіе въ высшей степени нетребовательнаго египетскаго крестьянина. Чтобы дополнить свой заработокъ, большинство феллаховъ вынуждено идти въ батраки, получая въ крупныхъ экономіяхъ не болѣе 30—40 коп. въ день на своихъ харчахъ. О томъ, какъ быстро идетъ процессъ обезземеленія феллаховъ, можно судить по тому, что въ 1891 г. на каждаго мелкаго владѣльца приходилось около $1^3/_5$ феддана земли, а 10 лѣтъ спустя эта средняя цифра понизилась до $1^1/_4$ феддана.

Не менѣе печальна для массы туземнаго населенія и финансовая дѣятельность руководимаго англичанами египетскаго правительства. Съ внѣшней стороны, она имѣетъ блестящій видъ. Бюджетъ страны быстро растетъ: въ 1882 г. (годъ оккупаціи) приходъ былъ 8.852.000 ф. ст., расходъ — 9.018.000; въ 1908 г. по смѣтѣ приходъ достигалъ 15.030.000, а расходъ — 14.730.000 ф. ст. Приходъ за 26 лѣтъ не только почти удвоился, но сталъ превышать расходы; долги государства не только перестали возрастать, но даже уменьшаются, хотя и медленно. Но если поближе разсмотрѣть эти блестящіе успѣхи, то для оптимизма не останется никакихъ основаній. Такъ, по смѣтѣ на 1908 г. изъ 15.030.000 ф. ст. дохода болѣе 9-ти мил. ф. ст. приходится на долю поступленія отъ различныхъ налоговъ, сумма которыхъ превышаетъ весь приходный бюджетъ 1882 г., что̀, конечно, происходитъ за счетъ 11-тимилліонной массы туземцевъ. Главную часть расходнаго бюджета—болѣе $9^1/_2$ мил. ф. стер.—составляютъ содержаніе администраціи, цивильный листъ, содержаніе арміи, эксплуатація желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа, т.-е. такихъ отраслей, которыя имѣютъ значеніе для живущихъ въ Египтѣ европейцевъ и культурныхъ классовъ туземцевъ, но для массы туземнаго населенія почти ничего, кромѣ экономическаго гнета, не представляютъ. Остальная сумма расходовъ—около 5 мил.—идетъ на погашеніе долговъ, созданныхъ расточительностью хедивовъ. Для культурныхъ мѣропріятій, могущихъ поднять благосостояніе страны, остается очень мало. Въ расходномъ бюджетѣ 1903 г., напримѣръ, на содержаніе школъ для 11-ти мил. населенія отпущено всего около 1.100 тыс. руб.; а между тѣмъ въ странѣ насчитывалось всего лишь 9,5% грамотныхъ мужчинъ и 0,3% грамотныхъ женщинъ.

Такая экономическая политика англичанъ не могла удовлетворить ни демократически настроенныхъ круговъ мѣстнаго населенія, ни близкихъ къ нимъ египетскихъ націоналистовъ, которые, потерпѣвъ пораженіе въ открытомъ возстаніи, обратились къ инымъ формамъ борьбы съ чужеземнымъ вліяніемъ. Слившись съ конституціоналистами, они образовали національную египетскую партію, въ программу которой вошли какъ исконныя требованія объ эвакуаціи Египта и отмѣнѣ капитуляцій, такъ и всѣ пожеланія конституціоналистовъ, высказанныя ими въ петиціи Тевфику I. Во главѣ этой партіи до послѣдняго времени стоялъ энергичный, европейски образованный египтянинъ Мустафа Камель-паша, редакторъ издававшейся въ Каирѣ на арабскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ газеты „Знамя". Его дѣятельность доставила партіи много приверженцевъ въ Египтѣ и обратила на себя вниманіе Европы. Особенно усилилось движеніе египетскихъ націоналистовъ въ 1904 г., когда, вмѣсто ожидавшейся эвакуаціи Египта, англичане заключили съ Франціей и другими державами договоры, въ силу которыхъ эти государства обязались не требовать отъ Англіи установленія срока, въ который она должна очистить Египетъ. Націоналисты основали нѣсколько новыхъ партійныхъ газетъ на арабскомъ языкѣ. Къ движенію примкнули нѣкоторые члены законодательнаго совѣта. Годы русской и въ особенности персидской революцій не остались безъ вліянія на судьбы конституціоннаго движенія въ Египтѣ. Въ 1907-мъ году, когда исполнилось 25-ти-лѣтіе оккупаціи Египта, въ Каирѣ образовалась народная партія, задачи которой почти совпадаютъ съ задачами націоналистовъ. Въ программу ея входитъ стремленіе къ достиженію автономіи Египта, введеніе представительнаго образа правленія, реформа воспитанія, улучшеніе земледѣлія, поднятіе торговли и промышленности. Въ новую партію вступило много видныхъ туземцевъ и членовъ законодательнаго совѣта, въ томъ числѣ его вице-президентъ. Не смотря на оживленную агитацію, на политическое возбужденіе въ странѣ, египетскія партіи, однако, не предпринимали никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, ограничиваясь обращеніями отдѣльныхъ лицъ къ англійскимъ политическимъ дѣятелямъ, стоящимъ во главѣ управленія египетскими дѣлами.

Младотурецкій переворотъ въ Константинополѣ подвинулъ египетскихъ дѣятелей на болѣе рѣшительныя дѣйствія. Лѣтомъ 1908-го года они обратились къ Аббасу-Хильми II съ петиціей, въ которой содержались слѣдующія требованія: 1) установленіе всеобщаго и обязательнаго обученія; 2) признаніе арабскаго языка господствующимъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) выработка конституціи, по которой законодательная власть должна быть предоставлена парла-

менту въ дѣлахъ, касающихся однихъ египтянъ; 4) правительственные чиновники европейскаго происхожденія должны быть постепенно замѣнены египтянами; 5) юрисдикція по уголовнымъ дѣламъ должна быть передана существующимъ смѣшаннымъ судамъ; 6) Каиръ долженъ получить городское самоуправленіе. Представительныя учрежденія должны состоять изъ двухъ палатъ; засѣданія ихъ должны быть гласными и публичными; veto хедива теряетъ силу, если какой-нибудь законъ будетъ принятъ двумя третями голосовъ обѣихъ палатъ. Иностранцы въ избраніи депутатовъ не участвуютъ. Хедивъ не далъ въ отвѣтъ никакихъ обѣщаній, ибо онъ не больше самихъ петиціонеровъ воленъ былъ рѣшать поставленные имъ вопросы. Конституціоналисты усилили свою агитаціонную дѣятельность; имъ удалось привлечь на свою сторону большинство египетскаго законодательнаго совѣта. Въ концѣ октября прошлаго года законодательный совѣтъ обратился къ хедиву съ такими же требованіями, какія были ему предъявлены конституціоналистами, и съ этого времени вопросъ о томъ, быть или не быть египетской конституціи, слѣдуетъ признать имѣющимъ весьма серьезное значеніе.

II.

То, что было сдѣлано англичанами въ смыслѣ приближенія египетскаго государственнаго управленія къ европейскимъ порядкамъ, не могло удовлетворить египетскихъ конституціоналистовъ. Органическимъ закономъ 1 мая 1883 г., изданнымъ хедивомъ Тевфикомъ I [1]), въ систему государственнаго управленія Египта введены были слѣдующіе органы народнаго представительства: 1) законодательный совѣтъ; 2) генеральное собраніе и 3) мѣстные совѣты. Первый изъ этихъ органовъ — наиболѣе важный. Онъ состоитъ изъ тридцати членовъ, изъ коихъ четырнадцать назначаются хедивомъ, а шестнадцать избираются всѣми гражданами, знающими грамоту и имѣющими не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Избраніе производится не прямо, а черезъ выборщиковъ, которые избираютъ изъ своей среды членовъ мѣстныхъ совѣтовъ, а послѣдніе въ свою очередь избираютъ членовъ законодательнаго совѣта. Президентъ и вице-президентъ совѣта назначаются хедивомъ. Совѣтъ не имѣетъ никакой законода-

---

[1]) Не смотря на то, что со времени оккупаціи ни одинъ сколько-нибудь крупный законодательный или административный актъ не издается безъ воли Англіи, всякое волеизъявленіе правительства въ Египтѣ публикуется отъ имени номинальнаго главы правительства—хедива. Законъ 1 мая 1883 г. былъ подготовленъ лордомъ Дэффериномъ.

тельной власти. Онъ собирается шесть разъ въ годъ и разсматриваетъ бюджетъ и всѣ законопроекты правительства. Послѣднее не обязано руководствоваться его постановленіями; оно должно только сообщить совѣту мотивы, по которымъ оно не уважило его мнѣніе, но мотивы эти не подлежатъ обсужденію совѣта. Законодательной иниціативы совѣтъ не имѣетъ. Значеніе его фактически сводится къ нулю; правительство считаетъ обращеніе къ нему простой формальностью. Населеніе ничего не знаетъ о дѣятельности совѣта, такъ какъ засѣданія его непубличны, а печатаемые съ большимъ опозданіемъ въ оффиціальной газетѣ отчеты о засѣданіяхъ совѣта состоятъ изъ краткаго изложенія его постановленій.

Генеральное собраніе также не имѣетъ ни законодательныхъ правъ, ни законодательной иниціативы, но никакіе новые прямые налоги, ни земельные, ни личные, не могутъ быть введены безъ его согласія. Это столь важное право лишено всякаго реальнаго содержанія, такъ какъ въ Египтѣ господствуетъ система косвенныхъ налоговъ, вводимыхъ безъ согласія народнаго представительства. За всѣ 25 лѣтъ своего существованія генеральное собраніе ни разу не воспользовалось своимъ правомъ. Во всѣхъ другихъ, весьма важныхъ вопросахъ, какъ заключеніе займовъ, сооруженіе каналовъ и желѣзныхъ дорогъ общаго пользованія, распредѣленіе земель въ цѣляхъ обложенія ихъ земельнымъ налогомъ и т. п., генеральное собраніе имѣетъ лишь совѣщательный голосъ. Представительство народа въ этой палатѣ выражено нѣсколько больше, чѣмъ въ законодательномъ совѣтѣ: кромѣ всѣхъ членовъ послѣдняго и всѣхъ министровъ, въ составъ генеральнаго собранія входятъ 46 выборныхъ членовъ отъ провинцій и городовъ. За то активность палаты до крайности ограничена тѣмъ, что законъ не требуетъ ея созыва болѣе одного раза въ теченіе двухъ лѣтъ.

Столь же далеки отъ началъ истиннаго народнаго представительства и мѣстные совѣты, громко называемые въ отчетахъ англійскаго намѣстника въ Египтѣ, лорда Кромера, органами мѣстнаго самоуправленія. Проектируя созданіе этихъ органовъ, лордъ Дэфферинъ писалъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, цитируемыхъ лордомъ Кромеромъ, что „мѣстное самоуправленіе лучше всего приближаетъ страну къ конституціонному режиму, являясь первою ступенью къ нему“ [1]. О томъ, насколько мало совѣты отвѣчаютъ этому идеалу, можно судить по составу ихъ избирателей и самихъ совѣтовъ. Лордъ Кромеръ, считающій нынѣшнія представительныя учрежденія Египта самыми либеральными, какія могутъ быть даны этой странѣ, признаетъ,

---

[1]) „Rapport de lord Cromer sur l'Egypte et le Soudan pour l'annee 1906“, Каиръ, 1907.

что всѣ сельскіе делегаты, уполномоченные для избранія членовъ мѣстныхъ совѣтовъ, принадлежатъ къ одному классу и имѣютъ одинаковые интересы; это, обыкновенно — сельскіе старшины или мэры. Если прибавить къ этому, что во главѣ мѣстныхъ совѣтовъ стоятъ мудиры (губернаторы), т.-е. чиновники, съ произволомъ и недобросовѣстностью которыхъ призваны бороться совѣты, то станетъ понятна вся призрачность этого учрежденія. Собираются совѣты не болѣе одного раза въ годъ; созывъ ихъ зависитъ отъ мудира, но послѣдній не можетъ приступить къ нему, пока не будетъ на то уполномоченъ особымъ декретомъ хедива, назначающимъ день открытія и срокъ продолжительности сессіи.

Создавая всѣ эти учрежденія, англичане думали не о дарованіи египтянамъ самоуправленія, а о свободѣ дѣйствій англійскихъ чиновниковъ „Сверху до низу — пишетъ французскій наблюдатель — лѣстница управленія Египтомъ представляетъ абсолютный дуализмъ, два правительства, изъ которыхъ одно кажущееся, а другое дѣйствительное. Съ одной стороны — хедивъ и совѣтъ министровъ, съ другой — лордъ Кромеръ и англійскіе совѣтники въ разныхъ министерскихъ департаментахъ. Такъ обстоитъ дѣло въ Каирѣ. Въ провинціи — мудиры, не имѣющіе другого назначенія, кромѣ непріятной обязанности собирать подати. Рядомъ съ ними — англійскіе чиновники, въ рукахъ которыхъ находится управленіе полиціей, орошеніемъ и общественнымъ здравіемъ“ [1]).

Управлявшій дѣлами Египта почти съ начала оккупаціи до 1907 г. лордъ Кромеръ считаетъ существующее положеніе въ Египтѣ вполнѣ отвѣчающимъ интересамъ страны и ея населенія и требующимъ лишь нѣкоторыхъ частичныхъ улучшеній. Къ домогательствамъ конституціоналистовъ онъ относится отрицательно, считая ихъ неосуществимыми. „Можетъ ли здравомыслящій человѣкъ думать — говоритъ онъ въ послѣднемъ своемъ отчетѣ, — чтобы страна, которая въ теченіе вѣковъ, находясь подъ властью своихъ фараоновъ и пашей, жила подъ тягчайшимъ гнетомъ управленія, страна, которая еще девять лѣтъ тому назадъ насчитывала не болѣе 9,5°/₀ мужчинъ и 0,3°/₀ женщинъ, умѣющихъ читать и писать, чтобы такая страна могла сразу подняться до положенія, въ которомъ она съумѣла бы пользоваться полнымъ правомъ самоуправленія, не причиняя ущерба ни себѣ, ни тѣмъ, кто заинтересованъ въ ея процвѣтаніи?“

Послѣ того какъ лордъ Кромеръ высказалъ эти аргументы, въ Египтѣ развернулся цѣлый рядъ событій, показавшихъ, что конституціоналисты очень настойчиво продолжаютъ добиваться осуществле-

---

[1]) E. Aubin, „Les anglais aux Indes et en Egypte“, Парижъ, 1899.

нія своей политической программы. Сочувствіе, которое выразилъ имъ законодательный совѣтъ, самъ предъявившій хедиву конституціонныя требованія, указываетъ на то, что едва ли правъ Кромеръ, считая эти домогательства химеричными и непродуманными измышленіями единичныхъ интеллигентныхъ египтянъ.

По соображеніямъ, ничего общаго съ благомъ египетскаго населенія не имѣющимъ, англичане не могутъ сочувствовать конституціонному движенію въ Египтѣ. Сохраняя свое политическое вліяніе въ странѣ, Англія господствуетъ и на египетскомъ рынкѣ: въ 1906 г. изъ общаго оборота по внѣшней торговлѣ Египта въ суммѣ около 49 мил. фунт. стерл. на долю Англіи приходилось около 23 мил. фунт. стерл., т.-е. болѣе 58%. Съ введеніемъ конституціи пало бы политическое господство Англіи, а вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно, и господство экономическое. Но не одна Англія можетъ явиться препятствіемъ къ политической реформѣ Египта; есть и другія европейскія государства, во многихъ отношеніяхъ заинтересованныя въ сохраненіи status quo. Задолженность Египта, доходящая почти до 1 милліарда рублей (въ 1907 г. она составляла сумму въ 96.180.660 фунт. стерл.), ставитъ его въ зависимость отъ большинства великихъ державъ. Для обезпеченія интересовъ своихъ капиталистовъ, ссудившихъ хедива Измаила, державы настояли на учрежденіи въ Египтѣ особыхъ представительныхъ органовъ, роль которыхъ должна окончиться лишь съ погашеніемъ всѣхъ внѣшнихъ долговъ страны. Главный изъ нихъ—Caisse de la Dette. Основанная хедивомъ въ 1876 г., она была преобразована въ международное учрежденіе, въ составъ котораго входятъ коммиссары всѣхъ заинтересованныхъ державъ. Она пріобрѣла громадное вліяніе на управленіе финансами страны. Это вліяніе усиливается еще тѣмъ, что нѣкоторые изъ долговъ обезпечены доходами желѣзныхъ дорогъ, телеграфа и Александрійскаго порта и гарантированы учрежденіемъ спеціальной администраціи изъ француза, англичанина и египтянина; другіе обезпечены залогомъ казенныхъ и удѣльныхъ земель въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ, управляемыхъ международною коммиссіею, и правомъ на доходы отъ нѣкоторыхъ налоговъ. „Касса долговъ“ не только заботится о правильной уплатѣ процентовъ и погашенія, но и контролируетъ расходы казны и заключеніе новыхъ займовъ. Въ этомъ отношеніи египетское правительство связано цѣлымъ рядомъ регламентовъ, нарушеніе которыхъ даетъ „Кассѣ“ право обращаться къ международному суду. Никакое измѣненіе въ налогахъ, которыми гарантированы долги, не можетъ быть произведено помимо Кассы. Касса вмѣшивается даже въ тѣ распоряженія правительства, которыя, не имѣя къ долгамъ прямого отношенія, могутъ, по мнѣнію Кассы, нарушить интересы кредиторовъ. При

такомъ положеніи вещей дѣятельность египетскаго парламента, еслибы онъ былъ учрежденъ, на первыхъ же шагахъ столкнется съ интересами державъ, т.-е. съ интересами европейскихъ кредиторовъ Египта.

Этимъ не исчерпываются затрудненія, которыя можетъ встрѣтить введеніе въ Египтѣ конституціи. Значительнымъ препятствіемъ на этомъ пути являются такъ называемыя Capitulations—договоры европейскихъ государствъ съ сюзереномъ Египта, Турціей, о предоставленіи живущимъ въ Египтѣ европейцамъ исключительныхъ привилегій. Эти договоры заключались европейцами еще въ XVI столѣтіи, когда пребываніе христіанъ среди фанатически настроенныхъ мусульманъ могло представлять опасность для ихъ достоинства, имущества и жизни. Позднѣе, въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, когда общеніе европейцевъ съ арабами приняло широкіе размѣры и въ Египтѣ образовались многолюдныя колоніи европейцевъ, въ рукахъ которыхъ были сосредоточены промышленность, торговля и значительная часть свободныхъ профессій,—капитуляціи возобновлялись и дополнялись, расширяя привилегіи европейцевъ. Послѣднее такое дополненіе состоялось въ 1876 г., когда въ Египтѣ были введены такъ называемые смѣшанные суды. Согласно существующимъ въ настоящее время капитуляціямъ, европейцы, живущіе въ Египтѣ, освобождены отъ нѣкоторыхъ налоговъ, пользуются неприкосновенностью личности и жилища, неподсудны мѣстнымъ судамъ въ дѣлахъ уголовныхъ, а въ дѣлахъ гражданскихъ и коммерческихъ подлежатъ юрисдикціи особыхъ трибуналовъ, состоящихъ изъ европейскихъ и туземныхъ судей. При введеніи въ жизнь конституціи, отмѣна капитуляцій станетъ неизбѣжною, а на нее врядъ ли дадутъ свое согласіе европейскія державы.

III.

Итакъ, на пути національнаго и культурнаго возрожденія Египта стоятъ два трудно одолимыхъ препятствія: оккупація и капитуляціи. Сознавая несбыточность, при такихъ условіяхъ, мечты о неограниченной автономіи, конституціоналисты, въ сущности, и не ставятъ введеніе конституціи въ связь съ уничтоженіемъ обоихъ названныхъ институтовъ, что видно хотя бы изъ ихъ программы, представленной прошлымъ лѣтомъ хедиву. Они требуютъ выработки такой конституціи, при которой законодательная власть предоставлялась бы парламенту только въ дѣлахъ, касающихся однихъ египтянъ; все относящееся къ европейцамъ, живущимъ на территоріи Египта, не должно подлежать вѣдѣнію египетскаго парламента. Судя по тому, что въ программѣ ничего не говорится объ отмѣнѣ привилегій европейцевъ,

надо думать, что послѣднимъ будетъ предоставлено пользованіе всѣми выгодами капитуляцій. Смѣшанные суды точно также не отмѣняются программой; къ юрисдикціи ихъ прибавляется юрисдикція консульскихъ судовъ, которыми судятся европейцы по уголовнымъ дѣламъ. Единственное ограниченіе, требуемое программою для европейцевъ, сводится къ постепенной замѣнѣ правительственныхъ чиновниковъ европейскаго происхожденія туземными, такъ какъ только при такомъ условіи исполнительная власть можетъ осуществлять волю законодательной власти. Египтяне, такимъ образомъ, хотятъ управлять сами только *своими* дѣлами, нисколько не нарушая ни интересовъ, ни привилегій европейцевъ, живущихъ на египетской территоріи. Вслѣдствіе этого отпадаетъ основной аргументъ, выставляемый англичанами противъ автономіи Египта—несовмѣстимость ея съ интересами европейцевъ. Но помимо интересовъ европейцевъ существуютъ еще частные интересы самихъ англичанъ. Они затрогиваются не только требованіемъ замѣны туземцами иностранныхъ чиновниковъ, среди которыхъ подавляющее большинство англичанъ, но и самымъ фактомъ введенія конституціи, еслибы онъ осуществился. Хотя конституціоналисты совершенно не касаются въ своей программѣ вопроса объ оккупаціи, какъ бы мирясь съ ея существованіемъ, но англичане понимаютъ, что конституція превратитъ оккупацію въ пустой звукъ, ибо уничтожитъ возможность вмѣшательства Англіи во внутреннія дѣла Египта. Именно этого больше всего опасаются англичане. Поэтому они подвергаютъ критикѣ основныя требованія конституціоналистовъ. Такъ, говоря о ихъ требованіи отвѣтственнаго предъ палатою министерства, лордъ Кромеръ заявляетъ, что это приведетъ „къ господству всевозможныхъ интригъ. Система взяточничества и подкупа, нѣкогда столь распространенная въ Египтѣ, а нынѣ умирающая медленною смертью, вновь возродится. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что подъ флагомъ либеральныхъ учрежденій вновь появятся злѣйшія язвы автократическаго управленія". Также отрицательно Кромеръ относится къ возможности предоставленія парламенту абсолютнаго контроля надъ финансами страны: это, по его мнѣнію, почти неизбѣжно приведетъ къ національному банкротству.

Пока неизвѣстно, какъ отнесется англійское правительство къ требованіямъ конституціоналистовъ; но изъ словъ лорда Кромера видно, что если оно и намѣрено считаться съ необходимостью реформъ въ Египтѣ, то лишь въ области урегулированія отношеній между европейцами и туземнымъ населеніемъ, въ смыслѣ замѣны капитуляцій какимъ-нибудь другимъ институтомъ. Этимъ институтомъ по проекту лорда Кромера, можетъ служить международный законодательный совѣтъ, образуемый изъ представителей европейскихъ дер-

жавъ для выработки законовъ, регулирующихъ положеніе европейцевъ въ странѣ и отношенія ихъ къ туземцамъ. Совѣтъ этотъ долженъ быть постояннымъ учрежденіемъ. Изъ 30—40 членовъ совѣта часть назначается египетскимъ правительствомъ и можетъ состоять изъ туземцевъ; что касается представителей европейскихъ державъ, то они распредѣляются пропорціонально интересамъ каждой изъ нихъ въ Египтѣ. Изданные по постановленію совѣта египетскимъ правительствомъ, съ согласія Великобританіи, законы становятся обязательными для всѣхъ европейцевъ, живущихъ въ Египтѣ. Проектируя созданіе этого совѣта, лордъ Кромеръ оговаривается, что существующіе законодательный совѣтъ и генеральное собраніе, компетентные только въ туземныхъ дѣлахъ, должны оставаться безъ всякаго измѣненія. Въ этомъ проектѣ ярко сказалась основная тенденція Англіи: все для англичанъ и европейцевъ, ничего для египтянъ.

Остается еще одна неизвѣстная величина въ вопросѣ о томъ, быть или не быть египетской конституціи: отношеніе другихъ европейскихъ государствъ. Не затрогивая своей программой интересовъ европейцевъ, конституціоналисты могли бы разсчитывать на невмѣшательство ихъ въ это дѣло; но это значило бы, что все будетъ предоставлено на волю Англіи, которая и устроитъ все согласно своимъ желаніямъ. Слѣдовательно, и на поддержку державъ конституціонное движеніе египтянъ разсчитывать не можетъ. Единственное, на что могли бы разсчитывать египтяне, это—международное соперничество. Но современное соотношеніе европейскихъ державъ не открываетъ египтянамъ сколько-нибудь радужныхъ перспективъ, и имъ остается надѣяться на свои силы и на развитіе родного народа.

Ю. Лавриновичъ.

ЛОМБРОЗО И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЭВОЛЮЦІИ КРИМИНОЛОГІИ [1].

18 октября (нов. ст.) скончался въ Туринѣ профессоръ уголовной антропологіи Чезаре Ломброзо. Его имя едва-ли пользовалось гдѣ-либо болѣе широкою популярностью, чѣмъ въ Россіи. Среди своихъ сооте-

[1]) Подробный разборъ нѣкоторыхъ сторонъ ученія Ломброзо данъ въ статьѣ проф. В. М. Бехтерева: „Объективно-психологическій методъ въ примѣненіи къ изученію преступности", напечатанной въ №№ 8 и 9 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

чественниковъ авторъ теоріи о прирожденномъ преступникѣ нашелъ относительно мало приверженцевъ. Не далѣе, какъ въ 1900 г., одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Ломброзо, д-ръ Маріани, заявлялъ, что теоріи его учителя были лучше оцѣнены за границей, чѣмъ въ Италіи, гдѣ онѣ были встрѣчены весьма враждебно и вызвали крайне страстную и оживленную полемику. Это утвержденіе нуждается въ поправкѣ, ибо далеко нельзя сказать, чтобы повсюду, внѣ Италіи, обнаружилось сочувственное отношеніе къ автору „Преступнаго человѣка". Въ Германіи, напримѣръ, его теоріи были встрѣчены весьма скептически. Первый нѣмецкій спеціальный журналъ, посвященный уголовной антропологіи („Zeitschrift für Kriminal-Anthropologie, Gefängnisswissenschaft und Prostitutionswesen") [1]), появился только въ 1897 г., т.-е. цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ послѣ состоявшагося еще въ 1885 г. перваго международнаго конгресса по уголовной антропологіи (французскій журналъ „Archives d'anthropologie criminelle" сталъ издаваться еще въ 1886 г.), а издаваемый подъ редакціей профессора Гросса „Archiv für Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik" началъ выходить въ 1898 г. Пять лѣтъ спустя извѣстный нѣмецкій психіатръ Нэке (Naecke), подводя итоги дѣятельности своихъ соотечественниковъ на поприщѣ уголовной антропологіи, указывалъ на то, что въ Германіи— не смотря на обиліе превосходныхъ анатомовъ, изъ которыхъ многіе являются, къ тому же, и антропологами,—насчитывается весьма мало работъ по анатоміи и психологіи преступника. Это обстоятельство Нэке объяснялъ „крайнимъ отвращеніемъ" (*extrême dégoût*), которое внушили нѣмцамъ книги Ломброзо: „у насъ"—заявляетъ онъ не безъ значительной доли шовинизма—„не привыкли читать столь поверхностныя сочиненія, и потому было рѣшено, что уголовная антропологія—предметъ фантастическій и недостойный дальнѣйшаго изученія".

Такое отношеніе къ уголовной антропологіи замѣчалось и среди нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ. Мнѣ живо памятны дебаты, которые вызвало въ совѣтѣ профессоровъ Русской Высшей Школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ мое предложеніе внести уголовную антропологію въ обязательную часть программы Школы. Это предложеніе встрѣтило горячее сочувствіе только со стороны М. М. Ковалевскаго, доказывавшаго, что уголовная антропологія составляетъ, вмѣстѣ съ генетической соціологіей или общественной эмбріологіей, наиболѣе разработанную отрасль положительнаго обществовѣдѣнія. Наряду съ этимъ мнѣніемъ было высказано нѣсколько соображеній иного рода. Такъ, одинъ изъ профессоровъ полагалъ, что преподаваніе уголовной

[1]) Журналъ этотъ просуществовалъ всего одинъ годъ: его редакторъ-издатель, нѣкій Венге, оказался просто-на-просто авантюристомъ.

антропологіи является умѣстнымъ и доступнымъ только для медиковъ, а по мнѣнію другого — это преподаваніе нигдѣ не умѣстно, такъ какъ уголовная антропологія „не существуетъ". Въ вышеупомянутомъ очеркѣ д-ръ Нэке, стараясь окончательно дискредитировать ученіе Ломброзо, доказывалъ, что оно не нашло приверженцевъ или, по крайней мѣрѣ, все болѣе и болѣе теряетъ ихъ не только въ Германіи, но и въ Австріи, въ Англіи, во Франціи и т. д.

Ломброзо не скрывалъ, что его теоріи не имѣли успѣха въ Германіи, но это обстоятельство, казалось, мало смущало его. „Мои труды", говорилъ онъ, „не пользуются популярностью въ Германіи. Это не удивительно: они мало извѣстны и въ какой-нибудь Новой Каледоніи!" Покойный итальянскій ученый не менѣе безжалостно, впрочемъ, отзывался о бельгійцахъ и французахъ, также провинившихся въ несочувственномъ отношеніи къ его теоріямъ. Бельгійцы и французы, по его словамъ, „не созрѣли еще для этихъ новыхъ теорій и, слѣдовательно, неспособны понять ихъ. Они находятся въ положеніи людей, страдающихъ дальтонизмомъ, но желающихъ судить о красномъ цвѣтѣ".

Напротивъ, на нашихъ соотечественниковъ Ломброзо въ общемъ не могъ пожаловаться: его имя довольно скоро пріобрѣло у насъ самую широкую извѣстность. Въ 1897 г., на международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Москвѣ, гдѣ русскіе врачи составляли преобладающій элементъ, Ломброзо былъ встрѣченъ такою же грандіозною манифестаціей, какъ и знаменитый анатомо-патологъ, творецъ клѣточной патологіи, Рудольфъ Вирховъ.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что въ основѣ этой широкой популярности крылось, въ сущности, глубокое недоразумѣніе: у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, теорію Ломброзо о прирожденномъ преступникѣ сочли предвѣстницей эры гуманнаго отношенія къ преступникамъ. Именно съ этой точки зрѣнія, которая еще до сихъ поръ вызываетъ у французскихъ реакціонныхъ публицистовъ громы негодованія по адресу ученія итальянскаго профессора, въ Россіи должны были отнестись съ чрезмѣрнымъ энтузіазмомъ къ ученію, которое, какъ казалось на первый взглядъ, заставляетъ смотрѣть на преступниковъ, какъ смотритъ на нихъ нашъ народъ, т.-е. какъ на „несчастненькихъ".

Въ дѣйствительности, такое отношеніе къ преступнику далеко отъ того, что проповѣдывалъ самъ Ломброзо. Въ предисловіи къ 4-му изданію „Uomo delinquente" итальянскій профессоръ, отмѣтивъ возраженія, высказанныя различными учеными противъ его теоріи, говоритъ слѣдующее: „есть возраженіе, анонимное, неопредѣленное, какъ бы неосязаемое и мало заслуживающее отвѣта, но далеко не самое безо-

пасное: это то, что я назову возраженіемъ-легендою. Если вѣрить легендѣ, труды итальянской школы стремятся уничтожить уложеніе о наказаніяхъ, предоставить полную волю разбойникамъ и подорвать человѣческую свободу. Кто же не видитъ, однако, что если мы и умаляемъ отвѣтственность одной группы преступниковъ, то далеко не претендуемъ облегчить ихъ участь, а требуемъ для нихъ вѣчнаго заключенія!"

Съ другой стороны, въ настоящее время уже достаточно выяснены и установлены всѣ недочеты и методологическія ошибки трудовъ Ломброзо. Подробная критическая оцѣнка его антропологической и антрополого-психіатрической теоріи преступности была дана мною въ другомъ мѣстѣ [1]). Теперь достаточно замѣтить, что тотъ богатый, но чрезвычайно разнородный и далеко не всегда одинаковой научной цѣнности матеріалъ, которому Ломброзо и его ученики дали несовсѣмъ точное названіе *стигматовъ преступности*, оказался несостоятельнымъ для выработки какой бы то ни было формулы, опредѣляющей психофизическую организацію преступника. Единственный конечный выводъ, который мы въ правѣ сдѣлать изъ этого матеріала, состоитъ въ томъ, что представителей преступнаго міра, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно связываетъ извѣстная общность; но эта общность говоритъ только 1) объ общей экономической нищетѣ, алкоголизмѣ и т. п. факторахъ, порождающихъ оскудѣніе организма (misère physiologique) и 2) объ одинаковомъ складѣ жизни и, главнымъ образомъ, тюремной жизни преступниковъ.

Этотъ выводъ по своему значенію, конечно, далеко не соотвѣтствуетъ ни тѣмъ широкимъ притязаніямъ, какія теорія Ломброзо заявила съ первыхъ же шаговъ своего развитія, ни той громкой репутаціи, которая установилась за трудами итальянскаго профессора. И тѣмъ не менѣе даже цитированный выше нѣмецкій авторъ, относящійся такъ недружелюбно къ Ломброзо, называющій его „фантазеромъ", его идеи по психіатріи — „отчасти допотопными", всетаки считаетъ долгомъ подчеркнуть, что „никто, однако, не думаетъ лишать Ломброзо и его школу ихъ истинныхъ правъ на славу, тѣхъ правъ, которыя они пріобрѣли, доказавъ, что нужно изучать не преступленіе, а преступника".

На самомъ дѣлѣ Ломброзо далъ слишкомъ важное значеніе индивидуальному элементу въ преступленіи. Заслуга итальянскаго профессора, по нашему мнѣнію, не столько въ томъ, что онъ впервые выдвинулъ на сцену этотъ индивидуальный элементъ, сколько во-

---

[1]) См. мои лекціи: „Біологическіе и соціальные факторы преступности" („Міръ Божій", апрѣль и май 1903 г.).

обще въ попыткѣ связать преступность съ условіями дѣйствительности. Каковы бы ни были недочеты ученія Ломброзо, оно—какъ мы на это указывали еще въ 1903 г. — „заслуживаетъ вниманія, какъ *первая, по времени, серьезная попытка примѣненія закона причинности къ явленіямъ преступности*, попытка, которая, вызвавъ, въ силу своей оригинальности, чрезвычайный интересъ къ вопросу о преступности, заставила подвергнуть серьезной критикѣ общепринятыя положенія классической школы уголовнаго права и искать объясненія преступности не въ метафизическихъ представленіяхъ о свободѣ воли, а въ условіяхъ дѣйствительности".

Ошибки, лежавшія въ основѣ изслѣдованій Ломброзо, сослужили дѣлу изученія преступности замѣчательную службу: можно съ увѣренностью сказать, что еслибы Ломброзо обставилъ свое изслѣдованіе болѣе строгими требованіями научности и пришелъ сразу къ тѣмъ скромнымъ заключеніямъ, къ которымъ сводятся, какъ мы сейчасъ видѣли, данныя анатомо-психологическаго изслѣдованія преступника, ему никогда не удалось бы разбудить сонное царство классической школы уголовнаго права. Идея законосообразности явленій воспринимается съ чрезвычайнымъ трудомъ тамъ, гдѣ господствуетъ метафизика. Примѣненіе закона причинности очень долго оказывалось невозможнымъ даже по отношенію къ такому простому патологическому факту, какъ психическое разстройство. Въ Парижѣ, на площади, прилегающей къ больницѣ Сальпетріеръ, поставленъ памятникъ психіатру Пинелю, великая заслуга котораго состоитъ въ томъ, что онъ снялъ съ душевно-больныхъ цѣпи и впервые сталъ относиться къ психопатамъ какъ къ больнымъ, не подвергая ихъ всевозможнымъ пыткамъ, какія были въ ходу вплоть до начала прошлаго столѣтія, когда врачи утверждали, что душевная болѣзнь—слѣдствіе „добровольнаго уклоненія отъ пути добродѣтели". По отношенію къ преступникамъ эта концепція отличалась еще большей живучестью. Она господствовала не только среди богослововъ, но и среди юристовъ, исходившихъ изъ того положенія, что каждое—преступное или непреступное—дѣяніе человѣка есть не что иное, какъ продуктъ его свободной воли. Труды Ломброзо послужили плодотворнымъ толчкомъ для изслѣдованія причинъ или факторовъ преступности, и уже это одно является заслугою огромной важности. Чтобы оцѣнить ее по достоинству, необходимо имѣть въ виду, что при томъ абстрактно-юридическомъ характерѣ, который носило ученіе старой классической школы уголовнаго права, почти не могло быть и вопроса о факторахъ преступности. Правда, нѣкоторые защитники классической школы пытаются убѣдить насъ, будто эта школа нисколько не пренебрегала изученіемъ причинъ преступности. Такъ напримѣръ, русскій крими-

налистъ, Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, утверждаетъ, что „классическая школа уголовнаго права вовсе не ограничивается лишь систематизаціей понятія преступленія и наказанія, а занимается и изученіемъ ихъ, какъ конкретныхъ явленій, т.-е. причиннымъ ихъ выясненіемъ. Эту задачу преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, ученіе о наказаніи, гдѣ предлагается исторія разныхъ мѣръ борьбы съ преступленіями, ихъ современное положеніе и ихъ принципіальная постановка, которая есть не что иное, какъ уголовная политика; она невозможна безъ причиннаго выясненія преступленія и наказанія".

Такъ ли это, однако, въ дѣйствительности? Совмѣстимо ли изученіе факторовъ преступности съ лежавшей въ основѣ классической школы концепціей уголовной репрессіи, какъ равносильнаго возмездія? На это мы находимъ у одного изъ наиболѣе видныхъ представителей соціологическаго направленія уголовнаго правовѣдѣнія, берлинскаго профессора фонъ-Листа, вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: „Мы не устанемъ повторять, и притомъ самымъ категорическимъ образомъ, что классическая школа никогда серьезно не задавалась цѣлью изслѣдовать причины преступности. Психологическій анализъ преступленія она предоставляла поэтамъ, и среди криминалистовъ не находилось послѣдователей Ансельма Фейербаха. На каждый успѣхъ психіатріи классическая школа смотрѣла, какъ на непріятельское вторженіе въ находившуюся подъ ея исключительнымъ господствомъ область. Противъ такого вторженія она старалась бороться, пока пораженіе ея не стало яснымъ и она принуждена была укрыться отъ побѣдоносно наступающаго врага въ заново очерченныхъ границахъ. Даже работы по уголовной статистикѣ смущали олимпійское спокойствіе классической школы, собственно говоря, лишь потому, что въ доказываніи закономѣрности явленій соціальной жизни она видѣла колебаніе догмата о свободѣ воли, который она привыкла считать основой своей системы".

Представленіе о наказаніи, какъ о возмездіи, какъ о страданіи, представляющемъ своего рода необходимый эквивалентъ причиненнаго преступленіемъ зла,—это представленіе до того тѣсно слилось съ идеей правосудія, что въ теченіе долгихъ вѣковъ, да и по настоящее время, правосудіе является прежде всего воздаяніемъ за вину. По справедливому замѣчанію извѣстнаго итальянскаго криминолога, Энрико Ферри, современные юристы, законодатели и общественное мнѣніе не далеко ушли, въ этомъ отношеніи, отъ взглядовъ, изложенныхъ въ законахъ Ману, гдѣ роль наказанія опредѣляется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „для того, чтобы помочь царямъ, Богъ создалъ съ самаго начала геній наказанія... Наказаніе управляетъ родомъ человѣческимъ и защищаетъ его; наказаніе бодрствуетъ, когда человѣчество спитъ; наказаніе есть справедливость".

Въ какихъ только грѣхахъ не обвиняли уголовную антропологію! Въ 1895 г. одинъ изъ представителей французской прокуратуры въ торжественной рѣчи, произнесенной передъ открытіемъ судебныхъ занятій въ Нанси, тщательно подчеркивалъ настоятельную, по его мнѣнію, необходимость бороться съ популяризаціей теоріи антропологической школы, которая—увѣрялъ онъ—отрицаетъ всѣ принципы наказанія, разрушаетъ вѣру въ нашу свободу воли и тѣмъ самымъ подрываетъ индивидуальное достоинство человѣка.

Еще болѣе рѣзкое и категорическое осужденіе новыхъ тенденцій высказалъ не далѣе какъ семь лѣтъ тому назадъ профессоръ парижскаго юридическаго факультета Ларнодъ, на IX-мъ съѣздѣ международнаго союза уголовнаго права. Профессоръ Ларнодъ выразилъ опасеніе, какъ бы новая школа, занявшаяся личностью преступника, не развратила общество, не разрушила тѣхъ устоевъ, на которыхъ столько столѣтій благополучно зиждется зданіе государственнаго благоустройства. Старая школа, по мнѣнію парижскаго профессора, стремилась оградить общество отъ преступниковъ, а новая, внося разладъ и смѣшеніе понятій, поставила общество въ невозможныя условія. Ларнодъ жалѣетъ молодежь, которой предстоитъ, вмѣсто строгой, тонкой юридической дисциплины и завѣтовъ старины, окунуться въ эту атмосферу утопій, гипотезъ и безначалія. При новой школѣ—заключаетъ Ларнодъ—„не будетъ вовсе мѣста воспитанію судьи, адвокатъ будетъ разводить безконечныя теоріи, исчезнетъ государственная репрессія. Да и зачѣмъ новшества, когда порядокъ и сейчасъ отлично поддерживается?“

Статистика, однако, далеко не оправдываетъ такихъ оптимистическихъ воззрѣній на спасительное для порядка значеніе современныхъ карательныхъ системъ. Опубликованный нѣсколько дней тому назадъ статистическій отчетъ французскаго министра юстиціи о преступности во Франціи за 1907 г. показываетъ, что, по сравненію съ предыдущимъ годомъ, число обвиненій въ убійствѣ увеличилось на 22,5%, число обвиненій въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть — на 17,2%, число обвиненій въ изнасилованіи—на 14,8%.

Уложеніе о наказаніяхъ является, слѣдовательно, далеко не дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы остановить ростъ преступности. Оно въ этомъ отношеніи безсильно не потому, чтобы современная карательная система не отличалась достаточной строгостью, а потому, что преступность, какъ соціальное явленіе, зависитъ отъ причинъ, нисколько не подлежащихъ воздѣйствію карательныхъ мѣръ. Тотъ фактъ, что болѣе половины сейчасъ упомянутаго отчета посвящено выясненію связи преступности съ алкоголизмомъ—вопросу,

который только впервые разрабатывается французской оффиціальной статистикой,—лишній разъ свидѣтельствуетъ о господствующей роли, которую призвано играть въ борьбѣ съ преступностью изслѣдованіе ея этіологическихъ факторовъ.

Почти не существовавшій раньше для криминалистовъ, вопросъ о факторахъ преступности былъ рѣзко выдвинутъ на сцену именно трудами Ломброзо. И если отъ первоначальной антропологической теоріи преступности въ настоящее время остаются только развалины, то не слѣдуетъ забывать, что эта теорія была своего рода колыбелью современной криминологіи. Заслуга покойнаго туринскаго профессора—не въ научной цѣнности его теорій, а въ тѣхъ широкихъ „новыхъ горизонтахъ", которые онъ открылъ для криминологіи.

Левъ Шейнисъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ФРАНЦІИ

Мѣсяца два тому назадъ въ нѣкоей архи-благонамѣренной и довольно подозрительной „франко-русской" газеткѣ, издаваемой въ Женевѣ неизвѣстными лицами и съ неизвѣстными цѣлями, появилась передовая статья чрезвычайно рѣшительнаго тона. Въ ней говорилось, что, по дошедшимъ до редакціи слухамъ и свѣдѣніямъ, Франція, какъ республика, стоитъ на порогѣ тяжкихъ событій и грозныхъ переворотовъ; что въ арміи и чиновничьемъ мірѣ царятъ развратъ, продажность и предательство, будто бы даже переставшія удивлять самихъ французовъ; что монархисты, вмѣстѣ съ клерикалами, привлекли къ себѣ симпатіи огромныхъ слоевъ населенія, а потому-де даже не дни, а минуты республики сочтены.

Трудно сказать, явились ли всѣ эти страшныя слова плодомъ измышленій увѣреннаго въ себѣ наблюдателя, или же они были просто печатнымъ эквивалентомъ нѣкотораго—конечно, небольшого—количества банковыхъ билетовъ, умѣло двинутыхъ кѣмъ-либо изъ тѣхъ, cui prodest. Характерно одно совпаденіе: газетка заговорила обо всѣхъ этихъ ужасахъ какъ разъ наканунѣ появленія манифеста французскихъ епископовъ, объявившаго безпощадную войну свѣтскому образованію и демократическому режиму Франціи. Той тревоги и тѣхъ боевыхъ кличей, которые вскорѣ зазвучали по всей Франціи,

тогда еще не было слышно. Я позволилъ себѣ остановиться на этой женевской корреспонденціи потому, что малограмотныя писанья подобной прессы часто являются хорошимъ показателемъ остроты того или другого момента. „Развратъ", который будто бы царитъ и является нормой жизни во Франціи руководящей и управляющей — одна изъ басней, излюбленныхъ всѣми, кому вообще претитъ духъ смѣлаго демократическаго творчества. Тѣмъ не менѣе моментъ, переживаемый теперь Франціей, несомнѣнно одинъ изъ наиболѣе знаменательныхъ и трудныхъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это—моментъ революціонный. Такой характеръ признаютъ за нимъ весьма многіе, независимо отъ партій и положеній.

Когда рѣчь заходитъ о томъ, какими началами управляется нынѣ жизнь страны, вы можете услышать отвѣтъ: двѣ идеи намъ особенно дороги—вѣрность революціонному духу завѣтовъ старины, духу великой революціи, и глубокое, искреннее признаніе новыхъ, назрѣвшихъ нуждъ жизни современной. Нетрудно видѣть, что для Франціи „завѣты старины" и смѣлыя „мечтанія" современности не исключаютъ, не поглощаютъ другъ друга, но напротивъ — дополняютъ и усиливаютъ. Такое внутреннее сродство революціоннаго стараго и творческаго новаго однимъ даетъ бодрость и силы, другихъ выводитъ изъ себя и толкаетъ на крайности, но не видѣть его люди не могутъ. Однако, рядомъ съ этимъ на каждомъ шагу чувствуются и другія вліянія: неоднократныхъ реставрацій, императорскихъ и королевскихъ, со всѣми ихъ спутниками.

„Мы—дѣти революціи", говоритъ радикальный публицистъ въ своей газетѣ. „Пусть наша страна самоутверждается въ томъ, что она—законная дочь и вѣрная наслѣдница ея": такъ формулируетъ Ф. Бюиссонъ мысль и чувство французскаго народнаго учителя. Видный депутатъ и маленькій почтальонъ, учитель и рабочій—всѣ помнятъ свое историческое наслѣдство. И какъ прежде, въ отвѣтъ на такія рѣчи слышатся вопли и скрежетъ зубовный; кричатъ, что республику давно пора стереть съ лица земли, что государство—ничто передъ святой римской церковью, что революція и республика принесли съ собой весь тотъ распадъ, которымъ страдаетъ-молъ сейчасъ вся страна. Эти два лагеря, навѣки несогласные между собою, въ данную минуту вступаютъ въ рѣшительный бой. Борьба завязалась главнымъ образомъ вокругъ школы. Именно здѣсь, въ школѣ, тактическій ключъ позиціи, какъ говорятъ люди военные.

Какою должна быть французская школа? Свѣтской, иначе — нейтральной, или, по здѣшней терминогогіи, „свободной" (libre), т.-е. клерикальной и реакціонной? Такъ поставленъ теперь боевой вопросъ.

Рѣчь идетъ прежде всего о школахъ низшаго типа и затѣмъ уже средняго.

Основы свѣтскаго образованія были заложены во Франціи въ эпоху Великой Революціи, въ двухъ направленіяхъ. Первое нашло выраженіе въ законѣ 1792 г., по которому „всѣ конгрегаціи подлежатъ упраздненію и въ будущемъ не могутъ быть возстановляемы". Второе я позволю себѣ изложить словами крупнѣйшаго изъ современныхъ авторитетовъ въ данномъ вопросѣ, профессора Сорбонны Фердинанда Бюиссона [1]): „безспорной гордостью первой республики было назначеніе въ каждомъ городѣ и деревушкѣ учителя (новой формаціи). Это не былъ уже наставникъ—„magister", „régent", или начальникъ школы—„maître d'école". Это былъ *гражданинъ*, который къ дѣлу обученія дѣтей письму, чтенію и счету присоединялъ все то, что могло имѣть важность для воспитанія дѣтства и юношества въ самомъ широкомъ значеніи слова". Вотъ эта фигура учителя-гражданина, завѣщанная Франціи эпохой первой республики, и была вызвана къ жизни много лѣтъ спустя, когда странѣ пришлось строить огромное зданіе третьей республики.

Во время этого длиннаго перерыва появились чрезвычайно опасные для народнаго образованія факты и дѣятели. Это были продукты императорскихъ и королевскихъ періодовъ. Коронѣ нуженъ былъ не гражданинъ, а подданный; ея союзницѣ, церкви — послушный, вѣрующій сынъ. Исторія Франціи показываетъ намъ, что со времени первой реставраціи и до 1850 г. вокругъ народнаго образованія и народной школы безпрестанно шла неумолчная и упорная борьба двухъ теченій, свѣтскаго и духовнаго, съ перемѣннымъ успѣхомъ. Чаще успѣхъ этотъ былъ на сторонѣ церкви и реакціи. Обѣ онѣ, къ слову сказать, проявляли и больше смѣлой энергіи, нежели ихъ противники, и больше организованности. Достаточно вспомнить энергичную иниціативу Монталамбера (конецъ сороковыхъ годовъ), повлекшую за собой усиленное насажденіе частныхъ школъ клерикальнаго оттѣнка. Наконецъ, въ 1850 г. былъ изданъ знаменитый законъ Фаллу, которымъ была вызвана къ жизни такъ называемая „свободная" школа, сразу и почти безраздѣльно захваченная духовенствомъ, большею частью женскими монашескими общинами. Въ силу этого закона школы предоставлено было открывать всѣмъ и каждому, кто только имѣлъ хотя бы *низшій* цензъ по образованію. На дѣлѣ это правило приводило къ слѣдующему результату. Такъ какъ дипломъ хотя бы даже только начальной школы требовался *лишь отъ ея учредителя, а не отъ лицъ преподавательскаго персонала*, то кто-нибудь изъ руководителей конгрегаціи открывалъ школу отъ своего имени, помѣщая туда преподавателями мона-

[1]) Статья „Республика и учитель" въ „Grande Revue", 1909, № 21.

ховъ, изъ которыхъ 9/10 не имѣли никакого образовательнаго ценза. Въ короткое время эта черная армія безграмотныхъ и полуграмотныхъ педагоговъ совершенно заполонила низшее и среднее образованіе. Понятно, какое колоссальное значеніе долженъ былъ оказать этотъ фактъ на весь ходъ внутренней жизни страны. И каждому ясно, почему, даже пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ эпоху Вальдека-Руссо, правительство и парламентъ все еще боялись дѣйствовать съ полной рѣшимостью.

Въ 1882 г. Жюль Ферри провелъ законъ о государственной (нейтральной) школѣ, свободной отъ непосредственнаго вліянія церкви. Но она прививалась не слишкомъ легко и быстро, вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія клерикаловъ и реакціонеровъ. Разгоралась упорная борьба. Повсемѣстно, въ городахъ и деревушкахъ, встрѣчались въ качествѣ соперниковъ двѣ фигуры: поставленный государствомъ свѣтскій учитель, учитель-гражданинъ—и ставленникъ церкви, кюре или монахъ. Вотъ какъ описываетъ эту борьбу все тотъ же Ф. Бюиссонъ, въ названной выше работѣ: „Съ самаго начала, въ силу вещей, создалось положеніе борьбы. Тотъ, кого республиканскій строй поставилъ отъ себя оффиціально въ каждую деревушку, былъ именно „анти-кюре". Свѣтскій учитель, все равно, хотѣлъ ли онъ того или нѣтъ, былъ втянутъ въ борьбу не только противъ священника, но и противъ церкви... Слѣдовало ожидать, что свѣтскій учитель станетъ дѣйствовать и говорить не только какъ рѣшительный антиклерикалъ, но и какъ завзятый сторонникъ раздѣленія церкви и государства. Послѣ закона 1882 г. „учитель ждалъ этого еще около двадцати-пяти лѣтъ".

Итакъ, законъ Фаллу, въ связи съ другими условіями и особенностями общественной, политической и культурной жизни Франціи, создалъ въ школьномъ дѣлѣ огромную армію римской церкви. Эта армія, дисциплинированная, упорная и совершенно почти безграмотная, отлично дѣлала свое дѣло разъединенія народной массы на два отдѣльныхъ и зачастую открыто враждовавшихъ стана. Президентъ палаты депутатовъ, Бриссонъ, имѣлъ полное основаніе сказать недавно, что „стѣна раздѣляетъ нашу молодежь на двѣ части, какъ будто бы дѣлитъ ее на двѣ расы. Во что бы то ни стало ее надо сбросить" (рѣчь, произнесенная 3-го октября нов. ст. 1909 г. въ Марсели). Ту же мысль высказалъ извѣстный профессоръ исторіи Лависсъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей въ Сорбоннѣ. Ту же мысль вы услышите вездѣ, гдѣ говорятъ о нуждахъ народнаго образованія.

Еще не такъ давно, лѣтъ пять-шесть тому назадъ, во Франціи существовало до 1.100 конгрегацій, представлявшихъ собой черную армію въ 25 тысячъ монаховъ и 50 тысячъ монахинь. Въ своихъ шко-

лахъ они держали до $1^1/_2$ милліона дѣтей обоего пола. Что значитъ эта цифра, это можно представить себѣ, узнавъ изъ отчета министерства народнаго просвѣщенія, что въ 1907-мъ году во Франціи число дѣтей школьнаго возраста было 4.416.170. Въ 1904-мъ году, когда конгрегаціямъ, какъ таковымъ, было окончательно запрещено заниматься школьнымъ дѣломъ, ихъ все еще оставалось 429; законъ 1904-го года былъ примѣненъ къ 4.548 учебнымъ заведеніямъ, существовавшимъ при конгрегаціяхъ. Но вотъ конгрегаціи уничтожены. Оказалось, что другая дорога—école libre—ничѣмъ не хуже для церкви. Съ 1904-го года число этихъ „свободныхъ“ школъ выросло въ весьма сильной степени. Теперь ихъ около 20-ти тысячъ, при 67-ми тысячахъ нейтральныхъ школъ.

И всетаки, пораженія, понесенныя церковью за послѣдніе годы, были значительны. Казалось, всѣ и все были противъ нея. Законъ 1901 г., открывшій дѣйствія противъ неразрѣшенныхъ конгрегацій; за нимъ законъ 1904 г.; разрывъ конкордата и отдѣленіе церкви отъ государства, это прекраснѣйшее созданіе нынѣшняго президента совѣта министровъ; цѣлый рядъ отдѣльныхъ законоположеній и декретовъ о школахъ; чрезвычайное развитіе лиги образованія, насчитывающей нынѣ свыше 4.000 различныхъ обществъ, союзовъ и группъ; растущее равнодушіе населенія къ церкви, въ особенности въ центрѣ, на югѣ и на востокѣ, гдѣ оно нерѣдко прямо переходитъ въ вражду къ духовенству; ростъ соціалистической пропаганды — вотъ тѣ испытанія, черезъ которыя пришлось пройти церкви, въ частности—въ сферѣ школьнаго дѣла.

Стремясь спасти свое падающее значеніе и вернуть свою прежнюю силу, церковь вела безпрерывную, упорную борьбу. Суды заваливались тяжбами по дѣламъ о церковныхъ имуществахъ, отходившихъ къ коммунамъ послѣ сепараціи, жалобами на закрытіе духовныхъ обществъ (конгрегацій), пріютовъ и т. п. Католическая и реакціонная пресса безпрестанно поднимала исторіи; депутаты и сенаторы правыхъ партій изводили парламентъ и правительство запросами. Но все это были лишь мелочи, подготовка. Церковь выжидала удобнаго момента и подходящихъ средствъ. Такой моментъ и такія средства явились въ самое послѣднее время, съ появленіемъ у власти министерства Бріана.

Русскому читателю извѣстно, какую программу принесъ съ собой этотъ несомнѣнно крупнѣйшій человѣкъ современной Франціи. Эта программа, какъ и начавшаяся затѣмъ дѣятельность, были встрѣчены, можно сказать, общимъ восторгомъ и довѣріемъ демократическихъ слоевъ Франціи. Реакціонные и консервативные круги поняли, что за опасность на нихъ надвигается; весьма значительный слой людей колеблющихся или стоящихъ обычно вдали отъ политики тоже

заволновался. Укажу хотя бы на вопли и демонстраціи виноторговцевъ и владѣльцевъ табачныхъ лавочекъ, которые просто на стѣну полѣзли изъ-за проекта нѣкоторыхъ новыхъ налоговъ.

Моментъ показался удобнымъ; средствами могли служить критика „губительныхъ для страны" замысловъ правительства и ожидавшаяся избирательная реформа. Послѣдняя, по разсчетамъ реакціи, должна была, съ установленіемъ пропорціональнаго представительства и голосованія по партійнымъ спискамъ, увеличить силы правыхъ партій въ парламентѣ. За всѣмъ тѣмъ впереди стоялъ грозный призракъ новаго школьнаго закона. Церковь открыла огонь.

29 сентября появился громогласный манифестъ французскихъ епископовъ къ вѣрующимъ и къ населенію вообще [1]). Черезъ нѣсколько времени оказалось, что манифестъ этотъ былъ редактированъ въ Ватиканѣ и оттуда *предписанъ* духовенству Франціи. Епископы сначала отрицали это обстоятельство. Я не стану говорить подробно объ этомъ интересномъ документѣ, насквозь пропитанномъ ненавистью, лицемѣріемъ и угрозами. Позволю себѣ привести лишь нѣкоторые „пассажи". Упомянувъ о томъ, что уже въ прошломъ году они предостерегали отцовъ и матерей семействъ о покушеніи на ихъ права, кроющемся въ новыхъ законопроектахъ по народному образованію, епископы возвѣщаютъ: „семья есть союзъ, установленный Богомъ; человѣкъ не можетъ его разрушать". Исходя изъ такого утвержденія, епископы учатъ, что „вамъ, отцы и матери, принадлежатъ ваши дѣти, ибо они кость отъ кости вашей... Вы дали имъ жизнь тѣлесную, за вами право опредѣлять и жизнь души ихъ". Слѣдуетъ вылазка противъ претензій государства. Далѣе: „дитя не обладаетъ никакимъ правомъ, которое могло бы значить больше, нежели права Бога; въ частности, дѣти не обладаютъ правомъ откладывать, согласно ученію одного софиста, бывшаго конечно дурнымъ отцомъ, до 18-тилѣтняго возраста религіозное воспитаніе, которое обязаны давать имъ родители лично или черезъ другихъ". Слѣдуетъ критика школы: „свободная или христіанская школа — это та, въ которой учитель обладаетъ, рядомъ съ необходимыми педагогическими способностями и подготовкой, еще и счастьемъ быть вѣрующимъ человѣкомъ, и мужествомъ жить согласно съ требованіями своей вѣры". Это сказано о католическомъ священникѣ и монахѣ. „Рядомъ со школой свободной или христіанской существуетъ общественная или нейтральная; вы знаете ея происхожденіе... вслѣдствіе печальнѣйшей ошибки

---

[1]) „Lettre pastorale des Cardinaux, Archevêques et Evêques de France sur les droits et les devoirs des parents relativement à l'école" (полностью напечатано въ „Correspondance hebdomadaire" 17 окт., издаваемой лигой образованія).

или коварнаго замысла“ (намекъ на законъ 1882 г.)... „Юношество подвергается величайшей опасности, разъ въ этихъ школахъ воспитаніе не связано тѣснѣйшимъ образомъ съ религіознымъ ученіемъ... И развѣ въ такомъ упраздненіи религіознаго обученія въ школѣ не лежитъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ того глубокаго недуга, которымъ страдаетъ Франція и который поражаетъ одновременно семью, нравственность и патріотизмъ?“ Послѣ такихъ оцѣнокъ, заявленій и восклицаній слѣдуетъ рядъ совѣтовъ по отношенію къ школѣ. Въ нихъ собственно и заключается боевая сторона манифеста. „Посылайте дѣтей въ „свободную“ школу; если такой нѣтъ и поневолѣ приходится отдавать ихъ въ свѣтскую, слѣдите за всѣмъ—за книгами, которыя даются въ школѣ, за устными объясненіями учителя, за его отношеніемъ къ религіи и т. д. Чуть что несогласно съ правилами вѣры и церкви, требуйте измѣненій; учитель не желаетъ подчиниться вашимъ требованіямъ—берите дѣтей изъ школы; не позволяйте имъ имѣть у себя ни одного учебника, запрещеннаго нами (списокъ приложенъ) или вашимъ ближайшимъ духовнымъ начальствомъ. Книги, запрещенныя нами, полны самыхъ пагубныхъ заблужденій. Онѣ отрицаютъ или объявляютъ недостаточно доказанными истины самыя основныя, напримѣръ существованіе Бога, духовность человѣческой души, будущую жизнь, первородный грѣхъ, и отвергаютъ, поэтому, весь сверхъестественный порядокъ міра“. Епископы и Ватиканъ даютъ родителямъ чисто іезуитское наставленіе: иногда трудно бываетъ — говорятъ они — „избрать школу духовную; ваша свобода можетъ быть и стѣснена чѣмъ-нибудь. Со свѣтской школой вы въ положеніи много болѣе выгодномъ: для дѣятельнаго наблюденія за ней и надлежащаго на нее воздѣйствія вы имѣете всегда и вездѣ полную возможность и необходимыя средства“. Изъ подобныхъ разсужденій дѣлаютъ вполнѣ справедливый выводъ, что задача папы и епископовъ—внести въ свѣтскую школу такую деморализацію персонала, такое разстройство отношеній между учащими и учащимися, послѣ которыхъ эта школа или должна была бы сдаться, или была бы вполнѣ парализована.

Заканчивается манифестъ знаменательными словами: „какія бы препятствія вы ни встрѣтили со стороны закона человѣческаго, помните, что *надо повиноваться Богу прежде и больше, чѣмъ людямъ*“ (курсивъ текста). Это ужъ прямой вызовъ и бунтъ церкви противъ государства.

Послѣдствія этого объявленія войны уже сказались. Газеты приносятъ все больше и больше свѣдѣній о вторженіи правовѣрныхъ родителей въ школьныя занятія. Отъ учителей требуютъ изъятія изъ школы цѣлаго ряда учебниковъ по исторіи и такъ называемыхъ курсовъ морали (епископы почему-то не упоминаютъ о книгахъ по естествен-

ной исторіи). Во многихъ мѣстахъ дѣти по приказанію своихъ родныхъ отказывались учиться по „дурнымъ“ книжкамъ: эта бѣдная дѣтвора подверглась исключенію изъ школы, платя своей будущностью за аппетиты и безуміе князей церкви и духовное убожество своихъ старшихъ. Были случаи инспирированныхъ дѣтскихъ забастовокъ въ школѣ. Противъ учителей воздвигаются гоненія, что особенно чувствуется въ провинціяхъ сѣвера и запада, съ ихъ малокультурнымъ населеніемъ и замѣтнымъ преобладаніемъ реакціонныхъ настроеній. Свѣтскому учителю здѣсь и раньше приходилось не сладко; теперь положеніе его стало еще хуже. Его желаютъ выключить изъ общенія, его бойкотируютъ. „Ребенокъ только и слышитъ повсюду отчаянно-рѣзкія нападки на республику и учителя; дѣло доходитъ до того, что на учителя всѣ начинаютъ смотрѣть какъ на опаснаго звѣря, къ которому надо остерегаться подходить близко“. Это пишетъ одинъ деревенскій учитель изъ Бретани, и такихъ писемъ много.

Для борьбы съ нейтральной школой и съ правительственными проектами по народному образованію духовенство усиленно насаждаетъ повсюду „общества отцовъ семействъ“. Епископскія посланія приглашаютъ всѣхъ „честныхъ людей“ и всѣхъ искреннихъ либераловъ сплотиться для борьбы за „свободу“ и „неотъемлемыя права человѣка“ противъ „безсовѣстнаго насилія“ власть имущихъ. И затѣмъ — „гвоздь“ всего плана борьбы. Въ свое время, раздраженные разрывомъ конкордата и сепараціей церкви, католики, какъ таковые, отказались отъ участія въ политическомъ состязаніи партій. Нынѣ духовенство откровенно заявляетъ, что на предстоящихъ выборахъ католики и „честные люди“ должны голосовать только за тѣхъ, кто обяжется защищать свободу преподаванія, возстановленіе церкви въ государствѣ или по крайней мѣрѣ соглашеніе съ папой и признаніе за нимъ руководящей роли въ дѣлахъ католическаго міра Франціи. Это все? Оказывается — нѣтъ. Существуетъ мнѣніе, и не только во Франціи, но и по ту сторону Рейна, что за такими требованіями и дѣйствіями стоитъ не что иное, какъ намѣреніе создать въ странѣ единую католическую партію, на подобіе германскаго центра.

Само собою понятно, что къ подобнымъ замысламъ не могъ отнестись пассивно міръ республики и демократіи. Вызовъ принятъ и борьба завязалась.

По началу было такое впечатлѣніе, какъ будто церковь увѣрена въ успѣхѣ. Теперь, кажется, что-то измѣнилось. Когда люди начинаютъ смѣяться и острить, это значитъ, что опасности нѣтъ. А тутъ уже смѣются и острятъ. Измѣняется тонъ и у противника. Иной разъ какъ будто бы слышатся даже звуки отбоя или просьбы, оправданія.

Впрочемъ, это, быть можетъ, только личные маневры отдѣльныхъ вожаковъ, что̀ вполнѣ возможно и нисколько не противорѣчитъ воинственному духу рѣчи, на дняхъ прозвучавшей съ папскаго престола передъ французскими паломниками.

Замѣчательно единодушіе всѣхъ партій влѣво отъ прогрессистовъ, какое установилось съ первой же минуты нападенія на свѣтскую школу. Хотя „блокъ" предыдущей легислатуры давно распался и соціалисты открещиваются теперь отъ него на будущее время, но вѣдь это онъ, этотъ „блокъ", всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ дружно боролся за ту же самую школу и противъ того же самаго противника. И, независимо отъ велѣній и программъ отдѣльныхъ партій, прежній союзъ очевидно долженъ былъ весь встать на защиту *своего* дѣла.

Затѣмъ — важенъ образъ дѣйствій правительства. Въ республиканской Франціи оно значитъ очень много. Одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ, уроженецъ глухой провинціи, такъ опредѣляетъ политическое мышленіе рядового провинціала: „можно, конечно, быть недовольнымъ то тѣмъ, то другимъ въ дѣятельности правительства. Но развѣ можно идти противъ него вообще! Оно дѣлаетъ то, что должно дѣлать. И потомъ, тамъ есть палата". Программа министерства—серьезное орудіе въ рукахъ республиканцевъ и демократовъ. Въ сенатѣ обсуждается законопроектъ о пенсіяхъ старикамъ и неспособнымъ къ труду. Этотъ завтрашній законъ обезпечитъ рабочему, крестьянину, домашней прислугѣ и просто бѣдняку до 360 фр. пенсіи въ годъ. Его ждутъ давно, и *нынѣшнее правительство его проводитъ*. Смѣшно думать, чтобы страна пошла не за этимъ правительствомъ, а за епископами, которые въ данномъ дѣлѣ сдѣлали меньше, чѣмъ ничего, но зато разговариваютъ о школѣ.

Въ открывшейся борьбѣ министерство заняло чрезвычайно ловкое положеніе. Мы не станемъ дѣйствовать сурово и рѣзко противъ нашихъ вѣковѣчныхъ враговъ—заявилъ недавно Бріанъ въ одной изъ своихъ большихъ рѣчей. „Мы не желаемъ доставить имъ удовольствія показаться передъ страной въ роли страдальцевъ. Безъ жестокости, но и безъ слабости—таковъ нашъ девизъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство заявляетъ, что и страна должна проявить въ этомъ дѣлѣ свою самодѣятельность: кто любитъ республику и цѣнитъ свое достоинство свободнаго гражданина, тотъ прежде всего пусть борется самъ за дорогіе ему идеалы. Роль правительства—помогать, поддерживать и стоять на стражѣ.

Несомнѣнно крупное значеніе въ борьбѣ за школу имѣетъ, наконецъ, фактъ существованія учительскихъ организацій. Въ августѣ состоялся въ Нанси національный конгрессъ учителей и учительницъ.

На немъ было представлено свыше 100 тысячъ учащихъ. Кто слѣдилъ за жизнью Франціи послѣднихъ лѣтъ, тотъ помнитъ, какіе страхи и протесты рождались одно время по поводу учительскихъ организацій. Какъ же иначе! Среди нихъ есть вѣдь и синдикалистскія, примыкающія къ Всеобщей Конфедераціи Труда. Общество пугалось, правительство запрещало и преслѣдовало. Съ образованіемъ новаго кабинета произошло своего рода двойное чудо. Во-первыхъ, представитель министерства народнаго просвѣщенія Гаске произнесъ надѣлавшую шума рѣчь, гдѣ онъ открыто заявилъ о желательности тѣснаго сотрудничества между организаціями учащихъ и правительствомъ. Во-вторыхъ, конгрессъ *единогласно* вотировалъ привѣтственный адресъ новому кабинету. „Это не пустой жестъ и не казенная манифестація", говорили по этому поводу разные голоса. „Это—знаменательное свидѣтельство уваженія, и не отъ покорныхъ чиновниковъ, а отъ совершенно свободныхъ гражданъ. По своему, безъ фразъ, они дали понять, что болѣе чѣмъ когда бы то ни было демократія можетъ разсчитывать на своего школьнаго учителя". И вотъ теперь этотъ самый школьный учитель, тоже безъ фразъ и безъ всякаго насилія, хотя онъ и натерпѣлся много и долго отъ своего противника въ сутанѣ, началъ дѣйствовать: онъ предъявляетъ гражданскій искъ къ епископу, подписавшему манифестъ; онъ обвиняетъ послѣдняго въ клеветѣ и въ желаніи подорвать авторитетъ учащаго въ школѣ; онъ желаетъ показать противнику, что не допуститъ безнаказанно покушеніи на свою школу, „это сердце республики", по выраженію Бріана. Такъ начинаютъ дѣйствовать сами граждане, услышавъ совѣтъ своего перваго министра.

Помимо подобныхъ массовыхъ фактовъ замѣчаются и нѣкоторые единичные, весьма серьезнаго значенія. Такимъ фактомъ было, напримѣръ, неожиданно прозвучавшее слово сенатора Рибо въ защиту школы. Роль и политическій вѣсъ этого человѣка очень и очень значительны. И до такой степени ошеломило всю правую сторону это заявленіе, что никто не нашелся сказать что-либо противъ него.

Непосредственнымъ орудіемъ для борьбы съ конфессіональнымъ образованіемъ можетъ послужить *монополизація школы государствомъ*. При такой монополіи нѣтъ мѣста церковно-школьному вліянію; оно устраняется абсолютно, остается лишь внѣ-школьное вліяніе духовенства. Но вокругъ вопроса о монополіи идетъ споръ, и притомъ уже давно. На конгрессѣ радикаловъ въ 1903-мъ году добрая часть времени и работъ была посвящена именно этому вопросу. Тогда, какъ и теперь, столкнулись три мнѣнія: монополизація на всѣхъ ступеняхъ образованія, государственная школа, низшая и средняя, и полная свобода школьнаго дѣла, съ запрещеніемъ лишь преподавательской дѣятельности лицамъ духовнаго званія. Въ 1903-мъ году возобладало первое

мнѣніе: это было во время ожесточенной борьбы антиклерикаловъ противъ церкви, наканунѣ разрыва конкордата и отдѣленія церкви отъ государства. Въ этомъ году, повидимому, преобладаетъ мнѣніе среднее, защищающее монополизацію лишь на двухъ первыхъ ступеняхъ образованія.

Въ пользу монополіи были выдвинуты три главные довода. Указывалось, что для государства учить значитъ готовить гражданъ къ общежитію такому, какимъ его государство понимаетъ; это — его право и его обязанность. Говорили, что государство не идетъ дальше въ своихъ требованіяхъ и оставляетъ во власти семьи воспитаніе чувства и религіозное воспитаніе. И наконецъ, замѣчали, что государство и общество имѣютъ задачей давать не только образованіе вообще, но одновременно и подготовку къ исполненію извѣстныхъ общественно-техническихъ функцій. Въ настоящее время для этой цѣли служатъ дипломы. Государство должно требовать достаточныхъ гарантій при выдачѣ такихъ дипломовъ, а эти гарантіи возможны лишь при увѣренности въ персоналѣ учащихъ. Поэтому—либо чисто государственная школа, либо рядомъ съ ней еще и школа частная, *но по довѣрію и уполномочію государства*. Здѣсь имѣлись въ виду такія общепризнанныя предпріятія, какъ École libre des sciences politiques, École des Hautes Études sociales и т. п.

Въ заключительной рѣчи докладчикъ на конгрессѣ 1903-го года такъ формулировалъ положеніе вопроса: „демократическое государство будетъ государствомъ обучающимъ или его не будетъ вовсе".

Таковы главныя черты переживаемаго здѣсь времени. Несомнѣнно, реакція мобилизуется по всему фронту. Ей до послѣдней степени ненавистны ближайшія перспективы; она прекрасно понимаетъ, что ей грозитъ гибель навсегда и окончательно. Какъ же ей не пускаться на послѣднія, отчаянныя средства! Съ другой стороны, демократическая Франція идетъ подъ предводительствомъ вождя, въ которомъ за внѣшней мягкостью кроются твердая воля и огромная умственная сила.

А. П.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Появился еще одинъ органъ модернизма—журналъ „Аполлонъ", редактируемый С. К. Маковскимъ. Все знакомыя, уже примелькавшіяся имена извѣстныхъ художниковъ и утонченныхъ цѣнителей искусства: Александръ Бенуа, Иннокентій Анненскій, Вячеславъ Ивановъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Сологубъ, Мейерхольдъ. Тутъ и стихи, и беллетристика, и художественная хроника, и теоретическія статьи по вопросамъ искусства. Новый журналъ съ одинаковымъ вниманіемъ относится къ поэзіи и къ театру, къ живописи и музыкѣ, архитектурѣ и скульптурѣ, но чуть ли не самымъ царственнымъ искусствомъ провозглашаетъ танецъ, возрождаемый за послѣднее время въ столь многообѣщающихъ формахъ геніемъ Айседоры Дунканъ и нашего балетмейстера Фокина.

„Аполлонъ" глубоко неудовлетворенъ современнымъ состояніемъ искусства, въ которомъ справедливо видитъ признаки „болѣзненнаго распада духа и лже-новаторства", наличность „выдуманныхъ ощущеній, фальшивыхъ эффектовъ, притязательныхъ позъ и иныхъ злоупотребленій личинами искусства". Всѣмъ этимъ „посяганіямъ и обманамъ" новый журналъ объявляетъ непримиримую войну во имя грядущаго искусства, „свободнаго, стройнаго и яснаго, сильнаго и жизненнаго", во имя „устремленій къ новой правдѣ: отъ разрозненныхъ опытовъ — къ закономѣрному мастерству, отъ расплывчатыхъ эффектовъ—къ стилю, къ прекрасной формѣ и къ животворящей мечтѣ".

Цѣль по истинѣ прекрасная и благородная, заданіе какъ нельзя болѣе своевременное, ибо правъ Бенуа, утверждая, что „художества издаютъ въ наше время тяжелый тлѣнный духъ". Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ въ современномъ искусствѣ постоянно мелькаетъ тема „приближенія какой-то общей смерти"; наиболѣе искренніе наши поэты горестно недоумѣваютъ, „поведетъ ли эта смерть къ воскресенію или къ метаморфозѣ", и, переживая восторгъ вдохновенія, не знаютъ, „восторгъ ли это радости или восторгъ отчаянія". Самъ Бенуа исповѣдуетъ горячую вѣру, что „въ будущемъ все же не смерть и не тьма, а жизнь и просвѣтлѣніе". Сейчасъ мы далеки отъ истиннаго свѣта: въ насъ „слишкомъ еще много звѣрскаго равнодушія, распущенности и всякой тьмы", слишкомъ еще силенъ въ насъ трусливый, немощный скепсисъ. „Намъ хочется все устроить „по до-

машнему"—значитъ, съ ноткой самоиронизированія, со смѣшкомъ: авось что-нибудь выйдетъ, а не выйдетъ, такъ не будетъ стыдно—первые же трунили. Удобно прятаться за двусмысленной „на всякій случай" усмѣшкой. Но велика грѣховность этого раздвоенія, этого совмѣщенія и людской суеты, и службы богамъ. Пора *перерасти* иронію"...

Бенуа, повидимому, переросъ иронію. Съ благороднымъ энтузіазмомъ исповѣдуетъ онъ грядущее преображеніе жизни и человѣка силою воскресшей красоты. Люди должны не только писать картины и слагать стихи: они должны „самихъ себя сдѣлать угодными Богу красоты", должны „установить другія между собой отношенія, другой бытъ, объ условіяхъ котораго намъ теперь и не снится". Нужны не только красивые праздники, но и красивые будни; въ жизни должна воцариться „непрестанность литургическаго ритма, танецъ можетъ стать (долженъ стать) ритмомъ всей жизни, внѣшнимъ преображеніемъ всей человѣческой дѣятельности, постояннымъ чудомъ красоты воочію".

Эта вѣра въ грядущую непрестанную литургію всенароднаго танца есть, конечно, ничто иное, какъ одно изъ выраженій столь распространенной теперь мечты о демократизаціи искусства,—не той демократизаціи, которая принижаетъ искусство до уровня требованій улицы, а той, которая поднимаетъ толпу до высотъ истиннаго творчества, воспитываетъ въ массахъ пониманіе и жажду красоты, дѣлаетъ каждаго не наивнымъ и тупо воспринимающимъ зрителемъ чужого художественнаго творчества, но и активнымъ, постояннымъ участникомъ безпрерывнаго творенія красоты въ жизни, во внѣшней ея обстановкѣ и въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Хочется, чтобы жажда красоты стала для всѣхъ безъ изъятія такимъ же повелительнымъ инстинктомъ, какъ физическая жажда или физическій голодъ, чтобы безобразіе такъ же отвращало, какъ отвращаетъ слякоть или боль. Хочется, чтобы твореніе красоты перестало быть удѣломъ оторваннаго отъ жизни кружка спеціалистовъ и стало такимъ же всенароднымъ дѣломъ, какъ исканіе соціальной справедливости и примитивныхъ благъ культуры. Это та же мечта, что призывы Мейерхольда къ Всенародному Театру, что проповѣдь Вячеслава Иванова о необходимости диѳирамбическаго искусства и миѳотворчества, что видѣнія Габріэля д'Аннунціо о воскрешеніи синкретическаго театра на римскомъ холмѣ подъ открытымъ небомъ.

Религіозно настроенныя массы притекаютъ во храмы. Словами и обрядами, зримыми символами и общимъ тайнодѣйствіемъ вызываются въ душахъ притекшихъ глубокія, умудряющія переживанія, порождаются великія устремленія,—и выходятъ помолившіеся въ жизнь иными, возрожденными, жаждущими преобразить и самихъ себя, и

жизнь. И каждый, въ мѣру своей силы и стойкости, воплощаетъ въ жизни обрѣтенную въ мигъ колѣнопреклоненія тайну.

Такими точно должны быть храмы искусства, такою точно должна быть роль истиннаго художества въ жизни, по упованіямъ группы, объединившейся вокругъ новаго журнала. Мечта покоряющая, манящая. Но мало ли знавали мы богоподобныхъ грезъ, мало ли устремлялись мы къ лучезарнымъ высотамъ, восторженно и безоглядно— и сколько разъ позорно захлебывались въ тинѣ болота, незамѣченнаго между нами и прекрасной цѣлью. Огни на окрестныхъ горахъ зажжены уже давно; сейчасъ вопросъ о томъ, чтобы найти путь къ этимъ огнямъ. Раскроетъ ли передъ нами „Аполлонъ“ долго жданную дорогу? Сомнѣваюсь. И вотъ почему.

Иннокентій Анненскій отлично сознаетъ основной недостатокъ новой школы, тотъ ея органическій грѣхъ, который мѣшаетъ ей приблизиться къ рѣшенію основной проблемы, къ созданію всенароднаго искусства. „Миѳъ тѣмъ и великъ, что онъ всегда обще-народенъ; въ немъ не должно и не можетъ быть темнотъ“. А между тѣмъ соратники и единомышленники г. Анненскаго пишутъ, по его же собственнымъ словамъ, криптограммами, „даютъ какіе-то „ребусы, анаграммы, таинственныхъ собакъ на спичечныхъ коробкахъ“. Круто сказано, но справедливо, и притомъ подтверждено рядомъ весьма краснорѣчивыхъ примѣровъ. Цитированныя Анненскимъ стихотворенія Вяч. Иванова и С. Городецкаго въ самомъ дѣлѣ изобилуютъ то такими намеками на детали античной миѳологіи, которые заставляютъ читателя обращаться за справками „въ словарь Брокгауза-Ефрона“, то такими синтаксическими оборотами, которые можно разобрать только при помощи „синтаксиса Кирпичникова“. А часто и такъ случается, что читателя не выручатъ ни Брокгаузъ, ни Кирпичниковъ...

Въ пристрастіи Вячеслава Иванова къ Эврипиламъ и хтоническимъ Семеламъ г. Анненскій усматриваетъ педантство. Очень можетъ быть. Но вычурный, тяжеловѣсный и невразумительный синтаксисъ и вообще стиль трудно объяснить педантствомъ. Мнѣ кажется, что чуждыми русскимъ читающимъ массамъ и стиль, и образы Вячеслава Иванова и ему подобныхъ являются болѣе всего потому, что запросы и отвѣты г. Иванова выросли не изъ психики русскаго общества, не на почвѣ нашей литературной и народной традиціи, а въ общеніи съ тѣми, кого г. Анненскій именуетъ „иноземными уставщиками оргій“, начиная свою статью указаніями на Малларме и „Маврикія Метерлинка“. Къ этимъ двумъ именамъ г. Анненскій могъ бы съ неменьшимъ правомъ присовокупить и еще немало иностранныхъ писателей, повліявшихъ на современныхъ представителей нашей литературы, опредѣлившихъ ихъ психическій кругозоръ и художественную

манеру. Но пополнить этотъ списокъ хотя бы парою русскихъ именъ было бы въ высокой степени затруднительно. Правда, наши модернисты часто говорятъ о Тютчевѣ, иногда вспоминаютъ Баратынскаго, любятъ злоупотреблять именемъ Достоевскаго и не разъ пробовали объявить своей исключительной собственностью творчество Пушкина и Лермонтова. Но, во-первыхъ, интересъ къ этимъ русскимъ художникамъ, точнѣе — къ нѣкоторымъ сторонамъ ихъ творчества, проявился у нашихъ модернистовъ далеко не въ самомъ началѣ задорнаго выступленія новой школы; значитъ—сложилась-то школа не на изученіи этихъ художниковъ, а на „иноземныхъ уставщикахъ". Во-вторыхъ, и впослѣдствіи, уже обратившись къ русскому искусству, модернисты восприняли въ немъ лишь то, что показалось имъ родственнымъ ихъ умоначертанію. И какъ часто эта схваченная ими черта того или иного писателя является лишь несущественной и даже недопонятой подробностью въ общемъ обликѣ облюбованнаго ими художника! Самый яркій примѣръ тому — статья Валерія Брюсова о Гоголѣ („Испепеленный").

Это, впрочемъ, довольно обычное, можно сказать—застарѣлое повѣтріе среди нашей интеллигенціи, та болѣзнь, которая подчасъ кажется захватившей весь нашъ образованный слой поголовно, безъ изъятія, и порождаетъ славянофильскіе или славянофильствующіе вопли о близкой и неизбѣжной гибели всей интеллигенціи. Я весьма далекъ отъ такого пессимистическаго воззрѣнія на судьбы россійской образованности. Еще графъ Алексѣй Толстой сказалъ во время оно нашимъ неумѣреннымъ народолюбцамъ:

Есть мужикъ—и мужикъ:
Коль мужикъ не пропьетъ урожаю,
Я того мужика уважаю.

То же различеніе необходимо приложить и къ нашей интеллигенціи: не изъ однихъ Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда состоитъ нашъ образованный слой. Но гамлетизмъ, какъ явленіе, есть въ самомъ дѣлѣ весьма существенная черта русской жизни. Сущность этой черты заключается вотъ въ чемъ.

Неудовлетворенность дѣйствительностью и мечта о лучшей жизни— основное, неотъемлемое и благороднѣйшее достояніе человѣческой души. Но между элементами, изъ которыхъ слагается это достояніе, есть вполнѣ опредѣленное естественное соотношеніе, извѣстная органическая связь, которую нельзя нарушить безнаказанно. Сегодняшняя дѣйствительность протекаетъ въ формахъ, опредѣленныхъ вчерашней стадіей человѣческаго развитія. Но вѣдь сегодняшняя стадія уже породила новыя цѣнности, которымъ нѣтъ простора во вче-

рашнихъ рамкахъ. И вотъ, утѣсненіе новыхъ цѣнностей устарѣлыми рамками и ощущается носителями этихъ цѣнностей какъ боль, порождающая мечту о новой, безболѣзненной жизни и стремленіе воплотить эту мечту въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, при нормальныхъ условіяхъ, дѣйствительность родитъ вопросъ (боль), давая одновременно и матеріалъ для отвѣта (прогрессивные элементы жизни), и только при наличности этихъ данныхъ естественно выростаетъ отвѣтъ—пророческая мечта.

У Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда это нормальное соотношеніе оказывается въ корень нарушеннымъ. По своему психическому складу россійскій Гамлетъ отнюдь не переросъ современной ему обывательской дѣйствительности и могъ бы уживаться въ ней безъ всякой боли, не хуже Манилова или Коробочки. Но умные люди въ московскомъ университетскомъ кружкѣ ему втолковали, что есть жизнь гораздо болѣе возвышенная, чѣмъ его степное прозябаніе, и, не желая отставать отъ умныхъ людей, Гамлетъ сталъ изучать Гегеля, повергаться въ преувеличенный восторгъ передъ Мадоннами, имитировать дружбу и любовь по рецептамъ нѣмецкаго романтизма, и т. п. Отвѣты, такимъ образомъ, оказались въ его распоряженіи ранѣе, чѣмъ успѣли въ немъ зародиться вопросы, внѣ всякой связи съ дѣйствительностью его собственнаго духа, а потому и вышли эти отвѣты мертворожденными, бездѣйственными, ненужными ни для его собственной жизни, ни для окружающаго міра. Весь его идеализмъ повисъ на воздухѣ, какъ призрачный дымъ, вѣтромъ колеблемый и безслѣдно развѣваемый.

Нѣчто аналогичное случилось и съ нашими модернистами.

Отвѣтамъ нѣтъ вопросовъ,—

раздумчиво и горестно констатируетъ Валерій Брюсовъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Это онъ прочелъ глубоко мудрую истину на пьедесталѣ древней статуи, и недоумѣнно поникъ головой. Какая-то боль неутолимо терзала древняго мудреца и подсказала ему отвѣтъ, начертанный на камнѣ. Но всю силу и мудрость этого отвѣта пойметъ лишь тотъ, передъ кѣмъ всталъ вновь и самостоятельно грозный вопросъ, мучившій древняго искателя истины. А у поэта нѣтъ этой боли, нѣтъ и вопроса—и потому чуждымъ, невразумительнымъ остается для него и отвѣтъ:

Неясенъ смыслъ клинообразныхъ знаковъ...

И сколько такихъ отвѣтовъ, порожденныхъ не нашей дѣйствительностью, не нашей болью, получили готовыми дѣятели нашей современной литературы. Далеко не всѣ они, конечно, воспользовались этими отвѣтами только для того, чтобы „болтать сегодня на Сивцо-

вомъ-Вражкѣ, а завтра на Арбатѣ". Нѣтъ, наиболѣе пытливые и вдумчивые углубились въ изученіе той дѣйствительности, которая породила раскрывшіяся передъ ними истины, и дошли до нѣкотораго знанія о боли, искавшей себѣ утоленія и разрѣшенія въ этихъ отвѣтахъ. А познавъ нѣчто о чужой боли, захотѣли ее воскресить, пережить, какъ свою собственную. Но настоящаго переживанія не достигли; получилось только гальванизированіе, отраженный свѣтъ, достаточный для красиваго модулированія чужихъ темъ, формъ и символовъ, но не для творенія своихъ собственныхъ. Получилась экзотическая забава укрывшихся отъ жизни эстетовъ, а не участіе во всенародномъ трудѣ надъ разрѣшеніемъ задачъ, терзающихъ мечущуюся и изнемогающую современную русскую дѣйствительность.

А вѣдь эта дѣйствительность, въ самомъ дѣлѣ, полна своей боли, вѣками накопленной; она неустанно вопіетъ о помощи, жаждетъ пророковъ и учителей, которые, воспринявъ въ свой разумъ и въ свое сердце терзанія блуждающихъ во тьмѣ и гибнущихъ, побѣдили бы въ себѣ страхъ, немощь и растерянность, создали бы нужное слово, долгожданный отвѣтъ, указали бы путь, въ обрѣтеніи коего многіе готовы отчаяться, а другіе уже и отчаялись.

Но глухи эстеты къ призывнымъ воплямъ жизни. Они не воспріемлютъ тѣхъ формъ, въ которыя отлилось у насъ, сейчасъ, вѣковѣчное стремленіе человѣчества къ свѣту, не умѣютъ говорить съ нами на нашемъ языкѣ, хотятъ общаться лишь съ тѣми, кто углубленно вникалъ въ миѳы античной Эллады и въ декадентскую поэзію Франціи, кто научился расшифровывать іероглифы кружковаго жаргона. Но вѣдь не тотъ только страждетъ, кто служитъ Діонису, и не тотъ только стремится ввысь, кто славитъ Аполлона. Еслибы они въ самомъ дѣлѣ нашли въ этихъ древнихъ культахъ вѣчную, всеобщую истину, то умѣли бы давать этой истинѣ безконечно разнообразныя воплощенія, умѣли бы любому собесѣднику сказать ее понятнымъ для него языкомъ. Вѣдь Сократъ училъ на площадяхъ, а Христа понимали галилейскіе рыбаки. Высшее постиженіе Христова ученія апостолами преданіе связываетъ съ появленіемъ у нихъ способности проповѣдывать на разныхъ языкахъ: апостоламъ не надо было, чтобы иноземцы научились палестинскому діалекту—они сами говорили съ каждымъ на его языкѣ. И Павелъ, придя въ Аѳины, началъ проповѣдь не съ Іеговы, чуждаго эллинамъ, а съ „бога невѣдомаго", алтарь котораго увидалъ на аѳинской площади.

Не въ томъ бѣда, что на изученіяхъ чужого опыта, чужой культуры выросли наши модернисты. Наоборотъ—только въ общеніи съ другими людьми растетъ отдѣльный человѣкъ, только на почвѣ международнаго культурнаго общенія пышнымъ цвѣтомъ распускается душа

отдѣльнаго народа. Китайщина никогда до добра не доводила. Но одно дѣло — овладѣть чужимъ опытомъ, расширить при помощи его свой горизонтъ, и совсѣмъ другое—воспринять его почти механически. Развѣ овладѣлъ теоремой ученикъ, который можетъ доказать ее только на треугольникѣ ABC и пассуетъ передъ треугольникомъ DEF? Развѣ овладѣлъ танцемъ франтъ, который можетъ танцовать только отъ печки? Также точно и у нашихъ пророковъ модернистскаго лагеря. Ихъ экзотизмъ и косноязычіе, ихъ пристрастіе къ тѣмъ символамъ, на которыхъ они учились, ихъ неумѣнье переводить свои идеи на языкъ образовъ, всѣмъ знакомыхъ, и формъ общепонятныхъ являются знаменіемъ того, что всѣ ихъ обрѣтенія не стали органическимъ достояніемъ ихъ духа. Пушкинъ росъ „французомъ", а выросъ величайшимъ русскимъ поэтомъ. Наши же современные французы и классики такъ и остаются французами и классиками, а вѣрнѣе—чѣмъ-то межеумочнымъ, повисшимъ между надиромъ чуждыхъ культуръ и зенитомъ своей все-таки русской природы.

Цвѣты, лишенные корней,
Цвѣты, опущенные въ воду,—

какъ сказалъ Д. С. Мережковскій въ доброе старое время, когда онъ не былъ еще проповѣдникомъ ни мистическаго абсолютизма, ни мистической революціи...

Дѣло въ томъ, что Пушкинъ отъ Вольтера, Байрона и Шекспира перешелъ къ русской деревнѣ, къ русскимъ лѣтописямъ, архивамъ и семейнымъ преданіямъ. И эта возстановленная связь съ жизнью, его породившей, подчинила „плоды его проклятаго французскаго воспитанія", позволила ему лучше узнать природу терзавшей его боли, подсказала ему точныя, исчерпывающія, истинно свои—и потому вѣчныя слова для выраженія тайнъ его внутренняго міра. И этотъ точно познанный и по своему выраженный міръ одного изъ сыновъ Россіи оказался тѣмъ самымъ міромъ, который носятъ въ своей душѣ всѣ порожденные тою же дѣйствительностью. Говоря о своей боли, Пушкинъ говорилъ о боли всѣхъ своихъ соотечественниковъ; находя отвѣты для себя, онъ находилъ отвѣты для всѣхъ; созданные его душой слова и образы были словами и образами, смутно жившими въ душахъ всѣхъ русскихъ людей. Вотъ почему мы съ такою радостью и любовью откликаемся на его слова: его геній только сознавалъ то, что уже нарождалось въ жизни.

А что общаго между модернистами и нашимъ бытомъ? Не презираютъ ли они съ аристократической гадливостью нашу дѣйствительность въ ея повседневныхъ проявленіяхъ? Но, отвращаясь отъ зововъ жизни, они перерѣзываютъ питательную артерію своего духа, отвыкаютъ

отъ того, въ чемъ заключается сущность жизненнаго процесса—отъ претворенія сущаго въ чаемое. Самая категорія сущаго меркнетъ въ ихъ внутреннемъ мірѣ и вытѣсняется суррогатомъ чужихъ, гальванизированныхъ переживаній. Мало-по-малу, задушенная этимъ взятымъ на прокатъ достояніемъ, подавляется и мумифицируется ихъ собственная личность, сознаніе заполняется „игрой тѣней", и либо человѣкъ весь размѣнивается на эту игру, либо отъ времени до времени весь его душевный составъ потрясается безнадежными корчами обезсиленной, загнанной, но не окончательно еще убитой истинной личности.

Такъ, потерявъ связь съ дѣйствительностью, его породившей, художникъ теряетъ и самого себя. При такихъ условіяхъ гдѣ же ему создать „всенародный миѳъ"? Пусть онъ даже и понялъ умомъ необходимость „миѳотворчества", но это пониманіе ни на шагъ не подвигаетъ его впередъ, ибо, какъ это ни грустно, не всякое сознаніе вины ведетъ къ исправленію.

Доказательство на лицо. Иннокентій Анненскій упрекаетъ своихъ соратниковъ въ педантизмѣ, а самъ пишетъ трактаты о „побѣдныхъ кретикахъ, ослабѣвающихъ въ анапесты"; требуетъ простоты—и начинаетъ статью фразой: „жасминовые тирсы нашихъ первыхъ мэнадъ примахались быстро"; порицаетъ стихотворенія, подобныя криптограммамъ—и въ томъ же номерѣ печатаетъ вотъ какую „Ледяную тюрьму":

Пятно жерла стѣною огибая,
Минутно ледъ туманный позлащенъ...
Мечта весны, когда-то голубая,
Твоей тюрьмой горящей я смущенъ!

Истомлена сверканіемъ напраснымъ,
И плачешь ты, и рвешься трепеща,
Но для чудесъ въ дыму полудня красномъ
У солнца нѣтъ побѣднаго луча.

Ты помнишь ликъ свѣтила, но иного,
Въ тебя не тѣ глядѣлися цвѣты,
И твой конецъ на сердцѣ у больного,
Коль подъ землей не задохнешься ты.

Но не желай свидѣтелемъ безмолвнымъ
До чаръ весны сберечь свой зимній плѣнъ...
Ты не мечта, ты будешь только тлѣнъ
Раскованнымъ и громозвучнымъ волнамъ.

Публикуя во всеобщее свѣдѣніе сей плодъ своего вдохновенія, г. Анненскій положительно былъ обязанъ передъ читателемъ, не посвященнымъ въ тайны нео-аполлонизма, указать, подъ какимъ сло-

вомъ надлежитъ искать въ словарѣ Брокгауза ключъ къ пониманію этой китайской головоломки. А то вѣдь надо разъ десять перечесть эти строки, чтобы понять, что въ нихъ рѣчь идетъ, такъ сказать, о душѣ воды, закованной въ ледъ, который рискуетъ или растаять въ каучуковомъ мѣшкѣ, въ качествѣ компресса на груди больного, либо попасть въ погребъ ресторана, либо быть унесеннымъ весеннимъ разливомъ. Можетъ быть, это и очень мило сочинять подобныя шарады, но смѣю увѣрить г. Анненскаго, что такое пріятное занятіе не имѣетъ ничего общаго съ исканіемъ „общенароднаго миѳа, въ коемъ не должно и не можетъ быть темнотъ".

Яркая печать спеціальныхъ вкусовъ экзотическаго кружка лежитъ и на стихотвореніи Сологуба, которое начинается строфою:

Я опять, какъ прежде, молодъ,
И опять, какъ прежде, малъ.
Поднимавшій въ небѣ молоты
Надо мною задремалъ.

Тутъ вся суть въ техническомъ кунстштюкѣ; первая и третья строка, взятыя въ отдѣльности, не риѳмуютъ, но если вы, читая это стихотвореніе вслухъ, будете сливать конецъ первой строки съ началомъ второй, то созвучіе получится: „молодъ и"—„молоты". И на этомъ кунстштюкѣ, случайно мелькавшемъ у Сологуба и ранѣе (напримѣръ—въ „Дочери палача": „помостъ"—„дома ст-рогій"), построено все стихотвореніе.

Той же печатью кружковщины, темъ и интересовъ, подсказываемыхъ не широкой жизнью, а общеніемъ тѣсной компаніи, запечатлѣна и вся поэзія и беллетристика „Аполлона". Укажу на пустяковую, конечно, но характерную черточку—странствованія одного и того же мотива изъ статьи въ статью.

Въ теоретическомъ трактатѣ Вячеслава Иванова: „О проблемѣ театра" мелькаетъ картинка театральнаго зала Пушкинской эпохи: „Прежде стеченіе людей въ театральномъ залѣ—вспомнимъ хотя бы описаніе театра въ первой главѣ „Евгенія Онѣгина"—было нарядньмъ собраніемъ, гдѣ зрѣлище... поглощало лишь часть вниманія присутствующихъ, отдавая другую часть свѣтскому общенію... Только раекъ нетерпѣливо плескалъ"... Въ критическомъ обзорѣ современныхъ петербургскихъ сценъ Сергѣй Ауслендеръ подхватываетъ ту же тему, только разрабатывая ее поподробнѣе въ строкахъ, посвященныхъ Александринскому театру: „Входишь какъ въ заколдованное царство спящей царевны... Все переноситъ даже не къ дѣтству, а куда-то дальше, къ тѣмъ временамъ, когда франты въ голубыхъ узкихъ панталонахъ толпились у барьера оркестра, когда шалуны „Зеленой

Лампы" срывали голоса, вызывая своихъ любимицъ и здѣсь же посылая вызовы изъ-за нихъ, когда кошельки летѣли на сцену за удачно спѣтый куплетъ, когда расшалившійся Пушкинъ аплодировалъ по лысинѣ сосѣда", и т. д. Перевертываю еще нѣсколько страницъ,—и этотъ же самый мотивъ петербургскаго театра 20-хъ годовъ, въ еще болѣе подробной разработкѣ, оказывается второй главой „романтической повѣсти" того же Ауслендера: „Ночной Принцъ". Не слишкомъ ли безпощадно—трижды въ одной и той же книжкѣ использовать одинъ и тотъ же сюжетъ подъ разными соусами?..

Въ результатѣ журналъ оставляетъ впечатлѣніе досаднаго несоотвѣтствія между широкимъ размахомъ теоретической проповѣди и обидной скудостью реальныхъ достиженій. Вдохновенный Бенуа зоветъ насъ къ новой эрѣ въ исторіи мірового искусства, а поэты и беллетристы не выходятъ за рамки привычной модернистской манеры, имѣющей свои плюсы и заслуги, но уже привычной и не обѣщающей раскрыть новые горизонты,—менѣе всего царство великаго, всенароднаго, религіознаго искусства.

Что хорошо и интересно въ первомъ номерѣ Аполлона, такъ это—иллюстраціи, особенно картинки Добужинскаго къ повѣсти Ауслендера и прямо безподобный портретъ Цвинтчера „Моя дочь". А обложка, хотя и рисованная Бакстомъ, вышла аляповатой. Рѣжетъ глазъ и типографское неряшество въ версткѣ стихотвореній. Это, конечно, мелочь, но мы теперь уже избалованы внѣшнимъ изяществомъ книгъ, и не изысканному „Аполлону" мириться съ безвкусицей хотя бы въ этомъ отношеніи. Не годилось бы также такимъ утонченнымъ поклонникамъ Эллады не знать настоящаго имени того бога, жрецами котораго они себя объявляютъ: на фронтисписѣ журнала греческими литерами изображено „Απολλον"—съ двумя „омикронами"!..

С. Адріановъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ БОРЬБЫ.

Среди разнообразныхъ приключеній знаменитаго героя Додэ—Тартарена изъ Тараскона—есть одинъ весьма любопытный случай, особенно поучительный для насъ, русскихъ людей. Онъ является какъ бы символомъ, освѣщающимъ многія печальныя событія въ нашей общественной жизни.

Тартаренъ, вооружившись всевозможными приспособленіями для лазанья по горамъ, цѣною огромныхъ усилій взбирается на какую-то вершину—и тамъ видитъ зданіе желѣзнодорожнаго вокзала. Оказывается, всѣ старанія были излишни: на гору можно было подняться по желѣзной дорогѣ.

Нѣчто подобное происходитъ и съ нами. Образованіе народное достигается у насъ дорогой цѣной тяжелыхъ трудовъ и самоотверженія просвѣтителей, которые тратятъ огромныя усилія, чтобы уменьшить хоть сколько-нибудь всероссійское „пятно невѣжества". А заглянувъ къ нашимъ западнымъ сосѣдямъ, мы не безъ удивленія видимъ, что тамъ этотъ вопросъ вовсе не носитъ такой трагической окраски; тамъ дѣло налажено, и просвѣтители не карабкаются по скаламъ съ опасностью жизни, а спокойно ѣдутъ по желѣзной дорогѣ.

Характернымъ образчикомъ этого тартареновскаго положенія нашихъ просвѣтителей можетъ служить исторія народнаго книгоиздательства „Посредникъ", которому на этихъ дняхъ исполняется триста лѣтъ.

Неужели триста лѣтъ? Можетъ ли это быть?—Триста не триста, а двадцать пять лѣтъ будетъ. Но вѣдь эти двадцать пять лѣтъ были годами непрерывной борьбы. Эти двадцать пять лѣтъ были сплошнымъ военнымъ временемъ и конечно, подобно севастопольской оборонѣ, должны считаться мѣсяцъ за годъ, что и составитъ триста лѣтъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ В. Г. Чертковъ, воспоминанія котораго читатели „Вѣстника Европы" прочли въ предыдущей книжкѣ, пришелъ къ той мысли, что обязанность интеллигентнаго человѣка—заплатить по мѣрѣ силъ своихъ тому народу, на счетъ котораго онъ, интеллигентный человѣкъ, жилъ и живетъ, заплатить хоть часть огромнаго долга, давъ темному народу здоровую умственную пищу, удовлетворивъ его духовныя потребности. Нашлись и единомышленники: жена В. Г., А. К. Черткова, и морской офицеръ, окончившій Морскую Академію и служившій въ обсерваторіи Академіи Наукъ—П. И. Бирюковъ.

Сперва предполагалось начать изданіе народной газеты или журнала, но потомъ эта мысль была оставлена и рѣшено было издавать народныя книжки, такъ какъ народная книжка, благодаря своей дешевизнѣ, могла легко проникнуть въ такія глубины народной жизни, куда развѣ съ трудомъ дошла бы газета. Огромное вліяніе на возникновеніе этого дѣла и на его первые шаги оказалъ Л. Н. Толстой, на утвержденіе котораго представлялась почти каждая вновь выходящая книжка. Въ Петербургѣ былъ открытъ книжный складъ „Посредникъ" и въ началѣ 1885-го года были выпущены въ свѣтъ четыре маленькія книжки: „Чѣмъ люди живы", „Богъ правду видитъ, да не скоро ска-

жетъ“ и „Кавказскій плѣнникъ“ Л. Н. Толстого и разсказъ Н. С. Лѣскова „Христосъ въ гостяхъ у мужика“. Эти первыя книжки „Посредника“, съ девизомъ: „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“, разошлись въ количествѣ нѣсколькихъ милліоновъ экземпляровъ; за ними послѣдовали другія. На призывъ новой издательской фирмы откликнулись многіе выдающіеся русскіе писатели. Стали появляться народныя изданія съ именами Гаршина, Эртеля, Немировича-Данченко, Короленко и др. Чтобы всѣмъ было ясно, какія цѣли преслѣдуетъ фирма, было выпущено въ апрѣлѣ 1885-го года особое объявленіе, въ которомъ было указано, что цѣлью издательства является распространеніе хорошихъ и дешевыхъ книгъ. „Хорошимъ—писали издатели—мы считаемъ содержаніе, возможно ближе выражающее ученіе Христа и, въ крайнемъ случаѣ, ни въ чемъ не противорѣчащее этому ученію, и притомъ изложенное въ формѣ доступной массѣ и удовлетворяющей ея потребностямъ“.

По мѣрѣ того, какъ издатели втягивались въ дѣло, передъ ними раскрывались все новыя и новыя задачи. Ограничиваться одной беллетристикой было неудобно; необходимо было издавать и книжки съ практическими и научными свѣдѣніями. Редакція „Посредника“ выпустила слѣдующій циркуляръ, разосланный ею лицамъ, близко стоявшимъ къ народу и болѣе или менѣе знакомымъ съ народнымъ бытомъ и потребностями народа. „Въ окружающей васъ мѣстности какіе изъ чисто практическихъ вопросовъ въ народномъ хозяйствѣ и обиходѣ требуютъ скорѣйшаго рѣшенія, и возможно ли рѣшеніе ихъ или, по крайней мѣрѣ, помощь въ рѣшеніи ихъ, путемъ литературы? Въ окружающей васъ мѣстности какіе изъ самыхъ грубыхъ предразсудковъ и суевѣрій требуютъ наиболѣе настоятельнаго и немедленнаго разъясненія, и возможно ли разъясненіе ихъ или, по крайней мѣрѣ, помощь въ разъясненіи ихъ, путемъ литературы? Не укажете ли намъ сочиненій, уже напечатанныхъ и полезныхъ для этой цѣли, и которыя стоило бы распространить, улучшить или удешевить?“

Отвѣты на это обращеніе были получены со всѣхъ концовъ Россіи, и въ результатѣ появился рядъ новыхъ книжекъ со свѣдѣніями по медицинѣ, гигіенѣ, сельскому хозяйству и другимъ вопросамъ. Кромѣ книжекъ, стали появляться и дешевыя картины—воспроизведенія картинъ лучшихъ русскихъ художниковъ.

Усилія издателей не остались незамѣченными; къ нимъ на помощь явился рядъ интеллигентныхъ лицъ, среди которыхъ нельзя не упомянуть А. М. Калмыкову, Н. Д. Кившенко и И. И. Горбунова, ставшаго вскорѣ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ работниковъ фирмы, а послѣ изгнанія изъ Россіи Чертковыхъ и Бирюкова взявшаго въ свои руки все дѣло.

Вслѣдъ за помощниками вполнѣ естественно упомянуть и о врагахъ дѣла. Казалось бы, что далекая отъ какой-либо „политики" и преслѣдующая самыя идеальныя цѣли фирма могла разсчитывать, что ее минуетъ обычная литературная „чаша". Случилось иначе. Съ первыхъ же шаговъ ее почему-то оченъ не взлюбили и началось преслѣдованіе, какъ со стороны цензуры, такъ и со стороны администраціи. Цензура запрещала самыя невинныя книжки. Администрація отбирала у книгоношъ даже пропущенныя цензурой изданія. Чтобы ослабить преслѣдованія цензуры, приходилось прибѣгать къ хитростямъ: напримѣръ, издавать книжки черезъ третьи руки, чтобы цензура не знала, что это—изданія „Посредника". Въ цензурномъ комитетѣ старались угадывать изданія зловредной фирмы. Пишущему эти строки пришлось видѣть на разрѣшенномъ уже экземплярѣ полустертую карандашную надпись: „Не „Посредника" ли?" Въ другой разъ, когда черезъ меня былъ представленъ разсказъ Златовратскаго: „Бѣлый старичекъ", напечатанный ранѣе въ подцензурномъ журналѣ „Русское Богатство", секретарь цензурнаго комитета на мой вопросъ, почему запрещается разсказъ, отвѣтилъ указаніемъ на какую-то статью закона, при чемъ любезно показалъ и статью, которая рѣшительно никакого отношенія къ дѣлу не имѣла, и на мое возраженіе съ улыбкой отвѣтилъ: „Можете жаловаться. Можете даже указать, что упомянутая мною статья не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу". Я уже по опыту зналъ, что жаловаться безуспѣшно и что жалоба будетъ только напоминаніемъ о ревностномъ отношеніи цензора къ своимъ обязанностямъ.

Читатели книжекъ „Посредника" имѣли дѣло лишь съ готовыми книжками; критики нерѣдко упрекали фирму за ея одностороннее направленіе, за пробѣлы въ различныхъ областяхъ и т. п. Только лица, близко стоявшія къ дѣлу, знали, сколько начатыхъ изданій гибло въ цензурныхъ лабиринтахъ. Не могу не упомянуть еще объ одной книжкѣ „Посредника", не увидѣвшей свѣта. Книжка эта была—„Совѣты переселенцамъ". Въ этой книжкѣ сообщались свѣдѣнія о Сибири и была приложена недурная карта Россіи и Сибири. Стоила эта книжка большихъ трудовъ. Составить ее помогалъ извѣстный знатокъ Сибири Ядринцевъ, просматривалъ ее профессоръ Исаевъ. И все-таки, проплутавъ по цѣлому ряду министерствъ и управленій, книжка нашла себѣ успокоеніе въ цензурныхъ подвалахъ. Тогда смотрѣли на переселеніе какъ на что-то весьма опасное и нежелательное. Прошло нѣсколько лѣтъ—и правительство само усиленно поощряетъ переселенія. А во сколько обошлось русскому народу отсутствіе указаній, сколько силъ было затрачено на поиски давно извѣстнаго—объ этомъ никто не думаетъ.

Я не пишу исторіи „Посредника". Вѣроятно она когда-нибудь будетъ написана. Я только указываю на тѣ обрывы и скалы, по которымъ приходилось карабкаться людямъ, вмѣсто вполнѣ возможной ѣзды по желѣзной дорогѣ.

Въ настоящее время — время, какъ извѣстно, конституціонное— можно было бы думать, что мытарства „Посредника" кончились, и что теперь на эту умѣренную фирму смотрятъ доброжелательно, какъ на проводникъ просвѣщенія безъ „политики"—или если не доброжелательно, то хоть безъ предубѣжденія, спокойно и равнодушно, какъ на дѣло, имѣющее права давности. Къ сожалѣнію, и этого нѣтъ. Гоненія продолжаются и цѣлый рядъ судебныхъ дѣлъ ведется противъ стоящаго во главѣ фирмы И. И. Горбунова-Посадова.

На первыхъ книжкахъ „Посредника" былъ выставленъ девизъ: „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ". Спустя нѣкоторое время этотъ девизъ пришлось снять, такъ какъ онъ выдавалъ изданія фирмы, и низшая администрація пользовалась имъ, чтобы отбирать книжки „Посредника" у книгоношъ. Но, уйдя съ книжныхъ обложекъ, девизъ этотъ сохранился въ душѣ редакціи и до сихъ поръ является основнымъ мотивомъ, характеризующимъ направленіе главныхъ силъ фирмы „Посредникъ".

Въ нашъ „вѣкъ крови и меча" редакція „Посредника" во что бы то ни стало хочетъ неустанно напоминать читателямъ о существованіи высшаго Начала, Высшаго Принципа, управляющаго міромъ, Начала, къ которому надо приближаться по мѣрѣ силъ своихъ, но къ которому нельзя приблизиться путемъ матеріальнымъ, путемъ насилія, захвата, а можно придти и чувствовать свое съ нимъ общеніе только черезъ любовное отношеніе къ людямъ. Вѣдь они всѣ, не смотря ни на какія различія въ умѣ, силѣ, цвѣтѣ, происхожденіи, богатствѣ, всѣ происходятъ изъ одного и того же источника, всѣ подвержены болѣзнямъ и смерти и всѣ въ бóльшей или меньшей степени чувствуютъ стремленіе къ одному и тому же Началу.

Мы не будемъ разбирать, насколько права или неправа была редакція, принявъ на себя эту задачу, и вѣрно ли или невѣрно то направленіе, которое она старалась по мѣрѣ силъ и умѣнья проводить въ своихъ изданіяхъ. Скажемъ только, что редакція дѣлала то дѣло, которое считала самымъ необходимымъ, считала дѣломъ своей совѣсти.

Въ настоящее время количество изданій „Посредника" продолжаетъ возрастать, и самыя изданія становятся все разнообразнѣе. Оглядываясь на пройденный тернистый путь, редакція можетъ съ гордостью сказать: мы служили великому дѣлу просвѣщенія нашей родины, мы упорно боролись всѣ двадцать пять лѣтъ, мы сдѣлали, что могли. Кто можетъ сдѣлать больше—пусть дѣлаетъ.

Пожелаемъ редакціи еще много долгихъ лѣтъ плодотворнаго существованія, пожелаемъ ей дожить до того времени, когда просвѣтительная работа для народа будетъ заурядным дѣломъ всякаго образованнаго человѣка, когда героическій періодъ смѣнится мирнымъ періодомъ обыкновенной работы.

А. Хирьяковъ.

ПОЛЬ АДАНЪ

I.

Небольшого роста, коренастый человѣкъ съ увѣренно откинутой назадъ головой, непокорный чубъ надъ лбомъ, смуглое лицо, маленькіе пытливые глаза подъ низкимъ лбомъ, весь обликъ скорѣе борца за культуру, нежели потомка долгихъ вѣковъ культурной жизни—такова внѣшность одного изъ наиболѣе интересныхъ романистовъ современной Франціи, Поля Адана.

Въ бесѣдѣ онъ тоже производитъ впечатлѣніе человѣка общеевропейской культурной жизни. Въ противоположность большинству французскихъ писателей, онъ знаетъ не только Францію, но и другія страны. Онъ много путешествовалъ, много писалъ о жизни за предѣлами Франціи. У него есть любопытныя страницы о Лондонѣ, объ англичанахъ, которые живутъ всегда и во всемъ въ одиночку. Въ его повѣстяхъ изъ жизни Америки возсоздана съ большимъ пониманіемъ психологія людей, наскоро созидающихъ новую культуру. Поль Аданъ знаетъ даже Россію, гдѣ у него есть друзья; онъ писалъ о русской деревнѣ и о русской интеллигенціи.

Общеніе Поля Адана съ культурой другихъ народовъ—не только внѣшнее. Онъ менѣе всего любопытствующій туристъ; ему близокъ духъ другихъ народовъ. Большинство французскихъ писателей покорны традиціямъ французскаго ума. Всѣ они такъ или иначе ведутъ свой родъ отъ Вольтера. Поль Аданъ—исключеніе. Онъ не скептикъ. Онъ вѣритъ въ силу духовнаго творчества, въ созидающую волю человѣка. Ее онъ ищетъ въ урокахъ историческаго прошлаго; въ ней онъ видитъ смыслъ современной жизни, объясненіе современныхъ нравовъ. Онъ склоненъ къ метафизическимъ исканіямъ—тоже черта, отдѣля-

ющая его отъ трезвенниковъ французской литературы—и воплощаетъ ихъ въ своихъ любимыхъ герояхъ и героиняхъ.

Поль Аданъ близокъ къ литературѣ другихъ странъ. Чтеніе Гёте и нѣмецкихъ романтиковъ было для него въ юности откровеніемъ, сдѣлало его писателемъ. Пока онъ читалъ французскихъ классиковъ и увлекался Вольтеромъ, это развивало его умъ и склонность къ анализу. Но творческія способности пробудились въ немъ лишь тогда, когда къ чисто интеллектуальнымъ вліяніямъ присоединились эмоціональныя—знакомство съ поэзіей нѣмецкихъ романтиковъ. Объ этихъ первыхъ вліяніяхъ Поль Аданъ вспоминалъ на всемъ протяженіи своей писательской дѣятельности. Они опредѣлили до нѣкоторой степени характеръ его творчества. Когда Поль Аданъ сдѣлался писателемъ, очень плодовитымъ и разностороннимъ, онъ задался цѣлью объединить интеллектуальную французскую жизнь съ эмоціональностью, чуждой французскому духу. Поль Аданъ влюбленъ въ вселенскую душу, отраженную Гёте, Эсхиломъ, и жаждетъ слить съ нею народъ, всегда преклонявшійся передъ разумомъ, а также обогатить широтой чувствъ жизнь, основанную на торжествѣ интеллектуальности. Въ этомъ—паѳосъ его творчества. Побѣдамъ культурныхъ силъ онъ противополагаетъ жажду духа, жажду воли, переступающей всѣ границы дозволеннаго и даже допустимаго разумомъ. Во всѣхъ его лучшихъ произведеніяхъ трагическая судьба героевъ и героинь обусловливается разростаніемъ воли: она не мирится съ границами, предначертанными культурой и разумомъ. А та далекая цѣль, къ которой его влечетъ оптимистическая вѣра въ человѣческое и національное будущее, заключается въ примиреніи разума и эмоцій, воли и культурныхъ возможностей. Разуму противополагается мудрость—а мудрость объединяетъ чувства и разумъ.

Поль Аданъ занятъ въ своихъ романахъ не только психологіей отдѣльныхъ людей, но и судьбами цѣлыхъ эпохъ и народовъ; онъ философъ событій, онъ вдумывается въ цѣль, которую они осуществляютъ. Это глубокое отношеніе къ настоящему и къ минувшему, къ индивидуальной волѣ и къ психологіи народовъ и расъ, органически связано съ личной жизнью Поля Адана. Своимъ рожденіемъ онъ соприкасается съ героической эпохой, дававшей широкій просторъ развитію личности, а въ своей литературной и общественной дѣятельности онъ всегда былъ въ станѣ борцовъ, всегда былъ съ тѣми, которые пролагаютъ новые пути.

Про свой родъ Поль Аданъ разсказываетъ въ романѣ „Среди другихъ“, имѣющемъ до нѣкоторой степени автобіографическій характеръ. Онъ говоритъ, что предки его героя (т.-е. его самого)—потомки королей Расціи, „благороднаго рода, сверженнаго съ престола болга-

рами; ихъ пріютили авиньонскіе папы, и они такимъ образомъ вступили въ ряды французской знати. Они сдѣлались владѣтельными графами Флассанами, баронами въ Артуа". Это соотвѣтствуетъ дѣйствительной генеалогіи семьи Аданъ. Семья эта породнилась съ Ракси-Флассанами, выходцами изъ Расціи, теперешней Сербіи.

Судьба близкой родни Поля Адана связана была съ наполеоновской эпопеей. По воспоминаніямъ дѣтства, по семейнымъ преданіямъ, Поль Аданъ проникся восторженнымъ отношеніемъ къ эпохѣ, когда слава была порожденіемъ дѣйствительной силы, когда почести и власть не передавались изъ рукъ въ руки, а создавались усиліями каждаго, силой его личности. Прадѣдъ Поля Адана—жертва Ваграма: снарядъ оторвалъ ему обѣ ноги, и онъ умеръ на полѣ сраженія. Дѣдъ писателя участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи. Воспоминанія объ ихъ подвигахъ и объ ихъ жизни, объ ихъ близости къ блеску Наполеона и къ паденію первой имперіи—все это передавалось съ благоговѣніемъ младшимъ членамъ семьи старшими. Отецъ Поля Адана свято чтилъ память героевъ—отца и дѣда. Самъ онъ жилъ уже въ чуждую героизма эпоху второй имперіи, былъ директоромъ почтъ императорскаго дома. Но и въ немъ не угасъ строптивый духъ предковъ. Ихъ, жившихъ въ героическое время, влекло на поле битвы; онъ же проникся революціонными идеями и потерялъ мѣсто вслѣдствіе активныхъ республиканскихъ симпатій.

Въ декабрѣ 1862-го года у него родился сынъ—будущій писатель Поль Аданъ. Домашнее воспитаніе, разсказы отца и матери наполнили воображеніе мальчика образами, которые онъ впослѣдствіи воплотилъ въ своей національной эпопеѣ, въ романахъ, посвященныхъ наполеоновской эпохѣ и ея паденію. Въ дѣтствѣ онъ мечталъ о военной карьерѣ, и только настоятельные протесты отца заставили его поступить не въ военную, а въ гражданскую школу. Пройдя обычный общеобразовательный курсъ наукъ, Поль Аданъ все-таки сдѣлался воиномъ—но въ области отвлеченныхъ идей и литературныхъ интересовъ. Онъ подружился въ юности съ кружкомъ молодыхъ писателей, которые ополчились противъ шаблонности и неискренности тогдашней литературы. Они провозгласили, съ большимъ или меньшимъ талантомъ, „новыя формулы" въ литературѣ. Сначала такой „новой формулой" былъ натурализмъ, со всѣми его боевыми крайностями, съ намѣреннымъ подчеркиваньемъ всего чисто животнаго въ жизни людей. Увлеченіе бытовой правдой въ ея преувеличенной непривлядности смѣнилось затѣмъ символизмомъ и пренебреженіемъ къ быту—тоже доведеннымъ до крайности, иногда до намѣренной непонятности, во имя отвлеченнаго понятія красоты, внѣ

времени и пространства, или же во имя метафизическихъ положеній, предпочтенныхъ реальной правдѣ.

Поль Аданъ продѣлалъ въ своемъ литературномъ творчествѣ весь путь отъ натурализма къ символизму. Его ближайшими литературными друзьями и единомышленниками были: Гюисмансъ, тоже начавшій съ крайняго натурализма и кончившій, пройдя черезъ символизмъ, католическимъ мистицизмомъ; Анри де Ренье, который остался его близкимъ другомъ и послѣ того, какъ разошлись ихъ пути; поэты Жанъ Мореасъ, Вьеллэ Грефенъ. Поль Аданъ вмѣстѣ съ ними принималъ участіе въ боевыхъ журналахъ, отстаивалъ свои взгляды на задачи литературы въ полемическихъ статьяхъ. Яркимъ публицистомъ Поль Аданъ остался и до сихъ поръ; правда, онъ защищаетъ уже не „новыя формулы“ въ искусствѣ—онѣ не требуютъ защиты, получивъ общее признаніе,—а воюетъ противъ „торжества посредственности („Le triomphe des médiocres“), въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, часть которыхъ собрана въ книжки „Мораль Франціи“, „Мораль Парижа“ и др.

Въ настоящее время Поль Аданъ уже не боецъ. Отъ крайностей натурализма онъ отказался послѣ двухъ-трехъ первыхъ романовъ, но въ окончательномъ итогѣ пришелъ не къ символизму, подобно многимъ своимъ прежнимъ единомышленникамъ и друзьямъ, а къ очень своеобразному роду творчества—къ синтетическому роману. Въ противоположность погонѣ за мелкими подробностями, фотографическому изображенію „человѣческихъ документовъ“ и другимъ натуралистическимъ пріемамъ, Поль Аданъ старается дать и въ большихъ романахъ, и въ краткихъ повѣстяхъ, какъ бы вытяжку событій, только самое существенное, только самое характерное. Никакихъ почти описаній и картинъ жизни—только отраженіе событій на психологіи, только яркая схема, поглощающая всѣ подробности.

Философскія вытяжки дѣйствительности, экстракты житейской мелочности или, что еще хуже, серединности — вотъ чѣмъ являются романы Поля Адана. Искусство романиста—въ томъ, что эти „философскія вытяжки“ не отвлеченны, не схематичны, а чрезвычайно жизненны и художественны. Этого онъ достигаетъ мастерствомъ стиля, своеобразнаго въ своей сжатости и выразительности. Идеализмъ Поля Адана, его любовь къ далекому, тоже сказывается не въ пространномъ изображеніи внутренняго міра героевъ, а въ остромъ отраженіи ихъ паѳоса.

Вполнѣ самобытный въ этомъ, имъ же созданномъ родѣ творчества, Поль Аданъ уже давно пользуется общимъ признаніемъ. Отражая въ своихъ романахъ идеологію современной Франціи, онъ сдѣлался однимъ изъ выразителей идейныхъ чаяній своихъ современниковъ.

Выйдя изъ боевого періода, онъ все же продолжаетъ сочувствовать новымъ исканіямъ и вѣрить въ законъ вѣчной борьбы. Если отцы того поколѣнія, къ которому принадлежитъ Поль Аданъ, были воодушевлены республиканскимъ духомъ и боролись противъ имперіи, то теперь ему кажется вполнѣ естественнымъ протестъ нѣкоторой части французской молодой интеллигенціи противъ французской республики, какою ее сдѣлали обстоятельства. Когда писателей съ установившимся положеніемъ и съ опредѣлившимся вполнѣ характеромъ творчества спрашиваютъ о „молодыхъ", идущихъ имъ на смѣну, они рѣдко высказываются одобрительно, а въ большинствѣ случаевъ даже рѣзко осуждаютъ „новое". Поль Аданъ—исключеніе: „молодые" въ современной французской литературѣ не имѣютъ лучшаго друга. За послѣдніе годы стала обращать на себя вниманіе въ Парижѣ новая школа молодыхъ поэтовъ, такъ называемое „Аббатство" (Abbaye)—и первый, кто ихъ призналъ, кто къ нимъ примкнулъ, былъ Поль Аданъ. Онъ и печатно, и въ частной бесѣдѣ превозноситъ таланты молодыхъ поэтовъ — Вильдрака, Жюля Ромэна и другихъ, хотя они, съ ихъ стремленіемъ къ простымъ ощущеніямъ, къ строгому ритму жизни, очень далеки отъ идеологіи Поля Адана.

Тихо, красиво, въ строгомъ трудѣ живетъ теперь Поль Аданъ, въ нѣсколькихъ часахъ отъ Парижа, въ холмистой мѣстности близъ Мо, съ его историческимъ соборомъ, гдѣ нѣкогда читалъ свои громовыя проповѣди Боссюэтъ. Просторный живописный замокъ, собственность какого-то нормандскаго чудака-графа; тѣнистый паркъ, напоминающій Версаль своими аллеями, лужайками и фонтанами; за оградой парка лѣсъ, гдѣ водится много дичи; передъ домомъ широкій ровъ, мѣстопребываніе любимцевъ хозяина и хозяйки — бѣлыхъ борзыхъ. Въ этой обстановкѣ, въ тишинѣ, нарушаемой лишь пріѣздами друзей изъ Парижа, живутъ лѣтомъ и зимой романистъ-идеологъ и его молодая жена, вѣрный помощникъ въ его трудахъ. Отъ парижскихъ литературныхъ кружковъ Поль Аданъ давно уже держится вдали. Жизнь въ замкѣ Монтебизъ посвящена работѣ. Но когда пріѣзжаютъ друзья, Поль Аданъ охотно бесѣдуетъ и философствуетъ. Неспѣшно, точно отрываясь отъ занимающихъ его мыслей, Поль Аданъ ведетъ бесѣду о современномъ Парижѣ, о его равнодушіи къ духовнымъ интересамъ, о его погонѣ за сенсаціонностью. Онъ хорошо знаетъ нравы Парижа, умѣетъ разсказывать о встрѣчахъ съ любопытными людьми и загарается, говоря о молодежи, о всемъ томъ, что открываетъ просвѣты въ будущее, что свидѣтельствуетъ о творческой работѣ духа. Онъ вѣритъ въ жизнь, и даже въ его характеристикахъ парижской рекламности нѣтъ ни горечи, ни разочарованности. Въ свободное время онъ гуляетъ по аллеямъ стариннаго парка въ сопро-

вожденіи „Русалки“ и „Колдуньи“—своихъ любимыхъ собакъ, названныхъ русскими именами въ знакъ русскихъ симпатій Поля Адана и его жены.

II.

„Поль Аданъ—великолѣпное зрѣлище“ (Paul Adam est un spectacle magnifique), писалъ Реми де Гурмонъ въ „Livre des Masques“ въ 1896-мъ году. Съ тѣхъ поръ прошло тринадцать лѣтъ, и его опредѣленіе еще болѣе оправдалось на множествѣ написанныхъ съ тѣхъ поръ книгъ Поля Адана. Въ общей сложности, съ тѣхъ поръ какъ вышелъ въ свѣтъ его первый романъ, „Chair Molle“, въ 1885-мъ году, Поль Аданъ написалъ болѣе тридцати большихъ романовъ и множество статей по вопросамъ общественной нравственности, критическихъ и полемическихъ. Въ романахъ и другихъ произведеніяхъ Поля Адана затронуты самые разнообразные вопросы, выведены люди разныхъ эпохъ и разныхъ психологій, обрисованы нравы французской буржуазіи и міръ дѣльцовъ, разсказаны исторіи финансовыхъ предпріятій и краховъ, представлены театральные нравы, изображены женщины, царящія въ парижскомъ свѣтѣ, а въ особенности женщины полусвѣта, воплощенныя въ собирательномъ образѣ умной, обаятельной властительницы сердецъ — и кармановъ, Клариссы. Въ другихъ романахъ Поля Адана представленъ судейскій міръ, парижская и провинціальная адвокатура. Затѣмъ идутъ повѣсти, въ которыхъ описанія нравовъ перемѣшаны съ метафизическими теоріями, и рядъ романовъ изъ средневѣковой жизни, съ ея сосредоточенными исканіями абсолютной истины, съ ея мистической жаждой выявить волшебныя силы, таящіяся въ человѣческой волѣ, изъ византійской исторіи, съ ея обостренными страстями, изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ, которую авторъ изучилъ всесторонне.

Въ своемъ столь разнообразномъ по содержанію творчествѣ Поль Аданъ является историкомъ и моралистомъ. Его творчество проникнуто одной основной идеей, объединяющей его съ наиболѣе крупными идеологами современной дѣйствительности: Поль Аданъ выдвигаетъ на первый планъ, ярко освѣщая ее, проблему торжествующей воли, творческой, когда она побѣждаетъ сопротивленіе міра. Поставивъ эту проблему, проведя ее черезъ всѣ свои произведенія, Поль Аданъ указываетъ путь, ведущій къ торжеству созидающей воли—къ просвѣтленію личности, къ идеалу творческой національной жизни. Путь этотъ—гармонія разума и чувства, ихъ объединенное дѣйствіе. Противопоставить силѣ разума, ограничивающей жизнь, силу чувства и воли, расширяющихъ жизнь—такова идейная задача Поля Адана.

Поль Аданъ не сразу вступилъ на самобытный путь, не сразу поставилъ проблему торжествующей воли. Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ отдалъ дань натурализму, которымъ увлекался вмѣстѣ со своими первыми литературными друзьями. Его первый романъ—„Chair Molle“ (Безвольная плоть)—печальная исторія „жертвы общественнаго темперамента“, очень жизнерадостной въ началѣ своей карьеры. Постепенный рядъ тяжелыхъ и унизительныхъ переживаній лишаетъ ее всякаго чувства личности, затѣмъ болѣзнь окончательно губитъ ее, и смерть завершаетъ въ теченіе недолгихъ лѣтъ роковой кругъ подобнаго существованія. „Chair Molle“ вызвала бурю негодованія; авторъ подвергся даже судебнымъ преслѣдованіямъ за чрезмѣрно рѣзкія бытовыя подробности. Въ настоящее время „натурализмъ“ Поля Адана въ его первомъ романѣ уже никого не сможетъ смутить: въ этомъ отношеніи писатели всѣхъ направленій, позитивисты и идеалисты, бытописатели и враги бытописанія, пошли гораздо дальше. Бытъ, изображаемый въ „Chair Molle“, описывался съ тѣхъ поръ довольно часто съ натуралистическими подробностями, не вызывая никакихъ нареканій. Теперь этому первому роману писателя-моралиста можно только поставить въ укоръ то, что авторъ слишкомъ сосредоточилъ свое вниманіе на внѣшнихъ обстоятельствахъ, жизни и трагедіи его героини, мало заглядывая въ ея индивидуальную психологію. Вѣрный принципамъ натурализма, молодой романистъ еще не подходилъ къ изученію самобытныхъ силъ души—и ограничился изображеніемъ стада и стадныхъ чувствъ.

Послѣ нѣсколькихъ другихъ натуралистическихъ опытовъ, въ родѣ грубовато-ироническаго „Чая у Миранды“ (въ сотрудничествѣ съ поэтомъ Жаномъ Мореасомъ), Поль Аданъ отказался отъ крайностей натурализма. Все болѣе разрабатывая свой методъ смѣло правдиваго бытописанія, Поль Аданъ не ограничивался уже бытовыми подробностями, сосредоточивая интересъ на индивидуальныхъ переживаніяхъ своихъ героевъ. Онъ болѣе характеризуетъ, нежели описываетъ.

Наиболѣе интересные и яркіе изъ романовъ Поля Адана, написанныхъ въ зрѣлую пору его творчества—романы воли, противопоставленной силѣ обстоятельствъ. Раздѣляя свои произведенія на нѣсколько серій, онъ выдѣляетъ группу романовъ въ отдѣльную категорію подъ общимъ названіемъ: „Чудесная власть воли“ (Les Volontés merveilleuses). Къ той же категоріи романовъ воли могутъ быть отнесены нѣкоторые изъ романовъ, причисляемыхъ авторомъ къ разряду бытовыхъ (Le temps et la vie). Три романа особенно ярко воплощаютъ основную идею Поля Адана: „Свое я“ (Soi), „Среди другихъ“ (En décor) и „Быть“ (Estre). Здѣсь доведено до конца чувство обособленной

индивидуальности и показаны предѣлы, къ которымъ оно приводитъ, а также просвѣты безпредѣльности, таящейся въ томъ же чувствѣ.

Первый изъ этихъ романовъ, „Свое я", написанъ въ 1886-мъ году, непосредственно послѣ „Безвольной плоти". Романъ этотъ еще вполнѣ натуралистическій, по особенному вниманію автора къ физической сторонѣ жизни; но въ немъ уже намѣчается забота о стилѣ, сжатость опредѣленій, т.-е. все то, что характерно для дальнѣйшей манеры Поля Адана. Сюжетъ романа—психологическій, трактовка его—реалистическая. Героиня романа, Марта Грелу, по натурѣ своей склонна къ преувеличенному развитію эгоистическихъ инстинктовъ. Молодой дѣвушкой, она не любитъ обычныхъ свѣтскихъ удовольствій, равнодушна къ ухаживаніямъ за нею молодыхъ людей, но обнаруживаетъ гастрономическіе вкусы. Она сознательно относится къ вкусовымъ ощущеніямъ; ей пріятно чувствовать, „какъ глотки вина раздавливаются о нёбо". Ея любовь къ физическимъ ощущеніямъ превращается постепенно въ сосредоточенный культъ всего узко-личнаго. „Она такъ сводила къ собственному „я" всѣ мысли, весь міръ, что люди стали постепенно терять для нея всякое значеніе, и всѣ интересы сосредоточились на внѣшнемъ предметномъ мірѣ". Вся жизнь Марты изображена въ освѣщеніи этого всепожирающаго эгоизма. Ея замужество, ея разочарованіе въ мужѣ, польстившемся на ея деньги, ея жестокость къ этому навсегда отринутому человѣку, даже когда онъ несчастенъ, и затѣмъ постепенное отмираніе всякихъ чувствъ, соединяющихъ отдѣльную личность съ общей жизнью, исчезновеніе даже самаго элементарнаго изъ объединительныхъ съ міромъ инстинктовъ—чувственности—и утверждающееся царство плоти, гасящей духъ: все это составляетъ художественную эпопею эгоизма. Въ этомъ своемъ романѣ Поль Аданъ показываетъ отрицательную сторону индивидуалистическаго начала. Это—то самоутвержденіе, въ которомъ не участвуетъ волевое начало, въ которомъ сознаніе собственной личности приняло грубую форму плотского эгоизма.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представлены воля и чувство, характеризующія личное начало, въ романѣ „Среди другихъ" (1890 года). Тутъ Поль Аданъ выдвигаетъ на первый планъ противорѣчіе между холоднымъ разумомъ, которымъ живутъ средніе люди, и горячимъ чувствомъ, которое рвется изъ рамокъ. Герой романа можетъ дѣйствительно утвердить себя только тогда, когда онъ живетъ „среди другихъ", т.-е. общими понятіями и общими требованіями отъ жизни. Онъ принадлежитъ къ кругу, въ которомъ сильны традиціи—къ провинціальной аристократической средѣ. Ему слѣдовало бы, для его благополучія, любить охоту, быть сильнымъ, ловкимъ охотникомъ, какъ его двоюродные братья, слѣдовало бы принадлежать къ той же

политической партіи, какъ и его родные — и такъ же, какъ они, средне жить, средне чувствовать, средне потворствовать страстямъ, словомъ, жить въ мѣру. Но у него, при многихъ общихъ съ его средой понятіяхъ и вкусахъ, есть чувство, выбрасывающее его изъ рамокъ удобной жизни. Онъ любитъ несчастной любовью простую работницу, и эта страсть опредѣляетъ его жизнь. Сначала онъ любитъ ее потому, что она необыкновенно чиста; потомъ, убѣдившись въ противномъ, онъ все-таки любитъ ее, не смотря на ея пороки. Несоразмѣримое съ жизнью и жизненной правдой чувство доводитъ героя романа, Мануэля Эрикура, до безумія. Пусть жизнь несоотвѣтственна чувству, пусть мечта объ идеальной женщинѣ и объ идеальной любви разбита; все же на примѣрѣ Эрикура, на духовной красотѣ его переживаній, доказана самодовлѣющая правда истиннаго чувства. Черезъ полноту чувства къ торжествующей волѣ — таковъ путь, который хотя и не завершается, но намѣчается въ этомъ романѣ. Схематично, но картинно и выразительно изображена вся обстановка душевной драмы Эрикура, его мимолетныя, почти трагическія увлеченія, которыми онъ тщетно старается излечиться отъ своей роковой любви къ „единственной",— окружающіе его люди, вся жизнь провинціальной аристократіи, съ ея гордостью и ея пошлостью.

Романъ „Estre" (Быть), вышедшій въ 1888-мъ году, а потомъ вновь изданный подъ заглавіемъ „Огни шабаша" (Les feux du Sabbat), составляетъ до нѣкоторой степени противопоставленіе „En Décor": въ противоположность роману абсолютныхъ чувствъ—романъ абсолютной воли, уничтожающей чувство. Романъ этотъ полу-фантастическій; онъ возсоздаетъ атмосферу средневѣковья, XIV-го вѣка, не самыя событія или историческія рамки, а только духовную атмосферу той эпохи, съ ея вѣрой въ возможность воплощеннаго абсолюта, съ исканіемъ философскаго камня и т. д. Мрачными, строгими линіями изображенъ старинный замокъ Жака де-Оръ (Horps), котораго соблазнила и женила на себѣ волшебница Маго (Mahaud), дочь алхимика, барона Эдама. Въ образѣ Маго, которая поклоняется дьяволу, творитъ заклинанія, совершаетъ мрачные обряды, до черной мессы включительно, воплощена воля, доведенная до послѣдняго предѣла, воля, направленная на то, чтобы воплотить въ себѣ сущность бытія. „Быть" (Estre) — девизъ волшебницы, слово, которое она произноситъ, какъ военный кличъ въ борьбѣ. Въ этомъ словѣ воплощенъ весь паѳосъ волшебницы Маго. „Быть! Быть!—кричитъ она въ экстазѣ, вызванномъ ея „оккультическими упражненіями". „Быть чѣмъ-то инымъ, нежели человѣческая форма, въ которую на короткій промежутокъ жизни замкнулся ритмъ волны эѳира!" Маго въ отчаяніи отъ сознанія, что это для нея недостижимо. „Еслибы хоть въ смерти

ритмъ, отдѣленный отъ своей земной формы, сохранился, вновь обрѣтя свободное теченіе, сохранился бы нетронуто цѣльнымъ и сознающимъ свою красоту! Но не распадется ли пучокъ силъ, соединенныхъ на время человѣческой жизни, и не вернется ли онъ къ безсознательности первичныхъ состояній?“ Воля, направленная на абсолютное, пренебрегаетъ всѣмъ. Маго убиваетъ въ себѣ свое нерожденное еще дитя, чтобы отрѣшиться отъ земныхъ узъ; она не останавливается передъ отцеубійствомъ. Но въ ней волевое начало слишкомъ полно восторжествовало надъ эмоціональнымъ, чтобы привести къ торжеству духа. Она только проявила до конца волю, какъ Эрикуръ, герой „En Décor“, дошелъ до конца въ своемъ чувствѣ. Эрикуръ кончаетъ безуміемъ. Маго (романъ происходитъ въ обстановкѣ XIV-го вѣка) сжигаютъ на кострѣ. „Она одна, съ сѣрымъ упорнымъ блескомъ глазъ, шла на пытку, властная и торжествующая, возвысясь надъ уже покинутой жизнью, возвеличившись надъ сломанной женской оболочкой, болѣе свѣтлая, чѣмъ свѣтъ дня“. Ея побѣда, въ предѣлахъ чистой, абсолютной воли—такая же чисто духовная, какъ побѣда Эрикура въ области чувства. Но для жизненной побѣды, для воплощенной гармоніи, нужно равновѣсіе воли и чувства.

Въ своихъ бытописательныхъ романахъ изъ серіи „Epoque“ Поль Аданъ рисуетъ современные нравы, критикуя ихъ всегда въ свѣтѣ тѣхъ двухъ началъ, гармонія которыхъ является для него идеаломъ, конечной гармоніей. Романы этой серіи бичуютъ бездушіе и безволіе, которыя, по убѣжденію Поля Адана, составляютъ основное зло современности. Въ „Сущности солнца“ (Essence du Soleil) описана погоня за золотомъ (золото и есть „сущность солнца“ для современныхъ людей) цѣлаго ряда очень жизненно изображенныхъ людей. Четыре человѣка „изъ общества“—два клубмена, умѣющіе при случаѣ „съ шикомъ“ драться на дуэли, одинъ ораторъ, одинъ дѣлецъ—составляютъ союзъ, съ цѣлью обогатиться на счетъ довѣрчивыхъ людей; они основываютъ дутое финансовое предпріятіе, въ которое завлекаютъ весь дѣловой и весь веселящійся Парижъ. Тѣсный союзъ власти и золота составляетъ основную тему романа, изображающаго цѣлую галлерею общественныхъ типовъ, банкировъ, актрисъ, политическихъ дѣятелей—все людей властныхъ, но совершенно чуждыхъ всякихъ эмоцій и даже способности переживать глубокія чувства. Романъ этотъ (1890 года) написанъ болѣе вычурно, чѣмъ другіе; въ немъ Поль Аданъ слишкомъ увлекается стремленіемъ къ сжатости, къ синтезированію не только психологическихъ моментовъ, но и фактовъ, и часто изложеніе событій превращается почти въ ребусъ, изъ-за чрезмѣрной „выжимки“.

Къ той же серіи относится и оригинальный романъ „Полезныя сердца“ (Coeurs Utiles, 1892-го года); героиня его, обаятельная Майя,

почти доходитъ до гармоніи въ своемъ ясномъ, проницательномъ пониманіи жизни, со своимъ ироническимъ, холоднымъ умомъ, который соединяется въ ней съ пониманіемъ абсолютныхъ чувствъ, съ стремленіемъ сохранить нетронутость сердца для настоящей любви. Въ романѣ описано довольно фантастическое происшествіе. Ловкій предприниматель, знающій любовь публики къ „легкой мудрости", устраиваетъ циркъ, въ которомъ вмѣсто клоуна появляется настоящій философъ. Прежде онъ голодалъ, давая уроки за гроши, а теперь потѣшаетъ публику философскими сопоставленіями зрѣлищъ цирка и вѣчныхъ истинъ. Очень остроумны разсужденія клоуна-философа, обращенныя къ наѣздницѣ, которая въѣзжаетъ на арену съ цвѣткомъ лотуса въ рукѣ. Вѣчность, лотусъ, женщина, красота—этими понятіями онъ жонглируетъ, тѣша свое оскорбленное самолюбіе и забавляя вмѣстѣ съ тѣмъ публику, польщенную серьезнымъ обращеніемъ къ ней съ арены цирка. Въ этой цирково-философской обстановкѣ и проявляетъ свою сердечную мудрость и мудрую чуткость сердца Майя, всѣмъ внушающая любовь и соединяющая свои собственныя опредѣленныя, искреннія чувства съ умѣньемъ устраивать житейскія дѣла; она пользуется чувствами и недостаточной прозорливостью другихъ — толпы бездушныхъ и безвольныхъ людей.

Изъ обличительныхъ романовъ интересна еще сатира на судейскіе нравы — „Красныя мантіи" (Robes Rouges) (1892 года). Здѣсь опять изображена воля, лишенная мудрости сердца и потому пагубная: молодой прокуроръ дѣлаетъ карьеру тѣмъ, что подводитъ подъ смертную казнь завѣдомо невиннаго человѣка—только съ цѣлью отомстить ему и въ то же время сдѣлать служебную карьеру.

Къ бытописательнымъ романамъ Поля Адана слѣдуетъ отнести и его три романа, посвященные „мудрой блудницѣ"— Клариссѣ. Это „Стадо Клариссы" (Le troupeau de Clarisse), „Годъ Клариссы" (L'année de Clarisse) и „Кларисса и счастливый человѣкъ" (Clarisse et l'homme heureux). Во всѣхъ трехъ романахъ выведена актриса Кларисса Габи (Поль Аданъ часто упоминаетъ о ней вскользь и во многихъ другихъ романахъ—всегда, когда рѣчь идетъ о разорительной подругѣ какого-нибудь общественнаго или политическаго дѣятеля), очень талантливая, очень умная и живущая за предѣлами всякихъ общепризнанныхъ законовъ нравственности. Кларисса — любимая героиня Поля Адана. Всѣ свои самыя задушевныя мысли о людяхъ, о мірѣ, о литературѣ онъ вкладываетъ въ ея уста. Кларисса Габи произноситъ суровыя—и очень умныя—рѣчи противъ условности французскаго классическаго театра, въ которомъ застывшая красота формы убила человѣчное содержаніе, превозноситъ глубину Шекспира и нѣмецкихъ романтиковъ. Все, что у Поля Адана накипѣло противъ

буржуазной морали, все, что онъ имѣетъ сказать въ защиту личной свободы, вложено въ уста Клариссы. Странно, казалось бы, что идеальный синтезъ между волей, чувствомъ и трезвымъ разумомъ, о которомъ мечтаетъ Поль Аданъ, воплощенъ въ образѣ женщины, сознательно превратившей себя въ предметъ публичнаго торга. Эта странность объясняется особенностью французской жизни, французской философіи. Поэты и художники всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ воплощали свою мечту о совершенствѣ, свой „идеалъ", въ женскомъ образѣ—или Мадонны, или Венеры. Современный французскій писатель-идеологъ тоже искалъ совершеннаго женскаго образа, воплощающаго полноту разума и полноту чувства и воли. Въ той французской женщинѣ, которая живетъ въ рамкахъ французскихъ требованій отъ „жены и матери", нельзя было воплотить идеалъ свободной воли и свободнаго чувства. Этимъ идеаломъ для французскаго писателя могла явиться только женщина вольныхъ нравовъ, та, для которой не существуетъ традиціонныхъ понятій морали. Такъ создалась Кларисса. Во всѣхъ трехъ романахъ, ей посвященныхъ, она становится судьей тѣхъ, кого она называетъ „своимъ стадомъ", тѣхъ, которымъ она „даритъ свою благосклонность", оставаясь въ душѣ свободной, сознавая себя властительницей, болѣе того—предметомъ общаго обожанія, кумиромъ всѣхъ окружающихъ. Женщина изъ разряда тѣхъ, о которыхъ принято говорить съ сожалѣніемъ, возведена въ жрицы свободнаго и мудраго отношенія къ жизни. Это показываетъ, до чего Поль Аданъ связанъ съ духомъ французской жизни. „Романы о Клариссѣ", помимо этой своей характерности, чрезвычайно интересны блестящими сужденіями о французской жизни.

Цѣлый рядъ романовъ Поля Адана посвященъ, какъ мы уже указывали, наполеоновской эпопеѣ и паденію имперіи. Эти романы—La Ruse (1903 г.), Le Soleil de juillet (1903 г.) и L'Enfant d'Austerlitz (1902 г.). Въ нихъ изображеніе исторической эпохи и ея типовъ тоже соединено съ проблемой воли и чувства. То же самое можно сказать о романахъ изъ византійской жизни, „Василій и Софія" (Basile et Sophia) и др.

Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Поль Аданъ щеголяетъ колоритностью, связанной съ сжатымъ до крайности стилемъ, затѣмъ обиліемъ разнообразныхъ жизненныхъ типовъ. Всѣ эти художественныя качества служатъ ему средствами для разработки его идеологическихъ истинъ, для стремленія къ гармоніи чувства и воли.

Зин. Венгерова.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ГОСУДАРСТВОВѢДѢНІЮ за 1909-ый годъ

I.

Часто приходится слышать сѣтованія на упадокъ научной дѣятельности со времени „освободительнаго движенія". Даже люди, сочувственно относящіеся къ этому движенію, не прочь утверждать, что все сколько-нибудь талантливое и живое изъ личнаго состава нашихъ юридическихъ факультетовъ ушло въ политику. Злободневные вопросы выдвинуты на первый планъ. Газетная статья заступила мѣсто журнальной, брошюра вытѣснила книгу; у ученыхъ нѣтъ времени писать сколько-нибудь пространныя сочиненія; читателю не до чтенія обширныхъ трактатовъ. Эти нареканія, быть можетъ, были справедливы, и то лишь въ нѣкоторой степени, въ самый разгаръ движенія, когда пришлось мобилизировать всѣ силы и люди, ранѣе сидѣвшіе надъ монографіями и учеными изслѣдованіями, временно сдѣлались газетчиками. Но послѣдніе два года, съ ихъ быстро торжествующей реакціей и подавленіемъ періодической печати административными взысканіями и судебной волокитой, съ ихъ разочарованіемъ въ возможности близкаго торжества началъ обще-европейской гражданственности, заставили передовыхъ бойцовъ за освободительную идею вернуться къ прерванной работѣ медленнаго воспитанія русскаго общества въ принципахъ свободы и права. Стали появляться не однѣ только статьи, но и цѣлыя книги, посвященныя критическому разбору нашихъ учредительныхъ законовъ. Монографической разработкѣ подверглись спорные вопросы о границахъ правомочій совѣта министровъ, о юридической природѣ той регламентирующей власти, какая признана за ними 87-ой ст. нашихъ основныхъ законовъ, о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія для правъ гражданъ имѣютъ чрезвычайныя и усиленныя охраны, наконецъ вообще о свободахъ, какія въ правовомъ государствѣ составляютъ необходимое достояніе гражданина и подданнаго. Вслѣдъ, можно было бы сказать даже одновременно съ проф. Лазаревскимъ, подарившимъ насъ первымъ сколько-нибудь полнымъ сравнительно-историческимъ комментаріемъ нашей „конституціи", въ своихъ столько же глубокихъ, сколько и блестящихъ „Лекціяхъ о конституціонномъ правѣ",

баронъ Нольде, въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго института“, обстоятельно изучилъ прошлое и настоящее совѣта министровъ, съ цѣлью показать, какова его юридическая природа и характеръ функцій. Еще ранѣе тотъ же профессоръ международнаго права въ Политехническомъ Институтѣ, повидимому не менѣе знакомый съ государственнымъ правомъ, чѣмъ со своей непосредственной спеціальностью, изучилъ въ подробномъ очеркѣ, отпечатанномъ въ „Извѣстіяхъ“ того же института, источникъ и природу чрезвычайной регламентирующей власти совѣта министровъ, о которой говоритъ 87-ая статья основныхъ законовъ. Оба сочиненія вышли въ настоящее время отдѣльными монографіями, подъ заглавіемъ: „Очерки русскаго конституціоннаго права“. Имъ суждено сдѣлаться настольными книгами для всѣхъ, кому придется имѣть дѣло, въ теоріи или на практикѣ, съ функціонированіемъ нашихъ государственныхъ учрежденій. Комментарій барона Нольде задуманъ широко и выполненъ съ помощью разносторонняго знакомства съ политической литературой и конституціоннымъ правомъ важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Прошлое совѣта министровъ изучено по прямымъ источникамъ, а при изложеніи нынѣ дѣйствующаго законодательства отведено подобающее мѣсто и критикѣ. Такъ, на стр. 78 указано, что ясныя и безспорныя положенія 94-ой статьи законовъ основныхъ, объявляющей: „законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона“, въ организаціи совѣта министровъ были уже нарушены. Статья 2-ая части II-ой Учрежденія совѣта министровъ была измѣнена въ порядкѣ верховнаго управленія простымъ указомъ. Это прошло незамѣченнымъ—прибавляетъ баронъ Нольде,—а между тѣмъ рѣчь идетъ о такомъ важномъ вопросѣ, какъ измѣненіе въ самомъ составѣ высшаго органа государственнаго управленія. По Учрежденію совѣта министровъ въ немъ могутъ участвовать товарищи министра только въ томъ случаѣ, если они вступили въ управленіе вѣдомствомъ, т.-е. заступили мѣсто своихъ начальниковъ. На основаніи же Высочайшаго повелѣнія 23 мая 1906 г.—слѣдовательно путемъ указа, а не закона,—министрамъ и главноуправляющимъ дозволено замѣщать себя товарищами при разсмотрѣніи въ совѣтѣ министровъ дѣлъ вѣдѣнія бывшаго комитета министровъ. Тѣмъ же барономъ Нольде указано, что далеко неяснымъ надо считать вопросъ о томъ, „кто тѣ главноуправляющіе отдѣльными частями, принадлежащіе къ общему министерскому устройству, которые вмѣстѣ съ министрами и образуютъ постоянный составъ совѣта“. „Кто такой министръ—пишетъ баронъ Нольде—совершенно ясно, но кто такой главноуправляющій отдѣльною частью, принадлежащій къ общему министерскому устройству, является ли такимъ, напр., государственный контролеръ или оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, или главно-

управляющій государственнымъ коннозаводствомъ—на этотъ вопросъ нашъ законъ не даетъ сколько-нибудь яснаго отвѣта". Практическое значеніе, какое можетъ имѣть точное выясненіе этого вопроса, бросится въ глаза каждому, если принять во вниманіе, что для осуществленія у насъ дѣйствительныхъ началъ правового порядка далеко не безразлично, будетъ ли лицо, которому ввѣренъ контроль за государственнымъ счетоводствомъ, одновременно членомъ совѣта контролируемыхъ имъ министровъ [1]).

Не менѣе спорнымъ является вопросъ о томъ, долженъ ли оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода входить въ составъ совѣта министровъ. Баронъ Нольде справедливо указываетъ, что отвѣтъ будетъ разный, смотря по тому, станемъ ли мы на точку зрѣнія факта или на точку зрѣнія каноническаго права. Съ этой послѣдней точки зрѣнія оберъ-прокуроръ не могъ бы быть членомъ совѣта министровъ, „такъ какъ свѣтская власть управлять русскою церковью не вправѣ". Наконецъ, не лишенъ значенія и вопросъ, входитъ ли намѣстникъ Кавказа въ составъ совѣта министровъ? Баронъ Нольде полагаетъ, что да, и признаетъ спорнымъ только то, подходитъ ли намѣстникъ подъ категорію начальниковъ отдѣльныхъ частей, постоянно участвующихъ въ совѣтѣ, — или начальниковъ, лишь приглашаемыхъ по дѣламъ своихъ вѣдомствъ. „Такъ какъ полномочія намѣстника — разсуждаетъ онъ — распространяются на очень обширный кругъ дѣлъ и намѣстникъ держитъ въ своихъ рукахъ права управленія, въ другихъ мѣстностяхъ распредѣленныя между всѣми министрами по принадлежности, то можно думать, что первое рѣшеніе было бы болѣе правильнымъ". Съ этимъ нельзя не согласиться, и если бы вопросъ получилъ такое рѣшеніе съ самаго начала, членамъ первой Думы не пришлось бы встрѣчаться съ тѣмъ затрудненіемъ, какое представляло нежеланіе намѣстника Кавказа отвѣчать на запросы Государственной Думы касательно дѣйствій подчиненной ему администраціи. На этой точкѣ зрѣнія нельзя было долго останавливаться, и во второй Государственной Думѣ мнѣ пришлось уже видѣть представителя намѣстника, отца автора разбираемой монографіи, отвѣчающимъ отъ имени правительства на запросы Государственной Думы.

Весьма правильно и въ полномъ соотвѣтствіи съ западно-европейскою практикой рѣшаетъ баронъ Нольде и вопросъ о томъ, каковы отношенія предсѣдателя совѣта министровъ къ прочимъ его

---

[1]) На недавнемъ съѣздѣ октябристовъ проф. Алексѣенко весьма рѣшительно настаивалъ на необходимости выдѣлить государственнаго контролера изъ состава совѣта министровъ.

членамъ. Онъ — хранитель и символъ единства совѣта. Поэтому отъ него зависитъ представленіе монарху кандидатовъ для замѣщенія должностей министровъ и главноуправляющихъ. Другими словами, подобно англійскому премьеру, онъ получаетъ отъ Государя полномочія составить кабинетъ или правительство. Учрежденіе совѣта министровъ предоставило ему также право требовать любыхъ объясненій отъ каждаго изъ членовъ совѣта и сообщенія ему всеподданнѣйшихъ докладовъ, подлежащихъ представленію на Высочайшее благоусмотрѣніе; иначе говоря, предсѣдатель совѣта министровъ имѣетъ полную возможность слѣдить за государственнымъ управленіемъ въ его цѣломъ и переносить любое дѣло на разсмотрѣніе совѣта. Все это необходимо для того, чтобы обезпечить единство и солидарность правительства. Но солидарность цѣнна только тогда, когда она связана съ круговой отвѣтственностью. Безотвѣтственный президентъ совѣта министровъ ближе стоитъ къ великому визирю дореформенной Турціи, чѣмъ къ англійскому премьеру. Вотъ почему тамъ, гдѣ существуетъ конституціонный строй, министры солидарно отвѣтственны передъ палатами за общее направленіе политики, и индивидуально—за личные акты. Это прямо признано статьей 6-й французскаго закона 25 февраля 1875 г. Наши же законы знаютъ только объ отвѣтственности членовъ совѣта, съ его предсѣдателемъ, передъ однимъ Государемъ Императоромъ за общій ходъ государственнаго управленія—и каждаго министра въ отдѣльности за его дѣйствія и распоряженія (ст. 123). Баронъ Нольде правильно оцѣниваетъ послѣдствіе такого порядка, говоря: „Отвѣтственность передъ монархомъ ничего новаго реально не прибавляетъ къ тому основному началу, что назначеніе и увольненіе министровъ у насъ дѣло исключительно Верховной власти. За отсутствіемъ солидарной отвѣтственности, единство въ средѣ министерства остается всецѣло покоящимся на той, какъ бы „начальственной“ роли, которую далъ нашъ законъ предсѣдателю совѣта министровъ“.

II.

Насколько монографіи барона Нольде занимаютъ первенствующее мѣсто среди комментаріевъ, какимъ подвергся въ текущемъ году нашъ обновленный строй, настолько разсужденіе профессора Новгородцева, озаглавленное: „Кризисъ современнаго правосознанія“, можетъ служить наилучшимъ показателемъ господствующаго теченія нашей политической литературы по вопросамъ общаго государственнаго права и политики. Это направленіе можно назвать критико-философскимъ. Русскіе ученые не довольствуются болѣе повтореніемъ теорій, воз-

никшихъ въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ или Вѣнѣ. Мало этого: ихъ не удовлетворяетъ даже общепризнанная доктрина европейскаго либерализма. Принципы 1789 г., даже съ тѣмъ придаткомъ, какой они получили въ 1848 г., кажутся имъ отжившими свое время. Въ этомъ отношеніи русскія теченія сходятся съ нѣкоторыми западными. Но во Франціи и Италіи, въ гораздо меньшей степени—въ Германіи и Австріи, отрицаніе основныхъ началъ либерализма, по крайней мѣрѣ въ области политики, составляетъ достояніе сравнительно тѣсныхъ круговъ. Въ Россіи же, къ моему немалому удивленію, оно можетъ считаться охватившимъ собою большинство молодыхъ писателей, посвящающихъ себя политико-философскимъ вопросамъ. Въ теченіе года мнѣ пришлось встрѣтиться съ двумя-тремя магистрантами по государственному праву. На мой вопросъ о томъ, каковъ ближайшій предметъ ихъ занятій и чему будетъ посвящена ихъ диссертація, однообразно слѣдовалъ отвѣтъ: „къ реформѣ“ того или другого ходячаго положенія конституціоннаго права. Одинъ пишетъ и уже отчасти написалъ работу, долженствующую дать юридическую конструкцію парламентаризма. Такъ какъ парламентаризмъ, по вѣрному замѣчанію Дайси, опирается не столько на законы, сколько на прецеденты и парламентскія соглашенія, то работа моему пріятелю предстоитъ нелегкая. Другой, не менѣе способный работникъ, на вопросъ о предметѣ своихъ занятій, сознался, что озабоченъ мыслью дать новую доктрину представительной системы. Третій, уже занимающій каѳедру въ одномъ изъ русскихъ университетовъ и уже пріобрѣвшій извѣстность своимъ трактатомъ „о государственномъ верховенствѣ или суверенитетѣ“, въ текущемъ году написалъ книгу, заключающую въ себѣ болѣе или менѣе явное отрицаніе того самого начала, обоснованію котораго было посвящено первое его изслѣдованіе. Очевидно, автора охватило то критико-отрицательное направленіе, какое составляетъ, на мой взглядъ, господствующую черту въ современной литературѣ публичнаго права.

Чтобы укрѣпить это направленіе въ русскихъ умахъ, мы не прочь прибѣгнуть къ помощи иностранныхъ отрицателей. Въ теченіе одного года вышли на русскомъ языкѣ и трактатъ Дюги: „О конституціонномъ правѣ“, и лекціи, прочитанныя имъ въ школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Но Дюги извѣстенъ тѣмъ, что изъ всѣхъ западно-европейскихъ государствовѣдовъ онъ пошелъ всего далѣе въ критикѣ и общихъ понятій государственнаго права, и самой организаціи народнаго представительства. Его доктрина отчасти напоминаетъ воззрѣнія софиста Тразимаха, выводимаго Платономъ въ его „Трактатѣ о государствѣ“, отчасти примыкаетъ къ тому движенію, которое извѣстно во Франціи подъ именемъ синдикализма. Дюги кладетъ его въ основу своего проекта реформы представительной системы, которая отнынѣ

должна сдѣлаться въ значительной степени отраженіемъ группировки отдѣльныхъ индивидовъ въ союзы предпринимателей и рабочихъ [1]).

Это увлеченіе критицизмомъ заставляетъ, какъ мнѣ кажется, упускать изъ виду появленіе въ нѣмецкой литературѣ, доселѣ такъ могуче влiявшей на нашу научную мысль, успѣшныхъ попытокъ положить въ основу общаго государственнаго права непосредственное знакомство съ современными конституціями и со всѣмъ историческимъ ходомъ развитія новаго государства. Такую именно попытку представляетъ сочиненіе профессора познанскаго университета, Юлія Гачека, извѣстнаго знатока англійскаго государственнаго права. Рѣдко кто можетъ считать себя болѣе подготовленнымъ къ выполненію широкой задачи синтетическаго выраженія основъ современнаго государственнаго порядка. Гачекъ одинаково знакомъ съ языками древними и новыми, цитируетъ въ подлинникѣ даже русскихъ писателей, рядомъ съ итальянскими и испанскими, не говоря уже объ англійскихъ и французскихъ. Онъ изучилъ основательно тексты конституцій даже южно- и средне-американскихъ республикъ. Имъ едва ли пропущенъ сколько-нибудь серьезный комментарій дѣйствующаго права—все равно, вышелъ ли онъ отдѣльнымъ изданіемъ, или погребенъ въ журналахъ того или другого мало извѣстнаго общества. И не смотря на всю эту начитанность—сочиненіе нѣмецкаго профессора съ славянской фамиліей заключаетъ въ себѣ едва 500 страницъ очень небольшого формата и свободно отъ всякихъ примѣчаній. Нужныя цитаты включены въ текстъ, обыкновенно—въ подлинныхъ выраженіяхъ. Для подготовленія къ лекціямъ сочиненіе проф. Гачека является незамѣнимымъ vade mecum. Оно бы могло служить и руководствомъ для экзаменовъ. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не цѣнно имѣть общій обзоръ и современной конституціонной монархіи, какъ отличной отъ неограниченной, и современныхъ республиканскихъ демократій, въ порядкѣ ихъ историческаго нарожденія, и современныхъ федерацій, съ попыткой дать философско-юридическое обоснованіе ихъ природы. Все это я говорю въ надеждѣ, что найдется достаточно смѣлый издатель, чтобы присоединить къ массѣ не столько переведенныхъ, сколько искаженныхъ на русскомъ языкѣ нѣмецкихъ сочиненій, еще одно, на этотъ разъ, надѣюсь, передающее вполнѣ ясно мысли его автора. Не знаю, какъ поступятъ мои товарищи по преподаванію, но я лично не могъ бы рекомендовать лучшей книги для подготовки къ экзамену. Она болѣе отвѣчаетъ представленію объ общеконституціонномъ правѣ, нежели превосходный курсъ проф. Эсмена, нѣсколько лѣтъ назадъ вышедшій на русскомъ языкѣ подъ моей редакціей, и первая часть котораго снова появилась въ переводѣ подъ редакціей проф.

[1]) Теорія Дюги разобрана была мною въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы".

Дерюжинскаго. Проф. Эсменъ читаетъ свои лекціи на основаніи по преимуществу, если не исключительно, французскаго матеріала. Имъ изучены въ подробностяхъ различныя конституціи, пережитыя его страною, и вызванная ими къ жизни политическая литература. Ему, разумѣется, не безизвѣстна также и англійская, и нѣмецкая. Но онъ въ меньшей степени считается съ положительнымъ правомъ, если не съ юридическими доктринами, Пруссіи, Австріи, а тѣмъ болѣе заморскихъ республикъ, за исключеніемъ однихъ Соединенныхъ-Штатовъ. Гачекомъ же все это принято во вниманіе и использовано какъ нельзя лучше. Такъ какъ основу его знаній по государственному праву составило детальное изученіе англійской конституціи и ея историческихъ судебъ, то рѣдко кто въ большей степени обладаетъ нужнымъ критеріемъ для сужденія о томъ, въ какой мѣрѣ конституціонныя новшества идутъ въ разрѣзъ съ вѣковымъ строемъ конституціонныхъ и парламентарныхъ монархій и республикъ.

Необходимость упомянуть попутно о крупномъ явленіи въ западно-европейской литературѣ отвлекла меня нѣсколько въ сторону отъ анализа преобладающей тенденціи въ литературѣ русскаго государственнаго права. Возвращаюсь къ моему ближайшему предмету для того, чтобы сказать, что я нисколько не отношусь отрицательно къ господствующему направленію. Оно кажется мнѣ несравненно болѣе здоровымъ и жизненнымъ, чѣмъ то, какое держалось у насъ до эпохи освободительнаго движенія, когда, скованная правительственной опекой надъ преподаваніемъ и предварительной цензурой, мысль русскихъ государствовѣдовъ была направлена къ неосуществимой задачѣ—подвести подъ русскій государственный порядокъ нѣмецкую доктрину конституціонализма и открыть въ противоположеніи закона и указа основныя начала правового порядка въ Россіи. Пытливый умъ проф. Коркунова тщетно старался раскрыть свою оригинальность въ обоснованіи такой доктрины. Другіе авторы курсовъ и учебниковъ по государственному праву освобождали себя отъ всякаго безпокойства и, передавъ въ сжатомъ видѣ нѣмецкія доктрины отъ Блюнчли до Еллинека включительно, переходили затѣмъ непосредственно къ ознакомленію своихъ читателей и слушателей съ русскимъ дѣйствующимъ правомъ. Съ начала освободительнаго движенія стала зарождаться у насъ и критическая мысль по отношенію не только къ новому государственному порядку, но и къ основамъ западно-европейскаго политическаго строя. Въ связи съ этимъ началось и возрожденіе такъ называемаго естественнаго права. Начало ему было положено даже нѣсколько ранѣе, въ прямой зависимости отъ охватившаго юристовъ сознанія, что положительное право стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи

съ тѣми велѣніями разума, въ которыхъ еще голландскій юристъ XVII-го вѣка Бенкерсгукъ видѣлъ дѣйствительный источникъ права.

Во всѣхъ этихъ проявленіяхъ русской политической мысли я не вижу ничего случайнаго. Это явленія органически связанныя съ нашей политической дѣйствительностью и ея недавнимъ прошлымъ. Этимъ я объясняю себѣ и успѣхъ „Интуитивнаго права" проф. Петражицкаго, и то стремленіе возродить право естественное, въ которомъ признается открыто проф. Новгородцевъ во вступительныхъ замѣчаніяхъ къ своему труду.

Забота объ этомъ возрожденіи привела его, какъ онъ говоритъ, къ раскрытію кризиса современнаго правосознанія. „Подобно тому какъ въ прежнее время расцвѣтъ естественно-правовыхъ началъ совпадалъ обыкновенно съ кореннымъ измѣненіемъ правосознанія, такъ и въ наши дни — говоритъ проф. Новгородцевъ—поворотъ къ отвлеченной идеѣ естественнаго права знаменуетъ собою нѣкоторый глубокій процессъ въ жизни и мысли современныхъ обществъ. Господствующія ученія въ юриспруденціи еще продолжаютъ повторять старое сознаніе, но современное нравственное сознаніе въ своихъ требованіяхъ къ праву значительно ушло впередъ. Старыя формулы и формы, старыя вѣрованія, заимствованныя еще отъ XVIII-го в., не удовлетворяютъ никого болѣе. Тамъ и здѣсь высказываются новыя требованія, чувствуется потребность новыхъ началъ, но эти требованія и начала не только не сложились въ цѣлую теорію, но и самая почва для нихъ еще не расчищена ниспровергающей критикой старыхъ понятій". Такую критику и заключаетъ въ себѣ книга проф. Новгородцева. Было бы, можетъ быть, преувеличеніемъ считать ее ниспровергающей, но ею во всякомъ случаѣ отмѣчены многіе недочеты въ существующей теоріи и догмѣ государственнаго и въ частности конституціоннаго права. Критика проф. Новгородцева примыкаетъ къ той, начало которой было положено болѣе тридцати лѣтъ назадъ хотя бы такими сочиненіями, какъ классическая монографія Мэна „О народномъ правленіи". Кстати сказать, многое, что пишется въ осужденіе парламентаризма и его современной основы—господства численнаго большинства, прямо или косвенно воспроизводитъ собою мысли англійскаго юриста. Но объ этомъ какъ-то забываютъ лица, пользующіяся имъ. Правда, Мэнъ имѣлъ своихъ предшественниковъ въ самой Англіи. Система „королевской демократіи", мы бы сказали—народной монархіи, нашла непримиримыхъ противниковъ въ самый моментъ проведенія ея въ жизнь французскимъ учредительнымъ собраніемъ и конституціей 1791 г. Боркъ и Бентамъ, какъ я старался показать въ моемъ „Происхожденіи современной демократіи", положили основаніе всей позднѣйшей кри-

тикѣ и принципа народнаго суверенитета, и ученія о законѣ, какъ выраженіи общей воли. Мэнъ, а за нимъ Дайси, использовали только новѣйшій опытъ демократическихъ или полудемократическихъ республикъ и монархій для обоснованія взглядовъ, пущенныхъ въ ходъ несравненно раньше ихъ. Представленная мною критика революціонной доктрины 1789-го года примыкаетъ къ этому движенію англійской политической мысли. Я полагаю, что то же можетъ быть сказано и о сочиненіи проф. Новгородцева. Сходство его взглядовъ съ моими, по всей вѣроятности, объясняется не чѣмъ другимъ, какъ только-что указаннымъ фактомъ. Это сходство касается главнымъ образомъ тѣхъ главъ его книги, въ которыхъ разсматривается доктрина Руссо, ея отраженіе въ наказахъ 1789-го года, въ политической литературѣ эпохи революціи и въ учредительной дѣятельности конституанты.

Въ „Происхожденіи современной демократіи" я касаюсь одного начальнаго ея періода. Проф. Новгородцевъ слѣдитъ за дальнѣйшимъ ея развитіемъ въ области не столько положительнаго права, сколько политической доктрины. Онъ показываетъ, какъ понятіе народнаго суверенитета и въ самой конституціи 1793-го года, наиболѣе проникнутой идеями Руссо, не столько является „устрояющимъ юридическимъ принципомъ", сколько высшей нравственной санкціей всѣхъ властей и законовъ. Для этого новаго положенія народнаго суверенитета нашли—говоритъ онъ—и новый терминъ, достаточно туманный, чтобы скрыть неясность вытекающихъ изъ него послѣдствій, терминъ болѣе мистическій, чѣмъ юридическій, болѣе знакомый намъ изъ религіозно-философскихъ концепцій, чѣмъ изъ юридическихъ построеній. Это былъ терминъ эманаціи, исхожденія всѣхъ властей изъ народнаго суверенитета. Какъ кажется, Сіейсъ первый въ національномъ собраніи, въ своемъ докладѣ конституціонной коммиссіи, употребилъ этотъ терминъ, который перешелъ затѣмъ въ декларацію правъ и въ конституцію 1791 г. (стр. 111—112).

Быть можетъ, терминъ былъ новъ, но выражаемое имъ понятіе легко можетъ быть возведено еще къ XIV-му вѣку, къ „Defensor pacis" Марсилія Падуанскаго. Оно лежитъ въ основѣ всего ученія монархо-отрицателей XVI вѣка. Его открыто высказываютъ и Альтузій, и Спиноза, не говоря уже о Мильтонѣ и англійскихъ радикалахъ XVII-го вѣка, съ Лильборномъ во главѣ. Такимъ образомъ, ученіе, что нѣтъ власти, которая бы не шла отъ народа, ведетъ свое начало, разумѣется, не отъ однихъ послѣдователей Руссо, старавшихся примирить его доктрину о неотчуждаемомъ народномъ суверенитетѣ съ прямо отрицаемой имъ представительной системой. Но пойдемъ далѣе. Проф. Новгородцевъ совершенно вѣрно и въ полномъ соот-

вѣтствіи съ тѣмъ, что высказано было мною, говоритъ: „Изученіе французской революціонной доктрины убѣдило насъ въ томъ, что уже здѣсь теорія народнаго суверенитета получила такое выраженіе, которое равносильно было отрицанію ея существа. Самая глубокая мысль ученія Руссо — идея о необходимости общаго признанія для утвержденія справедливыхъ законовъ—не была усвоена тѣмъ политическимъ направленіемъ, которое оказалось руководящимъ и для своего времени, и для послѣдующаго" (стр. 113)... „Ученики Руссо принуждены были допустить, что устами своихъ представителей говоритъ самъ народъ, что органы, уполномоченные къ выраженію народной воли, являются истинными глашатаями народной правды, что черезъ нихъ обнаруживается та самая постоянная и незыблемая общая воля, о которой говоритъ Руссо въ „Contrat social". Проф. Новгородцевъ справедливо критикуетъ эту точку зрѣнія, говоря, что „для представителей народа невозможно выражать его волю съ такой же точностью, съ какой бы онъ самъ выразилъ ее. Процессъ избранія, порядокъ голосованія и принятія рѣшеній не обезпечиваютъ неизмѣнной вѣрности представительныхъ собраній народной волѣ; да и какъ судить объ этой вѣрности, если сама народная воля—загадочная и неясная величина, которую нужно постоянно узнавать и искать" (стр. 118). То, что выдается за народную волю на практикѣ, какъ показалъ Милль, можетъ являться при представительной системѣ даже не волей большинства, а волей тѣхъ, кому удается заставить принимать себя за большинство (стр. 121). Проф. Новгородцевъ примыкаетъ къ новѣйшей критикѣ мажоритарной системы, т.-е. той, по которой рѣшеніе численнаго большинства народныхъ представителей отождествляется съ общей волей и потому признается закономъ. Онъ не думаетъ, чтобы введеніе начала пропорціональнаго представительства, несомнѣнно желательное само по себѣ, позволило преодолѣть естественныя препятствія къ передачѣ воли избирателей депутату. „Представительство никогда не будетъ—думаетъ онъ—географической картой, зеркаломъ, фотографіей народа" (стр. 154). Представительство не только не можетъ съ точностью отразить своимъ составомъ всю жизнь народную, но оно не можетъ отразить ее и въ своихъ рѣшеніяхъ. Для того, чтобы достигнуть такого отраженія, надо было бы предположить, что всѣ оттѣнки и различія мнѣній способны были бы войти въ общее рѣшеніе... Но рѣшенія представительныхъ собраній на дѣлѣ являются результатомъ состязаній и борьбы различныхъ направленій, своего рода временнымъ компромиссомъ, въ который вошли желанія, заявлявшія о себѣ съ большей энергіей, и притомъ не въ подлинномъ видѣ, а въ урѣзанномъ, благодаря частичнымъ уступкамъ и самоограниченіямъ".

Несомнѣнно, что представительная система даетъ возможность

отраженія въ законодательствѣ лишь господствующихъ теченій общественной мысли, и притомъ не въ ихъ расхожденіяхъ и крайностяхъ, а въ томъ, что̀ у нихъ есть общаго. Но заключать изъ этого, что представительство безсильно обезпечить законодательствованіе, согласное съ общественнымъ мнѣніемъ, конечно нельзя, за исключеніемъ тѣхъ, все же рѣдкихъ, случаевъ, когда выборы были спорны, абсентеизмъ избирателей и депутатовъ великъ и вотированный палатою или палатами законъ принятъ лишь незначительнымъ большинствомъ. Въ такихъ случаяхъ обращеніе къ референдуму дало бы возможность провѣрить наличность или отсутствіе прямого соотвѣтствія между закономъ и численно господствующимъ въ странѣ мнѣніемъ. Когда по извѣстному вопросу вполнѣ сложилось мнѣніе большинства націи въ пользу или противъ закона, вотированнаго палатой, тогда, какъ показываетъ примѣръ Швейцаріи, всегда высказывается рѣшительное большинство и число абсентеистовъ при голосованіи незначительно. Въ противномъ же случаѣ и референдумъ не даетъ точныхъ и опредѣленныхъ указаній насчетъ соотвѣтствія принятаго палатою рѣшенія волѣ большинства гражданъ. Все, что̀ г. Новгородцевъ говоритъ намъ на основаніи новѣйшей, преимущественно швейцарской литературы и практики референдума, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ частей его книги. Но я не вполнѣ согласенъ со всѣми дѣлаемыми имъ выводами. На мой взглядъ онъ умаляетъ значеніе народнаго представительства, говоря, что принципъ народовластія состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы народъ фактически надзиралъ за всѣмъ, а только въ томъ, чтобы юридически все отъ него исходило, чтобы онъ былъ тѣмъ „дремлющимъ законодателемъ", за которымъ сохраняется юридическій суверенитетъ и юридическая возможность проявить свои верховныя права чрезъ органы своей воли (стр. 175). Я полагаю, что такому опредѣленію не отвѣчаетъ ни прямой законодательный починъ, уцѣлѣвшій не только въ тѣхъ кантонахъ Швейцаріи, въ которыхъ, какъ въ Ури, еще живы вѣчевые порядки, но и тамъ, гдѣ, какъ напр. въ Женевскомъ кантонѣ, за избирателями признано право намѣчать извѣстные вопросы для ближайшихъ законодательныхъ работъ народнаго представительства. Даже въ странахъ, въ которыхъ народное самодержавіе замѣняется еще понятіемъ о всемогуществѣ парламента, состоящаго изъ короля, лордовъ и общинъ — говоря это, я имѣю въ виду, въ частности, Англію,—народный контроль надъ законодательной дѣятельностью сказывается въ сравнительно недавно установившейся практикѣ—соединять проведеніе той или другой существенной и вызывающей споры реформы съ новымъ опросомъ избирателей—съ роспускомъ стараго и созывомъ новаго парламента. Дайси справедливо указываетъ, что къ числу конституціонныхъ соглашеній, т.-е. правилъ,

установленныхъ парламентской практикой, надо отнести и это требованіе.

Г. Новгородцевъ полагаетъ, что кризисъ современнаго государства, вызванный невозможностью провести на дѣлѣ то владычество общей воли въ формѣ закона, о которомъ мечталъ Руссо, не можетъ быть устраненъ частичными реформами, пропорціональнымъ, напр., представительствомъ, и даже восполненіемъ всеобщихъ и равныхъ выборовъ особымъ представительствомъ мѣстныхъ и профессіональныхъ группъ — мысль, которою озабочены одинаково и Бенуа, и Дюги. По мнѣнію разбираемаго нами автора, будущее принадлежитъ такому государственному порядку, при которомъ воля большинства, на практикѣ заступившая мѣсто общей воли, будетъ сдерживаема въ своемъ произволѣ существованіемъ признанныхъ правъ отдѣльной личности. „Идея личности—пишетъ онъ на стр. 237—есть не только граница, но вмѣстѣ съ тѣмъ норма и основаніе народной воли. Еслибы предположить, что не большинство, а вся совокупность даннаго союза согласилась сдѣлать постановленіе, противорѣчащее идеѣ неотчуждаемыхъ правъ личности, это несправедливое рѣшеніе не стало бы справедливымъ отъ общаго согласія съ нимъ всѣхъ“. Говоря это, г. Новгородцевъ, очевидно, повторяетъ основной мотивъ Бенжамена Констана и всей школы французскаго либерализма.

Во второй части своего сочиненія, посвященной изученію кризиса теоріи индивидуализма, авторъ обозрѣваетъ послѣдовательно ходъ развитія индивидуалистической доктрины во Франціи, Германіи и Англіи. Та же задача осуществлена полнѣе для Франціи Фаге, а для Англіи—Галеви, въ его трехтомномъ трактатѣ: „О развитіи англійскаго литературнаго радикализма“. Разсматривая теоріи Констана, Токвиля, Вильгельма Гумбольдта, Милля, г. Новгородцевъ не разъ ставитъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ равенство примиримо со свободой. Въ отличіе отъ Редерера, доктрина котораго, въ позднѣйшихъ передачахъ ея нѣмецкими писателями, повліяла на составителей сборника „Вѣхи“, разбираемый нами авторъ подчеркиваетъ процессъ продолжающагося развитія свободы на ряду и вслѣдъ за устраненіемъ всякихъ привилегій, монополій и средостѣній. „Равенство, какъ и свобода,—говоритъ онъ на стр. 310 своей книги, вытекаетъ изъ понятія личности. Оба эти начала одинаково противополагаются представленіямъ о личности, какъ объ абсолютной цѣнности, имѣющей безусловное нравственное значеніе. Во имя этого безусловнаго значенія мы требуемъ для человѣка свободы, и такъ какъ въ каждомъ человѣкѣ мы должны признать эту высшую

---

[1]) См. стр. 205.

нравственную сущность, мы требуемъ въ отношеніи ко всѣмъ людямъ равенства".

Въ этомъ мѣстѣ своей книги авторъ ссылается на французскаго философа Ренувье, сказавшаго: люди не могли бы быть свободными, еслибы они не были равны, какъ не могли бы также, еслибы не были свободны, достигнуть равенства: вѣдь оно предполагаетъ въ нихъ сознаніе собственнаго достоинства и уваженіе къ достоинству другого. И въ новѣйшемъ движеніи солидаристовъ, съ Буржуа и Дюги во главѣ, г. Новгородцевъ видитъ, съ нѣкоторымъ, на мой взглядъ, преувеличеніемъ, одно лишь практическое послѣдствіе: усиленіе индивидуалистическихъ началъ равенства и свободы (стр. 377). Русскій читатель съ интересомъ прочтетъ главу, посвященную г. Новгородцевымъ подробной передачѣ и критикѣ этого, только съ виду новаго теченія общественно-политической мысли. Окончательный выводъ, котораго читатель ждетъ съ напряженіемъ на разстояніи цѣлыхъ четырехсотъ страницъ, повидимому, тотъ, что „историческое развитіе государства, въ его отношеніи къ запросамъ личности, обнаруживаетъ его неспособность удовлетворить всѣ эти запросы" (стр. 393), „почему мысль человѣческая и ищетъ удовлетворенія этихъ запросовъ въ иныхъ формахъ жизни, а пылкіе человѣколюбцы снова хотятъ увлечь людей блаженствомъ соціалистическаго рая, свободой анархическаго быта, независимостью профессіональнаго федерализма, подвигомъ свободной теократіи".

Много новаго во всемъ этомъ, разумѣется, найти нельзя, и читатель, пожалуй, останется въ концѣ концовъ нѣсколько неудовлетвореннымъ. Взявшись за книгу „О кризисѣ въ современномъ правосознаніи", онъ, по всей вѣроятности, разсчитывалъ найти въ концѣ ея разрѣшеніе самаго этого кризиса. Но г. Новгородцевъ, очевидно, не могъ дать того, что недостаетъ всякой переходной эпохѣ, какова наша. Кризисъ, несомнѣнно, вызванъ столкновеніемъ идей соціализма и индивидуализма. Средства къ ихъ соглашенію пока не найдено, а потому кризисъ и въ современномъ правосознаніи остается неразрѣшеннымъ.

На примѣрѣ только что разсмотрѣнной книги русскій читатель можетъ убѣдиться въ томъ, что новѣйшая политическая литература въ Россіи отзывается на коренные вопросы времени. То же убѣжденіе выносишь изъ простого перечня заглавій книгъ и статей, посвященныхъ вопросамъ государственнаго права. Проф. Гамбаровъ помѣстилъ [1]) статью, озаглавленную: „Свобода, какъ право личности", и приступилъ уже къ печатанію цѣлаго трактата подъ заглавіемъ: „Свобода и ея гарантіи". Проф. Гессенъ съ другой стороны подходитъ къ тому же

[1]) Въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института", т. XI, Спб., 1909.

вопросу, разбирая въ своей книгѣ юридическія послѣдствія временной пріостановки свободы. В. Ѳ. Матвѣевъ поднимаетъ частный вопросъ, неразрывно связанный съ существованіемъ политическихъ гарантій, въ своемъ „Правѣ публичныхъ собраній" [1]). Еще недавно профессоръ харьковскаго университета Ѳатѣевъ посвятилъ цѣлыхъ два тома изученію индивидуалистическихъ доктринъ въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій. Переводная литература поднимаетъ болѣе или менѣе тѣ же вопросы. Библіотека для самообразованія, давшая намъ въ 1908 г. „Конституціонное право" Дюги, въ текущемъ включила въ свой составъ сочиненіе Анри Мишеля: „Идея государства", также посвященное разбору одинаково индивидуалистическихъ и соціалистическихъ доктринъ XIX столѣтія.

Ни въ выборѣ темъ для оригинальныхъ сочиненій, ни въ предпочтеніи, отдаваемомъ переводу тѣхъ или другихъ иностранныхъ книгъ, нельзя видѣть случайности и произвола. И то, и другое, стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ переживаемымъ нами моментомъ политическаго развитія. Манифестъ 17 октября, предшествовавшіе ему во времени и слѣдовавшіе за нимъ акты, обѣщали намъ свободу и представительство. Эти обѣщанія далеко не осуществлены еще. Удивительно ли, въ виду сказаннаго, что вокругъ рѣшенія вопросовъ, связанныхъ со свободой и представительствомъ, вращается мысль столько же политическихъ дѣятелей, сколько и политическихъ писателей? Нельзя, поэтому, не признать, что русская политическая литература новѣйшаго времени представляетъ всѣ признаки органическаго развитія и служитъ своему ближайшему назначенію—проливать свѣтъ на вопросы русской дѣйствительности и знакомить съ тѣми рѣшеніями, какія сходные вопросы нашли у передовыхъ народовъ Европы и Америки. Кризисъ, нами пережитый, не прошелъ безслѣдно для русскихъ государствовѣдовъ. Въ нашей литературѣ по праву и политикѣ замѣтно значительное оживленіе.

Максимъ Ковалевскій.

---

[1]) Спб., 1909 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1909.

Особенности нашей внѣшней политики.—Секретные русско-австрійскіе акты и переговоры по балканскимъ дѣламъ. — Задачи русской дипломатіи и ея отвѣтственность передъ страною. — Политическій кризисъ въ Англіи. — Избирательная реформа во Франціи.—Процессъ Стенэль.

Традиціи стараго режима несомнѣнно господствуютъ еще въ международной политикѣ Россіи, не смотря на существованіе народнаго представительства. Никто не знаетъ, какія закулисныя пружины направляютъ дѣятельность нашей дипломатіи въ ту или другую сторону, почему наше министерство иностранныхъ дѣлъ устраиваетъ соглашенія и беретъ на себя обязательства, отъ которыхъ приходится потомъ открещиваться; мы видимъ только, что въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ внѣшней политики русскіе національные интересы нарушаются или приносятся въ жертву безъ всякой къ тому надобности, въ силу таинственныхъ соображеній, недоступныхъ обыкновеннымъ смертнымъ.

Объ этой особенности нашихъ международныхъ дѣлъ напомнила намъ странная полемика, происходившая недавно въ западно-европейской печати по поводу наступательныхъ дѣйствій Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. Полемика велась какъ будто между двумя министрами иностранныхъ дѣлъ — австрійскимъ и русскимъ; обстоятельныя полемическія статьи, доставленныя съ обѣихъ сторонъ, печатались въ извѣстномъ лондонскомъ журналѣ „Fortnightly Review" и усердно комментировались въ газетахъ. Австрійскія разоблаченія сводились къ тому, что сами руководители русской дипломатіи толкали вѣнскій кабинетъ на путь активныхъ мѣропріятій по отношенію къ пограничнымъ турецкимъ провинціямъ. Наше дипломатическое вѣдомство косвенно признало этотъ фактъ въ слѣдующемъ оффиціозномъ сообщеніи, появившемся въ газетахъ 26 октября.

„Въ нѣкоторыхъ органахъ европейской печати и, между прочимъ, въ послѣднемъ выпускѣ „Fortnightly Review", утверждается, будто русскій министръ иностранныхъ дѣлъ самъ предложилъ австро-венгерскому правительству присоединеніе Босніи, Герцеговины и даже Ново-Базарскаго санджака. По этому поводу С.-Петербургское телеграфное

агентство освѣдомилось, что извѣстіе это основывается на совершенно произвольномъ толкованіи секретнаго мемуара, адресованнаго 19 іюня 1908-го года петербургскимъ кабинетомъ вѣнскому. Документъ этотъ, являвшійся частью конфиденціальной переписки между обоими кабинетами, но тѣмъ не менѣе, повидимому, отчасти разглашенный, имѣлъ своимъ предметомъ цѣлый рядъ вопросовъ; онъ дѣйствительно касался, между прочимъ, и вопроса о Босніи, Герцеговинѣ и санджакѣ, но лишь потому, что мемуаръ этотъ имѣлъ прямое отношеніе къ прежнимъ соглашеніямъ между Россіей и Австро-Венгріей, каковыя соглашенія затрагивали и сказанный вопросъ. Поэтому объ истинномъ значеніи этого документа можно судить лишь при полномъ знакомствѣ какъ съ этимъ, такъ и со всѣми другими, болѣе старинными секретными русско-австрійскими актами, въ которыхъ предусматривались различныя случайности. Въ своемъ мемуарѣ 19 іюня петербургскій кабинетъ, не отказываясь отъ дальнѣйшаго дружественнаго обсужденія этихъ случайностей, въ то же время самымъ положительнымъ образомъ высказался за необходимость сохраненія statu quo и не менѣе положительно подтвердилъ свой неизмѣнный взглядъ на вопросъ о Босніи, Герцеговинѣ и санджакѣ, а именно, что вопросъ этотъ имѣетъ вполнѣ европейскій характеръ и не можетъ быть разрѣшенъ соглашеніемъ между Россіей и Австро-Венгріею. Подобное заявленіе, очевидно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть истолковано какъ предложеніе объ аннексіи".

Оказывается, такимъ образомъ, что въ іюнѣ прошлаго года русское министерство иностранныхъ дѣлъ обращалось къ вѣнскому кабинету съ секретнымъ мемуаромъ, въ которомъ затрагивался вопросъ о Босніи, Герцеговинѣ и Новобазарскомъ санджакѣ, и что этотъ мемуаръ имѣлъ какую-то связь съ прежними соглашеніями между Россіею и Австро-Венгріею и съ болѣе ранними секретными русско-австрійскимъ актами, предусматривавшими „различныя случайности". Спрашивается: что же предлагало наше правительство австрійскому относительно бывшихъ турецкихъ земель, фактически занятыхъ Австро-Венгріею, и какія случайности предусматривались въ секретныхъ переговорахъ и сдѣлкахъ съ вѣнскимъ кабинетомъ? Такъ какъ австрійцы со времени берлинскаго конгресса безпрепятственно распоряжались въ Босніи и Герцеговинѣ на правахъ хозяевъ, то, очевидно, возбуждать вопросъ о судьбѣ этихъ областей можно было только въ смыслѣ формальнаго присоединенія ихъ къ Австро-Венгріи; но подобало ли Россіи обращаться въ Вѣну съ подобнымъ предложеніемъ или даже намекомъ? Прежнія ошибочныя соглашенія, предоставлявшія вѣнскому кабинету руководящую роль въ балканскихъ дѣлахъ, вовсе не обязывали нашу дипломатію придумывать новыя комбинаціи для пользы австро-венгерской

монархіи и для славы ея министра, барона Эренталя. Ссылка на внутреннюю связь мемуара 19 іюня 1908-го года съ прежними секретными русско-австрійскими актами нисколько не объясняетъ причины, побудившей русское министерство иностранныхъ дѣлъ вновь сочинять дипломатическіе проекты, соблазнительные для Австро-Венгріи. Неужели всѣ предшествовавшіе опыты соглашеній и совмѣстныхъ дѣйствій съ австрійцами на Балканскомъ полуостровѣ еще не убѣдили русскихъ дипломатовъ въ безплодности и ненужности этихъ искусственныхъ, одностороннихъ сдѣлокъ, выгодныхъ лишь для вѣнскаго кабинета? Если въ мемуарѣ 19 іюня говорилось не только о Босніи и Герцеговинѣ, но и о Новобазарскомъ санджакѣ, гдѣ австрійцы имѣли право держать гарнизоны, то изъ этого можно заключить, что наше правительство допускало возможность распространенія права постоянной оккупаціи и на этотъ санджакъ, вопреки берлинскому трактату. Чѣмъ вызывались и оправдывались эти недальновидныя предложенія и уступки на чужой счетъ—остается неизвѣстнымъ.

Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ мы участвовали въ устройствѣ балканскихъ дѣлъ какъ будто только для того, чтобы обезпечить австрійское владычество надъ славянскими народностями Турціи и расширить вліяніе Австро-Венгріи на значительную часть Балканскаго полуострова. Мы упорно и успѣшно трудились въ этомъ направленіи въ годы безспорнаго внѣшняго могущества и авторитета, довольствуясь ролью скромныхъ австрійскихъ помощниковъ на ближнемъ Востокѣ и подготовляя эру широкихъ завоевательныхъ плановъ на Востокѣ дальнемъ. Казалось бы, что послѣ тяжкихъ разочарованій японской войны мы должны были измѣнить свою тактику и отказаться отъ самоотверженныхъ заботъ о спеціально-австрійскихъ и германскихъ интересахъ. Намъ нечего искать въ Турціи и въ балканскихъ земляхъ, и мы могли бы съ спокойною совѣстью воздерживаться отъ дальнѣйшей разработки секретныхъ русско-австрійскихъ актовъ, предусматривающихъ „различныя случайности". Между тѣмъ, какъ видно изъ приведеннаго оффиціознаго сообщенія, петербургскій кабинетъ въ мемуарѣ 19 іюня не отказывался продолжать „дружественное обсужденіе этихъ случайностей", хотя и признавалъ необходимость сохраненія status quo и поддерживалъ свой „неизмѣнный взглядъ" на вопросъ о Босніи, Герцеговинѣ и санджакѣ, какъ на вопросъ обще-европейскій, не могущій быть разрѣшеннымъ сепаратною сдѣлкою между Россіею и Австро-Венгріею. Какой же смыслъ имѣла иниціатива русской дипломатіи въ обсужденіи „разныхъ случайностей", если дѣло шло о сохраненіи status quo? Что же касается указанія на европейскій характеръ боснійскаго вопроса, то оно не находится ни въ какомъ противорѣчіи съ предложеніемъ провозгласить аннексію, ибо согласіе Россіи уничто-

жало бы возможность серьезныхъ протестовъ со стороны Европы. Безусловное одобреніе Германіи и Италіи было обезпечено заранѣе; Франція была заодно съ Россіею, и оставалась только одна Англія, которая не стала бы, конечно, спорить противъ всѣхъ другихъ заинтересованныхъ державъ. Достигнуть общаго формальнаго соглашенія при такихъ условіяхъ было нетрудно, благодаря предварительному согласію петербургскаго кабинета. Зачѣмъ же было намъ выступать съ этимъ проектомъ, зачѣмъ затрагивать посторонніе для насъ щекотливые вопросы только потому, что они обсуждались раньше, при совершенно другихъ обстоятельствахъ? Русская дипломатія могла быть чрезмѣрно услужливою по отношенію къ Австро-Венгріи и Германіи; она была неразсчетливою и безкорыстно-суетливою, пока имѣла чисто-бюрократическій характеръ,—но она должна наконецъ сдѣлаться національною въ истинномъ смыслѣ этого слова. Съ точки зрѣнія національныхъ русскихъ интересовъ были бы немыслимы закулисныя соглашенія объ отдачѣ Босніи и Герцеговины австрійцамъ, и ничѣмъ нельзя было бы оправдать секретныя австро-русскія сдѣлки, направленныя, прямо или косвенно, противъ славянскихъ народностей Балканскаго полуострова.

Говорятъ, что, дѣлая свои конфиденціальныя предложенія вѣнскому кабинету, русское министерство иностранныхъ дѣлъ имѣло въ виду добиться поддержки Австро-Венгріи и Германіи въ вопросѣ о Дарданеллахъ; объ этомъ вопросѣ будто бы усиленно хлопоталъ А. П. Извольскій въ своихъ разъѣздахъ по Европѣ, но встрѣтилъ рѣшительныя возраженія въ Англіи, почему и вынужденъ былъ отказаться отъ своей мысли. Вопросъ объ открытіи Босфора и Дарданеллъ для прохода судовъ военнаго флота принадлежитъ къ числу тѣхъ фиктивныхъ цѣнностей, которыя давно потеряли всякое значеніе и держатся только по традиціи. Кому нуженъ пропускъ броненосцевъ черезъ турецкіе проливы? Русскій черноморскій флотъ пользуется сравнительною безопасностью въ предѣлахъ Чернаго моря и подвергался бы большому риску при свободѣ выхода на международный просторъ, въ случаѣ какихъ-либо внѣшнихъ осложненій; онъ не долженъ искать встрѣчи съ флотами первоклассныхъ морскихъ державъ, и если онъ сохранился въ цѣлости во время японской войны, то только потому, что лишенъ былъ права выйти въ Средиземное море и присоединиться къ злосчастной эскадрѣ адмирала Рожественскаго. Пока Турція не пожелаетъ открывать проливы для русскаго черноморскаго флота, они будутъ для него закрыты, ибо форсировать проходъ едва ли возможно; слѣдовательно, соглашеніе по этому предмету съ Англіею и другими государствами было бы само по себѣ безцѣльно. Иностранные флоты могутъ имѣть интересъ въ правѣ прохода черезъ Босфоръ и Дарданеллы только въ случаѣ войны противъ Россіи; но тогда достаточно

заручиться согласіемъ одной Турціи, и никакого международнаго соглашенія не требуется. Въ сущности, закрытіе турецкихъ проливовъ для прохода военныхъ кораблей не только не стѣснительно для Россіи, но, напротивъ, въ высшей степени для нея полезно и удобно; оно предохраняетъ наше южное побережье отъ разныхъ случайностей и служитъ гарантіею цѣлости и неприкосновенности нашего черноморскаго флота. Такое же значеніе охраны имѣетъ этотъ принципъ и для Турціи. На этой почвѣ интересы Россіи и Турціи вполнѣ солидарны. Открытіе проливовъ было бы выгодно только для державъ, обладающихъ могущественнымъ флотомъ и имѣющихъ агрессивные планы на ближнемъ Востокѣ или въ частности противъ Россіи.

Національная русская политика должна преслѣдовать реальныя, сознательныя цѣли, а не фантастическія. Современный русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, обязанный такъ или иначе считаться съ Государственною Думою и съ общественнымъ мнѣніемъ, не можетъ слѣпо идти по стопамъ своихъ предмѣстниковъ и повторять ихъ заблужденія и ошибки; онъ долженъ имѣть опредѣленную программу, независимую отъ случайныхъ и перемѣнчивыхъ придворныхъ вліяній и не поддающуюся скрытымъ воздѣйствіямъ чужихъ кабинетовъ. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ народнаго представительства—способствовать выработкѣ и установленію такой самостоятельной политической программы, соотвѣтствующей интересамъ и стремленіямъ страны и народа. Къ сожалѣнію, вопросы внѣшней политики рѣдко ставятся и обсуждаются въ Государственной Думѣ. Для многихъ нашихъ депутатовъ національный патріотизмъ заключается въ преслѣдованіи и угнетеніи инородческихъ племенъ, входящихъ въ составъ Россійской имперіи, а не въ хорошемъ и разумномъ веденіи дѣлъ всего государства. Конечно, дѣятельность дипломатіи, по характеру своему, не допускаетъ такого обстоятельнаго публичнаго контроля, какъ другія отрасли государственнаго управленія и хозяйства; но общее направленіе политики должно подлежать критической оцѣнкѣ со стороны главныхъ парламентскихъ группъ. Государственная Дума могла бы потребовать объясненій относительно цѣли и смысла секретнаго мемуара 19-го іюня 1908-го года, упомянутаго въ недавнемъ оффиціозномъ сообщеніи, и по этому поводу можно было бы установить извѣстныя общія рамки, въ которыхъ должна держаться наша международная политика. Нѣтъ сомнѣнія, что эти важные вопросы будутъ выдвинуты на очередь при обсужденіи бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ Англіи началась открытая борьба между двумя палатами по поводу бюджета. Лорды не усомнились поставить на карту свое при-

вилегированное положеніе и поднять противъ себя народныя страсти, отвергнувъ популярныя финансовыя мѣры Ллойда-Джорджа.

„Историческія пренія" открылись въ палатѣ лордовъ 22-го ноября (нов. ст.), когда представитель правительства и лидеръ палаты, лордъ Крю, предложилъ приступить ко второму чтенію финансоваго билля. Вождь оппозиціи въ верхней палатѣ, маркизъ Ленсдаунъ, заявилъ, что „палата не имѣетъ основанія одобрить билль, пока онъ не подвергся суду страны", и эту мысль развивалъ подробно въ своей обстоятельной и хорошо мотивированной рѣчи. Ораторъ доказывалъ, что палата лордовъ не лишена права отклонять финансовые билли, хотя она не можетъ исправлять и передѣлывать ихъ своею властью; въ данномъ же случаѣ она не только имѣетъ право, но и обязана требовать передачи бюджета на судъ народнаго мнѣнія. По установившейся конституціонной практикѣ, всѣ денежные билли, налоги и расходы разсматриваются и утверждаются палатою общинъ и пропускаются безъ особаго разсмотрѣнія и безъ всякихъ поправокъ палатою лордовъ; назначеніе и расходованіе народныхъ и государственныхъ средствъ зависятъ исключительно отъ нижней палаты, и лорды не оспариваютъ этого принципа. Но послѣдній финансовый билль, во-первыхъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ чисто-денежныхъ постановленій, рядъ частныхъ законопроектовъ, относительно которыхъ нельзя отрицать право участія и контроля лордовъ — напр. о способахъ оцѣнки земельнаго дохода, о производствѣ и продажѣ спиртныхъ напитковъ; во-вторыхъ, онъ вноситъ такія крупныя перемѣны въ общую систему государственнаго хозяйства, что является вполнѣ естественнымъ и законнымъ желаніе предоставить самому народу высказаться о предложенной реформѣ, посредствомъ новыхъ парламентскихъ выборовъ. Палата лордовъ ничего не рѣшаетъ относительно спорнаго бюджета; она только откладываетъ принятіе его до рѣшенія избирателей, къ которымъ должно будетъ обратиться правительство.

Противъ рѣчи маркиза Ленсдауна горячо возражалъ лордъ-канцлеръ, указывавшій на двойную опасность рекомендуемой мѣры: съ одной стороны, отвергая финансовый билль, лорды формально нарушаютъ вѣковыя права и привилегіи палаты общинъ, какъ единственной законной распорядительницы государственныхъ средствъ, и этимъ приписываютъ себѣ высшую власть надъ страною и правительствомъ, чѣмъ косвенно умаляютъ и права короны; въ то же время, съ другой стороны, бюджетъ построенъ на началахъ справедливости и благоразумія, имѣя въ виду облегченіе низшихъ классовъ и перенесеніе части податного бремени на богатые и зажиточные классы,—такъ что отклоненіемъ этого финансоваго билля лорды рискуютъ возстановить противъ себя народъ и возбудить кризисъ, исходъ котораго легко пред-

видѣть заранѣе. „Огромное возрастаніе богатства въ странѣ—говорилъ лордъ-канцлеръ — неразрывно связано съ мрачными картинами пауперизма, безработицы, роста алкоголизма, преступности, душевныхъ болѣзней и физическаго вырожденія. Долгъ правительства—сдѣлать все, что въ его власти, для улучшенія этого положенія вещей; но хотя кое-что и сдѣлано съ этою цѣлью, многое другое не можетъ быть сдѣлано вслѣдствіе противодѣйствія этой (верхней) палаты. Настоящій бюджетъ, насколько онъ превышаетъ обычныя нормы налоговъ, предлагаетъ лекарство для исцѣленія всѣми признаннаго недуга. Если новые налоги не могутъ задѣвать извѣстнаго класса лицъ, то они неминуемо должны падать на необходимые предметы потребленія. Противъ этого правительство высказалось безповоротно. Принципъ обложенія прироста земельной цѣнности въ городахъ неоднократно обсуждался въ палатѣ общинъ еще задолго до внесенія даннаго бюджета; этотъ принципъ практически былъ признанъ всею либеральною партіею и значительною частью консерваторовъ. Если оппозиція будетъ настаивать на отклоненіи реформы, то, разумѣется, вопросъ о бюджетѣ отойдетъ на задній планъ, и передъ страною возникнутъ болѣе крупныя задачи. Никакое либеральное правительство не будетъ въ состояніи нести отвѣтственность за ходъ государственныхъ дѣлъ, пока оно не гарантировано отъ произвольныхъ дѣйствій и рѣшеній палаты лордовъ. Каковъ бы ни былъ ближайшій результатъ предстоящей избирательной кампаніи, борьба можетъ имѣть только одинъ окончательный исходъ. Правительство не желало этой борьбы, и оно не отвѣчаетъ за ея послѣдствія".

Этими двумя рѣчами достаточно ярко освѣщаются противоположныя точки зрѣнія консерваторовъ и либераловъ въ палатѣ лордовъ. Нѣкоторые изъ дѣятелей оппозиціи заявляли, что они будутъ вотировать противъ бюджета только въ виду систематическихъ угрозъ, направленныхъ противъ палаты лордовъ. Палата лордовъ — говорили они — не можетъ во всемъ и всегда подчиняться правительству изъ страха за свое существованіе, ибо въ такомъ случаѣ она дѣйствительно недостойна была бы существовать. Герцогъ Норфолькъ напомнилъ, что лорды требуютъ только передачи дѣла на судъ народа и слѣдовательно совершаютъ актъ безусловно демократическій. Лордъ Уэльби указывалъ на крайнія финансовыя затрудненія, которыя придется испытать государственному казначейству послѣ отклоненія бюджета; съ другой стороны, лордъ Ревельстокъ, въ качествѣ практическаго финансиста, увѣрялъ, что бюджетъ серьезно угрожаетъ насущнымъ коммерческимъ интересамъ страны. Епископъ бирмингамскій настойчиво уговаривалъ палату принять финансовый билль, такъ какъ новые налоги необходимы для удовлетворенія возрастающихъ потреб-

ностей общества и особенно для нуждъ соціальной реформы. Дальнѣйшія пренія вращались около тѣхъ же доводовъ обѣихъ сторонъ.

Въ засѣданіи 23-го ноября лордъ Кромеръ (прежде сэръ Эвелинъ Бэрингъ) произвелъ замѣтное впечатлѣніе на палату заявленіемъ, что онъ не раздѣляетъ господствующаго взгляда своей партіи и не можетъ послѣдовать за маркизомъ Лепсдауномъ, такъ какъ взамѣнъ неудачнаго бюджета не предлагается ничего лучшаго; покровительственная же система, проповѣдуемая уніонистами, не можетъ быть съ успѣхомъ противопоставлена соціализму и не облегчитъ рѣшенія вопроса о безработныхъ. Герцогъ Марльборо пытался отразить аргументы Кромера ссылкою на примѣры знаменитыхъ либеральныхъ вождей прежняго времени, которые всегда старались поддерживать равновѣсіе между интересами разныхъ классовъ населенія по отношенію къ налогамъ. Горячую рѣчь въ защиту бюджета произнесъ лордъ Бючэмпъ, который, между прочимъ, категорически отрицалъ „право не-выборной и не-представительной палаты" контролировать рѣшенія палаты общинъ по вопросамъ финансовымъ и народно-хозяйственнымъ. Противъ бюджета говорили еще лорды Сольсбери, Мильнеръ, Ротшильдъ и другіе. Лордъ Розбери, будучи принципіальнымъ противникомъ билля, находилъ однако, что непринятіемъ его лорды только исполнятъ желаніе своихъ враговъ и поднимутъ вопросъ о полномочіяхъ верхней палаты при самыхъ неблагопріятныхъ для нея условіяхъ. Замѣчательна по изяществу формы и по убѣдительности содержанія была рѣчь лорда Морлея, извѣстнаго историка, занимающаго постъ министра по дѣламъ Индіи. „Если въ самомъ дѣлѣ лорды имѣютъ право предписывать роспускъ нижней палаты путемъ отказа въ утвержденіи бюджета,—сказалъ Морлей въ засѣданіи 29 ноября,—то представительное правленіе превращается въ не-представительную олигархію... Лорды дѣлаютъ видъ, что своимъ рѣшеніемъ они заступаются за народныя права; но никто этому не повѣритъ. Предложенный бюджетъ представляетъ собою первый шагъ къ великому путешествію въ область соціальныхъ реформъ, и когда завтра опустится здѣсь занавѣсъ предъ пустою палатою, то мы будемъ знать, что данъ сигналъ къ ожесточенной и, быть можетъ, продолжительной битвѣ".

Пренія закончились 30 (17)-го числа; резолюція маркиза Лепсдауна принята большинствомъ 350 противъ 75 голосовъ. На слѣдующій день глава кабинета Асквитъ заявилъ въ палатѣ общинъ о своемъ намѣреніи внести резолюцію, объявляющую рѣшеніе палаты лордовъ нарушеніемъ конституціи и узурпаціею правъ выборной палаты. Борьба началась. Консерваторы и уніонисты сами чувствуютъ, что вызвали крупнѣйшій политическій кризисъ, все значеніе котораго не поддается еще точной оцѣнкѣ. Палата лордовъ не разъ вступала въ смѣлые

конфликты съ палатою общинъ и нерѣдко выходила изъ нихъ съ почетомъ, какъ напр. по вопросу объ ирландской автономіи, въ 1893-мъ году; но никогда еще она не оказывалась въ такомъ шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи, какъ въ настоящее время. Какой популярный лозунгъ можетъ она выставить теперь противъ либеральной партіи? Подъ какимъ знаменемъ будетъ она отстаивать свои притязанія? Сказать открыто, что лорды стоятъ лишь за свои собственныя привилегіи, въ качествѣ землевладѣльцевъ и капиталистовъ,—значило бы нанести ихъ дѣлу смертельный ударъ; а между тѣмъ другихъ интересовъ, кромѣ землевладѣльческихъ и капиталистическихъ, они не защищаютъ въ своихъ страстныхъ филиппикахъ противъ бюджета Ллойда-Джорджа. Новѣйшая англійская демократія находится вся цѣликомъ на сторонѣ правительства; за соціальныя реформы, намѣченныя въ финансовомъ биллѣ, выступаютъ сплоченныя народныя массы. Прогрессивные элементы англійскаго общества имѣютъ полное основаніе разсчитывать на побѣду. Какъ бы то ни было, Англія готовится теперь къ серьезнымъ событіямъ и перемѣнамъ въ сферѣ своихъ внутреннихъ общественно-политическихъ отношеній. Очень можетъ быть, что, послѣ окончанія кризиса, палата лордовъ будетъ уже не тѣмъ учрежденіемъ, какимъ она была до принятія резолюціи маркиза Ленсдауна.

Во Франціи давно уже сознавалась необходимость коренного пересмотра парламентскихъ и административныхъ порядковъ, способствующихъ развитію и процвѣтанію такихъ явленій, которымъ не должно быть мѣста при республикѣ. Особыя формы фаворитизма прочно водворились въ разныхъ областяхъ общественно-политической жизни; избиратели постоянно и настойчиво требуютъ отъ своихъ выборныхъ представителей, чтобы они оказывали имъ протекцію и поддержку не только въ мѣстныхъ, общинныхъ, но и въ частныхъ и личныхъ дѣлахъ; депутаты стараются по мѣрѣ возможности исполнять даваемыя имъ порученія, чтобы удовлетворить людей, которымъ они обязаны своимъ положеніемъ; наконецъ, административныя вѣдомства и учрежденія считаютъ своимъ долгомъ съ заботливымъ вниманіемъ относиться ко всѣмъ ходатайствамъ и указаніямъ депутатовъ, какъ законныхъ носителей идеи народнаго верховенства. Изъ этой цѣпи постоянныхъ воздѣйствій и услугъ создается сложная система непрерывнаго вмѣшательства парламентскихъ дѣльцовъ въ обычный ходъ административнаго механизма, при чемъ одинаково страдаютъ какъ парламентъ, такъ и администрація.

Чтобы избавить депутатовъ отъ чрезмѣрнаго давленія мѣстныхъ избирателей, а администрацію—отъ вынужденнаго или добровольнаго

усердія депутатовъ, задумана была реформа избирательнаго права, способная повысить общій уровень народнаго представительства и ослабить зависимость отдѣльныхъ депутатовъ отъ избравшихъ ихъ мѣстныхъ обывателей. Предположено было, во-первыхъ вмѣсто выборовъ по отдѣльнымъ округамъ, установить выборы по департаментскимъ спискамъ, и во-вторыхъ, ввести пропорціональное представительство для обезпеченія интересовъ меньшинства, которое при существующихъ условіяхъ лишено возможности оказывать какое-либо вліяніе на ходъ парламентскихъ и государственныхъ дѣлъ. Движеніе въ пользу реформы постепенно усиливалось и разросталось въ странѣ; оно нашло своего неутомимаго выразителя и организатора въ лицѣ депутата Шарля Бенуа, къ которому примкнули многіе выдающіеся и убѣжденные дѣятели разныхъ партій. Недостатки избирательной системы выяснялись и иллюстрировались краснорѣчивыми фактами и цифрами. Мелочные интересы и интриги обывателей провинціальныхъ городковъ и мѣстечекъ окружаютъ народныхъ представителей съ момента ихъ избранія и неотступно преслѣдуютъ ихъ по пятамъ во все продолженіе ихъ парламентской работы; эти „стоячія болота“ избирательныхъ округовъ парализуютъ дѣятельность депутатовъ, понижаютъ общій уровень ихъ заботъ и стремленій, не даютъ простора никакимъ широкимъ идеямъ и отравляютъ своими міазмами всю политическую жизнь республики. Положеніе дѣлъ было бы совершенно другое, еслибы депутаты избирались не по одиночкѣ въ отдѣльныхъ округахъ, а цѣлыми группами, по болѣе обширнымъ районамъ; населеніе высказывалось бы за тотъ или другой партійный списокъ, соотвѣтствующій требуемому, отъ даннаго департамента, числу депутатовъ, и связь избранныхъ съ населеніемъ была бы только идейная, общественно-политическая. Эта перемѣна освѣжила бы атмосферу французскаго парламентаризма, но не коснулась бы другого зла—неправильности внутреннихъ основъ представительства въ современномъ его видѣ. При выборахъ въ отдѣльномъ округѣ, какъ и въ цѣломъ департаментѣ, результатъ опредѣляется большинствомъ голосовъ избирателей, участвующихъ въ голосованіи; голоса меньшинства пропадаютъ, и если къ нимъ присоединить голоса отсутствующихъ, не участвующихъ почему-либо въ избирательномъ движеніи, то окажется, что дѣйствительное большинство гражданъ не имѣетъ своихъ представителей въ парламентѣ. Цифра меньшинства въ одномъ избирательномъ районѣ можетъ превышать цифру большинства въ другомъ, менѣе населенномъ; нерѣдко бываетъ, что общая сумма цифръ меньшинства по всей странѣ составляетъ реальное большинство избирателей. Номинально страна управляется большинствомъ, но на дѣлѣ парламентъ находится въ рукахъ меньшинства. Проповѣдники реформы

настаиваютъ на томъ, что и меньшинство должно имѣть своихъ депутатовъ, соотвѣтственно своей численности, и справедливость этого требованія признается всѣми въ принципѣ.

Проектъ избирательной реформы, внесенный въ палату депутатовъ Шарлемъ Бенуа, встрѣтилъ горячую поддержку въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ—среди клерикаловъ и среди соціалистовъ. Оппозиціонныя группы, какъ правыя, такъ и крайнія лѣвыя, высказывались за скорѣйшее принятіе и осуществленіе проекта; правительство возражало не столько по существу, сколько по соображеніямъ удобства, ссылаясь на несвоевременность такой крупной реформы незадолго до новыхъ парламентскихъ выборовъ. Срокъ полномочій нынѣшней палаты окончится въ будущемъ году; между тѣмъ, ей предстоитъ еще утвердить бюджетъ и разсмотрѣть въ окончательной формѣ законъ о пенсіяхъ въ старости, обсуждаемый теперь въ сенатѣ. Въ большой програмной рѣчи, произнесенной 11 октября (пов. ст.) въ Перигé, глава министерства, Аристидъ Бріанъ, говоря о ближайшихъ задачахъ республиканской партіи, едва упомянулъ объ избирательной реформѣ. По его мнѣнію, критика существующихъ порядковъ слишкомъ преувеличена и несправедлива: выборы по округамъ были чрезвычайно благотворны для республики, сближая отдѣльныхъ депутатовъ съ населеніемъ и распространяя живыя идеи демократіи по самымъ глухимъ угламъ Франціи. Каково бы ни было большинство, даваемое выборами, оно все-таки поддерживаетъ и укрѣпляетъ республиканскій строй,—тогда какъ представительство меньшинства усилило бы ряды враговъ республики въ парламентѣ. Въ томъ же духѣ высказался президентъ совѣта министровъ въ засѣданіи палаты 28 октября, въ отвѣтъ на рѣчь предсѣдателя коммисіи по законопроекту, Шарля Бенуа. Пренія продолжались безъ активнаго участія Бріана и другихъ министровъ; съ одной стороны, Жорèсъ, Самбà и ихъ единомышленники, съ другой — бывшіе монархисты и умѣренные республиканцы, какъ Поль Дешанель, признавали реформу безусловно необходимою и спасительною. Открыто возставали противъ нея отдѣльные радикалы-соціалисты, въ родѣ Пельтана.

Неустанная проповѣдь Шарля Бенуа, Бюиссона, Жорéса и другихъ принесла свои плоды: въ засѣданіи 8 ноября палата большинствомъ 379 противъ 142 голосовъ приняла первый параграфъ закона, изложенный въ словахъ: „Члены палаты избираются голосованіемъ по спискамъ"; 281 голосомъ противъ 235 она одобрила и вторую часть этого параграфа: „согласно правиламъ пропорціональнаго представительства". Оставалось подвергнуть баллотировкѣ весь первый параграфъ въ его цѣломъ; въ этотъ моментъ проситъ слова Аристидъ Бріанъ и произноситъ блестящую рѣчь, прерываемую возраженіями

и возгласами съ разныхъ сторонъ. „Избирательная реформа — говоритъ онъ—можетъ быть осуществлена только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она была связана съ реформою административною... Было бы ошибкою пытаться рѣшить въ настоящее время задачу, которая поставлена предъ вами. Вы не имѣете для этого ни времени, ни средствъ". Министръ закончилъ свое заявленіе постановкою вопроса о довѣріи: если палата не послушается его совѣтовъ, правительство вынуждено будетъ сложить съ себя отвѣтственность власти. Шарль Бенуа и Марсель Самба протестовали противъ такого неожиданнаго вмѣшательства президента совѣта министровъ и убѣждали палату остаться вѣрною принятымъ уже рѣшеніямъ; но палата въ концѣ-концовъ не рискнула идти противъ министерства и согласилась съ практическими доводами Бріана. Большинствомъ 291 противъ 225 голосовъ она отвергла цѣликомъ статью, отдѣльныя части которой были ею разсмотрѣны и утверждены. Всѣми замѣчено было, что одинъ изъ членовъ кабинета, министръ публичныхъ работъ Мильеранъ, воздержался отъ участія въ послѣднемъ рѣшительномъ голосованіи; этимъ онъ подчеркнулъ отсутствіе, въ данномъ случаѣ, полной солидарности между членами правительства, хотя разногласіе, конечно, не имѣло принципіальнаго характера.

Вопросъ объ избирательной реформѣ не устраненъ, а только отложенъ до будущихъ выборовъ, когда онъ явится главнымъ предметомъ публичнаго обсужденія и обязательною темою кандидатскихъ и министерскихъ рѣчей. Само собою разумѣется, что введеніе новой системы выборовъ не измѣнитъ характера французской политической жизни и не создастъ новыхъ привычекъ, традицій и взглядовъ. Необходима еще другая, болѣе существенная реформа, на которую намекалъ Бріанъ — реформа всего административнаго строя, сохраняющаго до сихъ поръ существенныя черты стараго бюрократическаго централизма. Преобразованіе этого сложнаго правительственнаго аппарата, въ связи съ расширеніемъ мѣстнаго самоуправленія, могло бы дѣйствительно внести свѣжую струю въ жизнь и нравы французскаго провинціальнаго общества; но трудно ожидать серьезныхъ реформаторскихъ попытокъ въ этой области, при свойственномъ французамъ глубокомъ консерватизмѣ въ дѣлахъ и вопросахъ обыденной житейской практики. Никакое министерство не возьмется насаждать принципы мѣстной автономіи тамъ, гдѣ населеніе привыкло ожидать всякихъ благотворныхъ мѣропріятій сверху, отъ органовъ всемогущей администраціи и контролирующихъ ее народныхъ представителей.

Въ тѣ дни парламентскихъ битвъ, когда рѣшалась судьба избирательной реформы, общественное мнѣніе Парижа и Франціи было поглощено гораздо болѣе сенсаціоннымъ дѣломъ — судебнымъ процессомъ г-жи Стенэль, бывшей нѣкогда „пріятельницею“ президента Феликса Фора, навлекшей на себя подозрѣніе въ убійствѣ мужа и матери.

Дѣло Стенэль, по своимъ подробностямъ и обстановкѣ, какъ и по личностямъ дѣйствующихъ лицъ, представляетъ любопытнѣйшую картину нравовъ, понятій и строя жизни французскаго буржуазнаго общества; вмѣстѣ съ тѣмъ оно ярко характеризуетъ особенности французской магистратуры и лишній разъ доказываетъ великое значеніе суда присяжныхъ въ сферѣ уголовнаго правосудія. Въ маѣ прошлаго года обнаружено было двойное убійство въ домѣ художника Стенэль: трупы самого хозяина и его тещи, матери г-жи Стенэль, лежали въ двухъ комнатахъ, съ признаками задушенія, а рядомъ, въ третьей комнатѣ, находилась хозяйка, привязанная веревками къ кровати и съ заложеннымъ ватою ртомъ; впрочемъ, вату она успѣла выплюнуть подъ утро и потому могла призвать людей на помощь. Слуга семьи Стенэль, проснувшись въ шесть часовъ утра 31 мая, замѣтилъ, что всѣ двери перваго этажа открыты настежъ, и вслѣдъ затѣмъ услышалъ призывъ своей госпожи; онъ поспѣшилъ къ ней, разрѣзалъ ножикомъ связывавшія ее веревки и тотчасъ же поднялъ шумъ по поводу случившагося; сосѣди и полицейскіе чины наполнили домъ, послѣ чего началось разслѣдованіе. Оставшаяся въ живыхъ Маргарита Стенэль—„красавица Мэгъ“—разсказала, что, насколько она можетъ припомнить послѣ долгаго обморока, въ комнату вошли три черныя фигуры въ длинныхъ балахонахъ, въ сопровожденіи женщины съ рыжими волосами, и, угрожая револьверомъ, потребовали точнаго указанія, гдѣ спрятаны деньги и драгоцѣнности; она указала имъ на ящикъ бюро и затѣмъ была связана и прикрыта одѣяломъ. Эту же исторію о ворвавшихся ночью „левитахъ“ она нѣсколько разъ повторяла позднѣе, но никто ей не вѣрилъ; разсказъ казался явно неправдоподобнымъ, какъ будто заимствованнымъ изъ плохого уголовнаго романа. Но, какъ говорится въ обвинительномъ актѣ, произошло странное совпаденіе: случайно незадолго передъ тѣмъ обнаружена пропажа трехъ костюмовъ „левитовъ“ изъ „еврейскаго театра“, дававшаго свои спектакли въ одномъ изъ парижскихъ предмѣстій, а изъ забытыхъ кѣмъ-то бумажекъ и карточекъ съ адресами Стенэль и „еврейскаго театра“ въ вагонѣ трамвая можно было заключить, что между похищеніемъ костюмовъ и дѣломъ Стенэль существовала какая-то таинственная связь.

Таковы голые факты. Судебное разслѣдованіе ничего не выяснило;

преступленіе оставалось загадочнымъ, и даже мотивы его подвергались сомнѣнію. Постепенно все вниманіе судейскихъ спеціалистовъ и газетныхъ репортеровъ направлено было на г-жу Стенэль; отъ нея добивались новыхъ свѣдѣній и указаній, хотя бы въ видѣ намековъ, которые позволили бы судебной власти уловить скрытыя нити дѣла и напасть на слѣдъ виновниковъ. Нервная, болѣзненно-впечатлительная, истеричная Маргарита Стенэль не выдержала этого общаго напора настойчивыхъ требованій и ожиданій; видя полную безрезультатность судейскихъ поисковъ и усилій, она взялась помогать имъ, чтобы положить конецъ неизвѣстности.

Эти попытки съ ея стороны начались лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убійства, при усердномъ содѣйствіи газетныхъ искателей. Она стала создавать фантастическія улики противъ лакея, Реми Кульяра, которому даже подбросила жемчужину, съ цѣлью ускорить его признаніе; потомъ она обвиняла сына кухарки, Александра Вольфа, который будто бы явился къ ней ночью съ неприличнымъ предложеніемъ и въ отвѣтъ на ея крики накинулся на прибѣжавшаго мужа и затѣмъ на мать. Когда эти обвиненія оказались лживыми, вся сила ихъ естественно обрушилась на обвинительницу, которая и была арестована въ ноябрѣ прошлаго года. Съ этого момента прокурорская власть твердо шла по намѣченному пути, старательно подбирая матеріалъ для обвинительнаго акта противъ Маргариты Стенэль. Правда, не было фактическихъ данныхъ, уличающихъ ее прямо или косвенно; но личная жизнь „красавицы Мэгъ", ея разнообразныя романическія приключенія, ея легкомысленныя связи и знакомства давали возможность сочинить запутанный уголовный романъ съ трагическою развязкою. Маргарита Стенэль,—получавшая „гонораръ" отъ своихъ поклонниковъ черезъ посредство своего мужа, которому они заказывали картины за высокую плату,—рѣшила, будто бы, избавиться отъ этого удобнаго мужа и кстати также отъ своей родной матери, чтобы остаться вполнѣ свободною и выйти вторично замужъ за богатаго вдовца, пріобрѣвшаго ея расположеніе обычнымъ способомъ. Правда, вдовецъ вовсе не думалъ о женитьбѣ, и г-жа Стенэль не имѣла основанія ни разсчитывать на этотъ бракъ, ни даже желать его; но изъ-за подобнаго плана она будто бы задумала и подготовила чудовищное злодѣяніе, для котораго нашлись какіе-то невѣдомые соучастники. Взбалмошная и пустая женщина, привыкшая пріятно проводить время среди чисто-внѣшнихъ удовольствій и развлеченій, неспособная ни къ какой активной дѣятельности, становится въ глазахъ судей и прокуроровъ сознательною, предпріимчивою и энергическою преступницею; предсѣдатель суда допрашиваетъ ее, какъ несомнѣнно виновную въ убійствѣ, и ведетъ съ нею суровые, уличающіе и придирчивые діа-

логи, въ которыхъ находчивость и остроуміе не всегда находятся на сторонѣ обвиняющей. Подсудимая горячо и иногда съ большимъ артистическимъ искусствомъ разрываетъ сотканную противъ нея судейскую паутину; но „система", усвоенная прокуроромъ и предсѣдателемъ суда, безпощадно опутываетъ жертву, и по всей вѣроятности, Маргарита Стенэль жестоко поплатилась бы за свои многочисленныя прегрѣшенія, еслибы приговоръ зависѣлъ отъ коронныхъ судей. Присяжные оправдали ее—и это оправданіе было косвеннымъ осужденіемъ магистратуры, раскрывшей въ данномъ случаѣ всѣ слабыя стороны французскаго уголовнаго процесса.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1909.

I.

— Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ редакціей Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. I. Предвѣстники и основныя причины движенія. Т. II. Часть первая: a) Международное положеніе Россіи передъ революціей; b) Массовое движеніе. Спб., 1909 г.

Участники этой обширной коллективной работы поставили себѣ цѣлью „дать объективное изслѣдованіе того историческаго процесса, который сдѣлалъ необходимымъ общественный кризисъ, пережитый нашей родиной въ началѣ текущаго столѣтія, равно какъ выяснить самый ходъ этого кризиса и вскрыть дѣйствіе объективныхъ и субъективныхъ факторовъ, вліявшихъ на его теченіе".

Въ вышедшихъ до сихъ поръ двухъ томахъ собранъ чрезвычайно интересный матеріалъ, который оживляетъ въ нашей памяти многія событія недавняго прошлаго и даетъ имъ извѣстное теоретическое освѣщеніе. Вступительная часть посвящена изслѣдованію экономическаго состоянія страны и эволюціи хозяйственныхъ отношеній; въ этотъ отдѣлъ вошли статьи: П. П. Маслова—о развитіи земледѣлія и положеніи крестьянъ, М. Балабанова — о промышленности и промышленномъ кризисѣ, В. А. Мукосѣева—о торговлѣ и кредитѣ, и М. Боголѣпова—о государственномъ хозяйствѣ и финансовой политикѣ правительства.

Систематическое разореніе крестьянства, односторонній искусственный ростъ крупной промышленности, крайняя неразсчетливость и расточительность финансоваго управленія изображаются въ рядѣ очерковъ и характеристикъ, подкрѣпленныхъ краснорѣчивыми цифровыми данными. Располагая двухмилліарднымъ бюджетомъ и возможностью занимать колоссальныя деньги за границей, правительственная власть стараго режима безотчетно подготовляла путь къ государственному банкротству. „Чрезмѣрные оклады, награды, синекуры, пособія, вознагражденія—широкой рѣкой лились на тѣхъ счастливцевъ, которые близко стояли къ источникамъ власти. Въ этомъ водоворотѣ страстей, кипѣвшихъ около казеннаго сундука, забывались всѣ приличія, забывались законы, а главное—забывались тѣ первоначальные источники, изъ которыхъ шли деньги. Безспорно, что такая финансовая вакханалія возможна лишь при наличности того политическаго строя, который покоится на безотвѣтственности власти, на безграничномъ господствѣ ея надъ обществомъ“ (стр. 176). Въ связи съ общимъ экономическимъ разстройствомъ выростаетъ общественное движеніе, главною опорою котораго становится новый общественный классъ—рабочій. О рабочемъ движеніи до 1904-го года говорится въ первомъ томѣ, въ статьѣ г. Д. Кольцова, а съ 1905 по 1907 г.—въ обстоятельномъ очеркѣ того же автора, занимающемъ почти половину второго тома. Затѣмъ, послѣ небольшой статьи Вл. Горна о крестьянскомъ движеніи до 1905-го года, помѣщены въ первомъ томѣ этюды: Н. Череванина—о движеніи интеллигенціи до эпохи „довѣрія“ кн. Святополкъ-Мирскаго, Б. Веселовскаго — о движеніи землевладѣльцевъ, А. Ерманскаго — о крупной буржуазіи до 1905 г., З. Ленскаго—о національномъ движеніи, А. Егорова—о зарожденіи политическихъ партій и ихъ дѣятельности, Ф. Данилова—объ общей политикѣ правительства и государственномъ строѣ къ началу XX-го вѣка, М. Невѣдомскаго — о нашей художественной литературѣ до революціи, и А. Потресова — объ эволюціи общественно-политической мысли въ дореволюціонную эпоху; въ заключеніе изложены общіе выводы или итоги—экономическіе и политическіе—въ статьяхъ П. Маслова и Л. М. Во второмъ томѣ, кромѣ упомянутаго выше очерка рабочаго движенія г. Кольцова, находимъ обзоръ внѣшней политики и русско-японской войны, г. М. Павловича, и „общую картину массоваго движенія съ 1904 по 1907 годъ“, г. Евг. Маевскаго.

Съ наибольшею обстоятельностью и даже съ излишними повтореніями разсмотрѣны экономическія условія русской жизни, начиная съ освобожденія крестьянъ. Менѣе подробно представленъ ходъ общественно-литературной „эволюціи“; нѣкоторые пробѣлы замѣчаются и въ главахъ, касающихся организованныхъ выступленій рабочаго класса; и особенно въ описаніи событій 9 января 1905-го года, которое съ

нѣкоторыми варіантами повторяется въ двухъ статьяхъ—г. Евг. Маевскаго (т. II, стр. 40—57) и г. Д. Кольцова (стр. 192 и слѣд.). Текстъ петиціи, которую собирались подать рабочіе подъ предводительствомъ Гапона, не приводится „въ виду ея широкой извѣстности"; относительно характера кровавой расправы не принято во вниманіе разслѣдованіе, произведенное спеціальной коммиссіею петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, которая напечатала свой отчетъ весною 1905-го года и могла выпустить его въ свѣтъ только послѣ манифеста 17 октября. Упоминая о депутаціи, отправившейся ночью накапунѣ 9 января хлопотать о предупрежденіи кровопролитія, г. Евг. Маевскій не называетъ именъ ея участниковъ и даже не опредѣляетъ ихъ числа. Демократическія стремленія и народническія симпатіи русскаго либерализма получили вообще безиристрастную оцѣнку въ содержательной статьѣ г. Потресова; но, дѣлая извѣстныя заключенія на основаніи цитатъ изъ „Вѣстника Европы" съ начала 90-хъ годовъ (стр. 541—546, т. I), авторъ какъ будто забываетъ, что при цензурныхъ условіяхъ того времени публицисты прогрессивнаго лагеря должны были поневолѣ упражняться въ особомъ дипломатическомъ искусствѣ—скрывать свои подлинныя мысли о тогдашнемъ государственномъ строѣ и о желательныхъ коренныхъ реформахъ.

Самую слабую часть сборника составляетъ разборъ внѣшней политики, приведшей къ японской войнѣ и къ страшнымъ пораженіямъ на Дальнемъ Востокѣ. Рѣшающее вліяніе этихъ катастрофъ на развитіе русской революціи указывается отрывочно въ разныхъ мѣстахъ и разными авторами, но не поставлено въ связь съ общимъ анализомъ причинъ и условій освободительнаго движенія. Въ бѣгломъ и поверхностномъ очеркѣ г. М. Павловича многія событія нашей новѣйшей международной исторіи изложены въ совершенно фантастическомъ видѣ. Русско-турецкая война 1877—78 гг. произошла будто бы только оттого, что Турція желала ввести у себя конституцію, а Россія рѣшила этому воспрепятствовать. Съ этой цѣлью организованы были банды изъ турецкихъ бѣглецовъ и двинуты въ предѣлы Турціи, гдѣ они стали совершать неслыханныя звѣрства надъ мирнымъ мусульманскимъ населеніемъ и возбудили въ немъ порывы фанатической вражды и злобы противъ христіанъ; затѣмъ, „по сигналу, данному изъ Петербурга и Вѣны (?!), вспыхнули одновременно возстанія въ Черногоріи, Болгаріи, Сербіи, Герцеговинѣ и Босніи". Противъ кого возстали жители независимой Черногоріи и обыватели полусамостоятельнаго сербскаго княжества—остается неизвѣстнымъ. Очевидно, авторъ не слыхалъ ни о положеніи христіанской райи подъ гнетомъ турокъ, ни о волненіяхъ босняковъ и герцеговинцевъ, ни о болгарскихъ ужасахъ, возбудившихъ негодованіе въ Европѣ и вызвав-

шихъ горячую агитацію Гладстона; онъ увѣренъ, что все было подстроено „русскими агентами" для предупрежденія конституціонныхъ реформъ въ Турціи. Добродѣтельный султанъ Абдулъ-Гамидъ, тѣмъ не менѣе, торжественно объявилъ конституцію, „подчиняясь властнымъ требованіямъ всего общественнаго мнѣнія Турціи, видѣвшей въ уничтоженіи стараго режима единственное средство спасти государство отъ разложенія". Этотъ благотворный шагъ турецкаго правительства, вдохновляемаго запретными „требованіями" молчаливаго общественнаго мнѣнія, заставилъ Россію дѣйствовать. „По совѣтамъ Каткова и Побѣдоносцева, указывавшихъ на тѣ роковыя послѣдствія, какими грозитъ самодержавной Россіи введеніе и упроченіе въ Турціи конституціоннаго режима, императоръ Александръ II рѣшаетъ начать войну съ Турціею". Результатомъ войны была „отмѣна турецкой конституціи", ибо главная задача русской политики на ближнемъ Востокѣ заключалась „въ охранѣ всѣми зависящими отъ русскаго правительства средствами стараго турецкаго режима, основаннаго на деспотизмѣ власти, полномъ безправіи всего населенія Турціи и на рѣзкой, искусственно разжигаемой національной и религіозной войнѣ между различными народностями, входящими въ составъ имперіи" (т. II, стр. 5).

Откуда заимствовалъ г. М. Павловичъ эти оригинальныя свѣдѣнія? Много ошибокъ дѣлала русская дипломатія, но въ тѣхъ нелѣпостяхъ, которыя приписываетъ ей г. Павловичъ, она рѣшительно неповинна. Всѣмъ извѣстно, что русское правительство было втянуто въ турецкую войну цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствъ и что оно дѣйствовало въ данномъ случаѣ безъ всякаго обдуманнаго плана, поддаваясь общественному увлеченію и отчасти совѣтамъ и намекамъ иностранныхъ кабинетовъ. Россія оффиціально заступалась за турецкихъ славянъ и хлопотала о необходимыхъ или желательныхъ имъ реформахъ; что же касается турецкой конституціи Митхада, то она оказалась миѳомъ совершенно независимо отъ русской политики и гораздо ранѣе объявленія войны. Русская дипломатія, впрочемъ, никогда не отличалась послѣдовательностью и сознательною разсчетливостью въ своихъ дѣйствіяхъ. Результатомъ военныхъ побѣдъ Россіи было не упраздненіе давно отмѣненной эфемерной турецкой конституціи, а напротивъ, созданіе новаго конституціоннаго государства, въ видѣ вассальнаго княжества Болгаріи, подъ номинальною верховною властью султана.

Легковѣсныя предположенія и фантазіи, противорѣчащія общеизвѣстнымъ фактамъ, придаютъ всему очерку г. Павловича какой-то странный характеръ. Подобныя статьи едва ли умѣстны въ трудѣ, преслѣдующемъ „строго-научныя цѣли", о которыхъ говорится въ предисловіи.

Между прочимъ, при обзорѣ русско-японской войны, г. Павловичъ ссылается на конфиденціальную записку графа Ламздорфа по поводу изданной безъ его вѣдома секретной „Малиновой книги“ и приводитъ цитаты изъ этой министерской записки, не упоминая о томъ, что послѣдняя была впервые напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ (1907 г., кн. IV); но за то онъ находитъ нужнымъ подчеркнуть, что иностранный обозрѣватель этого журнала будто бы „усердно развивалъ“ ту мысль, что наша война—колоніальная, и что Японія—это только маленькій мопсъ, укусившій въ ногу огромнаго сенъ-бернара“. Въ дѣйствительности, во время перваго приготовительнаго фазиса войны, въ одномъ изъ иностранныхъ обозрѣній нашего журнала указывалось, что Японія, даже будучи маленькою сравнительно съ Россійскою имперіею, можетъ нанести ей тяжелые удары, подобно тому какъ маленькій мопсъ можетъ причинить поврежденіе огромному сенъ-бернару, вцѣпившись въ его ногу. Сравненіе могло быть неудачнымъ, но мысль была совершенно ясна, и перетолковывать ее заднимъ числомъ въ духѣ чуждаго журналу шовинизма не слѣдовало. Не надо забывать, что при началѣ военныхъ дѣйствій, не смотря на первыя неудачи, повсюду господствовало твердое убѣжденіе въ военномъ превосходствѣ Россіи надъ Японіею и въ неминуемомъ окончательномъ торжествѣ русскаго оружія; даже революціонеры раздѣляли этотъ взглядъ, какъ видно изъ приводимой авторомъ выдержки изъ прокламаціи петербургскаго комитета соціалъ-демократической рабочей партіи за февраль 1904-го года: „Нѣтъ сомнѣнія, что мы въ концѣ концовъ возьмемъ количествомъ своихъ войскъ... Погибнетъ корпусъ за корпусомъ, составятся громадныя горы труповъ, и на этихъ горахъ мы водрузимъ знамя славы и побѣды. Такъ было и послѣ турецко-русской войны“. Тѣмъ не менѣе, по увѣренію г. Павловича, „все-таки только наша революціонная печать съумѣла заранѣе предугадать дѣйствительный исходъ войны“ (т. II, стр. 19). Не мѣшаетъ также вспомнить, что нападающею стороною оффиціально представлялась Японія, и это обстоятельство не должно быть упускаемо изъ виду при оцѣнкѣ поведенія „конституціоналистовъ“ и „видныхъ либераловъ“, считавшихъ возможнымъ или полезнымъ участвовать въ патріотическихъ манифестаціяхъ для „демонстрированія своей лойяльности“ (т. I, стр. 393).

При нѣкоторыхъ своихъ частныхъ недостаткахъ, коллективное изслѣдованіе, предпринятое подъ редакціею гг. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова (Г. В. Плехановъ вышелъ изъ состава редакціи до выхода въ свѣтъ перваго тома), заслуживаетъ полнаго вниманія. Отдѣльныя главы, какъ напр. о дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ въ Петербургѣ, о рабочемъ движеніи въ столицахъ и провинціи, о забастовкахъ и стачечныхъ комитетахъ, особенно въ Сибири и Манч-

журіи, — читаются съ захватывающимъ интересомъ. Намъ придется еще вѣроятно вернуться къ этому изданію, когда оно будетъ доведено до конца.—Л. Слонимскій.

II.

— М. Горькій и В. Мейеръ. Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи 15 (28) декабря 1908 г. Спб., 1909. Цѣна 2 р.

Заглавіе книги является вмѣстѣ съ тѣмъ и заглавіемъ статьи М. Горькаго, посвященной описанію тяжкаго стихійнаго бѣдствія, внезапно обрушившагося на южныя провинціи итальянскаго королевства и мгновенно унесшаго около двухсотъ тысячъ человѣческихъ жизней. М. Горькій не былъ самъ очевидцемъ этого бѣдствія; онъ лишь собралъ и систематизировалъ разсказы жертвъ и очевидцевъ великаго несчастья, предпославъ имъ короткое описаніе общей картины землетрясенія и гибели города Мессины. Эта первая глава кажется блѣдной и вялой сравнительно съ послѣдующими, въ которыхъ приводятся подлинныя слова и впечатлѣнія пострадавшихъ. Романтическія краски, которыми обычно такъ сверкаетъ блистательная палитра М. Горькаго, блекнутъ и безсильно вянутъ передъ живымъ горемъ и яркимъ ужасомъ, пронизывающими простыя по формѣ повѣствованія жертвъ и очевидцевъ. Правъ М. Горькій, охарактеризовавшій эти повѣствованія въ такихъ выраженіяхъ: „Безсвязныя слова тѣхъ людей, которые спаслись отъ гибели, сплетаются въ разсказъ одного существа: оно въ это утро какъ бы поднялось надъ землею, и его взглядъ, изощренный ужасомъ, охватилъ всю картину возстанія стихій на человѣка“.

Этотъ „разсказъ одного существа“ начинается со второй главы словами пароходнаго капитана, который, подходя къ Мессинѣ, волею судьбы оказался свидѣтелемъ начальной стадіи землетрясенія, разрушившаго этотъ прекрасный и многолюдный городъ. Заканчивается онъ обширнымъ повѣствованіемъ другого капитана, не-моряка, жившаго въ окрестностяхъ Мессины, случайно уцѣлѣвшаго отъ гибели и принимавшаго самое живое участіе въ подачѣ первой помощи пострадавшимъ. Едва ли возможно пересказать то впечатлѣніе, которое рождается при чтеніи этой главы, состоящей почти исключительно изъ подлинныхъ словъ очевидцевъ и жертвъ несчастья: ее надо прочесть. И только по ея прочтеніи понятной дѣлается неудача попытки М. Горькаго возсоздать картину и передать впечатлѣніе своими красками и своими словами: созданныя слова и сотворенныя краски

безсильны породить ужасъ, внушаемый непосредственнымъ соприкосновеніемъ человѣческой души съ грозной стихіей. И не вина М. Горькаго въ томъ, что судьба помиловала его и не дала ему тѣхъ трагическихъ переживаній, которыми насыщены разсказы потерпѣвшихъ отъ землетрясенія.

Есть, однако, въ этой главѣ строки и выраженія, въ которыхъ неповинны пострадавшіе, и которыя должно поставить всецѣло въ вину русскому писателю. Полемизируя въ заключительныхъ страницахъ этой главы съ неназванными корреспондентами, которые невѣрно излагали факты, М. Горькій, ни съ того, ни съ сего, обрушивается на всю русскую интеллигенцію и на всѣхъ русскихъ литераторовъ. „За послѣдніе годы,—пишетъ онъ, — г.г. русскіе литераторы обнаружили скверную тенденцію прикрывать кровь народа слоями грязи, и грязь эту они черпаютъ преимущественно въ темныхъ ямахъ фантазіи своей". И далѣе: „вообще, русская интеллигенція быстро утрачиваетъ лучшее, что у нея было—свой когда-то творческій и украшавшій ее демократизмъ. Дѣлается это сознательно—изъ желанія угодить тѣмъ, кто стремится разрушить идеи демократизма, торопясь устроить жалкое свое житьишко въ западно-европейскомъ стилѣ, или—по легкомыслію; все равно: мода постыдная". Кто или что внушило М. Горькому эти по существу своему ложныя слова о русскихъ литераторахъ и о русской интеллигенціи? Очевидно, прекрасное „далеко" способствуетъ помутнѣнію глазъ, уменьшаетъ чуткость сердца...

Третья и четвертая главы статьи М. Горькаго посвящены описанію того стихійнаго взрыва горя и сочувствія, который покрылъ собою всю Италію и распространился далеко внѣ ея, и той великолѣпно организованной помощи, дѣятельными участниками которой стали всѣ итальянцы, отъ рабочаго и до короля, отъ королевы до торговки, а также и случайно оказавшіяся вблизи катастрофы военныя команды разныхъ національностей. Почетная роль среди этихъ послѣднихъ, какъ извѣстно, выпала на долю русскихъ матросовъ, съ безконечной отвагой спасавшихъ чужихъ имъ людей отъ гибели, кормившихъ, одѣвавшихъ, лечившихъ ихъ. Раздѣльность соціальная, политическая и національная стаяла и исчезла въ порывѣ сочувствія, въ любви человѣка къ человѣку; единство горя возвысило людей надъ всѣми перегородками, которыя раздѣляютъ человѣчество, и создало единственную въ своемъ родѣ трагическую и вмѣстѣ трогательную картину человѣческаго единенія. И это единеніе родилось стихійно, какъ стихійно было несчастіе, создавшее его — и оттого оно было еще болѣе прекраснымъ.

Статья В. Мейера, составляющая вторую половину книги, раздѣ-

ляется на двѣ части. Въ первой авторъ разсказываетъ свои впечатлѣнія отъ пребыванія въ разрушенной Мессинѣ, куда онъ прибылъ на четвертый день послѣ постигшаго городъ бѣдствія. Это—впечатлѣнія умнаго и чуткаго человѣка, и они прекрасно дополняютъ разсказы очевидцевъ и пострадавшихъ, приведенные у М. Горькаго. Кое-что новое, однако, есть и у В. Мейера, который наблюдалъ стихійное бѣдствіе не только какъ любознательный и сочувствующій туристъ, но и какъ ученый геологъ. Интересно, между прочимъ, наблюденіе, что животныя чувствовали надвигавшееся бѣдствіе раньше, чѣмъ о немъ узнали люди. Крысы бѣжали изъ приморскихъ домовъ за сутки до начала землетрясенія; кошки стремились уйти изъ домовъ задолго до его начала.

Вторая часть статьи В. Мейера является общимъ, популярно написаннымъ очеркомъ объ очагахъ землетрясеній на землѣ.

Книга отпечатана прекрасно и обильно иллюстрирована превосходно сдѣланными снимками съ фотографій и чертежами. Весь доходъ съ изданія поступаетъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія. Безъ сомнѣнія, она найдетъ многочисленныхъ читателей и покупателей во всей Россіи.—М. Славинскій.

III.

— Н. Саловъ. Къ вопросу землеустройства. М. 1909 г. Ц. 30 к.

О фактической сторонѣ совершающагося у насъ процесса землеустройства русское общество освѣдомлено очень мало. Оффиціальные отчеты и обзоры не даютъ въ этомъ отношеніи почти ничего. Такъ, въ недавно вышедшемъ „обзорѣ“ дѣятельности землеустроительныхъ коммиссій за 1907—1908 г.г. мы находимъ цѣлый рядъ цифровыхъ данныхъ о количествѣ возбужденныхъ отдѣльными крестьянами и цѣлыми обществами ходатайствъ, о количествѣ произведенныхъ выдѣловъ, находимъ также выдержки изъ отчетовъ нѣкоторыхъ землеустроительныхъ коммиссій, весьма оптимистическаго характера; но о томъ, *какъ* ведется дѣло землеустройства въ дѣйствительности, тамъ найти что-либо ясное, конкретное—невозможно. Совершенно другое впечатлѣніе производитъ названная выше небольшая брошюра, авторъ которой самъ является непосредственнымъ участникомъ въ землеустроительныхъ дѣйствіяхъ. Въ принципѣ г. Саловъ вполнѣ сочувствуетъ нынѣшней аграрной политикѣ. По его словамъ, среди крестьянъ Ивановской волости, Балашовскаго уѣзда (Саратовской губ.), гдѣ онъ работаетъ, почва для развитія личной мелкой собственности

вполнѣ подготовлена. Но какъ идетъ дѣло землеустройства, какія преграды ставятся правильному его движенію, какъ центральные органы мало обращаютъ вниманія на голосъ мѣстныхъ людей, даже своихъ же подчиненныхъ, но трудящихся не въ петербургскихъ канцеляріяхъ, а на мѣстахъ—вотъ что въ настоящій моментъ представляетъ огромный интересъ и практическую важность. Петербургъ не считается съ тѣмъ, что разъ начатое надо передѣлывать съ большой осторожностью. Авторъ разсказываетъ, что первоначальныя, почти законченныя работы землеустроительной коммиссіи по продажѣ земель обществамъ и товариществамъ, вскорѣ затѣмъ пришлось совершенно передѣлать. Въ іюнѣ 1907 г. въ саратовское отдѣленіе крестьянскаго банка пріѣхало временное отдѣленіе банка, и „работа по землеустройству на банковыхъ земляхъ рѣзко измѣнилась“: землю стали продавать только въ единоличную собственность, при томъ въ хуторской формѣ владѣнія. Подготовленныя сдѣлки были разстроены. Это обстоятельство сразу подорвало довѣріе крестьянъ, и въ результатѣ получилось уклоненіе отъ покупокъ. Изъ землеустроительныхъ коммиссій все дѣло землеустройства на банковскихъ земляхъ перешло въ руки банка. Послѣдовали любопытнѣйшія инструкціи коммиссіямъ. Требовалось, напримѣръ, не вносить въ списки покупщиковъ недоимщиковъ банка, а также лицъ, „принимавшихъ участіе въ аграрныхъ погромахъ“. Оказалось, что при такихъ условіяхъ „ни одному крестьянину Ивановской волости нельзя продать земли“, ибо огромное большинство крестьянъ—недоимщики банка, и „весь Балашовскій уѣздъ былъ охваченъ аграрнымъ движеніемъ“. На самомъ дѣлѣ невозможно было соблюсти требованія инструкціи, и саратовское отдѣленіе банка разрѣшило г. Салову совершать не соотвѣтствовавшія имъ сдѣлки. Вообще все дѣло землеустроительныхъ коммиссій по землеустройству на банковскихъ земляхъ свелось къ ликвидаціи, а землеустройство отошло на второй планъ. „Ликвидація 800.000 дес. банковыхъ земель въ Саратовской губерніи перешла изъ десяти уѣздныхъ землеустроительныхъ коммиссій въ вѣдѣніе ликвидаціоннаго отдѣла“. Каковы бы ни были коммиссіи, но и по назначенію ихъ, и по составу, въ ихъ задачи входитъ дѣло землеустройства — а банкъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ брошюры, „въ силу условій послѣдней своей дѣятельности, съ милліарднымъ запасомъ % бумагъ, выпущенныхъ подъ купленныя имъ земли, *психологически* не можетъ сойти съ почвы чисто фискальной и перейти на почву широкой землеустроительной реформы“. Какъ бы то ни было, землеустройство и ликвидація шли. Съ января 1909 г. при совершеніи запродажныхъ условій на отрубные участки стали отбираться отъ покупщиковъ залоговыя подписки, въ которыхъ говорилось, что въ залогъ по

ссудѣ банку идетъ не только земля, но и всѣ постройки на ней. Это крайне невыгодное для крестьянъ условіе, существовавшее и раньше, было отмѣнено, а тутъ снова стало предъявляться. Крестьяне стали отказываться отъ подписыванія такихъ условій; дѣло опять затормозилось. Съ непримѣнимостью этого порядка согласились и ликвидаціонный отдѣлъ, и балашовская землеустроительная коммиссія, и губернаторъ. Но совѣтъ банка рѣшилъ иначе. Члены государственной думы отъ Саратовской губерніи (Н. Н. Львовъ, К. Н. Гриммъ, Э. А. Исѣевъ), членъ государственнаго совѣта гр. Олсуфьевъ и другіе представители губерніи лично ходатайствовали передъ управляющимъ банкомъ объ изъятіи изъ залога строеній. Ничего не помогло. Совѣтъ банка настоялъ на своемъ и пренебрегъ голосомъ мѣстныхъ людей. Банкъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что „для крѣпкаго покупщика залогъ построекъ не можетъ служить препятствіемъ къ покупкѣ земли", а съ покупщиками „не крѣпкими" не стоитъ-де и возиться. Въ дѣйствительности же идутъ на всякія условія какъ разъ именно ненадежные покупщики. Съ одной стороны банкъ спѣшитъ съ ликвидаціей своихъ земель и пускаетъ въ продажу земли Саратовской губерніи крестьянамъ Волынской, Кіевской, Подольской, Полтавской губерній, а съ другой—тормозитъ покупки крестьянъ той же губерніи. Все хочется сдѣлать сразу, поскорѣй; не принимается во вниманіе положеніе мѣстныхъ крестьянъ. Въ нынѣшній урожайный годъ взыскиваются усиленно продовольственныя недоимки послѣ 4-хъ лѣтъ подрядъ неурожая. При покупкахъ безъ переселеній устанавливаются, вдобавокъ, высокія доплаты — до 100 р. — на покупку отруба. Естественно, что мѣстные крестьяне къ покупкамъ относятся осторожно. Такъ нашими землеустроителями ведется огромное, важное дѣло. —

Вас. Голубевъ.

IV.

— А. Н. Быковъ. Фабричное законодательство и развитіе его въ Россіи. Спб. 1909.

Эта книга составляетъ курсъ, читанный А. Н. Быковымъ въ петербургскомъ политехническомъ институтѣ. Она состоитъ изъ двухъ частей: исторіи фабричнаго законодательства въ главнѣйшихъ иностранныхъ государствахъ и въ Россіи. Этимъ она отличается отъ другихъ сочиненій по тому же предмету (Микулина, Литвинова-Фалинскаго), ограничивающихся фабричнымъ законодательствомъ нашей страны. Отведеніе въ книгѣ г. Быкова мѣста иностранному законодательству вытекаетъ изъ назначенія ея, какъ пособія для учащихся. Приступая къ изученію русскаго фабричнаго законодательства, по-

слѣдніе, конечно, должны ознакомиться съ положеніемъ этого вопроса на Западѣ, хотя бы связь и соотношенія русскаго и иностраннаго законодательства не получили, какъ въ разсматриваемомъ курсѣ, достаточнаго разъясненія. Книга г. Быкова написана живо, но очень бѣдна статистическимъ и бытовымъ матеріаломъ. Объясняется это отчасти недостаткомъ литературныхъ данныхъ, отчасти, вѣроятно, краткостью времени, отведеннаго для курса. За небольшими исключеніями, содержаніе разсматриваемаго труда заключается въ изложеніи и критикѣ законовъ и въ указаніи ближайшихъ причинъ и исторіи ихъ составленія. Въ этомъ отношеніи авторъ недостаточно, какъ намъ кажется, оттѣнилъ политическіе мотивы въ развитіи русскаго фабричнаго законодательства.

Хотя вопросъ о защитѣ той или другой категоріи фабричныхъ рабочихъ былъ поднятъ еще въ началѣ царствованія Александра II, но фактическая исторія русскаго фабричнаго законодательства начинается въ 1882 г., когда изданъ былъ законъ о работѣ малолѣтнихъ. Приступая къ регулированію отношеній между рабочими и предпринимателями, правительство имѣло передъ собой долгій опытъ передовыхъ государствъ и избавлено было, поэтому, отъ многихъ затрудненій, какія естественно испытываются въ совершенно новомъ дѣлѣ. Всесильная русская власть не встрѣчала и тѣхъ трудно преодолимыхъ препятствій къ осуществленію благихъ своихъ намѣреній, какія стоятъ на пути развитія фабричнаго законодательства при господствѣ буржуазіи. Этими обстоятельствами предопредѣлялся, казалось бы, широкій и свободный путь развитія у насъ защитительнаго по отношенію къ милліонамъ населенія законодательства. Но независимая и внѣклассовая въ принципѣ, абсолютная власть въ дѣйствительности оказалась связанной тѣми же пристрастіями, какія свойственны открыто буржуазнымъ правительствамъ, и для побужденія ея къ удовлетворенію достаточно назрѣвшихъ потребностей рабочаго класса,—кромѣ болѣе или менѣе яснаго представленія о послѣднихъ,—оказывалось необходимымъ и воздѣйствіе политическихъ факторовъ и мотивовъ. Такъ, первый нашъ фабричный законъ (о работѣ малолѣтнихъ) изданъ послѣ стачекъ рабочихъ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ и въ моментъ напряженной борьбы правительства съ революціонерами, одновременно съ первыми серьезными послѣ крестьянской реформы мѣрами въ пользу крестьянъ (отмѣна подушной подати, пониженіе выкупныхъ платежей и др.), имѣвшими въ виду, между прочимъ, укрѣпленіе въ массахъ авторитета власти. Изданіе закона 3-го іюня 1885 г. о воспрещеніи ночной работы женщинъ и подростковъ было ускорено, а законъ 3-го іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ—прямо вызванъ волненіями фабричныхъ рабочихъ въ 1884 и

1885 гг. Стачкамъ 1896 г. обязанъ своимъ появленіемъ законъ 2-го іюня 1897 г., нормирующій рабочее время взрослыхъ рабочихъ. Законъ 1903 г. о представительствѣ рабочихъ въ лицѣ старостъ мотивированъ соображеніями о предупрежденіи политической агитаціи въ фабричной средѣ. Наконецъ, революціонно-стачечное движеніе послѣднихъ лѣтъ вызвало отмѣну уголовныхъ репрессій за мирныя стачки, разрѣшеніе профессіональныхъ организацій трудящихся (правила 4-го марта 1906 г.) и временныя правила 1906 г. о нормальномъ отдыхѣ служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ и конторахъ. Г. Быковъ самъ указываетъ на многіе изъ вышеприведенныхъ фактовъ, но не формулируетъ естественно вытекающаго изъ нихъ заключенія.—В. В.

V.

— Горцы верховьевъ Пянджа. Очерки быта по путевымъ замѣткамъ гр. А. А. Бобринскаго. Москва.

Прекрасно изданная книга, составленная съ основательнымъ знаніемъ литературы предмета и съ богатымъ запасомъ личныхъ наблюденій, прошла почти незамѣченной. Между тѣмъ она интересна во многихъ отношеніяхъ и наводитъ мысль на рядъ сопоставленій между бытовыми особенностями племенъ культурныхъ и некультурныхъ. Книга открывается общимъ очеркомъ верховьевъ Пянджа. Здѣсь, въ сердцѣ Средней Азіи, между юго-западными склонами Памировъ и сѣверными отрогами Гиндукуша, пріютились бѣдныя общества горныхъ таджиковъ: Ваханъ, Ишкашимъ, Горонъ, Шугнанъ и Рошанъ. Съ 1895 г. рѣка Пянджъ служитъ русской границей съ Афганистаномъ. Осѣдлое населеніе верхняго теченія Пянджа по лингвистическимъ признакамъ причисляется къ иранской группѣ. Вѣнскій профессоръ Томашекъ высказалъ взглядъ, что Гиндукушъ, Памирское плато и западная часть Таришской котловины были первоначально обитаемы аборигенами, занимавшими, по географическому положенію, языку и типу, средину между кавказскими и мазендеранскими горными народами съ одной стороны и тибетоидными народами Гималая—съ другой. При переселеніи арійцевъ изъ Европы эти аборигены были поглощены ими, уцѣлѣвъ лишь на окраинахъ, небольшими частями. Аристовъ полагаетъ, что ваханцы принадлежатъ къ сѣверной части восточнаго отдѣла иранскаго племени. Сами горцы Вахана и Ишкашима связываютъ преданія о своемъ происхожденіи съ легендами о любимомъ ихъ героѣ Али. Изъ мѣстныхъ преданій можно заключить, что горный край отъ Гиндукуша на югѣ и до Зерафшан-

скихъ горъ на сѣверѣ заселялся переселенцами, проникавшими съ запада, а на сѣверныхъ и южныхъ окраинахъ горнаго края, кромѣ того, остатками аборигеновъ. Въ намѣченныхъ географическихъ предѣлахъ происходила сутолока народовъ, культуръ, языковъ и религій. Изъ этого пестраго хаоса выдѣляются нѣсколько могучихъ теченій: на западѣ—иранская культура, на югѣ — родственная ей индусская, на востокѣ—китайская, на сѣверо-востокѣ и сѣверѣ—тюрко-монгольская кочевая культура. Всестороннее изученіе современнаго горнаго населенія должно дать цѣнныя данныя для разрѣшенія темныхъ вопросовъ по исторіи, антропологіи, этнографіи, лингвистикѣ, относящихся къ древнѣйшей культурѣ Средней Азіи и сѣверо-западной Индіи. Предки современнаго горнаго населенія, удаляясь съ горъ массами или въ одиночку, должны были уносить съ собою культуру, среди которой жили въ своей первобытной родинѣ. Попадая въ горы, замыкаясь въ трудно доступныхъ, обособленныхъ ущельяхъ и долинахъ, оторванныхъ отъ внѣшняго міра, они должны были сохранить въ неприкосновенной чистотѣ и цѣльности весь тотъ самобытный строй жизни, который складывался въ первобытной ихъ родинѣ. Изучать жизнь горцевъ, значитъ изучать, главнымъ образомъ, пережитки временъ ихъ переселенія. Въ скудную и суровую обстановку горъ уходятъ люди не добровольно, а по необходимости. Побудительныя причины къ бѣгству въ горы, къ покиданію родины, особенно обильны во времена политическихъ или династическихъ переворотовъ, нашествій иноплеменниковъ или религіозныхъ распрей. Немало отъ этого натерпѣлись мѣстности, расположенныя у западныхъ подножій вышеназванныхъ горъ. О единовременныхъ переселеніяхъ въ горы въ грандіозныхъ размѣрахъ не можетъ быть рѣчи: емкость ихъ незначительна, долины бо̀льшею частью узки, скаты горъ крайне круты; подъ культуру отвоевать землю можно только отдѣльными, незначительными клочками, постепенно, упорнымъ трудомъ и въ зависимости отъ общей системы орошенія. Въ старину горы, повидимому, были вообще гуще населены, чѣмъ теперь и въ недавнемъ прошломъ. Во многихъ мѣстахъ видны слѣды старыхъ, заброшенныхъ арыковъ (приписываемыхъ Тамерлану). Страна процвѣтала въ тѣ времена, когда большая часть центральной Азіи, по обѣимъ сторонамъ Памировъ и Тьяншаня, объединялась подъ однимъ общимъ владычествомъ, напр. китайцевъ, тюрковъ, монголовъ. Послѣ перваго тяжелаго времени наступала пора успокоенія; открывались пути сообщенія, оживлялись сношенія между отдаленнѣйшими частями Азіи, расцвѣтала торговля, успокоивались мелкіе цари и князья. Путешествія Марко Поло и другихъ во времена монголовъ и Тамерлана свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Среди горцевъ замѣтно инстинктивное сознаніе объ узахъ не то родства, не то культуры, связывающихъ ихъ всѣхъ воедино. Есть у нихъ и общіе антропологическіе признаки. Горецъ выносливъ, свободенъ въ движеніяхъ, ловокъ и изященъ. Суровая горная обстановка, климатъ съ рѣзкими колебаніями, трудные и тяжелые пути сообщенія, опасности, которыми они окружены въ видѣ обваловъ, осыпей, оползней, закалили горцевъ физически и духовно, сдѣлали ихъ болѣе мужественными и сосредоточенными, чѣмъ ихъ мягкіе и безпечные собратья-земледѣльцы въ низменныхъ мѣстностяхъ. Замкнутая жизнь въ горахъ дала горцамъ возможность сохранить самобытность и чувство самоуваженія, не позволяющее имъ ни воровать, ни просить милостыни. Они сохраняютъ во всемъ простоту, дорожатъ всѣмъ достояніемъ прошлаго—преданіями, обычаями, нравами. Среди величественной природы горъ, гдѣ безпомощность человѣка передъ мощью природы даетъ себя особенно сильно чувствовать, горецъ обратился за утѣшеніемъ къ фантазіи. Въ долгіе зимніе вечера онъ воскрешаетъ въ своемъ воображеніи міръ духовъ, облекая ихъ въ новые образы, надѣляя новыми свойствами. Горецъ наполнилъ ими горы, ущелья, пещеры, лѣса, потоки, собственное жилище.

Авторъ описываетъ домашнюю жизнь горца, устройство его жилища, одѣяніе, занятія (земледѣліе, кустарные промыслы, торговля). Большой интересъ представляетъ описаніе обычаевъ, связанныхъ съ свадьбой и рожденіемъ. Особыя главы посвящены суевѣріямъ, духамъ, миѳамъ, священнымъ камнямъ, почитаемымъ горцами. Книга снабжена двадцатью фототипическими таблицами.—А. Хахановъ.

VI.

— „Малый Энциклопедическій Словарь“ Брокгаузъ-Ефрона. Изд. II-ое, вновь переработанное и значительно дополненное, въ 2-хъ томахъ (4 вып.). Спб., 1907—09 гг. Цѣна 14 руб. (въ переплетѣ).

Въ русскомъ обществѣ давно ощущается потребность въ краткомъ, общедоступномъ справочникѣ, въ которомъ въ сжатой формѣ заключались бы свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и который бы въ то же время стоялъ на уровнѣ современной науки и отличался полнотою, ясностью и популярностью изложенія. Къ числу попытокъ удовлетворить этой потребности принадлежитъ изданіе фирмою Брокгаузъ и Ефронъ „Малаго Энциклопедическаго Словаря“. Фирма эта, десять лѣтъ тому назадъ, параллельно съ выпускомъ своего большого „Энциклопедическаго Словаря“ (86 полутомовъ), предприняла изданіе „Малаго Словаря“ въ трехъ томахъ (1899—1902 гг.). Прошло пять лѣтъ—и

потребовалось новое изданіе. Оно представляетъ собою не только исправленіе и дополненіе перваго, но полную его переработку. Первое изданіе словаря было снабжено краткими конспектами по различнымъ отраслямъ знанія. Во второе изданіе они не вошли, но за то помѣщено много новыхъ обстоятельно составленныхъ статей. Пополнены замѣченные пробѣлы и пропуски; подновлены цифровыя данныя, согласно послѣднимъ статистическимъ работамъ; отмѣчено многое выдвинутое жизнью за послѣдніе годы. Статьи, касающіяся Россіи, составлены подробнѣе другихъ. Статьи по исторіи искусствъ снабжены рисунками. Статьи по соціальному вопросу (напр. „союзы рабочіе", „стачки", „женскій вопросъ", „соціалистическія партіи"), статьи юридическія и экономическія („наслѣдственное право", „налоги" и др.) даютъ интересный справочный матеріалъ. Статьи отвлеченнаго содержанія изъ области философіи и психологіи изложены ясно. Не менѣе вниманія удѣлено отдѣламъ естествознанія и прикладныхъ знаній; здѣсь къ болѣе крупнымъ статьямъ приложены рисунки. Приложенныя къ тексту карты, таблицы, рисунки хорошо выполнены. Редакціонная работа по новому изданію, какъ видно изъ предисловія, выполнена М. М. Марголинымъ, съ 1890 г. исполнявшимъ обязанности секретаря редакціи большого „Энциклопедическаго Словаря" Брокгаузъ-Ефрона. — R.

VII.

— Adolf Levenstein. Aus der Tiefe. Beiträge zur Seelen-Analyse moderner Arbeiter. Берлинъ, 1909.

— Adolf Levenstein. Arbeiter-Philosophen und-Dichter. Берлинъ, 1909.

Первая изъ названныхъ выше двухъ книгъ вышла въ свѣтъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и выдержала уже *двѣнадцать* изданій. Вторая, изданная значительно позже, также расходится чрезвычайно быстро. Если прибавить къ этому, что пресса самыхъ различныхъ направленій отнеслась къ обѣимъ книгамъ болѣе чѣмъ сочувственно, то станетъ ясно, что успѣхъ ихъ не случайный. И та, и другая составились изъ произведеній настоящихъ, подлинныхъ пролетаріевъ, продолжающихъ пребывать въ пролетарскомъ состояніи и понынѣ. Адольфъ Левенштейнъ—только ихъ издатель и собиратель. Предпринятое имъ изслѣдованіе соціально-психологической стороны современной промышленности привело его въ соприкосновеніе съ тысячами рабочихъ, результатомъ чего оказались многочисленныя письма и цѣлая коллекція литературныхъ и художественныхъ произведеній. Послѣднія Левенштейнъ съ успѣхомъ выставилъ для публики въ особомъ помѣщеніи, а часть писемъ и стиховъ опубликовалъ подъ отмѣ-

ченными выше заглавіями. Отличительныя черты содержанія обѣихъ книгъ, особенно первой—искренность и безъискусственность. Кто хочетъ знакомиться съ душевными переживаніями современнаго наемнаго рабочаго, тотъ долженъ прочесть эти захватывающія своей трогательной простотой страницы. Собранныя Левенштейномъ письма даютъ для пониманія душевнаго склада рабочаго гораздо больше, нежели многія сочиненія по „рабочему вопросу". Въ письмахъ говорится не только о „горькой долѣ" рабочаго человѣка. Привлекаетъ къ нимъ вниманіе публики картина той работы мысли и фантазіи, которая, не смотря на тяжелый физическій трудъ, совершается современнымъ пролетаріемъ. Мы видимъ здѣсь, что „рабочія руки" обладаютъ также сердцемъ, способнымъ биться въ униссонъ съ лучшими сердцами современности, и головой, которой доступны идеи величайшихъ мыслителей прошедшаго и настоящаго времени. Оказывается также, что „рабочія руки" владѣютъ недурно не только напильникомъ или молоткомъ, но и перомъ. Риѳмованная рѣчь современнаго пролетарія не отмѣчена печатью приниженности и смиренія, обычно свойственныхъ „бѣдному человѣку". Помимо соціальныхъ темъ, рабочіе-поэты затрагиваютъ проблемы любви, природы, религіи и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній отличаются нѣжностью и пѣвучестью, могущими сдѣлать честь и „профессіональному" поэту.

Быть можетъ, примѣръ Левенштейна не останется безъ подражанія у насъ въ Россіи; быть можетъ, найдутся и у насъ люди, которые смогутъ показать намъ, чѣмъ и какъ духовно живетъ нашъ рабочій. Умѣлое выполненіе такой задачи будетъ, конечно, награждено не меньшимъ сочувствіемъ, нежели работа нѣмецкаго собирателя.

Р. Ст.

VIII.

— Wilhelm Ostwald. Energetische Grundlagen der Kulturwissenschaft. Лейпцигъ, 1909.

Въ своей новой работѣ знаменитый лейпцигскій ученый пытается распространить введенный имъ въ естественныя науки „энергетическій методъ" на дисциплины, занятыя изслѣдованіемъ явленій соціальнаго характера. Все сочиненіе состоитъ изъ тридцати лекцій. Въ первыхъ двухъ авторъ, со свойственными ему простотой, живостью и ясностью, устанавливаетъ понятіе работы, формулируетъ законъ сохраненія и уничтоженія энергіи, даетъ представленіе о различныхъ видахъ ея (энергія тепловая, механическая, электрическая, свѣтовая и т. д.) и обстоятельно выясняетъ идею коэффиціента полезности

(Güteverhältniss). Примѣненіе этой идеи къ истолкованію различныхъ областей культуры и составляетъ главное содержаніе книги. Всю культурную работу можно, по мнѣнію Оствальда, представить въ видѣ стремленія къ увеличенію находящейся въ нашемъ распоряженіи первоначальной или „сырой“ энергіи (Rohenergie) съ одной стороны, и къ увеличенію, при ея превращеніяхъ, коэффиціента полезности—съ другой. Противъ этого основного положенія Оствальда выступилъ профессоръ гейдельбергскаго университета Максъ Веберъ (въ сентябрьской книжкѣ гейдельбергскаго журнала: „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“). Онъ указалъ, что человѣчество въ своемъ развитіи не всегда заботится о томъ, чтобы извлечь изъ имѣющейся энергіи наибольшую полезность. Примѣромъ этого, по его мнѣнію, можетъ служить хотя бы фактъ введенія машинъ. Трата энергіи при машинномъ производствѣ значительно выше, нежели при ручномъ. Коэффиціентъ полезности при работѣ человѣческой или животной мускулатуры несомнѣнно превышаетъ таковой при работѣ посредствомъ машинъ. Едва ли, однако, эта аргументація можетъ опровергнуть оствальдовскій тезисъ. Оствальдъ, конечно, не утверждаетъ, что культурное развитіе представляетъ собою исключительно одно стремленіе къ лучшей утилизаціи энергіи, независимо отъ получаемаго результата. Онъ понимаетъ, что развитіе культуры характеризуется также и ростомъ новыхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ можетъ потребовать примѣненія организаціи и орудій, работающихъ въ энергетическомъ отношеніи „нераціонально“. Но вѣдь разъ что данныя орудія производства, передвиженія и т. п. введены, дальнѣйшее развитіе ихъ сводится къ увеличенію ихъ полезнаго дѣйствія, къ увеличенію, слѣдовательно, коэффиціента полезности истрачиваемой энергіи. Ростъ потребностей только видоизмѣняетъ, но не устраняетъ дѣйствіе оствальдовскаго „закона“. Съ точки зрѣнія этого закона Оствальдъ освѣщаетъ въ слѣдующихъ лекціяхъ цѣлый рядъ культурныхъ факторовъ. Общество, языкъ, право, обмѣнъ, государство, наука—всѣ эти явленія онъ подвергаетъ разсмотрѣнію въ свѣтѣ энергетическаго ученія и дѣлаетъ это очень умѣло и интересно. Можно не соглашаться съ тѣми или другими его выводами, но предлагаемое имъ введеніе энергетическаго метода въ соціальныя науки нельзя не признать полезнымъ для послѣднихъ. Нужно только помнить, что этотъ методъ долженъ не замѣнить, а дополнитъ арсеналъ орудій соціально-научнаго изслѣдованія.

По справедливому замѣчанію Макса Вебера, Оствальдъ слишкомъ часто смѣшиваетъ сущее съ должнымъ. Нельзя ставить, какъ это дѣлаетъ Оствальдъ, главнымъ критеріемъ должнаго коэффиціентъ полезнаго дѣйствія имѣющейся въ нашемъ распоряженіи природной и

человѣческой энергіи. Существуютъ цѣнности — главнымъ образомъ этическаго и эстетическаго порядка,—для достиженія которыхъ человѣчество не можетъ и не должно считаться ни съ какими коэффиціентами.—Р. Ст.

IX.

— Henri Lichtenberger. Das moderne Deutschland und seine Entwickelung. Дрезденъ, 1908.

Книга французскаго философа о современной Германіи написана была сначала, для парижской „Библіотеки научной философіи“, на французскомъ языкѣ („L' Allemagne moderne; son évolution“, Парижъ, 1907) и затѣмъ переведена, при содѣйствіи автора, на нѣмецкій языкъ. Авторъ, такимъ образомъ, имѣлъ въ виду не нѣмецкаго читателя, а „иностранца“. Это дѣлаетъ сочиненіе Лихтенберже особенно интереснымъ для русскаго читателя.

Лихтенберже хорошо знакомъ съ описываемой имъ страной. Его сочиненія о Генрихѣ Гейне, Рихардѣ Вагнерѣ и Фридрихѣ Ницше оказались интересными не только для французовъ, но и для нѣмцевъ. Неудивительно, что онъ хорошо справился и съ новой своей задачей—дать картину развитія современной Германіи. Сочиненіе его распадается на четыре книги. Первая посвящена экономическому развитію Германіи. Широкими штрихами рисуетъ онъ здѣсь расцвѣтъ германскаго народнаго хозяйства, преобразованіе страны изъ сельскохозяйственной въ индустріальную и вліяніе этого процесса на соціальныя группировки. Нѣкоторыя данныя, приводимыя имъ въ этой книгѣ, не совсѣмъ точны, но въ общемъ характеристика отличается правильностью, удачнымъ подборомъ фактовъ и объективностью. Во второй книгѣ авторъ останавливается на развитіи политическомъ. Разрозненность и раздробленность въ началѣ XIX-го столѣтія и послѣдовавшее потомъ движеніе, приведшее къ объединенію и созданію мощной имперіи, изображены очень живо и безъ удручающаго балласта именъ и лишнихъ цифровыхъ датъ. Недурно охарактеризованы политическія партіи и ихъ отношеніе къ различнымъ насущнымъ проблемамъ. Затѣмъ слѣдуетъ картина развитія религіозныхъ и философскихъ воззрѣній. Авторъ обстоятельно излагаетъ роль церквей католической и протестантской, ихъ значеніе для духовной и общественной жизни страны, а потомъ бѣгло характеризуетъ главнѣйшія философскія теченія: матеріализмъ, позитивизмъ, пессимизмъ, натурализмъ и т. д. Въ заключительной книгѣ дается, наконецъ, представленіе о художественномъ творчествѣ Германіи. Во всѣхъ отдѣлахъ

своего сочиненія Лихтенберже старается отмѣтить одну изъ главнѣйшихъ чертъ нѣмецкаго развитія: отсутствіе радикальныхъ рѣшеній. Германія ввела демократію, но сохранила монархію; развила интенсивнѣйшую классовую борьбу, но создала цѣлый рядъ образцовыхъ соціальныхъ институтовъ; религіозная война ведется съ неослабной энергіей, но враждующія церкви не стремятся къ уничтоженію противника. Такія же примирительныя или синтетическія тенденціи можно отмѣтить и въ другихъ областяхъ. Отношеніе автора къ описываемой имъ странѣ можетъ быть названо любовнымъ. Онъ преисполненъ чувствомъ уваженія и удивленія передъ народомъ, съумѣвшимъ поднять свою страну на ту высоту, на которой она теперь находится, и цѣнитъ по достоинству его предпріимчивость, трудоспособность, выдержку и дисциплину.—Р. Ст.

Въ теченіе ноября мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абамелекъ-Лазаревъ, князь, членъ горнаго совѣта.—Нужно ли вводить въ Россіи горную свободу, отмѣненную въ Германіи. Спб. 1909 г.

Ардашевъ, П. Н., проф. — Разборъ книги А. Ону: „Выборы 1789 года во Франціи". Спб., 1909 г. Цѣна 40 коп.

Бородаевскій, Валеріанъ. Съ предисловіемъ Вячеслава Иванова. Спб., 1910 г. Цѣна 85 коп.

Брюсовъ, Валерій. — Огненный ангелъ. Повѣсть въ 16-ти главахъ. Изд. 2. Москва, 1909 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Бурнакинъ, Анатолій.—Трагическія антитезы. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Ванъ-Лербергъ, Шарль.—Маленькія драмы. Пер. С. А. Полякова. Москва, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Вязигинъ, А. С.—„Гололобовскій инцидентъ". Харьковъ, 1909 г.

Гамбаровъ, Ю. С.—Свобода и ея гарантіи. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Г—кенъ, А.—Бетховенъ. Часть II. Личность. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Гензель, П.—Новѣйшія теченія въ коммунальномъ обложеніи на Западѣ. Москва, 1909 г. Цѣна 2 р.

Гессенъ, В. М.—Подданство, его установленіе и прекращеніе. Спб., 1909 г. Цѣна 3 р.

Гогель, С. К.—Курсъ уголовной политики въ связи съ уголовной соціологіей. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Горькій, М., и *Мейеръ*, В.—Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи 15/28 декабря 1908 г. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р.

Гриммъ, Э. — Политическія воззрѣнія Ипполита Тэна. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Гудзь, И. К. — Земскіе дѣятели Тверской губ. Вып. I. П. А. Корсаковъ. Тверь, 1909 г. Цѣна 40 коп.

Джемсъ, В.—Прагматизмъ. Библіотека современной философіи. Выпускъ I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Діонео.—Рефлексы дѣйствительности. Литературныя характеристики. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Доливо-Добровольскіе, В. А. и А. Г. — Руководство къ ручному ткачеству и производству ковровъ. Спб., 1909 г. Цѣна 60 коп.

Ивановъ-Разумникъ. — Литература и общественность. Сборникъ статей. I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

——— Что такое махаевщина. Кающіеся разночинцы. 2-ое изд. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Каптеревъ, Н. Ѳ., проф.—Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ I. Сергіевъ посадъ, 1909 г. Цѣна 3 р.

Карповъ, Пименъ.—Говоръ Зорь. Страницы о народѣ и „интеллигенціи". Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Ковалевскій, Максимъ.—Соціологія. Томъ I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Кореневскій, П. И. — Крестьянскій „Генрихъ Блокъ". Спб., 1909 г. Цѣна 15 коп.

Корниловъ, А. А. — Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда (1859—1909). Общій очеркъ, составленный по порученію комитета Литературнаго Фонда. Спб., 1909 г. Цѣна 50 коп.

Левитскій, В. Ф., проф., и *Анцыферовъ*, А. Н., проф.—Памяти Александра Ивановича Чупрова. Харьковъ, 1909 г.

Мсеріанцъ, Л. З.—Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока. Спб., 1909 г.

Нивинъ. — Поэтическія фантазіи и стихотворенія. Одесса, 1909 г. Цѣна 75 коп.

Николаева, М.—Сказка про трехъ мужиковъ и бабу вѣдунью. Спб., 1909 г. Цѣна 15 коп.

Оствальдъ Ж. Клодъ-Ва.—Электричество и его примѣненія въ общедоступномъ изложеніи. Пер. Т. П. Кравецъ. Редакція и обработка А. А. Эйхенвальда. Вып. 2—3. Москва, 1910 г. Цѣна по подпискѣ за 5 вып. 5 руб.

Пекарскій, В. Ф.—О кооперации. Спб., 1910 г. Цѣна 25 коп.

Пфлейдереръ, О. — Возникновеніе христіанства. Пер. Г. Ѳ. Львовича. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Руммель, В.—Докладъ о морской перевозкѣ донецкаго каменнаго угля въ порты Бѣлаго моря. Подъ ред. П. П. Регира. Спб., 1909 г.

Сементковскій, Р. И.—Современная Россія. Записки японца. Спб., 1909 г. Цѣна 75 коп.

Тайновъ, И. Г.—Золотое обращеніе и центральные банки главнѣйшихъ государствъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тизенко, П.—Эмиграціонный вопросъ въ Россіи. Либава, 1910 г.

Фидель.—Новая книга о Чеховѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Хатунскій, Сергѣй.—Около волости. Москва, 1910 г. Цѣна 85 коп.

Хиченсъ, Робертъ.—Чары Египта въ его памятникахъ. Пер. съ англ. кн. А. Оболенской. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Хрѣновъ, К. А.—Скромные таланты. Изъ знакомства и переписки. Москва, 1910 г. Цѣна 10 коп.

Хэрнъ Лафкадіо.—Въ кругѣ Тэнгу-сама. Отрывокъ. Пер. съ англ. А. Попова. Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

Шикуцъ, Ф. И. — Дневникъ солдата въ русско-японскую войну. Въ двухъ частяхъ. Подъ ред. В. И. Пржевалинскаго. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Шурцъ, Г. Исторія первобытной культуры. Пер. Э. Пименовой и М. Негрескулъ. Спб., 1910 г. Цѣна въ англійскомъ картонажѣ 3 р. 60 коп.

— Альманахи издательства „Шиповникъ". Книга XI. Спб., 1910 г. Цѣна 1 рубль.

— Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. II. Вып. 2. Статьи А. Г. Горнфельда, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, В. И. Харціева и Б. А. Лезина. Спб., 1910 г. Цѣна 1 руб.

— Врачебная хроника Харьковской губ. Годъ тринадцатый. 1909 г. № 10.

— Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 14-ый. Кіевъ, 1909 г.

— Законопроектъ о сборахъ съ грузовъ въ пользу городовъ. Харьковъ, 1909 г.

— Значеніе ипподромныхъ состязаній для коннозаводства Россіи. Спб., 1909 г.

— Извѣстія общества страховыхъ знаній. Выпускъ I. Спб., 1909 г.

— Отчетъ о дѣятельности Спб. центральнаго сельско-хозяйственнаго общества съ 20 мая 1907 г. по 1 ноября 1908 г. Спб., 1909 г.

— Пошана. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. XVIII. Изданъ въ честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьковъ, 1909 г.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1907 годъ. Херсонъ, 1909 г.

— Статистика на търговията на Царство България съ чуждитѣ държави прѣзъ 1908 година. София, 1909 г. Цѣна 8 лева.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1909 г.

Итоги петербургскихъ городскихъ выборовъ. — Стародумцы о своихъ противникахъ и о себѣ.—Какъ русская дѣйствительность создаетъ „надежнѣйшій оплотъ государственности и культуры". — Два запроса въ Государственной Думѣ. — Кому нужна неприкосновенность личности?—Дуэль А. И. Гучкова съ гр. А. А. Уваровымъ.

Цифровые итоги выборовъ гласныхъ петербургской городской думы на шестилѣтіе 1910—1915 гг. представляются въ слѣдующемъ видѣ. По первому разряду рѣшительная побѣда осталась на сторонѣ стародумцевъ: изъ 27 гласныхъ этого разряда по ихъ списку прошло 25, а по списку партіи обновленія — 2. Но во второмъ разрядѣ стародумцы потерпѣли пораженіе: изъ 54 гласныхъ второго разряда они провели только 11, тогда какъ обновленцы—43. Такимъ образомъ, въ предстоящемъ январѣ въ думу вступятъ 36 гласныхъ, объявлявшихъ

себя на выборахъ стародумцами, и 45 гласныхъ, имена которыхъ были предложены подъ флагомъ обновленія.

Съ общественной точки зрѣнія, если учитывать особенности избирательнаго закона—высокій цензъ и, главное, выдѣленіе перворазрядныхъ избирателей,—результатъ нельзя не признать благопріятнымъ. Въ отношеніи же практическомъ, приходится съ грустью констатировать, что въ пріемахъ веденія городскихъ дѣлъ мало что измѣнится. Скорѣе можно предполагать, что все останется по старому. Избирательный законъ для Петербурга во многомъ существенно отличенъ отъ общихъ началъ избранія городскихъ гласныхъ. Между прочимъ, онъ отличенъ и въ томъ отношеніи, что каждые три года переизбирается лишь половина состава гласныхъ. И потому перевѣсъ на 9 новыхъ гласныхъ въ пользу тѣхъ изъ выдвигавшихъ свою кандидатуру, которые обѣщали не примыкать къ главенствующему въ думѣ большинству, нанесъ этому большинству весьма мало чувствительный ударъ. Среди половины гласныхъ, избранныхъ въ 1906 г., должно считать не менѣе 60 чел. стародумцевъ и не болѣе 20, числящихся въ рядахъ оппозиціи. Слѣдовательно, глазуновцы будутъ располагать, всетаки, большинствомъ почти въ 100 голосовъ противъ 60—65 голосовъ оппозиціи.

Но это еще не все то, что наводитъ на неутѣшительныя мысли. Думское большинство, цѣпко связанное системой „кормленія", представляетъ компактную массу, весьма рѣдко теряющую своихъ сочленовъ. Думское же меньшинство, какъ засвидѣтельствовалъ печальный и давній опытъ, обладаетъ способностью поразительно быстро таять послѣ выборовъ. Въ январѣ 1904 г. оппозиція тоже располагала въ петербургской думѣ 60—70 голосами. Затѣмъ, уже съ февраля началось бѣгство и не прекращалось въ теченіе всего трехлѣтія. Не будемъ называть фамилій, но скажемъ, что намъ стыдно даже вспомнить, за кого осенью 1903 г. рекомендовалось прогрессивнымъ избирателямъ подавать голоса, какъ за стойкихъ лицъ, брезгливо относящихся къ подачкамъ и ко всѣмъ прочимъ благамъ, связаннымъ съ принадлежностью къ большинству. Конечно, такіе перебѣжчики были единицами. Но покидали ряды оппозиціи не одни они. Большинство, сила, всегда къ себѣ притягиваетъ. Быть въ большинствѣ—и проще, и легче, и удобнѣе. Людямъ пассивнымъ естественно кажется, что быть въ оппозиціи—безцѣльно и безполезно. И они всегда найдутъ тысячи успокоивающихъ совѣсть софизмовъ. А для людей активныхъ, но не особенно разборчивыхъ, найти софизмы еще легче, ибо они имъ нужны не для успокоенія себя, а для оправданія передъ другими. На одномъ изъ послѣднихъ предвыборныхъ собраній бывшій крайній лѣвый думскій гласный, особенно прославившійся дѣятель-

ностью въ составѣ большинства, объяснялъ свое бѣгство изъ оппозиціи тѣмъ, что „усталъ“ бороться и почувствовалъ потребность „творить“. Каково было его „творчество“—можно судить по тому, что и большинство недолго было согласно пользоваться его „творческими“ услугами. Большинство скоро отняло отъ него „творческую“ должность и присвоенный ей окладъ.

Съ другой стороны, просматривая списокъ новыхъ гласныхъ изъ обновленцевъ, нельзя не видѣть, что онъ по составу представляется весьма и весьма пестрымъ. Тутъ есть и такіе гласные, прогрессивность которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна,—и такіе, принадлежность которыхъ къ реакціи почти что несомнѣнна. Тутъ есть немало именъ, включеніе которыхъ было очевидной уступкой, компромиссомъ. Словомъ, людей, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ единствомъ общихъ воззрѣній, послано теперь въ городскую думу гораздо меньше, чѣмъ говорятъ цифры списка: не болѣе 20. И къ нимъ изъ гласныхъ избранія 1906 г. должно присчитывать тоже не 20, а всего 10. Только эти 30 человѣкъ будутъ составлять дѣйствительную оппозицію. А остальные, если даже не найдется ни одного перебѣжчика, явятъ собою оппозицію по отношенію къ интимнаго свойства дѣламъ большинства и будутъ голосовать съ нимъ вмѣстѣ въ томъ другомъ, что не менѣе раздачи платныхъ мѣстъ характеризуетъ стародумцевъ. Это другое—трепетно-послушное отношеніе къ „видамъ правительства“, къ начальству и къ всевозможнымъ вѣяніямъ изъ правящихъ „сферъ“. Правительство видимо уже отказалось отъ той оцѣнки дѣятельности большинства петербургской городской думы, которая нѣсколько мѣсяцевъ назадъ давалась на страницахъ оффиціозной печати. Правда, вопросъ объ экспропріаціи изъ компетенціи органовъ петербургскаго самоуправленія устройства канализаціи и переустройства водоснабженія съ очереди не снятъ: напротивъ, законопроектъ уже внесенъ въ законодательныя учрежденія. Но вѣдомства, какъ избиратели перваго разряда,—гдѣ каждый голосъ на счету, — всѣ безъ исключенія вотировали, черезъ своихъ представителей, за стародумскій списокъ. И чуткіе къ министерскому камертону оппозиціонеры изъ нововременцевъ, конечно, будутъ съ этимъ считаться.

Поводовъ для раскола среди оппозиціи въ городской думѣ ждать не придется. Какъ-ни-какъ, но дума вынуждена будетъ отозваться на готовящуюся экспропріацію, ибо проектъ слишкомъ ужъ бьетъ по основамъ самоуправленія. Не вдаваясь сейчасъ въ разсмотрѣніе проекта, приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ явно инспирированной статьи „Новаго Времени“ отъ 18-го ноября. Наиболѣе важныя положенія проекта, по словамъ анонимнаго автора, заключаются въ слѣдующемъ. „Сооруженіе канализаціи и переустройство водоснабженія

производятся непосредственнымъ распоряженіемъ правительства, при участіи петербургскаго городского общественнаго управленія, для чего въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ образуется спеціальный органъ — особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго Высочайшею властью, изъ представителей отъ вѣдомствъ, четырехъ членовъ, избираемыхъ городскою думою, и одного члена, избираемаго петербургскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, а также четырехъ лицъ по особому Высочайшему назначенію". „Количественному—читаемъ мы дальше—соотношенію членовъ, назначаемыхъ съ одной стороны и избираемыхъ съ другой, проектъ не придаетъ значенія, такъ какъ хотя въ коммиссіи вопросы рѣшаются по большинству голосовъ, но всѣ постановленія ея требуютъ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ, причемъ послѣднему предоставляется, послѣ двукратнаго разсмотрѣнія дѣла, утвердить любое изъ заявленныхъ въ коммиссіи мнѣній". „Размѣръ строительнаго капитала опредѣляется въ 100 мил. руб., изъ нихъ 40 милліоновъ на переустройство водоснабженія, а 60 мил. руб. на сооруженіе канализаціи. Въ этой суммѣ проектъ предоставляетъ правительству выпустить особый заемъ *отъ имени и за отвѣтственностью города.* Платежи по этому займу вносятся въ городскія смѣты обязательнымъ расходомъ".

Очевидно, что даже думскому большинству нелегко будетъ молча подчиниться такому посягательству на неотъемлемыя, казалось бы, права города. Безропотно отдавать деньги, хотя бы въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, и самые черносотенные купцы не любятъ. Но столь же очевидно, что записавшіе себя въ оппозицію сотрудники и читатели „Новаго Времени", состоящіе въ рангахъ всевозможныхъ совѣтниковъ, иначе взглянутъ на свою задачу. Услужливая газета уже подсказываетъ, какой точки зрѣнія имъ слѣдуетъ держаться. „Само собою понятно — разсуждаетъ тотъ же анонимъ,—что рѣшеніе всѣхъ сложныхъ хозяйственныхъ и техническихъ дѣлъ не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ случайнаго большинства безотвѣтственной коллегіи. Необходимость установить единство направленія дѣла требуетъ предоставленія рѣшенія единоличной, отвѣтственной (?) власти, какой является министръ внутреннихъ дѣлъ". И далѣе:—„Нельзя не привѣтствовать рѣшимость правительства въ столь насущномъ вопросѣ, какъ оздоровленіе Петербурга, перейти отъ словъ къ живому дѣлу, ожидающему болѣе сорока лѣтъ своего разрѣшенія. Несомнѣнно, принятіе законодательными учрежденіями министерскаго проекта обезпечивало бы не только самое осуществленіе столь необходимыхъ предпріятій, но и быстроту, правильность и дешевизну ихъ выполненія. Въ то же время и городское управленіе не было бы устранено отъ необходимаго и полезнаго *участія* въ

этомъ дѣлѣ, такъ какъ проектируемый спеціальный органъ *есть не болѣе какъ форма совмѣстной дѣятельности правительства и городской думы*, безъ чего, какъ доказалъ опытъ (вѣроятно комитетовъ по дѣламъ земскаго хозяйства!), нельзя достигнуть положительныхъ результатовъ въ столь настоятельныхъ мѣрахъ".

Выборы по второму разряду прошли при непосредственномъ и энергичномъ участіи обывательскихъ обществъ. Только въ трехъ частяхъ города изъ двѣнадцати не выбранъ никто изъ кандидатовъ, выставленныхъ мѣстными обществами. Въ остальныхъ — кандидаты обывателей или прошли всѣ поголовно, или въ значительномъ числѣ. Общества сыграли крупную роль и въ томъ отношеніи, что выборная борьба была вынесена на широкій, гласный судъ общественнаго мнѣнія. Даже стародумцы отказались отъ обычной тайны упрашиваній, переговоровъ и визитовъ. Нѣсколько дней кряду „Новое Время" печатало въ отдѣлѣ объявленій ихъ избирательное воззваніе. Это воззваніе стоитъ того, чтобы на немъ остановиться.

„Время выборовъ — время сведенія личныхъ и партійныхъ счетовъ меньшинства съ господствующимъ большинствомъ". Такъ начинали стародумцы. Далѣе слѣдовала не менѣе примѣчательная фраза: „Заманчивая цѣль — занять мѣсто противника, по этикѣ меньшинства, оправдываетъ самые сомнительные пріемы борьбы, вплоть до искаженія фактовъ и инсинуаціи по адресу противника". Едва ли можно, желая нанести ударъ противнику, сильнѣе ударить по себѣ. Изъ сдѣланной стародумцами характеристики времени выборовъ и для малолѣтняго очевидно, что сами они ничего другого не видятъ и не понимаютъ въ выборахъ, кромѣ сведенія личныхъ и партійныхъ счетовъ. И весь дальнѣйшій текстъ воззванія служитъ развитіемъ тезиса, заключеннаго въ вступительныхъ словахъ. Оправдываясь противъ упрека, касающагося неудовлетворительнаго состоянія водоснабженія, „члены стародумской партіи", какъ они сами себя именуютъ, ограничиваются кивкомъ по адресу городского головы, Н. А. Рѣзцова. Говоря о холерѣ, они опять повторяютъ тотъ же кивокъ и забронировываютъ себя отъ обвиненій слѣдующимъ любопытнымъ, по откровенности, заявленіемъ: „съ самаго появленія эпидеміи дума ассигновала въ распоряженіе городского головы, какъ первоизбранника столицы, неограниченный кредитъ для организаціи борьбы съ эпидеміей. Всѣ представленія городского головы о необходимыхъ мѣрахъ были думою удовлетворены". Обвиненія въ томъ, что въ основу образованія исполнительныхъ органовъ они положили систему кормленія, стародумцы не парировали вовсе. Напротивъ, они краснорѣчиво подтвердили справедливость обвиненія цѣлымъ рядомъ намековъ на то, что ихъ противниковъ — людей, по выраженію воззванія, „громкой

фразы и скромной работоспособности"—манитъ въ думу „возможность распоряжаться городскими средствами". Единственный въ печати защитникъ и интерпретаторъ вожделѣній думскаго большинства, г. Меньшиковъ изъ „Новаго Времени", такъ прямо и заявилъ о кандидатахъ партіи обновленія: „подбираются къ сундуку". Для г. Меньшикова и для стародумцевъ „сундукъ" въ городскихъ дѣлахъ есть все. Они не могутъ допустить, чтобы въ стремленіи войти въ составъ гласныхъ городской думы была другая „заманчивая" цѣль, кромѣ „сундучной".

Вся петербургская печать съ рѣдкимъ единодушіемъ привѣтствовала если не побѣду обновленцевъ, то провалъ стародумцевъ на выборахъ 16 ноября. Не составилъ исключенія и органъ, въ которомъ работаетъ г. Меньшиковъ. „Новое Время" (№ 12101) писало: „Въ общемъ результаты выборовъ самые краснорѣчивые, въ смыслѣ отвѣта на безшабашное хозяйство стародумцевъ. Сегодняшнимъ голосованіемъ избиратели отвѣтили, что нельзя безнаказанно расхищать достояніе города, заниматься панамами подъ видомъ общественной дѣятельности, нельзя разводить эпидеміи и отправлять тысячи людей на тотъ свѣтъ. Партія холерниковъ получила сегодня хорошій урокъ"...

Яркая иллюстрація, въ видѣ коллективнаго письма членовъ Государственной Думы отъ нижегородской губерніи на имя товарища министра внутреннихъ дѣлъ, г. Лыкошина, вынуждаетъ насъ вернуться къ бесѣдѣ П. А. Столыпина съ редакторомъ газеты „Волга". Письмо иллюстрируетъ ту часть бесѣды, которой мы въ прошломъ мѣсяцѣ не касались. Напомнимъ слова предсѣдателя совѣта министровъ. „Я полагаю — говорилъ онъ, — что, прежде всего, надлежитъ создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкаго землевладѣльца, и когда эта задача будетъ осуществлена — гражданственность сама воцарится на Руси. *Сперва гражданинъ, а потомъ гражданственность.* А у насъ обыкновенно проповѣдуютъ на оборотъ. Эта великая задача наша—созданіе крѣпкаго единоличнаго собственника, надежнѣйшаго оплота государственности и культуры—неуклонно проводится правительствомъ".

Но какъ, какими средствами и способами „неуклонно" проводится „великая" задача—П. А. Столыпинъ не пояснилъ. Это пояснили нижегородскіе депутаты. Изъ ихъ письма узнаемъ, что въ васильсурскомъ уѣздѣ, нижегородской губерніи, непремѣнный членъ землеустроительной коммиссіи, г. Копыловъ, „въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне почему-либо не желаютъ выходить на отрубные участки, входитъ съ представленіемъ къ нижегородскому губернатору о примѣненіи къ нимъ наказанія въ административномъ порядкѣ, по положенію объ

усиленной охранѣ“. И губернаторъ широко примѣняетъ карательныя мѣры, „подъ видомъ наказанія за противодѣйствіе къ проведенію въ жизнь закона 9 ноября“. Далѣе приведены имена крестьянъ, посаженныхъ въ тюрьму за нежеланіе стать „надежнѣйшимъ оплотомъ государственности и культуры“, и перечень заключенъ словами: „указанными лицами далеко не исчерпывается списокъ крестьянъ, по отношенію къ которымъ имѣли мѣсто административныя карательныя мѣры“. Преступленіе крестьянина Ялымова — пишутъ депутаты — „заключалось въ томъ, что *по просьбѣ* своихъ односельчанъ онъ *наводилъ справки* въ губернскомъ присутствіи о порядкѣ обжалованія разверсточныхъ приговоровъ, и этотъ порядокъ обжалованія сообщилъ въ открытомъ письмѣ своимъ односельчанамъ“.

Сперва ли гражданинъ, а потомъ гражданственность, или обратно: сперва гражданственность, а потомъ гражданинъ? Кое-гдѣ въ печати вопросъ, поставленный П. А. Столыпинымъ и съ недопускающей сомнѣній авторитетностью имъ разрѣшенный, вызвалъ ироническое напоминаніе анекдота-загадки о курицѣ и яйцѣ. Но, въ сущности, это вопросъ далеко не праздный. Болѣе того: едва ли будетъ ошибкою сказать, что къ нему сводится вся современная политика правительства и тѣхъ общественныхъ группъ, которыя ежедневно на всѣ лады трактуютъ о государственности. Идея государственности явилась у насъ въ противовѣсъ идеѣ законности и долго оставалась безъ опредѣленнаго содержанія. Теперь она постепенно воспринимаетъ „исконныя“ начала: православіе, самодержавіе и народность. Государственная польза противопоставляется идеѣ законности уже не какъ равноцѣнное равноцѣнному, а какъ поглощающее поглощаемому. Правительство и реакціонные круги усвоили тѣ самыя отправныя положенія, которыхъ держались въ дни революціи крайніе лѣвые элементы. На митингахъ въ то время съ полной откровенностью указывалось и доказывалось, что есть законы и законы. Ораторы вспоминали о законѣ только тогда, когда это было для нихъ удобно. Они брали изъ закона то, что было имъ нужно, а что не соотвѣтствовало ихъ желаніямъ—объявляли утратившимъ силу „явочнымъ порядкомъ“. Правящая власть, конечно, не можетъ дѣйствовать и разсуждать съ откровенностью митинговыхъ ораторовъ или ораторовъ думскихъ типа гг. Пуришкевича, Маркова и друг. Она не можетъ, само собою разумѣется, оправдывать свои дѣйствія и возрѣнія во всемъ и всегда тѣми „боевыми“ соображеніями, которыми оправдывала военно-полевые суды и смертныя казни. Ей необходимы формулы. Она ихъ ищетъ. И въ лозунгѣ: „сперва гражданинъ, а потомъ гражданственность“ она нашла то, что имѣетъ какъ будто внутреннюю логичность и во что можно вкладывать какія угодно „охранныя“ мѣры.

Гражданинъ есть человѣкъ, проникнутый правосознаніемъ. Гражданственность есть совокупность внѣ гражданина лежащихъ условій, опредѣляющихъ его права и обезпечивающихъ развитіе въ немъ правосознанія. Понятіе: гражданинъ предполагаетъ ту степень правосознанія въ человѣкѣ, на которой онъ одинаково разумѣетъ какъ свои права, такъ и свои государственно-общественныя обязанности. И когда про конкретнаго человѣка говорятъ, что онъ гражданинъ, то этимъ подчеркивается именно его способность понимать гражданскій долгъ, поскольку долгъ вводитъ въ ограничительныя рамки его свободу. Гражданственность тоже включаетъ въ себя условія двоякаго рода. Но первое, что опредѣляетъ понятіе гражданственности—это тѣ условія, которыя устанавливаютъ гражданскую свободу или, сказать иначе, тѣ, которыя вводятъ въ правовыя границы способы и формы воздѣйствія на гражданъ органовъ власти. Въ государствѣ всегда были и будутъ управляемые и управляющіе. И если государству, какъ цѣлому, необходимы граждане, то населенію, какъ совокупности живыхъ людей, необходима гражданственность. Ясно отсюда, насколько заманчива для управляющихъ формула: „сперва гражданинъ, а потомъ гражданственность". Но ясно также, насколько для управляемыхъ велико значеніе формулы обратной.

На той позиціи, впрочемъ, на которой въ настоящій моментъ все болѣе и болѣе укрѣпляется реакція, а вслѣдъ за нею министерство П. А. Столыпина, безполезно вести отвлеченный идейный споръ. Если споръ возможенъ, то только на почвѣ цѣлесообразности того или другого отвѣта. Въ отличіе отъ крайнихъ правыхъ, П. А. Столыпинъ не отвергаетъ гражданственности. Онъ только утверждаетъ, что „гражданственность сама воцарится на Руси", послѣ того какъ будетъ „созданъ" гражданинъ. Въ словѣ „созданъ", думаемъ, и коренится отвѣтъ, разрушающій утвержденіе. Совершенно вѣрно, что у насъ въ Россіи гражданина „надлежитъ создать". Въ современной русской государственной практикѣ власть имѣетъ безчисленные пути для вторженія въ глубины народной жизни, какъ въ порядкѣ законодательномъ, такъ особенно въ порядкѣ административнаго управленія. Воздѣйствіе власти на населеніе чрезвычайно велико и сильно. Допустимъ, что „созданіе крѣпкаго единоличнаго собственника" есть способъ созданія гражданина. Но мыслимо ли, чтобы создался гражданинъ изъ крестьянина, насильственно, путемъ охранныхъ каръ обращеннаго въ земледѣльца-собственника? Создавать гражданина и отрицаніемъ гражданственности развязывать себѣ руки для всевозможнаго произвола—это такой абсурдъ, о которомъ не стоитъ долго говорить. Нынче лѣтомъ, въ засѣданіи французской палаты депутатовъ намъ довелось слышать изъ устъ Клемансо слѣдующую фразу:

„Свобода нужна народу для того, чтобы народъ сталъ дисциплинированнымъ и чтобы упала необходимость мѣръ принудительнаго дисциплинированія его". Какъ не можетъ сдѣлаться гражданиномъ рабъ, т.-е. человѣкъ, остающійся въ условіяхъ рабства, такъ не можетъ имъ сдѣлаться обыватель—безправный объектъ начальственнаго произвола и политическихъ экспериментовъ.

Формула: „сперва гражданинъ—потомъ гражданственность" такъ же стара, какъ и та, на смѣну которой она явилась: „сперва успокоеніе—потомъ реформы". Наканунѣ освобожденія крестьянъ реакціонные элементы проповѣдывали однородную формулу. Они не отвергали отмѣны крѣпостного права, но только относили ее на „потомъ", требуя, чтобы „сперва" рабы научились пользоваться свободой, т.-е. обусловливали паденіе рабства тѣмъ, что заключало въ себѣ самоотрицаніе. Въ такой же мѣрѣ сама себя отрицаетъ формула П. А. Столыпина. Для рыбы необходима вода, для гражданина — гражданственность. Кого сажаютъ въ тюрьму за желаніе въ порядкѣ обжалованія отстаивать свои права, тотъ органически не можетъ сдѣлаться гражданиномъ. Въ странѣ, гдѣ усмотрѣніе и произволъ возведены въ принципъ, нѣтъ мѣста для гражданъ. Тамъ могутъ жить только безгласные и безправные обыватели, склонные при первомъ подъемѣ общественнаго настроенія кинуться въ безудержную революцію—если не дѣйствій, то мыслей, словъ, надеждъ и идеаловъ...

Невелики тѣ права, которыми обладаетъ Государственная Дума въ области надзора за закономѣрностью дѣйствій власти; невелика, говоря вообще, и энергія третьей Думы въ пользованіи этими правами. И все-таки они оказываются не вполнѣ безплодными, если н въ смыслѣ непосредственнаго предупрежденія беззаконій, то въ смыслѣ ихъ раскрытія и осужденія, затрудняющаго ихъ повтореніе и дальнѣйшее развитіе. Яркимъ доказательствомъ этому служитъ судьба двухъ недавнихъ запросовъ: о стѣсненіяхъ, парализующихъ дѣятельность профессіональныхъ союзовъ, и о неправильной сдачѣ участковъ нефтеносной земли.

Первому изъ этихъ запросовъ все предвѣщало, по видимому, полнѣйшую неудачу. Внесенъ онъ былъ соціалъ-демократической фракціей, противъ которой враждебно настроено значительное большинство Думы. Противъ него выступилъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ не только съ возраженіями по существу, но, говоря языкомъ судебнымъ, и съ формальнымъ отводомъ. Въ запросѣ шла рѣчь о постановленіяхъ коллегіальныхъ учрежденій—губернскихъ и городскихъ по дѣламъ объ обществахъ присутствій,—по отношенію къ которымъ

администрація никакихъ прямыхъ средствъ воздѣйствія не имѣетъ и за которыя, повидимому, отвѣчать не можетъ. Коснуться фактической стороны запроса товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ считалъ себя обязаннымъ не юридически, а только нравственно, въ видахъ возстановленія истины. На ту же почву, какъ и генералъ Курловъ, стали представители правой, пытаясь доказать, что всякое вліяніе правительства на коллегіальныя, вполнѣ самостоятельныя учрежденія было бы актомъ произвола, гибельнымъ для государства. Роли какъ будто перемѣнились: гг. Гололобовъ и Замысловскій явились защитниками законности, забытой и пренебреженной ораторами оппозиціи. Само собою разумѣется, что обнаружить настоящій смыслъ неискусно разыгранной комедіи съ переодѣваньемъ было нетрудно. Рѣчь, направленная къ этой цѣли, произвела тѣмъ большее впечатлѣніе, что исходила изъ рядовъ союза 17-го октября. Баронъ Мейендорфъ напомнилъ какъ нельзя болѣе кстати, что самостоятельность коллегіальныхъ учрежденій, внезапно поставленная во главу угла, на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ дорога высшему правительству, постоянно обращающемуся къ нимъ съ „разъяснительными“ циркулярами. Нейтралитетъ, внезапно провозглашенный съ думской каѳедры, мало вяжется съ обычною административною практикою, мало вяжется съ положеніемъ, которое занимаетъ безсмѣнный предсѣдатель всѣхъ почти смѣшанныхъ присутствій—губернаторъ. „Не изъ любезности“, значитъ, а „по обязанности“ представителемъ министерства данъ отвѣтъ на запросъ о дѣятельности присутствій, вѣдающихъ открытіе и закрытіе профессіональныхъ союзовъ. Напрасно г. Пуришкевичъ старался удержать за администраціей поле битвы, напрасно онъ восклицалъ, съ свойственнымъ ему изяществомъ, что запросъ „не стоитъ выѣденнаго яйца“, не имѣетъ подъ собой никакихъ данныхъ, представляетъ собою „только желаніе лишній разъ воспользоваться думской трибуной съ цѣлью митинга“. Большинство Думы отклонило опредѣленныя, рѣшительно звучавшія формулы оппозиціонныхъ группъ—но когда дошла очередь до болѣе скромной октябристской формулы, она была принята 120 голосами (противъ 106), т.-е. соединенными силами оппозиціи и союза 17-го октября, разошедшагося, на этотъ разъ, съ своими правыми друзьями—націоналистами. „Находя“ — гласитъ эта формула, — „что неустойчивая практика мѣстныхъ по дѣламъ объ обществахъ присутствій подрываетъ довѣріе къ этимъ учрежденіямъ, затрудняя россійскимъ подданнымъ осуществленіе законнаго права образовывать союзы и общества въ цѣляхъ, не противныхъ закону, Государственная Дума выражаетъ пожеланіе, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ принялъ зависящія мѣры для исполненія подлежащими учрежденіими временныхъ правилъ 4-го марта 1906-го года“.

Чтобы оцѣнить важность этого рѣшенія, нужно припомнить сущность тѣхъ объясненій товарища министра внутреннихъ дѣлъ, которыми онъ оправдывалъ практику мѣстныхъ присутствій по дѣламъ о профессіональныхъ союзахъ. Основываясь, большею частью, на заявленіяхъ нелегальной печати, онъ проводилъ мысль, что профессіональные союзы, состоящіе, въ большинствѣ, изъ членовъ крайнихъ лѣвыхъ партій, превращаются, мало-по-малу, въ противозаконныя сообщества. „Если правительство — такъ закончилъ свою рѣчь генералъ Курловъ — не приметъ своевременно мѣръ, на которыя оно по закону уполномочено, мы встрѣтимся сначала съ политической забастовкой, а потомъ, быть можетъ, и съ вооруженнымъ возстаніемъ". Итакъ, первая опасность—присутствіе въ профессіональныхъ союзахъ значительнаго числа революціонно настроенныхъ людей. Въ 36 обществахъ, напримѣръ, въ 1907 г. было 47.963 члена, изъ нихъ 16.045 соціалъ-демократовъ; въ 1909 г.—27.619 членовъ, изъ нихъ 13.475 соціалъ-демократовъ. Эти цифры очень знаменательны, но не въ томъ смыслѣ, какой даетъ имъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Уменьшеніе общаго числа членовъ указываетъ на серьезность стѣсненій, претерпѣваемыхъ профессіональными союзами; увеличеніе— относительное (съ $33^1/_2$ до $48^3/_4$ %)—числа соціалъ-демократовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что эти стѣсненія не достигаютъ своей цѣли. Ни для кого не тайна, что соціалъ-демократическихъ взглядовъ держатся многіе, очень многіе русскіе рабочіе; но развѣ это достаточная причина для ограниченія ихъ гражданскихъ и политическихъ правъ? Развѣ въ государствѣ, вступившемъ, какъ-ни-какъ, на путь конституціоннаго обновленія, можно отказывать кому бы то ни было въ свободѣ имѣть и исповѣдывать какія угодно мнѣнія? Соціалъ-демократическія ученія привились и широко распространились на русской почвѣ въ эпоху наибольшаго полицейскаго гнета; не ясно ли, что ихъ нельзя искоренить мѣрами „предупрежденія и пресѣченія"? Неужели рабочій-соціалистъ меньше, чѣмъ другіе, нуждается въ помощи и защитѣ, которую даетъ профессіональный союзъ?... Съ преобладаніемъ соціалъ-демократовъ во многихъ союзахъ слѣдуетъ примириться, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ и нормальнымъ. Само по себѣ оно вовсе не равносильно переходу союза въ противозаконное сообщество. Такой переходъ не можетъ быть предполагаемъ: онъ долженъ быть съ точностью удостовѣренъ — и единственнымъ законнымъ его послѣдствіемъ можетъ быть привлеченіе виновныхъ къ уголовному суду, а отнюдь не закрытіе союза, одинаково тяжело отзывающееся на всѣхъ его членахъ. Все это — если не прямо, то косвенно — признаетъ думская формула, становясь на защиту законнаго права, принадлежащаго русскимъ гражданамъ. Оговорка: „въ

цѣляхъ, не противныхъ закону", не уничтожаетъ значеніе формулы. Цѣлью союза должна считаться та, которая намѣчена его учредителями—пока не будетъ доказано противное.

Менѣе важенъ, повидимому, предметъ другого запроса, но отнюдь не менѣе важно отношеніе къ нему Государственной Думы. Почти единогласно Дума признала незакономѣрными—дѣйствія, неудовлетворительными — объясненія бывшаго министра торговли и промышленности относительно сдачи разнымъ лицамъ участковъ нефтеносной земли. Уже въ первомъ засѣданіи предсѣдатель Думы подчеркнулъ безтактность ссылки на то, что не должно входить въ область парламентскихъ преній. Когда депутатъ Дмитрюковъ, возражая министру, хотѣлъ, подобно ему, коснуться значенія, которое имѣетъ монаршая власть въ монархическихъ государствахъ, Н. А. Хомяковъ остановилъ его словами: „прошу этого вопроса не касаться; остановить министра—я не имѣлъ права, а васъ—обязанъ". Въ слѣдующемъ засѣданіи рамки преній не были раздвинуты дальше нормальныхъ предѣловъ, но это не помѣшало широкому и яркому освѣщенію дѣла. Депутатъ Дмитрюковъ (октябристъ) закончилъ свою сильную и твердую рѣчь выраженіемъ увѣренности, что не повторится болѣе злоупотребленіе монаршею милостью. Представитель центра нашелъ неожиданную поддержку въ одномъ изъ вождей крайней правой. Графъ А. А. Бобринскій возсталъ противъ награжденія „вѣрныхъ слугъ", по представленію министра, „въ порядкѣ отступленія отъ закона". Онъ призналъ, что подобными представленіями „наносится тяжкій ударъ закону, колеблется достоинство и значеніе власти". Горячо протестуя противъ „распоряженія національнымъ добромъ по домашнему", гр. Бобринскій выразилъ надежду, что къ его протесту присоединятся всѣ партіи. И эта надежда не была напрасна: противъ вышеприведенной резолюціи подали голосъ только *три* представителя крайней правой...

Нимало не преувеличивая значеніе этихъ фактовъ, не связывая съ ними никакихъ оптимистическихъ ожиданій, мы видимъ въ нихъ признакъ неотразимаго вліянія, оказываемаго новымъ государственнымъ строемъ на теченіе русской жизни. Все то, что теперь осуждаетъ Дума, нѣсколько лѣтъ тому назадъ повторялось чуть не на каждомъ шагу, въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ, въ гораздо болѣе рѣзкихъ формахъ—и оставалось либо совершенно неизвѣстнымъ, либо недоступнымъ для критики, даже для простого оглашенія. Нужно ли объяснять, насколько этимъ облегчались и даже поощрялись всякія отступленія отъ закона? Скажемъ болѣе: далеко не для всѣхъ было ясно самое понятіе о закономѣрности или незакономѣрности. И тогда уже оно было записано въ основные законы, но не было усвоено ни

властью, ни подвластными. Законъ считался дѣйствующимъ лишь до тѣхъ поръ и лишь въ той мѣрѣ, пока и въ какой мѣрѣ не было на лицо отмѣняющихъ или измѣняющихъ его распоряженій. Теперь возможны отдѣльные случаи такого рода, но невозможно ихъ теоретическое оправданіе. Теперь есть органъ, облеченный правомъ критики — а право, при извѣстныхъ условіяхъ, становится обязанностью. Эту обязанность почувствовало даже большинство третьей Думы, почувствовали даже тѣ ея члены, которые меньше всего разорвали связь съ худшими традиціями недавняго прошлаго.

Измѣнивъ сама себѣ въ засѣданіи 18-го ноября, при голосованіи запроса о нефтеносныхъ участкахъ, крайняя правая опять стала сама собою въ засѣданіи 20-го ноября, во время преній о неприкосновенности личности. Что̀ позволилъ себѣ, при восторженной поддержкѣ своей партіи, депутатъ Марковъ 2-ой—это слишкомъ хорошо извѣстно. Предоставляя себѣ вернуться къ его рѣчи, когда законопроектъ, переданный, для пересмотра, въ особую коммиссію, вновь поступитъ въ общее собраніе Думы, мы остановимся теперь только на одномъ утвержденіи оратора. Онъ настойчиво проводилъ мысль, что законъ о неприкосновенности личности вовсе не нуженъ для народной массы, для крестьянства. Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенную выше статью ссыльнаго объ административной ссылкѣ. Они узнаютъ изъ нея, что около двухъ третей административныхъ ссыльныхъ—въ мѣстностяхъ, извѣстныхъ автору статьи — принадлежитъ къ крестьянамъ-земледѣльцамъ и къ фабричнымъ рабочимъ (т.-е., въ большинствѣ, также къ крестьянамъ). Въ Сольвычегодскѣ къ крестьянскому сословію принадлежитъ около половины ссыльныхъ, нѣсколько меньше— къ мѣщанскому. Инородцевъ между сольвычегодскими ссыльными всего 54, русскихъ—400... Прошло, очевидно, то время, когда административнымъ карамъ подвергались преимущественно или почти исключительно лица изъ среды привилегированныхъ сословій и интеллигенціи; теперь въ ихъ отмѣнѣ заинтересованы одинаково всѣ сословія, всѣ классы населенія россійской имперіи.

Въ вопросахъ чести можно держаться безконечно разнообразныхъ мнѣній. Къ дуэли можно относиться діаметрально противоположно. Но что дуэль—дѣло серьезное, и что вопросы чести требуютъ щепетильно-осторожнаго къ нимъ отношенія — въ этомъ не можетъ быть разнорѣчій. Недавно состоявшаяся парламентская дуэль между А. И. Гучковымъ и гр. Уваровымъ чуть не цѣлый мѣсяцъ была предметомъ остротъ и заслуженныхъ дуэлянтами насмѣшекъ. Уже одно это пока-

зываетъ, что она была вызвана и обставлена, по меньшей мѣрѣ, странно—чтобы не сказать болѣе.

Во-первыхъ: А. И. Гучковъ нанесъ оскорбленіе гр. Уварову *по порученію.* Въ протоколѣ секундантовъ первоначальный эпизодъ, обусловившій послѣдующую переписку и дуэль, изложенъ такъ: „26 октября въ Государственной Думѣ, взявъ двухъ свидѣтелей: А. Звегинцева и Н. Савича, А. И. Гучковъ подошелъ къ гр. Уварову и, *ссылаясь на порученіе П. А. Столыпина,* а также отъ себя лично, сдѣлалъ заявленіе, переданное въ газетахъ „Новое Время", „Голосъ Москвы" и друг. слѣдующимъ образомъ: „Все переданное вами—наглая ложь".

Во-вторыхъ: мы поняли бы графа Уварова, еслибы онъ не счелъ оскорбленіе, нанесенное ему въ такихъ условіяхъ, поводомъ для дуэли. Кто, желая оскорбленіемъ создать неизбѣжность поединка, водитъ съ собой свидѣтелей, съ тѣмъ гораздо умѣстнѣе сводить счеты въ камерѣ мирового судьи, чѣмъ у барьера. Также точно весьма сомнительно право быть вызваннымъ на дуэль того, кто оскорбляетъ за другого — не за отца, не за женщину, а за человѣка, не пожелавшаго въ дѣлѣ чести спуститься съ чиновничьяго пьедестала. Но графъ Уваровъ пожелалъ только подтвержденій. Ему показалось мало одного оскорбленія, и онъ вступилъ въ совершенно ненужную переписку съ поручителемъ и съ исполнителемъ порученія.

Въ-третьихъ: „Его высокопревосходительство" П. А. Столыпинъ, по порученію котораго гр. Уварову было нанесено оскорбленіе, отвѣтилъ на его письмо черезъ управляющаго канцеляріей. Гр. Уваровъ, послѣ этого новаго оскорбленія, обратился къ А. И. Гучкову съ просьбою оскорбить его еще разъ. Ему почему-то непремѣнно понадобилось оскорбленіе на письмѣ.

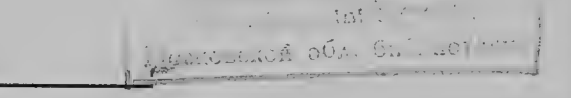
Въ-четвертыхъ: А. И. Гучковъ, исполняя эту странную просьбу, превзошелъ всѣ границы приличія: онъ послалъ гр. Уварову отвѣтъ, полный беззастѣнчивой брани.

Нельзя такъ поступать въ дѣлахъ и вопросахъ чести...

Хорошъ и журналистъ, подробно описавшій въ „Рѣчи", какъ онъ выслѣживалъ дуэлянтовъ. „17 ноября—писалъ онъ—А. И. Гучковъ и П. Н. Крупенскій явились, въ 11 часовъ утра, въ Думу и приняли участіе въ засѣданіи коммиссіи государственной обороны. Пишущаго эти строки и двухъ другихъ думскихъ журналистовъ, находившихся съ утра въ Думѣ и имѣвшихъ наготовѣ автомобиль, П. Н. Крупенскій увѣрялъ, что мы напрасно безпокоимся, такъ какъ дуэли сегодня не будетъ. Въ 1 часъ дня П. Н. Крупенскій вышелъ изъ Таврическаго дворца. На вопросъ одного изъ насъ, не отправляется ли онъ на дуэль, П. Н. Крупенскій отвѣтилъ, что онъ идетъ завтракать къ П. Н. Балашеву. Одинъ изъ журналистовъ предложилъ П. Н. Кру-

пенскому довезти его до квартиры П. Н. Балашева на автомобилѣ. П. Н. Крупенскому, чтобы не выдать себя, пришлось согласиться. „Завтракъ“ П. Н. Крупенскаго у П. Н. Балашева, проживающаго на Сергіевской ул., продолжался очень недолго. Пробывъ въ квартирѣ П. Н. Балашева 2—3 минуты, П. Н. Крупенскій вышелъ оттуда съ небольшимъ ящикомъ, въ которомъ, какъ нетрудно было догадаться, находились пистолеты. Сѣвъ на приготовленный, очевидно, заранѣе автомобиль П. Н. Балашева, П. Н. Крупенскій уѣхалъ. Мы на своемъ автомобилѣ поѣхали слѣдомъ за нимъ. П. Н. Крупенскій кружилъ по всѣмъ сосѣднимъ улицамъ, стараясь скрыться изъ виду отъ нашего автомобиля, но это ему не удалось и, прокатившись по нѣсколькимъ улицамъ, онъ выѣхалъ на Фурштадтскую, гдѣ живетъ А. И. Гучковъ, отправившійся изъ Думы пѣшкомъ черезъ нѣсколько времени послѣ ухода П. Н. Крупенскаго. Посреди улицы А. И. Гучковъ сѣлъ на автомобиль П. Н. Крупенскаго. Совершенно неожиданно автомобиль, на которомъ мы ѣхали, испортился и, пока шофферъ его исправлялъ, автомобиль А. И. Гучкова и П. Н. Крупенскаго скрылся изъ виду. Мы—съ грустью заканчиваетъ авторъ—потеряли слѣдъ автомобиля и на мѣсто поединка намъ попасть уже не удалось“.

Думаемъ, что для назойливости журналистовъ должны быть предѣлы...

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1909 году.

Хроника.

по внѣшней политикѣ.—Отношенія между Австро-Венгріей и Италіею.—Князь Бюловъ и русская политика.—Циркулярная нота по балканскому вопросу. — Рѣчь А. П. Извольскаго въ Госуд. Думѣ.—Турецкій парламентъ (стр. 386). — Февраль. — Балканскій кризисъ и австрійская политика.—Вопросъ о конституціонной роли Вильгельма II. — Императоръ предъ судомъ общественнаго мнѣнія. — Мечты о прусской избирательной реформѣ. — Французскія дѣла (стр. 875). — Мартъ. — Международныя волненія по поводу балканскихъ дѣлъ. — Большія и маленькія державы. — Турецкій парламентъ и младотурки. — Марокккское соглашеніе и германская политика.—Аграріи и мнимый „блокъ". — Опять полемика о Вильгельмѣ II (стр. 410).—Апрѣль.—Вопросъ о войнѣ и мирѣ.—Вѣнскій кабинетъ и великія державы.—Дипломатическій походъ противъ Сербіи.—Русская политика и сербскій кризисъ. — Морскія вооруженія въ Германіи и Англіи (стр. 855). — Май. — Турецкія дѣла. — Черносотенная контръ-революція и ея быстрый разгромъ.—Русскіе поклонники Абдулъ-Гамида и его евнуховъ.—Младотурецкая военная кампанія и вопросъ о перемѣнѣ царствованія.—Два султана.—Значеніе турецкихъ событій (стр. 413).—Іюнь. — Внутреннія дѣла во Франціи.—Министерство Клемансо и рабочій классъ. —Почтово-телеграфныя забастовки и синдикальныя организаціи.—Проектъ устава для чиновниковъ и ихъ союзовъ.—Соціальные законы — о пенсіяхъ для рабочихъ и о подоходномъ налогѣ. — Финансовые планы и партійные счеты въ Германіи (стр. 850). — Іюль. — Свиданія монарховъ и тревожныя заботы о мирѣ.—Особое миролюбіе Вильгельма II. — Финансовые законопроекты и канцлерскій кризисъ въ Германіи.—Нѣмецкія либеральныя партіи и соціалъ-демократія.—Русскіе депутаты въ Англіи.—Англійскія дѣла (стр. 403).—Августъ.—Перемѣна канцлера въ Германіи.—Дѣятельность князя Бюлова и личный режимъ.—Министерскій кризисъ во Франціи. — Клемансо и Делькассе.—Кабинетъ Бріана.— Франко-русскій союзъ и тосты въ Шербургѣ. — Англо-русское сближеніе и свиданіе монарховъ въ Коусѣ. — Событія въ Персіи (стр. 829). — Сентябрь.—Либеральныя партіи въ Германіи.—Соціалъ-демократія и ея отношенія къ буржуазной оппозиціи.—Практическіе совѣты Бернштейна. —Партійный судъ въ Штутгартѣ. — Нѣмецкое чиновничество и реакція.—Критскій вопросъ.—Испанскія дѣла.—Шведская забастовка (стр. 387).—Октябрь.—Спорные внутренніе вопросы въ Англіи.—Либеральная партія и соціализмъ.—Партійный съѣздъ германской соціалъ-демократіи.—Прусскіе порядки и дѣло Шюкинга.—Политическій кризисъ въ Австро-Венгріи (стр. 828).—Ноябрь. — Русскій визитъ въ Италію.—Тройственный союзъ и сближеніе Италіи съ Россіею.—Свиданіе монарховъ въ Раккониджи. — Оффиціальные тосты и ихъ значеніе. — Процессъ Феррера. — Паденіе реакціоннаго министерства въ Испаніи.—Ростъ оппозиціи въ Германіи.—Князь Ито † (стр. 402). — Декабрь. — Особенности нашей внѣшней политики. — Секретные русско-австрійскіе акты и переговоры по балканскимъ дѣламъ. — Задачи русской дипломатіи и ея отвѣтственность передъ страною.—Политическій кризисъ въ Англіи.—Избирательная реформа во Франціи.—Процессъ Стенэль (стр. 856).

III. Литературное Обозрѣніе. — Январь, стр. 371: — I. I. М. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Т. 2-й: Девятнадцатый вѣкъ.—II. А. А. Николаевъ. Теорія и практика коопераціи.—М. Слобожанинъ. Смотръ кооперативнымъ силамъ. — III. А. И. Чупровъ. По поводу указа 9 ноября 1906 г.—**В. В.**—IV. Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1906 г.—**Д. Р.** — V. Проф. Стороженко. Очеркъ исторіи западно-европейской литературы.—**Л. Ш.**—Новыя книги и брошюры.—Февраль, стр. 848: — I. Д. Г. Коноваловъ. Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Ч. I, вып. I.—**А. Л. Погодина.**—II. Аграрное движеніе въ Россіи въ 1905—06 гг. Обзоры по районамъ: Б. Б. Веселовскаго, В. С. Голубева, В. Г. Громана, А. Е. Лосицкаго, П. П. Маслова, С. Н. Прокоповича, Д. И. Рихтера, А. М. Рыкачева, И. В. Чернышева. Ч. 1 и 2.—**В. В.**—III. А. В. Пѣшехоновъ. Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землей.—**М. И. Фридмана.**—IV. Проф. Э. Д. Гриммъ. Революція 1848 года во Франціи. Ч. I.—Подготовка революціи 1848 года во Франціи. Часть II.—Февральская революція. Изд. Брокгауза-Ефрона. — **И. Бороздина.** — V. В. Герье. „Францискъ, апостолъ нищеты и любви".—**Л. Карсавина.**—Новыя книги и брошюры.—Мартъ, стр. 364:— I. В. Бузескулъ, „Исторія аѳинской демократіи". — **И. Бороздина.** — II. „Мирабо", очеркъ изъ исторіи французской революціи, проф. Э. Д. Гримма.—**А. Долматовскаго.** — III. Б. Воробьевъ, „Земельный вопросъ у казаковъ".—IV. Дарственное надѣльное землевладѣніе у кре-

стьянъ (по обслѣдованію 1907 г.—**В. В.**—V. Веніаминъ Тэкеръ. „Вмѣсто книги". Перев. и ред. Симановскаго.—**М. Б—въ.**—VI. В. Чарнолускій, „Основные вопросы организаціи школы въ Россіи".—**Ю. Лавриновича.**—Новыя книги и брошюры.—Апрѣль, стр. 793: —I. А. И. Чупровъ „Рѣчи и статьи".—**А. Посникова.**—II. Р. М. Бланкъ. Роль еврейскаго населенія въ экономической жизни Россіи.—III. Проф. Вс. Удинцевъ. Русское горноземельное право.—**В. В.**—IV. Russland im XX Jahrhundert, v. Dr. M. L. Schlesinger.—V. Sociologie de l'action, par E. de Roberty.—**Л. С.**—Новыя книги и брошюры.—Май, стр. 343: —I. „Литературный распадъ". Критическій сборникъ. Кн. 1-я и 2-я.—**Л. З. Слонимскаго.**—II. „Герценъ-писатель", Алексѣя Веселовскаго.—**С. К.-Д.**—III. Ник. Сухановъ. Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры.—Іюнь, стр. 861: —I. Минскій, Н. На общественныя темы.—II. Покровскій, Н. Назрѣвшіе вопросы русской жизни. 1) Гдѣ настоящее освободительное движеніе? 2) Политическія убійства и смертная казнь.—**Л. З. Слонимскаго.**—III. А. И. Чупровъ. Рѣчи и статьи.—**А. Посникова.**—IV. Иванъ Рукавишниковъ. „Молодая Украина".—**М. Славинскаго.**—Новыя книги и брошюры.—Іюль, стр. 417:—I. Валерій Брюсовъ, „Огненный Ангелъ", повѣсть XVI в.—**С. К.-Д.**—II. Турецкій сборникъ. Къ событіямъ на ближнемъ Востокѣ. Подъ ред. I. М. Бикермана.—**Л. С.**—III. А. Х. Гольмстенъ, „Опытъ методики законовѣдѣнія, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ".—**Н. А. Гредескула.**—IV. В. И. Синайскій, Очерки изъ исторіи землевладѣнія и права въ древнемъ Римѣ.—**И. Бороздина.**—V. А. Котельниковъ, Исторія производства и разработки всеобщей переписи населенія 28 января 1897 г.—VI. Прив.-доц. К. Г. Воблый, Очерки по исторіи польской фабричной промышленности.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры.—Августъ, стр. 852: —I. Г. Г. Швиттау, Профессіи и занятія населенія.—II. Прив.-доц. Ал. Билимовичъ, „Германское землеустроительное законодательство". Т. I. Раздѣлъ общинныхъ земель.—**В. В.**—III. Выборы по г. Москвѣ въ Государственную Думу третьяго призыва. Приложеніе къ „Извѣстіямъ Московск. Гор. Думы".—**Вас. Голубева.**—IV. В. Чарнолускій, Основные вопросы организаціи внѣшкольнаго образованія въ Россіи.—**Ю. Лавриновича.**—V. Студенчество въ цифрахъ. Подъ ред. и съ предисловіемъ проф. В. В. Святловскаго.—**Ю. Л.**—VI. Елена Ланге, Женскій вопросъ въ его современной обстановкѣ. Пер. подъ ред. и съ пред. Ю. И. Айхенвальда.—**С. К.-Д.**—VII. Frauenbewegung und Sexualethik. Beiträge zur modernen Ehekritik; Grete Meisel-Hess, Die sexuelle Krise. Eine socialpsychologische Untersuchung.—**S.**—Новыя книги и брошюры.—Сентябрь, стр. 404: —I. Эразмъ Пильцъ. „Русская политика въ Польшѣ".—**Л. П.**—II. Е. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Историческіе очерки. Часть первая.—**И. Бороздина.**—III. Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1907 г. Изд. м-ва торговли и промышленности.—**В. Голубева.**—А. Савицкій и В. Шеръ. Очеркъ положенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ.—С. Н. Прокоповичъ. Бюджеты петербургскихъ рабочихъ.—V. Л. Ѳ. Тиграновъ. Изъ общественно-экономическихъ отношеній въ Персіи.—VI. Б. П. Кадомцевъ. Профессіональный и соціальный составъ населенія Европейской Россіи по даннымъ переписи 1897 г.—**В. В.**—VII. А. А. Зубрилинъ. „Улучшеніе крестьянскаго хозяйства". Вып. I. Современныя условія крестьянскаго хозяйства и травосѣяніе.—**Сем. Маслова.**—Новыя книги и брошюры.—Октябрь, стр. 863: —I. М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи.—II. Приамурье. Факты, цифры и наблюденія. Приложеніе къ отчету общеземской организаціи за 1908 г.—III. Н. И. Кохановскій. Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ.—**Л. Слонимскаго.**—IV. Проф. А. Яроцкій. Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ.—V. А. Н. Анцыферовъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи.—Е. С. Каратыгинъ. Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры.—Ноябрь, стр. 415: —I. Письма Вл. С. Соловьева, т. II.—**К. А.**—II. Проф. А. Л. Погодинъ. Исторія Сербіи.—III. Михайло Грушевський. Історія України—Руси.—**М. Славинскаго.**—IV. Н. Карѣевъ. Исторія З. Европы, т. VI.—**И. Бороздина.**—V. Х. М. Лебедь-Юрчикъ, Сахарная промышленность въ Россіи.—VI. Юрій Ларинъ. Рабочіе нефтяного дѣла.—Забастовки бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ въ 1908 г.—**В. В.**—VII. Friedrich Dukmeyer. Korb's Diarium itineris in Moscoviam und Quellen die es ergänzen.—**Н. Карѣева.**—Новыя книги и брошюры.—Декабрь, стр. 870:—I. Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. I. Т. II, ч. 1-я.—**Л. Слонимскаго.**—II. М. Горькій и В. Мейеръ. Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи 15 (28) декабря 1908 г.—**М. Сла-**

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь—Декабрь, 1909.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь. стр.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(Западная Европа и внѣевропейскія государства)

Подъ редакціей профессоровъ ЛАВИССА и РАМБО, переводъ съ французскаго, съ дополнительными статьями профессоровъ П. Г. ВИНОГРАДОВА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ЭПОХА НАПОЛЕОНА 1 (1800 — 1815). Томъ I.—Итоги соціальнаго и политическаго развитія Западной Европы въ XVIII вѣкѣ. А. К. Дживелегова. I. Консульство: внутрен. исторія. Проф. А. Олара. II. Консульство: дипломатія и войны. А. Васта. III. Имперія. 3-ья и 4-ая коалиціи. А. Васта. IV. Франко-рус. союзъ. Проф. Гр. А. Вандаля. V. 5-ая коалиція. Война съ Австріей. А. Васта. VI. Испанія и Португалія. Проф. Дел. дю-Дезеръ. VII. Граждан. учрежденія Имперіи. Проф. Э. Шенона. VIII. Церковь и культы въ періодъ Консульства и Имперіи. Э. Шенона. IX. Франц. литература Проф. Э. Фаге. X. Искус. въ Европѣ. А. Мишеля и А. Лавуа. XI. Состояніе наукъ въ Европѣ. Проф. П. Таннери. XII. Италія. Проф. А. Пенго. XIII. Швейцарія. Проф. Фр. де-Крю. XIV. Голландія. Проф. А. Ваддингтона. **Томъ II.**—I. Наполеоновская Германія. Рейнскій союзъ. Проф. Э. Дени. II. Польша и великое герцог. Варшавское. Проф. Л. Леже. III. Англія. Проф. Э. Сейу. IV. Анти-наполеоновская Германія. Австрія и Пруссія. Э. Дени. V. Венгрія. Э. Сейу. VI. Юго-восточ. Европа. Турція и христіан. народы. Проф. А. Рамбо. VII. Скандинав. государства. Проф. Хр. Шеффера. VIII. Походъ въ Россію. Гибель Великой арміи. А. Рамбо. IX. Нѣмец. камп. Конецъ Рейнской конфедер. А. Васта. X. Француз. камп. и пад. Имперіи. Акад. Гуссэ. XI. Первая реставр. и возвращ. съ Эльбы. А. Гуссэ. XII. Сто дней. Послѣдняя борьба. Ватерлоо. А. Васта. XIII. Америка. Соед. Штаты. Европ. колоніи. Проф. А. Муаро. XIV. Азія. Индостанъ, Персія, Афганистанъ. А. Рамбо. XV. Робертъ Оуэнъ. **ЭПОХА РЕАКЦІИ (1815—1847). Томъ III.**—I. Вѣнскій конгрессъ. Проф. А. Сореля. II. Священ союзъ и конгрессы. Проф. А. Мале. III. Франція. Вторая Реставр. А. Мале. IV. Юго-восточ. Европа. А. Дебидура. V. Испанія и Португалія. Дед. дю-Дезера. VI. Революція 1830 г. во Франціи. А. Мале. VII. Царство Польское. Возстаніе. А. Рамбо. VIII. Бельг. возстаніе. Королев. Белгія. А. Ваддингтона. IX. Франція. Іюльская монархія. А. Мале. X. Граждан. и воеп. учрежд. Франціи. Э. Шенона. XI. Франц. литерат. Э. Фагэ. XII. Италія. А. Пенго. **Томъ IV.**—I. Англія. Э. Сейу. II. Швейцарія. Фр. де-Крю. III. Германія. Э. Дени и Э. Сейу. IV. Скандинав. государ. Хр. Шеффера. V. Развитіе искус. въ Европѣ. А. Мишеля и А. Лавуа. VI. Развитіе наукъ въ Европѣ. П. Таннери. VII. Церковь и культы. Э. Шенона. VIII. Соед. Штаты. А. Муаро. IX. Латинская Америка. А. Дебидура. X. Алжиръ и француз. колоніи. А. Рамбо. XI, Колоніи и вассал. земли Англіи. Проф. А. Метена. XII. Восточ. вопросъ. А. Дебидура. XIII. Индостанъ, Иранъ и Сред. Азія. А. Метена. XIV. Дал. Вост.: Китай, Аннамъ, Малайскій полуостр., Нидерланд. Индія, Корея отъ начала XIX вѣка до 1850. А. Кордье. XV. Чартизмъ. **ЭПОХА РЕВОЛЮЦІЙ И НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ВОЙНЪ (1848 —1870). Томъ V.**—I. Револ. 1848 г. и реакція во Франціи. Проф. Ш. Сеньобоса. II. Револ. и реак. въ Италіи. А. Пенго. III. Революція и реакція въ Германіи. Проф. Э. Дени. IV. Револ. и реак. въ Австріи и Венгріи. Проф. Л. Эйзенмана. V. Царствованіе Наполеона III. А. Дебидура. VI. Крым. камп. и Оттоман. импер. — Христіан. народ. Балкан. полуостр. А. Мале. VII. Объедин. Италіи. А. Дебидура. VIII. Объедин. Германіи. Э. Дени. IX. Испанія и Португалія. Дед. дю-Дезера. X. Англія. Э. Сейу. XI. Нидерланды и Бельгія. А. Метена. XII. Скандинав. страны и герцог. Хр. Шеффера. XIII. Очеркъ исторіи развитія соціологическихъ ученій. Проф. М. М. Ковалевскаго. **Томъ VI** — I. Дуализмъ въ Австро-Венгріи. Л. Эйзенмана. II. Мусульман. міръ. Л. Каэна. III. Француз. импер. колоніи. Проф. М. Валя, IV. Англ. колон. имперія. А. Метена. V. Сѣв.-Ам. Соед. Штаты. — Раздѣл. и переустр. А. Муаро. VI. Латинская Америка. Проф. А. Мильо. VII. Дал. Востокъ. А. Кордье. VIII. Франко-прус. война. Проф. А. Шюке. IX. Литерат. во Франціи. Э. Фагэ X. Развитіе искус. въ Европѣ. А. Мишеля и Р. Роллана. XI. Разв. наукъ въ Евр. П. Таннери. XII. Церковь и культы. Э. Шенона. XIII. 48-ой годъ. во Франціи. Программа Луи Блана „Организація труда". **СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ (1870—1900). Томъ VII.**—I. Третья республ. Ш. Сеньобоса. II. Соедин. королев. Великобр. и Ирландія. А. Метена. III. Колоніи и вассал. земли Соед. королев. А. Метена. IV. Австро-Венгрія. Л. Эйзенмана. V. Швейцарія. Фр. де-Крю. VI. Королев. Белгія и Нидерланды—Велик. герц. Люксембургъ. А. Метена. VII. Скандинав. государ. Хр. Шеффера. VIII. Италія: А. Пенго. IX. Испанія и Португалія. Дед. дю-Дезера. X. Германія. Э. Дени. XI. Европ. полит. до Берлин. тракт. А. Мале. XII. Христіан. госуд. Балкан. полуостр. А. Мале. XIII. Турція и Египетъ. Л. Каэна и А. Метена. XIV. Европ. политика послѣ Берлин. трактата. Л. Фаржа. XV. Основныя черты исторіи развитія біологіи въ XIX столѣтіи. Проф. К. А. Тимирязева. **Томъ VIII.** — I. Церковь и некатолическіе культы. Э. Шенона. II. Современ. наука. П. Таннери. III. Искус. въ Европѣ. А. Мишеля и Р. Роллана. IV. Литерат. во Франц. Э. Фагэ. V. Соед. Штаты. А. Муаро. VI. Латинская Америка. А. Мильо. VII. Француз. колоніи. А. Рамбо. VIII. Дал. Востокъ. А. Кордье. IX. Раздѣлъ Африки. Р. де-Ке де-Сентъ Эймура. X. Территоріальныя соглаш. Л. Фаржа. XI. Итоги XIX вѣка. Проф. П. Г. Виноградова. XII. Программы соціалист. партій Зап. Европы. Исторія **XIX-го вѣка** составляетъ 8 томовъ, 2.675 стран. бол. формата. 149 художественно исполненныхъ черныхъ и цвѣтныхъ снимковъ съ портретовъ выдающихся дѣятелей XIX вѣка и съ картинъ истор. содержанія. Изданіе закончено.

ЦѢНА изданія безъ переплета 24 руб., въ изящномъ переплетѣ (коленкоровомъ съ широкимъ кожанымъ корешкомъ) — 29 руб.; за пересылку — по дѣйствительной стоимости. По соглашенію съ конторой, допускается широкая разсрочка. **Подробные проспекты и каталогъ** всѣхъ изданій Т-ва высылается по требованію безплатно. Главная контора изданій Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°", Москва, Больш. Никитская, д. № 5. **Отдѣленіе въ С.-Петербургѣ**—Загородный пр., 14.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Максимъ Ковалевскій. Соціологія. Томъ I. Спб., 1910. Ц. 1 руб. 50 коп.

Первый томъ сочиненія М. М. Ковалевскаго посвященъ отношенію соціологіи къ конкретнымъ наукамъ объ обществѣ и исторіи развитія соціологіи; предметомъ второго будетъ генетическая соціологія, которую, по словамъ автора, можно было бы назвать эмбріологіей и палеонтологіей общества. Оба тома представляютъ собою обработку курсовъ, прочитанныхъ М. М. Ковалевскимъ въ психо-неврологическомъ институтѣ. Въ предисловіи къ первому тому авторъ указываетъ на видное мѣсто, занимаемое соціологіею на Западѣ. Еще недавно едва считавшаяся наукой, она все больше и больше входитъ въ кругъ университетскаго преподаванія; соціологическая литература растетъ чрезвычайно быстро. „Соціологическая мысль—читаемъ мы въ предисловіи—давно проникла въ среду русскихъ историковъ, экономистовъ и публицистовъ; съ именами Стронина [1]) и Лаврова, Лиліенфельда, Н. Михайловскаго, Карѣева, Южакова (и де-Роберти, о которомъ авторъ говоритъ ниже) неразрывно связано представленіе о піонерахъ въ этой области человѣческаго знанія въ Россіи". Нужно надѣяться, что русскіе университеты, въ виду всего сдѣланнаго уже у насъ на этой почвѣ, не замедлятъ послѣдовать примѣру психо-неврологическаго института и введутъ соціологію въ кругъ предметовъ, преподаваемыхъ въ нашей высшей школѣ.

Діонео. Рефлексы дѣйствительности. Литературныя характеристики. Москва, 1910. Ц. 1 руб. 75 коп.

Соединительною нитью между статьями, вошедшими въ составъ этого сборника, служитъ оригинальная мысль, выраженная въ предисловіи автора. Въ настроеніи обществъ, переживающихъ періодъ реакціи, политической или соціальной, замѣчаются черты, повторяющіяся, съ довольно большимъ постоянствомъ, независимо отъ времени и мѣста. Эти черты—вопли о банкротствѣ науки, мистицизмъ, ужасъ передъ жизнью и передъ смертью, эротизмъ—авторъ видитъ и въ Англіи временъ Карла II-го, и во Франціи временъ реставраціи, и въ Германіи 20-хъ и 30-хъ годовъ, и въ Италіи въ эпоху возстановленія австрійскаго владычества, и, наконецъ, въ современной Россіи. Подробно онъ изучаетъ ихъ на примѣрѣ литературы, созданной англійскими средними классами послѣ того общественнаго подъема, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго былъ 1867-ой годъ. Авторъ останавливается не столько на произведеніяхъ этой литературы, сколько на вызванныхъ ею протестахъ, на „крестовомъ походѣ" противъ воплотившагося въ ней „сытаго благополучія". Его этюды посвящены, главнымъ образомъ, Томсону, Оскару Уайльду и Бернарду Шоу. Какъ врагъ „коллективной посредственности", столь сильной въ Англіи, интересуетъ автора и Уоллесъ. Въ другой странѣ боролся съ нею Вамбери, автобіографію котораго г. Діонео называетъ „Записками паріи". Въ сторонѣ отъ главной темы стоятъ только два послѣдніе этюда: „Пресса молодыхъ демократій" и „Pageant въ С. Ольбансѣ".

[1]) Въ книгѣ М. М. Ковалевскаго осталась неисправленною опечатка: вмѣсто *Стронина* названъ *Строевъ*.

М. Гершензонъ. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). Москва, 1910. Ц. 1 руб. 25 коп.

Напечатанные въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, а отчасти появляющіеся въ свѣтъ впервые, всѣ отдѣлы этой книги представляютъ собою развитіе одной общей мысли, извѣстной, въ главныхъ чертахъ, по участію автора въ „Вѣхахъ". Эта мысль выражена съ особенною ясностью на послѣдней страницѣ книги. „Невѣрной гипотезѣ", служащей основаніемъ „всего міровоззрѣнія интеллигенціи", авторъ противопоставляетъ другую, „несравненно болѣе соотвѣтствующую дѣйствительности" — гипотезу, на которой основаны ученія Кирѣевскаго — „о личности, Самарина — о природѣ сознанія, Гоголя — о жизненномъ дѣлѣ". „Не измѣненіемъ общественныхъ формъ" — таковъ заключительный выводъ автора—„можно поднять жизнь на высшую ступень, а единственно правильнымъ устроеніемъ каждаго отдѣльнаго духа". Нѣкоторымъ смягченіемъ этого вывода служитъ слѣдующее за нимъ признаніе, что въ устроеніи духа „немаловажную роль играетъ созданіе разумныхъ общественныхъ формъ". Какъ бы ни относиться къ руководящей мысли „Историческихъ записокъ", въ талантливости и занимательности имъ отказать нельзя.

Э. Гриммъ. Политическія воззрѣнія Ипполита Тэна. Спб. и Москва. Ц. 60 коп.

Со времени смерти Тэна прошло болѣе шестнадцати лѣтъ, но интересъ къ его личности и къ его произведеніямъ во Франціи очень еще великъ. О немъ пишутся цѣлые трактаты (Жиро, Олара), ему отводятъ видное мѣсто Фагэ — въ сочиненіи о французскихъ политикахъ и моралистахъ XIX-го вѣка, Моно—въ книгѣ о „мастерахъ исторіи". Много свѣта на то, чѣмъ былъ и что сдѣлалъ Тэнъ, проливаетъ вышедшій недавно сборникъ его замѣтокъ и его писемъ („Taine, sa vie et sa correspondance"). У насъ, въ послѣднее время, о немъ пишутъ и говорятъ сравнительно мало. Весьма кстати, поэтому, является небольшая книга проф. Гримма. Она посвящена только одной сторонѣ сложной фигуры, но сторонѣ особенно выдающейся и важной: у насъ, какъ и во Франціи, видятъ въ Тэнѣ не столько философа, критика, эссеиста и историка литературы, сколько автора оригинальнаго изслѣдованія о французской революціи, въ которомъ проведенъ цѣлый политическій символъ вѣры. Подробно разобравъ связь политическихъ взглядовъ Тэна съ его общимъ міровоззрѣніемъ, съ особенностями его психической организаціи и съ методомъ его работы, проф. Гриммъ приходитъ къ заключенію, что эти взгляды составляютъ шагъ назадъ по сравненію со взглядами Токвиля. Вмѣсто того, чтобы продолжать начатую послѣднимъ разработку идей либеральной демократіи, Тэнъ явился „теоретикомъ отжившихъ идей доктринерскаго либерализма двадцатыхъ годовъ".

